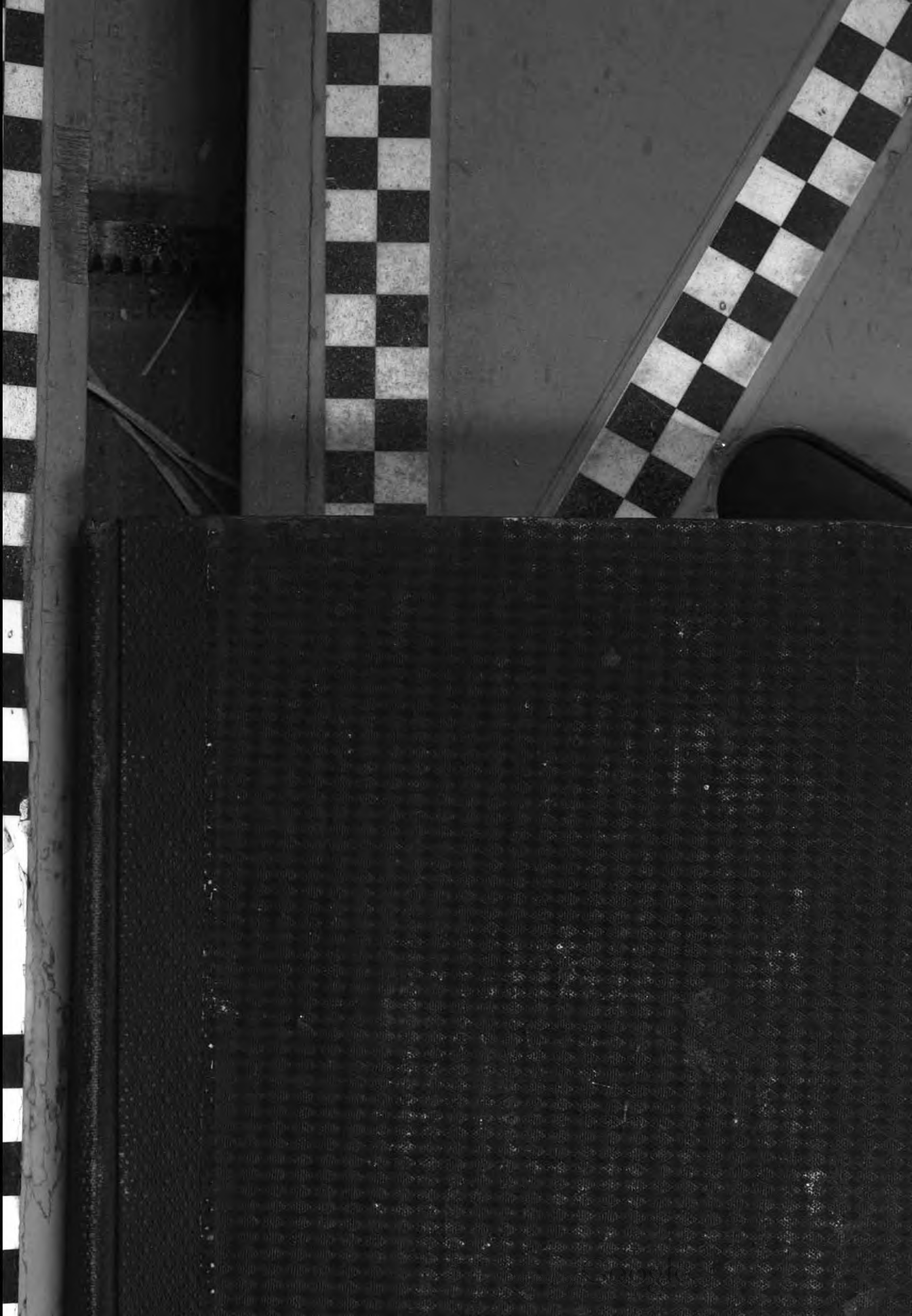



CORNELL UNIVERSITY
FOUNDED BY EZRA CORNELL


CORNELL UNIVERSITY LIBRARY
3 1924 106 822 731

# СѢВЕРНЫЙ ВѢСТНИКЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНО-НАУЧНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ.

Сентябрь № 9.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. Меркушева (бывш. Н. Лебедева), Невскій просп., 8.
1896.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 30 августа 1896 года.

Контора «Сѣвернаго Вѣстника» покорнѣйше проситъ гг. подписчиковъ въ разсрочку поспѣшить уплатою за четвертую четверть (Октябрь—Декабрь).

# СОДЕРЖАНІЕ.

## № 9 „Сѣвернаго Вѣстника“ 1896 г.

СТРАН.

## ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

## ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.







# Къ звѣздамъ.

Разсказъ.

---

## I.

Сережа чувствовалъ себя обиженнымъ. Это, какъ всегда, заставляло его какъ-то некрасиво сжиматься въ своемъ костюмѣ небольшого мальчика,—коротенькомъ и узкомъ костюмѣ, котораго Сережа не любилъ и не умѣлъ носить: онъ былъ неловокъ и мѣшкотенъ въ движеніяхъ. Сердце его досадливо и томительно билось, и онъ глядѣлъ злыми черными глазами, черезъ куртину пестрыхъ и пахучихъ цвѣтовъ, на изгородь дачи, гдѣ они,—Сережа, мама и папа,—жили. У воротъ стояла коляска. Мама собиралась уѣзжать и весело бесѣдовала съ чужими мужчинами, которые всѣ были длинные и развязные, и всѣ по-шутовски, казалось Сережѣ, одѣтые. И отецъ былъ съ ними...

Мама сказала сейчасъ Сережѣ, цѣлуя его на прощанье:

— Ахъ, милый мой голубокъ, ты мнѣ что-то хочешь разсказать? Вотъ подожди, я скоро пріѣду, мы поговоримъ тогда вволю, и о звѣздочкахъ.

Сережа слышалъ неискреннія ноты въ маминомъ голосѣ, и уже зналъ, что это только такъ говорится. Мама была такая нарядная, отъ нея сладко пахло духами, и это досаждало Сережѣ.

— Онъ у меня такой фантазеръ,—сказала мама.—Представьте, онъ мнѣ вчера лепеталъ что-то о звѣздочкахъ, вы понимаете, что-то дѣтское, наивное, но, право, поэтическое. Онъ у меня будетъ художникъ, не правда-ли?

Гости смѣялись, и папа смѣялся, не выпуская изо рта сигары, которая отъ его смѣха качалась у него во рту. Потомъ всѣ ушли, а Сережа остался. И вотъ онъ стоялъ одинъ среди сада и сердито смотрѣлъ туда, гдѣ мама.

Когда мама уѣхала, блѣдное, но полное лицо Сережи изъ злого сдѣлалось тоскливымъ, и онъ повернулся къ дому. Деревянный домъ, съ мезониномъ, былъ такъ красивъ, и такъ ярки и пахучи были цвѣты въ окнахъ и на балконѣ, и такъ зелены были ползучіе стебли, обвивавшіе столбы балкона, что Сережѣ стало жутко, — онъ почувствовалъ себя чужимъ здѣсь,—и это все нарядное было ему темно и странно. Ему не захотѣлось входить въ комнаты, гдѣ онъ будетъ, предчувствовалъ онъ, тосковать среди удобной и дорогой мебели, среди красивой и неизбѣжной обстановки, гдѣ все прилично и надоѣдливо.

Грустно наклоняя мало загорѣвшее, некрасивое лицо, побрелъ онъ тихонько въ глубь сада. Тамъ, прилегши грудью на заборъ, долго смотрѣлъ онъ на возню двухъ босоногихъ мальчишекъ, игравшихъ на дворѣ. Они были одного возраста съ Сережей, но онъ не могъ играть съ ними: это—неприлично и запрещено. Ему было жаль, что онъ не можетъ итти къ этимъ веселымъ мальчишкамъ. Онъ съ любопытствомъ наблюдалъ, какъ они поочередно догоняли одинъ другого, играя въ пятнашки. Бѣготня была удовольствіемъ, запрещеннымъ Сережѣ: у него сердце начинало отъ бѣготни сильно колотиться, и онъ останавливался, задыхаясь. Но теперь, когда бѣгали другіе, онъ жадно слѣдилъ за ними и смѣялся отъ радости, наводимой на него ихъ бѣганьемъ и криками,—и сердце его порою такъ трепетало, какъ будто онъ самъ бѣгалъ съ мальчиками. Впрочемъ, онъ старался сдерживать свой смѣхъ: ему стало-бы стыдно, если-бы увидѣли, что онъ съ такимъ интересомъ наблюдаетъ игру уличныхъ ребятишекъ.

Мальчики пріостановили свою игру и, стоя среди двора, звонко и крикливо совѣщались, словно переругивались. Сережа все смотрѣлъ на нихъ,—ему было странно, что они такіе растрепанные и босые, и что отъ этого имъ ничуть не становится неловко. Они опять забѣгали, но Сережины мысли разбрелись...

Крикъ на дворѣ заставилъ его вздрогнуть. Кухарка Настасья, неистово крича, колотила одного изъ игравшихъ мальчишекъ, своего сына, а онъ отчаянно выль. Сережа взвизгнулъ отъ страха и отъ чужой боли, которую онъ вдругъ почувствовалъ въ себѣ, и убѣжалъ...

Ни мама, ни папа не вернулись и вечеромъ. Сережа оставался почти все время одинъ, потому что гувернеръ его, бѣлобрысый студентъ, съ добродушной лѣнцой, ухаживалъ сегодня за франтоватой горничной Варварой, которую Сережа не любилъ за то, что она угодливо смотрѣла въ глаза барынѣ и цѣловала ея руки.

Когда совсѣмъ свечерѣло, Сережа потихоньку вышелъ изъ дому и ушелъ въ одну изъ дальнихъ дорожекъ сада. Тамъ улегся онъ на скамейку, заложилъ руки подъ голову и принялся смотрѣть на небо.



Оно словно таяло слой за слоемъ и постепенно обнажало спрятанныя за нимъ звѣзды и темно-голубую зазвѣздную бездну.

Сырость и прохлада іюльскаго вечера охватывали мальчика. Если-бы старшіе увидѣли его въ саду, его прогнали-бы въ комнаты. Онъ самъ зналъ, что ему вредно лежать здѣсь, подъ сырыми вѣтками сирени,—онъ такой изнѣженный и нервный,—но онъ нарочно оставался и сердито припоминалъ, какъ пренебрежительно обошлась съ нимъ мама, и какъ посмѣивались гости, глядя на его маленькую фигурку. Ему припомнилось еще, какъ однажды тетя Катя назвала его миніатюрнымъ, и это слово теперь досадовало его.

«Развѣ такія миніатюры бываютъ?» сердито думалъ онъ. «И зачѣмъ всѣ старшіе всегда скалятъ зубы и стараются говорить смѣшное и веселое? Смѣяться отъ радости—это можно, но они смѣются отъ злости. И отъ зависти, что я маленькій, а они скоро умрутъ».

Онъ думалъ, что если-бы онъ былъ сильный, то онъ заставилъ-бы тетю Катю стать на колѣни передъ нимъ и просить прощенія. Но чтобы никого при этомъ не было, — чтобы некому было смѣяться. И онъ взялъ-бы тетю Катю за ухо и сказалъ-бы ей:

— Смотри, другой разъ хуже достанется.

И она ушла-бы, смирная и безъ смѣха. А съ тѣми, долговязыми мужчинами, что сдѣлалъ-бы онъ? Ничего, прогнать ихъ, и только. Только-бы ни они сами, ни воспоминаніе объ ихъ глупомъ смѣхѣ не мѣшали ему смотрѣть на звѣзды, которыя, какъ и Сережа, имъ не нужны.

Звѣзды, далекія и мирныя, смотрѣли ему прямо въ глаза. Онѣ мигали и казались робкими. Сережа былъ тоже робкій, но теперь онъ чувствовалъ, что ему и звѣздамъ хорошо. Онъ вспомнилъ, что его студентъ говорилъ ему, будто-бы звѣзды каждая, какъ солнце, и со своею землею. Но онъ не могъ повѣрить, что тамъ такъ-же, какъ и здѣсь. Онъ думалъ, что тамъ лучше. Ему было жаль, что нельзя попасть туда,—земля большая, она притягиваетъ. Если-бы она не притягивала, то можно было-бы улетѣть туда, къ звѣздамъ, и узнать, что тамъ дѣлается, живутъ-ли тамъ ангелы съ бѣлыми крыльями и въ золотыхъ рубашкахъ, или такіе-же люди...

Отчего звѣзды такъ внимательно смотрятъ на землю? Можетъ быть, онѣ и сами живыя, и думаютъ?

Сережа долго смотрѣлъ на звѣзды и забывалъ свою досаду и свою злость. Кротко и ясно становилось въ его душѣ. Его лицо съ пухлыми, но блѣдными губами казалось невозмутимо-покойнымъ.

Звѣзды все яснѣе и ласковѣе горѣли надъ Сережею. Онѣ не затмевали одна другой,—ихъ свѣтъ былъ безъ зависти и безъ смѣха. Онѣ съ каждой минутой словно приближались къ мальчику. Радостно

и легко сдѣлалось ему, и казалось, что онъ плыветъ на скамейкѣ, покачиваясь въ воздухѣ. Звѣзды приникли къ нему. Все вокругъ чутко и ожидательно замолчало, и ночь сдѣлалась гуще и таинственнѣе. Какъбы сливаясь со звѣздами, онъ забылъ про себя самого и потерялъ всѣ ощущенія своего тѣла...

Вдругъ визгливые звуки гармоники долетѣли откуда-то издали, и пробудили Сережу изъ его самозабвенія. Сережа удивился чему-то,— быть можетъ, этому минувшему самозабвенію,—и потомъ досадно стало ему на разбудившую его гармонику, гнусные звуки которой прыгали и кобянились надъ мальчикомъ. Эти звуки, нахальные, скрипучіе, неотвязчивые, напомнили ему все, что бываетъ днемъ,—гостей, студента, Варвару, мальчишку, котораго била мать и который неистово кричалъ,— и отъ этого послѣдняго воспоминанія Сережа вдругъ задрожалъ, и сердце его больно забилось. Тоска охватила его, и великое нежеланіе быть здѣсь, на этой землѣ.

— А что, если меня земля не притягиваетъ!—вдругъ подумалъ онъ.—Можетъ быть, я могу, если захочу, отдѣлиться и улетѣть? Меня звѣзды притягиваютъ, а не земля. А вдругъ я полечу?

И вотъ показалось ему, что звѣзды тихонько зазвенѣли, и земля подъ нимъ медленно, осторожно стала наклоняться, и заборъ сада потихоньку поползъ внизъ у его ногъ, а скамья подъ нимъ плавно задвигалась, подымая его голову и опуская ноги. Ему стало страшно. Съ крикомъ слабымъ и рѣзкимъ вскочилъ онь со скамьи и бросился бѣжать домой. Ноги его отяжелѣли, сердце больно стучало,—и казалось Сережѣ, что земля съ глухимъ шумомъ колеблется подъ нимъ.

Дрожа, вбѣжалъ онъ въ комнаты. Никто не замѣтилъ его. Какъ всегда, горѣли лампы въ пустыхъ комнатахъ, и голоса людей слышны были близко.

— Чего-же я испугался?—соображалъ Сережа:—вѣдь я лежалъ, вотъ и вышло, что заборъ былъ противъ моихъ ногъ,—а мнѣ показалось, что земля повертывается.

И ему захотѣлось поскорѣе итти къ людямъ, не быть одному. Но когда онъ вошелъ въ ту комнату, изъ которой слышался ему веселый голосъ его гувернера, то замѣтилъ, что помѣшалъ ему бесѣдовать съ Варей. Студентъ быстро повернулся къ мальчику съ принужденнымъ и смущеннымъ видомъ. Его руки были неловко разставлены, потому что онъ сейчасъ только держалъ ихъ на Вариныхъ плечахъ. Варя, которая стояла около стола, словно ей надо было что-нибудь прибрать на немъ, усмѣхалась блудливою улыбкой и смотрѣла на Сережу, какъ на непонимающаго, съ видомъ превосходства. Но Сережа зналъ, что Константину Осиповичу, студенту, нравится Варвара, и что онъ съ нею только такъ занимается шутками, а не женится на ней, потому-что они

не пара. Теперь ему сразу стало непріятно смотрѣть на нихъ. Онъ думалъ, что у нихъ нехорошія лица, и у курносаго и рябого студента, и у краснощекой и чернобровой горничной. Онъ не зналъ, что нехорошаго въ ихъ лицахъ, но они наводили на него досаду и стыдъ.

Онъ отвелъ отъ нихъ глаза и смотрѣлъ на лампу, завѣшенную краснымъ бумажнымъ колпакомъ съ тонкой сквозной оторочкой. Но звѣзды припомнились ему, и тягостно стало смотрѣть на красный свѣтъ лампы. Онъ отошелъ къ окну,—земные огни, мглистые и дымные, отовсюду глянули на него. Недалеко, на одной изъ дачъ, горѣли бумажные фонарики,—должно быть, по случаю какого-нибудь семейнаго праздника. Тоскою повѣяло на Сережу отъ всѣхъ этихъ крикливыхъ и рѣзкихъ огней.

— Что это,—жалобно заговорилъ онъ,—когда-же мама пріѣдетъ?

— Маменька ваша поздно пріѣдутъ,—отвѣтила Варвара сладкимъ голосомъ,—вы ихъ, Сереженька, завтра утромъ увидите, а теперь уже вамъ спать пора.

Сережа посмотрѣлъ на Варвару злыми и холодными глазами, которые странно мерцали на его желтовато-блѣдномъ лицѣ. Его губы повело злою усмѣшкой, и отъ этого щеки его словно припухли внизу. Злость захватила его сердце внятнымъ томленіемъ, похожимъ на томленіе голода.

— Я лягу,—сказалъ онъ слегка вздрагивающимъ голосомъ,—а ты съ нимъ цѣловаться будешь?

Варвара покраснѣла.

— Чтойто, Сереженька, какъ вамъ нестыдно,—неувѣренно сказала она,—вотъ я маменькѣ пожалуюсь.

— Я самъ пожалуюсь,—отвѣтилъ Сережа, и хотѣлъ еще что-то сказать, но не могъ, потому-что томленія злости и тоски до боли сжимали его сердце и горло.

— Вы, Сережа, сократитесь, — посовѣтовалъ студентъ, стараясь прикрыть свое смущеніе авторитетнымъ тономъ и презрительной усмѣшкой,—да отправляйтесь-ка спать.

Сережа посмотрѣлъ на него исподлобья и молча отправился въ свою комнату.

Раздѣваясь, онъ постарался забыть и о студентѣ, и о Варѣ, и о всѣхъ людяхъ,—ему хотѣлось кротко и любовно помечтать о звѣздахъ. Онъ подошелъ къ окну и, слегка отодвинувъ штору, посмотрѣлъ на небо. Оно все искрилось и сверкало. Какъ алмазы, были звѣзды, и блескъ ихъ казался холоднымъ,—какъ-бы прохладное дуновеніе нисходило отъ нихъ.

Согнувшись и припавъ плечомъ къ околоткѣ окна, стоялъ Сережа и грустно думалъ о томъ, что никакъ нельзя допроситься у звѣздъ,

что и какъ тамъ,—и холодные глаза его мерцали на блѣдномъ лицѣ. Но, когда онъ стоялъ такъ и смотрѣлъ на звѣзды, понемногу злость его смирялась, и сердце перестало томиться.

Ночью, міръ таинственный и чудный снился Сережѣ, міръ на ясныхъ звѣздахъ. На деревьяхъ вѣщаго лѣса сидѣли мудрыя птицы и смотрѣли на Сережу,—и подъ вѣтвями деревьевъ медленно проходили мудрые, невиданные на землѣ звѣри. Сережѣ радостно и легко было быть съ ними и съ людьми того міра, которые всѣ были ясные, смотрѣли большими глазами и не смѣялись.

## II.

День былъ жаркій, и Сережѣ было грустно. Онъ не любилъ жара. не любилъ яркаго солнечнаго освѣщенія, и днемъ все чего-то боялся, Весь этотъ жаръ и свѣтъ тяжко ложились на его грудь, и въ ней пробуждалось по временамъ, гдѣ-то около сердца, непріятное томленіе и трепетаніе.

Къ тому-же днемъ грубо приставали къ нему съ наставленіями и занятіями, когда онъ хотѣлъ быть одинъ и думать, или пренебрежительно отталкивали его за недосугомъ, когда ему хотѣлось поговорить о чемъ-нибудь своемъ. Каждый день бывали чужіе люди, все больше мужчины, развязные и шумные. Всѣ они казались Сережѣ темными,—словно пыль отъ ихъ вѣчнаго смѣха налипла на нихъ.

Сережѣ хотѣлось, чтобы опять, поскорѣе, настала ночь: онъ поглядѣлъ-бы, такъ-ли и сегодня мерцаютъ звѣзды, какъ вчера мерцали. Опять было-бы радостно, а днемъ—тоска! Потому-что все чуждо и враждебно. Отецъ—совсѣмъ чужой. Онъ даже не знаетъ, о чемъ говорить съ Сережей: остановится передъ нимъ, погладитъ по головѣ, спроситъ что-нибудь несвязное и ненужное, вродѣ того, что:

— Ну, что, Сережа, какъ?

И уже сейчасъ-же, не дожидаясь, что скажетъ Сережа, начинаетъ говорить съ другими. Мама, такъ та иногда вдругъ возьметъ Сережу за плечи и начнетъ ласкать его и говорить съ нимъ, и тогда она дѣлается такая простая и свѣтлая, что Сережѣ даже не страшно ея наряднаго платья, и онъ довѣрчиво прижимается къ ней. Но это бываетъ рѣдко, совсѣмъ рѣдко, а то обыкновенно и мама бываетъ чужая, любезная съ гостями, нарядная и благоухающая для нихъ, для всѣхъ этихъ длинныхъ и смѣшно по-модному одѣтыхъ мужчинъ, а съ Сережей холодная, пренебрегающая.

«Да, и мама—чужая, — думалъ Сережа, — и все, что днемъ, надоѣдаетъ, а вотъ звѣзды—мои; всѣ онѣ смотрятъ на меня и не отвертываются. Онѣ свѣтлыя. А на землѣ все темное. И мама только из-

рѣдка бываетъ свѣтлою. А можетъ быть, моя душа гдѣ-нибудь тамъ, на звѣздѣ, а я здѣсь только такъ, одинъ, какъ сплю, и потому мнѣ скучно?»

Въ обычное время Сережа отправился купаться со своимъ гувернеромъ, Константиномъ Осиповичемъ. Сережѣ хотѣлось говорить о своихъ мысляхъ, и онъ думалъ, что теперь это удобно, потому-что студенту тоже жарко и, повидимому, непріятно отъ этого; онъ шагалъ лѣниво и не улыбался.

— Солнце темное,—заявилъ для начала Сережа.

Студентъ неопредѣленно хмыкнулъ.

— Правда,—убѣждающимъ голосомъ продолжалъ Сережа.—На него нельзя смотрѣть. А если посмотришь, потомъ темные круги въ глазахъ. И день темный: ничего не видно на небѣ. А ночь свѣтлая. Звѣзды лучше, чѣмъ солнце.

— А вы очень высоко не заноситесь, Сережа,—лѣниво остановилъ его студентъ,—меньше глупостей скажете.

Сережѣ была непріятна грубость студента. Но онъ продолжалъ говорить.

— Вѣдь вотъ всѣ видятъ, что у васъ на плечѣ полотенце.

— Ну?—спросилъ студентъ, и опять Сережѣ не понравился грубый звукъ этого нуканья. Онъ легонько вздохнулъ и сказалъ:

— Значитъ, всѣ знаютъ, что мы—купаться.

— Такъ, — подтвердилъ студентъ тономъ человѣка, слушающаго очевидный вздоръ.—Что-же изъ этого слѣдуетъ?

— А вотъ мы влѣземъ въ купальню. Тамъ тѣсно, а мы тамъ будемъ по-секрету купаться, а выплывать нельзя.

Студентъ вдругъ оскалился и захихикалъ какъ-то совсѣмъ странно. Сережа съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него. У студента было опять нехорошее лицо, такое-же, какъ вчера вечеромъ. Сережѣ стало неловко и досадно, и онъ заговорилъ о другомъ.

— Какія глупыя лошади на землѣ,—сказалъ онъ, глядя на покорную морду мохнатой извозчичьей лошаденки.

Извозчикъ, на припекѣ, дремалъ на козлахъ, дремала и лошадь. Сережѣ вспомнились мудрыя животныя, которыхъ онъ видѣлъ во снѣ, тѣ смотрѣли и знали, а эти...

— Право, глупыя,—повторилъ онъ.

— Чѣмъ онѣ вамъ не угодили?—спросилъ студентъ, все еще хихикая.

— Да какъ-же, сильныя, а глупыя: таскаютъ на себѣ людей.

Студентъ захохоталъ. Сережа вздрогнулъ отъ внезапнаго этого хохота и тоскливо поглядѣлъ кругомъ. И все вездѣ было звонко, тревожно и чуждо: дачи, яркая зелень, яркій песокъ на дорогахъ, яркіе

цвѣты въ садахъ, нарядныя дамы. И рядомъ съ роскошью этой жизни сновали грязные босые мальчишки съ жадными и робкими глазами.

Въ купальнѣ, когда Сережѣ стало свободно и весело отъ холодной воды, ему опять вспомнилось, что люди стыдятся, и что нельзя выплыть на широкій просторъ. И онъ не понималъ, что было въ немъ стыднаго, когда ему здѣсь такъ легко и удобно, въ этой водѣ, которая холодна и спокойна, и держитъ его въ своихъ объятіяхъ. Вотъ тамъ, на землѣ, когда онъ надѣнетъ свой костюмъ, онъ опять станетъ маленькій и смѣшной, а здѣсь онъ простой и ясный. Онъ быстро колотилъ руками и ногами по водѣ, взвизгивая отъ радости и подымая надъ собою облака брызговъ. Буйная веселость охватила его, и въ то-же время нестерпимая злость на то, что тѣсно, и что безпрестанно чувствуются стѣны то подъ руками, то подъ ногами. Онъ стиснулъ зубы, пронзительно завизжалъ и нырнулъ подъ стѣнку купальни,—вода была низкая, и ему не трудно было очутиться на открытомъ мѣстѣ. Было свѣтло, просторно, холодно и весело. Рядомъ стояла другая купальня; изъ нея слышались голоса и вскрикиванія дѣвочекъ. Съ радостнымъ и громкимъ визгомъ Сережа сунулся въ эту купальню.

Увидя у себя мальчика, дѣвочки,—ихъ было человѣкъ пять, и онѣ были однѣ, безъ взрослыхъ,—подняли крикъ и пискъ, и стали нелѣпо барахтаться въ водѣ, отвертываясь отъ Сережи и брызжа въ него водою. Одна изъ нихъ, посмѣлѣе, рослая дѣвочка, всмотрѣлась въ Сережу, крикнула сердито и пренебрежительно:

— Совсѣмъ маленькій мальчикъ!

И поплыла къ нему, очевидно, съ враждебными намѣреніями. Сережа поспѣшилъ спастись въ свою купальню.

Молча слушалъ онъ нотаціи студента и одѣвался, а глаза его были злые и свѣтились по-змѣиному. Грубыя и неуклюжія слова студента шли мимо его, какъ и почти всѣ эти праздныя слова, которыхъ онъ уже такъ много слышалъ. Но онъ думалъ, что студентъ, конечно, насплетничаетъ дома, и опять будутъ бранить и смѣяться, и отъ этого Сережѣ дѣлалось тоскливо. «Каждый день смѣхъ и стыдъ!—думалъ онъ.—И чѣмъ я заслужилъ такую жизнь?»

Дома Сережѣ стали доказывать неприличіе его поступка,—всѣ на него одного: и мама, и тетя Катя, папина сестра, полная дама съ желтымъ и морщинистымъ лицомъ, и кузина Саша, тетина дочка, тонкая барышня съ ровнымъ и тягучимъ голосомъ. Сережа тупо слушалъ слова и не слѣдилъ за ними. Онъ и самъ зналъ, что считается неприличнымъ дѣлать то, что онъ сдѣлалъ, но думать объ этомъ ему было совсѣмъ неинтересно.

Мама вздохнула, полузакрыла свои красивые черные глаза и молвила тихо, ни къ кому особенно не обращаясь:



— Какой-то онъ нынче у насъ непокойный,—и съ чего это онъ, право, я не понимаю.

Тутъ мама посмотрѣла на студента.

— Вы-бы, Константинъ Осипычъ, — начала она, и замялась, не зная, что сказать: построже или помягче; наконецъ она кончила:

— Какъ-нибудь... этакъ,—и сдѣлала при этомъ одинъ изъ тѣхъ изящныхъ жестовъ, которые такъ не нравились Сережѣ.

Константинъ Осиповичъ состроилъ понимающее лицо, и глубокомысленно замѣтилъ:

— Нервозность сильная... вообще... поколѣніе... и конецъ вѣка.

Тетя Катя сказала такимъ кислымъ и усталымъ голосомъ, какъ-будто-бы это она больше всѣхъ была обижена и Сережею, и всѣмъ прочимъ:

— Нынче ужъ и дѣти, вотъ у Нечаевыхъ мальчикъ, но это ужасъ что такое.

Она наклонилась къ мамину уху и зашептала. Сережа угрюмо стоялъ поодаль, ожидая, когда его отпустятъ, и думалъ коротенькими и злыми мыслями. Мама съ удрученнымъ видомъ выслушала секретный разсказъ, опять вздохнула и сказала:

— Да, дѣти... Столько заботъ... Право, ужъ и не знаешь, какъ съ ними быть. Ты, Сережа, голубчикъ, ужъ ты и самъ воздерживайся отъ всякихъ такихъ выходокъ. Пойми, тебѣ самому вредно: тебя бранятъ, а ты волнуешься. А тебѣ вредно волноваться. Да и меня пожалѣй, ты меня совсѣмъ разстраиваешь. И безъ тебя заботъ...

— Вотъ видишь, Сережа, — сказала кузина,—ты огорчаешь свою маму, а это нехорошо.

Сережа поглядѣлъ на ея свѣтлое платье съ буффами, бантами, складками, и подумалъ, что она напрасно вмѣшивается,—вовсе не ея дѣло. Она говорила еще что-то неторопливо и ровно, и тонкія губы ея противно двигались. Тягучіе звуки ея голоса наводили на Сережу тоску и злобу, и сердце его опять замирало и томилось. Наконецъ онъ сказалъ, перебивая кузину на полусловѣ:

— Кузина Надя вышла замужъ, а у тебя и въ этомъ году нѣтъ жениховъ, и не будетъ, потому что ты уксусная.

Мама разсердилась, покраснѣла и сказала:

— Сергѣй, тебя наказать придется.

Кузина сжала свои тонкія губы. Тетя воскликнула:

— Какой ты злой, Сережа!

— Ничего не остается, какъ только наказать,—усталымъ голосомъ повторяла мама.

Сережа угрюмо посмотрѣлъ на нее. Онъ почувствовалъ, что сердце его бьется чаще, а щеки блѣднѣютъ. Онъ думалъ: «Если-бы взрослымъ каждый день грозили наказать. Наказать!»

— А какъ?—спросилъ онъ.

— Что?—съ удивленіемъ переспросила мама.

— Какъ наказать?

— Да ужъ тебя не спросятъ, какъ,—гнѣвливо заговорила мама.—Вотъ позову Варвару, такъ ты и увидишь тогда, какъ.

— Къ Варварѣ на расправу?—спокойно спросилъ опять Сережа.

Мама всплеснула руками и нервно разсмѣялась.

— Вотъ поговорите съ нимъ, — звенящимъ отъ обиды голосомъ сказала она.—Нѣтъ, уведите его, Константинъ Осиповичъ, я не могу. Идіотъ какой-то растетъ.

Сережа засмѣялся такимъ-же взвизгивающимъ смѣхомъ, какъ и мама, и выбѣжалъ изъ комнаты. Красная портьера непріятно задѣла его по коротко-остриженной головѣ шершавою матеріею. Сережа подумалъ вдругъ, что его всегда обижаютъ, и что всякій другой на его мѣстѣ непремѣнно расплакался-бы. Но онъ никогда не плачетъ, и ему теперь даже стало жалко, что онъ не заплакалъ: мама, можетъ быть, стала-бы утѣшать его и приласкала-бы. Горячее желаніе маминыхъ поцѣлуевъ и ласки безнадежно-острою струею пробѣжало въ душѣ мальчика, но онъ быстро подавилъ въ себѣ это желаніе. Губы его капризно сжались, а вздрагивающій подбородокъ прижался къ груди. Бѣгомъ добрался онъ до своей комнаты, повалился ничкомъ на постель, заболталъ въ воздухѣ согнутыми въ колѣняхъ ногами и принялся тихонько взвизгивать странными, некрасивыми звуками. Его злые глаза мерцали и расширялись, и чернота ихъ зрачковъ казалась глубокою отъ сосѣдства съ его лицомъ, блѣднымъ до желтизны и мало загорѣвшимъ.

## III.

Кто-то тронулъ Сережу за плечо. Сережа досадливо взмахнулъ ногами и повернулся на спину. Надъ нимъ стоялъ Константинъ Осиповичъ. Лицо студента, рябое, курносое, обросшее маленькою и мягкою рыжеватою бородкою, было важно, и это не шло къ нему и было смѣшно. Сережа сразу увидѣлъ, что студентъ имѣетъ какое-то дѣло до него, можетъ быть очень скверное, и мальчику стало тоскливо и страшно. Онъ лежалъ неподвижно, съ протянутыми вдоль руками, и плотно, всѣмъ тѣломъ прижимался къ постели. Его черные глаза на блѣдномъ лицѣ сверкали, они были сухи и злы.

Студентъ постоялъ надъ мальчикомъ, нахмурился и сказалъ:

— Во-первыхъ, днемъ нельзя валяться.

Сережа молча сѣлъ на постели, а потомъ и вовсе сталъ на ноги. Онъ не отрываясь смотрѣлъ на студента, снизу въ его лицо, высоко подымая для этого голову, и какъ-то совсѣмъ ничего въ это время не

думалъ. Студентъ еще больше нахмурился, поискалъ словъ и началъ говорить:

— И всячески вы того... сбрендили...

— Сбрендилъ,—согласился Сережа совсѣмъ машинально, и принялся разсматривать руки студента, большія, костлявыя, съ синими толстыми жилами.

— Вы не перебивайте,—сердито сказалъ студентъ. — Вы того... дерзостей тамъ наговорили барышнѣ, и маменькѣ тоже. Такъ оно выходитъ этакъ... неказисто. Совсѣмъ, знаете, это вы неосновательно поступили. Ну-съ, грубіянить, это—не того и совсѣмъ... ну, однимъ словомъ, неказисто.

Студентъ сдѣлалъ энергичный жестъ, словно онъ рукой что-то проталкивалъ быстро и сильно въ узкую щель. Сережѣ было досадно, что онъ такъ долго тянетъ и говоритъ нескладно.

— Просить прощенья надо?—спросилъ Сережа.

— Вотъ оно самое и есть,—обрадовался студентъ. — Вы этого... того... шаркните тамъ, ну и въ ручки.

— Да хоть въ ножки, мнѣ все равно,—угрюмо сказалъ мальчикъ.

— Ну, это, приблизительно, лишнее.

— А пороть не будутъ?—освѣдомился Сережа дѣловымъ тономъ.

Студентъ ухмыльнулся, точно онъ услыхалъ о чемъ-то, очень ему дорогомъ и пріятномъ.

— Не собираются,—отвѣтилъ онъ,—а слѣдовало-бы.

Ему-бы хотѣлось постращать мальчика, но онъ не смѣлъ: черные и злые глаза Сережи наводили на него смущеніе, и всѣ слова и поступки Сережины казались ему неожиданными.

Мальчикъ постоялъ еще немного, подумалъ о чемъ-то смутномъ и постороннемъ, и переваливающеюся походкою пошелъ въ гостиную. Студентъ шелъ за нимъ и думалъ, какъ-бы мальчишка не наговорилъ еще дерзостей. Но все обошлось благополучно.

Когда Сережа вошелъ въ гостиную, то и мама, и тетя, и кузина, всѣ сидѣли и молча глядѣли на него, а отецъ стоялъ у камина, длинный, весь въ сѣромъ, и усмѣхался едва замѣтно, равнодушно и пренебрежительно. Сережа направился къ кузинѣ, остановился передъ нею, шаркнулъ ногой и сказалъ ровнымъ голосомъ, какъ отвѣчаютъ затверженный урокъ:

— Простите меня, кузина, что я сказалъ вамъ дерзость.

При этомъ щеки его нисколько не окрасились. Холодными глазами посмотрѣлъ онъ въ притворно-благосклонное лицо кузины, постоялъ еще немного передъ нею, потомъ подвинулся къ ней поближе, наклонился и поцѣловалъ ея руку такимъ движеніемъ, словно выполнялъ неинте-



ресный ему самому, но уже такъ принятый обрядъ. Кузина кисло улыбнулась.

— Я не сержусь,—сказала она,—а только тебѣ самому нехорошо, если ты пріучишься грубіянить.

Сережа опять шаркнулъ ногой, такъ-же спокойно направился къ матери и продѣлалъ съ ней все то-же, что и съ кузиной. Мама сказала ему недовольнымъ голосомъ:

— Не говорилъ-бы дерзостей, не пришлось-бы и прощенья просить.

Сережа подошелъ къ отцу. Отецъ притворился строгимъ и сердитымъ, но Сережа зналъ, что ему все равно, что онъ—чужой.

— Что, сорванецъ, опять напроказничалъ?—спросилъ отецъ.

Сережа нахмурился, и сообразилъ, что можно и не отвѣчать. Отецъ подумалъ, и не нашелъ сердитыхъ словъ. Это его разсердило, и онъ досадливо засмѣялся.

— Клопъ!—сказалъ онъ, и щипнулъ сына за щеку.—Достукаешься ты до хорошаго угощенія.

— Только, пожалуйста, не сегодня,—серьезно сказалъ Сережа, потирая щеку, на которой показалось красное пятнышко.

— Ну, отправляйся съ себѣ,—хмуро сказалъ отецъ.

Сережа вышелъ, а студента удержали. Изъ этого Сережа понялъ, что будутъ опять говорить о немъ. Онъ отошелъ немного, тихонько воротился, притаился за портьерой, и принялся слушать.

— И замѣтили вы,—говорила мама измученнымъ и неискреннимъ голосомъ,—съ какою злостью онъ просилъ прощенья?

— И въ кого онъ у васъ такой недобрый?—спрашивала кузина.

— Нервы,—сердито проворчалъ отецъ,—мальчишку ведутъ, какъ дѣвочку, онъ и изнервничался.

— Ахъ, какіе тамъ нервы,—грубымъ и громкимъ голосомъ заговорила вдругъ тетя,—просто вы набаловали мальчика. Надо строже.

— Какъ еще строже,—недовольнымъ голосомъ отвѣчалъ отецъ,—бить его, что-ли?

— Конечно, не мѣшало-бы тебѣ его иногда высѣчь, очень-бы это для него было полезно.

— Это нельзя,—рѣшительно и съ досадой сказалъ отецъ, не потому, что онъ такъ думалъ, а потому, что считалъ такой разговоръ съ дамами неприличнымъ и стѣснялся при нихъ такихъ грубыхъ словъ.

— Отчего это нельзя?—съ неудовольствіемъ возражала тетя,—не безпокойся, не растреплется.

— Ахъ, я, право, не понимаю такихъ разговоровъ,—раздражительно сказалъ отецъ, и сейчасъ-же перемѣнилъ тонъ и заговорилъ о другомъ, чтобы прекратить этотъ непріятный для него разговоръ:—да, я чуть-было и не забылъ, сегодня я у Леонида Павловича...



Сережа поспѣшно, стараясь не зашумѣть, отошелъ отъ двери. Онъ пошелъ въ садъ. Когда онъ проходилъ мимо кухни, онъ услышалъ, какъ тамъ Варвара говорила кухаркѣ со смѣхомъ:

— А нашъ-то коротелька какъ ловко отбрилъ барышню.

И она разсказывала, что сказалъ Сережа, и при этомъ прибавляла и перевирала, и онѣ смѣялись звонко и грубо. Сережа пошелъ дальше. Онъ чувствовалъ злость. «Вездѣ смѣются», думалъ онъ,—«люди не могутъ не смѣяться другъ надъ другомъ». Онъ поднялъ глаза къ небу, но оно было еще закрыто бѣлесоватою синевою. Сережа тоскливо потупился и лѣниво шелъ по дорожкамъ сада.

У самаго края песочной дорожки сидѣла маленькая и чахлая лягушчонка. Она была противна Сережѣ. Вдругъ у него мелькнула шаловливая, мальчишеская мысль. Черные глаза его радостно засверкали. Онъ наклонился и схватилъ лягушку въ руки. Она была вся слизкая, и Сережѣ было очень противно держать ее. Это ощущеніе скользкаго и отвратительнаго расползалось по всему его тѣлу и щекотало въ зѣвѣ. Торопясь, спотыкаясь отъ торопливости, онъ побѣжалъ въ гостиную. Тамъ отца уже не было, а остальные сидѣли на тѣхъ же мѣстахъ. Всѣ трое посмотрѣли на Сережу съ презрительной усмѣшкой. Сережа подошелъ прямо къ кузинѣ.

— Смотрите-ка,—сказалъ онъ,—какую я поймалъ хорошенькую...

И онъ посадилъ лягушку на колѣни кузины. Кузина отчаянно взвизгнула и вскочила съ мѣста.

— Лягушка, лягушка,—кричала она, безтолково махая руками.

Всѣ переполошились и вскочили съ мѣстъ, а Сережа стоялъ и смотрѣлъ на кузину, которая кричала и рыдала истерически. Сережѣ казалось, что она кривляется, и ему было стыдно за нее.

— Она-же невредная,—сказалъ онъ,—она не укуситъ.

Но, видя, что его не слушаютъ, онъ тихонько повернулся и вышелъ изъ комнаты. Его не остановили, потому-что барышня впала въ истерику, а мама и тетя ее расшнуровали и отпаивали водой съ каплями.

Сережа зналъ, что теперь-то его навѣрное накажутъ,—впрочемъ, ему было теперь все равно. Голова его слегка кружилась, пустяки развлекали его. Портьера, подъ которою онъ прошелъ, колебалась и темнѣла въ складкахъ, и была повѣшена, конечно, только для того, чтобы задѣвать проходившихъ мимо, шершавою матеріею по остриженной головѣ. Она была красная, и осталась за нимъ, а онъ ушелъ къ себѣ.

Онъ сѣлъ въ своей комнатѣ на подоконникъ и смотрѣлъ въ садъ злыми и черными глазами. Деревья были ярко-зелены, и съ длинными прутьями, воробьи прыгали, солнце бросало рѣзкія пятна на землю, и желтый песокъ рѣзко блестѣлъ. Все было грубо, и все злило Сережу,—

и отъ этого у него ныло сердце, и онъ чувствовалъ это такъ же отчетливо, какъ иногда ясно чувствуется боль въ рукѣ или въ ногѣ. Дразня и растравляя свою злость, онъ сталъ воображать, что съ нимъ сдѣлаютъ: какъ его будутъ бранить и стыдить, и какъ потомъ примутся бить. Онъ маленькій и помѣстится на колѣняхъ Варвары, голова его будетъ внизъ, а рукамъ неловко.

Случилось, однако, что Сережу оставили сегодня въ покоѣ. Пріѣхала къ мамѣ съ визитомъ богатая и важная барыня, и мама была рада этому до чрезвычайности. Дама была очень любезна и участлива, и потому ей разсказали о Сережѣ, и она пожелала видѣть Сережу. Сережа шаркнулъ передъ ней совсѣмъ такъ, какъ это слѣдовало, поцѣловалъ ей руку и посмотрѣлъ на нее внимательными и злыми глазами. На его взглядъ она была большая, грубая и темная, въ пышномъ и шумномъ платьѣ, отъ нея непріятно пахло духами,—нѣсколько негармонично смѣшанныхъ и рѣзкихъ запаховъ,—и на лицѣ ея было что-то постороннее, пудра или бѣлила. Дама хотѣла улыбнуться на мальчика, такого коротенькаго по возрасту, но отъ его черныхъ и внимательныхъ глазъ и отъ его блѣдныхъ, слегка припухлыхъ щекъ она почувствовала смутное безпокойство и сказала Сережиной матери:

— Вы его оставьте въ покоѣ,—да, оставьте въ покоѣ. Пусть себѣ играетъ. Ему надо подрасти. Это все оттого, что онъ слишкомъ малъ для своего возраста.

И Сережу оставили въ покоѣ, на волю его глухому раздраженію, которое, не унимаясь, мучило его,—словно вчерашнія звѣзды отравили его. Онъ томительно ждалъ вечера, когда опять снимется эта свѣтлая и тяжелая завѣса, которою солнце закрываетъ звѣзды. И онъ дождался.

## IV.

Сережу рано отправили спать. Сегодня мама была дома, и Сережу не пустили вечеромъ въ садъ, а за то, что онъ дурно себя велъ, его не оставили съ мамой. Но онъ былъ радъ, когда наконецъ остался одинъ, раздѣтый, въ своей постели. День конченъ, солнца, этого жаркаго и грубаго чудовища, нѣтъ, и ночь тиха, и на небѣ есть звѣзды, которыми можно любоваться, если вотъ встать съ постели, тихохонько подойти къ окну и отодвинуть штору. Онъ лежалъ, нѣжась въ постели, и смотрѣлъ на бѣлую штору, и тихо смѣялся, а черные глаза его горѣли радостно. Звѣзды звали его еле слышнымъ, тонкимъ звономъ. Сережа откинулъ одѣяло, спустилъ на полъ ноги и послушалъ. Коверъ подъ ногами былъ мягкій и теплый. На немъ пріятно было стоять. Сережа потянулся, тихонько засмѣялся отъ радости и подбѣжалъ къ окну,—и холодныя доски крашенаго пола тоже радовали его. Онъ ото-

двинулъ штору, сталъ на колѣни передъ окномъ, положилъ подбородокъ на подоконникъ и принялся глядѣть на ясныя звѣзды мерцающими черными глазами. При невѣрномъ свѣтѣ звѣздъ казалось, отъ легкой припухлости блѣдныхъ щекъ, что на губахъ его улыбка,—но онъ не улыбался, хотя ему было весело. Долго смотрѣлъ онъ на звѣзды, холодныя, ясныя,—и сквозь стекла окна къ нему вѣяли отъ нихъ холодъ и покой. Сердце радостно и часто билось въ его груди, и онъ дышалъ весело и торопливо, точно что-то холодное и радостное вливалось въ его легкія. Онъ ни о чемъ не думалъ,—все дневное отошло отъ него, какъ сонъ...

Затихли голоса въ домѣ и на улицѣ. Сережа всталъ, отошелъ къ постели и принялся одѣваться. Обуви своей онъ не нашелъ. — сапоги его унесли, чтобы почистить утромъ. Но онъ зналъ, что теперь уже всѣ спятъ и не увидятъ. Онъ подошелъ къ окну, открылъ его, взобравшись для этого на подоконникъ, и вылѣзъ въ садъ, цѣпляясь за вѣтки березы. Внизу, на землѣ, сырость и холодъ іюльской ночи охватили его. Онъ вздрогнулъ. Но звѣзды все глядѣли на него,—и онъ поднялъ къ нимъ свое некрасивое, блѣдное лицо, радостно засмѣялся и побѣжалъ по сырой землѣ, дальше отъ дома, къ той-же скамейкѣ, гдѣ вчера смотрѣлъ онъ на звѣзды. Вѣтки кустовъ задѣвали его, и ногамъ было сыро и неловко, и сердце непомѣрно билось въ груди,— но онъ торопился, — такъ много ушло времени, и скоро небо начнетъ заволакиваться блѣднымъ свѣтомъ, люди проснутся, а звѣзды опечалятся.

Онъ добѣжалъ, легъ на скамью,—и, глядя на звѣзды, дышалъ тяжело и не улыбался. Ему было больно: сердце такъ сильно стучало въ груди, что это отдавалось въ горлѣ и вискахъ непріятными и рѣзкими подергиваніями. Онъ всматривался въ звѣзды и старался этимъ успокоить свое сердце,—и оно начинало по временамъ утихать, а то вдругъ опять заколотится и дѣлается больно. Но когда оно затихало и только слегка трепетало въ груди, Сережѣ становилось жутко и трепетно-хорошо, и неиспытанное еще имъ раньше наслажденіе заставляло его крѣпко стискивать зубы и раздвигало его губы блѣдною и больною улыбкою.

Эти всѣ ощущенія мѣшали ему отдаться звѣздамъ, и кромѣ того вдругъ налетѣли на него цѣлымъ роемъ нелѣпыя и ничтожныя воспоминанія. Они надоѣдали, Сережа старался избавиться отъ нихъ, и не могъ.

Вотъ кузина передъ зеркаломъ, съ бѣлой пуховкой для пудры въ рукахъ, завистливо вздыхаетъ. Отецъ держитъ во рту сигару, и отъ нея вьется синій дымъ. Улица, дачи, красные огни въ окнахъ, съ вокзала ѣдутъ дрожки безконечной вереницей, на дрожкахъ все мужчины въ сѣромъ. Сережа стоитъ на пароходной пристани, и хочетъ разсказать о звѣздахъ,—но всѣ смѣются надъ нимъ...

Рѣзкая боль въ груди пронизала все тѣло мальчика. Смутныя, сѣрыя тѣни пробѣжали передъ его глазами,—что-то страшное и безликое мелькнуло изъ-за кустовъ. Медленно, дрожа всѣмъ тѣломъ, поднялся Сережа со своей скамейки... Тонкая паутинка коснулась его щеки... Блѣдный стоялъ онъ и черными глазами всматривался въ пустоту ночи... Все было тихо и спокойно. Сережа повернулся къ дому,—его молчаливыя и внимательныя окна виднѣлись вдали изъ-за кустовъ, и Сережа почувствовалъ, что страшно туда итти, страшно даже смотрѣть туда. Онъ отвернулся отъ этого дома и опять легъ на скамейку.

Ему стало хорошо. Сердце было спокойно, какъ-будто его и не было въ груди. Сережа прислушался къ нему, — оно билось ровно, и только легкое щекотаніе было гдѣ-то около него, но оно было пріятно. Сережа перестаіъ думать о своемъ сердцѣ. Всѣ воспоминанія вдругъ отошли и не мѣшали звѣздамъ придвинуться...

И вдругъ не стало ничего, кромѣ звѣздъ. Стало совсѣмъ тихо, и ночь сгустилась, придвинулась къ Сережѣ и слушала вмѣстѣ съ нимъ, но звѣзды радостно молчали, и сіяли, и играли переливными своими огнями. Ихъ сіяніе возрастало, и они сладко и томно кружились, сначала медленно, потомъ все быстрѣе. Сережа смотрѣлъ внизъ на ихъ сіяющую бездну со своей высоты, и ему не было страшно, что теперь всѣ эти звѣзды блестятъ и сверкаютъ не вверху, какъ раньше, а внизу, подъ нимъ. Кружась, онѣ слились въ ясныя дуги, свѣтъ ихъ расплывался,—словно легкая дрема набѣжала на нихъ. Бѣлое полотно разостлалъ кто-то между ними и Сережей. Подъ сводами полотняной палатки румяный мальчикъ говорилъ что-то Сережѣ, а у Сережи въ рукахъ была вѣщая и ясная птица изъ алмазовъ.

— Оглянись!—сказалъ мальчикъ.

Сережа довѣрчиво оглянулся. Мальчикъ выхватилъ изъ его рукъ птицу и убѣжалъ. Сережа почувствовавъ, что онъ плыветъ и качается. Вѣтка сирени надъ нимъ поплыла съ нимъ вмѣстѣ. Опять ему стало жутко и радостно. Звѣзды звенѣли надъ нимъ тихо и нѣжно. Потомъ жалобны стали ихъ звуки...

Холодъ пробѣжалъ по Сережину тѣлу, отъ ногъ къ головѣ.

— Спасайся! Къ намъ!—тревожно шептали звѣзды.

Скамейка, на которой лежалъ Сережа, толкала его и старалась сбросить. Вѣтеръ повѣялъ,—и вдругъ страшные звуки поднялись вездѣ въ деревьяхъ.

Сережа вскочилъ на ноги. Сердце у него трепетало, словно у него выросли крылья. Земля колебалась подъ Сережиными ногами. Что-то противное и страшное приближалась къ нему по землѣ, гибкое, съ яркими зелеными глазами, и кричало ужасно и рѣзко. За спиною Сережи кто-то неистово хохоталъ грубымъ человѣческимъ голосомъ. Надъ хао-

сомъ грубыхъ и злыхъ звуковъ, которые возникали вездѣ вокругъ Сережи и оглушали его, радостно и призывно звенѣли звѣзды, — голоса ихъ были тихіе, но внятные для Сережи. А въ воздухѣ носилась липкая и тонкая паутина и ложилась на щеки Сережи; среди общаго смятенія и шума, она одна была безмолвна, и это безмолвіе липкой паутины было всего страшнѣе.

Сережа не зналъ, что ему дѣлать, чтобы спастись отъ этого шума и отъ этой паутины. Тоска сжимала его сердце. Онъ побѣжалъ, шатаясь, спотыкаясь и плача, не зная самъ, куда бѣжитъ,—ноги его тяжелѣли, и сердце съ тяжкимъ грохотомъ стучало въ груди, и все вокругъ гремѣло и скрежетало.

Сережа набѣжалъ на темный стволъ березы, уперся въ него руками, отскочилъ, шатаясь, назадъ, и остановился, колеблясь на ослабѣлыхъ ногахъ и шепча въ тоскѣ:

— Что мнѣ дѣлать? Что мнѣ дѣлать?

Со страшною, рванувшею все тѣло болью сжалось его сердце,—и вдругъ боль и тоска исчезли. Тихая и нѣжная радость приникла къ Сережѣ. Онъ почувствовалъ, что кто-то повѣялъ на него холоднымъ дыханіемъ и прислонилъ его спиною къ землѣ. Опять подъ нимъ, далеко внизу, засіяли ясныя и тихія звѣзды. Сережа широко раскинулъ руки, оттолкнулся отъ земли ладонями, и съ крикомъ громкимъ и рѣзкимъ, похожимъ на визгливый голосъ ночной птицы, бросился торопливо и радостно, съ темной земли къ яснымъ звѣздамъ. Радостно закружились звѣзды, и зазвенѣли стройно и громко, и помчались ему навстрѣчу, расширяя свои золотыя крылья. Великій и кроткій ангелъ подставилъ его груди свое бѣлое крыло, и нѣжно обнялъ его, и закрылъ его глаза легкою рукою. И въ его объятіяхъ навсегда и обо всемъ забылъ Сережа.

Рано утромъ нашли его въ сырой травѣ у забора. Онъ лежалъ, широко раскинувъ руки, съ лицомъ, обращеннымъ къ небу. Около его рта, на блѣдной, словно припухшей отъ улыбки, щекѣ, темнѣла струя запекшейся крови. Глаза его были сомкнуты, лицо не по-дѣтски спокойно, онъ весь былъ холодный и мертвый.

**Ѳедоръ Сологубъ.**

---





# Нѣмецкій студентъ „конца вѣка“.

Среди текущей литературы о студентѣ наиболѣе любопытны книжки профессоровъ Блекки и Циглера: онѣ посвящены спеціально студенческому быту и касаются его, по возможности, всесторонне. Впрочемъ, работа эдинбургскаго профессора, Блекки, кажется лишь программой, по сравненію съ основательнымъ трудомъ лейпцигскаго профессора, Циглера, который представляетъ цѣлый публичный курсъ (17 лекцій) о *Нѣмецкомъ студентѣ въ концѣ 19-го вѣка* [1]. Эти лекціи, которыя посѣщались, главнымъ образомъ, самими студентами, разсматриваютъ предметъ съ небывалою полнотой: здѣсь не мало такихъ мелочей, которыя изумляютъ русскаго профессора и даже поражаютъ его наивностью академическихъ нравовъ Германіи. Еще драгоцѣннѣе искренность, прямота, съ которыми авторъ вскрываетъ недостатки и отцовъ, и дѣтей, и обывательской, и казенной среды. Широкій, философскій (Циглеръ—профессоръ философіи) и гуманный взглядъ возвышаетъ назидательное значеніе книжки, изданной съ англійской изящностью. Немудрено, что «Нѣмецкій студентъ» вышелъ уже пятымъ изданіемъ, въ теченіе одного года. Мало того. Когда одна нѣмецкая газета спросила своихъ читателей, что лучшаго прочли они, въ Германіи, въ прошломъ году, многіе, въ томъ числѣ и люди съ именами, отвѣчали: «книжку Циглера о студентѣ».

Лекціи Циглера драгоцѣнны и для насъ. Наша академическая жизнь тѣсно связана съ нѣмецкою вліяніемъ исторіи и, вѣроятно, географіи. Наша молодежь, споконъ вѣка и по сію пору, учится или довершаетъ свое образованіе въ Германіи. Наши академическіе уставы, не исключая послѣдней реформы 1884 г., совершались всегда подъ вліяніемъ нѣмецкихъ университетовъ, ихъ программъ и обычаевъ. И такъ какъ при ре-

---

[1]) *Theobald Ziegler:* Der deutsche Stadent am Ende des 19 Jahrhunderts Stuttgart. 1895.



формѣ 1884 года особенно любили ссылаться на нѣмецкую «свободу преподаванія» (Lehrfreiheit), то извѣстныя стороны книжки Циглера представляютъ для насъ особенную поучительность. Мы не преминемъ указать на нихъ. Но главная задача нашего очерка—выяснить тѣ болѣе глубокія и общеобязательныя начала, которыми богатъ академическій бытъ въ Германіи. Попутно попытаемся обрисовать типъ нынѣшняго нѣмецкаго студента, отчасти и профессора, на основаніи впечатлѣній, вынесенныхъ нами изъ словъ такого надежнаго и добросовѣстнаго свидѣтеля, какъ профессоръ Циглеръ.

## I.

## Нѣмецкій студентъ и профессоръ.

Нѣмецкаго профессора мы и не тронули бы. Но нельзя не коснуться его хоть вскользь, такъ какъ безъ него немыслимъ и нѣмецкій студентъ. Циглеръ бросаетъ на своихъ коллегъ лишь косвенный свѣтъ и неохотно, убѣжденный, что иное отношеніе не было бы «ни тактичнымъ, съ его стороны, ни желательнымъ для нихъ». Шотландцы—народъ прямой до грубости: они воспитаны на Притчахъ Соломона, по заявленію Блекки. Оттого и самъ Блекки находитъ справедливымъ и теперь мнѣніе одного ученаго *1749 г.*: «едва-ли что-нибудь можетъ превзойти чванство, самомнѣніе, высокомѣріе, соперничество и зависть, встрѣчаемыя между выдающимися профессорами». Циглеръ же рѣшился только замѣтить: «Общественное мнѣніе частью отвернулось отъ университетовъ, частью встало противъ нихъ; и это недовольство, прежде всего, и со всею яростью, касается профессоровъ».

Нѣмецкій профессоръ остороженъ и по отношенію къ студенту. Онъ не прочь погладить его и противъ шерсти, но дѣлаетъ это всегда слегка и съ оговорками. Съ другой стороны, онъ часто впадаетъ въ наставническій тонъ, приличный отцу гимназистовъ низшихъ классовъ, или, скорѣй, чадолюбивой мамашѣ изъ мѣщанокъ. Она проситъ сына не пить много, не ходить въ извѣстныя мѣста, чтобы не заболѣть, не связываться съ «домашними филистрами», т. е. съ квартирными хозяевами. Трогательны ея совѣты не избѣгать танцевъ, которые «не вредны даже теологамъ», а иногда и содѣйствуютъ добродѣтели,—напримѣръ, если студентъ «сжалится надъ глотающимъ слезы стѣннымъ цвѣткомъ» *). Или—какъ для студента нравственно бесѣдовать «не только съ молодыми и хорошенькими, но и съ старой дѣвой, съ уединенной вдовой, которыя поразскажутъ ему изъ временъ бабушекъ! Тутъ даже соціальный поступокъ:

*) *Mauerblumchen*—злополучныя дѣвы, которыя сидятъ весь балъ вдоль стѣнъ, не находя кавалеровъ.





старость часто бываетъ одержима, словно голодомъ и жаждой, стремленіемъ къ юности». Но вовсе не нравственно посѣщать домъ профессора «только потому, что это—профессоръ и, быть можетъ, будущій экзаменаторъ».

Взявъ въ разсчетъ всѣ материнскіе совѣты, мы увидимъ, что, какъ свидѣтельствуютъ самыя заглавія лекцій Циглера, въ нѣмецкомъ студенчествѣ, какъ, впрочемъ, и вездѣ на бѣломъ свѣтѣ, не безъ грѣха: есть и «Trinken», и «разгулъ и жизнь не по средствамъ» и т. п. Все это, конечно, не мѣшаетъ нѣмецкимъ университетамъ выпускать въ свѣтъ цѣлыя арміи ученыхъ и полезныхъ дѣятелей, среди которыхъ всегда блещутъ и свѣтила, и сейчасъ мы увидимъ, почему. Спѣша покончить съ мизерами академической жизни, отмѣтимъ только характерныя черты.

Циглеръ открыто и основательно нападаетъ на незнакомую намъ «студенческую честь» (studentische Ehre)—эту неприличную въ демократическую пору кастовую принадлежность, которая такъ укоренилась со временъ независимости университетовъ, какъ государства въ государствѣ, что не исчезла и теперь въ Германіи. Онъ доказываетъ, что гордая кличка «честный буршъ» (honoriger Bursche) не исключаетъ ни лѣни, ни пьянства, ни распутства, и только питаетъ то несимпатичное высокомѣріе, на которое такъ негодуетъ общество. Впрочемъ, Циглеръ вовсе не пуританинъ. Признавая, что «Trinken—наслѣдство нѣмецкаго народа», онъ разрѣшаетъ иногда «in Baccho excedieren». Когда одинъ студентъ выбранилъ его за непризнаніе толстовства, онъ заявилъ: «Мнѣ вовсе не симпатичны ни часто столь мутный мистицизмъ Толстого, ни его аскетизмъ первобытнаго христіанства въ утонченно-новой одеждѣ. Толстой ничего не далъ мнѣ ни для головы, ни для сердца».

Если не наслѣдствомъ своего народа, то пережиткомъ средневѣковщины, ордалій, считаетъ Циглеръ дуэль, которая также еще сохранила значеніе среди «честныхъ буршей». Онъ горячо высказывается противъ нея. Но онъ не надѣется на ея быстрое исчезновеніе, пока она существуетъ не въ одномъ студентствѣ; по его словамъ, дуэль тотчасъ сгинетъ у студентовъ, «какъ только она перестанетъ быть дозволенною, даже обязательною и почетною въ войскахъ».

Но болѣе всего безпокоятъ Циглера не эти, скорѣе внѣшніе и уже поколебленные недостатки студенчества, сколько тѣ нравственные корни, съ которыми они связаны. Указывая на охлажденіе общества къ университетамъ, Циглеръ говоритъ, что студенты вызываютъ его, главнымъ образомъ, пережитками пресловутаго «высокомѣрія», возносящаго ихъ мірокъ высоко надъ «филистерствомъ» или обывательской средой. Другая причина — паденіе былого «нравственнаго идеализма». Профессоръ говоритъ своимъ слушателямъ: «духъ карьеризма проникъ и къ вамъ; у васъ реалистическое и натуралистическое міровоззрѣніе». Но онъ смо-



тритъ въ корень явленія: въ недостаткахъ студенчества онъ видитъ плодъ «переходнаго времени», какимъ представляется ему fin de siècle. Перечисливъ противорѣчія, которыми кишитъ послѣдній, онъ заключаетъ: «рѣдко бывало такъ трудно, какъ теперь, сдѣлаться характеромъ и сохраниться характернымъ человѣкомъ». Оттого-то «говорятъ—идеалы! А спросите, какіе идеалы у нынѣшняго студента? На это нельзя уже дать такого яснаго отвѣта, какъ въ 1860—1870 гг.». Вѣдь, тутъ встрѣчаешься рядомъ и съ духомъ демократизма, и съ «сверхчеловѣкомъ» Ницше!

Обратимся къ самымъ широкимъ и потому общеполезнымъ вопросамъ въ книжкѣ Циглера.

## II.

## Академическая свобода.—Свобода преподаванія.

Всѣмъ извѣстно, что «академическая свобода»—терминъ, который всегда на языкѣ у нѣмецкаго профессора и студента. Оттуда онъ перешелъ къ намъ, особенно на столбцы «Московскихъ Вѣдомостей» въ эпоху борьбы партій изъ-за послѣдняго университетскаго устава. Но этотъ терминъ, какъ и всякій другой, имѣетъ свою эволюцію. Крайне любопытно, какъ понимается онъ теперь, на своей родинѣ, заинтересованными сторонами?

Циглеръ начинаетъ и кончаетъ свою книжку этимъ магическимъ словомъ. Онъ проситъ студентовъ не пѣть постарому: «Frei ist der Bursch!» *Этой* свободы теперь нѣтъ: она была юридическимъ терминомъ средневѣковья, когда университеты, какъ корпораціи, пользовались правомъ собственнаго суда, что, прибавимъ, было и у насъ въ первую эпоху мундирнаго студента. Теперь нѣмецкій студентъ подчиненъ обыкновеннымъ судамъ: «привилегія академической свободы исчезла и осталась только академическая дисциплина».

Конечно, это вовсе не значитъ, что, съ паденіемъ средневѣковаго пережитка, исчезла академическая свобода въ иномъ, болѣе широкомъ смыслѣ, какъ плодъ развитія новаго времени. Сохранилась и даже расцвѣла «свобода преподаванія» (Lehrfreiheit), которую у насъ такъ отстаивалъ покойный Катковъ. «А изъ нея—говоритъ Циглеръ—вытекаетъ тотъ духъ свободы вообще, который отличаетъ наши университеты, какъ character indelebilis, и проникаетъ, оживляетъ ихъ; ея свѣтомъ мы наслаждаемся, ея воздухомъ дышимъ. Оттого-то боремся мы за нее, какъ за палладіумъ; хотимъ, чтобы власти и церкви, партіи и парламенты уважали и почитали ее, какъ noli me tangere; видимъ нашего врага во всякомъ, кто касается ея, подкапывается подъ нее изъ-за политическихъ или церковныхъ видовъ. И, со стороны насъ, профессоровъ, это — не беззаконное высокомѣріе или пошлое стремленіе къ удобству; нѣтъ,

это—безусловная необходимость. Вѣдь наука можетъ процвѣтать лишь при полной свободѣ, при безусловномъ отсутствіи ограниченій для мысли: безъ возможности ошибаться мы не можемъ и находить истину, которая, по вѣрнымъ и теперь словамъ Лессинга, никогда не бываетъ въ законченномъ видѣ, а иначе существовала бы только для Бога. А безъ науки мы не могли-бы жить: стало быть, ея свобода—вопросъ о нашемъ существованіи. Оттого-то, мм. гг., чѣмъ бы вы ни стали въ жизни, къ какой-бы партіи ни принадлежали, никогда не измѣняйте вашей alma mater, посягая на это ея сокровище; то было-бы предательствомъ предъ наукой и предъ самой истиной».

Циглеръ связываетъ съ академической свободой и вопросъ объ экзаменахъ, являющихся, вообще, въ его глазахъ «истязаніемъ, до котораго не должна унижаться наука». Горячо желая освобожденія профессоровъ отъ участія въ государственныхъ экзаменахъ, онъ говоритъ: «Это также сдѣлало-бы насъ еще болѣе независимыми отъ милости или немилости правящихъ».

Вообще, мысль объ академической свободѣ, очевидно, составляетъ первое отличіе, какъ-бы душу нѣмецкаго профессора. Циглеръ постоянно возвращается къ ней. Вотъ благородныя и теплыя слова его «Заключенія»: «Мм. гг.! Мнѣ хотѣлось-бы одного—чтобы всѣ вы вынесли изъ этой аудиторіи въ жизнь убѣжденія, что безъ воздуха свободы не можетъ существовать нѣмецкій университетъ, какъ universitas magistrorum et scholarium. Вотъ ужъ нѣсколько недѣль шумятъ, пылаютъ вокругъ насъ яростныя нападенія на этотъ нашъ жизненный воздухъ, на этотъ палладіумъ нѣмецкой науки. Вотъ ужъ нѣсколько дней, какъ внесено предложеніе [1]), которое представляетъ такое неслыханное покушеніе на эту науку, что не знаешь—принимать-ли его въ серьезъ, или развѣять его, какъ масляничное чучело, палочкой паяца? Ужъ не лучше-ли, вмѣсто страсти и негодованія, пустить новыя «Письма невѣждъ» [2]) противъ тѣхъ стремленій, которыя не знаютъ лучшаго способа заявить благодарность нѣмецкаго народа Фридриху Великому и Лессингу, Канту и Гете, Шиллеру и Гумбольдту, Шлейермахеру и Фихте, чѣмъ подвергать духъ этихъ людей, даже за гробомъ, опалѣ посредствомъ уголовныхъ законовъ и «низвергательныхъ» параграфовъ? Впрочемъ, теперь—первая недѣля великаго поста: теперь не до шутокъ; настало серьезное время; и предложеніе серьезно. Оттого-то нужно защищаться, огораживаться; нужно

[1]) Рѣчь идетъ о пресловутомъ «Umsturzvorlage» ультрамонтановъ и консерваторовъ, который съ трескомъ провалился подъ напоромъ общаго негодованія народа, печати и парламентовъ.

[2]) Знаменитыя *Epistolae obscurorum* (отсюда—обскуранты, мракобѣсцы) *virorum*, душой которыхъ былъ страстный боецъ Возрожденія, Ульрихъ фонъ-Гуттенъ, были изданы въ 1516 г.



развернуть знамя свободы противъ этихъ новыхъ обскурантовъ и ихъ карлсбадскихъ постановленій [1]). Оттого-то со всею серьезностью взываю къ вамъ: насколько касается васъ, никогда въ вашей жизни не дозволяйте подкапываться подъ академическую свободу! Вѣдь съ нею держатся, съ нею и падаютъ нѣмецкіе университеты и—что еще вѣрнѣе—сама нѣмецкая наука!.. Будемте хорошими профессорами и честными студентами! Да исполнимся истиннаго духа нѣмецкой науки, того новаго духа, который—мы всѣ чуемъ это въ концѣ вѣка — стремится смѣнить усталость и декадентство и повѣять на грядущее двадцатое столѣтіе, какъ духъ свѣжій и свободный, жизнерадостный и сильный, нравственно-соціальный! Пришествіе этого духа, его созиданіе и ростъ лежатъ на вашихъ плечахъ, на вашей душѣ, ибо вы—люди будущаго, люди новаго вѣка! Старайтесь-же теперь, на студенческой скамьѣ, чтобы крѣпли ваши плечи, становились свободными ваши души! Будьте учеными, будьте образованными, будьте твердыми волей людьми!»

## III.

## Свобода обученія.

«Академическая свобода» была-бы непонятна, если-бы она означала только «свободу преподаванія» (Lehrfreiheit), т.-е. касалась однихъ профессоровъ. Чтобы она не была мертвымъ словомъ, необходимо прибавить, уже въ силу логики, «свободу обученія» (Lernfreiheit).

Эта сторона академической жизни, внесенная и въ нашъ уставъ 1884 года, состоитъ, прежде всего, въ свободномъ выборѣ лекцій для слушанія. Онъ вполнѣ естественъ, даже неизбѣженъ. Университетъ—не гимназія. Учитель «проходитъ предметъ» по учебнику, профессоръ «излагаетъ науку» съ собственнымъ взглядомъ, такъ какъ онъ самъ обыкновенно и создаетъ ее. Слово «профессоръ» значитъ исповѣдникъ, какъбы излагатель собственной вѣры (professus sum meam sententiam). Оттого въ немъ ясенъ смыслъ публичности, и профессоръ, получающій званіе «тайнаго совѣтника», кажется Циглеру «страннымъ извращеніемъ дѣла, яркимъ непониманіемъ своей задачи». Ему кажется также «плохимъ профессоромъ и невѣрнымъ стражемъ образовательнаго добра» тотъ, кто «боится рѣчей депутатовъ имперскаго сейма, газетныхъ доносовъ, немилости министра или фюрста и потому воздерживается отъ публичнаго и прямого выраженія своихъ мыслей въ своемъ дѣлѣ». А если такъ, то что ни профессоръ, то новый взглядъ на науку.

[1]) *Karlsbader Beschlusse*—рѣшеніе съѣзда нѣмецкихъ министровъ, въ 1819 г., руководимыхъ Меттернихомъ. Направленныя противъ «демагогическихъ» козней, они вводили, между прочимъ, строгую цензуру для книгъ менѣе 20 листовъ, а также особыхъ «кураторовъ» для проницательнаго надзора за «духомъ» студентовъ и профессоровъ.



Отсюда вѣрный выводъ нашего автора: «критическое отношеніе къ профессорамъ составляетъ полное право нѣмецкаго студента; мало того, это—его долгъ». Оттого пусть образуются въ университетахъ и свои «школы», борющіяся направленія: «лишь-бы профессоръ желалъ не властвовать, а, скорѣе, служить и потому даже вызывать критику себя самого, какъ-бы предостерегая своихъ учениковъ отъ собственнаго авторитета». Допуская критику, должно мириться и съ знаками одобренія и осужденія, хотя эти «театральныя или цирковыя» заявленія вовсе нежелательны. Циглеръ говоритъ студентамъ: «Можете хлопать или шаркать ногами; но не думайте, что мы гоняемся за первымъ или боимся второго. Мы принимаемъ это, какъ солнце или дождь,—и тотчасъ забываемъ».

Нѣмецкій студентъ пріобрѣталъ свободу обученія по мѣрѣ утраты юридической независимости. И вотъ разумное основаніе этого явленія: «Послѣ того, какъ мальчикъ 12 лѣтъ пріучался работать *по принужденію*, юноша долженъ научиться работать *добровольно*, по внутреннему стремленію и по чувству долга. И вѣрно понятая, вѣрно приложенная свобода обученія вообще выдержала пробу»...

Эта свобода принадлежитъ нѣмецкому студенту «безгранично»: въ Германіи нѣтъ обязательныхъ лекцій. Тамъ отъ студента требуется только «оплатить» (belegen) одну «частную» лекцію, но не «посѣщать ее»: выборъ этой лекціи, слушаніе ея, работы для нея совершенно предоставляются на волю студента. Циглера возмущаетъ и это обязательство. Оно связано съ тѣмъ вопросомъ о гонорарѣ, который «вызываетъ столько толковъ»—и не въ одной Германіи: пишущій эти строки могъ-бы не мало разсказать про гонораръ, который какъ-то вторгся въ уставъ 1884 г. и сразу не понравился обѣимъ сторонамъ. Мы думали, что онъ не пришелся по русской душѣ; но оказывается, что и нѣмецкая душа не удовлетворяется имъ: Циглеръ называетъ гонораръ «учрежденіемъ страннымъ, неправильнымъ», и завидуетъ французамъ, у которыхъ профессоръ получаетъ только жалованье. Не говоря о мелкихъ его недостаткахъ, это учрежденіе подрываетъ «общіе» курсы въ пользу частныхъ лекцій и ставитъ студента не въ нравственныя, а въ договорныя отношенія къ профессору [1]). Немудрено, что каждый разъ, когда Циглеру приходится расписываться, въ книжкахъ студентовъ, въ полученіи гонорара, онъ «краснѣлъ отъ стыда при этомъ смѣшномъ и безсмысленномъ формализмѣ, при этой оффиціальной безчестности».

Да, смѣшно: вѣдь, гонораръ—пережитокъ тѣхъ временъ, когда профессоръ былъ не чиновникомъ, а частнымъ преподавателемъ, когда лекціи

---

[1]) Впрочемъ, жизнь сглаживаетъ этотъ недостатокъ: прекрасный обычай «семинаріевъ» или научныхъ упражненій снова сближаетъ студентовъ съ профессорами. Въ Германіи онъ все развивается на-счетъ лекцій.



были не должностью, а ремесломъ. Что-же сказать про страны, гдѣ это учрежденіе никогда не было даже пережиткомъ?

## IV.

## Студенческія сообщества.

Свобода обученія—такое основное начало въ академическомъ быту, что можно-бы и не говорить о характерѣ остальныхъ сторонъ жизни студента. Но Циглеръ говоритъ, и не мало, и весьма поучительно, объ общественности въ этой жизни. Эта жилка, вообще свойственная нашимъ сосѣдямъ, несмотря на пословицу—«гдѣ два нѣмца, тамъ три мнѣнія», обнаружилась здѣсь въ томъ, что съ самаго начала студенты въ Германіи объединялись по «націямъ», которыя были смѣнены, въ XVII вѣкѣ, «землячествами» (Landsmannschaften), съ ихъ уродливыми обычаями, отвѣчавшими грубому духу времени [1]). Въ началѣ нашего столѣтія, возникла новая форма студенческаго сообщества—«буршества» (Burschenschaften), въ которыя могли входить всякіе студенты, безъ мѣстныхъ различій: буршъ—просто «бурсакъ», т. е. ученикъ, studiosus. Плодъ патріотизма временъ «освободительныхъ войнъ» противъ Наполеона I, буршества стремились истребить землячества, это порожденіе нѣмецкаго партикуляризма или «мелкодержавія» [2]): они мечтали объ единой Германіи; ихъ девизомъ было—«честь, свобода, *отечество*». Но старая форма не исчезла; она только совсѣмъ измѣнилась, приняла даже новое названіе—«корпорацій». Согласно съ новымъ духомъ времени, корпораціи, заодно съ буршествами, увлекались, главнымъ образомъ, идеаломъ національнаго объединенія.

Вся-то ихъ политика состояла въ подготовкѣ Бисмарка. Но правительства не поняли этого и первыя выказали пагубное недовѣріе: у ихъ недальновидныхъ руководителей оставался зубъ противъ студенческихъ союзовъ еще съ половины прошлаго вѣка, когда, подъ вліяніемъ масонства, въ землячествахъ заводились таинственные, хотя и невинные, «ордена» съ вечеринками (Kränzchen). А тутъ подвернулось убійство Коцебу, хотя, какъ теперь доказано, къ нему вовсе не были причастны ни буршества, ни корпораціи. И грянулъ громъ карлсбадскихъ постановленій, воспретившихъ всякіе студенческіе кружки. И настала глухая пора реакціи 1820—1830 годовъ, которая кажется теперь нѣмцу чѣмъ-то допотопнымъ.

Но тутъ была своя поучительность. Гони природу въ дверь—она

[1]) Характеристику этого студенческаго быта читатель найдетъ въ нашей *Новой Исторіи* (§ 106).

[2]) Оно описано въ нашей «Германіи накавунѣ революціи» («*Вѣстникъ Европы*», 1875, май—августъ).



влетитъ въ окно: реакція породила въ нѣмецкомъ студенчествѣ дѣйствительно политическія и тайныя общества, хотя идеаломъ ихъ опять было не болѣе, какъ объединеніе отечества. Съ 1848 г. настала послѣ-потопная эпоха: студентскіе союзы получили законное утвержденіе, и правительства начали даже покровительствовать имъ. Такъ, несмотря на рядъ препятствій, которыя, напротивъ, только возбуждали жизнь, сообщество, эта основная черта нѣмецкаго студенчества, все развивалось. Теперь здѣсь весело пестрѣютъ всевозможные оттѣнки жизни: къ 52 буршествамъ и 80 корпораціямъ примыкаетъ безчисленное множество необязательныхъ кружковъ, гимнастическихъ, пѣсенныхъ и другихъ обществъ, особенно плодящихся съ 1870 года. Эти союзы распространяются и по всѣмъ техническимъ высшимъ заведеніямъ; они проникли и за предѣлы Германіи— въ Австрію и Швейцарію.

Рядомъ съ этой изумительной дифференціацей, съ животворнымъ расчлененіемъ, идетъ, конечно, процессъ интеграціи, сліянія мелкоты въ одно великое цѣлое, хотя онъ еще не завершился. Уже съ 1856 г. депутаты отъ всѣхъ корпорацій нѣмецкихъ университетовъ собираются, въ Троицынъ день, въ Кёзенѣ (у Мерзебурга), на съѣздъ, который представляетъ у нихъ высшую законодательную и судебную власть. Съ 1874 г. буршества каждаго университета обзавелись собственною «сходкой депутатовъ» (Deputirten-Konvent); а всѣ они вмѣстѣ образуютъ «всеобщую сходку депутатовъ». Съ 1886 г. они издаютъ собственный органъ «Burschenschaftliche Blätter», редакція котораго выпустила, въ 1890 г., прелюбопытное руководство—«Handbuch für den deutschen Burschenschaften». У корпорацій есть свой органъ—«Akademische Monatshefte»; онъ издается, съ 1884 г., въ Мюнхенѣ. Съ 1883 г., когда въ Іенѣ былъ открытъ торжественно памятникъ буршествъ, началось новое, самое серьезное и богатое надеждами движеніе въ средѣ нѣмецкаго студентства. Это— симпатичное «Преобразователь-Буршество» (Reform-Burschenschaft), которое стремится къ научно-нравственному облагороженію студенчества: оно усиливается истребить средневѣковые пережитки въ нравахъ и бытѣ молодежи, съ которыми борется и Циглеръ; оно горячо возстаетъ противъ дуэлей, стараясь замѣнить ихъ судами чести.

«Преобразователь», конечно, не признанъ «всеобщею сходкой депутатовъ», которая, еще связанная со стариной, видитъ въ немъ свою естественную смерть. Но онъ распространяется всюду. Насчитывается уже 13 его отдѣленій, которыя образуютъ «Всеобщій Нѣмецкій Союзъ Буршей». Этотъ союзъ устраиваетъ ежегодно, въ Эйзенахѣ, сходку депутатовъ отдѣленій и издаетъ собственный органъ—«Allgemeine Deutsche Universitäts-Zeitung». Во всякой арміи есть свои Ѳерситы. Рядомъ съ «Преобразователемъ», устремленнымъ къ будущему, фигурируетъ, подъ громкимъ именемъ «Союза нѣмецкихъ студентовъ» (Verein deutscher

Studenten), горсть юношей, смотрящихъ назадъ. Они собираются, разъ въ годъ, на Кифгейзерѣ, гдѣ, по преданію, сидитъ, въ подземной пещерѣ, Барбаросса, поджидая воскресенія могущества римскихъ императоровъ; они облекаются въ яркіе имперскіе цвѣта, фанатично проповѣдуютъ жидоморство да націонализмъ, въ духѣ императорскаго посланія отъ 1881 г. [1]).

Возвращаемся къ нашему автору. Понятно, нѣмецкій профессоръ дорожитъ такимъ полезнымъ и, можно сказать, національнымъ учрежденіемъ, какъ свободныя сообщества студентовъ. Циглеръ часто касается его, стараясь укрѣпить его улучшеніями. «Нелѣпо,—говоритъ онъ,—запрещать или ограничивать сообщества студентовъ... Господь правду сказалъ, что нехорошо человѣку одному быть. Вообще, принадлежность къ корпораціи—дѣло самое естественное и выгодное; а у студентовъ ассоціація наиболѣе соотвѣтствуетъ и общественному духу времени». Сообщество тѣмъ болѣе необходимо для студента, что «онъ, оторванный отъ остальнаго гражданства, предоставленъ себѣ самому, долженъ самъ себя воспитывать: профессора не имѣютъ на него прямого воспитательнаго вліянія, а дисциплинарной власти они вовсе не желаютъ тутъ имѣть». Сообщество истинно воспитываетъ студента со всѣхъ сторонъ, начиная съ манеръ. Но особенно драгоцѣнно оно, какъ средство для развитія ума, сердца, способности разсуждать и говорить. «Здѣсь, какъ вездѣ, общественность, ассоціація—лучшее и высшее оружіе противъ атомизма и индивидуализма».

Циглеръ справедливо опасается только кружковщины, въ которой такъ легко заводится бактерія «нетерпимости». При этомъ онъ намекаетъ на ту язву современной Германіи, которая проникла и въ «Союзъ нѣмецкихъ студентовъ»: въ 1860-хъ годахъ, въ южныхъ университетахъ нѣкоторыя корпораціи не принимали сѣверныхъ нѣмцевъ; а теперь дѣлается иногда различіе между христіанами и евреями. «Какъ далека отъ насъ та политическая нетерпимость!—восклицаетъ профессоръ.—А нетерпимость религіозная развѣ менѣе неразумна, менѣе невѣжественна?» Студентъ, по самому своему существу, долженъ стоять внѣ всякихъ сложившихся односторонностей: «Учиться—значитъ стремиться къ ясности, къ научной точкѣ зрѣнія, а не принимать заранѣе извѣстное направленіе, не считать уже всякіе вопросы рѣшенными для себя. Студентъ еще не созрѣлъ научно, и такимъ долженъ быть: только такъ можетъ онъ стоять открытымъ, воспріимчивымъ ко всякимъ научнымъ вліяніямъ, можетъ относиться критически ко всему». Вотъ почему Циглеръ совѣтуетъ новичку приставать къ корпораціямъ многолюднымъ, (100 и болѣе человѣкъ)

[1]) Подробныя свѣдѣнія о сообществахъ, объ этой любопытной сторонѣ студенческаго быта въ Германіи, даетъ *U. K. Schmid:* «Das Wesen der Burschenschaften, auf geschichtlichem Grunde». Jena. 4-е изданіе въ 1890 г.



и смѣшаннымъ, гдѣ встрѣчались бы «медики и богословы, матеріалисты и спиритуалисты, философы и юристы, разсуждающіе или умозрительно-радикально, или положительно-осторожно».

## V.

## Студенческая свобода духа.

Глубокомысліе нѣмецкаго профессора, благородство его ума, широко развитаго наукой, видны лучше всего изъ тѣхъ наиболѣе теплыхъ и пространныхъ лекцій, которыя посвятилъ Циглеръ идеальной сторонѣ вопроса.

Въ самомъ дѣлѣ, та академическая свобода, о которой мы говорили до сихъ поръ, какъ о душѣ университета, науки и студенческаго быта, еще далеко не составляетъ всего. Это, такъ сказать, внѣшняя оболочка, воздухъ, стихія академической жизни; это—вода, безъ которой рыба не только не можетъ плавать, но тотчасъ задохнется, уснетъ навѣки. А самая-то жизнь, то, что наполняетъ храмъ высшаго «образованія», то, что называется «академическимъ духомъ»? Изъ чего и какъ создается современный *идеалъ студента?*

Здѣсь выступаетъ, во всемъ его величіи и поэзіи, то священное начало *внутренней свободы*, какъ души безконечнаго развитія и строжайшаго порядка, котораго не вправѣ бояться никакой двуногій заяцъ, котораго не дерзнетъ оклеветать никакой фарисей субординаціи. Это начало, безъ котораго немыслимо никакое христіанское общество, къ которому сводятся, какъ рѣки къ океану, всѣ идеальныя силы бытія, называется въ обыденной рѣчи *терпимостью* или *человѣчностью*, въ поэзіи Данта и Шекспира—состраданіемъ, а въ Евангеліи — любовью къ ближнему. На этомъ животворномъ началѣ покоится и наука: она пріучаетъ человѣка переноситься сердцемъ въ положеніе ближняго, развивая въ его умѣ способность объективироваться, вѣрно схватывать всякія идеи и мнѣнія и оцѣнивать ихъ съ серьезною критикой. Это начало—краеугольный камень всего развитія человѣчества: кто видитъ его, передъ тѣмъ поднята завѣса будущаго, и будущаго, блещущаго радужными лучами счастья.

Студентъ долженъ быть цѣломудренъ не только сердцемъ и тѣломъ, но и умомъ. Это убѣжденіе составляетъ стержень, на который нанизывается вся цѣпь лекцій нѣмецкаго профессора. Циглеръ постоянно твердитъ свое «caeterum censeo», убѣждая студентовъ быть *воспріимчивыми* ко всему, но ко всему-же относиться *критически*, не кидаясь сразу ни въ какую бездну строго-сложившихся направленій или сторонъ жизни: студентъ во всемъ долженъ быть «свободнымъ отъ историческихъ преданій и благоговѣній» (liegt es im Wesen des Studenten *unhistorich*



und pietätslos zu sein). Здѣсь взглядъ Циглера такъ серьезенъ и объективенъ, что смѣло касается тѣхъ вершинъ студенческаго вопроса, гдѣ этотъ вопросъ соприкасается съ интересами всего человѣчества. И насъ не можетъ устрашить безхитростное ознакомленіе съ нимъ, поучительное, даже обязательное тѣмъ болѣе, что тутъ дѣло идетъ не о нѣмецкомъ буршѣ, а объ идеалѣ студента вообще.

Здѣсь насъ встрѣчаютъ самые задушевные, животрепещущіе вопросы— объ отношеніи студенчества къ религіи, политикѣ и общественному строю, къ наукѣ, литературѣ и искусству.

## VI.

## Студентъ и терпимость.

Во главѣ этого изслѣдованія идетъ вопросъ, повидимому, мудреный и щекотливый, но, при серьезности взгляда, простой и безобидный для всѣхъ. Онъ представляетъ нѣкоторое осложненіе только для тѣхъ странъ, гдѣ нѣтъ богословскихъ факультетовъ, которыми такъ справедливо гордится Германія. И именно съ этой стороны, Циглеръ искренно раскрываетъ намъ любопытныя нѣмецкія карты. Указавъ на освобожденіе науки, которая была, въ средніе вѣка, «служанкой теологіи», онъ замѣчаетъ съ сожалѣніемъ, что «церкви (и католическая, и протестантская) неохотно признаютъ этотъ фактъ: онѣ вѣчно возмущаются и возстаютъ противъ научной стороны своихъ факультетовъ, часто даже просто позвѣрски (in oft geradezu brutaler Weise)». Такъ, не далѣе, какъ мѣсяца за два передъ лекціями Циглера, эльзасскій депутатъ, католическій священникъ, заявилъ имперскому сейму, что въ страсбургскомъ университетѣ «нѣтъ ни слѣда, ни искры религіи».

Циглеръ свидѣтельствуетъ, въ отвѣтъ, что страсбургскій университетъ, «какъ и всякій современный», не обучаетъ религіи, предоставляя ее установленнымъ церквамъ. «Мы обучаемъ наукѣ; наше достояніе—*свободная* наука: вѣдь мы живемъ не въ средніе вѣка, подъ сѣнью церкви. Оттого-то исчезъ и вѣроисповѣдный характеръ университетовъ. Католикъ-ли или протестантъ, христіанинъ или еврей,—мы привѣтствуемъ всѣхъ равно, какъ учениковъ и учителей. Приглашая профессоровъ, мы смотримъ только на научное достоинство, не справляясь о томъ, какого исповѣданія или религіознаго направленія придерживается доцентъ».

Но позвольте обратиться къ студенту съ вопросомъ Гретхенъ: «а какъ насчетъ религіи»? Циглеръ не скрываетъ, что тутъ не все благополучно, и, прежде всего, благодаря жалкому преподаванію въ гимназіяхъ: гдѣ царитъ равнодушіе, гдѣ—лицемѣріе. Онъ скорбитъ объ этомъ, такъ какъ теперь этотъ вопросъ сталъ важнѣе, чѣмъ 20 или 40 лѣтъ тому назадъ: теперь «тихо, но очевидно, проходитъ религіозное, мистическое

настроеніе по литературѣ и по искусству, по обществу и народу: самое христіанско-соціальное движеніе указываетъ на это возрожденіе и усиленіе религіознаго двигателя». Циглеръ убѣдился въ этомъ во-очію: въ концѣ его лекціи о религіи произошло движеніе въ аудиторіи, которое было принято профессоромъ за знакъ одобренія, а католическими газетами—за протестъ.

Какъ-же быть? Очень просто. Студентъ и здѣсь долженъ возмѣщать упущенное въ школѣ. Теперь прошли времена, когда религіозный разговоръ въ обществѣ считался чѣмъ-то запретнымъ и знакомъ неразвитости: вѣчная задача объ отношеніяхъ между знаніемъ и вѣрой—чисто научная тема; это—достояніе всѣхъ факультетовъ. «Религіозный вопросъ, какъ и другіе общественные вопросы, должно изучать: студенты должны интересоваться имъ, читать о немъ, обсуждать его, спорить о немъ». Но и тутъ—caeterum censeo! «Не будьте только уже готовыми, законченными, въ особенности-же нетерпимыми!»—умоляетъ своихъ слушателей нѣмецкій профессоръ, предъ которымъ, вѣроятно, проносился въ ту минуту мрачный призракъ «Союза нѣмецкихъ студентовъ». Онъ не можетъ понять такого «невѣжества, такого недостатка терпимости истинно-образованнаго человѣка», какъ «бойкотированіе еврея христіаниномъ, протестанта—католикомъ, невѣрующаго—вѣрующимъ». Вѣдь «ни одна церковь, ни одно исповѣданіе не обладаютъ всею религіозною жизнью: всѣ дополняютъ другъ друга». И никогда не должно забывать, что религія—дѣло частное, вопросъ совѣсти каждаго отдѣльнаго лица: тутъ ничего не подѣлаютъ никакіе «низвергательные» проекты.

## VII.

## Студентъ и общественность.

Циглеръ видитъ въ религіи одно изъ орудій развитія общественнаго духа: «идея Бога,—говоритъ онъ, — есть соціальная идея». Оттого онъ ставитъ подобнымъ-же образомъ вопросъ объ отношеніяхъ студентовъ къ политикѣ и общественному строю.

Циглеръ склоняется къ смѣлому мнѣнію Трейчке, будто «вести политику и управлять міромъ могутъ лучше всего люди 50—60-ти лѣтъ». Во всякомъ случаѣ, «дѣятельное участіе студентовъ въ политической жизни *нежелательно*». Но Циглеръ протестуетъ противъ мнѣнія, будто они вообще должны чуждаться политики. Да это и невозможно для молодежи, «политическаго животнаго», для дѣтей своего народа, особенно теперь, когда студентъ завтра-же дѣлается, волей-неволей, политическимъ дѣятелемъ. Циглеръ считаетъ «и правомъ, и даже долгомъ» студента «пріобрѣтать политическія убѣжденія» путемъ слушанія лекцій по общественнымъ наукамъ, особенно по политической экономіи, путемъ чтенія газетъ

и посѣщенія народныхъ собраній, гдѣ отчего-бы ему и не говорить, если только у него есть даръ слова? Только «партія» и студентъ—понятія, исключающія другъ друга: партія—нѣчто твердое, даже упорное, угловатое, часто фанатичное; студентъ—нѣчто несложившееся и свободное. И здѣсь онъ долженъ обсуждать, спорить, относиться критически: студентъ «долженъ или пройти всѣ партіи, хотя теоретически, или относиться вообще скептически къ партійной жизни». Это хорошо подѣйствовало-бы на самыя нѣмецкія партіи, о которыхъ Циглеръ, вообще, не высокаго мнѣнія.

Въ Германіи, заговоривъ о политикѣ, нельзя не коснуться и соціальнаго вопроса: тамъ во всѣхъ университетахъ читается много курсовъ въ этомъ направленіи; политическія партіи сами затрогиваютъ молодежь съ этой стороны; среди студентовъ образуются научно-соціальные кружки. Циглеръ горячо возстаетъ противъ требованія «бороться съ соціалъ-демократіей», которое предъявляется университетамъ и даже гимназіямъ. «Это—злоупотребленіе школой, какъ слугою извѣстной партіи; это противорѣчитъ ея задачѣ. Тутъ школа можетъ достигнуть лишь противоположнаго результата, именно расширенія пропасти между нею и семьей. А университетъ ничто не въ силахъ привлечь къ такой тенденціозной и прямой службѣ: его дѣло—преподавать науку, а не бороться съ партіями, не разводить заказные образы мыслей».

И, съ научной точки зрѣнія, университеты усердно разбираютъ соціальный вопросъ: «я не знаю науки,—говоритъ Циглеръ, — которая теперь не требовала-бы изученія соціальнаго вопроса, не дѣлала-бы его необходимымъ». Нѣмецкій профессоръ не видитъ только особенной пользы отъ стремленія своихъ студентовъ образовывать спеціальныя общества для научнаго знакомства съ соціальнымъ вопросомъ. Впрочемъ, оно радуетъ его, какъ признакъ возбужденнаго въ молодежи интереса къ нему; онъ не считаетъ «ни справедливымъ, ни особенно умнымъ осмѣивать эти общества, какъ убѣжища дилетантизма, или даже запрещать ихъ, какъ разсадники соціалъ-демократіи»... Циглеръ восклицаетъ, въ благородномъ одушевленіи, предостерегая студентовъ отъ тѣхъ, которые стараются воздерживать ихъ отъ жизни: «О нѣтъ! Въ воду, т. е. въ жизнь и—съ открытыми глазами, съ открытымъ сердцемъ, съ свѣтлою головой! И, повѣрьте, кто совѣтуетъ вамъ предоставить обдумываніе и обсужденіе вопросовъ времени намъ, старшимъ, тотъ предлагаетъ вамъ камень вмѣсто хлѣба, тотъ не понимаетъ васъ!»

Окунаться въ этотъ потокъ жизни необходимо нѣмецкому студенту. Онъ, вѣдь, уже на университетской скамьѣ купается въ немъ обязательно, въ качествѣ «однолѣтка-вольноопредѣляющагося» [1]); а завтра онъ — чи-

[1]) *Einjährig-Freiwillige* въ Германіи—каждый студентъ. Для отбыванія воинской повинности ему дается отпускъ изъ университета на 2 семестра, и съ сохраненіемъ



новникъ, пасторъ, избиратель, членъ парламента. Но есть еще болѣе глубокая причина. Этотъ, еще не готовый, сосудъ будущаго наполняется противоположными теченіями, свойственными переходному времени, которыя онъ долженъ уравновѣсить, понять, чтобы не быть сбитымъ и не разбиться въ дребезги!

Кромѣ того, въ натурѣ студента есть элементы, влекущіе его къ новому духу времени. «Онъ радикалъ,—говоритъ Циглеръ,—онъ не любитъ ни оппортунистическихъ оглядокъ на существующія условія и отношенія, ни сдѣлокъ и уступокъ. Къ тому-же, онъ не испорченъ: оттого ему кажется возможнымъ многое такое, что, въ виду суровой дѣйствительности, невѣроятно или неисполнимо для человѣка, наученнаго исторіей. Жизнь студента, его чувства и стремленія полны музыки будущаго: какъ-же бы онъ не сочувствовалъ государству будущаго? Наконецъ, въ студентѣ есть рыцарская черта: у него есть сердце (вѣдь онъ еще молодъ!) для бѣдныхъ, слабыхъ, угнетенныхъ; ихъ жалобы достигаютъ его слуха». Прибавимъ, что въ самомъ бытѣ студентовъ неизбѣжна соціальная черта: сюда относятся духъ товарищества, сборища, союзы, споры и т. д.

Но рядомъ несомнѣнно и другое теченіе, по крайней мѣрѣ въ Германіи, гдѣ партикуляризмъ и долгій политическій гнетъ оставили глубокіе слѣды въ нравахъ. Вотъ свидѣтельство нѣмецкаго профессора: «Индивидуализмъ—естественная и законная черта нѣмецкаго студента... И у этого, отступающаго, врага новѣйшаго теченія есть свои запасныя войска. Онъ показываетъ свою силу въ томъ отголоскѣ, который нашла философія индивидуализма Ницше въ большей части нашей юнѣйшей литературы, а также между студентами». А тутъ—та особенность академической жизни, на которой настаиваетъ Циглеръ, но которая несовсѣмъ ясна для насъ. «Университетъ и его жизнь, по его словамъ, пропитаны демократизмомъ: здѣсь падаютъ всѣ предразсудки и перегородки чина и званія. Но въ то-же время, это—учрежденіе аристократическое; цѣль его—созданіе аристократіи, истинной аристократіи чисто человѣческаго образованія». Оттого-то «рабочій народъ злобно относится къ высшимъ десяти тысячамъ», которыя, на его взглядъ, только разгуливаютъ да пиво пьютъ, а потомъ станутъ заправлять имъ.

Здѣсь отмѣтимъ любопытную черту въ нѣмецкомъ студентѣ, какъ пережитокъ нравовъ юнкерства и помѣщичьяго барства. Это—«надменное, грубое, презрительное въ лучшемъ случаѣ насмѣшливое и шутливое»

---

всякихъ «бенефицій» (стипендій и т. под.). А такъ какъ для государственнаго экзамена довольно 6 семестровъ (3 лѣтъ), то выходитъ, что студентъ можетъ учиться всего 4 семестра! Немудрено, что, по словамъ Циглера, въ Германіи «часто удивляются недостаточности научной подготовки у чиновниковъ и духовенства». Такъ государство само подрываетъ свои силы.

обращеніе съ мѣщаниномъ, рабочимъ, слугой. Немудрено, что нѣмецкому профессору приходится держать странныя для насъ рѣчи. Онъ вооружается противъ «глупаго латинскаго и академическаго высокомѣрія»; онъ увѣряетъ студентовъ, что рабочіе—ихъ «братья, и совершенно почтенные, достойные уваженія братья». Онъ скорбитъ, бѣдняга, что въ Германіи еще слабо развитъ Широкій Университетъ Англіи и Скандинавіи и въ немъ мало участвуютъ обыкновенные университеты: «Мы—говоритъ онъ—слишкомъ бѣдны для этого и слишкомъ глубока пропасть между классами въ нашемъ военномъ и чиновничьемъ государствѣ».

VIII.

## Наука и общее образованіе.

Циглеръ вѣренъ одушевляющему его началу свободы и въ святая святыхъ профессора—въ области науки. У него и здѣсь широкій, человѣчный взглядъ, далекій отъ всякаго педантизма. Странно, но обыкновенно у лучшихъ студентовъ, на первыхъ порахъ, проявляется этотъ педантизмъ въ желаніи сразу стать завзятымъ «спеціалистомъ» въ избранномъ узкомъ кругу знаній. Намъ, въ нашей личной профессорской дѣятельности, постоянно приходилось бороться съ подобными стремленіями нашихъ классиковъ, которые зачастую плохо знаютъ и свою латынь, а объ общемъ образованіи мало даже слыхали. Мы не могли забыть шедшихъ по преданію, отъ Грановскаго, словъ нашихъ учителей, С. М. Соловьева, Буслаева, Леонтьева о вредѣ ранней спеціализаціи. Особенно врѣзался въ нашей памяти примѣръ добраго товарища и впослѣдствіи хорошаго профессора, который мнилъ себя, на 1-мъ курсѣ, глубокимъ спеціалистомъ по филологіи, но, на благо себѣ и наукѣ, былъ оставленъ на этомъ курсѣ Леонтьевымъ, доказавшимъ ему на экзаменѣ слабость его латыни.

Тотъ-же взглядъ встрѣчается у всѣхъ профессоровъ не-педантовъ. Блекки весьма просто изложилъ его въ слѣдующихъ словахъ: «Ранняя спеціализація—большая ошибка, какъ это вполнѣ доказано. Такъ-называемый чистый спеціалистъ—всегда человѣкъ ограниченный; хуже, онъ въ извѣстномъ смыслѣ человѣкъ искусственный, креатура техническихъ навыковъ и частныхъ свѣдѣній, одинаково далекая какъ отъ великихъ истинъ природы, такъ и отъ здороваго вліянія человѣческаго общенія. Поэтому, вмѣсто того, чтобы, очертя голову, бросаться на чисто-спеціальное занятіе, молодой человѣкъ сдѣлаетъ лучше, если станетъ, по возможности, избѣгать отупляющаго вліянія ученаго ремесленничества».

Столь-же сильно, но еще болѣе примѣняясь къ студентамъ, выражается Циглеръ: «По мнѣ, пониженіе университетовъ до уровня спеціальныхъ школъ было-бы великою опасностью и для нихъ самихъ, и для

всего нашего національнаго образованія... Этимъ путемъ пошлый, мелкій утилитаризмъ грозитъ подорвать высокій, свободный духъ нашихъ университетовъ». Ничто не пойдетъ безъ хорошаго общаго образованія; а оно падаетъ по мѣрѣ нынѣшняго развитія ремесленной спеціализаціи. Оказывается, что въ Германіи оно не дается гимназіями, которыя напичканы мертвыми языками и негодными обрывками разныхъ спеціальностей: и тамъ «часто самые примѣрные, первые, образцовые ученики— самые необразованные люди». Мало того: гимназіи «весьма мало развиваютъ стремленіе къ самообразованію», въ которомъ все дѣло; вѣрнѣе— онѣ часто убиваютъ его зародыши и даже внушаютъ отвращеніе къ наукѣ.

Въ видахъ общаго образованія, Циглеръ совѣтуетъ всѣмъ студентамъ посѣщать лекціи по исторіи, литературѣ и философіи, въ особенности-же самимъ читать, читать возможно больше: онъ готовъ даже сказать—все. При этомъ онъ сознается, что нынѣшняя нѣмецкая молодежь почти вовсе не знаетъ богатой отечественной литературы; и это опять благодаря, главнымъ образомъ, устарѣлой постановкѣ гимназическаго обученія. Затѣмъ студентъ долженъ пользоваться всякимъ случаемъ для пріобрѣтенія эстетическаго образованія, котораго онъ совсѣмъ лишенъ: «пусть не проходитъ онъ съ закрытыми глазами даже мимо лавокъ съ картинами, мимо художественныхъ предметовъ, выставленныхъ въ окнахъ!»

## IX.

## Идеальный и дѣйствительный студентъ.

Только общее образованіе на такихъ широкихъ основахъ можетъ дать намъ истиннаго, желаннаго студента. А главнымъ отличіемъ этого человѣка будущаго, человѣкъ XX-го вѣка, долженъ быть «нравственный идеализмъ», какъ выражается нѣмецкій профессоръ, подводя итоги своимъ обсужденіямъ университетскаго вопроса. У молодежи должны быть идеалы, которые совмѣстимы со всякимъ теоретическимъ міровоззрѣніемъ. Но нѣмецкая молодежь, закидывая вопросами своего профессора, въ отвѣтъ на его искреннее признаніе, спрашивала его: «Дайте-же намъ эти идеалы, но такіе, въ которые мы могли-бы вѣрить, а не отсталые, которыхъ мы знать не хотимъ!» Конечно, профессоръ отказался отвѣчать, и не потому только, что онъ «лично относится критически и скептически къ разнымъ новымъ богамъ, къ этимъ Ибсенамъ, Ницше и Толстымъ». По его мнѣнію, никто не можетъ дать намъ идеаловъ: мы сами должны создавать ихъ изъ науки и жизни, изъ собственнаго разумѣнія и собственной совѣсти. Циглеръ совѣтуетъ только создавать возможно высокіе идеалы, ставить возможно широкія и далекія цѣли, а главное, помнить, что «не разслабленная міровая скорбь, а гордое недовольство самимъ

собою — вотъ соль юношескаго міровоззрѣнія, охраняющая насъ отъ гніенія».

Къ прискорбію, самъ нѣмецкій профессоръ знаетъ, что легче сказать такія прекрасныя слова, чѣмъ видѣть ихъ осуществленіе. Онъ говоритъ: «А между тѣмъ, въ томъ-то и печальный признакъ нашего времени, что ничего не растетъ у насъ и не образуется изнутри, что многіе на дѣлѣ остаются безъ идеаловъ». Циглеръ не скрываетъ, что въ Германіи большинство идетъ въ университетъ съ цѣлью «сдѣлаться чѣмъ-нибудь». Одна изъ причинъ этого явленія—опять гимназія, которая «перетаскиваетъ изъ класса въ классъ массу грошоваго балласта учениковъ». Но она лишь отвѣчаетъ на запросы «высокомѣрія и сословныхъ предразсудковъ», коренящіеся въ обществѣ: «посовѣтуйте-ка офицеру, чиновнику, духовному лицу сдѣлать своего бездарнаго сына простымъ ремесленникомъ, напримѣръ, портнымъ!» А въ чиновничьемъ государствѣ, дѣйствительно, имѣетъ свое значеніе стать чиновникомъ, членомъ высшей касты. Многихъ привлекаютъ въ университетъ еще просто сладости и великолѣпіе жизни буршей. А на этой-то почвѣ выростаютъ такія прелести, какъ «карьеризмъ, ремесленничество, лѣнь и распущенность». Такъ и въ университетахъ заводится свой «балластъ, какъ-бы пролетаріатъ образованія и мысли, который жметъ, задерживаетъ нашу работу и виситъ на насъ чистымъ свинцомъ». Онъ особенно часто встрѣчается въ двухъ факультетахъ—юридическомъ и богословскомъ.

Въ Шотландіи, по свидѣтельству профессора Блекки, другая бѣда. Тамъ студентъ, подобно отжившему цинику, разучился «удивляться», восторгаться и «повсюду носитъ съ собой книжный запахъ, столь-же замѣтный, какъ и табачный». И эта «книжная зараза» до того безпокоитъ профессора здоровой, горной страны, что онъ прославляетъ Пруссію именно за однолѣтокъ-вольноопредѣляющихся и совѣтуетъ своему студенту, забывая изобрѣтеніе Гутенберга, «присоединиться къ корпусу волонтеровъ», какъ называются въ Англіи общества для подготовки къ военной службѣ.

Но все это цвѣтики въ сравненіи съ тою картиной, которую рисуетъ намъ французъ, хотя, очевидно, пессимистъ, притомъ имѣющій въ виду одинъ Парижъ. Помимо того печальнаго состоянія тѣла, которое называется «физическою лѣнью», тутъ цѣлая «атонія, душевная дряблость», со всѣми ея страшными послѣдствіями—безстрастіемъ, скукой, истомой безъ труда, пустою болтовней, глупымъ тщеславіемъ и парижскою распущенностью. Такими картинами дряблости студентства переполнена книга Пейо о «воспитаніи воли».

А что у насъ? На это могутъ отвѣтить только нашъ братъ, русскій профессоръ, да сами его студенты...

Профессоръ **А. Трачевскій.**

---

# Передъ грозой.

---

Не пылитъ еще дорога,—
Но вездѣ уже тревога,
Непонятная тоска.
Утомительно для слуха
Гдѣ-то ноетъ, ноетъ муха
Въ тонкой сѣткѣ паука.

* * *

И похожъ далекій громъ
На раскатъ глухого смѣха.
Въ черной тьмѣ, въ лѣсу ночномъ—
Грозовой тяжелый запахъ
Удушающаго мѣха.
Въ небѣ—гулъ глухого смѣха.
О, тяжелый, душный запахъ!
Этотъ мракъ не успокоитъ,—
Сердце бьется, сердце ноетъ,
Въ сердцѣ—вѣщая тоска.
Гдѣ-то муха ноетъ въ лапахъ,
Въ страшныхъ лапахъ паука...

**Д. Мережковскій.**

---

# На конкурсѣ.

## Разсказъ.

---

### IX.

Два прошенія были написаны и посланы съ необходимыми бумагами. Викторъ также, какъ и товарищи его по школѣ, собирался держать экзаменъ въ два разныхъ заведенія: въ институтъ *** и въ технологическій,—провалится въ одномъ, будетъ шансъ поступить въ другой.

Лѣто для Виктора проходило въ волненіи и нервномъ возбужденіи. То долго не получался отвѣтъ на его прошеніе, и онъ ходилъ, повѣся носъ, ожидая самаго худшаго, т. е. что не будетъ допущенъ къ состязанію, потомъ возникъ вопросъ объ одеждѣ, кромѣ стараго мундира реальнаго училища, его ветхаго форменнаго пальто, да двухъ парусинныхъ куртокъ—у него ничего не было. Пальто и мундиръ реальнаго училища надо было оставить,—онъ не имѣлъ уже права носить ихъ. Приходилось брать въ Петербургъ парусинныя куртки, да необходимо было сшить какое-нибудь верхнее платье. Просить дядю Викторъ рѣшительно не могъ, брать изъ ассигнованныхъ 200 рублей просто было страшно, хотя ему это казалось огромной суммой, но вѣдь изъ этой же суммы нужно будетъ шить форменное платье. У матери въ разныхъ коробочкахъ было накоплено рублей 12 и приходилось брать эти накопленные гроши. И вотъ верхнее лѣтнее, правда, очень, очень тоненькое пальто было сшито. Оно оказалось прекраснымъ, хотя стоило всего 11 рублей, и радовало нашего юношу. Онъ даже не могъ отказать себѣ въ удовольствіи въ первый-же день, какъ оно было принесено, обновить его, и пошелъ почему-то прямо къ Бѣлову и стоялъ у него подъ окномъ, перекидываясь совершенно ненужными словами, пока не увидала его Катя и не подошла къ окну.

— Васъ можно поздравить съ обновкой, Брянцинъ,—сказала Катя своимъ звенящимъ голоскомъ.

— Это вы насчетъ пальто?—сдѣлавъ индифферентное лицо, сказалъ Викторъ,—да вѣдь нельзя же, въ столицу ѣдемъ; видно, вы, дѣйствительно, помолились за меня, Катя, — прибавилъ онъ, воспользовавшись моментомъ, когда Бѣловъ отошелъ отъ окна.

— Я такъ рада,—сказала Катя краснѣя,—что вамъ удалось уговорить дядюшку. Я не сомнѣваюсь, что вы будете приняты, какъ и нашъ Николай.

Викторъ тоже не сомнѣвался и горѣлъ нетерпѣніемъ скорѣй отличиться на конкурсѣ, какъ вдругъ разнеслась вѣсть, что экзамены отложены по случаю холеры до сентября. Для бѣднаго юноши являлось новое затрудненіе — нельзя было въ сентябрѣ явиться на экзаменъ въ парусинной курткѣ. Приходилось что-нибудь сшить болѣе подходящее ко времени года, а денегъ на это не было.

Вопросъ объ одеждѣ, конечно, гораздо больше волновалъ Настасью Петровну, чѣмъ Виктора, но свое волненіе она передавала сыну, а тутъ еще Николай Бѣловъ поддерживалъ ее, говоря, что въ сентябрѣ нельзя ходить въ парусинѣ въ Петербургѣ. Викторъ уже собирался просить дядюшку о выдачѣ ему 15 рублей изъ ассигнованныхъ ему 200, какъ явилась неожиданная подмога въ лицѣ ученика, котораго надо было подготовить къ вступительнымъ экзаменамъ во 2-й классъ реальнаго училища. Въ N экзамены тоже были отложены. И вотъ на заработанныя деньги былъ сшитъ пиджакъ. Викторъ совсѣмъ ободрился, ему уже казалось, что судьба взяла его подъ свое покровительство.

Экзамены между тѣмъ были отодвинуты еще на цѣлую недѣлю и это ожиданіе конкурса опять довело Виктора до какой-то нервной лихорадки. Онъ опять пересталъ вѣрить въ свою звѣзду, тѣмъ болѣе, что, судя по газетнымъ извѣстіямъ, наплывъ прошеній въ высшія учебныя заведенія былъ громадный. Въ голову полѣзли разныя мрачныя мысли. Ему стало казаться, что нельзя оставаться въ бездѣйствіи, что надо ѣхать, хлопотать о чемъ-то, что-то такое дѣлать. Быть можетъ, къ этому нервному состоянію присоединялся и страхъ, что въ послѣдній моментъ дядя откажетъ ему въ необходимомъ пособіи. Юноша поблѣднѣлъ, осунулся, ничѣмъ не могъ заняться.

— Да ты ужъ поѣзжай, Витенька,—говорила мать,—что ужъ съ тобой дѣлать, тамъ на мѣстѣ-то виднѣе тебѣ будетъ. Ничего, поѣзжай, благо квартира даровая.

У покойнаго мужа Настасьи Петровны былъ другъ и товарищъ Холизевъ, никогда не прерывающій сношеній съ его вдовой и сыномъ. Холизевъ давно перешелъ въ гражданское вѣдомство и служилъ въ Петербургѣ. Весною, когда Викторъ окончилъ курсъ реальнаго училища,



Настасья Петровна въ смятеніи чувствъ написала ему, прося взять подъ свое покровительство сына и выхлопотать ему стипендію въ одномъ изъ высшихъ заведеній. Ей нѣсколько разъ говорилъ сынъ, что стипендіи на первый годъ не даются и въ послѣдующіе годы зависятъ отъ степени успѣховъ студентовъ; но она не брала это во вниманіе и продолжала стоять на своемъ, что *похлопотать* не мѣшаетъ, когда есть *случайный* человѣкъ. Холизевъ, однако, отъ всякихъ хлопотъ отказался и предложилъ только одно—свою квартиру во время экзаменовъ, такъ какъ семья его будетъ еще въ деревнѣ, да и самъ онъ уѣзжаетъ въ отпускъ и надѣется не вернуться въ Петербургъ до самаго ноября. Онъ просилъ молодого человѣка не стѣсняться и пожить у него, благо прислуга въ квартирѣ остается. Викторъ рѣшилъ, не дожидаясь товарищей, уѣхать одинъ. Дѣло было только за дядюшкой Іосафомъ. Какъ то онъ взглянетъ на преждевременный отъѣздъ племянника.

## X.

Солнце стояло еще высоко, но весь садикъ при домѣ Іосафа Петровича былъ уже въ тѣни. Самъ хозяинъ въ картузѣ и старомъ верхнемъ пальто изъ небольшой лейки поливалъ цвѣты. Викторъ стоялъ, опустивъ руки, и насупившись смотрѣлъ на дѣйствія дядюшки.

— Ахъ, молодежь, молодежь,—говорилъ Іосафъ Петровичъ, улыбаясь и показывая улыбкой свои желтые зубы,—посмотрю я на васъ, ничѣмъ-то вы не интересуетесь, ничѣмъ заняться не хотите. Ну, вотъ кажется, чего бы лучше занятія, какъ садъ. Имѣй я возможность въ твои годы въ грядахъ копаться, Господи, Господи, какая бы радость-то была! А ты вотъ хоть бы дядѣ помогъ, и того не догадаешься.

— Не то на умѣ, дядюшка.

— Не то на умѣ? Ахъ, я и забылъ, извините, пожалуйста, я и забылъ, что у васъ высшія соображенія, да науки разныя на умѣ.

— Скорѣй предстоящіе экзамены, дядюшка. Я завтра собираюсь ѣхать.

— Завтра? — Іосафъ Петровичъ розинулъ ротъ и для выраженія еще большаго удивленія поставилъ лейку на скамью, — племянникъ завтра уѣзжаетъ, а я ничего и не знаю. Что-жъ, отлично, отлично, оно такъ и слѣдуетъ, мы старики ничего не знаемъ, отжили мы; уѣхалъ бы не простившись, я бы не удивился, такъ намъ и надо, голубчикъ, за наше объ васъ попеченье, за радѣнье...

— Дядюшка!—воскликнулъ Викторъ,—зачѣмъ вы это говорите! какъ бы и съ чѣмъ я уѣхалъ-бы безъ вашего вѣдома!

— А вотъ оно, значитъ, и дядюшка Іосафъ понадобился, раскошеливайся, значитъ, дядя Іосафъ. А если у дядюшки нѣтъ теперь

денегъ? что на это скажете вы, племянникъ? Развѣ дядюшка вашъ держитъ такія деньги въ домѣ, а? какъ вы думаете? нѣтъ, если вамъ денегъ надо, то подождете, хе, хе, подождете! Вѣдь деньги эти горбомъ нажиты, неужели же имъ валяться въ столѣ, откуда всякій вытащить можетъ, или въ карманѣ таскать! Денегъ я вамъ дамъ, господинъ технологъ, не отказываюсь, обѣщаніе далъ и вы ихъ получите,—говорилъ Іосафъ Петровичъ, насмѣшливо поглядывая на юношу,—но вы ихъ подождете, подождете!..

Растерянный видъ племянника, очевидно, доставлялъ нѣкоторое наслажденіе дядюшкѣ.

Прошелъ день, наступилъ другой, Іосафъ Петровичъ ни словомъ не упоминалъ о деньгахъ. Онъ былъ въ хорошемъ настроеніи,—шутилъ съ Наташей, говорилъ съ сестрой на божественныя темы, посмѣивался надъ угрюмымъ видомъ племянника.

— Вотъ она ученость-то до чего доводитъ, хе, хе,—но о деньгахъ какъ будто и разговора не было.

— Ишь ехидна, право, ехидна!—говорила сыну Настасья Петровна,—ты думаешь, нѣтъ у него денегъ! давно припасены, не можетъ онъ только ихъ такъ по добру выпустить, помучить насъ надо; вотъ вымотаетъ душу, заставитъ еще разъ тебя просить, тогда и разстанется. Людское униженіе ему любо—вотъ что!

— Ахъ, перестань, мамаша,—сдвигая брови, восклицалъ Викторъ,—мы сами себя унижаемъ этими рабскими разговорами. Нѣтъ, я, кажется, ни за что, ни за что не упомяну больше о деньгахъ.

— Значитъ, и въ Петербургъ не поѣдешь. Онъ только того и ждетъ, чтобы ты просилъ его опять, я ужъ сколько разъ начинала и не слушаетъ, въ толкъ не беретъ, о божественномъ все болтаетъ. Охъ, ехидна!

Викторъ цѣлыхъ три дня ждалъ напрасно, чтобы дядя далъ ему денегъ. Скрѣпя свою молодую гордость, Викторъ долженъ былъ самъ начать разговоръ о нихъ.

— Ахъ, да,—сказалъ Іосафъ Петровичъ,—я было и забылъ о деньгахъ-то. Деньги готовы, тогда еще взялъ изъ банка, напрасно не напомнилъ, Витенька.

Іосафъ Петровичъ привелъ племянника въ свою комнату, заперъ на ключъ дверь, отворилъ несгораемый шкафъ и не безъ торжественности вынулъ оттуда девяносто пять рублей. Онъ сѣлъ за письменный столъ и дрожащими, длинными безкровными пальцами пересчиталъ, щупая каждую бумажку; но и пересчитавъ, онъ не передалъ племяннику, а прикрылъ рукою, какъ бы жалѣя выпустить ассигнаціи изъ своего владѣнія и дрожащимъ голосомъ заговорилъ:

— Получи, племянникъ, и знай—противъ своего желанія отдаю,



противъ желанія!.. Сверхъ ассигнованнаго ничего не жди, гроша мѣднаго не дамъ, такъ и знай, и помни... Вотъ какъ передъ Богомъ говорю,—торжественно выговорилъ онъ, все еще не выпуская изъ подъ лѣвой руки денегъ и протягивая правую къ образу.—Коли не выдержишь въ нынѣшнемъ году экзамена, пеняй на себя, живи, какъ знаешь, и на будущій годъ субсидій не жди и о мѣстѣ больше просить не буду.

— Я знаю, дядюшка.

— Знаешь? такъ, значитъ, ужъ очень на себя надѣешься, хе, хе! Ну, помни же, что сказано, какъ передъ Богомъ!—онъ вскинулъ глаза по направленію къ образу,—отъ словъ своихъ не отступлюсь.

Онъ все еще держалъ руку на ассигнаціяхъ, какъ будто ждалъ еще, что Викторъ откажется отъ своего намѣренія, но тотъ еще разъ повторилъ:

— Знаю, дядюшка, буду помнить.

Крючковатые пальцы дрогнули.

— Бери,—сказалъ Іосафъ Петровичъ, нехотя поднимая руку,—бери, дядѣ Іосафу не жаль,—но въ голосѣ его почему-то послышались слезы,—пересчитай, деньги счетъ любятъ, да скажи матери, чтобы мѣшечекъ сшила, на груди вези. Такъ-то, Викторъ, помни—противъ ассигнованнаго ни гроша!

На слѣдующій день съ первымъ утреннимъ поѣздомъ Викторъ уѣзжалъ въ Петербургъ. Ни Бѣловъ, ни другіе его товарищи не могли удержать его. Онъ былъ слишкомъ нервенъ, слишкомъ возбужденъ, чтобы оставаться на мѣстѣ.

Только когда поѣздъ тронулся и исчезло заплаканное лицо матери, а затѣмъ скрылась и сестра, бѣжавшая по платформѣ и махавшая ему платкомъ, Викторъ почувствовалъ нѣкоторое успокоеніе. Теперь ужъ никто не остановитъ его! На всѣхъ парахъ несется онъ навстрѣчу жизни, обѣщающей знаніе и посредствомъ этого знанія—выходъ изъ подневольнаго положенія. Онъ освободится и освободитъ дорогія ему существа. Съ радостью несется онъ навстрѣчу борьбѣ, только бы въ концѣ видѣть эту желанную свободу!.. Онъ смотрѣлъ въ окно вагона на быстро смѣняющіяся картины полей, лѣсовъ, деревень и опять полей безъ конца, и мыслью перелеталъ черезъ рядъ годовъ. Онъ не школьникъ, не студентъ, онъ уже работникъ на семью; мать и сестра живутъ на его кровныя, заработанныя деньги, они всѣ трое свободны, счастливы, довольны, дышится имъ легко. И Викторъ улыбался, представляя себѣ картину ихъ жизни втроемъ. А поѣздъ, точно предупреждая его мечту, бѣжитъ, торопится, мчитъ его навстрѣчу жизни, полной борьбы, но свѣтло и радостно смотритъ онъ впередъ.

Безъ малаго послѣ двухъ сутокъ пути, приближался Викторъ къ Петербургу. Утро было пасмурное, даль подернулась густой непроницае-

мой дымкой. Ближайшій планъ картины, бѣжавшей передъ глазами Брянцина, какія-то кочковатыя болотца, поросшія мелкимъ березнякомъ, смѣняющіяся новыми, на которыхъ мокъ въ копнахъ не убранный еще хлѣбъ, не представляла ничего радостнаго, но и эта картина не могла омрачить его настроенія. Одно смущало его—это холодъ, который пронизывалъ его парусинную куртку. Онъ уже давно надѣлъ новое верхнее пальто, но и это пальто мало согрѣвало его.

Вотъ изъ туманной дали стали точно выплывать какія-то величественныя зданія. Поѣздъ побѣжалъ быстрѣе, все скорѣй и скорѣй переходя съ рельсовъ на рельсы, минуя сформированные товарные и пассажирскіе поѣзда. Вотъ и своды вокзала.

Викторъ въ Петербургѣ. Онъ выноситъ самъ свой тощій чемоданчикъ и торопится вслѣдъ за публикой.

— На Надеждинскую,—говоритъ онъ извощику.

— Пожалуйте 75 копѣекъ, сударь.

Онъ ошеломленъ, въ N это неслыханная цѣна, но можетъ быть это очень далеко, эта Надеждинская? Покуда онъ въ недоумѣніи размышляетъ, другой извощикъ кричитъ ему:

— Пожалуйте, садитесь, баринъ, за 50 довезу. Пятьдесятъ копѣекъ это ужъ много легче.

Викторъ не успѣлъ еще хорошенько оглядѣться и поразиться вышиною зданій, какъ уже извощикъ остановился у указаннаго заранѣе номера дома на Надеждинской.

— Тотъ-ли это номеръ-то?—спрашиваетъ Викторъ.

— Тотъ самый-съ, извольте швейцара позвонить.

Викторъ стаскиваетъ чемоданчикъ и звонитъ.

Швейцаръ, благообразный усачъ изъ военныхъ, поспѣшно выбѣгаетъ, но видя жалкую, тощую фигуру плохо одѣтаго юноши, сейчасъ принимаетъ нѣсколько высокомѣрный тонъ.

— Вамъ кого?

— Здѣсь-ли квартира Холизева, Дмитрія Ивановича?

— Здѣсь, самый верхъ, № 20.

Викторъ расплатился съ извощикомъ и берется за чемоданчикъ, намѣреваясь пройти въ дверь, но швейцаръ загораживаетъ ему дорогу.

— Холизева нѣтъ и супруги ихъ нѣтъ, они въ деревнѣ.

— Я знаю, что въ деревнѣ, онъ мнѣ разрѣшилъ остановиться у нихъ.

— Пожалуйте записку,—хладнокровно говоритъ швейцаръ.

— Какую записку? записки у меня никакой нѣтъ. Я Брянцинъ, Викторъ Ивановичъ Брянцинъ, можетъ быть, Холизевъ говорилъ вамъ.

— Никакъ нѣтъ,—равнодушно качнувъ головою, говоритъ швейцаръ,—ничего они мнѣ насчетъ васъ не говорили.

— Однако, какъ-же мнѣ быть?

— Не знаю-съ, полагаю, въ гостинницу ѣхать надо. Прикажете извощика позвать?

Благообразный швейцаръ свиснулъ.

Викторъ чуть не плакалъ. Во всемъ этомъ шумномъ городѣ у него не было ни одного мало-мальски знакомаго лица, онъ совершенно не зналъ, куда ѣхать. Онъ слышалъ, что есть дешевые номера, гдѣ ютятся студенты, но гдѣ они, эти номера?

— Куда прикажете?—спрашивалъ между тѣмъ подкатившій извощикъ?

— Куда-нибудь въ номера,—сказалъ онъ, садясь въ пролетку, гдѣ студенты живутъ, поближе къ *** институту.

— На Невскій проспектъ значитъ?

Викторъ только махнулъ рукою, какъ, молъ, знаешь; говорить онъ не могъ, что-то душило его.

Извощикъ привезъ его къ извѣстнымъ студенческимъ номерамъ, гдѣ Викторъ и нанялъ себѣ комнату за 12 рублей въ мѣсяцъ, расчитывая, что Бѣловъ по пріѣздѣ помѣстится вмѣстѣ съ нимъ.

Переодѣвшись и забѣжавъ въ булочную закусить, Викторъ отправился въ институтъ. Оправившись немного отъ первыхъ испытанныхъ въ столицѣ разочарованій, молодой человѣкъ опять чувствовалъ себя бодрымъ, его забавляла невиданная еще до сего дня картина большого города, съ его оживленіемъ, шестиэтажными домами, гранитными набережными каналовъ, сами эти каналы съ ихъ снующими пароходиками, переполненными публикой.

Викторъ до тѣхъ поръ жилъ въ городѣ, гдѣ воды было много только въ половодье, и чѣмъ-то бодрящимъ вѣяло на него отъ этой водной массы, заключенной въ гранитъ. Онъ остановился на мосту и долго смотрѣлъ на воду, на пробѣгавшіе пароходы, на медленно ползущія барки съ дровами. Остановившись раза два, чтобы спросить, какъ пройти къ институту,—онъ, наконецъ, очутился у величественнаго зданія, которое, онъ надѣялся, пріютитъ его подъ своими сводами. Войдя въ швейцарскую, онъ ощутилъ нѣкоторую робость. Зачѣмъ онъ собственно забрелъ сюда? ему казалось, что даже сторожъ, вставшій на встрѣчу ему, смотритъ на него насмѣшливо.

— Экзамены начались?—нерѣшительно спросилъ онъ.

— Точно такъ, начались.

— Петербургскій округъ экзаменуется?

— Петербургскій.

— Перемѣнъ никакихъ нѣтъ?

— А вотъ извольте посмотрѣть.—И сторожъ указалъ на вывѣшенное объявленіе и лѣниво опустился на мѣсто.

Викторъ перечитывалъ еще объявленіе, въ которомъ было сказано точь точь тоже, что читалъ онъ раньше въ газетахъ, т. е. ровно шесть дней еще оставалось до начала его экзаменовъ. Онъ читалъ еще и перечитывалъ эти строки, стараясь найти въ нихъ другой смыслъ, когда съ лѣстницы сбѣжало человѣкъ десять молодыхъ людей. Смѣясь и весело разговаривая, стали они отыскивать свое платье.

Счастливцы, думалъ Викторъ, эти увѣрены, что будутъ приняты, иначе какъ-бы могли они такъ весело смѣяться. Ему-же оставалось еще шесть дней до начала терзаній! Что станетъ онъ дѣлать впродолженіе этихъ шести дней? Оставалось одно—зубрить до изнеможенія, повторяя старое, давно извѣстное.

## XI.

Наступилъ уже канунъ многознаменательнаго дня начала экзаменовъ. Брянцинъ только-что одѣлся и собирался заваривать чай, когда въ дверь къ нему постучались и вслѣдъ за стукомъ услышалъ онъ знакомый полудѣтскій голосъ Николая Бѣлова:

— Всталъ, что-ли, Витя!

— А, Николай Николаевичъ, наконецъ-то!

Викторъ распахнулъ дверь и принялъ въ свои объятія маленькаго Бѣлова. Онъ обрадовался ему, какъ настоящему другу на чужбинѣ, на него пахнуло точно воздухомъ родины.

— Ну что, какъ тамъ у насъ?—торопливо спрашивалъ Брянцинъ. А гдѣ-же чемоданъ твой? тащи сюда...

— Да мы уже заняли комнату,—нерѣшительно проговорилъ Бѣловъ.

— Какъ заняли?.. съ кѣмъ?.. Вѣдь, я-же тебѣ писалъ, что нанялъ для двоихъ.

— Что-же дѣлать!.. не сердись, Брянчикъ, вмѣстѣ ѣхали съ Головинскимъ, вмѣстѣ и остановились... Въ этомъ-же домѣ однимъ этажемъ ниже. Нѣсколько шаговъ—не все-ли равно?

Викторъ хотѣлъ было возражать, что ему совсѣмъ не все равно, что жить одному въ 12-ти рублевой комнатѣ для него слишкомъ дорого, но постыдился своихъ меркантильныхъ разсчетовъ и ничего не сказалъ... Какъ будто Бѣловъ не зналъ, что ему не все равно. Впрочемъ и то сказать—Головинскій почти въ такомъ-же финансовомъ положеніи, какъ и онъ.

— Ну, что дѣлать—проживу и одинъ,—вымолвилъ онъ.—Однако, долго-же вы не ѣхали, вѣдь ужъ завтра экзаменъ.

— Ну, вотъ какъ разъ и пріѣхали, чего-жъ торопиться! А ты зазубрился на дорогѣ-то?

— Ничего; досконально, кажется, все превзошелъ,—не безъ гордости произнесъ Викторъ.

— Надѣюсь, и мы не ударимъ лицомъ въ грязь,—сказалъ Бѣловъ.— Положимъ, ты собаку съѣлъ въ математикѣ, она тебѣ сама безъ всякаго усилія дается, но вѣдь и я кой-что разумѣю.

— Да не посрамится наше N-ское училище во вѣки вѣковъ!— распахнувъ дверь, басомъ произнесъ Головинскій.—Здравствуй, Брянчикъ, не дашь-ли стаканчикъ чаю товарищу?

Головинскій былъ приземистый, широкоплечій малый, съ большой головой, казавшейся еще больше отъ массы курчавыхъ съ золотистымъ оттѣнкомъ темныхъ волосъ, которые онъ носилъ слишкомъ длинными. Лицо онъ имѣлъ темное, загорѣлое, скуластое, некрасивое, глаза небольшіе, свѣтло-сѣрые, смѣющіеся. Весь онъ производилъ впечатлѣніе чего-то грубоватаго, но сильнаго и откровеннаго. Въ школѣ его звали «циникомъ», потому что онъ имѣлъ обыкновеніе, не стѣсняясь, высказывать свои самыя грубыя чувства. Онъ имѣлъ большое вліяніе на классъ, любилъ властвовать и откровенно признавался, что владѣть и давать чувствовать свою власть доставляетъ ему большое удовольствіе. Друзей у Головинскаго не было, но было много почитателей и даже обожателей. Обожалъ его и Николай Бѣловъ, хотя не признавался въ этомъ.

Иванъ Головинскій явился въ Петербургъ съ запасомъ такой самоувѣренности и отваги, что внушилъ бодрость и Брянцину, утраченную за эту недѣлю неистоваго зубренья и одиночества. Не считался-ли онъ, въ самомъ дѣлѣ, способнѣйшимъ, чѣмъ эти два? Не обладалъ-ли онъ дѣйствительно недюжиннымъ дарованіемъ по части математическихъ наукъ? И не имѣютъ-ли эти науки главенства въ томъ высшемъ заведеніи, куда онъ стремится попасть! Нѣтъ, не можетъ быть, чтобы онъ, Брянцинъ, потерпѣлъ неудачу. Судьба за него.

На другой день наши N-цы—маленькій, бѣленькій, женоподобный Бѣловъ, широкоплечій, приземистый, отважный Головинскій, худой и длинный съ своимъ красивымъ, вдумчивымъ лицомъ Брянцинъ, каждый принарядившись по своему, входили въ страшную для нихъ аудиторію.

Экзаменующіеся были раздѣлены на нѣсколько группъ по алфавиту. Всѣ трое нашихъ N-цевъ находились въ первой группѣ, въ которой насчитывалось около 200 человѣкъ. На первый день назначенъ былъ экзаменъ изъ математики.

Войдя въ аудиторію, Брянцинъ ошеломленъ былъ гуломъ, или скорѣй жужжаньемъ сотни голосовъ. Въ залѣ двигалась, волновалась, говорила, нервно смѣялась масса юношей, такихъ-же, какъ онъ, возбужденныхъ, съ напряженіемъ всѣхъ силъ своего ума вступившихъ въ эту залу. «И всякій изъ этихъ юношей надѣется взять призъ, какъ и я,—

подумалъ Брянцинъ,—всякій смотритъ на другого, желая отстранить его съ дороги. Сколько останется въ этомъ зданіи изъ тѣхъ, что такъ самоувѣренно вошли сюда?»

Особенно подавляющее впечатлѣніе производилъ на Брянцина—наплывъ студенческихъ и другихъ мундировъ. Въ эту аудиторію, очевидно, собирались люди съ болѣе солидными знаніями, чѣмъ они 18—19 лѣтніе мальчики-реалисты. И онъ казался себѣ такимъ маленькимъ, несчастнымъ, жалкимъ рядомъ съ этими людьми, носящими бороды и мундиры.

Покуда Брянцинъ, ошеломленный шумомъ и движеніемъ, прислонился къ стѣнѣ, смотря на толпу, Головинскій подошелъ къ нему и, по своему обыкновенію, грубо и откровенно иллюстрировалъ мучительную, но не совсѣмъ какъ-бы ясную мысль Виктора.

— Все враги,—сказалъ онъ, блеснувъ своими свѣтлыми глазами въ темной оправѣ,—хоть-бы ножку имъ подставить, что-ли. Ахъ, чортъ-бы ихъ всѣхъ побралъ! И онъ оскалилъ свои бѣлые ровные зубы, между тѣмъ, какъ глаза его улыбались.

— Циникъ,—замѣтилъ тутъ-же стоявшій Бѣловъ.

— А ты имъ добра желаешь, что-ли? Точно такъ-же, какъ я, хочешь, столкнувъ всякаго изъ этихъ господъ, стать на его мѣсто. Что-же я такого сказалъ, чтобы ты не думалъ, не такъ-ли, Брянцинъ?

Викторъ исподлобья взглянулъ на Головинскаго, въ эту минуту онъ былъ ему противенъ.

«Кого-же я столкну или кто станетъ на мое мѣсто?»—черезъ нѣсколько минутъ думалъ Викторъ, приглядываясь къ лицамъ. Вниманіе его остановилъ красивый юноша съ розовыми щеками, съ едва пробивающимися усиками. Юноша этотъ былъ слишкомъ нервно возбужденъ, слишкомъ много говорилъ, слишкомъ громко смѣялся, широко-открытые блестящіе глаза его слишкомъ безпокойно бѣгали вокругъ, ни на чемъ не останавливаясь.

Этотъ останется за флагомъ,—подумалъ Викторъ и ему стало жаль юношу.

Вотъ другой, бѣлокурый, лѣтъ 25 на видъ. Онъ одѣтъ въ какую-то странную хламиду и держится особнякомъ, точно у него нѣтъ никого знакомыхъ,—ни съ кѣмъ онъ не вымолвилъ слова, а между тѣмъ онъ какъ-то странно будто подмигиваетъ кому и въ сторону улыбается.

«Точно помѣшанный»,—думаетъ Брянцинъ, слѣдя за странными движеніями молодого человѣка, этотъ тоже останется за флагомъ... Однако, я всѣхъ оставляю за флагомъ,—ловилъ самъ себя Викторъ,—я выискиваю въ этой толпѣ неудачниковъ. Головинскій-то правъ!.. Вотъ этотъ, навѣрное, одинъ изъ призванныхъ»,—и онъ остановилъ взглядъ на прекрасномъ лицѣ невысокаго юноши, въ сѣрыхъ большихъ глазахъ

котораго свѣтится умъ и смѣлость. Онъ говорилъ что-то громко, отчетливо, съ улыбкой на твердыхъ губахъ. Онъ видимо веселъ, споконъ, увѣренъ въ себѣ. И Викторъ полонъ къ нему сочувствія.

Но вотъ, наконецъ, и профессора. Въ аудиторіи происходитъ волненіе, но мало по малу водворяется тишина.

Сердце Виктора учащенно бьется, онъ взглядомъ отыскиваетъ Бѣлова,—тотъ поблѣднѣлъ и еле дышетъ.

Молодые люди вызываются группами человѣкъ по 8, по очереди буквъ. Въ первую группу Викторъ не попалъ, но одинъ изъ тѣхъ, кого онъ пожаловалъ въ неудачники, тотъ молодой человѣкъ, съ бѣлокурыми вихрами и странными подмигиваніями, принадлежитъ къ первой группѣ. Онъ первый вынимаетъ билетъ и, пробѣжавъ его, идетъ къ доскѣ.

Несуразная фигура вызываетъ невольную улыбку. Головы вытягиваются, хочется взглянуть на странную фигуру, посмотрѣть что-то сдѣлаетъ «семинаръ», какъ окрестилъ уже его Головинскій.

— Какъ фамилія? Какъ фамилія? слышатся вопросы.

— Абадинскій.

— Какъ? Какъ?

Абадинскій становится какъ-то бокомъ къ доскѣ, по временамъ поглядываетъ въ потолокъ, какъ-бы ища тамъ вдохновенія, и, улыбаясь своей загадочной улыбкой, приступаетъ къ задачѣ. Сначала рука его слаба и неувѣренна, но вотъ она начинаетъ двигаться быстрѣе, все отчетливѣе становятся цифры и знаки, а улыбка «семинара» дѣлается все вдохновеннѣе.

Вотъ онъ уже кончилъ и оглядывается.

— Однако, шепчетъ Бѣловъ Виктору,—этотъ и тебя за поясъ заткнетъ!

— А я за идіота его принялъ, думаетъ Викторъ,—чтожъ, и много ихъ такихъ тутъ, съ такою силой? Я кажется, уже завидую, прерываетъ онъ самъ себя,—зачѣмъ завидовать...

Онъ прерванъ на этихъ размышленіяхъ, его вызываютъ.

У Виктора темнѣетъ въ глазахъ, онъ встаетъ безсознательно. Даже впослѣдстіи Брянцинъ никогда не могъ вспомнить, какъ очутился билетъ у него въ рукѣ и почему они оказались рядомъ съ Борисовымъ, тѣмъ самымъ юношей, котораго онъ еще раньше опредѣлилъ избранникомъ судьбы. Борисовъ смотрѣлъ Виктору въ глаза бойкими прекрасными глазами и, отчетливо отчеканивая слова, въ которыхъ особенно явственно слышалась буква р, что-то говорилъ ему. Потомъ Брянцинъ очутился одинъ у доски... Голова точно налита свинцомъ, рука отяжелѣла, онъ держитъ уже мѣлъ, скользитъ глазами по билету и ничего не понимаетъ. И, кажется ему, наяву повторяется тотъ, пре-

слѣдующій его еще въ дѣтствѣ кошмаръ, отъ котораго онъ просыпался въ холодномъ поту: онъ на экзаменѣ, стоитъ передъ училищнымъ ареопагомъ. Директоръ, инспекторъ, учителя—знакомыя все лица, выжидательно смотрятъ на него; но онъ молчитъ, въ головѣ ни одной мысли, онъ все забылъ; онъ хочетъ открыть ротъ, вымолвить хоть слово, но зубы крѣпко стиснуты и онъ не въ силахъ раскрыть ихъ. А «они» все смотрятъ, все страшнѣе и страшнѣе становятся ихъ лица, директоръ весь вытянулся, лицо стало длинное, длинное, глаза сверкаютъ. Виктору страшно, онъ весь объятъ ужасомъ... Надо бѣжать, но какая-то необычайная сила приковала ноги его къ землѣ и онъ не можетъ двигаться...

И теперь онъ былъ, какъ во снѣ. Первая сознательная мысль была та, что билетъ ему достался трудный, и это вывело его изъ состоянія оцѣпенѣнія, надо было заставить работать мысль. И вотъ понемногу кровь приливаетъ къ мозгу, онъ начинаетъ сознавать окружающее, разбираетъ понемногу сущность задачи. Мѣлъ начинаетъ дѣйствовать, мысль работаетъ все живѣй и живѣй.

Профессоръ подходитъ къ доскѣ, просматриваетъ, задаетъ ему нѣсколько устныхъ вопросовъ. Къ собственному своему удивленію, Брянцинъ отвѣчаетъ вѣрно, отчетливо, ясно.

Профессоръ видимо доволенъ задачей и отвѣтомъ.

И весь экзаменъ по математикѣ,—алгебра, геометрія, тригонометрія—сходитъ хорошо для нашихъ N-цевъ. Всѣ трое выходятъ изъ аудиторіи довольные собою—меньше 5 не получатъ. Но вѣдь у большинства такъ-же хорошо сошелъ экзаменъ. Въ аудиторію *** института стеклись, очевидно, лучшія силы и нашимъ N-цамъ предстоитъ борьба не шуточная!

Проголодавшіеся и довольные своимъ первымъ успѣхомъ, Головинскій, Брянцинъ и Бѣловъ пошли въ кухмистерскую. Викторъ впервые по прибытіи въ Петербургъ спросилъ себѣ битокъ въ сметанѣ, любимѣйшее изъ кушаній, до сихъ поръ онъ довольствовался колбасой и хлѣбомъ съ чаемъ. Бѣловъ поставилъ бутылку пива; онъ считался богачемъ между этими тремя бѣдняками и могъ позволить себѣ эту роскошь. Товарищи выпили по стакану пива. Всѣ трое были въ самомъ благодушномъ настроеніи, объяснялись въ пріязни одинъ къ другому, до боли крѣпко жали другъ другу руки и желали успѣха.

— Ты собственно, Витя, въ своей удачѣ и сомнѣваться даже не можешь, говорилъ Бѣловъ, чокаясь съ товарищемъ, твои математическія способности должны быть замѣчены, шансы наши съ Головинскимъ болѣе сомнительны.

— Вотъ вздоръ! хмуря брови, возражалъ Викторъ, какія такія способности, чѣмъ я выдался!..



Но говоря это, въ глубинѣ души онъ думалъ, что имѣетъ превосходство передъ товарищами и, во всякомъ случаѣ, ему нельзя провалиться. Онъ напряжетъ всѣ силы своего ума, своей воли и выдержитъ испытаніе,—иначе лучше умереть. Не выдержать экзамена, вѣдь это—потерять надежду на будущее свое и своихъ близкихъ! Нѣтъ, это невозможно, невозможно...

— Невозможно! воскликнулъ онъ вслухъ,—провалиться невозможно! Преодолѣю всѣ трудности, но въ институтъ поступлю.

— Скажите, какая самоувѣренность—«непремѣнно поступлю»—передразнилъ Головинскій. Нѣтъ, братъ, мы еще помѣряемся съ тобою въ силахъ.

— Да я съ тобой и не вступаю въ единоборство, заранѣе отдаю тебѣ первенство, возразилъ Викторъ.

— Стой, стой, не хитри и будь логиченъ. Ты желаешь успѣха себѣ, это очень естественно и понятно, но вѣдь тѣмъ самымъ ты, значитъ, содѣйствуешь моему провалу, жаждешь этого провала для меня и Бѣлова...

— Фу, чортъ, вспыливъ воскликнулъ Брянцинъ, что за гадость говорить-то даже это и изъ чего ты можешь заключить...

— Что ты меня съ Бѣловымъ желаешь потопить, для меня это ясно и я докажу тебѣ, что это такъ. Вѣдь невозможно же предположить, по теоріи вѣроятностей, что мы всѣ трое N-цевъ попадемъ въ институтъ, какъ ты думаешь? Счастье будетъ, если одинъ изъ насъ попадетъ. Этимъ единственнымъ хочешь быть ты, не значитъ-ли это, что ты насъ жаждешь провалить?

— Поди ты съ твоей теоріей! Если я желаю добра себѣ, это еще не значитъ, что тебѣ я желаю зла.

— Однако, оно такъ выходитъ. Вѣдь всѣ трое мы не поступимъ, это невозможно, невѣроятно!.. А впрочемъ, я даже не понимаю, почему ты горячишься. Я вѣдь не укоряю тебя. Твое стремленіе я нахожу законнымъ и естественнымъ. Всѣ мы такъ чувствуемъ...

— Нѣтъ, извини, не всѣ. Я презиралъ-бы себя, если-бы такъ чувствовалъ.

— Ты такъ говоришь, потому что не хочешь вдуматься. Жизнь состоитъ изъ вѣчной борьбы. Почему тебѣ уступать? Вѣдь если ты уступишь, мы сядемъ тебѣ на голову. Не слыхалъ-ли ты десятки разъ разсказа о томъ, что пловцы, находящіеся въ опасности, свирѣпо отталкивали отъ себя цѣплявшихся за нихъ утопающихъ; даже узы крови молчатъ передъ самосохраненіемъ, и вѣдь ты находилъ это естественнымъ... Мы тоже пловцы, брошенные въ открытое море, кто-то вынырнетъ? Если, утопая, ты станешь хвататься за меня, я оттолкну, своя шкура дороже. Да и ты меня оттолкнулъ бы, что ни говори.

— Покуда будетъ во мнѣ сожалѣніе, покуда буду человѣкомъ, не оттолкну. Бѣловъ, да поддержи же меня, вякни хоть слово!

Но Головинскій не далъ вступиться Бѣлову.

— Ты говоришь, покуда будетъ сознаніе, но сознаніе затемнится инстинктомъ самосохраненія, въ томъ то и дѣло. Это такъ естественно...

Бѣловъ вступился было въ споръ, какъ бы съ намѣреніемъ защитить мнѣніе Брянцина, но въ концѣ концевъ оказался гораздо болѣе согласнымъ съ Головинскимъ.

## XII.

Прошло нѣсколько дней въ усиленной подготовкѣ къ экзамену изъ физики. Судя по вывѣшеннымъ спискамъ, ряды состязающихся мало порѣдѣли, въ первой группѣ все еще находилось человѣкъ до 170. Головинскій по пальцамъ разсчитывалъ, что еще на каждую вакансію приходится по $4^1/_2$ человѣка, а если даже всѣ принятые придутся на долю первой группы, то все же 100 человѣкъ изъ лицъ болѣе или менѣе извѣстныхъ ему останутся за флагомъ. Дѣлая свои разсчеты, онъ насмѣшливо поглядывалъ на Виктора.

Наступилъ и миновалъ экзаменъ физики. И этотъ экзаменъ сошелъ совершенно благополучно для трехъ пріятелей, они были покойны, однако, списки продолжали интересовать всѣхъ трехъ. И не для того, чтобы освѣдомиться о себѣ, спѣшили они къ вывѣшеннымъ спискамъ, а для того, чтобъ справиться, на сколько велика убыль. Убыль радовала и, увы, не одного Головинскаго, хотя пока только онъ выражалъ эту радость открыто.

— А-а, однако мой почтенный сотоварищъ Гольскій благоразумно удалился, и прекрасно, говорилъ онъ,—воздухъ чище! А я вѣдь его побаивался, шутка-ли, студентъ 2 курса математическаго факультета!

Говоря это, онъ оглядывается на Брянцина, какъ-бы вызывая на споръ, а тотъ чувствуетъ себя неловко—смѣетъ-ли онъ нападать на цинизмъ Головинскаго, не интересуетъ-ли и его убыль товарищей, не копошится-ли и въ его душѣ гаденькое чувство сознанія торжества надъ другими, признаться въ которомъ даже передъ самимъ собой ему тяжко. И чудится ему, во всѣхъ этихъ молодыхъ лицахъ, что тѣснятся около таблицъ, красивыхъ и дурныхъ, открытыхъ и угрюмыхъ, явилось какое-то новое недоброе выраженіе—всѣ точно недовѣрчиво оглядываются, косятся другъ на друга.

Симпатичный Виктору Борисовъ, съ которымъ онъ познакомился и почти сошелся, какъ-то странно сторонится отъ него, почти не отвѣчаетъ. Даже отношенія нашихъ провинціаловъ стали какія-то странныя. Бѣловъ какъ-то кривитъ ротъ, говоря о «необыкновенныхъ способностяхъ» Брянцина, онъ точно на смѣхъ безпрестанно говоритъ объ

этихъ способностяхъ. И это раздражаетъ Виктора, онъ не знаетъ, какъ принимать ему слова пріятеля, и обижается тѣмъ болѣе, что Головинскій, какъ-бы вторя Бѣлову, но грубѣе, чѣмъ тотъ, и уже съ совсѣмъ явной насмѣшкой, восхваляетъ его способности. Вечеромъ товарищи не пришли къ нему пить чай, утромъ ушли, не подождавъ его,—что можетъ это значить?

Викторъ силится сдѣлать видъ, что ему все-равно, но онъ мучится вопросомъ, чѣмъ онъ провинился передъ товарищами. И къ этому волненію присоединяется вопросъ о томъ, чѣмъ кончится испытаніе... Остался одинъ только экзаменъ, экзаменъ изъ русскаго языка. Но это самое страшное испытаніе и оно всѣхъ волнуетъ болѣе, чѣмъ предъидущія. Молодежь уже заранѣе возбужденно говоритъ о какихъ-то несправедливостяхъ—«подумайте, сколькихъ придется потопить на русскомъ языкѣ!» Никто не хочетъ примириться съ мыслью, что простая случайность можетъ вышвырнуть его за бортъ.

Не дождавшись этого страшнаго экзамена, Викторъ написалъ матери: «Сдалъ экзаменъ по физикѣ, получилъ 5. Покуда все обстоитъ благополучно и у меня пятерки по всѣмъ предметамъ. Если изъ русскаго получу не менѣе 4 — буду принятъ. Понимаешь, какой небольшой шансъ и какъ я волнуюсь, полбала могутъ погубить меня и это при блистательно сданномъ экзаменѣ по другимъ предметамъ... Когда узнаю о результатахъ русскаго экзамена, ужъ раскучусь—телеграфирую тебѣ.»

Наступило, наконецъ, и утро послѣдняго экзамена. Вся молодежь замѣтно взволнована; аудиторія наполняется далеко ранѣе срока. Молодыя осунувшіяся лица возбуждены, въ голосахъ слышится какая-то нервная вибрація, всѣ напряженно ждутъ, ждутъ этого послѣдняго рѣшающаго момента. Наши N-цы раздѣлились; Бѣловъ и Головинскій держатся вмѣстѣ, поодаль отъ Брянцина. Взглядъ Виктора мраченъ, но рѣшителенъ, его волненіе замѣтно только по выступившимъ краснымъ пятнамъ на обыкновенно блѣдныхъ щекахъ. Онъ присѣлъ въ углу и смотритъ на мелькающія передъ нимъ фигуры, «все враги, все враги, думаетъ онъ, вспоминая слова Головинскаго,—онъ правъ. Удастся-ли мнѣ одолѣть врага?..»

Являются экзаменаторы. Тема дана. Зала затихаетъ, слышится только скрипъ перьевъ. Тишина такъ велика, что шуршанье перевернутаго листа бумаги, звукъ упавшаго карандаша заставляютъ вздрагивать.

Тема Виктору кажется нетрудной. Сосредоточившись, ушедши въ обдумыванье сюжета, онъ перестаетъ мучиться мыслью, что въ этой темѣ его погибель или спасеніе и успокоивается. Черновикъ скоро и легко написанъ. Съ перепиской идетъ вялѣе, опять начинаетъ мучить мысль, что одна какая-нибудь буква, запятая, не совсѣмъ точно выраженная

мысль могутъ погубить его. Ему кажется, что онъ не довольно внимателенъ, что отъ его умственнаго взора что-то ускользаетъ. То тутъ, то тамъ ему хочется измѣнить выраженіе, является какая-то неувѣренность, неудовлетворенность... Онъ кончилъ переписывать. Перечиталъ разъ, другой, третій... но онъ сознаетъ, что въ томъ состояніи, въ которомъ онъ находится, сколько-бы разъ онъ ни прочелъ, ошибокъ и описокъ онъ не увидитъ. Викторъ подаетъ сочиненіе однимъ изъ первыхъ... Корабли сожжены!

Когда Бѣловъ подалъ свое сочиненіе, къ нему подошелъ Брянцинъ, онъ дѣлалъ первый шагъ къ примиренію въ ссорѣ, источника которой онъ не зналъ и не понималъ.

— Ну, теперь какъ никакъ, а кончили, —сказалъ онъ,—можемъ другъ-друга поздравить.

— Не преждевременное-ли поздравленіе?

— О чемъ толкуете?—спросилъ Головинскій, подходя.

— Да вотъ Брянцинъ поздравляетъ съ окончаніемъ.

— Скорѣй ужъ его можно поздравить,—воскликнулъ Головинскій.— Мы съ тобой еще за черняками сидимъ, а онъ ужъ подалъ свое сочиненіе. Завидныя способности! Мы трудимся въ потѣ лица, а онъ тяпъ-ляпъ—и готово, завидныя способности!

— Ну, да ужъ съ тѣмъ возьмите! замѣтилъ и Бѣловъ.

— Скажите, господа, за что вы меня травите? — съ волненіемъ, чуть не со слезами въ голосѣ спросилъ Викторъ.

— Ты думаешь мы тебя изъ зависти травимъ?—насмѣшливо замѣтилъ Головинскій.—Слышишь, Николай, вотъ самомнѣніе! Ну, конечно, какъ намъ не завидовать твоимъ способностямъ!

— Довольно, Головинскій,—слегка краснѣя, замѣчаетъ Бѣловъ, бросая женственно-робкій взглядъ въ сторону Брянцина.—Вы куда?— спрашиваетъ онъ.

— Я спать,—говоритъ Головинскій,—такого задамъ храповицкаго, чертямъ будетъ тошно.

— А мнѣ-бы хотѣлось пройтись,—говоритъ Викторъ, —воздухомъ подышать, члены поразмять хочется.

— Ну, и я съ тобой,—говоритъ Бѣловъ.

— Скатертью дорожка!

Головинскій иронически усмѣхается и направляется къ себѣ въ номера.

— Мнѣ-бы хотѣлось знать, чѣмъ я провинился? Что вы имѣете противъ меня?—спросилъ Викторъ, какъ только они очутились съ Бѣловымъ вдвоемъ.

— Увѣряю тебя, я ровно ничего противъ тебя не имѣю.

— А я и подавно,—сказалъ Брянцинъ, протягивая руку.—Не



экзаменъ-ли тому причиной и наше нервное состояніе? А, можетъ быть, и то, что ты носишься съ Головинскимъ.

— Онъ началъ уже тяготить меня,—неопредѣленно замѣтилъ Бѣловъ,—грубая натура.

— Когда все выяснится и мы окончательно поселимся въ Петербургѣ, давай жить вмѣстѣ,—сказалъ Викторъ.

— Я радъ съ тобой устроиться, только трудно будетъ отдѣлаться отъ Головинскаго, онъ назойливъ.

— Не устроиться-ли мнѣ съ Борисовымъ, въ такомъ случаѣ? Только онъ, пожалуй, провалится. Ты замѣтилъ...

И пріятели, размашисто шагая, съ наслажденіемъ дыша свѣжимъ влажнымъ воздухомъ, начали припоминать нѣкоторые эпизоды во время экзаменовъ.

## XIII.

Прошло дня два по окончаніи экзаменовъ. Викторъ волновался, ничего еще не зная о результатахъ послѣдняго. Списки принятыхъ не были еще вывѣшены и узнать было не отъ кого. Бѣловъ и онъ выходили изъ номеровъ съ цѣлью поискать дешеваго обѣда, когда въ швейцарской столкнулись съ Головинскимъ.

— Поздравляю! Пятерка, пятерка,—кричалъ онъ, набрасываясь на Бѣлова и теребя его.—Самъ видѣлъ, вотъ те Христосъ,—видѣлъ самъ.

— Да разскажи толкомъ, что такое, что такое, какая пятерка?—сказалъ Викторъ.

Головинскій глянулъ на Брянцина.

— Ну, получили по пятеркѣ изъ русскаго, вотъ тебѣ и весь сказъ, самъ видѣлъ.

— Гдѣ-же ты видѣлъ?

— У Г-на *** былъ,—онъ назвалъ фамилію одного изъ начальствующихъ,—я еще тогда подъѣхалъ къ нему, семьи-то наши знакомы немного... ну вотъ... и былъ я у него... и видѣлъ...

— И я пятерку получилъ?—спросилъ Викторъ, блѣднѣя.

— Ну, еще-бы ты-то, да не получилъ-бы пятерки! И ты получилъ! Ты въ этомъ и сомнѣваться не могъ. Мы съ Бѣловымъ могли мучиться сомнѣніями, а ты, съ твоими способностями!

— Ну, опять поѣхалъ съ этими способностями, дались онѣ тебѣ. Только на радостяхъ прощаю. Такъ ты самъ видѣлъ, не врешь?

— Съ чего-же врать! говорю, собственными глазами видѣлъ.

— Ну, слава тебѣ Господи!—воскликнулъ Викторъ,—да неужели правда! Я просто съ ума сойду. Куда-же мы, господа? Что-же мы на лѣстницѣ-то стоимъ. Двигаемся. Я сейчасъ матери телеграфировать буду. Телеграмма успокоитъ мою старуху, она ужъ, пожалуй, измучилась совсѣмъ.

— Когда-же будетъ объявленъ списокъ принятыхъ?—спросилъ Бѣловъ,—не подождать-ли телеграфировать до оффиціальнаго извѣстія.

— Дня черезъ-три и списки будутъ готовы,—объявилъ Головинскій.—И почему-же не телеграфировать, не порадовать родительскихъ сердецъ, пущай возрадуются.

Викторъ хотѣлъ-было идти съ товарищами обѣдать, но рѣшилъ, что не пойдетъ, онъ положительно растерялся на радостяхъ и вернулся на свой четвертый этажъ, чтобы составить телеграмму. Только теперь онъ чувствовалъ, на сколько нервы его были напряжены все это время.

— Господи, да неужели-же? — повторялъ онъ безпрестанно,—да неужели-же такое счастье. Изъ 500 быть принятымъ въ числѣ 70—80 человѣкъ,—и намъ N-цамъ выпало это счастье!

И онъ ощупывалъ себя, не вѣря, что это на яву. Грядущая жизнь казалась ему такимъ праздникомъ. Его маленькая, грязная комнатка, окномъ во дворъ, въ которую онъ вошелъ, показалась ему свѣтлой и очаровательной. Въ юной душѣ его въ эти минуты счастья звучали нѣжнѣйшія струны, потому, можетъ быть, инстинктивно онъ и отсталъ отъ товарищей, избѣгая грубыхъ прикосновеній Головинскаго. Онъ любилъ въ эти мгновенія мать и сестру такъ, какъ любилъ ихъ, бывало, въ дѣтствѣ, безъ примѣси тѣхъ стыдливыхъ ощущеній, которыя мѣшаютъ искреннему выраженію чувства, и ему невыносима была мысль, что въ телеграммѣ онъ не можетъ излить всю свою нѣжность. Но, составляя эту сухую телеграмму, онъ почему-то утиралъ слезы.

«Пятерка изъ русскаго, могу считаться поступившимъ».

Эти холодныя слова такъ мало соотвѣтствовали тому, что онъ хотѣлъ сказать. Между каждымъ изъ этихъ словъ стояли другія слова: безбѣдная, независимая жизнь передъ нами, я счастливъ, я люблю васъ, я люблю васъ!.. (Есть возможность учиться!)

Да, да—черезъ какія-нибудь пять лѣтъ онъ освободится, освободитъ и ихъ! Какъ при этой мысли не обезумѣть отъ счастья!

Составивъ телеграмму, Викторъ побѣжалъ отправлять ее. Онъ бѣжалъ и чувствовалъ, что обращаетъ на себя вниманіе прохожихъ, что улыбка раздвигаетъ его губы и онъ напрасно хмуритъ брови и старается удержать улыбку.

На телеграфѣ, когда чиновникъ, молодой человѣкъ, подчеркнувъ карандашомъ слова телеграммы, передалъ ее на аппаратъ и, поднявъ на него безучастный взоръ, сказалъ, сколько онъ долженъ, Виктору показалось, что молодой человѣкъ смотритъ на него съ завистливымъ недоумѣніемъ.

— Да, я поступаю въ институтъ *** въ числѣ горсти избранныхъ! Да-съ, вы видите передъ собою счастливца!

Съ телеграфа Викторъ пошелъ, куда глаза глядятъ, ѣсть ему рас-



хотѣлось и онъ просто шелъ безъ всякой цѣли, мечтая о будущемъ и улыбаясь своимъ мечтамъ. Потомъ онъ мысленно сталъ писать письмо матери своей. Никогда еще ни устно, ни письменно онъ не высказывалъ ей столько нѣжной любви, какъ въ этомъ письмѣ, которому никогда не суждено было быть написаннымъ. Въ этомъ мысленномъ письмѣ онъ былъ искрененъ, какъ дитя, которымъ не смѣлъ уже быть,— онъ, не сдерживаясь, мечталъ, и радовался, и былъ счастливъ.

Проходя мимо Маріинскаго театра, Викторъ на радостяхъ зашелъ въ кассу и пріобрѣлъ билетъ въ раекъ на «Аиду». Онъ давно уже рѣшилъ непремѣнно побывать въ оперѣ, когда участь его опредѣлится.

За позднимъ обѣдомъ въ какой-то закусочной, Викторъ, дурно очиненнымъ карандашемъ, написалъ матери. Теперь, когда дѣло дошло до бумаги, онъ не могъ уже изливаться такъ, какъ изливался часъ тому назадъ въ своемъ мысленномъ письмѣ. Настоящее письмо было, правда, длиннѣе предъидущихъ писемъ, но носило тотъ-же дѣловой характеръ и только материнское сердце могло читать между строкъ о томъ восторгѣ, о той любви, которыми былъ полонъ сынъ ея.

## XIV.

Прошло дня три. Списки не были еще вывѣшены, но Викторъ чувствовалъ себя до того спокойнымъ, что точно переродился. Онъ забросилъ всякія занятія, цѣлые дни шатался по Петербургу или затѣвалъ прогулки на острова, еще одинъ разъ былъ въ оперѣ. Ему не жаль было денегъ, онъ надѣялся на добрую звѣзду свою и былъ убѣжденъ, что добыть уроковъ не представляетъ большой трудности.

Бѣловъ и Головинскій тоже наслаждались жизнью. Моментами за эти послѣдніе дни Виктору казалось, что Бѣловъ какъ-то странно на него взглядываетъ, точно собирается сказать ему что-то. Но едва Викторъ обращалъ на этотъ взглядъ вниманіе, какъ тотъ отвертывался и отходилъ отъ него.

Всякій день кто-нибудь изъ нашихъ N-цевъ бѣгалъ справляться, не вывѣшены-ли списки принятыхъ, чтобы съ спокойнымъ сердцемъ заказать форменное платье. Но списки еще не появлялись.

Какъ нарочно въ тотъ день, какъ должны были быть вывѣшены списки, Викторъ проснулся поздно и, сойдя къ товарищамъ, не нашолъ уже ихъ дома. Онъ наскоро напился чаю и, накинувъ пальто, черезчуръ легкое по наступившей холодной погодѣ, пошелъ по направленію все того-же знакомаго зданія. Послѣ какихъ-нибудь 5—8 минутъ ходьбы, онъ издали увидѣлъ группы молодежи, идущія ему навстрѣчу, и понялъ, что списки, дѣйствительно, вывѣшены. Онъ прибавилъ шагу и черезъ нѣсколько секундъ встрѣтилъ большую компанію, въ которой

находился Бѣловъ. Онъ шелъ впереди съ мало знакомыми Брянцеву двумя молодыми людьми и что-то весело разсказывалъ. Брянцинъ, несмотря на грохотъ улицы, явственно слышалъ его звенящій, полу-дѣтскій, напоминающій сестру, голосокъ. Виктору показалось, что Бѣловъ еще издали видѣлъ его, однако, когда Брянцинъ поравнялся съ компаніей, Бѣловъ, продолжая разговаривать и смѣяться, прошелъ-было мимо него, такъ-что Виктору надо было окликнуть и даже загородить дорогу, чтобы остановить компанію.

— Бѣловъ, ты изъ института? Списки вывѣшены?

— Вывѣшены,—отвѣтилъ Бѣловъ равнодушнымъ тономъ.

— Ну, что-же—принятъ?

— Да, я принятъ.

— А я?

— Тебя не видалъ.

— Какъ не видалъ?

— Да такъ—не видалъ. Въ спискѣ тебя нѣтъ, — равнодушно вилъ Бѣловъ.

ъ глазахъ Виктора все завертѣлось, потемнѣло.

— Этого не можетъ быть!

Бѣловъ пожалъ своими узенькими плечами и криво усмѣхнулся, взглянувъ на тутъ-же стоящихъ молодыхъ людей, какъ-бы принимая ихъ во свидѣтели.

— Пойди, посмотри самъ, коли не вѣришь.

— Этого не можетъ, не можетъ быть,—какимъ-то не своимъ голосомъ повторилъ Викторъ и, не помня себя, бросился къ институту.

Въ швейцарской онъ столкнулся съ молодымъ человѣкомъ, поглядѣлъ ему въ лицо и не узналъ. Это былъ Борисовъ, въ глазахъ котораго была такая-же растерянность, какъ и въ глазахъ Брянцина. Онъ тоже, никого не видя и не узнавая, выходилъ изъ-подъ негостепріимнаго крова.

Викторъ бросился къ таблицамъ счастливцевъ.

Онъ пробѣжалъ списокъ взглядомъ одинъ разъ, другой, ничего не понимая. Абадинскій, Андреевъ, Аристовъ,—читалъ онъ въ пятый пазъ,—Бомъ, Бѣловъ, Горскій, Головинскій...

Нѣтъ, тутъ должно быть еще одно имя, его имя, имя Брянцина, гдѣ-же оно? Куда оно дѣвалось?

Онъ, стараясь прійти въ себя, еще разъ прочелъ весь списокъ до конца,—его имени не было.

Брянцинъ обезумѣлъ.—Это ошибка, этого не можетъ быть, повторялъ онъ себѣ,—надо разъяснить эту ошибку.

Куда-же ему идти? Кто можетъ собственно разъяснить?..

Онъ кинулся къ квартирѣ директора.

— Ихъ превосходительства нѣтъ дома,—объявилъ отворившій ему безъусый лакей.

— Это неправда, онъ дома, я знаю, что онъ дома... Мнѣ необходимо его видѣть,—взволнованно, но рѣшительно выговорилъ Викторъ.

— Ей-Богу, никакъ нельзя, приходите позднѣе, у нихъ гости.

— Но мнѣ надо его видѣть, Господи! Необходимо, сейчасъ необходимо видѣть.

Раздался звонокъ, лакей бросился на зовъ во внутрь квартиры, не успѣвъ выпроводить назойливаго посѣтителя. А посѣтитель снялъ верхнее пальто, повѣсилъ его на вѣшалку и сталъ ждать, терзая фуражку въ рукахъ и переходя отъ окна къ двери.

Лакей возвратился, запыхавшись и оглянулъ вѣшалки—все-ли, молъ, цѣло?

— Никакъ невозможно,—сказалъ онъ ласково, но убѣдительно,—повѣрьте слову, сударь, никакъ невозможно.

Онъ снялъ съ вѣшалки пальто несчастнаго, сомнительно оглядѣлъ это пальто и растопырилъ его передъ юношей. Но тотъ, ничему не внимая, повторялъ свое:

— Мнѣ необходимо видѣть г-на директора, доложите скорѣй, я не задержу его.

Даже равнодушный лакей услышалъ что-то трагическое въ этихъ словахъ юноши, онъ съ сердцемъ бросилъ его пальто на стулъ и развелъ руками.

— Ну, гдѣ-жъ мнѣ вамъ взять директора, сказываю, фриштикаютъ. Задерживаете вы меня только, сударь!

Онъ ушелъ и не болѣе, какъ черезъ минуту, возвратился.

— Пожалуйте, ихъ превосходительство ждутъ васъ въ кабинетѣ.

Когда лакей отворилъ передъ Викторомъ дверь великолѣпнаго кабинета, директоръ, еще не старый человѣкъ, съ красивымъ добродушнымъ лицомъ, изъ противоположной двери только-что входилъ туда.

Обстановка кабинета, этотъ величественный каминъ, огромный письменный столъ посрединѣ комнаты, заваленный бумагами, папками, книгами, выпуклыя карты, грандіозныя модели зданій, мостовъ на подставкахъ—подѣйствовала на Виктора ошеломляющимъ образомъ. Онъ остановился у двери, какъ-бы отрезвѣвъ, опомнившись, не смѣя двинуться впередъ.

Но самъ директоръ съ его красивымъ, добродушнымъ лицомъ, и особенно его ротъ съ мягкими губами, какъ-то наивно дожевывающій, и его бѣлая полная рука, стряхивающая крошки съ сюртука, ободрили юношу, хотя директоръ, увидавъ молодого человѣка, сейчасъ-же сдвинулъ брови и пересталъ жевать.

— Чѣмъ могу служить?—спросилъ онъ, подходя и легкимъ наклоненіемъ головы отвѣчая на поклонъ Виктора.

— Господинъ дир... ваше... ваше превосходительство, простите, но я не могъ... вкралась ошибка.

— Какая ошибка?

— Въ спискахъ принятыхъ ошибка, ваше превосходительство.

— Ошибки быть не можетъ,—спокойно выговорилъ директоръ.

— Однако, ваше превосходительство, — прямо глядя въ лицо директора, говорилъ Викторъ,—я получилъ круглыя пять, а въ спискѣ принятыхъ не значусь.

— Этого быть не можетъ,—также хладнокровно повторилъ директоръ.—Какъ ваша фамилія и изъ какого училища?

— N училища, Брянцинъ.

— Посмотримъ Брянцина, — невозмутимо вымолвилъ директоръ, какъ будто не понималъ, что отъ этого «посмотримъ» зависитъ чуть-ли не жизнь человѣка.

Директоръ, не торопясь, досталъ журналъ и, надѣвъ пенсне, сталъ водить пальцемъ.

— Вотъ-съ, Брянцинъ N училища. Математика 5, физика 5, русскій языкъ—$3^1/_2$. Извольте сами посмотрѣть, господинъ Брянцинъ,— въ общемъ у васъ $13^1/_2$, и это ужъ баллъ внѣ конкурса, вы знаете.

Брянцинъ стоялъ пораженный, руки его дрожали.

— Но какъ-же это? Это невозможно, я былъ увѣренъ, мнѣ сказали...

— Однако, вотъ-съ,—не раздражаясь, вымолвилъ директоръ,—всѣ баллы на лицо, несправедливости, ошибки быть не можетъ.

Онъ взглянулъ въ лицо юноши и ему стало жаль его.

— Отчаяваться молодому человѣку нечего,—сказалъ онъ,—не удалось въ нынѣшнемъ году, попытайтесь въ будущемъ,—вѣдь не вамъ одному не удалось! Вы еще молоды, одинъ годъ потери—не бѣда!

Викторъ растеряннымъ взоромъ глядѣлъ на директора и мялъ фуражку.

— Но какъ-жъ такъ?.. Я увѣренъ—это ошибка.

— Ошибки никакой быть не можетъ,—подчеркивая каждое слово уже съ нѣкоторымъ раздраженіемъ, вымолвилъ директоръ,—честь имѣю кланяться... а отчаяваться все-таки нечего,—уже въ догонку выходившему Виктору добавилъ онъ.

Брянцинъ почти въ безпамятствѣ сошелъ съ лѣстницы и только очутившись на улицѣ, въ этой сутолкѣ куда-то спѣшившихъ пѣшеходовъ, куда-то мчавшихся съ шумомъ и грохотомъ экипажей, онъ вдругъ ощутилъ рѣзкую, почти физическую боль. Онъ почувствовалъ себя одинокимъ въ этой многолюдной улицѣ. Ему захотѣлось выплакаться, пожа-



ловаться кому-нибудь на горькую судьбу, ему хотѣлось дружественнаго взгляда, сердечнаго пожатія руки. О, какимъ безпомощнымъ и одинокимъ онъ чувствовалъ себя!

Онъ спѣшно шелъ къ своимъ номерамъ, въ надеждѣ застать товарищей. Его тянуло излить передъ ними свое негодованіе, онъ былъ увѣренъ теперь, что подвергся несправедливости, что баллы подмѣнили, переставили, онъ не знаетъ что, но сдѣлали какую-то гнусность. Не видѣлъ-ли самъ Головинскій пятерки изъ русской словесности, кровной пятерки, которую у него похитили!

Онъ шагалъ, размахивая руками, разсуждая самъ съ собою, мысленно совершенно иначе отвѣчая директору, чѣмъ онъ отвѣчалъ.

И вдругъ прямо передъ собою, почти на томъ-же мѣстѣ, гдѣ онъ за часъ передъ тѣмъ встрѣтилъ Бѣлова, онъ увидѣлъ его и Головинскаго. Они шли, весело болтая. Ихъ веселый видъ рѣзанулъ его по сердцу. Онъ остановился передъ ними.

— Я не принятъ, выговорилъ онъ мрачно,—сдѣлали какую-то гадость, и говорятъ, что несправедливости быть не можетъ. Подумайте, моя пятерка исчезла.

Онъ воображалъ, что лица товарищей омрачатся, что они сочувственно протянутъ руки, вознегодуютъ вмѣстѣ съ нимъ, но они ничего не говорили и только улыбка Бѣлова вдругъ сдѣлалась жалкой, виноватой, онъ нагнулъ голову, какъ-бы избѣгая взгляда Брянцина.

«Причастенъ къ моему несчастію?» съ недоумѣніемъ глядя въ виноватое лицо, подумалъ Викторъ, какимъ-же образомъ? И вдругъ, какъ молнія, блеснула мысль: подшутили!

— Вы подшутили надо мной!—воскликнулъ онъ,—вы знали?..

— Да... чуть слышно, виноватымъ, упавшимъ голосомъ вымолвилъ Бѣловъ.

— Знали и шутили... Ахъ, подлецы! Ахъ!..

Онъ поднялъ руку...

Далѣе онъ ужъ ничего не помнилъ. Онъ увидѣлъ какую-то фуражку, летящую въ воздухѣ, онъ чувствовалъ боль въ рукѣ, точно что обожгло ее. Онъ видѣлъ, что его окружаютъ какіе-то люди, хватаютъ за локти... ему сдѣлалось душно, онъ сталъ вырываться... Еще онъ увидѣлъ растрепанную, безъ фуражки голову Бѣлова, съ жалкимъ краснымъ лицомъ, со слезами безсильнаго бѣшенства въ глазахъ... и понялъ, что онъ сдѣлалъ...

## XV.

Не прошло двухъ дней послѣ вышеизложеннаго, какъ Брянцину надо было являться на экзамены въ технологическій институтъ. Не разсчитывая, что еще разъ ему придется выступать на конкурсѣ, уби-

тый своимъ поступкомъ съ Бѣловымъ, который считалъ позорнымъ для себя, Викторъ шелъ на эти экзамены, какъ на казнь. Шансовъ поступить въ технологическій было больше, чѣмъ въ институтъ ***, тамъ принимали съ меньшей строгостью и вакансій было больше, но Викторъ не вѣрилъ уже въ свою звѣзду. На первой-же алгебраической задачѣ онъ смутился и получилъ 3. Слѣдующіе экзамены шли хорошо, но все время онъ былъ убѣжденъ, что срѣжется на русскомъ.

Въ день русскаго экзамена онъ былъ въ такомъ угнетенномъ состояніи, въ такомъ волненіи, что почти не сознавалъ, что дѣлаетъ. Сочиненіе по русскому языку было для него той соломенкой, за которую хватается утопающій, но соломенка эта, онъ все время сознавалъ, каждую минуту можетъ переломиться и онъ пойдетъ ко дну. Эта мысль отнимала у него всякую энергію, всякую возможность яснаго соображенія.

Уныло, безъ надежды подалъ онъ свое сочиненіе и уныло сталъ ждатъ своей участи.

Когда въ спискахъ принятыхъ онъ не увидѣлъ своего имени, Викторъ не проявилъ того порыва страстнаго отчаянья, того страстнаго желанія борьбы съ постигшимъ несчастіемъ, которые выказалъ при первой неудачѣ. Онъ не требовалъ свиданій съ директоромъ, не кричалъ о несправедливости, онъ только криво улыбался.

— Ну, вотъ и кончено, и кончено, повторялъ онъ себѣ,—вотъ и кончено, все кончено.

И онъ брелъ къ своимъ номерамъ. День былъ пасмурный, безвѣтренный. Утромъ шелъ дождь, мостовая и тротуары были подернуты слизью, въ воздухѣ пахло сыростью.

Фонтанка лѣниво катила свои темныя воды. Викторъ остановился у парапета и сталъ смотрѣть на воду, казавшуюся густой, какъ масло. Вотъ медленно, неуклюже двигаясь, прошла мимо него большая, нагруженная дровами барка. Вотъ показался маленькій, юркій пароходикъ, переполненный публикой. Какъ всполошились-бы эти люди, если-бы съ высоты набережной упалъ человѣкъ въ темную воду.

Вода притягивала Виктора къ себѣ... что если-бы?.. Чего ждать? Не переполнена-ли чаша?...

Однако, положивъ руки въ карманы своего легкаго лѣтняго пальто и вздрагивая плечами, Викторъ оторвался отъ созерцанія воды и пошелъ дальше.

Взобравшись въ свой унылый номерокъ, онъ, не раздѣваясь, сѣлъ у окна и долго просидѣлъ, смотря на крыши и трубы. Потомъ, вдругъ точно что вспомнивъ, поспѣшно сбросилъ пальто, пиджакъ и легъ на постель. Оставалось только лежать.

— Что теперь дѣлать? Куда дѣваться? Вернуться въ N умолять дядюшку Іосафа опредѣлить его на службу? Дать натѣшиться надъ

собою старику? На вѣкъ погрязнуть въ невѣжествѣ, сгорая жаждой знанія? На вѣчныя времена оставить въ кабалѣ мать и сестру? Исподличаться всѣмъ троимъ,—изподтишка ненавидѣть дядюшку, а явно улыбаться, брать подачки, кормиться на его счетъ. И жить такъ изо-дня въ день, не видя просвѣта!.. Слушать глумленія, попреки и не смѣть возразить, возмутиться, ибо ты не одинъ, отъ тебя зависятъ еще двое безпощныхъ существъ, которыя могутъ быть выброшены на улицу!.. Господи, да что-же дѣлать?

Тотъ директоръ училища сжалился — Викторъ усмѣхнулся—«Не отчаявайтесь, говоритъ, молодой человѣкъ, на будущій годъ будете держать». Ему легко это говорить, а какъ дожить до будущаго года? Какими средствами существовать? Кто поможетъ?

Отъ сцены съ директоромъ онъ невольно вернулся къ сценѣ на улицѣ. Въ его памяти съ необычайной ясностью возникли образы Бѣлова и Головинскаго, какъ онъ видѣлъ ихъ, идущихъ къ нему навстрѣчу съ ихъ самодовольными, улыбающимися лицами... Онъ вспомнилъ дѣтскій голосъ маленькаго Бѣлова и моментъ своей необузданной ярости и это несчастное съ помутившимися глазами лицо Бѣлова...

Брянцинъ стиснулъ зубы и закрылъ глаза, чтобы не видѣть этого лица.

Но онъ напрасно закрывалъ глаза, онъ не могъ избавиться отъ безпрестанно возникавшей въ памяти его сцены. Рядомъ съ образомъ Бѣлова возникалъ еще другой, похожій на него, но болѣе нѣжный образъ дѣвушки ребенка. Милые свѣтлые глаза смотрѣли на Виктора съ негодованіемъ и укоромъ.

Никогда, никогда больше не посмѣетъ онъ явиться въ ихъ домъ, никогда больше не услышитъ привѣта изъ милыхъ устъ.

— Ахъ, подлость, подлость какая!.. мысленно восклицалъ Викторъ, скрежеща зубами, чувствуя невыносимое сжиманіе въ груди и не сознавая вполнѣ, къ кому относитъ онъ это восклицаніе—къ себѣ-ли или къ тѣмъ двумъ, Бѣлову и Головинскому, которые вызвали его поступокъ.

Въ дверь его номера постучались. Викторъ вздрогнулъ, сдѣлалъ движеніе на своей скрипучей постели, но не подалъ голоса, ему было отвратительно подумать о встрѣчѣ съ кѣмъ-бы то ни было и онъ закрылъ глаза, какъ-бы притворяясь самъ передъ собой спящимъ. Дверь однако отворилась и вошелъ Головинскій.

Брянцинъ не видалъ товарища съ самаго злосчастнаго дня побоища и его новая блестящая тужурка ножомъ рѣзанула его по сердцу, чувство зависти заставило его вспыхнуть; тѣмъ не менѣе, когда Головинскій, присѣвъ на его постель, просто и безъ всякихъ укоровъ сказалъ:

— Ты не спишь? Я пришелъ провѣдать тебя.

Что-то будто подступило къ горлу юноши и ему стало страшно, что онъ расплачется, растроганный участливыми словами Головинскаго. Викторъ, не поднимаясь, закинулъ руку на голову, чтобы оттѣнить лицо и не выдать себя.

— Какъ дѣла?—спросилъ Головинскій.

— Какъ будто ты не знаешь, что мои дѣла, какъ сажа бѣла.

И, постепенно раздражаясь собственными словами, Брянцинъ продолжалъ:

— Измучили, изнервили, душу вымотали, да спрашиваете—какъ дѣла!

Онъ поднялся на постели.

— Пусти,—сказалъ онъ Головинскому,—отстраняя его и свѣсилъ ноги.

Лицо Виктора было блѣдно, волосы всклокочены, въ большихъ темныхъ глазахъ сверкали слезы.

— Самъ-же избилъ бѣднягу Бѣлова, а теперь сердится, попрекаетъ. А зналъ, кого выбрать изъ насъ двоихъ—на слабаго напалъ!

— Не говори, не смѣй говорить этого! — визгливо воскликнулъ Викторъ, — это Богъ знаетъ что! — И онъ отошелъ къ окну, чтобы скрыть слезы, которыя вырывались изъ глазъ,—не смѣйте говорить!..

— Отчего-же не говорить правду?—хладнокровно возражалъ Головинскій,— завидно было, понятно, что завидно, но бить-то, братъ, не полагается.

— Завидно!.. Да какъ ты смѣешь говорить, что я изъ зависти побилъ!—забывъ въ пылу негодованія о предательской слезѣ, круто повернувшись и наступая на Головинскаго, воскликнулъ Брянцинъ.

— Ну, ну, подальше руки, меня не побьешь! А, конечно, скажу, что изъ зависти...

— Подлость какая! по себѣ судите. Вы-то вотъ знали, что я получилъ тройку, зачѣмъ меня обманывали столько дней?.. Вѣрнѣе добить хотѣлось?.. Смѣялись, издѣвались надо мною... что я вамъ сдѣлалъ? Надо было столкнуть, стереть съ пути... А я, дуракъ, къ нимъ-же шелъ, съ ними собирался дѣлиться своимъ несчастіемъ, думалъ товарищи, свои, друзья единственные примутъ участіе, думалъ...

Онъ не выдержалъ и, всхлипнувъ, закрылъ лицо руками.

— Своя, братъ, рубашка ближе къ тѣлу, а въ этомъ чортовомъ конкурсѣ на всякаго смотришь, какъ на врага. И ты былъ врагъ, я говорилъ тебѣ.

— Но послѣ-то зачѣмъ-же, когда я былъ внѣ конкурса и вы знали это, зачѣмъ обманывали вы меня? зачѣмъ допустили матери телеграфировать?

— А кто-жъ тебя зналъ, что станешь телеграфировать? Ужъ очень ты въ серьезъ принялъ нашу шутку—вольно-же было!



— Шутка! Хороша шутка—съ ума свели.

— Вольно-же вѣрить! Мы вѣдь тоже, братъ, не въ себѣ были съ этимъ конкурсомъ. А ты, съ своимъ самомнѣніемъ, былъ забавенъ, такъ и хотѣлось подковырнуть, ну и подшутили, я началъ, Бѣловъ поддержалъ, не думали, конечно, что трагедія выйдетъ... Ну да вѣдь что-же дѣлать—мы виноваты, ты виноватъ, всѣ виноваты—проѣхало,—всѣ потерпѣли, кромѣ меня, давай мириться.

И Головинскій протянулъ Брянцину руку.

Еще нѣсколько минутъ тому назадъ Викторъ былъ тронутъ приходомъ товарища, да и теперь въ немъ происходила борьба между желаніемъ броситься на шею Головинскому, какъ къ единственному прибѣжищу и желаніемъ оттолкнуть протянутую руку. Онъ колебался еще, когда Головинскій вымолвилъ:

— Такъ ты не хочешь мириться? Слезы льешь, какъ женщина, а откровенно примириться, по-мужски, не...

Викторъ не дождался окончанія фразы, но она рѣшила его колебаніе.

— Во-первыхъ, ты врешь—никакихъ слезъ я не лью, а во-вторыхъ, скажу тебѣ—лучше не приходить мириться съ человѣкомъ, котораго измучили, чортъ знаетъ что сдѣлали съ человѣкомъ, довели до... до...

— Такъ ты не берешь честно-протянутую руку?.. не берешь?.. Ну, какъ знаешь, пеняй на себя! Честь имѣю кланяться.

Головинскій засунулъ руки въ карманы своей новенькой тужурки, повернулся и, не торопясь, вышелъ развалистой походкой.

— И прекрасно! Уходите, всѣ уходите,—воскликнулъ Викторъ,—никого, никого не надо!

А когда замерли шаги Головинскаго вдали корридора, ему показалось, что погасъ послѣдній лучъ надежды.

## XVI.

Викторъ лежалъ, уткнувшись въ подушку и плакалъ тяжелыми слезами.

Какъ странно, что послѣ всего случившагося, онъ еще живъ и не только живъ, а вполнѣ здоровъ физически и даже чувствуетъ голодъ. Какъ странно и подло устроенъ человѣкъ!

Однако, продолжать такъ жить, лежа въ этой постели, нельзя, надо на что-нибудь рѣшиться. Да, надо, надо!.. Надо уйти отсюда еще во время, не опозорившись окончательно!

И въ сотый разъ Викторъ сталъ припоминать невзгоды и поступки свои за послѣднее время: осрамился на экзаменахъ, побилъ товарища,

не взялъ честно-протянутой руки другого, ну и еще что-нибудь сдѣлаю—можетъ быть, убью кого-нибудь, почемъ я знаю, я ужъ, кажется, становлюсь неотвѣтственнымъ за свои поступки! Ничего, ничего не знаю и предвидѣть не могу. Такъ ужъ лучше уйти, покончить разомъ.

Мучившія его рыданія остановились. Онъ всталъ, торопливо собираясь куда-то, но вдругъ присѣлъ на постель и задумался. Сумерки сгущались, во дворѣ кто-то прошелъ съ огнемъ, на потолкѣ его комнаты пробѣжалъ свѣтъ и исчезъ.

— Такъ и я исчезну, — подумалъ Викторъ.— Очень просто,— одинъ какой-нибудь мигъ, и забвеніе всего, вѣчный сонъ, покой. Ничего страшнаго... Письмо написать или не нужно?

Онъ почувствовалъ, что письмо потребуетъ напряженія мысли, усилія ума.—Нѣтъ, писать не надо! Вотъ одѣнусь и пойду на мостъ... Да, на какой-же мостъ? Это важный вопросъ... важный вопросъ, повторялъ онъ.

Въ воображеніи его вырисовался Николаевскій мостъ. Масса людей, экипажей, тѣснота, грохотъ и звонъ конокъ, а внизу могущественная рѣка тихо, величественно катитъ свои волны; дробясь и сверкая, отражается свѣтъ фонарей... Изъ тумана возникаютъ зданія съ той стороны и плывутъ ему на встрѣчу; громадные сфинксы загадочно, покойно и безстрастно глядятъ на него съ набережной. Много людскихъ трагедій видѣли они и оставались безстрастными и спокойными! Смотрите-же и на эту!

Онъ представилъ себѣ, какъ перегнется черезъ перила и сдѣлаетъ прыжекъ. Онъ содрогнулся.

— А потомъ что? Борьба со стихіей или мгновенная смерть? Дай Богъ мгновенную смерть!.. надо скорѣй, скорѣй идти.

Онъ всталъ было, торопясь, но опять сѣлъ на постель.

— Что-же будетъ потомъ? Неужели такъ-таки и наступитъ конецъ? Никакихъ мыслей, воспоминаній, сожалѣній?.. Здѣсь Бѣловъ и Головинскій прочтутъ о самоубійствѣ какого-то неизвѣстнаго молодого человѣка и, пожалуй, пойдутъ освѣдомляться, не онъ-ли. Онъ представилъ себѣ ихъ лица, ихъ разговоры, ихъ внутреннее раскаяніе и въ этомъ нашелъ нѣкоторое утѣшеніе.

— Однако, какія глупости идутъ въ голову,—подумалъ Викторъ и передъ такимъ шагомъ!—Хотѣлось-бы мнѣ знать, что думали другіе, рѣшившіеся покончить съ собою... Нельзя молиться самоубійцѣ... грѣхъ. Что такое грѣхъ?—задалъ онъ себѣ вопросъ и перенесся почему-то въ свое далекое, далекое дѣтство. Онъ увидѣлъ небольшую, чисто прибранную комнатку, большая часть которой была занята двуспальной кроватью. Въ углу теплилась лампада передъ маленькимъ кіотомъ съ образами и мягкій, мерцающій свѣтъ ея таинственно освѣщалъ неболь-



шую комнатку. Онъ—Викторъ—сидѣлъ у матери на колѣняхъ, крѣпко, крѣпко прижавшись къ ней и слушалъ ея повѣствованіе. Она разсказывала о страданіяхъ Христа и онъ жадно слушалъ, полный умиленья, любви и жалости.

Въ то время, какъ картина этого далекаго прошлаго проносилась въ его воображеніи, до его слуха долетѣлъ звукъ благовѣста, холодокъ пробѣжалъ вдоль всего тѣла, онъ вздрогнулъ. Ему явственно представилась столовая въ N, въ домѣ дядюшки Іосафа, столъ, накрытый чистой скатертью, чайный приборъ, корзина съ свѣжими булками, ихъ аппетитный запахъ. Онъ увидѣлъ мать... Одѣтая по домашнему въ старенькое ситцевое платье, съ грустнымъ задумчивымъ лицомъ, она хлопочетъ у стола, между тѣмъ какъ звуки благовѣста несутся въ окна. «Колоколъ дяди Іосафа,»—думаетъ Викторъ... «Пойдетъ она или не пойдетъ ко всенощной? Навѣрное пойдетъ и будетъ молиться о своемъ Витенькѣ, о ненаглядномъ сынѣ...» Онъ представилъ ее себѣ въ темномъ углу ихъ приходской церкви...

Какъ странно, что только теперь, въ эти послѣднія минуты, онъ вспомнилъ о матери, онъ слишкомъ былъ поглощенъ своимъ несчастіемъ... Вотъ она стоитъ передъ образомъ въ помятой старой шляпкѣ; она стоитъ на колѣняхъ, крѣпко сжавъ на груди руки и куда-то вверхъ устремивъ глаза. Свѣтъ лампады отражается въ этихъ подернутыхъ слезами глазахъ. Она молитъ о сынѣ и вѣритъ, что Богъ услышитъ ея молитву... Но что-же ждетъ ее не далѣе, какъ завтра утромъ? Что ждетъ эту бѣдную женщину? Ничего особеннаго,—два-три слова лаконической телеграммы: «Вашъ сынъ скончался скоропостижно». Вѣдь они, конечно, пожалѣютъ ее, не прямо-же объявятъ, что онъ самовольно наложилъ на себя руки. Да, они, посторонніе, пожалѣютъ, а онъ, сынъ единственный... Господи, да какъ жить-то, когда нѣтъ и не можетъ быть исхода! — воскликнулъ Викторъ, складывая руки, какъ-бы дѣйствительно видя передъ собою мать. Мама, не вини!..

Но онъ ужъ не увѣренъ въ правотѣ своего намѣренія, онъ за тысячу верстъ видитъ взглядъ ея, полный укора. «Ты не могъ перенести временной неудачи,—какъ-будто шепчетъ она,—а я... а мы съ Наташей... Кто пожалѣетъ, если ты не пожалѣлъ!..»

## XVII.

## Вмѣсто эпилога.

На слѣдующій годъ осенью между конкурентами на поступленіе въ институтъ *** находился опять и Викторъ Брянцинъ. Исхудалый, блѣдный, въ потертомъ платьѣ, молодой человѣкъ походилъ на тѣнь прошлогодняго Брянцина и очень напоминалъ своей манерой держаться особ-

някомъ и нервными непроизвольными улыбками поразившаго его на первомъ экзаменѣ страннаго Абадинскаго.

Осенью преодолѣвъ кой-какъ стремленіе броситься подъ мостъ, Брянцинъ тогда-же рѣшилъ вступить въ открытую борьбу съ жизнью. А борьба предстояла ему серьезная.

Дядюшка Іосафъ Петровичъ, узнавъ о неудачныхъ экзаменахъ племянника, а также и объ исторіи съ Бѣловымъ, переданной ему въ нѣсколько искаженномъ видѣ, написалъ Виктору письмо. Это было длинное, многорѣчивое посланіе, написанное прекраснымъ сжатымъ писарскимъ почеркомъ на большого формата почтовомъ листѣ бумаги. Іосафъ Петровичъ начиналъ свое письмо съ глумленія.—Онъ приглашалъ «дорогого племянника, испытавшаго свои силы на разныхъ поприщахъ, возвратиться подъ гостепріимную сѣнь, на подножный кормъ».

Далѣе изъ глумливаго тона дядюшка переходилъ въ строгій и серьезный, грозно объявлялъ племяннику: «Съ сей поры не смѣй заикаться о высшемъ образованіи, принимаю тебя въ домъ мой только подъ условіемъ подчиненія моей волѣ, куда захочу тебя опредѣлить, туда и опредѣлю».

На предлагаемыхъ условіяхъ возвратиться въ N было ужасно. Викторъ остался въ Петербургѣ. Какъ онъ просуществовалъ зиму, онъ и самъ хорошенько не зналъ; — хваталъ работы, гдѣ попало и какую попало,—урокъ, переписку, переводъ, сведеніе счетовъ—все, что давало хоть самый грошевый заработокъ. Ютился онъ въ какомъ-то чуланѣ, ѣлъ впроголодь, долго не рѣшаясь ходить въ дешевую столовую, гдѣ за шесть копѣекъ предлагался обѣдъ изъ щей и каши съ большимъ кускомъ хлѣба. Но онъ рѣшился и на этотъ благотворительный обѣдъ, входя въ столовую вмѣстѣ съ нищими. Ему не довольно было просуществовать, ему надо было скопить 50 рублей на первый взносъ въ институтъ и рублей 30 на обмундировку... Изъ скуднаго заработка онъ успѣвалъ еще откладывать!

Главная помощь явилась однако лѣтомъ. На іюнь, іюль и августъ онъ нашелъ урокъ и прожилъ на дачѣ, не заботясь о своемъ питаніи и только нѣсколько стѣснялся передъ хозяевами своихъ парусиновыхъ, слишкомъ короткихъ ему куртокъ. Хозяева, впрочемъ, были снисходительны въ виду дешевизны учителя.

Конкурсъ состоялся и на этотъ разъ Викторъ былъ принятъ. Съ бывшими товарищами своими Бѣловымъ и Головинскимъ онъ встрѣтился очень просто, безъ всякаго упоминанія о прошломъ. Это прошлое заставляло краснѣть всѣхъ троихъ, точно это было навожденіе какое-то, временное умопомѣшательство, помрачившее всѣ чувства и мысли.

Первый конкурсъ на жизнь былъ оконченъ, они восторжествовали и каждый теперь по своему смотрѣлъ на тѣхъ молодыхъ людей, кото-



рые, замирая, съ искаженными отъ страха и волненія лицами, шли на испытаніе.

Головинскій чувствовалъ довольство, что для него вся эта исторія кончена и не повторится больше.

— Идите, идите, голубчики,—говорилъ онъ,—попробуйте, что такое конкурсъ, пройдите черезъ это чистилище!

Бѣловъ повторялъ его слова, но въ глубинѣ души чувствовалъ сожалѣніе къ этимъ молодымъ, искаженнымъ страхомъ и завистью лицамъ. И только Брянцинъ открыто сожалѣлъ и безъ блѣдности въ лицѣ, безъ содроганія, отвращенія не могъ вспомнить о своемъ первомъ конкурсѣ на жизнь.

Предстояла еще тяжелая борьба, борьба изъ-за средствъ къ существованію, но Брянцину казалось, что самое трудное осталось позади, и съ полнымъ упованіемъ смотрѣлъ онъ на будущее.

**А. Єтернъ.**

---

# Весна пришла.

Разсказъ **Джорджа Эгертона.**

---

Разсказать вамъ, какъ это случилось? Сдѣлать это не такъ-то легко, потому что при передачѣ самыя трогательныя вещи могутъ показаться смѣшными. Попытаемся. Конечно, это была случайность, если только такая вещь, какъ случайность, существуетъ. Скажемъ, судьба. Три старушки, которыя отъ нечего дѣлать прядутъ нить нашихъ судебъ, вздумали заняться мной. Онѣ послали мнѣ гонца въ видѣ романа въ розовой обложкѣ съ заманчивымъ заглавіемъ. Я была въ книжной лавкѣ и покупала какія-то газеты, когда эта книжка попалась мнѣ на глаза. Я открыла ее. Авторъ оказался мнѣ незнакомымъ. Я стала перелистывать страницы и случайная фраза заинтересовала меня. Я было зачиталась, но голосъ книгопродавца прервалъ меня.

— Это очень дурная книга, сударыня. Романъ новѣйшей реалистической школы, съ тенденціей. Я бы не совѣтовалъ вамъ читать его, сударыня!

— Да? въ самомъ дѣлѣ!

Я положила книгу и ушла изъ лавки, но слова, прочитанныя мною, прыгали передъ моими глазами. Я видѣла ихъ въ голубой лазури неба, въ солнечныхъ лучахъ, падавшихъ на мостовую, въ прозрачной ясности норвежскихъ ночей. Они запечатлѣлись въ моемъ мозгу яркими красками, горячія, страстныя, преисполненныя энтузіазма. Прошло нѣсколько недѣль. Въ одинъ прекрасный день мнѣ стало такъ невыносимо скучно, что я послала за книгой. Я погрузилась въ чтеніе и все мое существо прониклось горячей симпатіей къ убѣдительному, страстному слову борящейся и наболѣвшей души. Я была потрясена изображеніемъ этой борьбы съ горемъ, судьбой и несчастіемъ. Это была душевная трагедія современнаго человѣка. Когда книга была прочитана, меня охватило безум-

ное желаніе увидѣть и узнать автора. Мнѣ не приходило въ голову охлаждающее соображеніе, что изображенная борьба можетъ представлять собою очень искусный анализъ выдуманнаго положенія. Я не сомнѣвалась въ его реальности и хотѣла помочь человѣку. Мнѣ страстно хотѣлось сказать этому одинокому страдальцу, что есть существо—и это существо женщина—сочувствующее ему. Отвлеченное *я* въ этой повѣсти не давало мнѣ покою. Со всѣмъ запасомъ моей энергіи я принялась за розыски автора. Это оказалось дѣломъ нелегкимъ. Никто изъ моихъ знакомыхъ не зналъ его, не слыхалъ его имени. Онъ мелькнулъ удивительнымъ метеоромъ, и такъ какъ книга не одобрялась правовѣрными, то приходилось дѣйствовать осторожно. Страшно подумать, какіе мы рабы предразсудковъ! Я сомнѣваюсь, наступитъ-ли такое время, когда мы будемъ въ состояніи говорить правду. Теперь же мнѣ кажется, будто люди создали себѣ искусственный кодексъ нравственности, заклеймили именемъ порока чистыя сами по себѣ проявленія законовъ природы, лишили ихъ естественной красоты и смысла и объявили имъ войну, которая длится вѣками, проявляясь въ борьбѣ инстиктивной правды съ культурной ложью.

Но вернемся къ моему разсказу. Послѣ долгихъ стараній, благодаря одному старому книгопродавцу, я добилась кое-какихъ свѣдѣній. Мое предположеніе оказалось вѣрнымъ, все имъ написанное вырвалось изъ его наболѣвшей души. Есть предразсудокъ, что кинжалъ, обагренный кровью изъ сердца человѣка, никогда не промахнется,—не удивительно поэтому, что его исповѣдь охватила меня своимъ огнемъ, отчаяніемъ и смѣлостью. О чемъ ему писалъ мой книгопродавецъ — я не знаю, но только я получила отъ него милое, простое письмо, и у насъ завязалась переписка.

Съ каждымъ письмомъ росло мое желаніе его увидѣть. Кончилось тѣмъ, что мы условились встрѣтиться въ одномъ изъ маленькихъ прибрежныхъ городковъ. Странно, какъ иногда мысль о человѣкѣ, никогда не видѣнномъ, можетъ поработить другого—какъ это случилось со мною. Помню, какъ я волновалась всю дорогу. Точно дѣвочка передъ конфирмаціей. Малѣйшія подробности встаютъ въ моей памяти съ поразительной отчетливостью. Я провела ночь на пароходѣ и рано утромъ на другой день—это было въ воскресенье — я стояла на палубѣ и смотрѣла на берегъ, пока мы плыли по водѣ, сверкавшей подъ лучами сентябрьскаго солнца. Я была въ счастливомъ выжидательномъ настроеніи. Во время обѣда мы проѣхали мимо фіорда, глубокаго, голубаго фіорда, повернувшаго вправо отъ насъ, съ остроконечнымъ шпицемъ церкви, едва видной между елями. Лодки всевозможныхъ родовъ, начиная съ нарядныхъ катеровъ и кончая обыкновеннымъ паромомъ, стали появляться послѣ церковной службы. Бѣлые паруса надувались отъ вѣтра, хлопали при

спаданіи, затѣмъ, повиснувъ неподвижно на секунду, быстро неслись впередъ по водной лазури, подобно птицамъ съ бѣлоснѣжными крыльями.

Я перестала ходить въ церковь за послѣдніе годы. Почему? О! по разнымъ причинамъ. Но теперь, видъ этихъ простыхъ милыхъ людей въ праздничныхъ нарядахъ, видъ повязанныхъ шелковыми платочками, бѣлокурыхъ молодыхъ дѣвушекъ съ книжками псалмовъ, смѣхъ, доносившійся черезъ воду, магическое дѣйствіе солнца и неба, горъ и фіорда, все это производило на меня такое впечатлѣніе, будто и я вѣрующая. И я чувствовала себя необыкновенно счастливой.

Я отправилась въ отель сейчасъ по высадкѣ на берегъ. Справившись о немъ, я посылаю ему свою карточку и жду. Жду и въ то-же время наблюдаю себя со стороны—это довольно курьезное ощущеніе. Я вижу свою полудѣтскую фигуру съ недоразвитымъ бюстомъ, блескъ колецъ на моихъ пальцахъ. Они крѣпко прижаты къ сердцу, которое страшно бьется; даже выжидательная поза головы какъ то представляется мнѣ. Забавная мысль приходитъ мнѣ въ голову, что я нахожусь въ положеніи рабы, ожидающей появленія новаго хозяина, и я сама смѣюсь надъ своимъ волненіемъ. Стукъ... «Войдите!..» Дверь отворяется и я удовлетворена. Я очутилась лицомъ къ лицу съ нимъ, кого моя душа ждала и какъ долго ждала? Долго, всегда. Однако, что это значитъ? Неужели меня ничто не можетъ уже удивить? Мнѣ кажется, я вижу передъ собою воплощеніе витавшаго въ моемъ воображеніи образа и исчезавшаго прежде, чѣмъ мнѣ удавалось сосредоточиться на немъ. Не былъ-ли этотъ человѣкъ, или, быть можетъ, часть его существа, въ сообщеніи со мною прежде? Я протягиваю ему руку и сдерживаю потребность протянуть и другую. Я чувствую себя невыразимо счастливою. Я знаю звукъ его голоса прежде, чѣмъ онъ произнесетъ хоть одно слово, чувствую его прикосновеніе прежде, чѣмъ онъ пожметъ мою руку.

Странно, что подчасъ важнѣйшіе переломы въ нашей жизни совершаются самымъ зауряднымъ способомъ. Многіе осмѣиваютъ любовь. Но самая запальчивость въ ея отрицаніи только доказываетъ ея существованіе. Пожертвуйте ею честолюбивымъ цѣлямъ или выгодѣ, отдѣлывайтесь отъ нея, какъ хотите, рано или поздно она добьется возмездія.

Мы сидѣли и разговаривали, или вѣрнѣе я разсказывала, а онъ слушалъ. Онъ сказалъ, что мой поступокъ, вызванный желаніемъ его видѣть, довольно эксцентриченъ; но, что, очевидно, я привыкла дѣлать все, что мнѣ угодно. Откуда онъ это узналъ? О, онъ слышалъ отъ другихъ! Такъ я всего на одинъ день? Это очень, очень досадно! На кого онъ походилъ? Онъ напоминалъ собою американскаго бизона или льва. Его голова можетъ занять мѣсто въ галлереѣ самыхъ рѣдкихъ и красивыхъ головъ на свѣтѣ. Вы подумаете, что я предубѣждена въ его пользу? Нѣтъ, нисколько! Руки у него, напримѣръ, грубыя, рабочія и покрытыя къ

тому же веснушками; походка его мнѣ тоже не нравятся, какъ и множество другихъ особенностей. О чемъ мы говорили? Какъ я уже сказала, онъ больше слушалъ, смѣялся веселымъ дѣтскимъ смѣхомъ съ музыкальнымъ тембромъ. У него почтительныя манеры и ласкающая улыбка, также привычка откидывать голову назадъ и встряхивать волосами. Чему онъ смѣялся? Да, вѣроятно, я его смѣшила. Я разсказала ему все про себя, хорошее и дурное, вывернула себя на изнанку, какъ это дѣлаютъ съ карманомъ стараго платья, смѣялась надъ собою, ничего не скрывая. Выходило эксцентрично, но и наше знакомство было не совсѣмъ обыкновенно. Онъ всталъ и заходилъ по комнатѣ. По временамъ онъ засовывалъ руки въ карманы и восклицалъ: въ самомъ дѣлѣ! удивительно! и т. д. Я увѣрена, что онъ узналъ про меня очень много впродолженіе нашего разговора. Понимаете,—мы бесѣдовали, какъ старые знакомые. Казалось, я нашла давно затерянную часть души и я поэтому старалась заполнить пробѣлы. Мы оба были очень счастливы.

Онъ любовался,—нѣтъ, это не настоящее выраженіе,—онъ былъ очарованъ мною, это вѣрнѣе. Онъ сказалъ, что мои руки такія маленькія, «совсѣмъ дѣтскія». Скатерть была изъ темно-краснаго плюша и служила хорошимъ фономъ. Онъ указалъ робко, какъ бы это сдѣлалъ застѣнчивый юноша, на одно изъ моихъ колецъ. Здѣсь вообще не носятъ колецъ. Я полагаю, что они произвели впечатлѣніе богатства. «Вотъ это очень красивое!» Я смѣялась, я такъ была рада, что у меня красивыя руки. Красивыя руки сохраняются гораздо дольше, чѣмъ красивое лицо. Я посмѣялась надъ его пальцемъ, который имѣлъ такое почтительное выраженіе и назвала его большимъ ребенкомъ. Кажется, мы оба были большими дѣтьми, у которыхъ оказалась общая радость—мы нашли самихъ себя. Мы переживали восхитительныя минуты, открывали каждый разъ что-нибудь новое другъ въ другѣ. Мы испытали одно и тоже, оба терпѣли нужду и оба были однихъ лѣтъ. Оба были свободны отъ предразсудковъ и мысленно пожимали все время другъ другу руки. Я не припомню теперь, что онъ такое сказалъ, знаю лишь, что я опустила голову и чувствовала, что улыбаюсь просто отъ избытка радостныхъ ощущеній. Онъ вскричалъ, смѣясь: «вы говорите, что я большой ребенокъ, но вы сами дитя, въ особенности, когда улыбаетесь!» Онъ долженъ былъ ужинать у меня и ушелъ на часъ передъ тѣмъ. Тотчасъ послѣ его ухода я подошла къ трюмо и стала разсматривать себя, стараясь видѣть себя такой, какой я ему представлялась. Я была полна жизни, красокъ, глаза горѣли, какъ звѣзды, дрожащія губы улыбались. Я чувствовала себя, какъ-то необыкновенно рѣзвой и подвижной. Вообще, я себя не узнавала въ зеркалѣ. Фигура, черты лица, конечно, отражались тѣ же самыя, но только сіяніе, исходящее изъ нихъ, поразило меня, какъ нѣчто постороннее. Знаете-ли, что я сдѣлала? Я стала танцовать по комнатѣ. Это показы-

ваетъ, до какой безмѣрной глупости можетъ дойти взрослая женщина. Кстати, онъ не принималъ меня за взрослую женщину, онъ говорилъ, что я совсѣмъ дѣвочка, но замѣчательная дѣвочка. Онъ говорилъ, что на меня нельзя не обратить вниманія, куда-бы я ни показалась. Съ чего онъ это взялъ? О, онъ слышалъ, да кромѣ того видѣлъ собственными глазами на пристани. Онъ угадалъ, что это я—въ тотъ самый моментъ, когда я сошла съ парохода. Да, на меня всегда обращали вниманіе, но какъ это могло ему придти въ голову?

Предчувствіе! И такъ, онъ былъ на пристани? Почему же онъ не пошелъ мнѣ навстрѣчу? Неслышный отвѣтъ,—и медленная краска покрываетъ его лицо до самыхъ корней его бѣлокурыхъ волосъ. Не знаю, какимъ образомъ онъ внушилъ мнѣ эту мысль, но все время я испытывала сладостное ощущеніе, что со мною обращаются, какъ съ королевой. Я сидѣла, или лучше сказать лежала въ креслѣ передъ окномъ и смотрѣла на воду, на суда. Наступили сумерки и міръ будто покрылся красной пеленой прозрачнаго нѣжнаго оттѣнка. Заливъ свѣтился огнями отъ множества судовъ, стоявшихъ на якорѣ, небо сверкало звѣздами, миріады которыхъ растутъ по мѣрѣ того, какъ вы въ нихъ всматриваетесь, погружаютъ васъ въ море свѣта, гдѣ вы совершенно забываете о своемъ существованіи. Длинныя серебристыя полосы колебались въ волнахъ, юноши и молодыя дѣвушки гребли въ лодкахъ по разнымъ направленіямъ и, казалось, жизнерадостные лучи неслись отъ нихъ, наполняя атмосферу счастьемъ и любовью.

Легкій вѣтерокъ ласкалъ мнѣ лицо, какъ нѣжное прикосновеніе мягкихъ холодныхъ пальцевъ. Я была безгранично счастлива. Я передумывала и мысленно повторяла все, что произошло за эти нѣсколько часовъ, пролетѣвшихъ такъ быстро. Звукъ голоса, каждый взглядъ, жестъ, улыбка—все проносилось въ моемъ воображеніи. Горничная пришла накрывать на столъ. Она знала меня по моимъ предыдущимъ посѣщеніямъ и вступила въ разговоръ, но мнѣ хотѣлось остаться одной съ моими мыслями. Я пошла наверхъ, вымыла руки и попудрила ихъ душистой пудрой. Спустившись внизъ, я усѣлась и ждала его, заложивъ руки вокругъ головы, чтобы онѣ выглядѣли бѣлѣе. Онъ вернулся, радостно бросилъ свою шляпу на кушетку и подошелъ ко мнѣ. Мы смотрѣли другъ на друга и я смѣялась. Если-бъ мнѣ пришлось говорить вплоть до второго пришествія, я-бы не съумѣла объяснить вамъ того, что я до сихъ поръ хорошенько не понимаю. За ужиномъ я только пила чай и наблюдала его, потомъ мы усѣлись у открытаго окна и любовались залитымъ огнями берегомъ. Я позволила ему курить... и мы говорили, говорили... Бесѣда наша не прерывалась, когда мы умолкали, потому что мы какъ-то думали вмѣстѣ.

Огни на маякѣ сверкнули, звѣзда упала и я загадала,—ахъ, все это

глупости! Кажется, онъ слѣдилъ за выраженіемъ моего лица, потому что когда наши глаза встрѣтились, онъ улыбнулся, какъ будто понявъ, въ чемъ дѣло. Нѣсколько разъ онъ вдругъ вскакивалъ и начиналъ съ нетерпѣніемъ качать стулъ взадъ и впередъ. Ему было досадно, что я уѣзжаю! Да? но мы можемъ еще встрѣтиться! Могутъ оказаться препятствія! Въ самомъ дѣлѣ? Мнѣ казалось-бы, что для *него* препятствій не существуетъ въ данномъ случаѣ. Онъ разсмѣялся въ отвѣтъ, быстро взлянувъ на меня искоса, какъ финская собака, и сказалъ, что я очень зубастая, какъ будто ему доставляло удовольствіе быть задѣтымъ.

Между прочимъ, я должна сказать, что онъ подчасъ любитъ употреблять сильныя выраженія, за что просилъ у меня прощенія, такъ какъ онъ не привыкъ къ дамскому обществу.

Въ десять часовъ я предложила разойтись ради приличія. Онъ попросилъ отсрочки, причемъ меня удивилъ его смиренный тонъ. Я должна была уѣхать на пароходѣ въ восемь часовъ утра на слѣдующій день. Да, я буду къ семи готова, онъ можетъ придти сюда. Дамъ-ли я ему свой портретъ? Да, я нарочно снимусь. Какъ можно больше въ профиль, ему казалось, такъ выйдетъ лучше всего.—Хорошо! Онъ поднялся со мною по лѣстницѣ и, на прощанье, взялъ меня за руку съ необыкновенной осторожностью, какъ будто это было нѣчно очень хрупкое, и оставался неподвижнымъ, пока я шла вдоль корридора. Повѣрите-ли? Мнѣ захотѣлось бѣжать, какъ смущенной школьницѣ. Я молилась въ эту ночь, благодарила Бога—не знаю хорошенько, за что—должно быть за то, что была такъ счастлива. Я еще разъ посмотрѣла въ зеркало на свое новое лицо и когда свѣча была потушена... что я сдѣлала? Да то, что всякая женщина сдѣлала-бы на моемъ мѣстѣ. Я прижалась лицомъ къ воображаемому лицу, потерлась щекой о воображаемую щеку, прошептала: «милый!», и уснула.

Я спустилась внизъ раньше семи, заплатила по счету и усѣлась передъ маленькимъ подносомъ съ грубыми бѣлыми чашками и густыми желтыми сливками. Онъ пришелъ. Весь сіяющій, съ счастливами глазами, счастливой улыбкой и протянутыми руками. А я, я такъ обрадовалась, что готова была оповѣстить весь міръ о своемъ счатьи. Казалось, я пила магическій элексиръ вмѣсто кофе.

— Ужасно досадно!—сказалъ онъ съ нетерпѣніемъ.

— Что досадно? Вы такъ часто это повторяли.

— Досадно, что уѣзжаетъ человѣкъ, когда такъ нужно, чтобы онъ остался.

— Предположимъ, я не уѣзжала-бы, но вы были-бы, вѣроятно, въ одномъ мѣстѣ, а я въ другомъ. Разница выходитъ, главнымъ образомъ, въ почтовыхъ маркахъ.

Мы оба разсмѣялись. Малѣйшій пустякъ служитъ счастливымъ лю-

дямъ поводомъ для смѣха. Вскорѣ показался пароходъ и мы отправились на пристань и затѣмъ на палубу. Онъ стоялъ молча. Мы только смотрѣли другъ на друга. Тогда это меня не поражало, теперь мнѣ это кажется страннымъ. Раздался первый звонокъ! Дрожь пробѣжала по моему тѣлу. «Досадно, возмутительно!» Его улыбка исчезла. Глубокія морщины, слѣды прошедшихъ страданій,—чего я не замѣчала до сихъ поръ—появились на его лицѣ.

— Я вернусь весною.

— Да, но зима тянется долго!

— Ничего, я вернусь за то къ веснѣ!

Второй звонокъ... Ахъ, что заставляетъ насъ поступать наперекоръ сердцу? Жизнь коротка и мы сами налагаемъ на нее цѣпи въ угоду жалкимъ предразсудкамъ. Я дрожала. Чувствовалась, впрочемъ, осенняя прохлада въ воздухѣ. Я ненавижу теперь звукъ колокольчика на пароходѣ... Раздается третій звонокъ... Мы обернулись и я сжимаю свои маленькіе пальцы въ его большой рукѣ. Я говорю: «прощайте и не забывайте...»

Еще секунда и бортъ парохода сталъ между нами. Я впиваюсь въ его глаза и вижу сквозь нихъ его душу,—печальную, сожалѣющую. Но меня радуетъ, что это такъ, что онъ тоскуетъ и въ этомъ недолгомъ сосредоточенномъ взглядѣ я вижу его душу—такой, какой-бы мнѣ хотѣлось.

«Весной», шепчу я, наклоняясь къ нему, между тѣмъ какъ пароходъ начинаетъ отплывать. Онъ слѣдитъ за нимъ и остается на пристани, пока не теряетъ насъ изъ виду. Если-бъ онъ въ эту минуту протянулъ свою руку и сказалъ: «останься!» я, кажется, бросилась-бы и осталась. Мы были знакомы только одинъ день, это правда. Но что за бѣда? Я въ него вѣрила, я его любила и... жизнь такъ коротка!

Я была такъ счастлива, несмотря на разставаніе съ нимъ, что мнѣ казалось, будто въ этотъ день солнце совсѣмъ иначе свѣтило. Мнѣ хотѣлось даже спросить пассажировъ, не находятъ-ли они, что такого удивительно-прекраснаго дня свѣтъ еще не видывалъ, что въ самомъ воздухѣ разлита какая-то необыкновенная сладость? Я нашла удобную софу, улеглась на нее и съ закрытыми глазами снова переживала свои ощущенія.

Остальное гораздо труднѣе передать... То я была безумно счастлива, то впадала въ безграничную тоску. Я послала свою карточку и письмо и считала дни и часы въ ожиданіи отвѣта. Пришло письмо. Я скрылась, чтобы прочесть и понять все, что кроется въ каждомъ словѣ. Держала его подъ своимъ изголовьемъ ночью, днемъ хранила его на груди и отвѣтила на него прямо, что диктовало мнѣ сердце. Къ чему пытаться разсказывать, что было потомъ? Ни за какія сокровища въ мірѣ я не согласилась-бы пережить еще такую зиму. Надежда, страхъ, ожиданіе,

радость, унынiе,—всѣ сильныя ощущенiя, которыя такъ пытаютъ и изводятъ душу, выпали на мою долю. Мнѣ страстно хотѣлось очутиться одной на вершинѣ высокой горы и жить тамъ со своей мечтой. Хотѣлось-бы знать, понимаетъ-ли мужчина, сколько прелести таится въ мечтахъ и думахъ женщины о немъ. Какого рода были его письма? Горячiя, страстныя, съ нѣкоторымъ reservatio mentalis, которое меня задѣвало, но всегда содержавшiя въ себѣ: «когда весна придетъ!» Поразительно, до какихъ предѣловъ безразсудства способно дойти человѣческое существо. Его портретъ былъ на моемъ столѣ. Я ему поклонялась, какъ иконѣ. Трудно выдумать что-нибудь болѣе нелѣпое. Я всегда чувствовала приближенiе письма и съ напряженнымъ вниманiемъ и лихорадочно настроенными нервами прислушивалась къ почтальонскому стуку. А перечитыванiе болѣе нѣжныхъ мѣстъ въ письмѣ—это и трогательно и жалко! Повѣрите-ли, я цѣловала оставшiйся слѣдъ пальцевъ на бумагѣ. Боже, какъ тянулись дни! Душевная тревога просто изводила меня. Ночь не приносила мнѣ ни малѣйшаго облегченiя и только утѣшала меня сознанiемъ, что я одна. Мнѣ было двадцать-шесть лѣтъ и всѣ мои предыдущiе годы не тянулись такъ долго, какъ эта ужасная зима. Я лишилась сна и почувствовала нервное истощенiе. Это было глупо, чрезвычайно глупо, потому-что неблагопрiятно отражалось на моей наружности. Когда я изрѣдка смотрѣлась въ зеркало, то видѣла въ немъ худое, воскового цвѣта лицо, очень постарѣвшее и съ темными кругами подъ глазами.

Довольно скверно быть глупымъ и не подозрѣвать этого, но понимать и чувствовать это всѣми фибрами существа, знать, что ничѣмъ нельзя помочь горю, что философiя тутъ ни къ чему, что вы изображаете изъ себя жгучую страсть, утѣшаемую слегка письмомъ, послѣ чего вы сильнѣе поддаетесь обаянiю другой личности, мучитесь сомнѣнiями и теряете уваженiе къ себѣ. Ахъ! это была длинная, длинная зима! Новый годъ пришелъ, а время все тянулось медленнымъ, увѣреннымъ шагомъ. Наконецъ, наступила весна, по альманаху, по крайней мѣрѣ, и молодыя дѣвушки выкрикивали на улицахъ: «фiалки, душистыя фiалки!» Модистки продавали шляпки въ гинею за 12 шиллинговъ и я слѣдила за всѣми признаками наступленiя весны въ безумно радостномъ ожиданiи.

Весна, весна идетъ! Но я не такъ смѣюсь, какъ бывало прежде? Какъ-же я прежде смѣялась? Я забыла. Ну, ну! не буду смѣяться, даже надъ собою.

И вотъ опять я тутъ, въ отелѣ, и жду. Труднѣе всего описывать самыя простыя вещи и онѣ-то и производятъ самыя сбивчивыя впечатлѣнiя. Я снова сказала: войдите! крѣпко ухватилась лѣвой рукой за столъ и улыбнулась, вѣрнѣе, начала улыбаться. Весна наступаетъ позд-

нѣе въ этихъ мѣстахъ, остатки зимнихъ морозовъ носились еще въ воздухѣ и я почувствовала холодъ на своихъ губахъ, лицо мое какъ-то странно сжалось и прикосновеніе его руки не отогрѣло меня. Была-ли я счастлива? Нѣтъ, я застыла, но въ то-же время сохранила острую отзывчивость на впечатлѣнія. Мнѣ казалось, будто вся моя нервная система была обнажена, и воздухъ и все окружающее причиняли ей острую, мучительную боль. Мнѣ казалось, что я вижу обнаженными нервами такъ-же хорошо, какъ и глазами. Вы знаете, какъ въ сильные морозы вы обжигаете себѣ руку внезапнымъ прикосновеніемъ желѣза, и мнѣ казалось, что по мнѣ пробѣгаетъ огненная дрожь. Вы скажете—это нелѣпость; но таковы были мои ощущенія. Почему? Я не знаю, почему. Я анализировала малѣйшія впечатлѣнія, которыя, мнѣ казалось, я на него произвожу и вмѣстѣ съ тѣмъ наблюдала за этимъ процессомъ анализа. Понимаете-ли, теперь все было совсѣмъ другое. Предположимъ, вы только-что выпили бокалъ чуднаго ароматнаго вина, которое васъ оживило и согрѣло. Но вдругъ оно превратилось безъ вашего вѣдома въ тепловатую водицу или уксусъ. Что онъ сказалъ? Дайте вспомнить. Ахъ, да! я такъ похудѣла! Курьезное впечатлѣніе производятъ нѣкоторыя вещи. Я какъ-то видѣла пьесу Гольберга въ Копенгагенѣ. Одна изъ героинь была старая экономка съ капитальцемъ, которая изнывала отъ неудовлетворенной любви. Устраивается партія между нею и молодымъ деревенскимъ франтомъ. Вотъ сцена: пока финансовая сторона улаживается нотаріусомъ, онъ обращается къ ней: «Позвольте обнять васъ, сударыня!» Она скалитъ зубы, — и я никогда не забуду выраженія комическаго ужаса, съ какимъ женихъ, отвернувшись, ворочаетъ глазами и опускаетъ углы рта. Я скорѣе почувствовала, чѣмъ замѣтила, многозначительный взглядъ, сопровождавшій его комментаріи по поводу моей худобы, и сценка изъ комедіи промелькнула въ моемъ воображеніи. Странно, не правда-ли? Нѣчто вродѣ сочувствія съ моей стороны. Мнѣ казалось, будто кто-то обхватилъ мой плоскій, сухощавый станъ.

Да, я похудѣла. Молчаніе. Была-ли я больна? Да, очень! Такъ вотъ почему я такъ блѣдна! Это ужасно, полное отсутствіе теплыхъ красокъ въ моемъ лицѣ. Просто страшно прикоснуться. Я чувствовала, что мнѣ подводились итоги. Столько-то крови, столько-то мяса. Были-ли у меня огорченія? Я потеряла дѣтскую рѣзвость, которая такъ была привлекательна во мнѣ. Ахъ, да! я такъ горячо принимала къ сердцу разныя огорченія... Страдала-ли я безсонницей? Да... это было глупо! Притомъ нужно было ѣсть побольше. Я имѣла видъ голодный, истощенный, мои глаза и щеки ввалились.—Не правда-ли, я ужасна, я постарѣла съ осени? Мое замѣчаніе не вызвало возраженія. Я бы не задумалась солгать, будь я на его мѣстѣ. Но мужчины, можетъ быть, добросовѣстнѣе. Что еще? Я воспроизвожу все, насколько это въ моихъ силахъ. Да, мои руки

измѣнились, онѣ показались ему не такими маленькими? Можетъ быть онѣ потеряли свою округлость и это было причиной? Да? Онѣ, конечно, стали больше и не такія бѣлыя... Цѣловалъ-ли онъ меня? О, да. Мнѣ, видите-ли, хотѣлось изслѣдовать это дѣло до конца, чтобы знать — при чемъ я. И я позволила. Это были только поцѣлуи губъ; души его тутъ не было, и я все это понимала. Чувствовала-ли я что-нибудь? Да, я была глубоко оскорблена. Не могу сказать, какъ меня мучили эти поцѣлуи. Въ нихъ не было огня, жизни, однимъ словомъ, это были недостойные, постыдные поцѣлуи.

Я не увѣрена, что въ то же самое время я не замѣчала комической стороны всего происходившаго, что одна часть моего *я* не смѣялась надъ другой... Право,—я не знаю, чего я ждала? Онъ писалъ мнѣ прекрасныя письма,—да. Но онъ слишкомъ даровитый мастеръ слова, чтобы дѣлать это иначе. Скверно со мной обошелся теперь? Нѣтъ, я не могу этого сказать. Онъ съ прямодушнымъ чистосердечіемъ не скрылъ, что осень и весна различныя времена года и что чувства могутъ измѣниться за зиму. Я не вижу основанія обижаться. Это означало-бы наказывать его за то, что онъ мною интересовался. Говоря его словами: «Я промелькнула въ его жизни очаровательнымъ видѣніемъ». Можетъ быть, въ этомъ и заключается ошибка. Онъ думалъ обо мнѣ какъ объ очаровательномъ призракѣ съ прекрасными ручками, идеализировалъ меня и этому идеалу писалъ свои восторженныя посланія. Когда я вернулась, онъ видѣлъ передъ собою прозаическое явленіе съ менѣе очаровательными ручками, со склонностью къ худобѣ, съ появившимися морщинками вокругъ глазъ. Его разочарованный взглядъ протрезвившагося человѣка былъ просто восхитителенъ! Я сидѣла рядомъ съ нимъ и онъ механически гладилъ мою руку. Несмотря на мои терзанія, я обратила вниманіе на картину, висѣвшую на стѣнѣ. Она изображала итальянскій ландшафтъ съ голубымъ небомъ и розовыми озерами. Картонныя фигуры рослыхъ мужчинъ въ зуавкахъ, тирольскихъ шляпахъ съ забинтованными ногами фигурировали на первомъ планѣ. Вы заводите пружину и фигуры начинаютъ танцовать мазурку. Я слушала его и въ то же время воображала себя и его одѣтыми въ такіе же костюмы и танцующими—потому что заведена пружина. Я едва удержалась, чтобы не прыснуть со смѣху. На немъ былъ отложной воротникъ, и я подумала, что ему не слѣдуетъ носить крахмальныхъ воротниковъ, что они не идутъ къ его шеѣ.

Разговаривали-ли мы о чемъ-нибудь? Конечно! Толстой и его теорія безбрачія, Гедда Ибсена, Стринбергъ и его взгляды на женщину. Мы согласились, что Фридрихъ Ницше великій писатель. Я не сомнѣваюсь, что ему было жаль меня отъ души. Я какъ-то спросила его, шутя, но не безъ нѣкотораго ехидства: какой смыслъ имѣли нѣкоторыя очарова-

тельно-нѣжныя выраженія въ его письмахъ. Онъ страшно поблѣднѣлъ, закрылъ на секунду глаза и я видѣла, какъ на лбу у него выступили крупныя капли пота. Я вскочила съ своего мѣста и перемѣнила разговоръ. Я помню, что еще маленькой дѣвочкой я никогда не срывала цвѣтовъ. Мнѣ всегда казалось, что они чувствуютъ и умираютъ отъ этого. Я обыкновенно потихоньку собирала разбросанные моими подругами цвѣты по дорогѣ или въ поляхъ и погружала ихъ черенками въ воду ручейковъ или канавъ. Я и теперь не ношу цвѣтовъ. Мнѣ не хотѣлось его обижать, чѣмъ онъ виноватъ, что его любовь завяла? Должно быть, судьбой было заранѣе предопредѣлено, что моя любовь должна обращаться, какъ золото волшебниковъ, въ завядшіе лепестки въ моей рукѣ. Въ чемъ дѣло? сѣдой волосъ! Ахъ, я замѣтила ихъ нѣсколько за послѣдніе дни.

Чѣмъ это кончилось? О, онъ сказалъ, что уѣзжаетъ собирать матеріалъ для новой книги, что онъ уничтожитъ мои письма, что благоразумнѣе и вѣрнѣе будетъ сжечь ихъ. Нѣтъ, я не просила его о томъ,— онъ самъ вызвался. Онъ спросилъ, какъ я думаю. Я сказала: «да». Не удивительно-ли, съ какой стремительной быстротой мчатся мысли въ головѣ? Въ то самое время, когда я произносила «да», я думала: часто жалѣешь о письмахъ не уничтоженныхъ во время; росписки, однѣ росписки по счетамъ необходимо сохранять... Я внутренно оплакивала свои письма. Такія письма. Такъ можно писать только разъ въ жизни. Весь ароматъ цвѣтовъ, который я когда то вдыхала, южные лучи солнца, мои любимыя мелодіи, чудные образы, моя любовь—все, что дали мнѣ мои лучшіе молодые годы, выкристализовалось въ слова любви въ моихъ письмахъ. Мнѣ часто казалось, что слова горѣли бѣлымъ пламенемъ, когда я ихъ писала и я смущалась, видя ихъ на бумагѣ. И онъ сказалъ: «я ихъ сожгу!»—все равно какъ я-бы сказала: «я сниму отдѣлку съ моей прошлогодней шляпы». Мнѣ была очень непріятна мысль, что онъ ихъ будетъ сжигать, можетъ быть, вмѣстѣ со старыми счетами отъ своей прачки. Еслибъ у меня отрѣзали палецъ, я-бы хотѣла его похоронить, а не позволила-бы бросить. Сантиментальность, пожалуй...

Мы попрощались! Я чувствовала, что у меня вмѣсто сердца губка съ множествомъ отверстій и что всѣ мои чувства сочились сквозь нихъ. Онъ обрадовался, что ему можно уйти; онъ чувствовалъ себя злодѣемъ,— въ этомъ нѣтъ сомнѣнія, но чѣмъ-же онъ могъ помочь?

---

Были-ли вы когда-нибудь въ скандинавской церкви? Я какъ-то отправилась туда въ воскресенье, вскорѣ по моемъ возвращеніи. Я люблю этихъ голубоглазыхъ моряковъ и ихъ пасторовъ въ черной одеждѣ съ ихъ туго накрахмаленными брыжжами временъ Лютера. Яблоня неподалеку у входа старалась раскрыть свои нѣжные розовые цвѣты; каждый

лепестокъ казался выпачканнымъ сажей и напоминалъ собой хорошенькія щечки неряшливой горничной. Я сидѣла неподвижно. Солнечный лучъ проникъ въ раскрашенное окно и ударилъ въ самое сердце Іуды, сидящаго за тайной вечерей. Онъ упалъ и на меня, такъ что все вокругъ меня, казалось, погружено въ туманъ. Проповѣдь отдавалась въ моихъ ушахъ успокоительнымъ, монотоннымъ звукомъ, похожимъ на звукъ приливающихъ волнъ въ Средиземномъ морѣ, акомпаниментъ legato къ моимъ мыслямъ. И я присутствовала при собственныхъ похоронахъ. Я вырыла глубокую могилу, и тамъ оставила всѣ свои мечты, тщетныя пожеланія и безумныя надежды. Порывъ вѣтра зашевелилъ снастями кораблей и флагами съ ихъ желтыми крестами и разбросалъ нѣсколько нѣжныхъ цвѣтковъ на могилу... Трудно представить себѣ, что это весна прошла!

---

# Осень.

Длиннѣе, чернѣе
Холодныя ночи,
А дни все короче
И небо свѣтлѣе.
Терновникъ далекій
И рѣже, и суше...
И вѣтеръ въ осокѣ,
Гдѣ берегъ высокій,
Протяжнѣй и глуше.
Вода остываетъ,
Замолкла плотина,
И тяжкая тина
Ко дну осѣдаетъ.
Безтрепетно Осень
Пустыми очами
Глядитъ межъ стволами
Задумчивыхъ сосенъ,
Прямыхъ, тонколистыхъ,
Березъ золотистыхъ—
И нити, какъ Парка,
Сѣдой паутины
Свиваетъ и тянетъ
По гроздьямъ рябины...
И ласково манитъ
Въ глубь соннаго парка.
Тамъ сумракъ, тамъ сладость.
Все Осени внемлетъ...
И тихая радость
Мнѣ душу объемлетъ.
Привѣтствую смерть я
Съ глубокой отрадой...
Но муки безсмертья
Не надо, не надо!
Скользятъ, улетаютъ,
Какъ призраки, таютъ
Послѣднія тѣни
Послѣднихъ волненій,
Живыхъ утомленій—
Предъ отдыхомъ вѣчнымъ...
Пускай безъ видѣній,
Покорный покою,
Усну подъ землею
Я сномъ безконечнымъ.

**З. Гиппіусъ.**

---

# Родоначальникъ англійскаго символизма.

## I.

Въ осенніе дни на улицахъ Лондона можно иногда наблюдать странное зрѣлище. Прозрачное, свѣтлое утро неожиданно смѣняется около полудня туманомъ, застилающимъ мало-по-малу весь городъ легкой дымкой, окрашенной въ теплый желтый цвѣтъ. Контуры домовъ, очертанія лицъ прохожихъ, перспектива улицъ и парковъ исчезаютъ въ сгущающейся пеленѣ, но въ воздухѣ не чувствуется сырости, тротуары совершенно сухи; вокругъ разлитъ не мракъ зимнихъ туманныхъ дней, а фантастическій желтоватый свѣтъ, придающій всему какой-то сказочный и вмѣстѣ съ тѣмъ торжественный видъ. Дѣловитый, суетливый городъ утрачиваетъ свой озабоченный, будничный характеръ; монотонные, наводящіе уныніе своимъ казарменнымъ видомъ ряды домовъ не окаймляютъ болѣе безконечно длинныхъ улицъ; ихъ мѣсто заступили волнистыя линіи тумана, озареннаго извнутри солнечнымъ свѣтомъ, и за этими смутными очертаніями воображенію рисуются идеально прекрасныя зданія. Окутанная золотистой дымкой даль манитъ своимъ таинственнымъ видомъ, а отсутствіе уличнаго гула, теряющагося въ туманномъ воздухѣ, увеличиваетъ странную торжественность зрѣлища. Изъ прозрачной мглы выдѣляются ежесекундно смутныя очертанія человѣческихъ фигуръ, пошлыхъ и сѣрыхъ, при яркомъ свѣтѣ, но совершенно преображенныхъ волшебнымъ освѣщеніемъ осенняго тумана...

Началомъ новыхъ эстетическихъ теченій въ Европѣ является творчество первыхъ англійскихъ прерафаэлитовъ, измѣнившихъ традиціямъ романтизма. Если вспомнить Россети и предвозвѣстника прерафаэлитизма въ началѣ вѣка, пейзажиста Вильяма Тернера, становится понятной и очевидной связь символическаго теченія въ англійскомъ искусствѣ съ природой страны. Кто не испыталъ на себѣ вліянія англійскаго и спе-

ціально лондонскаго ландшафта и не почувствовалъ красоты въ загадочныхъ линіяхъ осенняго тумана, тотъ не пойметъ, откуда Тернеръ взялъ фантастическій колоритъ своихъ закатовъ и исчезающихъ въ туманной дали перспективъ; не пойметъ онъ также, гдѣ привидѣлись Россетти его странныя красавицы съ ихъ неземными взглядами и тайной въ чертахъ удлиненнаго, подернутаго грустью лица.

Англійскій прерафаэлитизмъ былъ первымъ цѣльнымъ и опредѣленнымъ проявленіемъ новаго теченія въ поэзіи и живописи второй половины XIX нашего вѣка. Отдѣльные-же художники, родственные новому пониманію искусства, появлялись въ Англіи и раньше, оставаясь чуждыми своимъ современникамъ и представляя исключительныя явленія въ творчествѣ своего времени. Мы упоминали о живописцѣ Тернерѣ, порвавшемъ уже въ началѣ вѣка съ классическими традиціями въ пейзажной живописи. Другой предвозвѣстникъ новой эры жилъ еще раньше, во второй половинѣ XVII в., и создалъ среди академическаго вѣка королевы Анны своеобразный міръ поэзіи и живописи, бросающей вызовъ реализму во имя свободы воображенія. Мы говоримъ о Вилльямѣ Блэкѣ, авторѣ «пророческихъ книгъ» и живописцѣ, написавшемъ цѣлый рядъ картинъ и иллюстрацій къ своей поэзіи, вызывающихъ въ жителѣ нерѣдко чувство ужаса колоссальностью и странностью своего замысла. Прародитель современнаго символизма въ англійскомъ искусствѣ, соединяя въ себѣ мистика—оккультиста съ поэтомъ, для котораго его таинственныя видѣнія являются лишь отраженіями отвлеченныхъ истинъ, Вилльямъ Блэкъ указалъ искусству путь философскаго пониманія природы и красоты, получающей у него сокровенный смыслъ. Непонятый своими современниками и причисляемый къ мистическимъ докртинерамъ вродѣ Сведенборга, Блэкъ нашелъ истинныхъ цѣнителей лишь въ сравнительно недавнее время. Въ 1868 г. поэтъ Свинборнъ посвятилъ ему цѣлую книгу [1]), выясняющую связь, такъ называемаго англійскаго возрожденія искусства съ этимъ духовидцемъ XVIII вѣка. За нѣсколько лѣтъ до Свинборна, вышла книга Александра Гилькриста [2]), представляющая полную и обстоятельную біографію Блэка. Эти двѣ книги и критическій очеркъ о Блэкѣ В. М. Россетти въ изданіи лирическихъ произведеній поэта [3]) были долгое время единственными авторитетными сужденіями о Блэкѣ. Все, что писалось о немъ, какъ о великомъ, но близкомъ къ безумію поэтѣ и живописцѣ, было повтореніемъ сказаннаго Свинборномъ и двумя другими. Блэкъ признавался одною изъ крупныхъ величинъ въ англійскомъ искусствѣ, представители новыхъ теченій чув-

---

[1]) William Blake, a Critical Essay. Hotten 1868.

[2]) Life of William Blake by Alexander Gilchrist, 2 vol. 1863.

[3]) The poetical works of W. Blake, with a prefatory memoir by W. M. Rossetti. L. 1875.

ствовали въ немъ родственную душу, но общій смыслъ его произведеній и связь между отдѣльными его поэмами не была выяснена и значеніе его творчества оставалось темнымъ до самого недавняго времени. Только въ 1893 г., два молодыхъ писателя, Эдвинъ Эллисъ и Вилліамъ Уэтсъ, достигшій большой извѣстности ирландскій поэтъ, издали обширный трехътомный трудъ [1]), въ которомъ впервые воспроизведенъ полный текстъ всѣхъ поэмъ Блэка, въ томъ видѣ, какъ онъ ихъ при жизни самъ печаталъ и иллюстрировалъ. Кромѣ того цѣлый томъ труда Эллиса и Уэтса посвященъ изложенію философскихъ теорій Блэка и объясненіямъ того символическаго покрова, въ который онѣ облечены. Долголѣтнее изученіе Блэка привело талантливыхъ толкователей къ близкому пониманію пророческихъ книгъ; ихъ изложеніе впервые открыло англійскимъ читателямъ непонятную до сихъ поръ цѣльность міросозерцанія поэта. Въ настоящее время, благодаря этому новѣйшему изслѣдованію о Блэкѣ личность поэта дѣлается вполнѣ опредѣленной и выясненной и является возможность изучить и опредѣлить его значеніе для искусства.

## II.

Вилльямъ Блэкъ родился съ талантомъ и темпераментомъ поэта и съ миссіей пророка среди вѣка, торжествующаго побѣду разума во всѣхъ областяхъ человѣческаго мышленія. По своему міросозерцанію онъ былъ прямымъ послѣдователемъ тѣхъ мистиковъ и оккультистовъ, которые съ древнѣйшихъ временъ и до нашего вѣка ищутъ тайну міра не въ научномъ прогрессѣ, а въ откровеніяхъ души, непосредственно познающей истину. Развитіе оккультизма, какъ отдѣльной отрасли философскихъ ученіи, идетъ «непрерывной цѣпью вплоть до появленія «проческихъ книгъ» Блэка, и созданное имъ ученіе примыкаетъ къ тому, что до него учили средневѣковый алхимикъ и философъ Парацельсій, мистикъ реформаціонной эпохи Яковъ Бёме и старшій современникъ Блэка, Эмануилъ Сведенборгъ, создавшіе каждый цѣлую школу учениковъ и послѣдователей. Но, идя по слѣдамъ своихъ предшественниковъ, Блэкъ внесъ въ область оккультизма совершенно новое пониманіе, или, вѣрнѣе, замѣнилъ схоластическій оккультизмъ чѣмъ-то инымъ, болѣе современнымъ и болѣе плодотворнымъ, болѣе дѣйствующимъ на воображеніе и глубже затрагивающимъ тайну, скрытую въ природѣ. Подобно Беме и Сведенборгу, Блэкъ былъ духовидцемъ и всѣ образы его гигантской фантазіи возникали въ его воображеніи въ реальномъ видѣ. Но между нимъ и его предшественниками было существенное различіе: откровенія свыше принимались ими

[1]) The Works of William Blake, poetic, symbolis and critical. Edited with lithographs of the illustrated «Prophetic books» and a memoir and interpretation by E. J. Ellis and W. B. Weats. In three vols. Bernh. Guarilch. 1893.

въ непосредственномъ своемъ видѣ и порождали вслѣдствіе этого фантастическія представленія о невидимомъ мірѣ, выдаваемыя ими за неоспоримую правду. Въ противоположность имъ, Блэкъ былъ прежде всего проникнутъ сознаніемъ тайны, которая доступна человѣку лишь въ отражающихъ ее символахъ, а не объясняющихъ ее формулахъ. Въ немъ не было догматизма, дѣлающаго чуждыми современному писателю ученія оккультистовъ прежнихъ временъ. То, что онъ провозглашаетъ, близко человѣку, а не стоитъ внѣ его, какъ напр. изображенія загробной жизни у Беме и Сведенборга. Всѣ поэмы Блэка—если этимъ именемъ можно обозначить его своеобразныя по формѣ произведенія — излагаютъ исторію свевозникновенія человѣчества. Идейная основа его поэзіи можетъ быть сведена къ нѣсколькимъ основнымъ принципамъ, показывающимъ, какъ далеко ушелъ мистикъ-поэтъ отъ догматиковъ оккультизма. Природа, какъ учитъ внутренній смыслъ поэмъ Блэка, обозначаетъ собой лишь одинъ видъ жизни духа. Искусство является другимъ, болѣе высокимъ видомъ. Но для того, чтобы искусство могло подняться на должную высоту, оно должно освободиться отъ узъ памяти, связывающей его съ природой. Природа—или мірозданіе—явилась результатомъ того, что сознаніе, бывшее вначалѣ ясновидящимъ, сузилось подъ властью пяти чувствъ и подъ воздѣйствіемъ закона и аргументацій. Такое сузившееся сознаніе наступило при распаденіи міроваго духа, отдѣльные элементы котораго стали получать представленія одинъ о другомъ. Затѣмъ раздѣленіе духа повело къ образованію матеріи (этимъ именемъ обозначается одно изъ отдѣлившихся состояній духа), какъ только порождено было первое ограниченное сознаніе. Но роковая склонность къ дѣлимости имѣла дальнѣйшіе результаты. Сознаніе все болѣе суживалось и, когда произошло раздѣленіе человѣка на мужчину и женщину, образовало умственный и эмоціональный эгоизмъ. Это и было «паденіемъ» человѣка. Результатъ его—вѣчная война. Нравственное чувство борется съ страстью, разсудокъ съ надеждой, память съ вдохновеніемъ, матерія съ любовью.

Изображеніе является единственной человѣческой способностью, которая, имѣетъ отношеніе какъ къ природѣ, такъ и къ человѣческому духу. Изображеніе какъ-бы вноситъ духъ въ природу, вселяется въ природу и утрачиваетъ свой духовный характеръ для того, чтобы природа, являясь символомъ, не была-бы болѣе источникомъ заблужденій. Это понятіе о воображеніи легло въ основаніе созданнаго Блэкомъ образа Христа, также какъ понятіе о природѣ воплощено у него въ образахъ Сатаны и Адама. Говоря, что Христосъ избавилъ Адама (и Еву) отъ превращенія въ сатану, Блэкъ тѣмъ самымъ говоритъ, что воображеніе спасаетъ разумъ (и страсть) отъ превращенія въ иллюзію—т. е. природу.

Пророками и апостолами, проповѣдниками и миссіонерами этого искупленія являются художники и поэты. Искусство и поэзія, прибѣгающія къ

символизму, постоянно напоминаютъ намъ, что сама природа есть символъ. Помнить-же это—значитъ быть избавленнымъ отъ смерти и распаденія, которыя составляютъ удѣлъ природы.

Въ этомъ ученіи самыми характерными являются двѣ черты: противопоставленіе воображенія дѣйствительности, искусства природѣ, и провозглашеніе поэта толкователемъ природы. Тутъ уже включается цѣльное эстетическое пониманіе, соединяюще одинокаго въ своемъ вѣкѣ апостола съ искусствомъ новѣйшаго времени. Доказывая, что воображеніе есть просвѣтленное сознаніе, не ограниченное пятью чувствами, данными природой, Блэкъ безконечно раздвинулъ границы поэзіи и искусства. Изъ подчиненной спутницы природы, во всемъ и всегда прислушивающейся къ голосу своей законодательницы, искусство дѣлается самостоятельнымъ, становится глашатаемъ своей, особой правды, столь-же дѣйствительной для духовнаго взора, какъ реальная природа для внѣшнихъ чувствъ человѣка. Роль поэта отождествляется у Блэка съ миссіей пророка. Этимъ путемъ искусство роднится съ философіей, замѣняя только точныя формулы послѣдней поэтическимъ образомъ и обращаясь къ воображенію, въ то время какъ философія обращается къ разуму.

Вся жизнь Блэка шла какими-то двумя параллельными, но совершенно противоположными по характеру теченіями; одно изъ нихъ опредѣлялось внѣшними условіями жизни, настойчивыми требованіями и обязанностями реальной дѣйствительности, другое шло совершенно обособленнымъ путемъ, чуждое людямъ, покорное только велѣніямъ внутренняго закона. Въ первомъ Блэкъ былъ однимъ изъ многихъ борцовъ, пробивающихъ себѣ путь къ славѣ среди матерьяльныхъ лишеній, неудачъ и моментовъ торжества, недоброжелательства соперниковъ, непониманія такъ называемыхъ цѣнителей. И въ этой погонѣ за успѣхомъ онъ не отличался отъ своихъ собратьевъ, старался, какъ всѣ другіе, заручиться хорошими заказчиками, ухаживалъ за меценатами и, не умѣя долго ладить съ чуждыми ему по душѣ людьми, осыпалъ эпиграмами и насмѣшками своихъ прежнихъ друзей и покровителей. Но на ряду съ этимъ Блэкъ жилъ, какъ истинный пророкъ свободнаго поэтическаго генія, равнодушный къ отзывамъ окружающихъ, не терпящій внѣшательства въ свой творческій міръ, останавливающій всякую нескромную критику словами: «я нарисовалъ (или выразилъ въ поэзіи) то, что видѣлъ, и знаю, что не ошибся». Въ періоды творческой силы онъ вѣрилъ только себѣ и занятъ былъ только воплощеніемъ того, что было такъ ясно его духовному взору.

Внѣшнія обстоятельства жизни Блэка представляютъ мало драматическаго интереса и едва-ли выдѣляютъ автора «пророческихъ книгъ» изъ массы среднихъ существованій, проходящихъ безслѣдно для потомства. Онъ родился въ 1757 г. въ семьѣ зажиточнаго лондонскаго торговца «галантерейнымъ товаромъ» и получилъ дома самое элементарное обра-

зованіе. Съ дѣтства онъ обнаружилъ непобѣдимое влеченіе и большія способности къ рисованію, и въ 14 лѣтъ сталъ ученикомъ гравера Базира. Годы ученія, проведенные подъ руководствомъ этого прекраснаго учителя, оказали большее вліяніе на дальнѣйшую жизнь Блэка. Блэкъ рано началъ заниматься гравированіемъ для журналовъ и вошелъ въ сношеніе съ разными тогдашними знаменитыми художниками. Въ 1782 г. онъ женился, переживъ сначала несчастную любовь къ другой дѣвушкѣ. Однимъ изъ значительныхъ моментовъ дальнѣйшей жизни была смерть его любимаго брата, Роберта въ 1787 г. Блэкъ, не отходившій отъ постели умирающаго брата за все время его болѣзни, не могъ примириться съ мыслью о наступившемъ концѣ и продолжалъ жить съ сознаніемъ, что сношенія съ Робертомъ не прекращены, что умершій братъ также близокъ ему, какъ при жизни, и принимаетъ участіе въ его дѣлахъ. Начавъ писать свои «пророческія книги» и издавать ихъ домашними средствами, Блэкъ всецѣло ушелъ отъ общества, ограничиваясь только сношеніями съ издателями и заказчиками и цѣня среди послѣднихъ тѣхъ, кто не давалъ ему совѣтовъ и не критиковалъ его особенностей.

Внѣшняя жизнь Блэка послѣ женитьбы была печальная и заключалась въ постоянной погонѣ за заказчиками, въ неумѣлыхъ попыткахъ улучшить свое положеніе, въ безсильной борьбѣ съ практичными дѣльцами, которые эксплуатировали его талантъ и его время. Только въ послѣдніе 10—15 лѣтъ жизни судьба начала улыбаться Блэку, пославъ ему друга въ лицѣ художника Линнеля. Кромѣ нравственной поддержки, Линнель помогалъ Блэку въ дѣлахъ, доставлялъ ему работу и оберегалъ его отъ эксплуатирующихъ издателей.

Блэкъ дожилъ до 70-ти-лѣтняго возраста, озабоченный лишь воплощеніемъ своихъ мистическихъ замысловъ и воспринимая въ жизни лишь то, что давало пищу его гигантскому воображенію. Пѣвецъ свободы человѣческаго духа, онъ одинъ только разъ въ жизни былъ увлеченъ тѣмъ, что происходило въ окружающей дѣйствительности — это было въ моментъ французской революціи 1789 г. Но уже черезъ нѣсколько лѣтъ, когда наступило время террора, онъ пересталъ понимать игру страстей, идущую въ разрѣзъ съ истинной жаждой свободы, и отошелъ опять и навсегда отъ непосредственной жизни и ея интересовъ.

Блэкъ умеръ 12 августа 1827 г. среди нарождающагося романтическаго движенія, изъ котораго вышли черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ теперешніе преемники Блэка. Такимъ образомъ нить, связывающая одинокое творчество Блэка съ настроеніями современнаго искусства, никогда не обрывалась, хотя наружно связи не было видно подъ множествомъ разнородныхъ элементовъ романтизма.

Внѣшняя жизнь Блэка не представляетъ, какъ мы видимъ, ничего выходящаго изъ рамокъ зауряднаго существованія всякаго труженика



на идейномъ поприщѣ. Но наряду съ этимъ сѣрымъ будничнымъ существованіемъ Блэкъ жилъ особой внутренней жизнью, которая дѣлаетъ его однимъ изъ самыхъ исключительныхъ людей своего вѣка. Это былъ духовидецъ, понимавшій, какъ мы говорили, свои видѣнія не непосредственно, а символически, и не умѣвшій, въ сущности, проводить точную границу между искусствомъ и жизнью. Ему часто случалось говорить съ людьми условнымъ языкомъ своихъ поэмъ и это нерѣдко навлекало на него совершенно праздное обвиненіе въ сумасшествіи. Блэкъ съ дѣтства привыкъ къ различнаго рода видѣніямъ, которыя не смущали его, какъ нѣчто сверхъ—естественное, а были привычнымъ элементомъ жизни. Ребенкомъ онъ увидѣлъ разъ «Бога, заглянувшаго къ нему въ окно». Юношей онъ разсказалъ однажды, вернувшись домой, что видѣлъ дерево, на каждой вѣткѣ котораго сидѣли ангелы, сіяя радужными крыльями. Въ зрѣломъ возрастѣ эти видѣнія принимали все болѣе отвлеченный характеръ и посредствомъ нихъ Блэкъ создалъ свою систему, описывая впослѣдствіи свои титаническія воплощенія различныхъ началъ жизни въ томъ видѣ, какъ они являлись его воображенію—или его духовному взору.

Аллэнъ Куннингэмъ, его первый біографъ, разсказывалъ, какъ Блэкъ подробно описывалъ видѣнные имъ ночью въ саду похороны феи, за гробницей которой шли цвѣты и насѣкомые. Этимъ поэтическимъ видѣніемъ онъ иллюстрировалъ свою грусть о томъ, что «и феи умираютъ». Впослѣдствіи онъ неоднократно изображалъ въ образѣ фей растительный элементъ въ человѣкѣ, то, что связываетъ насъ съ жизнью неодушевленной природы. Точно также въ другой разъ онъ спокойнымъ и совершенно серьезнымъ тономъ принялся описывать случайной сосѣдкѣ за обѣдомъ видѣнный только что передъ приходомъ большой лугъ, на которомъ паслось стадо овецъ, причемъ эти овцы оказались не живыми, а высѣченными изъ мрамора. Когда удивленная собесѣдница спросила, гдѣ это онъ видѣлъ такія чудеса, поэтъ спокойно отвѣтилъ: «здѣсь»—и указалъ себѣ на лобъ. Эти слова Блэка объясняютъ многое въ жизни и творчествѣ поэта. Для него не было существенной разницы между тѣмъ, что создавало его воображеніе и что существовало въ дѣйствительности, и онъ не давалъ себѣ труда переводить свои образы на языкъ обыкновенныхъ людей. Искусство и жизнь переплетались въ одно цѣлое у автора «пророческихъ книгъ». Образы его фантазіи проникали въ самую его жизнь и клали на нее отпечатокъ отчужденности отъ земныхъ интересовъ, неумѣнія сообразоваться съ масштабомъ обыденныхъ условій жизни.

## III.

Система Блэка изложена въ его «пророческихъ книгахъ». Но идеи, породившія его символизмъ, не сразу воплотились въ титаническихъ

фигурахъ его оригинальной миѳологіи; онѣ отразились сначала въ лирикѣ, принадлежащей къ первому періоду его творчества. Стихотворные сборники Блэка «Poetical Sketches», «Songs of Innocence», «Songs of Expegience» и многія отдѣльныя поэмы не представляютъ той отвлеченности и подчасъ безвыходной туманности, какъ позднѣйшія книги. Напротивъ того, по своей формѣ и по внѣшнему содержанію они прозрачны и граціозны, какъ англійская лирика эпохи Елизаветы. Прежняя критика даже проводила рѣзкое различіе между общедоступной лирикой Блэка, дѣлающей его непосредственнымъ предшественникомъ Вордсворта, Кольриджа и другихъ англійскихъ романтиковъ, и его мистическими писаніями, ставящими его рядомъ съ оккультистами всѣхъ временъ. Этого различія на самомъ дѣлѣ нѣтъ; также какъ «пророческія книги» Блэка чужды догматическаго оккультизма Сведенборга и его предшественниковъ, такъ и его лирика далека отъ непосредственности поэтовъ XVI в., вродѣ Марлоу и Ловеласа. Различіе между стихотворными сборниками и символическими поэмами Блэка такое, какъ между непосредственной идеей и все дальше уходящими отъ нея отраженіями. Въ лирическихъ стихотвореніяхъ Блэкъ еще очень близокъ къ міросозерцанію, составляющему основу всего его творчества. Онъ можетъ еще пользоваться самыми близкими ему символами, самыми наивными образами, почерпнутыми изъ окружающей природы и жизни. Мало-по-малу, однако, онъ удаляется отъ такого непосредственнаго общенія съ природой; развивающееся философское міросозерцаніе не умѣщалось болѣе въ рамкахъ дѣйствительности, и тогда творческое воображеніе поэта создало новый міръ, стройный и цѣльный, управляемый своими законами, полный стихійныхъ, безграничныхъ страстей и воплощающій тѣ идеи и настроенія, для которыхъ поэтъ не находилъ отраженія въ природѣ.

Но и въ періодъ своего лирическаго творчества, Блэкъ былъ истиннымъ символистомъ, только болѣе непосредственнымъ и близкимъ жизни. Лирика Блэка отражаетъ не индивидуальныя чувства, а отношенія между кажущимся и истиннымъ, между преходящимъ и вѣчнымъ, между человѣческимъ и божественнымъ. Самыми цѣльными по внутреннему замыслу являются два сборника Блэка, «Songs of Innocence» и «Songs of Experience». Оба они написаны на однѣ и тѣ-же темы, только затронутыя въ различные періоды жизни поэта. «Songs of Innocence» были написаны поэтомъ въ юности, хотя и изданы впервые въ 1789 г., когда Блэку было уже за тридцать лѣтъ. Въ рядѣ стихотвореній, составляющихъ небольшой сборникъ, чувствуется не только свѣжесть юношескаго дарованія, но даже нѣкоторая наивность, склонность останавливаться на самыхъ несложныхъ и обыденныхъ зрѣлищахъ природы. Стихотворенія кажутся написанными для дѣтей, и въ первомъ изъ нихъ, «Introduction», поэтъ говоритъ о божественномъ ребенкѣ, явившемся ему въ облакѣ, чтобы



научить его играть на свирѣли и пѣть счастливыя пѣсни, которыя заставятъ дѣтей плакать отъ радости. «И мои счастливыя пѣсни я записалъ такъ, чтобы каждому ребенку было радостно ихъ слышать».

Настроеніе этихъ «пѣсень невинности», въ самомъ дѣлѣ, радостное и полное вѣры, такъ что поэтъ вправѣ называть ихъ счастливыми пѣснями; но наивность и дѣтская непосредственность ихъ только кажущаяся— источникъ его радости кроется не въ наслажденіи красотой полей и луговъ, хотя эта тихая красота и находитъ живой откликъ въ его душѣ. Болѣе всего дорога и близка ему природа въ эту пору юности, потому что она полна для него обѣтовъ и символовъ и потому что ему понятенъ смыслъ иллюзій, которыми она наполняетъ душу человѣка. Видъ смиренной безмятежной овечки (The Lamb) напоминаетъ ему связанный съ этимъ образомъ христіанскій символъ кротости, которая кажется ему божественнымъ элементомъ, связывающимъ человѣка съ высшимъ міромъ. Впослѣдствіе, когда окрѣпло въ немъ пониманіе силы человѣческаго духа, образы его становятся смѣлыми и сильными. Превознесеніе духовной силы и творческаго генія человѣка замѣняетъ у него умиленіе передъ кротостью овечки, но въ этомъ юношескомъ стихотвореніи знаменательно то, что авторъ ищетъ исхода изъ рамокъ внѣшней жизни и идеалы возможнаго освобожденія видитъ въ самыхъ простыхъ зрѣлищахъ природы.

Гораздо болѣе опредѣленнымъ является символизмъ трехъ пьесъ сборника: «The little black boy», «The little boy lost», «The little boy found». «The little black boy» совершенно дѣтская вещь. Маленькій чернокожій мальчикъ чувствуетъ себя приниженнымъ предъ бѣлымъ сверстникомъ англичаниномъ, ему кажется, что онъ «лишенъ свѣта», хотя и чувствуетъ въ себѣ «бѣлую душу». Мать беретъ опечаленнаго ребенка на руки и утѣшаетъ его. Указывая на востокъ, она учитъ его, что тамъ жилище Бога, дарующаго людямъ и свѣтъ, и тепло, и что оттуда и растенія, и животныя, и люди черпаютъ отраду по утрамъ и радость въ полдень. Но для того, чтобы привыкнуть къ лучамъ любви, чтобы пріучиться къ зрѣлищу свѣта, нужно пробыть на землѣ нѣкоторое время; черныя тѣла и загорѣлыя лица ничто иное, какъ облака и тѣнистыя кущи, защищающія отъ слишкомъ сильнаго зноя. Но когда души наши научатся переносить свѣтъ и зной лучей, облако исчезнетъ и мы услышимъ голосъ Бога, говорящаго: выходите изъ кущей, «дорогія мои дѣти, и рѣзвитесь подобно овечкамъ вокругъ моей золотой палатки». Такъ говорила мать, цѣлуя ребенка, и ея слова чернокожій ребенокъ повторилъ своему сверстнику англичанину. Когда оба они освободятся одинъ отъ своего чернаго, другой отъ бѣлаго облака, и будутъ рѣзвиться вокругъ Божія шатра, маленькій чернокожій будетъ ограждать своего сверстника отъ чрезмѣрнаго свѣта до тѣхъ поръ, пока тотъ станетъ

радостно играть у ногъ Отца. «Тогда», заканчиваетъ маленькій черно-кожій, «я буду гладить и его серебристые волосы, и стану похожимъ на него, и буду имъ любимъ». Простота средствъ, съ помощью которыхъ поэтъ передаетъ въ этомъ стихотвореніи свою мысль, сообщаетъ особенно трогательный характеръ символизму первой поры творчества Блэка. Исторія двухъ мальчиковъ, резличныхъ по своему положенію въ жизни, но одинаково безпомощныхъ предъ слѣпящимъ ихъ свѣтомъ вѣчной истины, ихъ любовь, возникающая на почвѣ взаимнаго состраданія—все это представляетъ само по себѣ реальный психологическій интересъ. Но, конечно, истинно прекраснымъ стихотвореніе дѣлается оттого, что какъ ни просты и реальны образы, они углублены скрывающимся за ними философскимъ настроеніемъ.

Тѣ-же темы повторяются во второмъ сборникѣ, «Songs of experience», изданномъ въ 1794 г.; символы, какъ и въ первой серіи, взяты или изъ неодушевленной природы, или изъ дѣтскаго міра и сюжеты отдѣльныхъ стихотвореній иногда совершенно тождественны въ обоихъ сборникахъ. Но освѣщеніе ихъ уже совершенно иное. Вѣра въ благотворность природы, ведущей къ конечному торжеству просвѣтленной души, уступаетъ мѣсто мрачному раздумью о вѣковѣчности разрушительныхъ страстей въ человѣкѣ. Вѣщій голосъ пророка будитъ землю, возвѣщая о наступленіи утра, смѣнившаго ночной мракъ. Но земля поднимаетъ только голосу изъ мрака, отвѣчая пророку словами отчаянія: «приковавъ меня къ берегу морскихъ водъ, искрящаяся ревность сторожитъ мое логовище», говоритъ она. Пока себялюбивая ревность будетъ держать землю въ оковахъ, до тѣхъ поръ будетъ царить ночь, и молодость и утро не найдутъ себѣ на ней пріюта. Мольбы и проклятія земли направлены на освобожденіе отъ этой цѣпи, и въ страстномъ возваніи чувствуется настоящая поэтическая сила.

Одна изъ очень существенныхъ идей міровоззрѣнія Блэка отражается въ стихотвореніи «The Clod and the pebble». Среди запутанныхъ эпизодовъ позднѣйшихъ поэмъ Блэка, въ которыхъ каждое побужденіе человѣческой души воплощается въ отдѣльное миѳологическое лицо, имѣющее свою исторію, мы часто встрѣчаемся съ мыслью, что нѣтъ «праведныхъ» и «порочныхъ» натуръ, а что есть разнообразныя состоянія (states), чрезъ которыя проходитъ человѣкъ; величайшимъ же и въ сущности единственнымъ истиннымъ грѣхомъ Блэкъ считаетъ нетерпимость одного какого-либо изъ «состояній» относительно другаго. Всѣ «состоянія» одинаково справедливы и истинны, потому что къ нимъ совершенно одинаково можно примѣнить самые разнообразные критеріи. Эта идея, пространно разрабатываемая Блэкомъ, впослѣдствіи выражена въ маленькомъ стихотвореніи въ видѣ простаго противопоставленія двухъ различныхъ сужденій объ одномъ и томъ-же предметѣ, одинаково вѣрныхъ, но

только произнесенныхъ съ двухъ различныхъ точекъ зрѣнія: «Любовь не ищетъ отрады для самой себя и не заботится о себѣ; она жертвуетъ своимъ покоемъ для другого и созидаетъ себѣ рай среди мукъ ада». Такъ пѣлъ маленькій комокъ земли, по которому ступали стада тяжелыми шагами; и въ то-же время камешекъ, по которому струился ручей, мягкими звуками нашептывалъ свою пѣснь: «Любовь ищетъ только радости для себя, и приковываетъ другого ради собственной отрады; она торжествуетъ, лишая свободы другаго человѣка, и созидаетъ адъ, посылая вызовъ небу».

За первыми двумя лирическими сборниками Блэка послѣдовало много другихъ поэмъ и стихотвореній, столь-же двойственныхъ по реализму содержанія и отвлеченности основной идеи. «William Bond»—одна изъ самыхъ замѣчательныхъ поэмъ этого рода. Своимъ внѣшнимъ содержаніемъ она является полной поэзіи и драматизма легендой о юношѣ, измученномъ любовью, и готовомъ покинуть свою блѣдную подругу ради румяной, веселой дѣвушки, которая сможетъ разсѣять его тоску. Онъ поступаетъ такъ по внушенію холоднаго разума, побуждающаго его слѣдовать жизненной мудрости, но, когда Мэри Гринъ, кроткая подруга дней скорби, лежитъ передъ нимъ безъ признака жизни, въ немъ просыпается голосъ любви и состраданія. Житейскія побужденія оставляютъ его и словами любви онъ приводитъ въ чувство Мэри. «Я думалъ, что любовь живетъ въ солнечномъ сіяніи», говоритъ онъ ей, «но ея жилище среди луннаго свѣта! Я думалъ найти любовь въ тепломъ дыханіи дня и вижу, что нѣжный духъ любви—утѣшитель ночной поры. Ищи любовь въ состраданіи къ горю другихъ, въ заботливомъ облегченіи страданій другого, во мракѣ ночи, среди зимнихъ снѣговъ, тамъ, гдѣ живутъ отверженные и обездоленные. Тамъ ищи любовь».

Завѣтъ любви, основанной на состраданіи, представляетъ лишь внѣшнее, психологическое содержаніе поэмы, оно характеризуетъ пессимизмъ поэта, которому участь людей на землѣ кажется столь жалкой, что единственно любящимъ человѣкомъ онъ считаетъ того, кто понимаетъ другого, т. е. глубоко его сожалѣетъ. Символическое значеніе «William Bond» гораздо глубже и сосредоточено на драмѣ, происходящей въ душѣ героя. Разнородные мотивы его душевной жизни воплощены въ фантастическихъ образахъ. Больной Вилльямъ отправляется въ церковь въ майское утро въ сопровожденіи фей, которыя, какъ всегда у Блэка, являются символомъ непосредственныхъ порывовъ, инстинктивной жизни души; возвращается же онъ «въ мрачномъ, густомъ облакѣ», сопровождаемый «ангелами Провидѣнія», воплощающими духъ церковной дисциплины, повиновенія законамъ, ограничивающаго вліянія жизненныхъ условій. Они умерщвляютъ духъ Вилльяма, и сторожатъ его смертное ложе; ихъ внушеніе заставляетъ его безжалостно топтать любящее сердце

Мэри и безучастно глядѣть на ея горе. Конечная побѣда, все-таки, на сторонѣ свѣтлыхъ фей, окружающихъ теперь изголовье Мэри и привлекающихъ къ ней Вилльяма. «Ангелы Провидѣнія» уходятъ, и въ душу любящихъ вселяется свѣтлая радость. Такимъ образомъ, сострадание является спасительнымъ потому, что оно является протестомъ противъ требованій разсудка, и потому что въ немъ есть нѣчто болѣе безграничное, чѣмъ въ подчиненіи буквѣ закона, воплощеннаго въ образѣ суровыхъ ангеловъ. Борьба фей и ангеловъ въ душѣ Вилльяма Бонда—одно изъ самыхъ наглядныхъ изображеній вѣковѣчной вражды разсудка и чувства, объединяемыхъ вновь даромъ воображенія.

Къ разряду такихъ-же произведеній, отражающихъ таинственную жизнь человѣческаго сознанія относятся двѣ другія поэмы Блэка: «The Mental Traveller» и «The Everlasting Gospel». Первая описываетъ превращеніе существа, родившагося въ мірѣ «мыслей и ощущеній», его борьбу съ враждебными элементами духовной жизни; она сводится къ тому-же основному миѳу объ антагонизмѣ воображенія и разсудка. «The Everlasting Gospel» представляетъ собой символическое толкованіе Евангелія, въ которомъ Христосъ символизируетъ собой воображеніе, а сатана — обвинителя, потому что въ міросозерцаніи Блэка обвиненія являются единственнымъ духовнымъ грѣхомъ. Поэма заключается въ отрицаніи обычныхъ атрибутовъ, приписываемыхъ Спасителю, кротость и самоотверженность являются у Блека несовмѣстными съ воплощеніемъ Божества, которое должно освободить человѣчество отъ насильственнаго ига видимой природы, отъ тиранніи внѣшнихъ чувствъ. Сила и страсть необходимы Христу для того, чтобы спасти человѣчество отъ бога видимаго міра — сатаны, орудіями котораго служатъ разсудокъ и память. Великій образъ Спасителя противоставляется сильной личности сатаны.

Такова лирическая поэзія Блэка. Начиная съ дѣтскихъ мотивовъ «Songs of Innocence» и до сложной, полу-мистической и полу-схоластической аргументаціи «Everlasting Gospel», она проникнута одной идеей. Вначалѣ эта идея рисуется поэту въ видѣ ясныхъ, основныхъ истинъ, отражающихся во всякой подробности внѣшней природы, потомъ, по мѣрѣ того, какъ основная мысль разростается въ сложную систему, символы уходятъ все дальше отъ жизни и принимаютъ все болѣе отвлеченный характеръ. Въ этомъ постепенномъ измѣненіи общаго характера творчества Блэка передъ нами рисуется наглядный образъ отношенія истинной символической поэзіи къ условному мистицизму, оккультизму или просто внѣшнему символизму, холодному и искусственному, благодаря своей догматичности. Насколько глубока и поэтична лирика въ «Songs of Innocence» и «Songs of Experience», въ «William Bond», настолько холодны и риторичны образы въ «Mental Traveller» и «Everlasting Gospel». Но во всѣхъ лучшихъ вещахъ Блэка философскій

замыселъ таится только въ глубинѣ, и внѣшнее содержавіе стихотвореній лишь намеками отражаетъ его.

Творчество Блэка остается истинной поэзіей, пока его отношеніе къ природѣ и жизни духа—мистическое, пока онъ отражаетъ таинственность и видитъ въ этой таинственности, въ томъ, что безсознательно живетъ въ человѣкѣ вопреки доводамъ разсудка, такой-же элементъ бытія, какъ явленія внѣшней природы. Но, когда отъ мистицизма онъ переходитъ къ оккультузму, когда философскій фонъ поэмъ уступаетъ мѣсто непроницаемымъ подробностямъ символической системы, поэзія сказывается уже только въ отдѣльныхъ проблескахъ; общій-же характеръ творчества выходитъ за рамки искусства, становится оккультизмомъ и схоластикой. Таковымъ является въ общей сложности характеръ «пророческихъ книгъ» Блэка, къ краткому обзору которыхъ мы теперь переходимъ. Въ нихъ авторъ часто переступаетъ границы поэзіи, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ онъ обнаруживаетъ столь гигантскую силу воображенія въ созданіи безконечной массы фигуръ своей миѳологіи, такое мастерство въ художественной обработкѣ, что, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, «пророческія книги» Блэка принадлежатъ къ самымъ выдающимся явленіямъ англійской поэзіи и искусства вообще, такъ какъ рисунки, сопровождающіе книги, не менѣе замѣчательны, чѣмъ самый текстъ.

## IV.

Первое впечатлѣніе, которое получается отъ «пророческихъ книгъ» Блэка, можно сравнить только съ тѣмъ, что испытываетъ непосвященный читатель при чтеніи каббалы, средневѣковыхъ чернокнижниковъ или «Aurora» Бемэ. Разница только въ томъ, что отвлеченныя понятія оккультистовъ облечены у Блэка въ живые образы; и вмѣсто хаоса формулъ у читателя остается хаосъ лицъ и происшествій, въ взаимныхъ отношеніяхъ которыхъ невозможно разобраться безъ объясняющаго ихъ ключа, т. е. безъ пониманія теоретическихъ соображеній Блэка. Въ рядѣ связанныхъ между собою легендъ передъ нами проходитъ драма жизни какихъ-то стихійныхъ существъ съ гигантскими силами и страстями; они обладаютъ неограниченнымъ могуществомъ, борятся между собой, испытываютъ неописуемыя страданія, падаютъ и возрождаются, постоянно странствуютъ и по пути налагаютъ отпечатокъ своей личности на проходимыя ими мѣста. Альбіонъ начинаетъ собой серію миѳологическихъ лицъ. Это—воплощеніе падшаго человѣчества, отдѣлившагося отъ Бога и впавшаго въ «естественную жизнь», т. е. земную жизнь, подвластную природѣ, ограниченной внѣшними чувствами. Это паденіе влечетъ за собой дальнѣйшее раздѣленіе. Жена Альбіона, Вала, т. е. эмоціональная сторона человѣка, отдѣляется отъ него и начинается вѣковая



вражда. Вала тоже пала; духъ любви — Лува (Luvah) — отшатнулся отъ нея и она, «земная тѣнь божественнаго свѣта — воображенія», превратилась въ земную страсть, стремящуюся «ограничить свободу человѣческаго духа», подчинить ее «растительному началу жизни». Она добивается владычества надъ Альбіономъ, вслѣдствіе чего онъ уходитъ отъ нея и начинается цѣлый рядъ столкновеній первообраза человѣка съ разными элементами бытія, воплощенннымм въ безчисленномъ множествѣ членовъ его рода.

Въ Альбіонѣ до его паденія совмѣщались четыре основныхъ элемента бытія, воплощенныхъ у Блэка подъ видомъ четырехъ «Зоа» (Zoas): Юрейзенъ (Urizen), Любы (Luvah), Тармасъ (Tharmas) и Юртона(Urthona). Юрейзенъ, символъ свѣтлаго, неограниченнаго разума, Люва — душевныхъ эмоцій Тармасъ—растительныхъ инстинктовъ человѣка, Юртона—страстныхъ порывовъ къ безконечному, гнѣвнаго протеста противъ всего, что ограничиваетъ, словомъ—того, что Блэкъ называетъ «Божьимъ гнѣвомъ», т. е. протестомъ человѣка противъ природы. Паденіе Альбіона, т. е. переходъ его во власть природы, ведетъ за собой идущее все далѣе и далѣе раздѣленіе, которое и есть созиданіе земныхъ существованій. Каждый изъ «Зоа» начинаетъ вести отдѣльную жизнь, дѣлается прародителемъ новаго рода символическихъ существъ, борется съ враждебными силами и создаетъ, такимъ образомъ, отдѣльные, сложные миѳы. «Зоа» измѣняютъ свой характеръ, вступая въ земное существованіе. Каждый изъ нихъ стремится къ владычеству надъ другими, хочетъ возвыситься надъ человѣкомъ, подчинить себѣ его (отсюда борьба всѣхъ съ Альбіономъ), и высказываютъ свое безсиліе въ концѣ концовъ. Борьба заканчивается торжествомъ Альбіона, т. е. возрожденіемъ падшаго человѣка, возвращеніемъ къ единому, въ которомъ должны вновь сочетаться разрозненные элементы бытія. Всѣ «Зоа» возвращаются въ концѣ концовъ въ душу Альбіона, откуда они и вышли. Тогда исчезаютъ, какъ сонъ, всѣ страданія, представляющія въ своей совокупности внѣшнюю природу и явившіяся результатомъ раздѣленія, суживанія и ослѣпленія человѣческой сущности. Но пока продолжается паденіе Альбіона и его борьба съ отдѣльными элементами своей-же природы, онъ живетъ превратной жизнью. На рисункахъ, сопровождающихъ поэмы, это прямо изображется положеніемъ тѣла головой внизъ, въ самыхъ-же поэмахъ нормальное или ненормальное состояніе Альбіона и «Зоа» съ ихъ подраздѣленіями символизируется ихъ положеніемъ относительно трехъ основныхъ «областей» (regions) человѣческой жизни—«головы, сердца и чреслъ». Въ своемъ ослѣпленіи Альбіонъ вѣритъ иллюзіямъ внѣшняго міра. Самая лживая и пагубная изъ этихъ иллюзій состоитъ въ приписываніи грѣха и праведности индивидуальной природѣ того или другого человѣка, а не «состоянія», чрезъ которое человѣкъ проходитъ. Это узкое пониманіе

принижаетъ вѣчность, дѣлаетъ ее мелкой, низменной, увеличиваетъ смертность и ставить рѣзкую преграду нашему разумному пониманію самихъ себя, т. е. единственному средству прощать грѣхъ.

Каждый изъ «Зоа» стоитъ во главѣ отдѣльнаго миѳа, и подобно тому, какъ всѣ вмѣстѣ они подчиняются Альбіону и сливаются въ немъ, такъ и въ исторіи каждаго изъ нихъ всѣ раздѣленія и распри кончаются объединеніемъ и просвѣтленной гармоніей. Исторія всѣхъ «Зоа» сводится, въ сущности, къ одному основному типу. Вначалѣ—до паденія—они содержатъ въ себѣ женскій элементъ. Послѣ паденія онъ обособляется и дѣлается видимой спутницей своего-же творца. «Зоа» ищутъ любви своихъ созданій (emanation), онѣ-же добиваются власти. Происходитъ борьба; женственный элементъ побѣжденъ. Это ведетъ къ паденію мужскаго начала «Зоа». Они становятся воплощеніемъ исключительнаго, сухого эгоизма и самолюбія и такимъ образомъ еще въ болѣе сильной степени повторяютъ пороки своихъ женскихъ половинъ. Въ концѣ оба элемента опять соединяются. Они вступаютъ въ вѣчность, гдѣ нѣтъ брака и поэтому нѣтъ борьбы и нѣтъ разрушенія.

Миѳы четырехъ «Зоа» символизируютъ для Блэка исторію человѣчества въ борьбѣ основныхъ началъ жизни. Онъ противопоставляетъ ихъ «естественной религіи», которая стремится создать духовную и религіозную жизнь, основываясь на свидѣтельствѣ внѣшнихъ чувствъ. Для Блэка-же между внѣшнимъ міромъ и внутреннимъ, духовнымъ, есть полная противоположность по существу. Явленія этихъ двухъ міровъ связаны съ собой не «количественно» (continuous degree), т. е. какъ болѣе или менѣе интенсивныя проявленія одного и того-же элемента, а «существенно» (discrete degree), т. е. какъ причина и слѣдствіе, какъ творецъ и твореніе. Эту «существенную» связь Блэкъ называетъ «соотношеніями» (correspondences), и только эти соотношенія и считаетъ существующими между внѣшнимъ міромъ и міромъ интеллектуальнымъ, точно такъ-же, какъ между интеллектуальнымъ и эмоціональнымъ міромъ. Такимъ образомъ являются три степени существованія, первыя двѣ изъ которыхъ (естественная и интеллектуальная) обладаютъ внѣшней формой въ одномъ случаѣ физической, въ другой духовной; третья-же, эмоціональная, не имѣетъ ни формы, ни содержанія, и существуетъ не въ пространствѣ, а только во времени. Воплощеніемъ этого управляющаго эмоціональнымъ міромъ начала является Лосъ (Los), духъ времени. Эмоція или чувство опредѣляется Блэкомъ, какъ то, что религіозныя ученія называютъ зломъ, потому что оно стремится уничтожить предѣлы и расшатать формы. Эту эмоціональную ступень Блэкъ отождествляетъ съ волей и доказываетъ, что «доброй воли нѣтъ, воля всегда исходитъ отъ зла». Зло такимъ образомъ является вдохновеннымъ началомъ жизни, возбуждающимъ энергію и творчество. Вторая интеллектуальная ступень съ своими опредѣленными

формами соотвѣтствуетъ обычному пониманію добра—«пассивнаго начала, подчиненнаго разуму». На противопоставленіи этихъ двухъ степеней. на вѣчной борьбѣ добра и зла, основана вся исторія мірозданія, отраженная въ символической системѣ Блэка. «Добро и зло—тѣ контрасты, безъ которыхъ немыслимо развитіе жизни» — эта мысль является основнымъ мотивомъ большинства миѳовъ.

Пророческихъ книгъ Блэка 10: «Urizen», «Book of Los», «Ahania», «Vala», «Visions of the danghters of Albion», «Milton», «Europe», «Asia», «Africa», «Ierusalem». Всѣ онѣ являются дальнѣйшими развѣтвленіями тѣхъ-же основныхъ миѳовъ о «Зоа» и представляютъ цѣлыя сѣти эпизодовъ и отступленій, такъ какъ Блэкъ нерѣдко вводитъ въ свои символическія поэмы чисто общественную критику, нападки на духовенство, на политическихъ и гражданскихъ дѣятелей. Много безнадежно темнаго остается для современнаго читателя въ намекахъ и въ миѳологіи Блэка, но всю сложность содержанія отдѣльныхъ поэмъ можно, все-таки, свести къ нѣсколькимъ основнымъ идеямъ, которыя несомнѣненно представляютъ больше близости къ понятіямъ и настроеніямъ нашего времени, чѣмъ къ матеріалистической философіи XVIII вѣка и къ вышедшему изъ нея искусству.

Отдѣльно отъ миѳовъ о «Зоа» стоятъ нѣсколько символическихъ поэмъ, имѣющихъ лишь косвенное отношеніе къ общему сюжету и представляющихъ самостоятельный интересъ. Одна изъ нихъ, «Marriage of Heaven and Hell», прославляетъ зло, которое на языкѣ Блэка обозначаетъ энергію, разбивающую всѣ преграды, т. е. законы и условную нравственность. «Безъ контрастовъ нѣтъ прогресса», говоритъ Блэкъ. «Привлекательность и отвращеніе, разумъ и энергія, любовь и ненависть необходимы для человѣческаго существованія. Изъ этихъ контрастовъ возникаетъ то, что люди, обыкновенно, называютъ добромъ и зломъ. Добро пассивное начало, подчиняющееся разуму. Зло активно и связано съ энергіей.

Добро есть небо. Зло—адъ.

Прославляя зло въ «Marriage ot Hell and Heaven», Блэкъ дѣлаетъ дьявола выразителемъ своего пониманія духовнаго и физическаго начала жизни; оно сводится къ формулѣ, что «человѣкъ не имѣетъ тѣла, обособленнаго отъ души», и что тѣло—энергія и радость души, а разумъ—ея ограничивающее начало. Интересной частью поэмы являются «пословицы ада», собранныя поэтомъ, «когда онъ ходилъ среди пламени ада и наслаждался радостями духовъ». Пословицы эти противопоставляютъ мудрецовъ глупцамъ, формулируютъ вліяніе страстей на человѣка, вводятъ новые символы, опредѣляя отношеніе людей къ бытію и удѣляютъ воображенію творческую роль въ мірозданіи. «То, что теперь доказано, возникало раньше въ воображеніи», гласитъ одна пословица и т. д.

Истинно поэтична и вполнѣ закончена поэма или книга «Тэль» (Book ot Thel), написанная бѣлыми стихами и подходящая по образности и красотѣ въ описаніяхъ природы къ лучшимъ стихотвореніямъ лирическихъ сборниковъ. Что-то грустное, прекрасное и безконечно человѣчное слышится въ жалобахъ юной богини Тэль, «дочери вдохновенія», которая ходитъ по долинамъ и лѣсамъ, сѣтуя на свою безполезность и свое безсиліе. Напрасно утѣшаетъ ее лѣсной ландышъ своей скромной долей, которая не мѣшаетъ ему любить Бога и жизнь; Тэль возражаетъ ему, что его существованіе не лишнее—«своимъ дыханіемъ онъ питаетъ невинную овечку». Ландышъ призываетъ къ горестной Тэль несущееся по небу облако; Тэль спрашиваетъ его, какъ оно мирится съ тѣмъ, что черезъ часъ разсѣится безслѣдно. Облако обращаетъ къ ней свою золотую голову, его блестящія очертанія выдѣляются изъ окружающей атмосферы и оно приближается къ Тэль, покоясь и сіяя въ воздухѣ. Отвѣтъ облака рисуетъ неразрывную цѣпь жизни въ мірозданіи, въ которомъ ничто не исчезаетъ, а все только мѣняетъ формы, такъ что разсѣивающееся облако воскресаетъ въ росѣ, искрящейся на цвѣтахъ и много разъ еще мѣняетъ формы своего существованія «среди любви, мира и святыхъ наслажденій». Но Тэль не видитъ для себя возможности вѣчной жизни въ постоянныхъ метаморфозахъ и горько сѣтуетъ, что живетъ для того, чтобы умереть и сдѣлаться пищей для червей. Облако, откинувшись назадъ на своемъ воздушномъ тронѣ, отвѣчаетъ: «если-же ты станешь пищей для червей, о, небесная дѣва, то какъ велика твоя польза, какъ высока твоя благословенная доля. Все, что существуетъ на землѣ, живетъ не само по себѣ и не для самаго себя. Я вызову къ тебѣ слабаго червя изъ его низменнаго ложа, и ты услышишь его голосъ. Выйди, о червь тихой долины, къ своей задумчивой королевѣ». Червь оказывается безпомощнымъ младенцемъ, лежащимъ на лепесткѣ цвѣтка, и о немъ заботится съ материнской преданностью земля, олицетворенная въ образѣ старой скорбящей женщины. Видъ такой безграничной любви въ мірозданіи примиряетъ Тэль съ ея судьбой. Она знала прежде, что Богъ любитъ и червя и наказываетъ нечестивое желаніе растоптать невинное созданіе, но что онъ съ нѣжностью относится къ нему и питаетъ его молокомъ и елеемъ, этого она не знала и потому плакала при мысли о смерти. По просьбѣ земли, она заглядываетъ въ царство смерти, изъ которой исходитъ жизнь на землѣ. Но страшное, мрачное зрѣлище наполняетъ душу Тэль безумнымъ ужасомъ, она видитъ въ земной жизни смерть свободы и вдохновенія и спѣшитъ уйти изъ страшнаго жилища мрака и вернуться къ себѣ, въ свѣтлую долину Гара.

Пророческія книги свидѣтельствуютъ не менѣе лирическихъ сборниковъ о поэтическихъ достоинствахъ Блэка, онѣ даже укрѣпляютъ впе-





чатлѣніе силы и ширины отъ его поэзіи, возвышающейся до такихъ гигантскихъ образовъ и смѣлыхъ обобщеній. Но по отношенію къ символизму Блэкъ самъ указалъ въ этихъ поэмахъ границу, перешагнувъ которую символизмъ перестаетъ быть поэзіей и превращается въ аллегорическое изложеніе оккультическаго или иного отвлеченнаго ученія. Основной недостатокъ символическихъ книгъ Блэка—выдуманность миѳологіи, составляющей ихъ содержаніе. Въ противоположность миѳологіи, порожденной народными вѣрованіями въ древнія и позднѣйшія времена, Блэкъ черпаетъ свои образы не изъ природы, а изъ фантазіи, занятой философскимъ разборомъ соотношеній въ бытіи. Его образы поэтому являются крайне отвлеченными, не имѣющими жизни сами по себѣ, внѣ философскихъ истинъ, которыя они воплощаютъ; драматизмъ приключеній его «Зоа» непонятенъ самъ по себѣ, такъ какъ во всѣхъ этихъ титанахъ и ихъ женскихъ «emanations» нѣтъ живыхъ страстей и каждый ихъ шагъ имѣетъ скрытое значеніе, но не представляетъ непосредственнаго интереса.

Значеніе Вильяма Блэка для исторіи англійской символической поэзіи кажется намъ несомнѣннымъ; онъ представляетъ большой интересъ, какъ своими положительными, такъ и отрицательными сторонами. Блэкъ создалъ новыя настроенія и новое пониманіе красоты, основанной на контрастахъ, на протестѣ противъ ограниченности видимой природы, на пріобщеніи человѣческаго вѣчному. Его поэзія служитъ яркимъ образцомъ истиннаго символизма, сочетающаго жизненность формы съ глубиной философскаго замысла, и прямо вытекающаго изъ тѣхъ настроеній, которыя уже нарождались въ англійскомъ поэтѣ XVIII вѣка. Но вмѣстѣ съ тѣмъ нѣкоторыми заблужденіями своими онъ далъ незабвенный урокъ поэтамъ всѣхъ временъ вообще, а нашего времени въ частности,—не уходить отъ природы, не погружаться всецѣло въ свой умственный міръ, забывая вѣчный, неизсякаемый источникъ вдохновенія.

Блэкъ-живописецъ представляетъ совершенно тождественное явленіе съ Блэкомъ-поэтомъ, съ той только разницей, что его символизмъ въ живописи гораздо чаще впадаетъ въ условность, чѣмъ въ поэзіи. Сильнѣе всего дарованіе Блэка, какъ живописца, выразилось въ иллюстраціяхъ къ «пророческимъ книгамъ», не всегда безукоризненныхъ въ техническомъ отношеніи, но обнаруживающихъ необычайную фантазію и умѣніе воспроизводить силу и колоссальность. Отдѣльныя его картины, число которыхъ очень значительно, соотвѣтствуютъ пророческимъ книгамъ въ его поэзіи. Онѣ непонятны безъ ключа и написаны совершенно условно. Длинныя линіи тѣлъ, одежды, похожія на саваны мертвецовъ, безконечныя процессіи какихъ-то безжизненныхъ существъ съ окаменѣвшими лицами, извивающіяся змѣи, искаженныя или нечеловѣческими муками или неземнымъ (или, вѣрнѣе, адскимъ) экстазомъ лица, титаническія

фигуры, въ самыхъ неестественныхъ положеніяхъ (наклоны и положенія тѣлъ имѣютъ, какъ мы упоминали уже, большое значеніе для символической системы Блэка),—таково общее впечатлѣніе отъ рисунковъ, гравюръ и картинъ Блэка. Они производятъ большое впечатлѣніе колоссальностью замысла, безграничностью фантазіи художника, иногда просто своей чрезвычайной эксцентричностью. Но истинно художественнаго значенія живопись Блэка не имѣетъ, такъ-какъ она страдаетъ тѣми-же недостатками, какъ и «пророческія книги»—внѣшнимъ, условнымъ символизмомъ и отсутствіемъ всякаго соприкосновенія съ природой.

**Зин. Венгерова.**

---

# Гарманъ и Ворзе.

**Романъ А. Килланда. Съ норвежскаго.**

---

## ГЛАВА XIX.

Консулъ Гарманъ лежалъ въ постели; это было три дня спустя послѣ пожара. Лѣвая сторона была еще почти совсѣмъ парализована, но докторъ надѣялся на улучшеніе, которое неизбѣжно должно послѣдовать, если больной переживетъ нѣсколько первыхъ дней. Консулъ еще не сказалъ ни слова; лѣвый глазъ былъ полузакрытъ, а ротъ скошенъ.

Рихардъ все время сидѣлъ у постели и, не отрываясь, смотрѣлъ на брата, пока взгляды ихъ не встрѣчались; тогда онъ поднималъ глаза вверхъ, и на лицѣ его появлялась гримаса, которая должна была выражать полное спокойствіе, такъ какъ докторъ сказалъ, что надо охранять больного отъ всякаго волненія.

Когда секретарь посольства оставался одинъ съ больнымъ, онъ страшно волновался, какъ-бы братъ не началъ говорить; консулъ сегодня, дѣйствительно, какъ будто только и выжидалъ случая. Когда докторъ вышелъ, онъ началъ:

— Слушай, Рихардъ!—сказалъ онъ неясно,—теперь, пожалуй, будутъ необходимы нѣкоторыя перемѣны.

— Ага, вотъ оно начинается!—подумалъ секретарь посольства.

Консулъ поворочался немного, потомъ продолжалъ:

— Это была большая потеря, которая отзовется на всѣхъ: корабль не былъ застрахованъ.

— Но видишь-ли, Кристіанъ-Фридрихъ!—отвѣтилъ дядя Рихардъ неестественно спокойнымъ тономъ.—Мало-ли что только... гм... что только можетъ случиться... ну, напримѣръ, съ кораблемъ!

Консулъ внимательно посмотрѣлъ на него.



— Какъ-бы мнѣ начать?—подумалъ секретарь и безпомощно осмотрѣлся вокругъ.

— Что ты хочешь сказать о кораблѣ, Рихардъ?

— Да... да... да!.. чертовски находчивый мальчикъ, этотъ Габріэль!—сказалъ дядя Рихардъ и попробовалъ улыбнуться.—Не то что-бы въ школѣ, я хочу сказать, а такъ вообще—на верфи.

— Что случилось съ Габріэлемъ?—спросилъ консулъ быстро.

— Съ Габріэлемъ? Ничего, ничего, кромѣ хорошаго, необыкновенно хорошаго. Какъ тебѣ только приходитъ въ голову что-нибудь другое?

Въ эту минуту вошла Рахель, и Рихардъ испустилъ вздохъ облегченія. Рахель сейчасъ-же замѣтила, что отецъ говорилъ.

— Разскажи мнѣ все, Рахель!—сказалъ больной.

— Я охотно разсказала-бы тебѣ, папа, но я не знаю, можешь-ли ты перенесть неожиданность—пріятную неожиданность?

Она спокойно посмотрѣла ему въ лицо, говоря это. Больной выказалъ нетерпѣніе, и Рахель продолжала, взявъ его правую руку:

— Видишь-ли, корабль былъ совсѣмъ готовъ, чтобы побѣжать со штагеля... совсѣмъ, совсѣмъ... и онъ побѣжалъ, во-время, прежде, чѣмъ загорѣлся, понимаешь, въ воду, и вотъ, онъ спасенъ, и все хорошо. Вотъ видишь, папа, теперь ты знаешь все.

— А Габріэль? сказалъ консулъ и взглянулъ на брата.

— Габріэль и устроилъ все это, такъ какъ Томъ Робзонъ не пришелъ, сказала Рахель.

— Пьянъ, видишь-ли, совершенно пьянъ! Онъ лежалъ въ постели, понимаешь? объяснялъ дядя Рихардъ мимикою и жестами.

— Да! но теперь, папа, ты уже больше не долженъ спрашивать!—сказала Рахель рѣшительнымъ тономъ;—ты знаешь теперь все!

Отецъ взглянулъ на нее, и она почувствовала слабое пожатіе его руки. Затѣмъ Рахель увела съ собой дядю Рихарда изъ комнаты больного и запретила ему входить туда одному, что онъ нашелъ вполнѣ разумнымъ. Госпожѣ Кордзенъ было теперь много дѣла и съ больнымъ, который не хотѣлъ подпускать къ себѣ никого, кромѣ нея и Рахели, и съ приведеніемъ въ порядокъ большого дома послѣ приготовленій къ балу. Но за это время старушка должна была составить себѣ очень высокое мнѣніе о фрэкенъ Рахели.

Пасторъ Мартенсъ ни разу не говорилъ наединѣ съ Мадленой послѣ своего сватовства. Но въ эти полные безпокойства и напряженнаго ожиданія дни онъ часто приходилъ въ Зандсгаардъ, госпожа Гарманъ лежала въ постели, и поэтому ему не разъ случалось заставать одну только Мадлену. Сперва она была очень робка и казалась смущенною, но скоро замѣтила, что Мартенсъ ничуть не сердится на нее; это ей очень понравилось. Вѣдь онъ относился къ ней гораздо теплѣе и участливѣе,

чѣмъ кто-либо другой, тѣмъ болѣе, что отецъ ея не думалъ теперь ни о комъ, кромѣ больного.

Въ одинъ изъ слѣдующихъ дней консулъ, долгое время лежавшій спокойно, сказалъ Рахели:

— Пошли ко мнѣ Габріэля!

Когда онъ вошелъ, больной протянулъ ему правую руку, которой онъ могъ теперь двигать нѣсколько свободнѣе.

— Спасибо тебѣ, мой мальчикъ! Ты избавилъ насъ отъ большой потери и выказалъ себя человѣкомъ. Если это дѣйствительно такъ, какъ я слышалъ отъ Рахели, и ты хочешь бросить ученіе...

— Если ты только на это согласенъ, папа,—пробормоталъ мальчикъ.

— Ну, такъ ты отправишься въ Дрезденъ, въ коммерческую академію, а когда кончишь, войдешь въ фирму.

— Папа! папа!—крикнулъ Габріэль и нагнулся къ его рукѣ.

— Ну, ну, мой мальчикъ, мы еще посмотримъ! Тебѣ еще нужно будетъ хорошенько научиться работать, чтобы изъ тебя могло выйти что-нибудь. А теперь ты долженъ оказать мнѣ услугу и придумать названіе,—кротко сказалъ консулъ.

Это была слишкомъ большая честь для Габріэля; но вдругъ ему пришла счастливая мысль и онъ воскликнулъ: «Фениксъ».

Консулъ слегка улыбнулся правымъ угломъ рта.

— Ну, хорошо!.. пусть его назовутъ «Фениксомъ». Ты позаботишься о дощечкахъ съ именемъ?

Когда Габріэль выбѣжалъ изъ комнаты, онъ встрѣтилъ госпожу Кордзенъ. Онъ бросился къ ней на шею и началъ ее щипать и осыпать поцѣлуями, повторяя:

— Фениксъ!.. Дрезденъ!.. фирма!

— Чертенокъ! — ругалась госпожа Кордзенъ, барахтаясь и защищаясь; кричать она не смѣла; чертенокъ былъ слишкомъ силенъ, и старушка подчинялась своей участи. Но наконецъ онъ оставилъ ее въ покоѣ и побѣжалъ дальше, а госпожа Кордзенъ оправила чепецъ, прошептавъ:

— Это ужъ у нихъ у всѣхъ въ крови.

Когда-же Габріэль, пробѣгая черезъ дворъ, ласково ударилъ служанку Берту по спинѣ, старушка всплеснула руками и воскликнула:

— И, Господи Іисусе! онъ будетъ еще похлеще!

Консулъ имѣлъ не одну длинную бесѣду съ старшимъ своимъ сыномъ, послѣ чего Мартенъ входилъ въ контору съ видомъ полнаго достоинства. Имъ овладѣвало какое-то странное чувство, когда онъ сидѣлъ въ большомъ креслѣ въ зандсгаардскомъ бюро.

Фанни мало заботилась о немъ и еще меньше скучала безъ него. Ея связь съ Дельфиномъ получила страшную власть надъ нею, и она упо-

треблялa всѣ силы, чтобы удержать его. Но съ того дня, какъ Дельфинъ замѣтилъ, что Мадлена знаетъ объ его отношеніяхъ съ Фанни, эта интрига обратилась для него въ какое-то мученіе. Онъ хотѣлъ порвать, но не могъ; да у него и не было мужества проститься сразу со всѣмъ. Онъ продолжалъ тянуть старыя отношенія, утомленный ложью, стыдясь ея, но не имѣя силъ положить конецъ всему.

Ни чему въ городѣ не дивились такъ, какъ равнодушію, съ которымъ производились дознанія относительно пожара; что это былъ поджогъ, никто не сомнѣвался. За это время появлялись, правда, кое-какіе слухи, но они не выясняли дѣла. Да и не удивительно—думало большинство: какой толкъ допрашивать старухъ и дѣтей западнаго угла, а подозрительныхъ лицъ оставлять въ покоѣ?

Андерсъ былъ также призванъ; но полиція нашла, что по безпамятству и слабости мыслительныхъ способностей онъ не могъ быть свидѣтелемъ, на томъ дѣло и было покончено.

Предчувствіе Клопа не оправдалось: ни онъ, ни шведъ, ни Мартинъ не были привлечены къ допросу, и послѣ нѣкоторыхъ неодобрительныхъ замѣчаній въ газетахъ, дѣло было предано забвенію.

Но въ западномъ углу да и въ городѣ простые люди улыбались украдкою и шептались. О «Германъ и Ворзе» можно было говорить что угодно, но нужно было отдать справеливость фирмѣ,—она не любила ставить людей въ неловкое положеніе. Да разъ происшествіе съ кораблемъ окончилось такъ счастливо, нечего было и разслѣдовать дальше дѣла. Всѣ вѣдь знали, что случилось когда-то съ Маріаной,—теперь обѣ стороны поквитались. Что полиція съ строгимъ видомъ принялась за дѣло и допрашивала, и розыскивала, какъ будто хотѣла дѣйствительно докопаться до причины—это вѣдь все было только ради формы. И всѣ знали, что слѣдствіе въ концѣ концовъ приметъ такое направленіе, какое пожелаютъ господа, и если «Гарманъ и Ворзе» не хотятъ, чтобы что-нибудь было найдено, то будь полицмейстеромъ хоть самъ дьяволъ, и тотъ ничего не узнаетъ. Это не всегда удобно, но на этотъ разъ все уладилось. Отсюда можно было вывести заключеніе—если кому-нибудь это не было извѣстно раньше—что всегда хорошо жить въ дружескихъ отношеніяхъ съ господами.

Но никто не хотѣлъ теперь имѣть дѣла съ Мартиномъ. Онъ ускользнулъ и отъ полиціи, и отъ суда, но былъ отмѣченнымъ человѣкомъ среди своихъ, и его друзья давали понять ему безъ околичностей, что теперь благоразумнѣе всего было-бы ему поскорѣе убраться куда-нибудь подальше.

## ГЛАВА XX.

Молодой консулъ долженъ былъ умереть. Четырнадцать дней онъ находился между жизнью и смертью; послѣдняя одолѣла.



Иногда казалось, что правая сторона одержитъ побѣду, но потомъ опять перевѣсъ былъ на лѣвой, и съ каждымъ разомъ все сильнѣе и сильнѣе. Госпожа Кордзенъ слышала, какъ докторъ говорилъ секретарю посольства:—Можетъ быть, еще нѣсколько часовъ, но ночи онъ не переживетъ

Старуха навѣдалась въ комнату больного и потомъ прошла къ себѣ наверхъ. Обстановка ея комнаты была старомодная, но уютная. Все здѣсь было въ строгомъ порядкѣ, ящики комода заперты, ничто не валялось, всякая вещь находилась на принадлежащемъ ей мѣстѣ.

Госпожа Кордзенъ открыла крышку бѣльевого сундука, и въ комнатѣ распространился запахъ чистаго бѣлья и сухой лаванды; въ маленькомъ потайномъ ящикѣ лежалъ миніатюрный портретъ въ черной рамкѣ, за стопкой туго накрахмаленныхъ чепцовъ. На немъ былъ изображенъ молодой человѣкъ въ зеленомъ сюртукѣ со шнурами, и съ широкимъ бархатнымъ воротникомъ; волоса были нѣсколько красноватаго оттѣнка и, по модѣ того времени, завиты въ крупныя букли, торчавшія надъ ушами; глаза были голубые и ясные, нижняя губа нѣсколько выдавалась впередъ. Госпожа Кордзенъ долго и пристально смотрѣла на портретъ, и слеза за слезой катилась съ ея старческихъ щекъ и капала на другія секретныя вещицы, которыя она старательно сохраняла между бѣльемъ и сушеной лавандой.

Рихардъ сидѣлъ у брата и не сводилъ съ него глазъ ни на минуту. Слова доктора лишили его всякой надежды, но все-таки онъ не могъ себѣ представить, что это возможно.

— Скоро меня уже не будетъ, Рихардъ,—сказалъ больной слабымъ голосомъ.

Секретарь посольства нагнулся надъ постелью и, послѣ короткой борьбы, разразился слезами, положивъ голову на одѣяло.

— Вотъ я сижу здѣсь такой сильный и здоровый,—рыдалъ онъ,—и все-таки я ничего не могу сдѣлать для тебя! Всю свою жизнь я былъ тебѣ въ тягость!

— Глупости, Пирре!—отвѣтилъ консулъ,—ты для меня значилъ больше всѣхъ въ жизни—ты и потомъ—дѣло. Но я долженъ попросить у тебя прощенія передъ смертью...

— Ты?—Рихардъ думалъ, что братъ бредитъ, и взглянулъ на него.

— Да, видишь-ли,—сказалъ консулъ, и по полузастывшимъ чертамъ его скользнуло какое-то особенное выраженіе:—я сыгралъ съ тобой шутку... У тебя нѣтъ векселей, Рихардъ... это была просто шутка... ты сердишься на меня?

Сердился-ли онъ? Рихардъ снова прижался лицомъ къ слабой рукѣ брата и долго лежалъ такимъ образомъ, спрятавъ свою кудрявую голову въ подушкахъ; въ этой позѣ онъ напоминалъ большую лохматую ньюфаундлендскую собаку.

Вошелъ докторъ:

— Но, господинъ консулъ! Вѣдь никакъ невозможно, чтобы господинъ секретарь посольства лежалъ такъ; это затрудняетъ вамъ дыханіе. Если вы не...

— Мой братъ,—перебилъ его консулъ тономъ, напоминавшимъ его манеру говорить въ конторѣ,—мой братъ будетъ лежать такъ, какъ онъ лежалъ.—Затѣмъ онъ прибавилъ съ замѣтнымъ усиліемъ:

— Позовите мою семью.

Докторъ вышелъ.. Больной собрался съ духомъ и сказалъ:

— Прощай, Пирре! и спасибо за все... съ самой молодости... бургундское все твое; все устроено; я-бы долженъ былъ побольше оставить тебѣ, но... Лицо его слегка подернулось, что напомнило его обычное движеніе, которымъ онъ оправлялъ свои туго накрахмаленные воротнички, и медленнымъ, замирающимъ голосомъ онъ сказалъ:—но фирма теперь уже не та, что была.

Это были его послѣднія слова; прежде, чѣмъ докторъ вошелъ со всѣми остальными въ комнату, консулъ умеръ—такъ-же спокойно, какъ жилъ.

## ГЛАВА XXI.

Въ этотъ-же день послѣ обѣда Густавъ-Оскаръ-Карлъ-Іоганнъ Торпандеръ шелъ по дорогѣ въ Зандсгаардъ. Сегодня онъ не работалъ, вопреки своему обыкновенію. На немъ была новая сѣрая поярковая шляпа какого-то особеннаго фасона. Приказчикъ въ магазинѣ увѣрялъ его, что эта шляпа была первоначально изготовлена для Мортена Гармана, но она оказалась ему немножко мала, Торпандеру-же она будетъ какъ разъ. Поэтому онъ купилъ ее, несмотря на то, что она была дорога, и думалъ теперь о томъ, какое это замѣчательное совпаденіе, что какъ разъ сегодня на немъ будетъ шляпа, которую забраковалъ Мортенъ. И весенній сюртукъ онъ купилъ ради сегодняшняго дня; онъ былъ не совсѣмъ новый, но Торпандера подкупилъ необыкновенно свѣтлый коричневый цвѣтъ. Брюки были самое худшее во всемъ костюмѣ, но сюртукъ былъ довольно длиненъ. Торпандеръ могъ-бы купить и новые брюки, но онъ не хотѣлъ слишкомъ глубоко запускать руки въ свою копилку, пока не узнаетъ, чѣмъ кончится сегодняшній день. Кончится хорошо, все, что онъ имѣетъ, будетъ ея; кончится плохо —онъ уѣдетъ въ Швецію, онъ больше не можетъ терпѣть.

А особой надежды, сказать по правдѣ, у него не было. Онъ слышалъ стороною, что Маріяна больна; можетъ быть, она страдаетъ отъ стыда, который навлекъ Мартинъ на ихъ домъ; и если онъ какъ разъ въ это время явится съ предложеніемъ, можетъ быть это произведетъ хорошее впечатлѣніе,—а все-таки это было-бы уже слишкомъ головокружительнымъ счастьемъ!—думалъ Торпандеръ.

Былъ прекрасный солнечный день, и длинная свѣтло-коричневая фигура быстро двигалась по дорогѣ, безсознательно размахивая руками, какъ будто заучивая свое предложеніе. Въ лѣвомъ карманѣ сюртука торчалъ шелковый носовой платокъ ярко-оранжеваго цвѣта съ свѣтло-голубой каймой; кончики онъ нарочно выставилъ изъ кармана. Такой платокъ былъ давнишней мечтой Торпандера. Онъ не намѣревался употреблять его въ дѣло; для этого у него былъ красный бумажный платокъ съ портретомъ Абрама Линкольна, этотъ-же былъ только для парада. Всякій разъ, какъ Торпандеръ встрѣчалъ въ аллеѣ кого-нибудь, передъ кѣмъ онъ могъ порисоваться—а передъ большинствомъ онъ могъ—онъ сейчасъ-же вытаскивалъ блестящій шелковый платокъ и проворно подносилъ его къ лицу, но тотчасъ-же складывалъ опять и былъ несказанно радъ, когда чувствовалъ, какъ цѣплялся шелкъ за грубую кожу на внѣшней сторонѣ его руки.

На верфи онъ встрѣтилъ Мартина, спѣшившаго куда-то.

— Дома твоя сестра?—спросилъ Торпандеръ,

— Да, ты найдешь ее дома!—отвѣтилъ Мартинъ съ отвратительной улыбкой.

На Зандсгаардскомъ дворѣ Мартинъ увидѣлъ пастора Мартенса, который шелъ изъ города въ длинномъ пасторскомъ сюртукѣ съ воротничками.

Мартинъ снялъ шапку.

— Не пройдетъ-ли господинъ пасторъ къ моей сестрѣ? она умираетъ.

— Кто твоя сестра?—спросилъ пасторъ.

— Маріана—внучка Андерса...

— Ахъ, да... я помню ее,—отвѣтилъ пасторъ, знавшій всю исторію,—но теперь я не могу прійти. Я долженъ сперва сюда: консулъ Гарманъ также при послѣднемъ издыханіи. Но потомъ, другъ мой... я приду сейчасъ-же.

— Ну да! ужъ конечно!—пробормоталъ Мартинъ и хотѣлъ идти дальше.

— Не очень-то вѣжливо, молодой человѣкъ!—воскликнулъ священникъ;—если ты находишь, что надо спѣшить, такъ я пойду къ твоей сестрѣ. Послѣдній домъ—не такъ-ли?

И онъ пошелъ не къ консулу, а дальше вдоль берега.

Мартинъ остановился пораженный, почти разочарованный. Пасторъ-же спокойно продолжалъ свой путь мимо хижинъ. Оборванныя дѣтишки бѣгали по дорогѣ, дѣвушки и старухи выглядывали изъ дверей и оконъ и пялили на него глаза, куча мальчишекъ, лежавшихъ на берегу и копавшихся въ пескѣ, привѣтствовали его громкими криками «ура»; всюду пахло нуждой и неопрятностью.

Такъ какъ Торпандеръ не могъ ничего добиться отъ Андерса, который сидѣлъ, скорчившись въ углу, онъ взошелъ наверхъ и постучалъ

въ дверь къ Маріанѣ. Но ему не крикнули «войдите», и онъ самъ пріотворилъ дверь.

Бѣднякъ такъ испугался, что едва удержался на ногахъ. На кровати лежала его возлюбленная Маріана съ полуоткрытымъ ртомъ и быстро дышала—о, какъ быстро! Щеки ввалились и были блѣдны до синевы, а въ темныхъ впадинахъ вокругъ глазъ блестѣли мелкія капельки пота. Онъ и не подозрѣвалъ, что дѣло зашло такъ далеко. Онъ пришелъ свататься!

Маріана открыла глаза. Она узнала его, въ этомъ онъ былъ увѣренъ, потому что она слегка улыбнулась; это была ея обычная кроткая улыбка, только зубы стали теперь такіе большіе. Говорить она уже не могла, но она посмотрѣла на него и затѣмъ перевела глаза на окно, и онъ догадался, что она о чемъ-то проситъ. Торпандеръ подошелъ къ окну, въ которое Томъ Робзонъ уже позаботился вставить новыя стекла, и положилъ руку на переплетъ рамы. Маріана снова улыбнулась, и когда онъ отворилъ окно, то прочелъ на ея лицѣ благодарность.

Полуденное солнце освѣщало промежутокъ между домомъ и горою. Изъ города доносился благовѣстъ. Маріана повернулась къ свѣту и глаза ея стали необыкновенно ясны; легкая краска покрыла ея щеки—Торпандеръ никогда не видалъ ея такой красивой.

Пасторъ Мартенсъ, вышедшій въ эту минуту въ комнату, былъ не менѣе пораженъ видомъ больной, чѣмъ Торпандеръ, но только совсѣмъ въ другую сторону. Она ни въ какомъ случаѣ не могла быть такъ близка къ смерти, и ему было трудно подавить чувство нѣкотораго недовольства противъ Мартина, который такъ преувеличилъ положеніе сестры и, можетъ быть, будетъ причиною того, что онъ опоздаетъ къ смертному одру консула Гармана. Свѣтло-коричневая, постоянно кланяющаяся каррикатура также очень не понравилась ему, и очень возможно, что тонъ этого недовольства прорывался въ словахъ, съ которыми онъ обратился къ больной. Пасторъ сѣлъ у середины кровати, такъ что загородилъ Маріанѣ окно; ея большіе глаза остановились на немъ. Онъ не хотѣлъ быть строгимъ, но вѣдь женщина, лежавшая передъ нимъ, была падшая. Въ заключеніе такой жизни надо было сказать нѣсколько серьезныхъ словъ о злыхъ страстяхъ и тяжкихъ послѣдствіяхъ грѣха.

Глаза Маріаны начали безпокойно блуждать, остановились на минуту на пасторѣ и скользнули по лицу Торпандера. Она сдѣлала усиліе и повернула лицо къ стѣнѣ.

Пасторъ не былъ намѣренъ кончить свою проповѣдь, не давъ прощенія за такую жизнь; пока онъ продолжалъ говорить о раскаяніи и прощеніи, въ комнату вошла сосѣдка; она ходила домой обѣдать.

Женщина стала въ ногахъ больной; увидавъ лицо Маріаны, она сказала:

— Извините, господинъ пасторъ, она уже умерла.

— Умерла?—воскликнулъ священникъ и быстро поднялся;—это удивительно.

Онъ взялъ шляпу, простился и ушелъ.

Женщина подошла къ умершей и сложила ей руки; затѣмъ осторожно выпрямила подъ одѣяломъ ноги, чтобы трупъ не закоченѣлъ съ согнутыми колѣнами. Ротъ былъ полуоткрытъ, она закрыла его, но подбородокъ отвалился снова. Торпандеръ понялъ, чего искала женщина, и подалъ ей свой шелковый платокъ.

Какъ радъ былъ онъ теперь, что еще не употреблялъ его. Женщина подозрительно осмотрѣла платокъ, но убѣдившись, что онъ чистъ, сложила его узкой повязкой и обвязала имъ голову Маріаны.

Торпандеръ стоялъ, молча, и разсматривалъ осунувшееся лицо покойной, обрамленное его шелковымъ платкомъ. Ему казалось, что, все-таки, онъ что-то получилъ отъ нея. Онъ получилъ ея послѣднюю улыбку, ея послѣдній взглядъ, а она получила взамѣнъ его первый и послѣдній подарокъ.

Его сватовство приняло лучшій оборотъ, чѣмъ онъ могъ ожидать; онъ наклонилъ голову и тихо плакалъ въ портретъ Абрама Линкольна.

Андерсъ вошелъ въ комнату и неподвижно уставился на трупъ; послѣ того пожара онъ какъ будто совсѣмъ потерялъ разсудокъ.

— Пойти мнѣ къ столяру Захарію и заказать гробъ?—спросила сосѣдка.

Не получая отвѣта, она пошла и заказала гробъ по своему усмотрѣнію; онъ долженъ былъ быть не лучше, чѣмъ обыкновенный гробъ для жителей ея околотка.

Между тѣмъ пасторъ Мартенсъ поспѣшилъ въ Зандсгаардъ; онъ вынесъ непріятное впечатлѣніе отъ смерти Маріаны, усилившее еще больше его дурное настроеніе. Опять во всѣхъ окнахъ и дверяхъ торчали дѣвушки и старухи. Появленіе пастора въ этой части было большою рѣдкостью. Компанія мальчугановъ маршировала по направленію къ хижинамъ; они нашли на берегу дохлую кошку, которую волочилъ за собой старшій изъ всѣхъ. Сзади шелъ маленькій прыщъ вышиною съ сапогъ, въ деревянныхъ материнскихъ башмакахъ и съ бумажнымъ колпакомъ на головѣ. Вся толпа была въ гордомъ настроеніи и всѣ пѣли рѣзкими голосами норвежскую національную пѣсню въ той редакціи, въ которой она была извѣстна въ странѣ:

«Да, мы любимъ эту страну,
Не спрашивайте только, какъ;
Всѣхъ, кто говоритъ иначе,
Надо хорошенько наказать»!

Пасторъ долженъ былъ пройти какъ разъ мимо маленькой шайки; пѣніе рѣзало ему уши; кошка, которую снъ не могъ не замѣтить, наполовину сгнила, такъ что кожа висѣла лохмотьями. Пасторъ Мартенсъ закрылъ ротъ носовымъ платкомъ; онъ боялся, что дурной воздухъ повредитъ его здоровью. Онъ шелъ такъ быстро, какъ только позволяла ему его длинная пасторская одежда и лужи, которыми испещрены были дорожки въ этомъ непривѣтливомъ закоулкѣ. Затѣмъ онъ поднялся къ главному зданію Зандсгаарда. Но онъ пришелъ слишкомъ поздно. Консулъ умеръ уже полчаса тому назадъ, и пасторъ Мартенсъ вернулся поэтому въ городъ. Ему было очень жарко въ длинномъ черномъ одѣяніи, къ тому-же обѣденный часъ давно прошелъ.

Госпожа Размуссенъ выбѣжала ему навстрѣчу.

— Но, добрѣйшій господинъ пасторъ! А обѣдъ? Вѣдь уже половина второго! И какой у васъ истомленный видъ!

— Будемъ радоваться, дорогая госпожа Размуссенъ, — отвѣтилъ пасторъ съ своей тихой улыбкой, — когда насъ посѣщаютъ тяжелыя испытанія.

Прекрасный человѣкъ былъ пасторъ Мартенсъ! Какой добрый, ласковый видъ былъ у него, когда онъ сидѣлъ за обѣденнымъ столомъ, кто могъ-бы заподозрить, что онъ носилъ парикъ!

Госпожа Размуссенъ рѣшила вышить нѣсколько подушекъ на окна, такъ какъ пасторъ не могъ выносить сквозного вѣтра.

## ГЛАВА XXII.

Смерть консула Гармана вызвала сильное волненіе въ городѣ. Происшествіе съ кораблемъ уже дало достаточно темъ для разговоровъ на нѣсколько недѣль, а тутъ еще эта смерть со всѣми обстоятельствами и возможными послѣдствіями; разговоровъ и разсказовъ было столько, что по всему городу стоялъ гулъ. Крупные торговцы украдкою подмигивали другъ другу; старика Гармана не такъ легко было вовлечь во что-нибудь, теперь можно было свободнѣе дѣйствовать, а Мартенъ не былъ опасенъ.

Приготовленія къ погребенію были торжественны. Трупъ привезутъ изъ Зандсгаарда въ городъ и отпоютъ въ церкви. Рѣчь здѣсь скажетъ пробстъ Спарре, а пасторъ Мартенсъ будетъ совершать богослуженіе на кладбищѣ. Всѣ корпораціи выставятъ свои знамена. Въ городской капеллѣ до самой ночи шли репетиціи; приготовленій было не меньше, чѣмъ къ майскому празднеству, и былъ даже образованъ цѣлый церемоніалъ-комитетъ.

Якобъ Ворзе не принималъ участія во всѣхъ этихъ приготовленіяхъ. Онъ искренно жалѣлъ консула, который всегда замѣнялъ ему отца. Гос-

пожа Ворзе не столько грустила, сколько сердилась. — Ахъ, какая досада, бормотала она,—и надо было старику умереть! Онъ-бы устроилъ эту партію, потому что онъ былъ умный человѣкъ; теперь въ домѣ остались только женщины, вѣдь этотъ секретарь посольства не что иное, какъ баба! Гм, гм,—думала старуха, — и какъ эта Рахель, дочь такого умнаго человѣка, совсѣмъ не имѣетъ здраваго смысла!

Въ домѣ Гармановъ въ Зандсгаардѣ было пусто и тихо. Покойникъ лежалъ наверху въ маленькой залѣ, выходящей на сѣверъ, и всѣ окна второго этажа были завѣшены бѣлыми гардинами. Не было слышно ни звука, кромѣ однообразныхъ шаговъ по пустымъ комнатамъ. Дядя Рихардъ ходилъ теперь по цѣлымъ днямъ безостановочно взадъ и впередъ; пройдетъ по танцовальной залѣ и вернется къ покойнику, потомъ опять назадъ—и такъ цѣлый день до поздней ночи. Рахель такъ глубоко грустила по отцѣ, что она сама не сочла-бы это за возможное при его жизни. Въ послѣднее время съ ней произошелъ переворотъ. Тѣ строгія требованія, которыя она предъявляла другимъ, она обратила теперь къ себѣ самой и увидѣла, какъ много еще работы предстоитъ ей. Ей стало также ясно, что она сама главнымъ образомъ виновата въ томъ, что отецъ былъ такъ чуждъ ей. Только во время болѣзни они оба поняли, какъ много было у нихъ общаго, и чѣмъ они могли-бы быть другъ для друга. Теперь было уже поздно, и она безнадежно заглядывала въ будущее своей безполезной жизни, а совѣтъ Якоба Ворзе казался ей совсѣмъ невыполнимымъ.

Наканунѣ похоронъ Мадлена сидѣла одна на террасѣ; былъ холодный весенній день съ мелкимъ дождемъ и юго-западнымъ вѣтромъ; она заперла дверь въ садъ. Мадлена слышала надъ собой шаги отца, они то приближались, то удалялись и замирали на другомъ концѣ дома. Никогда она не чувствовала себя такою удрученной и разбитой и такою одинокою, какъ теперь въ этомъ домѣ, гдѣ господствовала та тишина, которую распространяетъ вокругъ себя смерть.

Въ дверь раздался стукъ и вошелъ пасторъ Мартенсъ.

— Добраго утра, фрэкенъ Мадлена! Какъ чувствуете вы себя сегодня?

— Спасибо,—отвѣтила она,—довольно хорошо, какъ обыкновенно.

— Это значитъ, не особенно хорошо,—сказалъ пасторъ участливо;—еслибы я былъ вашимъ докторомъ, фрэкенъ, я послалъ бы васъ на лѣто купаться.

Онъ держалъ шляпу въ рукахъ и продолжалъ стоять у двери; она сидѣла въ самомъ углу дивана, въ глубинѣ веранды.

— Грустный день сегодня, несмотря уже на позднюю весну, — продолжалъ пасторъ и выглянулъ въ садъ;—и домъ, въ который заглянула смерть, печальное мѣсто.

Она слушала его съ опущенной головой, но не сказала ни слова.

— Домъ,—продолжалъ онъ, въ которомъ лежитъ покойникъ, похожъ на жизнь многихъ людей. Какъ многіе изъ насъ носятъ смерть въ душѣ— ту или другую надежду, уже умершую для насъ, или горькое разочарованіе, которое мы погребли въ какомъ-нибудь уголкѣ своего сердца.

Онъ видѣлъ, что она ниже нагнулась надъ ручкою дивана и продолжалъ говорить серьезно, медленно, какъ будто про себя:

— Тогда хорошо человѣку, если онъ не одинокъ; хорошо имѣть кого-нибудь, на кого можно опереться, когда суровая правда жизни..

Но вдругъ онъ услыхалъ, что Мадлена плачетъ.

— Простите,—сказалъ онъ, подходя къ дивану,—я поддался своему настроенію, я огорчилъ васъ, а я долженъ былъ бы наоборотъ постараться подбодрить васъ, бѣдное дитя!

Но теперь она начала плакать такъ громко, что должна была уже отказаться отъ всякой попытки скрыть свои слезы.

— Милая фрэкенъ Мадлена!—сказалъ пасторъ Мартенсъ и сѣлъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ нея на диванъ;—вамъ нехорошо, это я давно замѣтилъ. И вы можете себѣ представить, какъ больно мнѣ бывать здѣсь, видѣть васъ страдающей и не смѣть помочь вамъ!

— Вы были всегда такъ добры ко мнѣ,—рыдала Мадлена,—но никто не можетъ помочь мнѣ; я такъ несчастна, такъ несчастна!

— Не думайте, дорогая фрэкенъ, что самыя сильныя душевныя страданія не могутъ быть смягчены. Чудное цѣлебное свойство для больного сердца лежитъ въ довѣріи и откровенности къ другу, который понимаетъ насъ. Но именно потому-то,—прибавилъ онъ со вздохомъ,—мнѣ вдвойнѣ тяжело, что вы не можете позволить мнѣ быть такимъ другомъ для васъ — или не хотите.

— Я не могу,—пробормотала она въ смущеніи;—вы не должны сердиться на меня! — я не благодарна... вѣдь вы единственный... но мнѣ такъ жутко... я не понимаю... не сердитесь на меня.

Она протянула ему руку. Пасторъ Мартенсъ схватилъ ее и спокойно держалъ въ своихъ рукахъ.

— Вы знаете, я хочу вамъ добра, фрэкенъ Мадлена, — сказалъ онъ серьезнымъ, успокоивающимъ тономъ.

— Да, да —я знаю это! Но,—но не думайте, что я...

Она робко взглянула на него.

— Я думаю, что душа ваша смущена, и я надѣюсь, что я могъ бы быть вамъ надежнымъ спутникомъ въ жизни. Вы не хотѣли принять моего предложенія, и я не хочу васъ мучить; но вы должны знать, что все, что только въ моихъ силахъ, принадлежитъ вамъ.

— Но... если я не... если же я не...

Она закрыло лицо.

— Нѣтъ, я не могу!

Голосъ его звучалъ такъ дружелюбно, почти отечески, когда онъ подсѣлъ къ ней и сказалъ:

— Ну, скажите мнѣ, Мадлена, не видите-ли вы въ этомъ судьбу?.. Тогда, когда я просилъ вашей руки, вы отказали мнѣ... поспѣшно... не обдумавъ... могу сказать. Смотрите, а теперь я держу вашу руку...

Она отстранилась немного; но онъ крѣпко держалъ ее.

— Вотъ опять судьба свела насъ. Развѣ не ясно, что самъ перстъ Божій указываетъ мнѣ васъ, стоящую такою одинокою и покинутою среди своихъ? Не правда-ли, Мадлена, вы чувствуете себя одинокою?

— Ахъ, да! Я чувствую себя такою одинокою, такою одинокою!—сказала она уныло.

Привлекъ-ли онъ ее къ себѣ, или она сама поддалась ему, но только она лежала у него на плечѣ—усталая, обезсиленная. И онъ продолжалъ говорить кроткимъ, успокаивающимъ голосомъ, а она вздохнула, какъ будто съ плечъ ея свалилась тяжесть.

Но вдругъ она вскочила; онъ поцѣловалъ ее въ лобъ. Пасторъ также всталъ, но удержалъ ея руку.

— Мы сегодня не будемъ ни съ кѣмъ говорить, — ласково сказалъ онъ,—ради общей семейной печали. Но къ госпожѣ Гарманъ мы пройдемъ и попросимъ ея благословенія. Отецъ же твой...

— Нѣтъ, нѣтъ! воскликнула она,—папа не долженъ знать ничего—ахъ, Боже мой, что я надѣлала!—И она закрыла глаза рукою.

Онъ тихо улыбнулся и взялъ ее подъ руку.

— Ты еще немного смущена, дитя мое! это скоро пройдетъ.

Съ этими словами онъ повелъ ее въ комнату госпожи Гарманъ.

— Нельзя-ли подождать до завтра, у меня такъ сильно болитъ голова,—просила Мадлена.

— Намъ нужно, по крайней мѣрѣ, показаться твоей тетѣ, — сказалъ онъ кротко, но положительно, отворяя дверь.

Госпожа Гарманъ сидѣла въ креслѣ въ своей большой, теплой спальнѣ. Передъ ней стоялъ поднос съ графиномъ воды и съ маленькой фляжкой кюрассо въ соломенной подставкѣ. На тарелкѣ лежала цыплячья грудинка, нарѣзанная на мелкіе кусочки, уложенные кружкомъ, а въ серединѣ стояла формочка съ соусомъ изъ спаржи и мелко накрошенной петрушки.

Когда помолвленные вошли, она держала на вилкѣ бѣленькій кусочекъ и макала его въ соусъ; но, увидавъ ихъ, она положила вилку въ сторону и сказала:

— Я надѣюсь, Мадлена, ты не забудешь поблагодарить Бога за то, что онъ усмирилъ твой непокорный духъ; а вамъ, господинъ пасторъ, желаю никогда не раскаиваться въ этомъ шагѣ.

Въ глазахъ Мадлены засвѣтилась искра, но женихъ ея поспѣшилъ сказать:

— Моя милая Мадлена очень взволнована. Не пройдешь-ли ты въ свою комнату, дитя мое? Завтра мы опять увидимся.

Мадлена была ему, дѣйствительно, благодарна за эти слова, и когда онъ провожалъ ее къ двери, она подарила его слабой улыбкой.

Когда пасторъ ушелъ, госпожа Гарманъ задумалась о томъ, какая странная перемѣна происходитъ въ людяхъ, когда они становятся женихомъ и невѣстой. Она предчувствовала, что капланъ не будетъ теперь доставлять ей столько удовольствія, какъ прежде. Пасторъ Мартенсъ, наоборотъ, чувствовалъ себя необыкновенно счастливымъ; отъ радостнаго возбужденія онъ почти не могъ спать послѣ обѣда.

Дождь пересталъ, но въ воздухѣ висѣлъ еще густой туманъ, собравшійся за ночь надъ берегомъ, какъ это часто бываетъ весною. Весь міръ казался пастору Мартенсу залитымъ солнечнымъ свѣтомъ, когда онъ возвращался узкимъ переулкомъ отъ ювелира, которому заказалъ кольца. Но онъ старался овладѣть собой, чтобы не казаться такимъ веселымъ наканунѣ похоронъ дяди своей невѣсты.

На базарной площади онъ встрѣтилъ школьнаго директора Іонзена.

— Вы, конечно, будете завтра провожать покойника, господинъ директоръ,—спросилъ Мартенсъ, чтобы завязать разговоръ, такъ какъ онъ чувствовалъ потребность говорить.

— Нѣтъ!—коротко отвѣтилъ Іонзенъ,—я долженъ читать докладъ въ миссіонерскомъ обществѣ.

— Въ полдень!—воскликнулъ изумленный капланъ; — но вѣдь полъ-города идетъ на похороны!

— Это докладъ для дамъ,—отвѣтилъ директоръ школы съ удареніемъ и продолжалъ свой путь.

— Гм! гм!—подумалъ пасторъ Мартенсъ,—онъ, дѣйствительно, измѣнился: дамскія общества, базары, доклады—это все дѣло не нашего сословія!—подумалъ про себя капланъ; онъ былъ въ такомъ хорошемъ настроеніи!

Нѣсколько дальше ѣхалъ верхомъ кандидатъ Дельфинъ. Пасторъ былъ такъ интересенъ, что Дельфинъ придержалъ лошадь и крикнулъ:

— Здравствуйте, господинъ пасторъ! Вы вѣрно очень довольны своей надгробной рѣчью на завтрашній день, у васъ такой веселый видъ!

Надгробная рѣчь — надгробная рѣчь! пронеслось въ головѣ пастора; она вѣдь еще не была готова; хорошо, что ему напомнили. Между тѣмъ онъ отвѣчалъ:

— Если я... несмотря на свое... наше общее горе, выгляжу, можетъ быть, бодрѣе, чѣмъ это подобаетъ, то тутъ чисто личныя причины—чисто личныя!

— И я смѣю спросить, въ чемъ состоитъ это личное счастье, которымъ вы теперь наслаждаетесь?—спросилъ Дельфинъ небрежно.

— Ну, сегодня, собственно, это не должно бы еще быть извѣстно, но вамъ могу сказать,—въ полъ-голоса отвѣтилъ пасторъ:—сегодня я имѣлъ счастье быть помолвленнымъ.

— Эге, эге! поздравляю! — воскликнулъ Дельфинъ бодро.—Я думаю, я могу даже отгадать, съ кѣмъ.

Онъ намекалъ на госпожу Размуссенъ.

— О, конечно,—отвѣтилъ Мартенсъ,—съ фрэкенъ Гарманъ—съ Мадленой.

— Вы лжете!—крикнулъ Дельфинъ и крѣпче сжалъ кнутъ.

Пасторъ осторожно отступилъ на тротуаръ, поклонился и пошелъ дальше.

Дельфинъ же быстро помчался впередъ, мимо Зандсгаарда, все быстрѣе и быстрѣе, пока лошадь его не покрылась пѣной. Около мили проѣхалъ онъ, почти не приходя въ себя. Берегъ становился плоскимъ и песчанымъ. Шкеры кончились, и передъ нимъ разстилалось открытое море. Солнце освѣщало голубую равнину; вдали виднѣлся густой туманъ, который грозилъ къ ночи окутать берегъ. Дельфинъ оставилъ лошадь у одного изъ крестьянъ и пошелъ пѣшкомъ по песку. Большое, спокойное море влекло его къ себѣ. Онъ чувствовалъ потребность остаться наединѣ съ самимъ собой и нѣсколько дольше заняться своими мыслями, чѣмъ онъ дѣлалъ это обыкновенно.

Рѣдко случалось, чтобы Георгъ Дельфинъ былъ охваченъ серьезными думами — для того онъ былъ слишкомъ подвиженъ и непостояненъ въ своихъ склонностяхъ. Но сегодня, когда онъ бросился на самый берегъ моря, на песокъ, нагрѣваемый послѣобѣденнымъ солнцемъ, онъ почувствовалъ, что наступило время, когда онъ долженъ, наконецъ, отдать самому себѣ отчетъ. Сперва мысли его были бурны, какъ волны, катившіяся передъ нимъ. Прежде всего и больше всего онъ недоволенъ пасторомъ Мартенсомъ; вѣдь только подумать, что онъ, Георгъ Дельфинъ, могъ позволить провести себя каплану, который былъ еще, къ тому, вдовцемъ! А Мадлена—какъ могла она согласиться!.. И чѣмъ больше думалъ онъ о ней, тѣмъ сильнѣе чувствовалъ, что любитъ ее. И все могло бы устроиться совсѣмъ иначе! Да, многое въ его жизни могло бы устроиться иначе, если бы онъ только хорошенько подумалъ объ этомъ. Онъ вспомнилъ о Ворзе, отвернувшемся отъ него. Да, съ Дельфиномъ часто случалось, что отъ него отворачивались. Фанни одна могла выдержать такъ долго.

Между тѣмъ туманъ приближался къ берегу отдѣльными тонкими полосками, которыя скользили черезъ волны на песокъ, на минуту останавливались передъ изящной фигурой молодого человѣка, лежавшаго на

берегу, потомъ тянулись дальше и висли на высокомъ камышѣ. Сѣрая стѣна поднялась высоко вверхъ надъ моремъ, достигла вечерняго солнца и закрыла его, такъ что сразу стало темно и холодно, а туманъ становился все гуще и гуще. Утомленный ѣздою и тяжелыми думами, Дельфинъ вытянулся на пескѣ и положилъ подъ голову лѣвую руку. Огромныя бѣловато-сѣрыя волны катились къ берегу, клубились, пѣнились и падали съ глухимъ однообразнымъ стономъ. Въ головѣ Дельфина пронеслась мысль, какъ мало нужно для того, чтобы раздѣлаться со всей этой жизнью; стоитъ только скатиться съ маленькаго песчанаго обрыва, а тамъ уже волны подхватятъ тебя, будутъ качать твой трупъ, унесутъ его, можетъ быть, далеко, далеко въ открытое море и прибьютъ къ чужому берегу. Но онъ сознавалъ, что ему не достанетъ мужества. Лежа такимъ образомъ и окидывая взоромъ свою собственную жизнь, Дельфинъ впалъ въ какое-то оцѣпенѣніе, между тѣмъ какъ прибой пѣлъ ему свою короткую, однообразную пѣсню, и слабый вечерній вѣтерокъ, слѣдовавшій за туманомъ, проносился надъ нимъ.

Но еще быстрѣе, гуще и настойчивѣе тумана распространялся по городу слухъ о помолвкѣ Мартенса. Онъ проникалъ и въ щели, и въ закрытыя двери, наполнялъ всѣ дома отъ подваловъ до чердаковъ и стоялъ на улицѣ такой густой массой, что мѣшалъ движенію.

— Слышали-ли вы новость?

— Нѣтъ! Что такое?

— Помолвка!

— Гдѣ? Кто?

— Фрэкенъ Гарманъ! Я слышалъ это уже часъ тому назадъ.

— Слышали-ли вы новость?

— Ну? что?

— Капланъ помолвленъ.

— Не можетъ быть!

— Вотъ сюрпризъ, не правда-ли?

— Да! но можно-бы, кажется, переждать похороны. Да вы навѣрное знаете?

— Онъ былъ у ювелира.

И такъ шло изъ дома въ домъ. И когда утомленный городъ отправился, наконецъ, на покой, навѣрное не было уже ни одного человѣка, который не слыхалъ-бы новости о помолвкѣ по меньшей мѣрѣ пять разъ. Послѣднее время было такъ богато важными событіями.

Но какъ иногда маленькій, грязный ручеекъ впадаетъ въ прозрачную рѣку и вмѣстѣ съ ней течетъ внизъ по долинѣ, при чемъ маленькая, грязновато-сѣрая полоска отдѣляется на всемъ протяженіи отъ чистой воды потока, такъ наряду съ крупной новостью циркулировала въ городѣ другая—маленькая, грязная. Она не отставала отъ первой, вплы-

вала наверхъ и повторялась и шепотомъ, и вслухъ, и съ сомнѣніемъ, но, все-таки, повторялась.

Эта новость состояла въ томъ, что пасторъ Мартенъ носитъ парикъ. Трудно было повѣрить этому слуху, но онъ былъ вѣренъ, потому что это разсказывала сама госпожа Размуссенъ.

## ГЛАВА XXIII.

Всѣ хорошіе правители считаютъ необходимымъ отмѣтить свое восшествіе проявленіями милости и снисхожденія, поэтому и Мартенъ позволилъ Карлу-Перу запречь въ траурную колесницу старыхъ вороныхъ. На слѣдующій день онѣ должны были быть застрѣленными. Старый кучеръ «наупражнялъ» лошадей, какъ онъ самъ говорилъ, въ похоронномъ маршѣ и безпрерывно чистилъ ихъ втеченіе трехъ дней; послѣднюю ночь онъ провелъ въ конюшнѣ, чтобы не дать имъ лечь и испачкаться. Поэтому, когда въ субботу, въ одиннадцать часовъ дня, лошади, впряженныя въ катафалкъ, остановились передъ воротами Зандсгаарда, шерсть ихъ блестѣла, какъ никогда. Существуетъ три рода траурныхъ колесницъ, такъ что на кладбище можно ѣхать совершенно такъ-же, какъ ѣздятъ на желѣзной дорогѣ—въ первомъ, второмъ и третьемъ классѣ, если только не уйдешь изъ жизни въ такомъ состояніи, что друзьямъ твоимъ приходится нести тебя пѣшкомъ. Консулъ Гарманъ ѣхалъ въ первомъ классѣ, съ ангельскими головками и серебряными украшеніями. Карлъ-Перъ сидѣлъ подъ чернымъ балдахиномъ и съ грустью и гордостью смотрѣлъ на своихъ старыхъ вороныхъ.

Когда выносили покрытый цвѣтами и шелковыми лентами гробъ, г-жа Кордзенъ стояла внизу, у лѣстницы, окруженная женской прислугой дома. Старуха прижала руку къ груди и низко поклонилась, когда гробъ проносили мимо нея. Затѣмъ она вошла въ свою комнату и заперлась. Дядя Рихардъ ѣхалъ съ дамами въ закрытомъ экипажѣ, Мартенъ и Габріэль сѣли въ открытый кабріолетъ. Всѣ рабочіе фирмы, равно какъ и кое-кто изъ города, не желавшіе удовлетвориться проводами только отъ церкви до могилы, пошли за тронувшейся впередъ колесницей. Весеннее солнце играло на серебряныхъ украшеніяхъ, на ангельскихъ головкахъ и на блестящей шерсти лошадей, торжественно, шагомъ совершавшихъ свой послѣдній долгъ.

Маріану хоронили въ этотъ-же день. Мартенъ пробовалъ воспрепятствовать этому, но въ пасторской канцеляріи ему отвѣтили, что для него не будутъ дѣлать исключенія: такъ удобнѣе для всѣхъ, потому-что пасторъ все равно будетъ на кладбищѣ. Вѣдь это будутъ совсѣмъ простыя похороны: или, можетъ быть, онъ желаетъ, чтобы была сказана надгробная рѣчь?

Нѣтъ! Надгробной рѣчи не надо. И такъ, похороны Маріаны были назначены тоже на субботу, между двѣнадцатью и двумя часами.

Передъ хижиной Андерса собралось нѣсколько молодыхъ моряковъ, знавшихъ Маріану, нѣсколько родственниковъ изъ города, Томъ Робзонъ, Торпандеръ и Клонъ. Андерсъ не присутствовалъ. Что ему ни говорили, ничто не помогло, онъ хотѣлъ провожать главу фирмы.

У Маріаны не было катафалка, и гробъ понесли молодые матросы. Поэтому они пришли въ городъ какъ разъ въ то время, когда тѣло консула вносили въ церковь.

Конечно, неудобно было нести гробъ черезъ весь городъ передъ траурнымъ поѣздомъ, для котораго вся дорога отъ церкви до кладбища была усыпана зелеными вѣтками можжевельника и ракитника. Не оставалось ничего, какъ только переждать, пока кончится служба въ церкви. Гробъ поставили во дворѣ на каменныя ступени; жарко было матросамъ въ праздничныхъ одеждахъ нести гробъ такъ далеко, и они сняли сюртуки, чтобы освѣжиться.

На другой сторонѣ улицы была «продажа вина и пива»; у многихъ хватило-бы охоты и денегъ на выпивку, но, можетъ быть, это было неудобно. Мужчины шептались, посасывая трубки; въ горлѣ пересохло. Въ церкви служба затянулась. Дверь трактира была открыта, на столѣ стояла кружка, и внутри казалось такъ свѣжо и прохладно. Улица была пуста, всѣ уже ушли на кладбище.

Наконецъ, кто-то прокрался черезъ улицу и шмыгнулъ въ трактиръ; за нимъ еще двое. Дѣло приняло угрожающій оборотъ; казалось, всѣ были готовы послѣдовать ихъ примѣру. Но Томъ Робзонъ подошелъ къ группѣ и сунулъ старшему монету въ пять кронъ.

— Это можете пропить, по пусть входятъ все по два.

Условіе было принято безъ возраженій, и все время аккуратно соблюдалась очередь, на пять кронъ даютъ много кружекъ пива. Мартинъ и Томъ Робзонъ противостояли испытанію. Клопъ боролся довольно долго, но все-таки устоялъ.

Карлъ Іоганнъ Торпандеръ сидѣлъ въ углу двора, уставившись на гробъ. Шелковый платокъ, по его настоятельной просьбѣ, былъ положенъ съ ней, а на крышкѣ лежалъ букетъ, за который онъ заплатилъ три кроны. Все-таки гробъ былъ довольно голъ, всѣ цвѣты были скуплены для консула, а то Маріаннѣ досталось-бы больше.

Наконецъ, изъ церкви хлынула толпа. Провожавшіе Маріану должны были переждать, пока траурная процессія не пройдетъ на кладбище; тогда матросы поплевали на руки и съ возобновленными силами подняли гробъ. Отъ пятикронной монеты не осталось ничего. Никто не могъ запомнить такой длинной погребальной процессіи, какъ на похоронахъ консула Гармана. Она растянулась почти отъ церкви до кладбища, находившагося

въ одной изъ отдаленныхъ частей города. Она двигалась медленно, и на улицѣ стоялъ цѣлый лѣсъ шапокъ и шляпъ всѣхъ фасоновъ. Тамъ была и новая парижская шляпа Мартена, и широкополая пасторская шляпа пробста Спарре, и старыя шапки совсѣмъ безъ полей, напоминавшія дымовыя трубы, и шляпы съ опущенными полями; нѣкоторыя отливали на солнцѣ въ красный цвѣтъ, другія были лохматы, какъ кошачій мѣхъ: всѣ измѣнчивыя моды послѣднихъ двадцати лѣтъ перемѣшались. У одного только стараго Андерса шапка напоминала дегтярное пятно.

По обѣ стороны процессіи шли дѣти и подростки, и, наконецъ, кладбище, лежавшее надъ обрывомъ, наполнилось мало-по-малу народомъ, столпившимся вокругъ могилы.

При входѣ на кладбище воздвигнуто было два шеста, обвитыхъ зеленью; флаги, приподнятые только на половину, висѣли до самой земли и тихо качались по слабому вѣтру. Музыкѣ дали на время отдохнуть— отъ самой церкви она играла что-то непонятное, и только вечеромъ изъ газетъ всѣ узнали, что это былъ траурный маршъ Шопена. Канторъ и его мальчики, которыхъ онъ въ минуту гнѣва называлъ чертенятами, запѣли псаломъ. Гробъ сняли катафалка, и самые богатые купцы города внесли его на кладбище. Красивый видъ представляла собою издали погребальная свита — кое-гдѣ военная форма, пестрая толпа женщинъ и дѣтей, двигающихся между могилами, и множество обвитыхъ чернымъ флеромъ знаменъ. Вся процессія столпилась вокругъ свѣжей могилы, въ которую опустили гробъ, причемъ купцы, несшіе его, казалось, почувствовали большое облегченіе: не легко было имѣть дѣло съ консуломъ при жизни, тяжело было нести его и послѣ смерти. Пѣніе кончилось, и все смолкло вокругъ, когда пасторъ взошелъ на маленькій земляной холмъ у могилы.

Когда пасторъ прочитывалъ въ послѣдній разъ свою надгробную рѣчь, онъ почувствовалъ, какъ неловко теперь, послѣ помолвки съ Мадленой, его положеніе относительно умершаго. Надо было выказать самое строгое безпристрастіе и не увлекаться похвалой, которая могла-бы звучать фальшью въ устахъ его, сдѣлавшагося также членомъ семьи. Къ тому-же пробстъ достаточно уже остановился на заслугахъ покойнаго, какъ гражданина и купца, который, «подобно заботливому отцу, доставлялъ сотнямъ людей насущный хлѣбъ и распространялъ вокругъ себя счастье и довольство». Поэтому пасторъ Мартенсъ началъ свою рѣчь такъ:

— Господа собравшіеся здѣсь и соединенные общею печалью! Если мы заглянемъ въ эту могилу — въ шесть футовъ длины, шесть футовъ глубины — посмотримъ на этотъ черный гробъ, представимъ себѣ это тѣло, ближущееся теперь къ развязкѣ, и вспомнимъ, что здѣсь лежитъ богатый человѣкъ, очень богатый человѣкъ, то сердце наше невольно

должно сжаться, потому что гдѣ-же блескъ богатства, бросающійся такъ многимъ въ глаза, гдѣ тѣ преимущества, которыя намъ—близорукимъ—кажутся соединенными съ земными благами? Передъ нами мрачная могила—шесть футовъ длины, шесть футовъ глубины—здѣсь все... Друзья мои! Прислушаемся къ нѣмому краснорѣчію этого кладбища! Здѣсь конецъ жизни, конецъ всякаго неравенства, которое есть послѣдствіе грѣха; здѣсь, въ священной тишинѣ кладбища, всѣ покоятся рядомъ, бѣдный и богатый, знатный и низкій—всѣ равны передъ величіемъ смерти: все земное, преходящее сброшено здѣсь, какъ пестрое платье—шесть футовъ земли, вотъ и все—одинаково для всѣхъ!

Легкій весенній вѣтеръ прошумѣлъ въ шелковыхъ знаменахъ и заигралъ тяжелыми кистями. Онъ разнесъ слова пастора по всему кладбищу—услыхали ихъ и старухи, сидѣвшія на могильныхъ плитахъ, и дѣвушки и женщины, стоявшія надъ обрывомъ холма, да даже и на другой конецъ кладбища донесъ вѣтеръ длинную, прекрасную рѣчь, такъ что она отчетливо была слышна на могилѣ Маріаны. Эти слова пастора о равенствѣ и о преходимости земныхъ благъ были какъ разъ для бѣдныхъ.

Но стоявшіе у могилы Маріаны едва-ли слушали ихъ—даже и Торпандеръ. Онъ стоялъ, какъ вкопанный, и, не отрываясь, смотрѣлъ на одинокій букетъ на крышкѣ простого гроба. Клопа можно было простить, онъ не могъ слышать. Но зато онъ, по обыкновенію, вставлялъ время отъ времени свои наблюденія и философскія замѣчанія. На кучѣ земли, выброшенной изъ могилы, лежало нѣсколько костей и череповъ. Дѣло было въ томъ, что это мѣсто, гдѣ хоронили преимущественно бѣдныхъ, было и раньше кладбищемъ, и могилы, за которыя не платили втеченіе двадцати лѣтъ, по церковнымъ правиламъ и обычаямъ, были употребляемы вторично. Поэтому часто случалось, что при копаніи натыкались на гробы, которые разваливались подъ ударами заступа. Покойники лежали близко другъ къ другу, и въ одной могилѣ часто находили нѣсколькихъ.

Однако, совсѣмъ не подобало, чтобы кости лежали тутъ весь день, пока не привезутъ новаго покойника. Могильщику Абраму, завзятому пьяницѣ, было приказано тотчасъ-же относить все въ сарай, стоящій въ углу кладбища, гдѣ хранились отдѣльно черепа съ относящимися къ нимъ прочими костями—по возможности въ порядкѣ. Когда-же Абрамъ получалъ отъ своего начальства выговоръ за небрежность, онъ облокачивался на заступъ, чтобы держаться по-тверже, отворачивалъ въ сторону свое мѣдно-красное лицо и говорилъ:

— Да видите-ли, эти бѣдные люди—Господь съ ними—никогда не являются во-время — ни при жизни, ни послѣ смерти—никогда. Вѣдь нѣтъ, чтобы умирать, какъ порядочные, настоящіе люди, одинъ за дру-

гимъ, съ промежутками—нѣтъ, видите-ли, они всегда толпами,—такъ всѣ сразу и хотятъ въ землю. И обыкновенно зимой, когда земля тверда. А весною!.. Боже сохрани... ну, тогда просто одурѣешь, да-съ, потому что они такъ и валятъ кучами, и съ дѣтьми—ахъ, Господь съ ними—и дѣти, и взрослые—и всѣ какъ разъ не-во-время! И хоть-бы одинъ отступилъ отъ мѣрки! Но нѣтъ, съ бѣдными-то и труднѣе всего съ этой мѣркой—непремѣнно они хотятъ шесть футовъ въ длину, шесть въ глубину, и ни на вершокъ меньше. Поэтому, видите-ли, не такъ-то легко убрать кости, пока принесутъ покойника. Нѣтъ, нѣтъ! ужъ я знаю, что говорю—бѣдные люди, Господь съ ними, бѣдные люди всегда являются не вовремя—и при жизни, и послѣ смерти!

Какъ-то разъ одинъ новый пономарь хотѣлъ разсчитать Абрама, потому что онъ сердилъ прихожанъ, шатаясь пьяный между могилами. Но пробстъ сказалъ: «что-же станется съ бѣднякомъ; онъ будетъ въ тягость или мнѣ, или вамъ. И потомъ онъ такъ давно уже здѣсь, и я все мирился съ его недостатками. Я не могу рѣшиться прогнать его». И прихожане сохранили Абрама, какъ залогъ доброты своего пробста.

Клопъ погрузился въ философскія размышленія надъ костями, и ему казалось, что одинъ изъ осклабившихся череповъ смотрѣлъ на него дерзко и вызывающе. Почемъ знать,—пришло ему въ голову,—не хотѣлъли черепъ сказать этимъ, что въ землѣ онъ пользовался-бы необыкновеннымъ покоемъ, котораго его теперь лишили. Но и сарай былъ, конечно, покойнымъ мѣстомъ. И по мѣрѣ того, какъ Клопъ всматривался въ эти обглоданныя кости и голые черепа, ему казалось, что онъ видитъ въ нихъ выраженіе, которое онъ хорошо зналъ и въ жизни—то стыдливое и робкое выраженіе, которое бываетъ у людей, не заплатившихъ долга.

Между тѣмъ звучный голосъ пастора Мартенса раздавался по всему кладбищу. Пасторъ близился къ концу своей рѣчи. «Шесть футовъ» повторялись, какъ главный мотивъ, на которомъ композиторъ строитъ цѣлую симфонію и производили все болѣе и болѣе сильное впечатлѣніе. Конечно, въ газетахъ было нѣсколько преувеличено, когда говорилось, что никто не могъ удержать слезъ, но что плакали многіе, это вѣрно, нетолько старыя женщины, но и мужчины, даже не одинъ купецъ утеръ слезу. Прекрасная была рѣчь! Сперва она возбудила-было нѣкоторыя опасенія словами о богатомъ человѣкѣ, очень богатомъ человѣкѣ. Можно было опасаться совсѣмъ неподходящаго сравненія съ верблюдомъ и игольнымъ ушкомъ; но пасторъ Мартенсъ попалъ на вѣрный путь. И бѣднымъ могло быть полезно послушать, какъ мало, въ сущности, цѣны имѣютъ земныя блага, и какъ мало достойны богатые зависти, но особенно захватывающее впечатлѣніе производили «шесть футовъ».

Когда окончена была надгробная рѣчь, могильщикъ Абрамъ выступилъ впередъ съ ящичкомъ земли, которую надо было бросить на гробъ.

Борясь съ внутреннимъ волненіемъ, пасторъ взялъ совокъ, наполнилъ его землею и обнажилъ голову. Всѣ сняли шляпы, но и обнаженныя головы были не менѣе разнообразны; нѣкоторыя были гладко причесаны, другія взлохмачены, у нѣкоторыхъ были длинные волосы, у другихъ коротко подстриженные; тамъ и сямъ виднѣлись также головы, блестѣвшія, какъ бильярдные шары.

Глубоко взволнованный и почти колеблющійся пасторъ бросилъ три совка земли на крышку гроба; казалось, онъ съ трудомъ могъ заставить себя сдѣлать это. Слышно было, какъ зашуршала мягкая земля между цвѣтами и шелковыми лентами. Еще короткая, горячая молитва, и священнодѣйствіе кончилось, и шапки снова были надѣты на головы. Музыканты, стоявшіе за толпой провожающихъ и державшіе до сихъ поръ инструменты подъ сюртуками, чтобы не дать имъ охладѣть, вдругъ заиграли изо всѣхъ силъ по знаку капельмейстера. Это оказало сильное дѣйствіе. Какъ большой камень, падающій въ воду, разгоняетъ круги во всѣ стороны, такъ разогнала толпу сильная волна звуковъ, и вокругъ музыкантовъ образовалось свободное мѣсто.

Этимъ воспользовался начальникъ погребальной процессіи и сталъ съ катафалкомъ во главѣ поѣзда, который тронулся въ томъ-же порядкѣ, въ какомъ двигался на кладбище. Сейчасъ-же за музыкантами слѣдовалъ канторъ съ своими «чертенятами». Онъ былъ крайне возмущенъ городскимъ оркестромъ и очень боялся, чтобы публика не замѣтила тщетности его усилій держать хоръ въ повиновеніи.

Пасторъ отдѣлился отъ толпы и пошелъ на другой конецъ кладбища. Когда онъ отошелъ настолько, что его уже не было видно, онъ пошелъ кратчайшимъ путемъ между могилами. Въ этой части кладбища онѣ были низки и поросли травой, временами онъ приподнималъ свою длинную рясу и шагалъ черезъ могилы, попадавшіяся ему на пути.

Могильщикъ Абрамъ былъ сегодня особенно веселъ по случаю такихъ богатыхъ похоронъ; онъ медленно брелъ за пасторомъ, неся въ рукахъ черный ящикъ съ землею—одинъ и тотъ-же употреблялся для всѣхъ безъ различія.

Когда пасторъ достигъ могилы Маріаны, Андерсъ и еще нѣкоторые уже вернулись съ похоронъ консула. Капланъ снялъ шляпу и отеръ лобъ, оглядываясь на Абрама; остальные также обнажили головы. Наконецъ, показался Абрамъ, и три совка земли быстро и мѣрно упали на крышку простого гроба.

— Отъ земли ты взятъ, въ землю вернешься и изъ земли возстанешь снова—аминь!

Пасторъ поспѣшилъ дальше, пробираясь между могилами. Его ждали еще нѣсколько бѣдныхъ покойниковъ, а было уже поздно.

## ГЛАВА XXIV.

Смерть молодого консула не вызвала особыхъ перемѣнъ въ Зандсгаардѣ, ни въ домашней жизни, ни въ дѣлахъ. При немъ все шло, какъ хорошо заведенная машина, и послѣ него дѣла сохранили свой правильный ходъ. Но новому машинисту было по горло дѣлъ, и многіе думали, что тончайшія части сложнаго механизма не могутъ получить въ его рукахъ надлежащаго управленія.

Однако, никто не могъ сказать ничего дурного о Мартенѣ, отбывавшемъ новыя обязанности съ большимъ рвеніемъ. Его теперь почти нигдѣ нельзя было встрѣтить, такъ-какъ онъ все время разъѣзжалъ между городомъ и Зандсгаардомъ. Маленькій кабріолетъ ожидалъ его въ самыхъ невѣроятныхъ мѣстахъ и закоулкахъ; Мартенъ то вдругъ вынырнетъ изъ лодки у моста, то помчится въ контору, крикнетъ слова два бухгалтеру и опять куда-то скроется. Если-же бухгалтеръ бросится за нимъ, чтобы спросить, что онъ сказалъ, то уже не увидитъ ничего, кромѣ экипажа, скрывающагося за угломъ.

Въ городѣ купцы говаривали, конечно, между собою, что легче работать противъ Мартена, чѣмъ съ нимъ. Превосходство фирмы начало постепенно падать, и могущество раздѣлилось между нѣсколькими торговыми домами. Наставшіе годы были несчастны для мореплаванія; большинство судовъ фирмы возвращалось или съ маленькой прибылью, или съ убыткомъ. Лучшимъ былъ «Фениксъ», возившій сукно. Онъ былъ любимымъ кораблемъ всего города, и за нимъ слѣдили съ напряженнымъ вниманіемъ по газетамъ. Одинъ доморощенный поэтъ даже посвятилъ ему цѣлое стихотвореніе. Конечно, благодаря намеку на руль, больше всего пострадавшій отъ пожара, это стихотвореніе пріобрѣло извѣстное значеніе среди произведеній мѣстной литературы.

Въ силу выраженнаго покойнымъ желанія, Якобъ Ворзе былъ назначенъ опекуномъ Рахели и Габріэля. Госпожа Гарманъ не должна была быть выдѣлена изъ наслѣдства, а дѣла вести долженъ былъ Мартенъ; каждому изъ младшихъ дѣтей выдѣлена была довольно крупная сумма, приблизительно столько, сколько получилъ Мартенъ, когда заводилъ свое собственное хозяйство.

Рахели нѣсколько разъ пришлось просить у Якоба Ворзе разъясненій, такъ-какъ она хотѣла точно знать, что она имѣла, и какъ обстоитъ все дѣло. Ворзе отвѣчалъ ей всегда спокойнымъ, дѣловымъ тономъ.

— Эти деньги,—сказала однажды Рахель,—принадлежатъ, слѣдовательно, мнѣ, я одна владѣю ими?

— Не считая вашей доли въ фирмѣ,—объяснилъ Ворзе, разговоръ велся въ его конторѣ,—а когда ваша мать умретъ, вы получите свою

часть при раздѣлѣ. Тогда состояніе будетъ зависѣть отъ васъ или отъ вашего будущаго мужа.

— Но мой будущій мужъ, надѣюсь, предоставитъ мнѣ самой распоряжаться моей собственностью?—спросила Рахель.

— Вѣроятно, онъ это сдѣлаетъ; но если вы выйдете замужъ, вы теряете права совершеннолѣтней, какъ вамъ это должно быть извѣстно.

— Въ такомъ случаѣ я никогда не выйду замужъ!

— Я тоже думаю, что вы можете сдѣлать что-нибудь по-лучше, чѣмъ выйти замужъ,—сказалъ Ворзе.

Рахель внимательно посмотрѣла на него.

— Какъ я завидую вашему хладнокровію и благоразумію!—сказала она съ легкой насмѣшкой. — Вы предписываете себѣ или кому-нибудь другому тотъ или иной планъ, и тѣмъ дѣло для васъ кончено. Тогда вы начинаете спокойно, понемногу выполнять его, и вы какъ-будто думаете, что и тотъ, кому вы даете совѣты, будетъ слѣдовать имъ также неуклонно. Совершенно такой былъ и папа: вы слишкомъ принципіальны!

— Я принимаю это за самый большой комплиментъ, который я когда-либо получалъ,—съ улыбкой отвѣтилъ Ворзе.

— Но вѣдь папа во многихъ отношеніяхъ былъ полонъ старыхъ предразсудковъ. И какъ разъ многія изъ тѣхъ современныхъ идей, которымъ вы такъ преданы, были ему чужды или даже враждебны.

Она сказала это не потому, что хотѣла унизить отца, а только для того, чтобы испытать Ворзе.

— Консулъ Гарманъ,—сказалъ Ворзе и всталъ,—былъ неудовлетворенный человѣкъ. Вся его жизнь была внутренней борьбой между старымъ и новымъ. Онъ оказывалъ мнѣ рѣдкое довѣріе, и я встрѣчалъ у него такія идеи, которыя никто не заподозрилъ-бы у патріархальнаго купца. Но онъ не могъ примирить въ своей жизни разнородныя теченія. Все новое, незрѣлое, бурное, неопредѣленное было ему совсѣмъ противно, и онъ часто сердился, когда его строгая честность заставляла признать правду за чѣмъ-нибудь современнымъ; потому-то, какъ мнѣ кажется, онъ и искалъ противовѣса всему этому въ безграничномъ уваженіи къ старому консулу.

— Но вы развѣ не думаете, что дѣдушка былъ замѣчательный человѣкъ?—съ интересомъ спросила Рахель.

— Я скажу вамъ свое мнѣніе, фрэкенъ. Онъ былъ человѣкъ, подходившій къ своему времени, когда вообще жилось легче, чѣмъ теперь.

— Что вы хотите сказать? Было-ли время таково, что было легче жить?

— Да, конечно! — продолжалъ онъ, быстро шагая взадъ и впередъ, какъ онъ это обыкновенно дѣлалъ, когда волновался.—Развѣ вы не видите, что жизнь становится тяжелѣе изъ года въ годъ? Каждый часъ

всплываютъ новыя открытія и изобрѣтенія, сомнѣніе подтачиваетъ и подрываетъ все; достойные уваженія, прочные принципы рушатся,—и старики съ отчаяніемъ толпятся у рухнувшихъ развалинъ — изумленные, предостерегающіе, озлобленные, проклиная молодежь и предсказывая гибель міра. Вашъ дѣдушка былъ очень образованный по своему времени человѣкъ и вращался въ обществѣ людей, увѣренныхъ въ себѣ, обладавшихъ аристократическимъ внѣшнимъ образованіемъ и аристократическимъ внутреннимъ невѣжествомъ. Вашъ папа былъ уже взрослый, когда началось движеніе; у него было уже прочное міровоззрѣніе, когда на него хлынулъ новый потокъ; отсюда и произошла долгая, тяжелая борьба. Но когда мы, молодое поколѣніе, вступаемъ въ жизнь съ старыми традиціями, переданными намъ школой и наполовину утвердившимися въ нашихъ умахъ, тогда все начинаетъ шататься. Сомнѣніе, неувѣренность проявляются вездѣ — и въ неудержимомъ весельи, и въ серьезныхъ заботахъ. Куда-бы мы ни ступили, почва колеблется подъ нами, и если мы, усталые, хотимъ сѣсть, невидимая рука вытаскиваетъ изъ-подъ насъ стулъ. И такъ мы кружимся въ борьбѣ, для которой мы не готовы, и многіе изъ насъ гибнутъ. Отцы сердятся и протестуютъ, матери плачутъ, потому-что мы не измѣняемъ своей вѣрѣ, до отдѣльныхъ лицъ долетаютъ отрывки споровъ борющихся партій, одинъ понимаетъ, другой нѣтъ—всё, какъ въ потьмахъ, нѣтъ различія между искреннимъ убѣжденіемъ и фразерствомъ, все перемѣшивается и получается цѣлая спутанная сѣть вражды, недовѣрія, лжи, безчестія, лести.

Рахель смотрѣла на него съ изумленіемъ, наконецъ, она сказала:

— Но какъ-же вы можете выносить такое существованіе, такое замкнутое, мертвое, когда внутри васъ жизнь бьетъ ключемъ?

Якобъ Ворзе остановился и лицо его приняло выраженіе спокойствія, когда онъ сказалъ:

— У меня есть домашнее средство, которому я научился отъ мамы, вашъ отецъ также употреблялъ его—это работать, съ утра до вечера быть за работой, начинать день разборкой кипы заграничныхъ писемъ и кончать вечеромъ дѣла уставшимъ—вотъ мое домашнее средство, поддерживающее меня въ жизни; на это я годенъ, но дальше моихъ силъ не хватаетъ.

— Я уже говорила вамъ раньше, возразила Рахель,—что завидую вашей холодной разсудительности, но у меня это вышло не очень-то мягко, вообще, я говорю съ вами, я сама не знаю, почему, довольно часто и...

Она запнулась и покраснѣла.

— И довольно откровенно, вы хотите сказать, — сказалъ Ворзе и улыбнулся.—Позвольте мнѣ надѣяться, что это происходитъ отъ того, что вы считаете меня достойнымъ этого.

Она взглянула на него, но онъ смотрѣлъ на ландкарту черезъ ея голову.

— Ну да,—сказала Рахель,—можетъ быть это происходитъ и оттого. Но чему я дѣйствительно завидую въ васъ, это вашей любви къ работѣ, или, вѣрнѣе говоря, не сколько любви, потому-что она есть и у меня, сколько тому, что вы нашли работу, которая васъ удовлетворяетъ, что вы можете работать. Въ этомъ суть,—прибавила она задумчиво.

— Я всегда былъ о васъ такого мнѣнія, фрэкенъ, что праздная жизнь, которую почти принуждена вести у насъ дѣвушка вашего круга, рано или поздно будетъ вамъ совсѣмъ невыносима.

— Я не могу работать,—сказала она уныло

— Но попробуйте, по крайней мѣрѣ.

— Какъ-же начать, когда даже папа не хотѣлъ, чтобы я работала у него?

— Отецъ вашъ не могъ васъ понять, да и не легко будетъ вамъ найти здѣсь работу, которая могла-бы удовлетворить васъ. Но поѣзжайте, осмотритесь немного. Вы богаты и независимы. Есть другія страны, гдѣ работаютъ, тамъ найдется примѣненіе и вашимъ силамъ.

— Вы совѣтуете мнѣ уѣхать, господинъ Ворзе?—спросила Рахель.

— Да... то-есть... ну да, я думаю, что это будетъ лучше всего для васъ: здѣсь вы не достигнете своей цѣли. Мнѣ кажется, вы... Вы, словомъ, должны уѣхать!

Онъ произнесъ послѣднія слова твердо и рѣшительно и посмотрѣлъ на нее спокойно и не сводя глазъ.

— Но куда? Одинокая дѣвушка, безъ знакомства? Я боюсь, что вы преувеличиваете мои силы, — сказала Рахель недовольно; казалось, его совѣтъ уѣхать не понравился ей.

— Ну, слушайте, — началъ онъ поспѣшно:—у меня есть друзья въ Парижѣ; это собственно американская фирма «Братья Барнетъ», но у нея есть отдѣленіе въ Парижѣ, а м-ръ Фредерикъ Барнетъ мой личный другъ.

— Вы, кажется, уже давно замышляете прогнать меня отсюда,—сказала Рахель:—у васъ уже готовъ весь планъ.

Онъ немного смутился, потому-что это былъ, дѣйствительно, строго обдуманный планъ. Но до сихъ поръ онъ все еще надѣялся, что не придется воспользоваться имъ.

— Да,—отвѣтилъ онъ и попробовалъ улыбнуться, — я вѣдь обязанъ въ качествѣ вашего опекуна помогать вамъ по мѣрѣ своихъ силъ въ вашихъ заботахъ о будущемъ.

— Но развѣ вы хотите послать меня въ Парижъ совсѣмъ одну?

— Нѣтъ, я думалъ предложить вамъ въ спутники Свендзена. Вы вѣдь знаете стараго Свендзена, моего бухгалтера? Онъ уже нѣсколько разъ былъ въ Парижѣ и вполнѣ надежный человѣкъ. Я увѣренъ, что вамъ хорошо будетъ у Барнетъ; домъ устроенъ на англійскій манеръ, и

я думаю, что тамъ вамъ будетъ больше по душѣ, чѣмъ во французской семьѣ.

— Принимаетъ вашъ другъ также пансіонеровъ?—спросила Рахель коротко.

— Обыкновенно—нѣтъ, насколько я знаю, поэтому жизнь вамъ будетъ стоить дешевле, чѣмъ въ обыкновенномъ пансіонѣ. Но я почти увѣренъ, что какъ м-ръ, такъ и м-рсъ Барнетъ—она француженка — вамъ очень понравятся, и въ американскихъ кружкахъ Парижа для васъ будетъ больше возможности найти себѣ занятіе по вкусу. Во всякомъ случаѣ, вы можете остаться на нѣкоторое время въ домѣ Барнетъ, пока не найдете чего-нибудь, что вамъ покажется лучше.

Онъ говорилъ такъ спокойно и положительно, какъ будто дѣло было уже рѣшено, и Рахель сама не знала, какъ это случилось, но когда она встала, чтобы проститься, она уже рѣшилась. Она отчасти была и рада въ надеждѣ на новую, дѣятельную жизнь, но она была и огорчена — нѣтъ, не огорчена, скорѣе поражена,—нѣтъ, и это не то; но ей казалось страннымъ, что именно онъ такъ старался отослать ее.

Якобъ Ворзе проводилъ ее до подъѣзда; но когда она ушла, онъ не вернулся въ контору, а прошелъ черезъ дворъ во флигель къ матери.

Черезъ мѣсяцъ Габріэль и Рахель уѣхали съ старымъ Свендзеномъ— Габріэль въ Дрезденъ, Рахель въ Парижъ. Мадлена тоже покинула Зандсгаардъ. Ея женихъ при посредствѣ доктора настоялъ на томъ, чтобы она поѣхала на купанье въ Модумъ, и мать Мартенса — вдова пастора съ восточнаго берега—должна была сопровождать ее. Секретарь посольства былъ очень пораженъ, услыхавъ, что его Мадлена хочетъ выйти замужъ за священника, и подумалъ, что гораздо лучше было-бы ему оставить ее въ предѣлахъ поля зрѣнія своей подзорной трубы. Но старикъ никогда не справлялся легко съ серьезными вопросами, а послѣ смерти брата сталъ еще безпомощнѣе, и не имѣя уже Кристіана-Фридриха, съ которымъ онъ-бы могъ посовѣтоваться, уступалъ теперь во всемъ.

Что касается Мадлены, то слабость, послѣдовавшая за ея болѣзнью, сдѣлала ее почти безразличной, и разъ рѣшившись на важный шагъ, она уже отдалась ходу событій и предоставила своему жениху думать и заботиться обо всѣхъ мелочахъ. Но, прощаясь съ отцомъ, она не выдержала, и ее вынесли на рукахъ почти безъ сознанія и положили въ экипажъ.

Пасторъ Мартенсъ скоро сообразилъ, что онъ долженъ удалить Мадлену изъ Зандсгаарда, если хочешь сдѣлать изъ нея жену по сердцу. По этой причинѣ онъ тотчасъ-же началъ хлопотать о мѣстѣ внутри страны, которое и получилъ очень скоро, такъ какъ былъ всегда на хорошемъ счету, и черезъ годъ послѣ обрученія они отпраздновали свадьбу у матери.

Послѣ той прогулки верхомъ Георгъ Дельфинъ заболѣлъ сильнымъ воспаленіемъ легкихъ. Болѣзнь длилась такъ долго, что его мѣсто въ бюро было временно занято другимъ, а когда онъ поправился настолько, что могъ писать, онъ сообщилъ судьѣ, что ему хотѣлось-бы совсѣмъ оставить должность секретаря. Судья согласился на это съ большою готовностью: Георгъ Дельфинъ не принадлежалъ къ числу людей, соотвѣтствующихъ его вкусу.

Фанни все время находилась въ нервномъ возбужденіи. Не могло быть и рѣчи о томъ, чтобы навѣстить больного или какимъ-бы то ни было образомъ завязать съ нимъ сношенія. Она должна была довольствоваться извѣстіями, доходившими до нея случайно, или сообщеніями Мартена и, конечно, не рѣшалась спрашивать такъ часто, какъ-бы ей хотѣлось. Однажды, глядя въ зеркало, она замѣтила три маленькихъ морщинки около лѣваго глаза; когда она смѣялась, онѣ шли къ ней, когда-же она была серьезна, онѣ старили ее. Ничто уже не красило ея, даже трауръ, которымъ она такъ рисовалась обыкновенно. Фанни страдала, насколько только она способна была страдать. Однажды пришло письмо отъ Дельфина, въ которомъ онъ прощался съ ней; содержаніе его было слѣдующее: «Я уѣзжаю сегодня ночью, чтобы избавить насъ обоихъ отъ тяжелаго момента». Это было все.

Ея цвѣтущее лицо потемнѣло на минуту, но только на минуту. Всю ночь она не спала и слушала, какъ храпитъ мужъ, но на другой день она сидѣла безпечная и веселая у окна.

Къ ней зашли ея пріятельницы, но она обманула ожиданія всѣхъ. Разговоръ коснулся внезапнаго отъѣзда Дельфина, и Фанни болтала, смѣялась и шутила, какъ обыкновенно,—ни малѣйшей перемѣны не было замѣтно въ ней, а о Фанни и секретарѣ Дельфинѣ болтали такъ много. Еще разъ можно было убѣдиться, что чего только не придумаютъ люди. Но Фанни сама замѣчала перемѣну, происшедшую въ ней, и невольно думала объ этомъ всякій разъ, когда видѣла въ зеркалѣ свое лицо.

Въ маленькомъ кружкѣ большія событія часто происходятъ сразу, одно за другимъ. Добродушные горожане просто устали отъ всѣхъ этихъ замѣчательныхъ событій и веселаго, и печальнаго характера послѣ той ночи въ Зандсгаардѣ; а между тѣмъ, какъ прилежные языки безъ устали перерабатывали заново накопившійся матеріалъ, годы катились одинъ за другимъ, не принося ничего выдающагося.

Томъ Робзонъ взялъ Мартина съ собою въ Америку, гдѣ они оба пропали. Но Густавъ-Оскаръ-Карлъ-Іоганнъ Торпандеръ не вернулся въ Швецію, какъ намѣревался. Онъ все откладывалъ поѣздку; никогда могила Маріаны не казалась ему достаточно красивой, и онъ всегда находилъ, что не все еще сдѣлалъ для поддержанія ея. Такъ онъ остался, гдѣ былъ, и, конечно, его тянуло къ Андерсу.

Старикъ сталъ какой-то странный; онъ получалъ каждую субботу недѣльное жалованье, но совсѣмъ не работалъ. Лишь Торпандеръ воодушевлялъ его иногда, и не одинъ зимній вечеръ просидѣли они уютно около печки, повторяя другъ другу все одно и то же, — слово въ слово, изъ года въ годъ — все о ней, которая и послѣ смерти осталась навсегда свѣтомъ ихъ жизни.

Дядя Рихардъ скоро разстался съ своимъ мѣстомъ смотрителя маяка; онъ и госпожа Гарманъ подѣлили между собою домъ въ Зандсгаардѣ. По ровному мѣсту госпожа Гарманъ ѣздила въ креслѣ; она велѣла снять всѣ пороги въ домѣ, такъ что могла безъ труда проѣзжать въ кухню. А наверху дядя Рихардъ расхаживалъ все взадъ и впередъ, изъ одной комнаты въ другую, туда и назадъ—совсѣмъ такъ, какъ на другой день послѣ смерти брата. Однажды онъ велѣлъ осѣдлать «Донъ-Жуана»; но когда онъ вышелъ на крыльцо, ему показалось слишкомъ свѣтло. Онъ закрылъ глаза рукою, вернулся въ комнату и велѣлъ отвести «Донъ-Жуана» назадъ въ конюшню.

Такъ онъ продолжалъ ходить наверху взадъ и впередъ по комнатамъ лѣтомъ и зимою, день за день. Вдоль всего дома былъ разостланъ мягкій коверъ дорожкой, отчасти для того, чтобы заглушать звукъ его шаговъ, отчасти ради теплоты. Зимою Рихардъ носилъ длинный сюртукъ на теплой подкладкѣ, мѣховую шапку и перчатки оленьей кожи, и нѣкоторые увѣряли, что онъ ходилъ по комнатамъ съ распущеннымъ зонтомъ, когда на дворѣ шелъ дождь. Въ тихой залѣ, выходящей на сѣверъ, стоялъ маленькій шкапчикъ, а въ немъ всегда была бутылка бургундскаго. Когда старикъ подходилъ къ нему, онъ иногда останавливался, выпивалъ стаканъ и глубокомысленно смотрѣлъ въ зеркало, потомъ качалъ головою и продолжалъ свой путь.

Госпожа Кордзенъ не измѣнилась. Накрахмаленный чепчикъ и запахъ лаванды слѣдовали за нею повсюду, и всѣ семейныя тайны тщательно хранились вмѣстѣ съ ея собственными; плотно сжатыя губы, окруженныя безчисленными мелкими морщинами, были надежнымъ замкомъ.

## ГЛАВА XXV.

Такъ прошло шесть лѣтъ. Пробстъ Спарре сдѣлался епископомъ. Его предшественникъ по должности былъ слишкомъ властолюбивъ и строгъ; поэтому въ его епархіи часто обнаруживалось недовольство. Но съ того момента, какъ пробстъ Спарре занялъ епископскую каѳедру, все шло тихо и покойно. Такъ бываетъ, когда молотки рояля обтянутъ новымъ войлокомъ: рѣзкіе звуки превращаются въ тихіе, мягкіе, пріятные тоны; съ тѣхъ поръ, какъ патентованный войлокъ пробста

Спарре попалъ въ механизмъ, всѣ могли работать тихо, беззвучно, и всѣ партіи были довольны.

Епископъ не забылъ своего молодого друга, директора школы Іонзена, на котораго онъ всегда возлагалъ «большія надежды». Онъ устроилъ такъ, что Іонзенъ получилъ пасторатъ въ столицѣ, и злые языки говорили, что «большія надежды» епископа оправдались, когда пасторъ Іонзенъ вскорѣ послѣ этого обручился съ фрэкенъ Варварой. Но съ прежнимъ директоромъ школы произошла большая перемѣна. Какой-бы то ни было поворотъ въ немъ непремѣнно долженъ былъ быть кореннымъ,— этого требовалъ его энергическій характеръ. Его уже нельзя было ослѣпить высшей философіей, такъ-же какъ и высшимъ обществомъ, и онъ сдѣлался пасторомъ, къ которому особенно влекло женщинъ. Проповѣди его были всегда строги, очень строги, и люди, слѣдившіе за нимъ со вниманіемъ, замѣчали, что онъ всегда выпускалъ въ своихъ молитвахъ прошеніе о воинской державѣ на сушѣ и на водѣ.

Въ темномъ закоулкѣ, въ мелочной лавочкѣ госпожи Ворзе, дѣло шло правильно и хорошо. Маленькій Питеръ Нилькенъ давно уже достигъ той степени сухости, въ которой люди, такъ-же какъ и фрукты, могутъ сохраняться невѣроятно долго безъ всякихъ перемѣнъ. Онъ все такъ-же легко прыгалъ черезъ прилавокъ, когда «хоръ» слишкомъ надоѣдалъ ему, и могущественная желѣзная линейка не утратила своего устрашающаго дѣйствія.

Госпожа Ворзе, напротивъ, стала съ годами еще неповоротливѣе; ноги уже не хотѣли «балансировать» ее, какъ она говорила обыкновенно. Экипажа она также не хотѣла покупать, пока все не устроится, но она думала, что теперь не долго ждать.

Пока все не устроится! Но надо было быть такой слѣпо-довѣрчивой, какъ госпожа Ворзе, чтобы вѣрить въ возможность этого. Рахель провела шесть лѣтъ въ Парижѣ, ни словомъ не упоминая о своемъ желаніи вернуться домой. Якобъ Ворзе не могъ даже путемъ разузнать, что она тамъ дѣлала. Когда онъ посылалъ ей деньги, удивляясь, какъ много нужно ей, онъ всегда писалъ ей нѣсколько строкъ. Она отвѣчала всякій разъ, но коротко и сдержанно. Отъ своего друга м-ра Фредерика Барнета онъ тоже не могъ ничего добиться; онъ зналъ только, что Рахель все еще живетъ у нихъ, и что всѣ ее очень полюбили. Салонъ м-ра Барнета былъ сборнымъ пунктомъ американскихъ колонистовъ; тамъ бывали многіе образованные и богатые люди—это онъ зналъ; каждый день онъ могъ услыхать о ея помолвкѣ.

Онъ каждое утро читалъ газеты за завтракомъ у матери во флигелѣ. Однажды госпожа Ворзе, проводившая обыкновенно за газетой полдня, прочла своему сыну вслухъ, что пасторъ Мартенсъ назначается въ ихъ городъ.

— Смотри-ка, вотъ они опять возвращаются назадъ! — сказала госпожа Ворзе,—мнѣ очень интересно знать, какъ-то живется маленькой Мадленѣ въ замужествѣ, произнесла со вздохомъ старуха,—она знала, что въ супружествѣ приходится разно.

Въ Якобѣ это извѣстіе пробудило много тяжелыхъ воспоминаній, и онъ долго ходилъ взадъ и впередъ по конторѣ прежде, чѣмъ рѣшился приняться за заграничную почту, лежавшую въ большомъ пакетѣ на его конторкѣ.

Между письмами было также письмо отъ «Братьевъ Гарнетъ» изъ Парижа; онъ узналъ это по почерку, хотя штемпеля фирмы не было. Распечатавъ конвертъ, онъ изумился, какъ длинно письмо; онъ быстро повернулъ его—но что-же это значитъ? Внизу было подписано: «Рахель Гарманъ».

Якобъ Ворзе прочелъ:

«Многоуважаемый господинъ Ворзе!

«Берусь за перо, чтобы отдать Вамъ давно откладываемый отчетъ, и чувствую себя такой взволнованной, что должна принуждать себя писать по порядку. Но, наконецъ, должно-же это случиться; постараюсь быть покороче и пояснѣе. Я—какъ вы, можетъ быть, догадываетесь,—вела нѣсколько лѣтъ норвежскую корреспонденцію у «Братьевъ Барнетъ». Въ частныхъ письмахъ къ вамъ я измѣняла почеркъ, чтобы не выдать себя. Я хотѣла увѣриться, могу-ли я быть чѣмъ-нибудь, и теперь я добилась своего Я научилась примѣнять домашнее средство вашей матери—поклонитесь ей отъ меня—я могу работать! Читая ваши дружескія письма, за которыя шлю вамъ свою благодарность, я замѣчала иногда, что вы изумляетесь, на что мнѣ надо такъ много денегъ. Онѣ вложены въ наше дѣло,—я говорю въ «наше», такъ-какъ братья Барнетъ предложили мнѣ принять участіе въ ихъ парижскомъ дѣлѣ. Вы какъ-то дали мнѣ совѣтъ—видите, я разбираю все по пунктамъ, чтобы не тратить много словъ или не забыть чего-нибудь—итакъ, вашъ совѣтъ выступить въ качествѣ писательницы я не сочла тогда за подходящій. Послѣ я много думала объ этомъ и даже пробовала немного, а теперь благодарю васъ и за этотъ совѣтъ—я за многое обязана вамъ благодарностью. Теперь, когда я научилась работать, во мнѣ уже нѣтъ прежней робости. Вы правду сказали тогда—есть много вещей, которыя можетъ сказать женщина, особенно у насъ. Я нахожусь въ счастливомъ, независимомъ положеніи—honneur oblige—и у меня есть мужество; итакъ, я хочу попробовать! Но я должна съѣздить домой! Не только потому, что я скучаю, какъ ребенокъ: я знаю, что послѣ короткаго пребыванія опять захочу поѣхать заграницу; но я чувствую, что для того, чтобы сдѣлать что-нибудь, я должна быть съ тѣми, кому я хочу помочь. Я хочу еще путешествовать и провести жизнь въ движеніи; но я хотѣла-бы

утвердиться дома, чтобы мнѣ было куда вернуться, когда это необходимо мнѣ. Ну, а теперь я подхожу къ тому «но», которое собственно и составляетъ главное содержаніе моего письма, и это но—вы господинъ Ворзе! Я не хочу возвращаться домой прежде, чѣмъ не выяснятся наши отношенія. Я знаю только одно: вы не сердитесь на меня за то, что я поступала такъ по отношенію къ вамъ. Но больше я ничего не знаю; и если больше и нечего знать, то мы, надѣюсь, встрѣтимся, какъ добрые друзья. Но если есть что-нибудь кромѣ этого, что я могу узнать, вы, конечно, напишете мнѣ. Вотъ видите, мы дошли до этого пункта—поймемъ-же другъ друга и будемъ честны и откровенны. На одно вы можете разсчитывать, что я при всякихъ обстоятельствахъ останусь вашимъ искреннимъ другомъ

Рахель Гарманъ».

Прочтя это письмо, Якобъ Ворзе вскочилъ, схватилъ шляпу и зонтъ и бросился въ контору.

— Гамбурскій пароходъ уже отошелъ?

— Нѣтъ, вотъ слышно первый звонокъ, отвѣтили ему.

— Есть у васъ деньги, кассиръ?

— Да—то-есть—нѣтъ! немного,—сказалъ кассиръ.

— Дайте мнѣ, сколько у васъ есть, и пошлите Томаса напротивъ въ кредитный банкъ, чтобы взять еще тысячи двѣ кронъ или около того.

Одинъ изъ мальчиковъ побѣжалъ съ цѣлой кипой квитанцій и саквояжикомъ.

— Я сейчасъ-же уѣзжаю, Свендзенъ!—недѣли на двѣ, навѣрное, не знаю. Вотъ мой адресъ.

Съ этими словами онъ схватилъ перо, торчавшее за ухомъ Свендзена, и написалъ вкось на большомъ листѣ бумаги, на которомъ бухгалтеръ только-что началъ старательно переписывать свой отчетъ: «Гостинница Роганъ, Парижъ».

Съ пристани донесся второй звонокъ.

— Да, да! пожалуйста, чтобы все было въ порядкѣ, Свендзенъ, вы вѣдь ужъ знаете—телеграфируйте мнѣ, если будетъ нужно—мои ключи въ конторкѣ.

Въ дверяхъ онъ еще разъ обернулся и крикнулъ:

— Ахъ да, Свендзенъ! сходите къ мамѣ и скажите ей—ну да скажите только, что все устроилось.

Съ этими словами онъ убѣжалъ.

Старый Свендзенъ молчалъ, уставившись въ пространство и потирая большой палецъ объ указательный, что онъ обыкновенно дѣлалъ, когда находился въ затруднительныхъ обстоятельствахъ. Всѣ двери нараспашку, одинъ стулъ въ комнатѣ принципала опрокинутъ, а самъ принципалъ

спѣшитъ въ Парижъ въ одной шляпѣ и съ зонтомъ, а за нимъ Томасъ съ мѣшкомъ и деньгами. Кассиръ сидѣлъ передъ кассой и разбросанными квитанціями съ такимъ видомъ, какъ будто его обокрали, а когда взглядъ стараго Свендзена упалъ на испорченный отчетъ, онъ замѣтилъ на своихъ пальцахъ большое, чернильное пятно. Но у стараго Свендзена уже больше тридцати лѣтъ не бывало кляксъ на рукахъ; это, навѣрное, принципалъ брызнулъ ему на руку, когда выдергивалъ перо. И долго бухгалтеръ разсматривалъ чернильное пятно, потомъ окидывалъ глазами весь безпорядокъ и опять возвращался къ пятну, медленно и торжественно повторяя про себя: «Поклонитесь мамѣ и скажите, что все устроилось», какъ будто это была волшебная формула, которая могла выяснить ему недоразумѣніе.

Но еще хуже было, когда онъ, минуту спустя, очутился во флигелѣ госпожи Ворзе; едва произнесъ онъ многознаменательную фразу: «все устроилось», какъ старуха бросилась къ нему на шею и поцѣловала его въ губы.

Поцѣлуй въ связи съ чернильной кляксой сдѣлали этотъ день незабвеннымъ для стараго Свендзена, и впослѣдствіи онъ велъ счисленіе съ этого памятнаго дня.

Въ тотъ-же день Мартену Гарману принесли съ почтой маленькое письмецо. Мартенъ распечаталъ его, улыбнулся какъ-то особенно и отослалъ его къ женѣ наверхъ.

Фанни вынула двѣ карточки, которыя находились въ немъ; на одной она прочла женское имя—фамилія была ей знакома, одна изъ самыхъ богатыхъ фамилій въ столицѣ— а на другой стояло «Георгъ Дельфинъ». Она подошла къ зеркалу, держа въ рукѣ его карточку, и внимательно слѣдила за своимъ лицомъ, между тѣмъ какъ горе, которое она, дѣйствительно, испытывала въ эту минуту, постепенно уступало мѣсто обидѣ и горечи. Но все это происходило глубоко въ душѣ, на лицѣ нельзя было замѣтить и тѣни какого-либо волненія. Ее пріучили къ этому упражненію передъ зеркаломъ; это было самое сильное испытаніе, и она выдержала его. Только мелкія морщины вокругъ глазъ слегка дрожали; но она улыбнулась и стала попрежнему очаровательна. Никакое душевное потрясеніе не должно было вредить ея красотѣ, и въ ту минуту, когда вся горечь и боль послѣднихъ шести лѣтъ снова всплыла наружу, она улыбалась, какъ всегда, и была насторожѣ.

Въ эту минуту вошелъ домашній докторъ.

— Говорили вы съ мужемъ, докторъ?

— Нѣтъ, сударыня. Развѣ онъ боленъ?

— Боленъ-ли онъ? Меня удивляетъ, что вы спрашиваете это,—рѣзко отвѣтила Фанни.—Развѣ вы не видите, что онъ истощенъ, переутомленъ; онъ долженъ теперь-же ѣхать купаться, или онъ погибнетъ.

— Да,—добродушно отвѣтилъ докторъ:—конечно, это было-бы полезно ему, но вы сами знаете, сударыня, онъ всегда возражаетъ, что у него нѣтъ времени—и потомъ...

— Ахъ,—отвѣтила Фанни и повернулась,—что за дѣло до этого доктору!

Докторъ сошелъ въ контору и нагналъ на Мартена такой страхъ, что отъѣздъ былъ назначенъ на слѣдующую-же недѣлю.

«Исчезновеніе» Якоба Ворзе, какъ называли всѣ его внезапный отъѣздъ произвело сильное впечатлѣніе, но удивленіе еще усилилось, когда пришла телеграмма о его помолвкѣ съ Рахелью Гарманъ. Одновременно онъ просилъ Мартена приготовить все къ свадьбѣ, такъ какъ они намѣревались обвѣнчаться сейчасъ-же по возвращеніи домой.

Мартенъ отвѣтилъ, по совѣту жены, что докторъ «велѣлъ» ему немедленно ѣхать въ Карлсбадъ. Онъ предлагалъ встрѣтить обрученныхъ въ Копенгагенѣ—тамъ они могутъ обвѣнчаться. На это онъ получилъ согласіе, и былъ назначенъ день. Взвѣсивъ все, Мартенъ одобрилъ партію. За эти шесть лѣтъ онъ часто думалъ о совѣтѣ, который далъ ему отецъ въ одинъ изъ послѣднихъ дней своей жизни—войти въ компанію съ Якобомъ Ворзе. Мартенъ никому не говорилъ объ этомъ и никогда не рѣшился-бы на такое униженіе. Теперь все устроилось само собою и какъ разъ въ подходящее время—какъ разъ, когда онъ долженъ былъ бросить дѣло и уѣхать. Ворзе могъ освоиться со всѣмъ въ его отсутствіе, а въ дѣлѣ было нѣсколько прорѣхъ, которыхъ Мартенъ стыдился. Все это гораздо легче устроить, если вести объясненіе письменно.

Итакъ, молодые люди были обвѣнчаны въ Копенгагенѣ. Габріэль тоже присутствовалъ на свадьбѣ. Онъ былъ все это время въ одной конторѣ въ Англіи; они телеграфировали ему изъ Парижа, и въ Кельнѣ онъ встрѣтился съ ними. Было уже почти рѣшено, что Габріэль займетъ мѣсто Рахели у «Братьевъ Барнетъ» въ Парижѣ, чему онъ былъ очень радъ.

Свадьбу праздновали въ одной изъ большихъ комнатъ въ гостиницѣ «Англія» съ видомъ на «Конгенсъ Ниторфъ». Настроеніе было очень веселое, и Мартенъ произнесъ рѣчь о фирмѣ Гарманъ и Ворзе, которая опять должна пополниться новымъ членомъ.

— А что мой старый врагъ Аальбомъ?—воскликнулъ за дессертомъ Габріэль.

— Ахъ, онъ все такой-же!—отвѣтилъ Мартенъ.—Недавно онъ, говорятъ, произнесъ въ одномъ обществѣ въ высшей степени безсовѣстную рѣчь о «династіи Гармановъ»; онъ страшно озлобленъ, что его больше не приглашаютъ.

— Бѣдный Аальбомъ!—сказалъ Габріэль задумчиво. Самъ онъ былъ такъ счастливъ и такъ расположенъ прощать, что послѣ обѣда сѣлъ къ окну и началъ срисовывать съ большимъ стараніемъ и необыкновенной



точностью статую на «Конгенсъ Ниторфѣ» въ подарокъ адъюнкту Аальбому.

На слѣдующій день всѣ разъѣхались: Мартенъ и Фанни въ Карлсбадъ, Габріэль въ Англію, чтобы устроить свой переѣздъ, а новобрачные домой, въ Норвегію.

У мола остановился новый, великолѣпный экипажъ съ новымъ кучеромъ и новыми лошадьми. Въ экипажѣ сидѣла госпожа Ворзе въ шелковой накидкѣ и новой шляпѣ; лишь только все устроилось, она телеграфировала своему комиссіонеру въ Копенгагенъ, у котораго уже давно были готовы деньги. Противъ госпожи Ворзе сидѣлъ, совсѣмъ съежившись, господинъ Самуельзенъ. Его нельзя было уговорить сѣсть рядомъ съ госпожею Ворзе; ему казалось ужаснымъ уже и то, что онъ вообще сидѣлъ въ экипажѣ.

Куча уличныхъ мальчишекъ, конечно, окружила экипажъ, чтобы отчасти полюбоваться лошадьми, отчасти хорошенько разсмотрѣть страшнаго Патера Нилькена. Вдругъ одному изъ бездѣльниковъ пришло въ голову пропѣть популярную пѣсенку—не вслухъ, этого онъ не смѣлъ, а только шевеля губами. Онъ скоро нашелъ подражателей, и куда-бы ни посмотрѣлъ несчастный господинъ Самуельзенъ, онъ могъ прочесть несносную пѣсню на шевелящихся губахъ.

Это было просто невыносимо.

Наконецъ, пароходъ подошелъ къ молу. Новобрачные сѣли въ экипажъ, и онъ покатилъ въ городъ. Госпожа Ворзе громко смѣялась всю дорогу, торжественно раскланиваясь во всѣ стороны. Ея новая шляпа сползла на лѣвое ухо и совсѣмъ упала, когда они въѣхали во дворъ, и экипажъ остановился у подъѣзда.

Нелегко было успокоить расхохотавшуюся госпожу Ворзе. Она заразила всѣхъ своимъ смѣхомъ. Всѣ смѣялись; смѣялся кучеръ, смѣялись горничныя, смѣялись новобрачные—всѣ, всѣ, за исключеніемъ господина Самуельзена. Онъ шелъ, отвернувшись, сзади всѣхъ и несъ новую шляпу старой госпожи Ворзе за одну завязку, влача другую за собой по лѣстницѣ.

Обѣдали въ квартирѣ молодыхъ, гдѣ госпожа Ворзе разыгрывала изъ себя свѣтскую даму и говорила на какомъ-то языкѣ, который она сама называла французскимъ. Но вечеромъ, послѣ того, какъ Рахель и ея мужъ побывали въ Зандсгаардѣ, всѣ удалились во флигель. Здѣсь смѣялись, говорили, варили пуншъ, пили, веселились, пока Питеръ Нилькенъ не разошелся до того, что самъ предложилъ спѣть «Любимую пѣсню точильщика», которая пользовалась необыкновенною популярностью во времена его молодости. Когда-то онъ пѣлъ съ большимъ успѣхомъ; теперь голосъ у него былъ уже надтреснутый, зато онъ вкладывалъ необыкновенно много чувства въ свое пѣніе и ни на минуту не сводилъ глазъ съ госпожи Ворзе.

А госпожа Ворзе отбивала тактъ своими вязальными спицами, подхватывая припѣвъ.

## ГЛАВА XXVI.

Въ яркомъ солнечномъ свѣтѣ тянулись бѣловато-желтые пески съ зелеными кустами тростника далеко на сѣверъ, насколько могъ видѣть глазъ. Береговая линія извивалась бухтами и мысами; кое-гдѣ лежала куча лодокъ; чайки и дикіе гуси толпились на берегу, а прибой катился мелкими, кудрявыми волнами. Между холмами показался экипажъ, въ которомъ сидѣли мужчина и дама. Они свернули съ почтовой дороги и ѣхали теперь узкою песчаною дорожкой, ведущей къ Братфольду.

Это было противъ желанія Мадлены, но когда мужъ ея узналъ, что крюкъ будетъ не болѣе часу ѣзды, онъ велѣлъ кучеру заѣхать въ Братфольдъ,—все равно пришлось-бы отдыхать гдѣ нибудь на дорогѣ.

Пасторъ совершалъ эту поѣздку съ женой, чтобы осмотрѣть свой новый округъ—въ должность онъ вступитъ только осенью. Она сидѣла, прижавшись въ уголъ экипажа — мужъ ея сдѣлался съ годами нѣсколько дороденъ—и ничто не напоминало въ ней прежней Мадлены, даже и въ этой обстановкѣ. Она не выглядѣла больной, но уставшей, очень уставшей. Въ большомъ пасторатѣ въ деревнѣ много дѣла, да и трое дѣтей—не шутка. Первый годъ она была совсѣмъ въ отчаяніи, временами она даже не могла сдерживаться и бывала рѣзка, проявляя старое упорство. Но у пастора была совсѣмъ особая манера обходиться съ ней. Онъ никогда не выходилъ изъ себя; чѣмъ больше раздражалась Мадлена, тѣмъ кротче отвѣчалъ онъ ей, тихо улыбаясь и поглаживая ее по плечу. Когда же Мадлена успокаивалась, онъ начиналъ увѣщевать ее, и совсѣмъ незамѣтно все принимало такое направленіе, какое хотѣлъ онъ. Въ концѣ концовъ она свыклась со всѣмъ.

Открытое, ласковое лицо пастора Мартенса не было сегодня особенно интересно. Онъ страшно страдалъ морскою болѣзнью, оттого-то они и сошли съ парохода, чтобы сушей проѣхать остатокъ пути. Поэтому полное лицо его пріобрѣло какой-то зеленовато-морской оттѣнокъ, и онъ постояно отплевывался.

Мадлена подалась нѣсколько впередъ и глубокимъ вздохомъ втянула въ себя струю воздуха. Это было привѣтствіе того самаго моря, которое было ей такъ близко во времена ея счастья—короткой весны ея любви.

Она какъ будто хотѣла вдохнуть въ себя какъ можно больше этого чистаго, свѣжаго морского воздуха, чтобы освѣжить каждый отдѣльный темный, запыленный уголокъ своей замкнутой души. И все это время, съ тѣхъ поръ, какъ она уѣхала отсюда, показалось ей такимъ нечистымъ, пыльнымъ. Ей стало стыдно передъ этимъ моремъ, что она такъ далеко ушла назадъ—ей хотѣлось-бы лежать теперь въ этой прохладной глу-

бинѣ, омываемой свѣжими чистыми волнами. Когда же экипажъ приблизился къ послѣднему холму, и маякъ и усадьба Братфольда очутились передъ нею, она закрыла лицо обѣими руками и зарыдала.

Мужъ ея, конечно, не замѣтилъ этого, потому что онъ глядѣлъ въ другую сторону; онъ чувствовалъ себя еще не достаточно крѣпкимъ, чтобы смотрѣть на катящіяся волны.

— Гдѣ остановиться?—спросилъ кучеръ.—У Пера Братфольда лучшій домъ,—впрочемъ, всѣ усадьбы хороши.

— Заѣдемъ къ Перу,—сказалъ пасторъ.

Мадлена долго не знала, было-ли Мартенсу извѣстно объ ея отношеніяхъ къ Перу; но уже скоро послѣ замужества она убѣдилась, что никакой слухъ не можетъ миновать пастора; и не поднимая глазъ, она почувствовала, что онъ смотритъ на нее съ той улыбкой, которою онъ обыкновенно преклонялъ ея волю.

Перъ былъ въ дровяномъ сараѣ, когда они пріѣхали. Онъ выглянулъ въ щель и, увидя Мадлену, инстинктивно выплюнулъ табакъ,—такъ какъ подождавъ Мадлену нѣкоторое время, онъ снова началъ жевать табакъ, а подождавъ еще, и женился.

Жена Пера ввела пастора и его супругу въ лучшую комнату, извиняясь, что она «не такая, къ какимъ привыкли господа». Пока она отыскивала Пера, чтобы послать его къ пріѣзжимъ, Мартенсъ ходилъ по комнатѣ и разсматривилъ все, что попадалось ему подъ руку. Мадлена сидѣла у окна и смотрѣла на дворъ. Видъ жены Пера, которая выглядѣла такой свѣжей и здоровой, причинилъ ей боль, она сама не знала почему.

Наконецъ, вошелъ Перъ. Онъ подалъ руку сперва пастору, потомъ Мадленѣ и поклонился. Когда Мадлена коснулась большой, грубой руки, она невольно отдернула свою руку и отвернулась, не отвѣчая на привѣтствіе; она не могла произнести ни слова.

Въ эту минуту вошла жена Пера и шепотомъ попросила расколоть ей нѣсколько полѣнъ дровъ, такъ какъ съ торфомъ будетъ очень долго; она хочетъ сварить кофе. Перъ ушелъ, а пасторъ послѣдовалъ за маленькой, дородной женщиной, чтобы осмотрѣть домъ. Мадлена прошлась нѣсколько разъ взадъ и впередъ по комнатѣ, затѣмъ вышла за дверь. Стоя въ сѣняхъ на порогѣ, она могла видѣть маленькую гавань для лодокъ. Она обвела глазами узенькую тропинку, ведущую черезъ поле. Вонъ крутой подъемъ къ маяку, а тамъ ея старый домъ—толстыя основательныя каменныя стѣны и маякъ съ красной крышей.

Мадлена отвернулась, она не могла смотрѣть туда. Она слышала, какъ въ сараѣ Перъ рубилъ дрова; почти не сознавая, что дѣлаетъ, Мадлена вошла въ сарай и стала около Пера.

Онъ остановился на минутку, выпрямился и, не смотря на нее, взгля-

нулъ на море. У Пера появилась вокругъ подбородка жесткая борода, какая бываетъ у моряковъ, а лицо стало много старѣе и грубѣе, но она все-таки узнала каждую черту.

Мадлена нерѣшительно приблизилась къ Перу и взяла его руку; но онъ отдернулъ ее. Тогда она уже не могла больше владѣть собой, бросилась къ нему на шею и прижалась головой къ его груди.

О! какъ обманули они ее, какъ дурно поступили они съ нею — всѣ эти образованные люди! Что за жизнь вела она теперь? жизнь безъ иного назначенія, какъ быть женою человѣка, котораго она не любила, держать въ порядкѣ его домъ, рождать ему дѣтей—и все это въ спертой атмосферѣ привычки, формальности и самопочитанія! Она еще ближе прижалась къ этому широкоплечему, сильному человѣку, и ея измученное сердце не выдержало этой минуты смѣшаннаго чувства счастья и муки—вся ея молодость, вся ея любовь сразу поднялись въ ея душѣ.

— Я не виновата, я не виновата!—повторяла она, какъ ребенокъ, разбившій что-нибудь по неосторожности.

Онъ поднялъ свою тяжелую, грубую руку, положилъ ее къ ней на голову и нѣжно и ласково погладилъ ее по волосамъ; теперь онъ понялъ все, но онъ не могъ произнести ни слова.

— Лена! Лена!—раздался голосъ пастора въ сѣняхъ,—пойди-ка сюда, посмотри, у нихъ близнецы. Лена! гдѣ ты? Да пойди-же поскорѣе! Что за прекрасная женщина: подумай, съ перваго же раза близнецы!

Трудно угадать, что думалъ Перъ, когда остался одинъ и смотрѣлъ на море. Такъ катились волны и въ бурю, и въ солнце, такъ отбѣгали онѣ назадъ, а онъ все ждалъ и ждалъ. И вотъ она пришла.

Какъ водится, жена Пера очень извинялась за простое угощеніе. Но тутъ были и сливки, и сладкіе пирожки, яица, кофе, свѣжіе сдобные сухари и цѣлый горшокъ раковъ. Хозяйка говорила, что просто срамъ подавать такимъ господамъ такихъ мелкихъ раковъ; если-бы у нихъ только были покрупнѣе... Но одна изъ любимыхъ теорій пастора, которую онъ защищалъ обыкновенно съ горячностью и убѣдительностью, была, что маленькіе раки гораздо лучше и вкуснѣе большихъ. Поэтому онъ былъ въ прекрасномъ настроеніи и позволялъ себѣ много невинныхъ шутокъ съ привѣтливой хозяйкой.

Перъ вошелъ въ комнату и сказалъ:

— Будьте добры, кушайте на здоровье!

Потомъ, по всѣмъ правиламъ приличія, онъ сѣлъ на скамью у печки, нагнулся впередъ и уперся руками въ колѣни.

Солнце свѣтило такъ привѣтливо черезъ маленькія окна, комната была такая чистая и уютная, скатерть такая бѣлая, сливки такія желтыя, а маленькіе раки такіе апетитные и красные, что пастору захотѣлось говорить. Темою послужило сообщеніе хозяйки, что Перъ вы-

строилъ весь домъ изъ обломковъ французскаго брига, который прибило къ берегу по близости; и дощечка съ именемъ этого брига висѣла надъ окномъ.

Пасторъ говорилъ о невѣрности человѣческихъ предпріятій. Какъ часто люди обманываются въ своихъ надеждахъ, но все-таки промыселъ Божій ясно виденъ во всемъ.

— Посмотрите,—сказалъ онъ:—этотъ гордый корабль, который былъ выстроенъ въ высокомѣрной Франціи, и имя котораго внушало надежды—такъ какъ «l'Espérance», друзья мои, означаетъ надежду—этотъ корабль долженъ былъ такъ жалко погибнуть близь этого бѣднаго берега. Такъ бываетъ и съ человѣческою жизнью! Какъ много суетныхъ надеждъ выплывало съ гордыми парусами и знаменами въ морѣ жизни, чтобы такъ же плачевно погибнуть! Но смотрите! Что буря превратила въ обломки, то собрали скромныя руки, чтобы создать новый домъ; такъ смерть рождаетъ жизнь, погибель—надежду, развалины—счастье, и цѣлая жизнь цвѣтетъ на ничтожныхъ обломкахъ корабля!

Послѣдній проблескъ стараго непокорства Мадлены прозвучалъ въ ея тонѣ, когда она сказала:

— Такъ живемъ мы всѣ!

Въ эту минуту Перъ всталъ и вышелъ.

Жена его не могла понять, какъ могъ Перъ вести себя такъ неприлично.

Но пасторъ Мартенсъ понималъ все. Впрочемъ, объ этомъ можно было поговорить и послѣ, если бы это оказалось необходимымъ, дѣло не стоило того, чтобы портить себѣ изъ-за него аппетитъ. Съ ласковой улыбкой подалъ онъ своей женѣ сливки и потрепалъ ее по плечу.

Затѣмъ онъ принялся за мелкихъ раковъ, которые пришлись ему очень по вкусу.

---

# Психологія знахарства.

---

(*Окончаніе*).

III.

Самымъ типичнымъ проявленіемъ суевѣрной медицины, самымъ чистымъ видомъ ея могутъ служить заговоры. Они представляетъ значительный интересъ въ бытовомъ отношеніи, какъ по своему содержанію, переносящему насъ порой къ отдаленнымъ временамъ, такъ и по тѣмъ пріемамъ, которыми они сопровождаются. Заговоръ есть прямая противоположность «порчи». Лицо, произносящее заговоръ, заставляетъ эту порчу выйти обратно тою-же таинственной дорогой, по которой она пробралась въ организмъ несчастнаго больного. Самое произнесеніе заговора обставлено извѣстными обрядами, которыми еще болѣе увеличиваютъ его таинственность. Знахарь или бабушка выводятъ больныхъ изъ дому на зарѣ къ рѣкѣ, заставляютъ ихъ не оглядываться по дорогѣ, повернуться въ восточную сторону, иногда читать молитвы, а затѣмъ произносятъ заговоръ, иногда однообразнымъ голосомъ, иногда, напротивъ того, съ сильными и внезапными его измѣненіями, съ возгласами, разсчитанными на то, чтобы произвести болѣе сильное впечатлѣніе. Заговоръ отъ «порчи» сопровождается опрыскиваніемъ водой изъ стакана, въ который передъ тѣмъ положено нѣсколько углей. Въ Курганскомъ округѣ берутъ обыкновенно пять углей, приговаривая при ихъ опусканіи въ воду: 1) отъ уроковъ; 2) отъ переполоха; 3) отъ худобы и родимца; 4) отъ двоезубаго и троезубаго, и 5) отъ стриженнаго, поперечнаго, злого и лихого. Вотъ текстъ одного изъ болѣе употребительныхъ заговоровъ: «Стану я, рабица Божія (имя), помолясь, выйду, перекрестясь, изъ воротъ въ ворота, въ восточную сторону, подъ утреннюю Марину, подъ вечернюю Маремьяну, подъ красное солнце, подъ свѣтелъ мѣсяцъ, подъ луну Господню, подъ чисты звѣзды. Попрошу и помолю на раба (имя) отъ уроковъ, отъ призоровъ, отъ чернаго и отъ черемнаго, и отъ трусаго, и отъ

двоеженаго, и отъ троеженаго, и отъ дѣвки простоволоски, и отъ бабы самокрутки, и отъ злого, и отъ лихого, и отъ ненавистливаго, отъ думы, отъ слова и отъ помышленія; изъ бѣлаго тѣла, изъ ясныхъ очей, изъ черныхъ бровей. Будьте слова мои крѣпки-лѣпки, ходки-бродки, тверже камня».

Слѣдующимъ заговоромъ, обращеннымъ къ мѣсяцу, бабушки надѣятся избавлять дѣтей отъ родимца: «Батюшка младъ (при новолуніи—или свѣтелъ) мѣсяцъ! У тя есть, младъ мѣсяцъ, утренняя заря Марія, вечерняя Маремьяна, полуношна Евдокія: онѣ тухли-потухали, чажли-почажали, противъ красна солнца не вставали, витья (вѣки) не опускали; такожде и рабъ Божій младенецъ (имя) худоба родимецъ тухли-потухали, чажли-почажали и противъ красна солнца не вставали, витья не опускали во вѣки по вѣки, отнынѣ до вѣка».

Вотъ заговоръ, уничтожающій зубную боль: «мѣсяцъ на небѣ, звѣрь въ полѣ, рыба въ морѣ: когда два брата сойдутся вечерять, тогда у раба Божьяго (имя) будутъ зубы болѣть». Если кто изумляется формѣ заговора, какъ будто-бы обрекающаго на боль, то бабушка поспѣшитъ успокоить тѣмъ, что эти два брата (солнце и мѣсяцъ?) «никогда не сходятся вечерять».

По какой-то странной случайности заговоры отъ кровотеченія отличаются особенно рѣзко замѣтной безсмыслицей. Вотъ образчикъ: «Плыла баба по рѣчкѣ, вела быка на ниткѣ; нитка порвалась, кровь запеклась. Сяду я на камень, больше кровь не канетъ» [1]). Всѣ эти заговоры пользуются въ народѣ большимъ уваженіемъ, и большинство относится къ нимъ съ полнымъ довѣріемъ: впрочемъ, знахари стараются тщательно оберегать эту таинственную силу заговоровъ отъ всякихъ попытокъ критическаго отношенія и достигаютъ этого тѣмъ, что при лицахъ, въ преданности которыхъ они не вполнѣ увѣрены, они никогда не станутъ повторять вслухъ заговора, такъ какъ прекрасно понимаютъ, какое сильное оружіе противъ себя могли-бы дать въ руки «отрицателей». Но сила суевѣрія основывается не только на этой таинственности; уваженіемъ народа пользуются такіе лѣчебные пріемы, въ нелѣпости которыхъ, казалось-бы, ни у кого не должно быть сомнѣнія. Мнѣ пришлось видѣть одну больную съ громадной, твердой, безболѣзненной опухолью плеча, которая медленно росла въ теченіе восьми лѣтъ. Совѣтъ—лечь въ больницу для операціи. Послѣ цѣлаго ряда обычныхъ опасеній, что она «не выдержитъ», моихъ безплодныхъ разувѣреній и столь-же обычныхъ просьбъ дать «лекарствъ», спрашиваю:

---

[1]) Большая часть имѣющихся въ моемъ распоряженіи заговоровъ доставлена мнѣ сельской акушеркой Курганскаго округа Т. А. Собяниной. Вмѣстѣ съ тѣмъ я просилъ-бы лицъ, обладающихъ какими-либо неизданными матеріалами о знахарствѣ, не отказать подѣлиться ими со мной.

— А что тебѣ бабушки говорили?

— Говорили, что это у меня могильная кость.

— Что-же, онѣ лѣчили чѣмъ-нибудь?

— Они говорили, что дѣлать, и я дѣлала, да не помогло.

— А что?

— Да вотъ, когда видишь, что двое ѣдутъ на одной лошади (верхомъ), то надо сказать: «двое ѣдете, возьмите третью—могильную кость».

Какова должна быть наивность и чистота сердца у людей, которые согласны считать подобный разговоръ съ проѣзжающими за лѣченіе!

Конечно, ту-же самую могильную кость можно лѣчить и другими способами: можно очерчивать ее, перевязывать ниточкой, чтобы не росло дальше, можно носить около нея всевозможныя ладонки, можно лѣчить прикладываніемъ «землицы съ могилки», «вязать узлы» съ чтеніемъ соотвѣтствующаго заговора, можно, наконецъ, и просто «перекусить, пока она маленькая, чтобы переболѣло все». Послѣдній способъ принадлежитъ уже не къ чисто фантастическимъ. Всѣ эти пріемы, вѣра въ дѣйствительность которыхъ поддерживается естественнымъ теченіемъ болѣзни, приводящимъ подчасъ къ благопріятному исходу, должны быть отнесены къ пережиткамъ отдаленной эпохи.

Мнѣ не зачѣмъ говорить объ ужасахъ холернаго времени, о дикихъ проявленіяхъ разъяреннаго фанатизма: они слишкомъ извѣстны каждому. Я буду касаться только того, что составляетъ обычный, сѣрый фонъ будничной крестьянской жизни. Есть, напримѣръ, народное повѣріе, что раны отъ укуса собаки лучше всего излѣчиваются приложеніемъ ея собственной шерсти, и въ охотѣ за клочкомъ шерсти наиболѣе злой собаки многіе получаютъ новые укусы. Наивность немалая, но то, о чемъ я здѣсь намѣренъ разсказать, значительно превышаетъ эту наивность

Ко мнѣ принесли двухлѣтнюю дѣвочку, все лицо которой было покрыто грязными корками и струпьями и производило впечатлѣніе запущеннаго случая тяжелаго сифилиса. Изъ разспросовъ, однако, оказалось, что недѣли три тому назадъ дѣвочку покусала собака.— Чѣмъ-же вы лѣчили?—спрашиваю (правильнѣе слѣдовало спросить: «чѣмъ-же вы привели рану въ такое отчаянное состояніе?»). Отвѣтъ: «Сперва клали квасцы и вино. Потомъ видимъ: не помогло. Тогда староста позвалъ мужика, чья собака ее укусила, и сказалъ ему: вотъ ты виноватъ, такъ и лѣчи теперь». И тотъ сталъ лѣчить. Досталъ какую-то стклянку, принесъ—мы и помазали. Онъ сказалъ: это лаковый спиртъ. А потомъ съ лица и сорвало, и пошли корки. Я пошла къ чеботарю, а онъ и говоритъ: это не лаковый спиртъ, а нефь (нефть)...»

Моя попытка убѣдить ихъ въ неразумномъ выборѣ цѣлителя не привела ни къ чему, мнѣ не удалось даже возбудить ни одного сомнѣнія. До того безспорной казалось имъ нелѣпая мысль, что тотъ, чья собака

укусила ребенка, непремѣнно долженъ знать и средство отъ укуса. Откуда эти понятія? Гдѣ объясненіе того, что нанесшій ребенку поврежденіе своей неосмотрительностью получаетъ право (и даже считается обязаннымъ) не ограничиваться однимъ поврежденіемъ, а способствовать дальнѣйшему систематическому ухудшенію болѣзни и затягиванію выздоровленія?

Мы видимъ, такимъ образомъ, что и примѣненіе самыхъ простыхъ пріемовъ врачеванія обставлено такими условіями, при которыхъ считается наиболѣе способнымъ не тотъ, кто учился этому дѣлу, а тотъ, кто подходитъ къ данному случаю по совершенно чуждымъ, стороннимъ соображеніямъ. Вліяніе знахарей на народъ настолько сильно, что даже наиболѣе разочарованнымъ въ знахарскомъ лѣченіи иногда вовсе не приходитъ мысль обратиться за помощью къ врачу; сплошь и рядомъ больные одновременно лѣчатся у врача и знахаря или-же, принимая лѣкарство, прописанное врачемъ, соблюдаютъ вмѣстѣ съ тѣмъ тѣ діэтетическія предписанія, о которыхъ неоднократно слышали отъ знахарей и бабушекъ. Къ числу этихъ суевѣрныхъ пріемовъ долженъ быть отнесенъ «культъ поста», получившій въ народѣ громадное распространеніе. Въ основаніи этого культа, вѣроятно, лежитъ представленіе о томъ, что болѣзнь, посланная за грѣхи, должна быть искуплена постомъ и воздержаніемъ. Въ знахарской практикѣ этотъ «постъ» является настолько обычнымъ дѣломъ, что каждый больной, получающій лѣкарство отъ врача, непремѣнно спрашиваетъ: «а какой ему будетъ постъ?»

Каждое лѣкарство должно, по мнѣнію народа, имѣть *свой* постъ. Нарушеніе этого поста можетъ вызвать новую болѣзнь или, по крайней мѣрѣ, значительно ухудшить старую, помѣшавъ благопріятному дѣйствію лѣкарства. Внѣ всякаго сомнѣнія должно быть поставлено то обстоятельство, что знахари нарочно назначаютъ *лѣкарствамъ* совершенно невыполнимый постъ, для того, чтобы потомъ имѣть возможность объяснить ухудшеніе болѣзни нарушеніемъ соотвѣтственнаго поста. Отсюда и явилась роковая боязнь нарушить постъ и «простудиться» при лѣченіи тѣмъ или другимъ снадобьемъ. Косвенное подтвержденіе своей вѣры въ необходимость «поста» народъ могъ получить и изъ устъ врачей, которые должны заботиться о діэтѣ, но, конечно, совсѣмъ по другимъ основаніямъ. Не понимая того, что врачи заботятся большею частью объ усиленномъ питаніи больныхъ, безъ обремененія ихъ трудноваримой пищей, народъ, наставляемый знахарями, могъ увидѣть въ этомъ одобреніе знахарскаго поста, который обязательно влечетъ за собой истощеніе больного. И вѣра въ необходимость соблюдать «лѣкарственные посты» крѣпко сидитъ въ умѣ населенія. Одна больная съ рѣзко выраженнымъ порокомъ сердца, объясняла мнѣ свою болѣзнь слѣдующимъ образомъ: «Вотъ въ чемъ я должна признаться: хозяева брали хины въ аптекѣ, а я какъ-то ночью

не спала, да и приняла порошекъ. А потомъ и позабыла, что приняла, *а ей, вѣдь, постъ надо хинѣ*, а я кваску напилась; вотъ сердце мнѣ и разодрало».

Но есть множество фактовъ, доказывающихъ, что знахари и бабушки не оставляютъ больныхъ своими заботами и въ то время, когда онѣ надумаютъ серьезно лѣчиться у врачей.

Мы уже познакомились съ лѣчебными пріемами, въ основаніи которыхъ кроется суевѣріе. Приведемъ еще нѣсколько примѣровъ,

Рахитизмъ, англійская болѣзнь, называется у бабушекъ «собачьей старостью». Лѣчатъ отъ нея такъ: надо принести больного ребенка въ баню и привести туда-же собаку, затѣмъ намазать всего ребенка сметаной и дать собакѣ слизать сметану, а вмѣстѣ со сметаной должна перейти къ собакѣ и «собачья старость». Если это не поможетъ, то надо положить ребенка на порогѣ и сѣчь его осторожно топоромъ, приговаривая: «я не ребенка сѣку, а собачью старость». Потомъ нужно испечь большой калачъ, продернуть въ него ребенка, и калачъ отдать собакѣ, причемъ съ нимъ передается и собачья старость. Если-же всѣ эти мѣры не помогли (т. е. вообще при рахитизмѣ), то надо запеленать ребенка, положить на лопату и всунуть ее въ печь, чтобы собачья старость запеклась. Происхожденіе этого варварскаго способа лѣченія объясняется такъ: по мнѣнію народа, причина хроническаго истощенія ребенка состоитъ въ томъ, что ребенокъ недопекся, не дошелъ, что онъ слишкомъ сырой; словомъ, ребенка сравниваютъ съ хлѣбомъ, а потому безъ всякихъ колебаній кладутъ его въ русскую печь, рискуя его здоровьемъ и жизнью. Не надо поэтому думать, что суевѣрная медицина не можетъ принести вреда. Есть, конечно, много вполнѣ невинныхъ совѣтовъ, вродѣ вышеприведеннаго лѣченія «могильной кости». Другіе, однако, если не безусловно опасны, то все-же не могутъ назваться безразличными. Есть, напримѣръ, интересные совѣты для лѣченія перемежающейся лихорадки. Въ періодѣ озноба совѣтуютъ «разгулять лихоманку», ходить, не обращая вниманія на болѣзнь: этимъ путемъ будто-бы можно перемочь болѣзнь, и она, точно отступая передъ безстрашіемъ больного, «изойдетъ». При упорной лихорадкѣ больной долженъ лечь на ночь въ лодку, стоящую у берега, а болѣзнь, какъ происходящая отъ воды, во время сна больного должна уйти обратно въ воду. Больные съ готовностью исполняютъ свой долгъ, но болѣзнь, къ сожалѣнію, своего не исполняетъ. И хорошо еще, если результатомъ исполненія даваемыхъ совѣтовъ является только запущеніе болѣзни. Съ гораздо болѣе грозной опасностью встрѣчается народъ, когда его подвергаютъ смѣлымъ операціямъ или энергичному воздѣйствію какихъ-либо «вещей», какъ часто называютъ въ народѣ лѣкарственные продукты трехъ царствъ природы.

Мы уже познакомились съ разными суевѣрными заговорами, приве-

демъ еще заговоръ отъ «мѣсячнаго родимца» (періодически повторяемыхъ судорогъ у ребенка), представляющій изъ себя соединеніе двухъ враждебныхъ теченій народной медицины—суевѣрнаго и реальнаго.

Сперва надо помолиться Богу и идти молча за водой на проточную рѣку. Когда будешь черпать воду, слѣдуетъ приговаривать: «Матушка, проточная рѣка (имя), дай мнѣ воды на исцѣленіе и на излѣченіе утолити и утушити родимецъ у младенца Божія (имя), тягучій и дергучій. Аминь». Затѣмъ воду надо нести въ баню и тамъ спрыскивать ребенка. Послѣ того, принеся его изъ бани домой, даютъ ему рюмку слѣдующаго состава: наканунѣ замѣшать отрубей и поставить въ нихъ бутылку съ сусломъ, куда надо положить *три золотника* киновари и бутылку поставить въ печь; отруби скоро вынимаютъ, бутылка-же ставится въ печь на сутки. Примѣненіе приведеннаго *смѣшаннаго* заговора приноситъ больнымъ немалый вредъ. Между тѣмъ примѣненіе подобныхъ заговоровъ имѣетъ глубокое психологическое основаніе. Какой-нибудь ловкій знахарь подмѣтитъ, что многіе больные не получаютъ облегченія отъ произнесенія надъ ними заговоровъ и въ силу этого начинаютъ разочаровываться въ знахарской помощи и даже, пожалуй, обращаются къ врачу, если таковой есть гдѣ-либо по близости. Тогда этому знахарю, сильно заботящемуся о томъ, какъ-бы не потерять довѣрія толпы, приходитъ счастливая мысль соединить «пріятное съ полезнымъ» — чтеніе заговора съ пріемомъ отравляющей дозы ртути или чего-нибудь въ этомъ родѣ. Больные, правда, могутъ почувствовать себя хуже сразу послѣ такого лѣченія, но они уже не скажутъ, по крайней мѣрѣ, что лѣченіе такого-то знахаря безразлично, они, разочарованные въ чистомъ культѣ знахарства, примирятся съ заговорами, читаемыми совмѣстно съ пріемомъ лѣкарства, и даже, пожалуй, согласятся повѣрить, что неблагопріятныя послѣдствія, замѣченныя послѣ лѣченія, вызваны не лѣкарствомъ, а тѣмъ, что больной не уберегся отъ простуды и нарушилъ постъ... Знахарь можетъ, правда, и совсѣмъ прекратить чтеніе заговоровъ, но это дѣлается уже только тамъ, гдѣ наберется достаточная для его прокормленія толпа лицъ, настроенныхъ именно въ такомъ духѣ (напр., въ большихъ городахъ). Въ большей-же части Россіи, въ деревняхъ, длится теперь переходный періодъ, заключающій въ себѣ всевозможныя сочетанія суевѣрныхъ заклинаній съ назначеніемъ безполезныхъ травъ и страшныхъ ядовъ.

Къ краткому разсмотрѣнію этихъ лѣкарственныхъ средствъ мы сейчасъ и перейдемъ, но предварительно коснемся еще одного излюбленнаго народомъ способа лѣченія, который, впрочемъ, недавно господствовалъ и въ научной медицинѣ. Мы говоримъ о кровопусканіи.

Есть особые «спеціалисты» этого дѣла, примѣняющіе кровопусканіе при всѣхъ болѣзняхъ и часто въ конецъ ослабляющіе безъ того уже изнуренныхъ больныхъ. Есть съ другой стороны и такіе любители крово-

пусканій, которые не успокоятся до тѣхъ поръ, пока имъ не выпустятъ нѣкотораго количества крови. Каково-же это количество? Большая часть кровопускателей открываетъ больному жилу (обыкновенно на рукѣ) и, не принимая никакихъ мѣръ къ остановкѣ кровотеченія, ожидаетъ обморочнаго состоянія, при которомъ сокращаются сосуды и кровь останавливается сама собой. Нѣкоторые платятся за такой способъ лѣченія сразу послѣ кровопусканія, многіе остаются съ вторичными послѣдствіями: у кого остается непоправимое малокровіе, или сердце, пораженное порокомъ клапановъ, отказывается работать при новыхъ условіяхъ, или, наконецъ, является зараженіе крови... Но всѣ эти неудачи заносятся въ разрядъ случайныхъ, не зависящихъ отъ кровопусканій, и любовь къ нему крѣпнетъ и развивается на пользу корыстолюбивыхъ врачевателей.

Культъ кровопусканій, должно быть, будетъ держаться въ народѣ дольше, чѣмъ всѣ другіе способы лѣченія, потому что вѣра въ ихъ полезное дѣйствіе обоснована довольно логично и имѣетъ даже, такъ сказать, теоретическую подкладку. Вотъ характерный, безъискусственный разсказъ, объясняющій, какъ поддерживается вѣра въ «накатившуюся» (надсадную, натужную) кровь.

«Хозяинъ хотѣлъ щенка пихнуть,—разсказывала мнѣ больная,—а попалъ мнѣ въ ногу. Она и заболѣла. Такъ я пошла къ доктору, онъ мнѣ далъ мазь, фельдшеръ потомъ сказывалъ, что это спиртъ нашатырный съ деревяннымъ масломъ. Да мнѣ не родилось отъ нея пользы. Потомъ я и въ барду садила ногу, и сивушнымъ масломъ мазала... все нѣту легче. Затѣмъ *самъ* досталъ мушечнаго пластыря, приложила я, оно и натянуло: какъ прошла вода, мнѣ и дало отвагу. Мнѣ и говорятъ: стало быть, это наружная кровь тебя обуяла: тебѣ надо ее выпускать... Я и ставила рога: какъ поставлю, и вправду легче станетъ, а потомъ опять она накатывается...»

Многіе кровопускатели предпочитаютъ примѣненіе кровососныхъ банокъ, піявокъ, но въ общемъ одинъ способъ при отсутствіи самыхъ простыхъ предосторожностей стóитъ другого.

Намъ остается теперь разобрать способъ лѣченія внутренними и наружными лѣкарствами, способъ, приносящій всего болѣе странный и подчасъ совершенно непоправимый вредъ. Такъ-какъ настоящая статья разсчитана на читателей не-врачей, то, само собой разумѣется, мы не будемъ обременять читателей, быть можетъ, мало интересными для нихъ подробностями и ограничимся самымъ краткимъ очеркомъ.

Мы уже видѣли, насколько темно и неясно представленіе знахарей о внутреннихъ болѣзняхъ. Простудъ, пупъ не на мѣстѣ, грыжа, блисты, (болѣе точно: секлетúръ или глистúра), вóлосъ, вроспаленіе, кровь накатилась—вотъ тѣ слова, которыми эти лѣчители называютъ болѣзни. Уже

изъ этого перечня легко понять, насколько разумно можетъ быть ихъ лѣченіе. Впрочемъ, даже самая постановка вопроса о разумности здѣсь совершенно излишня. Очевидно, что каждый знахарь примѣняетъ при всѣхъ болѣзняхъ всѣ тѣ средства, которыя только могутъ быть у него подъ рукой... Откуда можетъ онъ догадаться о степени ядовитости того или другого лѣкарства? Развѣ только по печальнымъ случаямъ отравленія кого-либо изъ паціентовъ. Но эти уроки обыкновенно мало дѣйствительны и отскакиваютъ отъ знахарей, оставляя ихъ въ той-же роковой неизвѣстности относительно дѣйствія назначаемыхъ ими лѣкарствъ. Неизвѣстности этой нельзя отрицать: она наглядно доказывается, напр., тѣмъ характернымъ обстоятельствомъ, что такія средства, какъ сулема, азотная кислота, назначаются въ томъ-же самомъ количествѣ, какъ и селитра (развести золотникъ на бутылку сусла или водки, пить нѣсколько рюмокъ въ день). Если-бы знахари знали что-нибудь, они-бы предпочли для сохраненія своей репутаціи избѣгать прямо вредныхъ пріемовъ. Но вся бѣда, весь трагизмъ положенія заключается въ томъ, что они ничего не знаютъ, а къ нимъ приходятъ больные со страшными страданіями, съ жаждой облегченія, съ вѣрой въ нихъ... У нихъ не является и мысли признаться въ своемъ невѣдѣніи, и они раздаютъ направо и налѣво—larga manu—ядовитыя вещества.

Здѣсь нѣтъ возможности перечислить всѣ тѣ ужасные случаи, которые мнѣ пришлось видѣть за короткое время моей врачебной дѣятельности: это заняло-бы слишкомъ много мѣста. Но когда вспомнишь всѣ эти прижиганія бока горячей сковородкой, чтобы унять кровохарканье, запеканіе въ русской печи рахитическихъ дѣтей, послѣдствіемъ чего нерѣдко являются ожоги, вытеканіе глазъ, и т. п., бросаніе горшковъ на пупъ съ послѣдовательными ожогами, окуриванія киноварью, нерѣдко оканчивающіяся смертью, назначеніе крѣпкой азотной и сѣрной кислотъ при съуженіи пищевода и воспаленіи глотки, «чтобы продрало тамъ», заливаніе больныхъ глазъ нашатыремъ, селитрой, крымзой и любой гадостью, которая попадется въ руки, случаи лѣченія лихорадки посредствомъ натиранія всего тѣла *помыліемъ* (протухшія кишки), растравленія ранъ купоросомъ, отчаянныя мѣры пособія при родахъ и женскихъ болѣзняхъ, наконецъ вправленіе вывиховъ и лѣченіе переломовъ, послѣ чего наступаетъ полная неспособность владѣть конечностью, то получается такая безотрадная картина безпомощности народа, что невозможно оставаться равнодушнымъ зрителемъ всего сказаннаго...

Передъ русскимъ обществомъ прямо стоитъ очень серьезный вопросъ, требующій немедленнаго разрѣшенія. Громадная масса народа, частью вслѣдствіе недостатка образованія, частью за неимѣніемъ надлежащей, правильно организованной медицинской помощи, пользуется услугами совершенно неподготовленныхъ къ лѣченію лицъ, которыя отравляютъ населеніе са-

мыми страшными ядами. Во имя чего терпится такое ужасное положеніе? Почему вопросъ о знахарствѣ замалчивается всѣми? Почему не вступится за здоровье народа хотя-бы то общество, которое носитъ названіе «охраненія народнаго здравія»? Многіе врачи и общественные дѣятели считаютъ возможнымъ объяснять свое равнодушіе къ вопросу о знахарствѣ тѣмъ, что мы, будто-бы, не имѣемъ права вмѣшиваться въ народное міросозерцаніе, что мы будто-бы должны спокойно дожидаться того времени, когда народъ самъ пойметъ безполезность знахарства. Но отчего-же сторонники приведеннаго мнѣнія не оставляютъ въ рукахъ у своихъ малолѣтнихъ дѣтей остраго оружія: вѣдь и дѣти тоже когда-нибудь поймутъ, что лучше не рѣзать другъ друга ножами.

Но что всего удивительнѣе въ этомъ вопросѣ — это то, что опеку относительно здоровья народа находятъ излишней какъ разъ тѣ люди, которые съ особеннымъ удовольствіемъ готовы отдать мужиковъ подъ всевозможныя опеки. Въ нашемъ законодательствѣ даже есть статья, дозволяющая безвозмездное лѣченіе каждому, лишь бы не было прямого вреда отъ ядовитыхъ лѣкарствъ. На практикѣ этой статьей оправдываются всѣ знахари, всѣ корыстолюбцы, ибо фактъ требованія денегъ за излѣченіе (и притомъ впередъ!) не можетъ быть доказанъ, а возможный вредъ отъ лѣченія знахари, какъ люди религіозные, приписываютъ всецѣло волѣ Божіей.

Выше мы говорили, что среди народа попадаются три категоріи людей, различно относящихся къ знахарству: убѣжденные, равнодушные и разочарованные. Описывая различные способы лѣченія, мы старались выяснить, почему тотъ или другой способъ пользуется довѣріемъ народа. Насъ могутъ упрекнуть только въ одномъ, почему, выясняя психологію убѣжденныхъ лицъ, мы совсѣмъ почти не касались равнодушныхъ и разочарованныхъ. Причины этого, въ сущности, очень просты. Если отдѣльныя лица изъ народа имѣютъ случай наглядно убѣдиться въ преимуществахъ научной медицины передъ знахарскимъ врачеваніемъ, то они обращаются за помощью къ врачу, прерывая такимъ образомъ всякія связи со знахаремъ и даже увлекая за собой своихъ близкихъ: это и есть тотъ естественный процессъ, на который надѣятся общественные дѣятели, увѣряющіе, что борьба со знахарствомъ не нужна. Но необходимо замѣтить, что при сравнительно плохой организаціи медицинской помощи въ деревняхъ, такіе примѣры пока крайне рѣдки. Въ большинствѣ-же случаевъ, лица, разочарованныя въ одномъ способѣ лѣченія, соблазняются убѣжденіями другого болѣе ловкаго знахаря и начинаютъ лѣчиться у него съ полнымъ довѣріемъ, пока ихъ не охватитъ новое разочарованіе. Вотъ почему громадная часть народа принадлежитъ къ убѣжденнымъ поклонникамъ того или другого лѣчебнаго пріема, того или другого знахаря. Одни стойко держатся всю жизнь одного пріема, напр.

кровопусканія, другіе мѣняютъ заговоры на паренья въ баняхъ, бани— на лѣченіе травами и т. д. Этихъ послѣднихъ, неуравновѣшенныхъ па- ціентовъ гораздо больше и у деревенскихъ, и у столичныхъ лѣчителей. Мнѣ самому пришлось видѣть въ Петербургѣ лицъ, не пропустив- шихъ ни одной, болѣе или менѣе фантастической системы лѣченія, на- чиная съ гомеопатіи, затѣмъ перейдя въ поклонники графа Маттеи, послѣ того спустившись черезъ барона г. Вревскаго до полковника г. Чи- чагова и счастливо ускользнувъ отъ попеченій инженера г. Гачковскаго только благодаря тому, что ему своевременно были запрещены впрыски- ванія обновляющаго «виталина». Уже изъ приведеннаго примѣра видно, что хотя вопросъ о знахарствѣ имѣетъ значеніе и для большихъ горо- довъ, но вредъ, причиняемый знахарями, тамъ гораздо легче ограничить. Въ деревняхъ-же дѣло обстоитъ совсѣмъ иначе. Тамъ населеніе, совер- шенно несвѣдущее въ вопросахъ здоровья и болѣзни, и благодаря этому особенно нуждающееся въ разумномъ совѣтѣ и попеченіи, отдано почти безъ контроля въ руки такихъ-же несвѣдущихъ лицъ, но обладающихъ большимъ запасомъ корыстолюбія и вооруженныхъ цѣлымъ арсеналомъ грубыхъ ядовъ.

Есть между городами и деревнями еще одна разница. Правда, вели- косвѣтскіе знахари печатаютъ объявленія о своихъ пріемахъ въ газетѣ «Гражданинъ», а другія газеты, въ родѣ Комаровскаго «Свѣта», помѣщаютъ на ряду со всевозможными обвиненіями противъ врачей безсмысленные лѣ- чебные совѣты, но знахари въ городахъ не приходятъ навязываться къ больнымъ на домъ, дѣлая это осторожно черезъ посредство знакомыхъ. Въ деревняхъ-же и маленькихъ городкахъ все дѣлается прямо, безъ оби- няковъ. Чуть заболѣетъ кто-нибудь, приходитъ знахарь и говоритъ: «дай, я полѣчу!» Если больной или его родные попытаются отказаться отъ любезнаго предложенія и возразятъ, что намѣрены обратиться къ док- тору, то знахарь предпринимаетъ непечатный походъ противъ врачей и кончаетъ свои доводы слѣдующимъ восклицаніемъ: «да вылѣчатъ они! Гдѣ-же видано, чтобы доктора излѣчивали чахотку! Иди къ нимъ, лѣчись, коли ужъ такъ хочешь; да только, какъ не встанешь, сама потомъ бу- дешь виновата!» [1]).

Говорить въ настоящее время объ искореніи знахарства немыслимо: мы видимъ, какіе глубокіе корни пустило оно въ народѣ, да и, вообще, не можемъ причислить себя къ сторонникамъ какихъ-либо искорененій. Мы считаемъ, что это послѣднее можетъ быть прочнымъ только тогда, когда совершилось естественно, когда оставшіеся ростки заглушены новыми, болѣе культурными насажденіями: современемъ это и случится со зна-

---

[1]) Эти слова заимствованы мною изъ исторіи одного случая знахарскаго лѣченія который окончился смертью. Интересный случай этотъ описанъ мною въ № 37 «Врача» за 1894 годъ въ замѣткѣ «Какъ обезоружить знахарство».

харствомъ, когда яркій свѣтъ разумной и доступной для народа медицины разольется по Россіи.

Но такъ какъ знахарство приноситъ народу крупный вредъ, то противъ него необходимо принять теперь-же разумныя, цѣлесообразныя мѣры. Нобходимо обезоружить его. Воспрещеніе свободной продажи ядовъ, не писанное на бумагѣ, а дѣйствительно проведенное въ жизнь, составляетъ ближайшее пожеланіе, которое можно выставить. Надо сдѣлать знахарство безвреднымъ, надо заботиться, чтобы народъ скорѣе убѣдился въ его безполезности. Для этой цѣли желательно, чтобы всѣ слои интеллигенціи, входящей въ близкое соприкосновеніе съ народомъ, одинаково проникліись стремленіемъ облегчать ему сознательное отношеніе къ вопросу о медицинской помощи. Всякій страхъ передъ больницами, врачами, страхъ какихъ-то насилій, которыя будто-бы дѣлаются въ больницахъ, долженъ быть разсѣянъ всѣми близкими къ народу лицами; также должны быть откинуты въ сторону всѣ соображенія, не имѣющія прямого отношенія къ излѣченію болѣзни.

Не могу не вспомнить здѣсь одного характернаго случая, доказывающаго, что это пожеланіе пока часто остается мертвой буквой. Въ 1892 г., осенью, мнѣ пришлось заниматься въ земской больницѣ, всего въ сотнѣ верстъ отъ Петербурга. Былъ тамъ одинъ тифозный больной, который пожелалъ исповѣдываться. Разумѣется, немедленно пригласили священника. Послѣ этого вечеромъ приходитъ въ больницу докторъ и спрашиваетъ: «Лекарство пьешь?»—«Нѣтъ, не пью».—«Отчего?»—«Отецъ А-ій не приказалъ пить.»—Полное удивленіе. «Отчего?»—«Да я ему обо всемъ разсказалъ на духу, а онъ говоритъ, чтобы выписаться и на Божію волю предоставить: проститъ Богъ—выздоровѣю, не проститъ—помру, а лѣчиться не велѣлъ». И тифозный больной настоялъ на томъ, чтобы его выписали изъ больницы.

Не ясно-ли, что такіе совѣты способны еще болѣе подрывать безъ того небольшую вѣру народа въ медицинскую науку. Врачебная помощь чужда народу: онъ находитъ слишкомъ смѣлымъ и грѣшнымъ трезвое отношеніе врачей къ «сглазу», «заговорамъ» и т. п. И вдругъ представитель религіи, которому-бы слѣдовало смягчать вѣру въ заговоры, на самомъ дѣлѣ отсылаетъ больного въ деревню, гдѣ его обязательно будутъ лѣчить знахари и бабушки. Выходитъ то, что въ больницѣ лѣчиться грѣхъ, а у бабушекъ—не грѣхъ...

Вопросъ о знахарствѣ слишкомъ сложенъ, чтобы его можно было всесторонне исчерпать въ тѣсныхъ рамкахъ журнальной статьи. Но если настоящая статья въ состояніи пробудить въ читателяхъ хоть слабый интересъ къ народу, его настоятельнымъ нуждамъ и потребностямъ, и дать хоть маленькій толчекъ для болѣе внимательнаго отношенія общества къ знахарству, то я буду считать себя вполнѣ удовлетвореннымъ.

**А. Лозинскій.**

# Во тьмѣ.

Дрожатъ, дрожатъ мои огни,
Колеблются и потухаютъ.
Мнѣ легче въ сладостной тѣни,
Гдѣ сны, какъ вѣтеръ, налетаютъ....
Дрожатъ, колеблются огни —
И вмѣстѣ съ сердцемъ умираютъ.
Еще, какъ молніи во тьмѣ,
Какъ искры въ домѣ опустѣломъ,
Въ моемъ истерзанномъ умѣ
Блуждаетъ мысль, полетомъ смѣлымъ
Тревожа молніи во тьмѣ,—
Тревожа духъ надъ спящимъ тѣломъ!
Скорѣе тьма! Чтожъ медлишь ты
Своимъ таинственнымъ размахомъ?
Иль властны вѣчныя мечты
Тебя смутить тоской и страхомъ....
О, тьма, иль нѣтъ тебя? И ты—
Огонь, блуждающій надъ прахомъ?

**К. Фофановъ.**

# Вопросы самообразованія.

## X. Исторія.

Специалисты разныхъ наукъ, говоря о средствахъ и пособіяхъ самообразованія въ каждой отдѣльной области, обращаютъ вниманіе читателей на литературу предмета, разсуждаютъ о догматикѣ соотвѣтствующей специальности и даютъ совѣты, какимъ образомъ можно ознакомиться съ главными результатами и съ современнымъ состояніемъ дѣла.

Сдѣлать то же самое для исторіи трудно, чуть-ли невозможно, несмотря на то обстоятельство, что эта наука, или скорѣе soi-disant наука, пользуется особенною популярностью. Начиная съ школьной скамьи, мы получаемъ историческое образованіе. Между тѣмъ какъ многія другія науки, напримѣръ, языкознаніе, международное право и пр., не затрогиваются въ гимназіяхъ, исторія въ курсахъ средне-учебныхъ заведеній занимаетъ очень видное мѣсто. Запасъ свѣдѣній по предмету всеобщей и русской исторіи, требуемый отъ учениковъ, желающихъ получить аттестатъ зрѣлости, можетъ считаться громаднымъ. Заучивается безконечное число фактовъ, цифръ; однако, рождается вопросъ, насколько при всемъ этомъ добывается настоящая эрудиція, насколько въ учащихся развиваются понятія, насколько усиливается способность пониманія и правильной научной оцѣнки историческихъ фактовъ.

И послѣ окончанія школьнаго курса каждый ежеминутно имѣетъ отношеніе къ исторіи. Читая газеты и журналы, разсуждая о вопросахъ администраціи и законодательства, обдумывая текущія дѣла въ области международной политики, мы постоянно находимся въ самой тѣсной связи съ исторіею. Ей посвящены и въ специальныхъ, и въ обще-доступныхъ органахъ печати статьи, разсужденія, изслѣдованія. Все, окружающее насъ въ настоящее время, оказывается результатомъ историческаго развитія. Удачная оцѣнка фактовъ, правильная постановка во-



проса о будущемъ тѣсно связаны со свѣдѣніями о прошедшемъ. Изученіе исторіи поэтому является предметомъ необходимости для всѣхъ и каждаго.

Тѣмъ не менѣе занятія этимъ предметомъ представляютъ собою необычайныя затрудненія, и составленіе программы для такихъ занятій оказывается чрезвычайно сложною задачею по слѣдующимъ причинамъ.

Теоріи исторіи почти нѣтъ вовсе. Понятіе о цѣляхъ и задачахъ этой науки оказывается неяснымъ, туманнымъ. Отсутствіе догматики исторической науки лишаетъ даже спеціалистовъ возможности точнымъ образомъ формулировать методъ занятій предметомъ. Общихъ результатовъ въ томъ видѣ, въ какомъ они были выработаны въ области другихъ наукъ, въ исторіи нѣтъ. Превращеніе исторіи въ настоящую науку, развитіе опредѣленныхъ цѣлей историческихъ изслѣдованій, разъясненіе точнаго метода для достиженія этихъ цѣлей — все это можетъ считаться лишь дѣломъ будущности. Среди спеціалистовъ господствуетъ дилеттантизмъ; громадныя массы свѣдѣній, собранныя изслѣдованіемъ частностей, не заслуживаютъ въ точномъ смыслѣ названія научныхъ результатовъ, потому что историки обыкновенно не доходятъ до обобщенія; останавливаясь на изученіи отдѣльныхъ фактовъ, спеціалисты въ большей части случаевъ оказываются неспособными вывести изъ множества данныхъ какое-либо заключеніе, отдѣлять существенное отъ случайнаго и неважнаго, опредѣлить какой-либо результатъ, который относился-бы не къ какому-либо отдѣльному событію, а къ какой-либо категоріи фактовъ. Нѣтъ классификаціи исторіи въ томъ смыслѣ, въ какомъ она встрѣчается въ другихъ предметахъ. Раздѣленіе исторіи на исторію отдѣльныхъ народовъ или государствъ, или на отдѣльныя эпохи (напримѣръ, на древнюю, средневѣковую и новую исторію) не можетъ считаться сколько-нибудь научною систематикою. Нѣкоторыя самыя существенныя части исторической науки, напримѣръ, исторія права, церкви, искусства и пр., выходятъ, по обыкновеннымъ понятіямъ, распространеннымъ не только въ публикѣ, но и среди спеціалистовъ, изъ рамки предмета. Распространено рутинное мнѣніе о совпаденіи понятія объ исторіи вообще съ понятіемъ о такъ называемой политической исторіи; а эта послѣдняя, опять-таки, сколько можно судить по рутинности практики въ области исторіографіи, заключаетъ въ себѣ не столько указаніе на развитіе государственныхъ учрежденій, сколько разсказъ о внѣшнихъ событіяхъ по преимуществу въ области международныхъ сношеній, столкновеній, войнъ и пр.

До чего доходитъ неясность понятія объ исторіи, какъ наукѣ, видно изъ того обстоятельства, что при всемъ богатствѣ литературы по предмету такъ называемой исторіи культуры или цивилизаціи, пока никто не былъ въ состояніи сколько-нибудь точнымъ образомъ выяснить поня-

тіе объ этой спеціальности. Съ тѣхъ поръ, какъ знаменитымъ историкомъ Гизо (Guizot) были читаны лекціи по исторіи «цивилизаціи» во Франціи, со времени появленія въ свѣтъ любопытнаго труда Бокля (Buckle) о «цивилизаціи» въ Англіи, прошло нѣсколько десятилѣтій. Въ Германіи, начиная съ Клемма до изданія Штейнгаузеномъ журнала «Zeitschrft für Culturgeschichte», явилось громадное множество книгъ по предмету, тѣмъ не менѣе пока никто не оказался способнымъ опредѣлить точнымъ образомъ понятіе объ этой наукѣ или этой отрасли исторической науки. Очень часто высказываемое мнѣніе, будто обыкновенная политическая исторія и такъ называемая «исторія культуры» противуположны другъ другу или исключаютъ другъ друга, ясно свидѣтельствуетъ о путаницѣ, господствующей въ этой области. Говоря въ своемъ рефератѣ о задачахъ преподаванія исторіи въ университетахъ, профессоръ грацскаго университета, Цвиденекъ Зюденгорстъ, на съѣздѣ историковъ во Франкфуртѣ-на-Майнѣ въ прошедшемъ году, обнаруживалъ совершенную туманность понятій объ отношеніи политической исторіи въ исторіи культуры, и авторъ настоящей замѣтки не могъ тогда же не обратить вниманіе собранія на этотъ хаосъ, при чемъ имъ было высказано желаніе, чтобы вопросъ объ опредѣленіи понятія исторіи культуры былъ включенъ въ программу занятій будущаго съѣзда, имѣющаго быть въ Инсбрукѣ осенью текущаго года. И дѣйствительно, однимъ изъ предметовъ программы ожидаемаго съѣзда назначено разсужденіе объ исторіи культуры («Erörterung über das Wesen der Culturgeschichte und ihrer Stellung innerhalb der geschichtlichen Wissenschaft»). Референтомъ по этому вопросу назначенъ пользующійся въ настоящее время громкою репутаціею профессоръ лейпцигскаго университета, К. Лампрехтъ, «Исторія Германіи» котораго обращаетъ большее вниманіе на бытовую исторію, нежели на внѣшніе факты въ области обыкновенной политической исторіи. Удастся-ли профессору Лампрехту рѣшить эту трудную задачу и какъ къ его сообщенію отнесется съѣздъ, покажетъ время. Кстати, можно замѣтить, что достойному труженику въ области исторіи культуры, Штейнгаузену, въ напечатанной недавно въ его журналѣ и посвященной этому вопросу статьѣ, не удалось опредѣлить сколько-нибудь ясно и удовлетворительно понятіе о предметѣ.

Краеугольнымъ камнемъ теоріи исторіи могло-бы сдѣлаться ученіе о прогрессѣ. Этому предмету посвящено четырехтомное сочиненіе профессора с.-петербургскаго университета, Н. И. Карѣева, съ которымъ авторъ настоящей замѣтки старался ознакомить нѣмецкую публику въ статьѣ, помѣщенной въ журналѣ «Nord und Süd». Однако, интересный трудъ Карѣева не пользуется достаточнымъ вниманіемъ историковъ. Ученіе о прогрессѣ пока не сдѣлалось достояніемъ ни спеціалистовъ, ни публики. Не даромъ профессоръ іенскаго университета, Оттокаръ Лоренцъ, въ двухъ томахъ, заключающихъ въ себѣ сборникъ статей объ

исторіи и теоріи исторіи, упрекалъ членовъ цеха историковъ въ невниманіи къ такого рода вопросамъ. Самъ-же онъ отнесся скептически къ предлагаемой мною и другими теоріи прогресса, выдвигая новое, но совсѣмъ неудачно и неясно формулированное «ученіе о поколѣніяхъ» (Generationenlehre), на которое историки опять-таки не обратили никакого вниманія. Незамѣченнымъ остался и мой небольшой трудъ «о рядахъ фактовъ въ исторіи» (Über Thaatsachenreihen in der Geschichte), въ которомъ было указано на способъ добыванія положительныхъ, научныхъ результатовъ въ области исторической науки.

Какъ видно, невниманіе къ теоріи исторіи, отсутствіе общепринятыхъ началъ метода, шаткость понятія о предметѣ науки не могутъ не затруднять занятія исторической литературою. Нѣтъ выдающихся авторитетовъ, которые могли-бы служить руководителями при изученіи исторіи. Нельзя надѣяться на то, чтобы чтеніе сочиненій такихъ знаменитостей, каковы Карамзинъ, Бокль, Ранке, Тьеръ и пр. дало занимающемуся точное понятіе о цѣляхъ науки, о современномъ состояніи ея, объ общихъ результатахъ, имѣвшихъ хотя сколько-нибудь научное значеніе. Говоря о самообразованіи въ области другихъ наукъ, можно указать на нѣкоторое число выдающихся трудовъ знаменитыхъ спеціалистовъ, ознакомленіе съ которыми должно считаться дѣломъ необходимости. Такихъ вполнѣ классическихъ, совмѣщающихъ въ себѣ общіе результаты науки трудовъ, въ исторической литературѣ не имѣется.

Знаменитый философъ Лейбницъ двѣсти лѣтъ тому назадъ замѣтилъ однажды: «Les sciences abrègent en augmentant», т. е. науки, несмотря на постоянно возростающую массу собираемыхъ ими данныхъ, въ то-же время путемъ обобщенія даютъ возможность овладѣть матеріаломъ, дѣлая изъ него выводы, приходя къ точно опредѣленнымъ тезисамъ. Ничего подобнаго пока въ исторической литературѣ не замѣчается. Никакихъ общихъ выводовъ нѣтъ, нигдѣ не видать какой-либо руководящей нити, какихъ-либо тезисовъ. Историческія сочиненія часто имѣютъ гораздо болѣе близкое отношеніе къ беллетристикѣ, чѣмъ въ наукѣ въ строгомъ смыслѣ, онѣ дѣйствуютъ скорѣе на воображеніе, нежели на чисто умственныя способности читателя. Нѣтъ въ исторіи ничего похожаго на научную ясность и прозрачность физіологіи растеній въ области ботаники; громадныя массы историческихъ фактовъ скорѣе похожи на гербарій, причемъ, однако, послѣдній выгодно отличается возможностью классификаціи, тогда какъ въ исторіи послѣдней не имѣется. При настоящемъ положеніи дѣла Шопенгауэръ не безъ основанія утверждалъ, что исторія, останавливаясь на единичныхъ фактахъ, не рѣшаясь приходить къ какимъ-либо заключеніямъ, довольствуясь количественнымъ знаніемъне заслуживаетъ названія науки.

Исторіографія далѣе отличается отъ другихъ отраслей литературы

близкимъ отношеніемъ къ практическому политическому быту. Въ ней занимаютъ видное мѣсто вопросы національности и гражданственности. Нельзя отрицать, что это обстоятельство придаетъ дѣятельности историка значеніе, котораго не имѣютъ другія науки. Такое нравственное начало исторіи, ея, такъ сказать, общественно-педагогическое вліяніе можетъ считаться съ одной стороны выгодою, съ другой существеннымъ недостаткомъ. Субъективизмъ представляетъ собою опасность въ научномъ отношеніи. Отвлеченные, чисто научные вопросы требуютъ полнаго безпристрастія, тогда какъ въ исторіографіи личная точка зрѣнія изслѣдователя и писателя оказываетъ сильное вліяніе на его дѣятельность. Въ области математики, астрономіи нѣтъ и не можетъ быть какихъ-либо партій, историки не могутъ при своихъ занятіяхъ не находиться подъ вліяніемъ національности, исповѣданія, выработанныхъ въ ихъ средѣ политическихъ воззрѣній. Взглядъ на историческое значеніе Лютера у историка-католика не совпадаетъ съ оцѣнкою этой исторической личности у писателя-протестанта. Довольно остроумно говорили о многотомномъ трудѣ Тьера «Histoire du cousulat et de l'empire», что это громадное сочиненіе въ сущности ни что иное, какъ политическая брошюра въ столькихъ-то томахъ. Воззрѣнія на нѣкоторыя событія въ «Исторіи русскаго государства» Карамзина стоятъ въ тѣсной связи съ событіями реакціи въ эпоху конгрессовъ и священнаго союза.

Понятно, что такая зависимость мнимыхъ научныхъ результатовъ отъ личныхъ условій, при которыхъ работалъ спеціалистъ, лишаетъ исторіографію значительной доли научнаго значенія. Односторонность, предвзятость мнѣній знаменитыхъ писателей, какъ напр. Трейчке, бросаются въ глаза. Тѣмъ менѣе можно ожидать, чтобы отзывы такихъ писателей о фактахъ могли сдѣлаться достояніемъ науки вообще или публики въ самомъ широкомъ смыслѣ. Все это даетъ просторъ партійности, діаметрально противоположной научному безпристрастію. Такому отсутствію общепринятой, безусловной правды соотвѣтствуетъ затрудненіе указать на программу занятій исторіею въ видахъ самообразованія. Знаменитый скептикъ Бэйль (Bayle) замѣтилъ однажды довольно остроумно, что съ исторіею обращаются, какъ съ кускомъ говядины на кухнѣ. Каждый готовитъ себѣ мясное блюдо, руководствуясь своимъ вкусомъ; общаго рецепта, равнымъ образомъ годнаго для всѣхъ, не имѣется.

Ко всему этому присоединяются цензурныя соображенія. О нѣкоторыхъ фактахъ, впрочемъ общеизвѣстныхъ, запрещено говорить. Историческія руководства въ школѣ, изученіемъ которыхъ начинается наше историческое образованіе, могутъ считаться не вполнѣ безпристрастными На первомъ планѣ тутъ находится «fable convenue». Дѣло обходится не безъ прикрасы, а иногда встрѣчается прямо нарушеніе истины. Нельзя ожидать, чтобы во французскихъ гимназіяхъ была рѣчь о войнѣ 1870—

71 гг. въ томъ тонѣ, въ какомъ нѣмецкіе педагоги разсуждаютъ объ этихъ-же событіяхъ въ школахъ Германіи. Казенный взглядъ на историческія событія оказываетъ сильное вліяніе и внѣ предѣловъ школы. Шовинизмъ, вѣроисповѣдныя предубѣжденія, предразсудки разнаго рода не допускаютъ вполнѣ научныхъ и объективныхъ взглядовъ, какъ часто въ исторіи затрогиваются учрежденія новѣйшаго времени. Публицистическое значеніе историческихъ разсужденій порою считается опаснымъ и подвергаетъ изслѣдователей и писателей разнымъ случаямъ. Является возможность столкновенія научной истины съ властью.

Литература другихъ наукъ пользуется распространеніемъ во всѣхъ странахъ, у всѣхъ народовъ, имѣетъ космополитическое значеніе. Ученіе Дарвина сдѣлалось достояніемъ всѣхъ и каждаго, независимо отъ какихъ-либо государственныхъ предѣловъ, національностей и пр. Успѣхи Листера, Пастера, Коха въ области медицины оказались равнымъ образомъ важными для всѣхъ народовъ. Подробности открытія Рентгена представляютъ интересъ для всего цивилизованнаго міра. Результаты изслѣдованій въ области языкознанія, труды Боппа, Макса Мюллера, Дельбрюка и пр. всюду извѣстны и т. под.

Не то можно сказать объ исторической литературѣ. Правда, классическій трудъ Карамзина въ свое время явился во множествѣ переводовъ на разные языки; сочиненіе Бокля о цивилизаціи въ Англіи читалось во всей Европѣ. Въ большей части случаевъ, однако, кругъ читателей самыхъ важныхъ трудовъ замѣчательнѣйшихъ историковъ ограничивается ихъ соотечественниками. Книги Ранке, Трейчке, Зибеля, Лампрехта и пр. читаются по преимуществу въ Германіи; труды Костомарова, Погодина, Соловьева остаются почти неизвѣстными внѣ предѣловъ Россіи. Историки пишутъ главнымъ образомъ для своихъ согражданъ, выбирая по премуществу предметы изъ отечественной исторіи. Труды русскихъ историковъ, насколько они не относятся къ русской исторіи, въ большей части случаевъ, не пользуются вниманіемъ историковъ заграницею. Въ противоположность космополитическому значенію другихъ наукъ, бросается въ глаза національный характеръ исторіографіи.

Отсюда выходитъ, что и въ области самообразованія, на сколько оно относится къ исторіи, задача автодидакта заключается прежде всего въ занятіяхъ по предмету отечественной исторіи. У каждаго народа есть историки, труды которыхъ должны быть болѣе или менѣе извѣстны образованнымъ людямъ. Таковы напр. Гиббонъ, Юмъ, Маколей у англичанъ, Гизо, Минье, Мишле у французовъ, Ранке, Трейчке, Зибель у нѣмцевъ и пр. Переводы трудовъ этихъ писателей на другіе языки могутъ считаться скорѣе исключеніемъ, чѣмъ правиломъ.

Къ такимъ исключеніямъ можно отнести появленіе въ переводѣ на итальянскій языкъ многотомнаго коллективнаго изданія Гроте «Weltge-

schichte in Einzeldarstellungen», явившагося въ Берлинѣ подъ редак-
ціею профессора Онкена. Однако, нельзя не усомниться въ успѣхѣ пе-
ревода цѣлой библіотеки разнокалиберныхъ книгъ. Предпріятія такого
рода иногда оказываются неудобоисполнимыми. Сколько намъ извѣстно,
изъ всего изданія Гроте были заимствованы для русской исторической
литературы лишь монографіи автора этой замѣтки, труды о Петрѣ I и
о Екатеринѣ II, имѣющіе для Россіи гораздо большее значеніе, нежели
другія сочиненія вышеозначенной коллекціи. Несмотря нѣкоторымъ
образомъ на космополитическое значеніе издаваемой Пертесомъ въ Готѣ
«Europäische Thaatengeschichte» во множествѣ томовъ, ни одно изъ этихъ
изданій, не исключая даже «Исторіи русскаго государства» Эрнеста Гер-
манна, не было издано въ русскомъ переводѣ. Карамзинъ, какъ уже
было сказано выше, былъ переведенъ на разные языки. За то попыт-
ки перевести на нѣмецкій языкъ трудъ Костомарова «Русская исто-
рія въ жизнеописаніяхъ» оказалась неудачной и ограничилась изда-
ніемъ лишь одного тома. Объ изданіи перевода «Исторіи Россіи» Со-
ловьева нельзя было и думать. Сомнительно, окажется-ли возможнымъ
продолжать печатаніе русскаго перевода «Исторіи Германіи» Ламп-
рехта, начатое въ послѣднее время.

Впрочемъ, нельзя не желать, чтобы образованные люди были спо-
собны читать выдающіеся историческіе труды, издающіеся заграницею,
не въ русскомъ переводѣ, а въ подлинникѣ. Усвоеніе другихъ языковъ
настолько, насколько это необходимо для чтенія иностранныхъ книгъ,
составляетъ одну изъ важнѣйшихъ обязанностей самообразованія, и въ
то-же время является условіемъ успѣшныхъ занятій исторіею, и даже
исторіею не только другихъ народовъ, но и русскою.

Что касается до отечественной исторіи, то лучшимъ приготовленіемъ
къ болѣе основательному изученію ея должно считать занятіе источнико-
вѣдѣніемъ предмета. Пособіями при этомъ могутъ служить, главнымъ
образомъ, труды К. Н. Бестужева-Рюмина и В. С. Иконникова.

Какъ извѣстно, «Русская Исторія» Бестужева-Рюмина, первый томъ
которой явился лѣтъ двадцать пять тому назадъ, осталась неоконченною.
Первая половина второго тома доведена до XVI-го вѣка включительно.
Къ сожалѣнію, вѣроятно, на этомъ остановится это замѣчательное изданіе.
За то введеніе къ «Русской исторіи» Бестужева-Рюмина на какихъ-ни-
будь двухъ стахъ страницахъ заключаетъ въ себѣ полный и отчетливый
обзоръ источниковъ и библіографію предмета. Этимъ введеніемъ талант-
ливый историкъ оказалъ существенную услугу и спеціалистамъ, и пуб-
ликѣ. Его введеніе въ «Русскую исторію» служитъ настольною книгою
для всѣхъ, занимающихся этимъ предметомъ, и даетъ каждому дилле-
танту ясное понятіе о громадныхъ средствахъ, которыми располагаютъ
спеціалисты при своихъ изслѣдованіяхъ. Понятно, что нѣкоторые отдѣлы

источниковѣдѣнія Бестужева-Рюмина въ настоящее время нѣсколько устарѣли. Со времени появленія въ свѣтъ этого введенія въ «Русскую исторію» были изданы новые источники, мемуары иностранцевъ, коллекціи писемъ, документовъ, которые достойны вниманія не только историковъ, но и публики. Опытъ русской исторіографіи кіевскаго профессора В. С. Иконникова, напечатанный въ двухъ большихъ томахъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, по своему громадному объему довольно обременителенъ для обыкновенныхъ читателей. Замѣчательная эрудиція автора, его громадная начитанность, своеобразная архитектура книги, множество ссылокъ и подстраничныхъ примѣчаній, чрезвычайно тщательно составленные алфавитные указатели—все это придаетъ изданію проф. Иконникова особенное значеніе.

Неспеціалисты при своихъ занятіяхъ отечественною исторіею скорѣе займутся чтеніемъ источниковъ новой исторіи, нежели лѣтописей или грамотъ, относящихся къ болѣе отдаленному времени. Для тѣхъ изъ неспеціалистовъ, которые не владѣютъ иностранными языками, могутъ служить пособіемъ сборники переводовъ такихъ источниковъ. Такъ напр. изданіе Устрялова «Сказанія иностранцевъ о Димитріѣ Самозванцѣ», въ пяти томахъ, заключаетъ въ себѣ переводы мемуаровъ Бера, Пафле, Маржерета, Маскевича и др. Въ разныхъ томахъ «Чтеній» Московскаго Общества Исторіи и Древностей помѣщены переводы записокъ писателей семнадцатаго и восемнадцатаго вѣковъ, какъ-то. Олеарія, Мейерберга, Корба и др. С. Н. Шубинскимъ были изданы переводы писемъ леди Рондо и записокъ фельдмаршала Миниха. И. М. Болдаковъ перевелъ записки Смита и другіе мемуары, относящіеся къ началу XVII-го вѣка. Нѣкоторые источники такого рода уже съ самаго начала были изданы не въ подлинникѣ, а въ переводѣ, какъ напр. напечатанныя еще въ 1817 году записки графа Миниха, сына фельдмаршала, или помѣщенныя въ первомъ томѣ «Русской Старины» записки ювелира Позье (Pauzié). Мы указываемъ на эти изданія, потому что онѣ легко доступны всѣмъ и каждому, занимательны и въ то-же время заключаютъ въ себѣ множество данныхъ для исторіи Россіи въ XVII и XVIII-мъ столѣтіяхъ. Чтеніе такихъ источниковъ тѣмъ болѣе полезно, что разсказы этихъ иностранцевъ развѣ лишь въ видѣ исключенія пользовались вниманіемъ Соловьева при составленіи имъ «Исторіи Россіи», Не переведенные на русскій языкъ разсказы иностранцевъ гораздо менѣе легко доступны читателямъ-неспеціалистамъ: сюда можно отнести напр. сочиненіе Витзена «Noord-en oost-Tatarye», написанное на голландскомъ языкѣ (въ двухъ фоліантахъ), дневникъ Гордона, написанный на шотландскомъ языкѣ и изданный Поссельтомъ и Оболенскимъ въ извлеченіи на нѣмецкомъ языкѣ, дневникъ датскаго дипломата Юля (Juel), недавно изданный въ Копенгагенѣ архиваріусомъ Грове и пр. Въ общей слож-

ности можно утверждать, что записки, т.-е. разсказы въ видѣ мемуаровъ, напр. сочиненія Перри объ эпохѣ Петра Великаго («The present state of Russia), Невилля «Relation curieuse et nouvelle de la Moscovie» (изданная въ Гагѣ въ 1699 году), записки Монштейна, открытыя Герценомъ записки Екатерины II-й (доведенныя, впрочемъ, лишь до 1759 года) и тому подобное, читаются гораздо легче, нежели дневники въ родѣ записокъ Гордона, Юля и пр. Дневникъ Гордона заключаетъ въ себѣ множество данныхъ для исторіи Россіи отъ 1660 до 1698-го года, а между тѣмъ Соловьевъ почти вовсе не воспользовался этимъ источникомъ при изложеніи эпохи царствованій Алексѣя, Ѳеодора, Петра. Если, значитъ, первоклассный спеціалистъ не обращалъ достаточнаго вниманія на дневникъ Гордона, то едва-ли можно ожидать, чтобы диллетанты занялись чтеніемъ этого памятника, доступнаго лишь на нѣмецкомъ языкѣ и имѣющаго значеніе сырого матеріала.

Сырымъ матеріаломъ должно считать и коллекціи писемъ, издаваемыя въ послѣднее время громадными массами и назначенныя, повидимому, для чтенія публики. Трудно сказать, насколько эта цѣль достигается и насколько такія изданія содѣйствуютъ распространенію историческаго образованія въ средѣ неспеціалистовъ. Вышеупомянутыя письма леди Рондо, переведенныя на русскій языкъ, безъ сомнѣнія, много читались, въ нихъ заключаются анекдоты; занимательная болтовня супруги англійскаго дипломата содѣйствовала распространенію свѣдѣній о придворномъ бытѣ во время царствованій Петра II и Анны Іоанновны. За то едва-ли можно считать вѣроятнымъ, чтобы содержаніе тридцати-восьми томовъ «Архива князя Воронцова», состоящее большею частью изъ писемъ, сдѣлалось извѣстнымъ публикѣ и содѣйствовало существеннымъ образомъ развитію историческаго образованія неспеціалистовъ. Дѣло въ томъ, что при совершенномъ отсутствіи какого-либо плана при изданіи бумагъ Воронцовскаго архива нѣтъ почти никакой возможности разобраться въ этой громадной массѣ сырья. Слѣдовало бы привести въ порядокъ весь издаваемый матеріалъ, создать какую-либо систематику дѣла, придерживаться въ общемъ хронологическаго порядка, снабдить каждый томъ введеніемъ и комментаріемъ и пр. При отсутствіи всего этого, занятіе этимъ драгоцѣннымъ сборникомъ представляетъ собою затрудненія не только для публики, но даже для спеціалистовъ. Къ тому-же содержаніе этой многотомной коллекціи нелегко доступно всѣмъ и каждому, потому что по большей части письма, въ ней помѣщенныя, написаны на французскомъ языкѣ. Русскія письма Безбородки, Завадовскаго и др. составляютъ исключеніе. Правиломъ должно считать употребленіе французскаго языка, на которомъ писаны чрезвычайно любопытныя письма графа Семена Романовича Воронцова, его брата Александра, графа Кочубея, графа Н. П. Панина, Бутурлина, Роджерсона и др.



Нельзя не удивляться тому, что, съ одной стороны, издатели такихъ коллекцій, каковъ «Архивъ князя Воронцова» и «Сборникъ Императорскаго Историческаго Общества», разсчитываютъ на массу, на вниманіе диллетантовъ, сознавая, съ другой стороны, что обыкновенные читатели недостаточно приготовлены къ такому чтенію. Императорское Историческое Общество, издающее свой «Сборникъ» въ весьма значительномъ числѣ экземпляровъ, въ то-же самое время не ожидаетъ, чтобы читатели были въ состояніи пользоваться сырымъ матеріаломъ на подлинномъ языкѣ. Очевидно, по этой причинѣ въ одномъ изъ параграфовъ общества требуется, чтобы всѣ документы, писанные на иностранныхъ языкахъ, были переведены на русскій языкъ. Соблюденіе этого правила сопряжено съ громадными расходами и едва-ли оказывается полезнымъ для научныхъ цѣлей, такъ-какъ переводы во многихъ случаяхъ оказываются неточными, и спеціалисты при своихъ работахъ должны всетаки прибѣгать къ подлиннику. Обыкновенные читатели, занимающіеся чтеніемъ столь обширныхъ коллекцій депешъ иностранныхъ дипломатовъ, посвящающіе столько времени изученію этихъ драгоцѣнныхъ историческихъ памятниковъ, какъ намъ кажется, должны быть достаточно подготовлены для чтенія самыхъ подлинниковъ. Впрочемъ, этого мнѣнія, очевидно, придерживалась въ нѣкоторыхъ случаяхъ и редакція «Сборника», нарушая вышеупомянутый параграфъ устава и издавая напр. письма Екатерины II къ барону Гримму (XXIII-й томъ) или письма и документы, относящіеся къ біографіи герцога Ришелье (XLIV-й томъ) безъ перевода на русскій языкъ. Какъ видно, на каждомъ шагу при вопросѣ о самообразованіи по предмету исторіи, мы наталкиваемся на вопросъ о мѣрѣ владѣнія занимающихся иностранными языками, по крайней мѣрѣ—французскимъ, нѣмецкимъ, англійскимъ.

Неспеціалисты, понятно, скорѣе займутся чтеніемъ историческихъ трудовъ, нежели сырого матеріала. Историческое общество, имѣвшее въ виду популяризацію, главнымъ образомъ, науки, пока не считало своею обязанностью разработку сырого матеріала. Издано было со времени учрежденія общества (въ 1867-мъ году) около ста томовъ, изъ которыхъ лишь очень немногіе заключаютъ въ себѣ разработку источниковъ, въ томъ числѣ, напр. статья Полѣнова о законодательной комиссіи при Петрѣ II (во II-мъ томѣ), біографія князя А. А. Безбородки, составленная Григоровичемъ (въ XXVI-мъ и XXIX-мъ томахъ) и т. п. Все остальное, т. е. почти все содержаніе ста томовъ «Сборника» заключаетъ въ себѣ сырье, болѣе или менѣе трудно доступное обыкновеннымъ читателямъ. Вотъ почему мы сомнѣваемся, чтобы «Сборникъ Историческаго Общества» значительно содѣйствовалъ углубленію или расширенію исторической эрудиціи въ средѣ неспеціалистовъ.

Изданіе сырого матеріала безъ изученія его, безъ снабженія его по-

рядочнымъ комментаріемъ, безъ оцѣнки его посредствомъ сопоставленія его съ уже извѣстнымъ запасомъ свѣдѣній по данному предмету, оказывается сравнительно легкою задачею. Этимъ объясняется громадное число томовъ «Сборника» и другихъ изданій такого рода. Нельзя не сожалѣть, однако, что такому изданію безконечныхъ массъ сырого матеріала не соотвѣтствуетъ разработка его. Въ самыхъ лишь рѣдкихъ случаяхъ вышеупомянутыя двѣ коллекціи изучались спеціалистами для какой-либо точно опредѣленной цѣли. Спрашивается, можно-ли ожидать и въ будущемъ такого накопленія сырья, размѣры котораго становятся чуть-ли не чудовищными? Необращеніе вниманія на необходимость разработки источниковъ заставляетъ насъ думать, что издатели такихъ коллекцій не даютъ себѣ отчета о настоящихъ цѣляхъ науки. Собираніемъ данныхъ лишь начинается работа историка: изданіе сырья должно считаться лишь средствомъ для достиженія цѣли. Трудъ издателей безъ соотвѣтствующаго труда изслѣдователей оказывается лишнимъ.

Мы останавливаемся на этомъ вопросѣ, потому что издатели сырого матеріала, какъ видно, разсчитываютъ на читателей не-спеціалистовъ, среди которыхъ также распространено мнѣніе, будто все это уже составляетъ цѣль науки. Едва-ли такой способъ популяризаціи исторіи окажется полезнымъ въ видахъ истинной исторической эрудиціи. Дилеттанты, занимаясь чтеніемъ сборниковъ, документовъ, писемъ, депешъ, не знакомятся съ какими-либо результатами науки, забавляясь скорѣе совсѣмъ фрагментарнымъ, безсвязнымъ, анекдотическимъ хламомъ, оцѣнка котораго требуетъ гораздо болѣе солиднаго приготовленія, массы свѣдѣній, знакомства съ предметомъ. Запросъ на смѣсь, на случайно выхваченный изъ архивовъ матеріалъ безъ правильной оцѣнки его можетъ считаться страннымъ самообольщеніемъ. Считать все это наукою, цѣлью науки есть ничто иное, какъ крупное недоразумѣніе.

Все это не лишено значенія въ виду того обстоятельства, что самые распространенные у насъ историческіе журналы, «Русскій Архивъ» и «Русская Старина», разсчитывая на обширный кругъ читателей, предлагаютъ, главнымъ образомъ, сырой матеріалъ. Разработка послѣдняго въ изданіяхъ Бартенева и Семевскаго составляетъ исключеніе. Вмѣсто углубленія въ предметы исторіи, на каждомъ шагу встрѣчается расширеніе предѣловъ предмета. Нельзя не признать, что въ такомъ безпредѣльномъ и нецѣлесообразномъ накопленіи данныхъ заключается опасность для науки, для спеціалистовъ и для дилеттантовъ. Результаты научной разработки единичныхъ фактовъ ради какого-либо сообщенія замѣняются обращеніемъ вниманія на единичный фактъ, на курьезъ, на историческій анекдотъ. Смѣшеніе цѣли науки съ ея средствами оказывается роковымъ для серьезности занятій.

До какой степени у насъ привыкли къ спросу на сырой матеріалъ

и какъ мало ощущается потребность въ разработкѣ историческихъ фактовъ, въ извлеченіи изъ нихъ научныхъ выводовъ, видно изъ слѣдующаго обстоятельства.

Безспорно замѣчательнѣйшимъ русскимъ историкомъ послѣ Карамзина долженъ считаться С. М. Соловьевъ. Его «Исторія Россіи» въ двадцати девяти томахъ навсегда останется настольною книгою историковъ. Цѣлый рядъ изданій этого капитальнаго труда свидѣтельствуетъ о весьма значительномъ числѣ читателей, несмотря на то, что громадные размѣры сочиненія Соловьева не могли не ограничивать популярности его. Заслуга Соловьева заключается въ разработкѣ нѣкоторыхъ важнѣйшихъ вопросовъ отечественной исторіи. Имъ раньше и рельефнѣе, чѣмъ другими историками было указано на значеніе перенесенія центра тяжести русской государственной жизни изъ Кіева на сѣверо-востокъ въ двѣнадцатомъ вѣкѣ. Онъ безпристрастнѣе и основательнѣе другихъ умѣлъ цѣнить важность «поворота къ западу» до Петра Великаго; нѣкоторыя части его труда обнаруживаютъ рѣдкій талантъ изложенія; сюда можно отнести разсужденія объ условіяхъ началъ историческаго развитія Россіи въ первомъ томѣ. разсказъ о столкновеніи царя Алексѣя Михайловича съ патріархомъ Никономъ, разъясненіе вопроса объ антагонизмѣ между Петромъ Великимъ и Алексѣемъ Петровичемъ и пр. Однако, нельзя отрицать, что въ общей сложности трудъ Соловьева не можетъ считаться разработкою историческаго матеріала, и что особенно послѣдніе десять томовъ представляютъ собою главнымъ образомъ драгоцѣнный, но очень неудачно и наскоро сгруппированный сырой матеріалъ, заимствованный изъ архивовъ. На это обстоятельство, сколько намъ извѣстно, не было обращено достаточнаго вниманія ни спеціалистами, ни публикою. Намъ извѣстно, насколько среди дилеттантовъ распространено чтеніе тѣхъ томовъ «Исторіи Россіи» Соловьева, которые относятся къ эпохѣ послѣ Петра Великаго; но мы не можемъ не сомнѣваться въ пользѣ чтенія этихъ томовъ въ видахъ самообразованія. Архитектура предмета до того неудачна, распредѣленіе массы матеріала до того несистематично, что недостаточно приготовленные читатели едва-ли найдутъ занятіе книгою привлекательнымъ. Спеціалистамъ на каждомъ шагу приходится обращаться за новыми оригинальными свѣдѣніями къ труду Соловьева. За то литературные недостатки сочиненія едва-ли совмѣстимы съ сильнымъ вліяніемъ на историческую эрудицію обыкновенныхъ читателей. Въ противоположность геніальному сочиненію Карамзина трудъ Соловьева, насколько онъ относится къ исторіи преемниковъ Петра Великаго, не можетъ считаться классическимъ. Томы, относящіеся, напр., къ исторіи царствованія Елисаветы Петровны, едва-ли могутъ считаться сколько-нибудь удовлетворительною оцѣнкою этой эпохи. Знаменитый историкъ не служитъ руководителемъ при пониманіи фактовъ, сюда относящихся. Важный сырой

матеріалъ остается сырымъ матеріаломъ; разработка его оказывается мнимою. Обобщеній или выводовъ нѣтъ или почти нѣтъ. Отсутствіе понятій о настоящихъ цѣляхъ исторической науки, отсутствіе теоріи исторіи, неопредѣленность метода при изученіи фактовъ — все это сильно ощущается при занятіи книгою Соловьева, все это ограничиваетъ ея значеніе, какъ средства для достиженія цѣлей самообразованія.

Впрочемъ отсутствіе литературнаго достоинства въ капитальномъ трудѣ Соловьева должно считаться средствомъ избѣжанія другой опасности, грозящей научному значенію исторіографіи. Эта опасность заключается въ близкомъ соприкосновеніи исторіи съ беллетристикой. При настоящемъ положеніи дѣла во многихъ случаяхъ оказывается труднымъ провести черту между историческою наукою и романомъ. Подчеркиваніе значенія отдѣльныхъ лицъ въ исторіи, психологическіе, біографическіе моменты въ исторіи, преобладаніе формы разсказа невольно превращаютъ историка въ беллетриста, ученаго въ писателя. Столь тѣснаго сближенія между наукою и искусствомъ не встрѣчается въ другихъ предметахъ.

Едва-ли мы ошибаемся, утверждая, что чтеніе историческихъ сочиненій происходитъ въ большей части случаевъ не вслѣдствіе научной потребности, а скорѣе въ видахъ развлеченія. Наука требуетъ сосредоточенія, беллетристика имѣетъ противоположныя цѣли. Занимательность въ историческихъ сочиненіяхъ стоитъ на первомъ планѣ. Умственный процессъ, развитіе мыслей, понятій уступаютъ мѣсто игрѣ воображенія. Пестрота фактовъ, драматическій интересъ, вниманіе къ индивидуальнымъ чертамъ исторической личности—все это мѣшаетъ иногда развитію научныхъ воззрѣній на дѣло. Эпическая форма разсказа о событіяхъ должна считаться гораздо болѣе популярною, нежели серьезное изложеніе вопросовъ о направленіи, въ которомъ происходило развитіе цѣлыхъ рядовъ фактовъ. Вслѣдствіи этого иные историки-писатели прямо подражаютъ беллетристамъ. Успѣхъ литературной дѣятельности Костомарова объясняется этою тѣсною связью между наукою и искусствомъ. Нѣкоторыя изъ сочиненій этого историка имѣютъ мѣстами форму романа. Дѣйствующія лица вступаютъ между собою въ разговоры, отчасти, пожалуй, основанные на документальныхъ источникахъ; однако, при отсутствіи ссылокъ на источники нельзя не считать вѣроятнымъ, что кое-что было прибавлено къ архивнымъ даннымъ для оживленія разсказа. Есть и другіе примѣры такой, смахивающей на беллетристику исторіографіи. Источникомъ такихъ діалоговъ служатъ большею частью протоколы уголовно-политическихъ процессовъ. Все это сильно дѣйствуетъ на воображеніе читателей, въ то же время представляя нѣкоторую опасность для науки. Серьезность дѣла легко можетъ пострадать при такомъ подчеркиваніи внѣшняго хода единичнаго событія. Художественнымъ изложеніемъ момента затрудняется приложеніе отдѣльнаго факта къ какой-либо кате-

горіи историческихъ явленій, обобщеніе, выводъ, заключеніе. Истинно научные пріемы уступаютъ мѣсто развлеченію, разсчету на пикантность чтенія.

Разсчитывая на большое число подписчиковъ, снисходя ко вкусу массы читателей, редакціи историческихъ журналовъ предпочитаютъ анекдоты, смѣсь, пустую болтовню въ разсказахъ современниковъ о какихъ-либо въ сущности ничтожныхъ приключеніяхъ солиднымъ трудамъ, изслѣдованіямъ, серьезнымъ разсужденіямъ. Успѣхъ литературныхъ предпріятій въ родѣ нашихъ историческихъ журналовъ, какъ можно думать, обусловливается такимъ пренебреженіемъ цѣлей науки. Публика, читая въ одномъ и томъ же журналѣ рядомъ съ историческими мемуарами историческій романъ, привыкаетъ относить выдумку и настоящій историческій фактъ къ одной и той-же категоріи; черта, отдѣляющая науку отъ изящной литературы исчезаетъ; все это не можетъ не вредить наукѣ исторіи, все это усложняетъ задачу самообразованія въ этой области научной эрудиціи. Популяризація исторіи дорого ей обходится. Будущее исторіи, какъ науки, зависитъ главнымъ образомъ отъ болѣе или менѣе успѣшнаго формулированія задачъ ея, отъ вниманія къ роли прогресса, составляющаго руководящее начало въ событіяхъ человѣчества. Сознаніемъ и пониманіемъ цѣлей науки, вырабатываніемъ метода исторіи, эманципаціею отъ разбора единичнаго факта обусловливается и болѣе успѣшное изложеніе способа самообразованія по этому предмету.

**А. Брикнеръ.**

Изельтвальдъ, на берегу Бріенцскаго озера въ Швейцаріи.
Іюль 1896 г.

---

# Онъ и она.

(Къ исторіи отношеній Жоржъ-Зандъ и Альфреда Мюссе. Новые документы).

*(Окончаніе).*

---

Въ дальнѣйшей перепискѣ Бюлоза съ Жоржъ-Зандъ ярко отразились нападки, вызванныя напечатаніемъ ея романа «Elle et Lui»:

«Парижъ, 23 марта 1859.

«Дорогой Жоржъ,

«Поневолѣ приходится опасаться нѣкоторыхъ слуховъ и извѣстныхъ (гнѣвныхъ) порывовъ, причиняемыхъ клеветой свѣта. Теперь родные Мюссе кричатъ противъ меня и обвиняютъ меня (посмотрите, какую почтенную роль навязываютъ вамъ и мнѣ!), что я подстрекнулъ васъ написать «Elle et Lui», чтобы отомстить человѣку, котораго я такъ любилъ! И знаете-ли, почему? Потому что я не получилъ въ мое распоряженіе его посмертныхъ отрывковъ, которые г. Поль (Мюссе) предлагалъ мнѣ, но я соглашался пріобрѣсти ихъ, лишь прочитавъ и разсмотрѣвъ. Такова справедливость личныхъ интересовъ и наслѣдниковъ.

«Г. Поль обвиняетъ васъ въ томъ, что вы огласили въ «Elle et Lui» подлинныя письма его брата. Намъ остается теперь держаться стойко! Готовятъ біографію Альфреда, въ которую включатъ письма его къ Таттэ противъ васъ.

«Что касается меня, то я полагаю, что осторожность внушитъ имъ болѣе осмотрительный образъ дѣйствій. Но я долженъ былъ сообщить вамъ въ нѣсколькихъ словахъ о слухахъ, распространившихся въ Парижѣ по этому поводу.

Весь вашъ

*Ф. Бюлозъ*».



Въ послѣдующихъ письмахъ интересны упоминанія о предисловіи къ «Jean de la Roche», въ которомъ Жоржъ-Зандъ съ такою страстностью и убѣдительностью отвѣчаетъ на всѣ нападки, вызванныя ея автобіографическимъ романомъ. Приводимъ выдержки изъ писемъ 1859 года:

«Дорогой Жоржъ,

«Вотъ ваше предисловіе, оно очень хорошо. Я замѣнилъ только «justice des *tribunaux*» словами «justice des *hommes*». Подумайте, не точнѣе-ли это: мнѣ не хотѣлось-бы, чтобы вы написали въ такомъ случаѣ слово: «судовъ». Это выраженіе, какъ мнѣ чувствуется, недостаточно возвышенно...

«...Ваше предисловіе производитъ чертовскій эффектъ; я не знаю, какъ поступятъ противники. Величавый и возвышенный стиль привлекаетъ всѣхъ на вашу сторону...

«...Ваше предисловіе, столь возвышенное и краснорѣчивое, и нѣсколько словъ Манена, столь превосходно соотвѣтствующихъ всему, что я вижу и наблюдаю за послѣдніе годы, внушаютъ мнѣ мысль предложить вамъ одну попытку.

«Я узналъ недавно, что Маненъ сказалъ: «во Франціи я нашелъ молодость только у стариковъ!»

«...Такому голосу, каковъ вашъ, надлежало-бы обратиться къ молодому поколѣнію и предупредить его объ угрожающемъ ему упадкѣ. Я сильно опасаюсь, что умственному вѣнцу Франціи, столь ярко блиставшему съ XVI-го столѣтія, грозитъ серьезная опасность при господствѣ духа матеріализма и наблюдаемыхъ нами нравовъ. Вы пріобрѣли-бы почетную заслугу, если-бы затронули этотъ предметъ. Прекрасное воззваніе,—возгласъ скорби и негодованія, подобный вашему предисловію,—исшедшее изъ вашего уединенія, или та-же идея, положенная въ основу романа, быть можетъ, привлекли-бы живое вниманіе и могли-бы, такъ сказать, пробудить французскую интеллигенцію.

«... 26 или 27 ноября вы можете получить тысячу франковъ за второе изданіе «Elle et Lui...» Такимъ образомъ—и благодаря вашему прекрасному предисловію (къ «Jean de la Roche»)—вы хорошо отомстили г. Полю де-Мюссе. Но у насъ много дѣлъ, помимо счетовъ съ этими господами, и, на мой взглядъ, вамъ слѣдовало-бы думать лишь о новыхъ произведеніяхъ...

*Ф. Бюлозъ*».

Въ 1861 г., при обсужденіи французской академіей вопроса о назначеніи преміи въ двадцать тысячъ франковъ, Бюлозъ снова отмѣчаетъ отголоски злополучнаго романа:

«Парижъ, 5 марта 1861.

«Дорогой Жоржъ,

«...Здѣсь, точно въ лицемѣрной Англіи, всегда пользуются нравствен-

ностью, какъ наилучшимъ предлогомъ. Въ академіи вамъ ставятъ въ упрекъ «Elle et Lui»,—мнѣ сказали объ этомъ въ воскресенье Сентъ-Бевъ и Вите. «Ахъ, господа,—отвѣтилъ я Вите,—Жоржъ-Зандъ выразила въ видѣ романа рѣчь, которую вы произнесли на самой могилѣ Мюссе», и я добавилъ, что слѣдовало. Что касается Сентъ-Бева, то онъ высказался столь-же отчетливо: онъ обѣщалъ мнѣ разсказать при полной академической комиссіи все, что онъ видѣлъ вмѣстѣ со мной въ 1834—1835 гг., все, что онъ знаетъ. Итакъ, въ этомъ отношеніи я, повидимому, достигъ нѣкотораго результата и завтра постараюсь дополнить его.

Весь вашъ

*Ф. Бюлозъ*».

«Парижъ, 9 марта 1861.

Дорогой Жоржъ,

«Главнымъ возраженіемъ противъ васъ все еще служитъ «Elle et Lui», и я вчера написалъ категорическое письмо по поводу этого дѣла, о которомъ я могу говорить *de visu*. Г. Поль де-Мюссе хлопочетъ противъ насъ, говоря, что академія высказалась-бы противъ одного изъ своихъ членовъ. Какъ видите, я сообщаю вамъ все, что происходитъ по этому дѣлу.

Весь вашъ

*Ф. Бюлозъ*».

Премія, послѣ продолжительнаго обсужденія, была выдана Тьеру. Виконтъ Спульберкъ въ своей интересной статьѣ приводитъ по этому поводу письмо Сентъ-Бева къ Эдмону Тексье, написанное 30 апрѣля 1860 г. Послѣдній въ газетѣ «Siècle» описалъ пренія въ академіи и заявилъ, между прочимъ, что изъ 24 академиковъ, засѣдавшихъ въ комиссіи, только семь подали голоса въ пользу Жоржъ-Зандъ: А. де-Виньи, Понсаръ, Жюль-Сандо, де-Саси, Меримэ, Сентъ-Бевъ и еще одинъ академикъ, имя котораго осталось неизвѣстнымъ. Въ письмѣ Сентъ-Бева исправлены погрѣшности статьи Эдмона Тексье:

«...Вы произведете бурю въ академіи, дорожащей негласностью своихъ засѣданій. И кто разсказалъ вамъ все это? Въ статьѣ много вѣрнаго, общій духъ преній сообщенъ вамъ и переданъ вами читателямъ правильно. Вотъ нѣсколько болѣе точныхъ подробностей.

«Была назначена комиссія, въ составъ которой вошли гг. Виллеменъ, Гизо, Кузенъ, Минье, Вите, Легуве и я. Въ этой комиссіи все было обсуждено, и съ большими похвалами со стороны всѣхъ по отношенію къ г-жѣ Зандъ; но *почти* единогласно было сочтено невозможнымъ предложить ее. Комиссія остановила свой выборъ, большинствомъ *одного* голоса, на Жюлѣ Симонѣ.

«Затѣмъ г. Виллеменъ доложилъ всей академіи о томъ, что произошло въ комиссіи и кого она предлагаетъ.



«Послѣ этого состоялось общее обсужденіе, о которомъ вы говорите. Было повторено подробнѣе то, что говорилось въ комиссіи.

«Первое засѣданіе. Де-Виньи началъ; онъ возражалъ противъ предложенія комиссіи (Жюль Симонъ) и выдвинулъ кандидатуру Жоржъ-Зандъ. Послѣ него говорилъ Понсаръ, поддерживая въ силу чисто-литературныхъ соображеній. Тогда г. Гизо, въ очень краснорѣчивыхъ выраженіяхъ, съ изобильными похвалами и сожалѣніями, сталъ поддерживать предложеніе комиссіи и развивалъ академическіе, общественные, моральные доводы противъ Жожъ-Зандъ.

«Я возразилъ, и не побоялся затронуть вопросы, возбужденные не мною, но доставившіе главное содержаніе преніямъ. Виньи говорилъ еще разъ; г. Гизо воспользовался этимъ, чтобы отвѣтить. Мэримэ произнесъ нѣсколько очень остроумныхъ словъ, въ отвѣтъ на цитаты, приведенныя г. Гизо о бракѣ, собственности и пр. Затѣмъ я возразилъ еще разъ; засѣданіе окончилось рѣчью Низара въ пользу г-жи Зандъ.

«Во второмъ засѣданіи, — Кузенъ началъ, говорилъ въ *пользу* г-жи Зандъ, а заключилъ *противъ*. Онъ отчасти обращался ко мнѣ, вслѣдствіе чего я возразилъ, повторивъ свои доводы. Виньи, Легувэ говорили,— Легувэ не очень поддерживалъ г-жу Зандъ. Тогда г. де-Брольи выступилъ съ весьма умѣренною рѣчью; онъ говорилъ весьма взвѣшенными, весьма мягкими словами, но скорѣе, на мой взглядъ, какъ юрисконсультъ, а не писатель. Вопросъ былъ исчерпанъ. Противъ г-жи Зандъ было подано *восемнадцать* голосовъ; насъ было всего *шесть*, «таинственнаго рыцаря» вовсе не оказалось. Низаръ дополнилъ нашу цифру. Низаръ и Саси,—на нашей сторонѣ были мораль и Катонъ.

«... Что-жъ, быть можетъ, еще потеряно не все, предложеніе академіи должно быть внесено на обсужденіе всего Institut. Почему бы не возобновить тамъ общихъ преній? Почему бы снова не выступить въ защиту Жоржъ-Зандъ передъ болѣе численнымъ собраніемъ, не составившимъ предвзятаго мнѣнія?

«... Въ общемъ, *противъ* Жоржъ-Зандъ противниками было высказано лишь необходимое для нихъ. Чувство восторженнаго уваженія (за исключеніемъ г. де-Брольи) господствовало и сквозило даже въ рѣчахъ противниковъ...»

Кромѣ самого Сентъ-Бева, въ пользу Жоржъ-Зандъ подали голоса Понсаръ, де-Виньи, Меримэ, Низаръ и де-Саси. Такимъ образомъ Жюль Сандо, значившійся въ спискѣ Эдмона Тексье, измѣнилъ въ этомъ важномъ случаѣ своей бывшей подругѣ.

Въ пылкомъ предисловіи къ роману «Jean de la Roche» Жоржъ-Зандъ впервые оповѣстила о своемъ намѣреніи издать современемъ подлинные документы, проливающіе истинный свѣтъ на ея отношенія къ Альфреду Мюссе. По этому поводу послѣдовала переписка между нею и

ея давнишнимъ повѣреннымъ въ сердечныхъ дѣлахъ, Сентъ-Бевомъ. Жоржъ-Зандъ постоянно жила въ Ноганѣ, а Сентъ-Бевъ почти не выѣзжалъ изъ Парижа. Многія письма Жоржъ-Зандъ, во избѣжаніе утраты на почтѣ, доставлялись черезъ посредство Эмиля Оканта. Вотъ наиболѣе существенныя выдержки изъ этихъ документовъ, впервые оглашенныхъ виконтомъ де-Спульберкомъ:

«Ноганъ, 20 января 1861 г.

«Мой другъ,

«Прошу васъ принять г. Эмиля Оканта, моего преданнаго друга и повѣреннаго въ дѣлахъ. Прилагаемое письмо ознакомитъ васъ съ вопросомъ. Когда вы прочтете это письмо, назначьте вашъ день и часъ для посѣщенія г. Оканта, если, какъ я увѣрена, вы любите меня также, какъ я люблю васъ.

*Ж. Зандъ*».

«Ноганъ, 20 января 1861 г.

«Мой другъ,

«Я обращаюсь къ вамъ съ просьбой о большой услугѣ. Дѣло касается важнаго совѣта, который вы можете дать мнѣ. Я давно уже собиралась поговорить съ вами о важномъ и щекотливомъ для меня дѣлѣ, но для этого необходимо было повидаться съ глазу на глазъ, и такъ какъ я не имѣла подъ рукой приведенныхъ въ порядокъ нѣкоторыхъ документовъ, съ которыми вы прежде всего должны ознакомиться, то я откладывала бесѣду съ вами по этому дѣлу.

«Я написала романъ подъ заглавіемъ «Elle et Lui», который вы, можетъ быть, не читали; вамъ придется принять на себя трудъ пробѣжать его. Это, по существу, правдивая исторія, исторія вамъ извѣстная; нѣкоторыя лица такъ *переиначили* ее, что я сочла долгомъ возстановить все существенное, касавшееся дѣйствительныхъ чувствъ, настолько измѣнивъ факты и лица, чтобы никто не имѣлъ права жаловаться.

«Вы безъ труда убѣдитесь, что эта книга не была написана съ горечью и что она проникнута уваженіемъ къ прошлому, уваженіемъ къ генію, уваженіемъ къ могилѣ. Таково, по крайней мѣрѣ, было мое намѣреніе, и я не думаю, чтобы исполненіе чувствительно отклонилось отъ него.

«Эта книга вызвала два *возраженія*, исполненныя злобы, грубости и клеветы: мнимый романъ, озаглавленный «Lui et Elle», и такой-же разсказъ подъ названіемъ «Lui», въ которомъ талантливая и заслуженная женщина [1]), позабывъ уваженіе къ самой себѣ, удовлетворила какую-то ненависть, причину которой я не имѣю возможности угадать. Я никогда не относилась къ ней враждебно; я никогда не говорила ей дерзостей,

[1]) Луиза Колэ.





какъ она увѣряетъ; я никогда не помышляла даже сдѣлать ей какую-либо непріятность. Вся моя вина заключалась въ томъ, что я не захотѣла сблизиться съ ней, потому что сочла ее нѣкоторымъ образомъ слишкомъ *литературной* для моихъ вкусовъ и моихъ умственныхъ привычекъ..

«И вотъ, у меня имѣются письма *ея* и *его*; я должна сообщить вамъ исторію этихъ писемъ.

«*Она* хранила *его* письма втеченіе нѣкотораго времени послѣ разрыва, — разрыва, который не имѣлъ въ себѣ ничего горькаго или насильственнаго. *Она* бѣжала, вы придали ей часть мужества, понадобившагося для этого. Однажды, когда *онъ* вполнѣ убѣдился, что возвращеніе невозможно, *онъ* потребовалъ свои письма. *Она* возвратила ихъ ему, не требуя своихъ писемъ; однако, *онъ* сейчасъ почувствовалъ, что онъ долженъ ихъ вернуть ей. Они встрѣтились вновь, чтобы поговорить объ этомъ, но не приняли никакого рѣшенія. Они обѣщали другъ другу сжечь всѣ письма, но не могли рѣшиться на это: они чувствовали, что въ этихъ бумагахъ таится значительная часть души; и кромѣ того, *онъ* говорилъ о другомъ и не хотѣлъ примириться съ разрывомъ. *Она* держалась стойко, и *онъ* никогда не простилъ ей этого. *Онъ* обладалъ такимъ страннымъ, такимъ несчастнымъ характеромъ, и при томъ *онъ* былъ столь великимъ поэтомъ, что съ того дня, какъ утратилъ любовь, которую такъ долго попиралъ ногами, *онъ* вообразилъ себя и, слѣдовательно, почувствовалъ—впавшимъ въ отчаяніе, по крайней мѣрѣ въ часы, посвященные поэзіи. Въ остальное время *онъ* велъ веселый и дурной образъ жизни. Бѣдное дитя! *Онъ* убивалъ себя! Но *онъ* былъ уже мертвъ, когда *она* познакомилась съ нимъ! Съ *нею* онъ вздохнулъ еще разъ, это была послѣдняя конвульсія! *Онъ* оживлялся на мгновеніе, *всегда во время отсутствія*. *Она* считаетъ себя, *она* чувствуетъ себя невиновной въ медленномъ самоубійствѣ, которымъ была вся жизнь этого несчастнаго!»

Далѣе въ этомъ чрезвычайно важномъ для интересующаго насъ вопроса письмѣ Жоржъ-Зандъ къ Сентъ-Беву подробно описывается, какимъ образомъ письма *ея* и *его*, въ концѣ концовъ, очутились въ ея рукахъ. Она довѣрила ихъ одному изъ преданныхъ друзей.

«Въ настоящее время,—продолжаетъ Жоржъ-Зандъ,—что дѣлать *ей* съ этими письмами? *Она* не хотѣла бы возобновить скандальный шумъ, вызванный двумя сочиненіями, въ которыхъ направлены по ея адресу брань и клевета; *она* не почувствовала себя затронутой ими. Но *она*, быть можетъ, обязана въ интересахъ будущаго не уничтожать доказательствъ любви, которая, будучи очень несчастливой, не была лишена, съ той и другой стороны, своей силы, достоинства и искренности. *Она* должна сдѣлать это для *него* столько-же, какъ и для *нея*.

«Теперь необходимо найти способъ обезпечить возможность современемъ свободно напечатать эти письма...»

Жоржъ-Зандъ приводитъ далѣе разные планы, направленные къ огражденію писемъ отъ покушеній со стороны Поля Мюссе и разныхъ случайностей. Въ слѣдующемъ письмѣ къ Сентъ-Беву (отъ 6 февраля 1861 г.) она касается самаго содержанія писемъ:

«Эмиль сообщилъ мнѣ о вашемъ послѣднемъ совѣщаніи и о вашемъ окончательномъ рѣшеніи. Оно основательно, и я выполню его. Письма будутъ напечатаны лишь послѣ моей смерти.

«Я полагаю, они докажутъ, что на совѣсти вашего друга не тяготѣютъ три ужасныхъ вещи: зрѣлище новой любви на глазахъ умирающаго; угроза, замыселъ заключить его въ больницу для помѣшанныхъ; желаніе снова привлечь его и овладѣть имъ противъ его воли, послѣ его нравственнаго исцѣленія. И что еще, — право, не знаю? Покушеніе на убійство? Измѣны, капризы, невѣрность послѣ примиренія? Черствость, издѣвательство, жестокость, мученія, холодно причиненныя тщеславіемъ несчастному, разбитому генію? писательская зависть? Досада на критическіе нападки, о которыхъ онъ никогда и не помышлялъ, и за которыя *она* умышленно отомстила посредствомъ всей этой связи.

«Таковы гнусности обвиненія, и письма докажутъ лишь одно: что въ основѣ двухъ романовъ: «La Confession d'un Enfant du siécle» и «Elle et Eui» лежитъ правдивая исторія, отмѣченная, быть можетъ, безуміемъ одного и любовью другой,—если хотите, безуміемъ обоихъ, но не обнаруживающая ничего отвратительнаго или низкаго въ сердцахъ, ничего, что могло-бы лечь пятномъ на искреннія души.

«Позднѣе, вслѣдствіе разгула, дурныхъ совѣтовъ и дурного сообщества, съ усиленіемъ безумія, поэтъ ожесточился; онъ продолжалъ ревновать, онъ хотѣлъ вредить. Но я думаю, что ему приписали много ложнаго и что онъ виновенъ не въ такой степени, какъ выставляютъ его друзья...»

Сентъ-Бевъ, ознакомившись съ перепиской Жоржъ-Зандъ и Альфреда Мюссе, не ограничился однимъ словеснымъ мнѣніемъ, переданнымъ черезъ посредство Оканта. Онъ счелъ необходимымъ въ столь важномъ дѣлѣ высказаться письменно. Выдержкой изъ его письма мы закончимъ этотъ рядъ новыхъ документовъ, снимающихъ тѣнь какого-бы то ни было упрека въ памяти Жоржъ-Зандъ:

«Парижъ, 14 февраля 1861 г.

«Дорогой и знаменитый другъ,

«... Я не стану описывать вамъ впечатлѣнія, которое произвело на меня чтеніе этихъ страницъ. Я почувствовалъ себя перенесеннымъ въ тѣ ужасные, бурные и, однако, лучшіе годы: тогда страдали, но жили глубже.

«Необходимо, чтобы всѣ эти доказательства, въ которыхъ даже равнодушные найдутъ столько возвышеннаго и прелестнаго, уцѣлѣли и были сохранены для потомства...»

---



# Земскіе финансы.

## I.

Дѣятельность земскихъ учрежденій и размѣры удовлетворенія ими различныхъ нуждъ народно-хозяйственной жизни находятся, конечно, въ ближайшей зависимости отъ тѣхъ матеріальныхъ средствъ, которыя предоставлены для этого въ ихъ распоряженіе. Съ другой стороны, въ отношеніи расходованія такихъ средствъ земства пользуются значительною самостоятельностью и отъ нихъ зависитъ рѣшеніе вопроса, удовлетвореніе какихъ изъ мѣстныхъ нуждъ слѣдуетъ признать дѣломъ не болѣе важнымъ. Поэтому, изученіе земскихъ бюджетовъ представляетъ весьма значительный и разносторонній интересъ. Въ нихъ отражается общая сложившаяся система государственнаго управленія, характеръ выполненія органами мѣстнаго управленія своихъ задачъ и относительное значеніе отдѣльныхъ потребностей народно-хозяйственной жизни, придаваемое имъ представителями самаго населенія. Естественно, что въ послѣднемъ отношеніи необходимо считаться и съ существующею организаціей представительства въ нашихъ земствахъ отъ различныхъ группъ населенія.

Цифровымъ матеріаломъ для характеристики земскихъ финансовъ являются у насъ періодически издаваемые хозяйственнымъ департаментомъ министерства внутреннихъ дѣлъ «Своды» земскихъ доходовъ и расходовъ. Въ настоящее время такой «Сводъ» изданъ за 1893 г. Изъ заключающихся въ немъ данныхъ видно, что общій бюджетъ всѣхъ нашихъ земствъ 34 губерній по дѣйствительному поступленію доходовъ составлялъ 41 мил. руб. Въ данномъ случаѣ, прежде всего, слѣдуетъ отмѣтить относительную ничтожность бюджетовъ нашихъ мѣстныхъ учрежденій сравнительно съ бюджетомъ государственнымъ. Въ этомъ отношеніи является весьма поучительнымъ сопоставленіе бюджетовъ государственнаго и мѣстныхъ въ отдѣльныхъ государствахъ Европы. Такъ, по прибли-

зительному разсчету, сдѣланному Р. фонъ-Кауфманомъ, мѣстныя средства по отношенію къ общегосударственнымъ составляютъ: въ Великобритании—54 проц., въ Пруссіи—51 проц., въ Италіи—38 проц., во-Франціи—31,5 проц., въ Австріи—24,7 проц., въ Россіи—16,9 проц. Такимъ образомъ, въ нашемъ отечествѣ указанное отношеніе наименѣе благопріятно [1]). Эти исчисленія не могутъ, конечно, претендовать на полную точность. Въ отношеніи Россіи, напримѣръ, Кауфманъ принялъ во вниманіе только бюджеты земства и городовъ, не присоединивъ къ нимъ крестьянскихъ мірскихъ и волостныхъ расходовъ, а также земскихъ бюджетовъ неземскихъ губерній. Но и при такой поправкѣ исчисленное имъ отношеніе можетъ увеличиться не болѣе, чѣмъ до 20 проц. Слѣдовательно, фактъ относительной скудости въ матеріальныхъ средствахъ, которыми располагаютъ наши земства и другіе мѣстные органы, останется вѣрнымъ.

Къ тѣмъ-же выводамъ мы придемъ и при сравненіи движенія бюджетовъ земствъ и государственнаго. Такъ въ 1885 г., по дѣйствительному поступленію доходовъ, обыкновенный государственный бюджетъ равнялся 762.000,000 р., а къ 1893 г. онъ возросъ до 1.045.000,000 р., т. е. приблизительно на 37 проц. Относительно земствъ у насъ подъ руками имѣются свѣдѣнія о бюджетѣ за 1883 г., составлявшемъ тогда почти 39.000,000 руб. Къ 1893 г., онъ, какъ мы видѣли, увеличился до 41.000,000 руб., или приблизительно на 5 проц. Такимъ образомъ, при быстромъ ростѣ бюджета, предназначеннаго на удовлетвореніе общегосударственныхъ нуждъ, бюджетъ нашихъ земствъ остается почти неизмѣннымъ. Но подобный фактъ вовсе не служитъ признакомъ централизаціи въ томъ, по крайней мѣрѣ, смыслѣ, чтобы наши мѣстныя нужды удовлетворялись насчетъ бюжетовъ соотвѣтствующихъ центральныхъ вѣдомствъ. Напротивъ, нашъ государственный бюджетъ въ удовлетвореніи ихъ принимаетъ даже меньше участія, чѣмъ въ другихъ государствахъ, гдѣ мѣстныя учрежденія располагаютъ гораздо большими матеріальными средствами. Остановимся хотя-бы на распространеніи первоначальнаго образованія. Въ Пруссіи бюджетъ министерства народнаго просвѣщенія составляетъ около 42.000,000 р., изъ этой суммы на элементарное образованіе тратится свыше 30.000,000 р., или до 75 проц. Вмѣстѣ-же съ расходами мѣстныхъ учрежденій бюджетъ элементарныхъ школъ въ Пруссіи достигаетъ 90.000,000 руб. Во Франціи бюджетъ министерства народнаго просвѣщенія 176.000,000 фр., или около 70.000,000 руб. Изъ нихъ на элементарное образованіе затрачивается 128.000,000 фр. или до 50.000,000 руб. Почти столько-же расходуютъ мѣстныя учрежденія, такъ что всего на элементарное образованіе тратится до 100.000,000 р. Въ Великобританіи изъ общаго бюджета на народное образованіе въ

[1]) Р. фонъ-Кауфманъ. Государственные и мѣстные расходы главнѣйшихъ европейскихъ странъ по ихъ назначеніямъ. Перев. А. Гурьева. Спб. 1895 г.



8.376,000 ф. ст. содержаніе элементарныхъ школъ отнимаетъ 7.500,000 ф. ст. Всего-же съ мѣстными расходами онѣ располагаютъ суммою въ 115.000,000 р. Въ нашемъ отечествѣ бюджетъ министерства народнаго просвѣщенія составляетъ всего около 22.000,000 р. Если затѣмъ принять во вниманіе расходы другихъ вѣдомствъ на содержаніе спеціальныхъ школъ, то онъ возрастетъ до 35.000,000 р. (въ 1895 г.). Но изъ нихъ на содержаніе первоначальныхъ школъ расходуется лишь около 8.000,000 р. [1]). Такимъ образомъ, нашъ государственный бюджетъ принимаетъ наименѣе значительное участіе въ расходахъ на распространеніе первоначальнаго образованія. Заботы объ удовлетвореніи этой потребности почти всецѣло лежатъ у насъ на мѣстныхъ учрежденіяхъ и на самомъ населеніи. Далѣе мы видимъ, что бюджетъ Пруссіи въ 1892—3 г. равнялся 900.000,000 р., а бюджетъ Россіи въ 1893 г., по дѣйствительнымъ поступленіямъ—1.045.000,000 р. По отношенію къ нимъ расходъ на первоначальное образованіе въ первой составлялъ выше 3 проц., и во-второй нѣсколько ниже 0,8 проц. Чтобы привести это отношеніе въ полное соотвѣтствіе, изъ нашего государственнаго бюджета слѣдовало-бы тратить на первоначальное образованіе до 32.000,000 р. вмѣсто нынѣшнихъ 8 мил. р.

Поглощеніе платежно-податной способности населенія исключительно въ пользу государственнаго бюджета неблагопріятно отражается у насъ не только на размѣрахъ бюджетовъ мѣстныхъ учрежденій, но и на успѣшности поступленія тѣхъ налоговъ, изъ которыхъ они составляются. Въ этомъ отношеніи, состояніе государственныхъ и земскихъ финансовъ, можно сказать, представляетъ полный контрастъ. Если исключить неурожайный 1891 г., то начиная съ 1887 г. государственные доходы постоянно поступали въ размѣрахъ, болѣе или менѣе значительно превышающихъ смѣтныя предположенія. Въ 1894 г. такое превышеніе достигло весьма солидной суммы въ 150.000,000 р. [2]). Столь успѣшное поступленіе доходовъ позволило, помимо бездефицитнаго выполненія росписей, производить изъ обыкновеннаго бюджета многіе экстренные расходы, а также образовать значительный запасъ свободной наличности. Земскіе финансы даютъ намъ совершенно иную картину. Вмѣсто сверхсмѣтныхъ поступленій, мы здѣсь видимъ накопленіе недоимокъ, а вмѣсто образованія запасовъ, уменьшеніе принадлежащихъ земствамъ различныхъ капиталовъ и увеличеніе долговъ.

Въ 1893 г. земствами ожидалось доходовъ 46.000,000 р., а въ дѣйствительности поступило только 41.790,000 р.; т. е. недоборъ противъ смѣтныхъ предположеній составилъ болѣе 4.000,000 р. Въ этой-же цифрѣ

---

[1]) Вмѣстѣ съ расходами на содержаніе церковно-приходскихъ школъ, находящихся въ вѣдѣніи св. Синода.

[2]) Главнѣйшіе результаты государственнаго денежнаго хозяйства за послѣднее десятилѣтіе. Изд. министерства финансовъ. Спб. 1895 г.

выразился и дефицитъ земствъ по выполненiю общей ихъ росписи. 1893 г. не представлялъ собою, конечно, исключенiя. Въ общемъ-же «вслѣдствiе ряда неблагопрiятныхъ обстоятельствъ послѣднихъ лѣтъ», какъ говорится въ «Сводѣ», земскiя учрежднiя были вынуждены для удовлетворенiя своихъ потребностей прибѣгать къ позаимствованiямъ, невозвращенная совокупность которыхъ составляла къ 1 января 1894 г. 47.000,000 р. Радомъ съ этимъ принадлежащiе земствамъ капиталы уменьшились съ 73.000.000 р. въ 1887 г., до 57.000,000 р. въ 1893 г., т. е. на покрытiе дефицитовъ ушло около 16.000,000 р. Вмѣстѣ съ долгомъ казнѣ общiй размѣръ позаимствованiй составитъ, слѣдовательно, 53.000,000 р. Надо имѣть въ виду, что вся это сумма получила, такъ сказать, потребительное назначенiе, т. е. истрачена на покрытiе дефицитовъ въ текущихъ бюджетахъ.

Въ 1893 г. насчитывалось 16 губернiй съ долгами земствъ, превышающими 1.000.000,000 руб. Изъ нихъ долгъ за земствами Пермской губ. достигъ 8.800,000 руб., въ Самарской—6.212,000 руб., въ Казанской—3.573,000 руб., въ Харьковской—2.577,000 руб. и т. д. Послѣднее мѣсто въ ряду задолжавшихъ земствъ 32 губ. принадлежало земствамъ Смоленской губ., долгъ которыхъ составляетъ всего 82,000 руб. Въ томъ же году счастливыхъ губернiй, въ которыхъ поступившiе сборы превзошли смѣтныя предположенiя, было всего 9, тогда какъ губернiй съ недобором оказалось 23. Размѣръ недобора для послѣднихъ колебался отъ 0,2 до 36 проц. смѣтныхъ исчисленiй. Другими словами земства въ дѣйствительности получали иногда немногимъ менѣе двухъ третей ожидавшагося бюджета. Въ такомъ именно положенiи были земства губернiи Бессарабской. За ней, по размѣрамъ недоимокъ, слѣдуютъ губернiи: Курская—30 проц. бюджета, Тверская—28,7 проц., Рязанская—25,7 проц., Екатеринославская—21 проц., Харьковская—20 проц. Поступленiе доходовъ болѣе или менѣе значительно превзошло назначенную по смѣтѣ сумму въ губернiяхъ: Таврической, Калужской и Черниговской. Положенiе отдѣльныхъ уѣздныхъ земствъ «сводъ» рисуетъ въ еще менѣе благопрiятномъ свѣтѣ. Такъ, въ Обоянскомъ уѣздѣ недоборъ составилъ 83 проц. смѣты; въ Курскомъ—74 проц., въ Щигровскомъ—76,7 проц., въ Старооскольскомъ—69 проц., въ Спасскомъ (Тамбовской губ.)—65 проц. и т. д. Въ общемъ уѣздовъ съ недоборомъ было 137, а съ переборомъ лишь—41. При этомъ значительное число уѣздныхъ земствъ не получило и половины того, что ожидало.

## II.

Обратимся затѣмъ къ изслѣдованiю частныхъ причинъ печальнаго состоянiя земскихъ финансовъ. У насъ принято думать, что земства извлекаютъ для себя средства главнымъ образомъ изъ подоходнаго обло-



женія населенія. Но дѣйствительное положеніе дѣла даже съ формальной стороны не оправдываетъ такого представленія объ источникахъ земскихъ бюджетовъ. Земствамъ предоставлено облагать соотвѣтственно ихъ доходности или цѣнности только недвижимыя имущества, находящіяся въ уѣздахъ и городахъ. Что-же касается личныхъ заработковъ, а также доходовъ отъ промышленныхъ и торговыхъ предпріятій, то они такому обложенію не подлежатъ. Когда земства сдѣлали попытки облагать торговыя и промышленныя предпріятія по ихъ доходности, то 21 ноября 1866 г. послѣдовало изданіе спеціальнаго закона, въ которомъ категорически сказано было, что къ обложенію въ пользу земствъ могутъ быть привлекаемы только недвижимыя имущества, принадлежащія подобнымъ предпріятіямъ. Само собою разумѣется, что между цѣнностью этого имущества и доходностью самаго предпріятія соотвѣтствіе существуетъ весьма слабое. Наконецъ, значительная масса весьма доходныхъ предпріятій обходится вовсе безъ недвижимыхъ имуществъ. Въ пользу же земствъ съ такихъ предпріятій поступаетъ лишь извѣстный процентный сборъ съ выбираемыхъ ими торговыхъ документовъ. Этотъ сборъ въ отношеніи гильдейскихъ свидѣтельствъ и патентовъ на выдѣлку и продажу спиртныхъ напитковъ не долженъ превышать 25 проц. ихъ цѣны, а съ всѣхъ прочихъ торговыхъ свидѣтельствъ—80 проц.

Такимъ образомъ предметомъ подоходнаго обложенія въ пользу земствъ служатъ только земли и дома. Но послѣдніе представляютъ собою сколько-нибудь значительную цѣнность только въ крупныхъ городскихъ центрахъ. Въ результатѣ земскій бюджетъ зиждется исключительно на обложеніи земли или, другими словами, доходовъ отъ сельскаго хозяйства.

Обращаясь къ «Своду» земскихъ доходовъ и расходовъ за 1893 г. мы видимъ, что сборовъ отъ обложенія земли поступило почти на 25.000,000 р., другихъ недвижимыхъ имуществъ—9.000,000 р. и отъ торгово-промышленныхъ заведеній — 4.000,000 р. Даже въ районахъ съ высокимъ развитіемъ обработывающей промышленности подобныя заведенія не служатъ главнымъ источникомъ доходовъ земствъ. Такъ, въ Московской губ. съ земель и другихъ недвижимыхъ имуществъ поступило около 1.000,000 р. дохода, а съ торгово-промышленныхъ заведеній—800,000 р., въ Владимірской губ. перваго рода имущества дали 800,000 р., вторыя—500,000 р., въ С.-Петербургской—800,000 р. и 150,000 р. Такое-же несоотвѣтствіе обнаруживаетъ и ростъ обложенія въ отношеніи земель и торгово-промышленныхъ предпріятій. Въ 1883 г. сборъ съ земель назначенъ былъ въ 24.500,000 р. и съ торгово-промышленныхъ заведеній въ 6.000,000 р. Въ 1893 г. окладъ съ первыхъ возросъ до 31.500,000 руб., а съ вторыхъ онъ понизился до 5.800,000 р. Между тѣмъ извѣстно, что въ послѣднее десятилѣтіе обработывающая промышленность пользовалась исключительнымъ вниманіемъ нашей государственно-экономиче-

ской политики. Обороты и доходы ея за этотъ періодъ дѣйствительно возросли во много разъ. Но участіе ихъ въ расходахъ на удовлетвореніе мѣстныхъ нуждъ какъ видимъ, нисколько не усилилось.

Неравномѣрность въ обложеніи доходовъ съ одной стороны отъ сельскаго хозяйства, а съ другой—отъ обработывающей промышленности и торговли служитъ одной изъ главнѣйшихъ причинъ печальнаго состоянія земскихъ финансовъ. Уже и сама по себѣ подобнаго рода неравномѣрность является дѣломъ крайне нежелательнымъ и несправедливымъ. Несомнѣнно, что торговля и промышленность одинаково заинтересованы въ успѣшномъ удовлетвореніи мѣстныхъ нуждъ. Въ данномъ же случаѣ это неравномѣрное обложеніе совпало съ весьма острымъ кризисомъ, который переживаетъ наше сельское хозяйство вслѣдствіе паденія хлѣбныхъ цѣнъ, и съ пышнымъ разцвѣтомъ нашей обработывающей промышленности, которое совершилось въ значительной мѣрѣ насчетъ благосостоянія того же земледѣльческаго населенія на почвѣ устраненія конкурренціи болѣе дешевыхъ иностранныхъ продуктовъ и издѣлій.

Но и въ отношеніи другихъ имуществъ земское обложеніе является подоходнымъ болѣе въ принципѣ, чѣмъ на дѣлѣ. Происходитъ это вслѣдствіе отсутствія сколько-нибудь точныхъ данныхъ не только о цѣнности и доходности имуществъ, но и о самой наличности ихъ. Способы обложенія земель, практикующіеся различными земствами, весьма разнообразны. Одни земства довольствуются подраздѣленіемъ земель на удобныя и неудобныя. Другіе подраздѣляютъ ихъ на усадебныя, пахотныя, сѣнокосныя и т. д. Но въ обоихъ случаяхъ остается неизвѣстнымъ главное—самая доходность угодій различныхъ категорій и даже общая площадь ихъ. Болѣе или менѣе подробныя свѣдѣнія этого рода имѣются только относительно земель крестьянскихъ, такъ какъ они приведены въ уставныхъ граматахъ. Что же касается частновладѣтельскихъ земель, то обложеніе ихъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ производится на основаніи показаній самихъ владѣльцевъ. Естественно, однако, что они не отличаются какою-либо точностью и при томъ, конечно, всегда проявляютъ склонность уменьшить подлежащую обложенію площадь земли.

Не удивительно, что при такихъ порядкахъ то и дѣло являются разные Колумбы, которые открываютъ чуть-ли не цѣлые новые материки, уклоняющіеся отъ обложенія. Днѣпровское земское собраніе, напримѣръ, по предположенію одного изъ гласныхъ, образовало особую комиссію, сличившую показанія землевладѣльцевъ съ различными документами, въ которыхъ имѣются данныя о размѣрахъ площади земель въ различныхъ имѣніяхъ и распредѣленіи ихъ по угодьямъ (купчія крѣпости, залоговыя свидѣтельства и т. д.). Въ результатѣ «открыто» было до 11,000 десятинъ, вовсе не занесенныхъ въ списки земель. Затѣмъ

около 40,000 дес. записанныхъ въ разрядъ неудобныхъ оказались имѣющими довольно значительную цѣнность. Наглядное представленіе о размѣрахъ ускользающей отъ обложенія земли даютъ результаты оцѣночныхъ работъ, произведенныхъ въ Черниговской губ. По прежнимъ раскладкамъ къ обложенію привлекалось нѣсколько менѣе 4.000,000 дес. На основаніи же «Матеріаловъ оцѣнки» общая площадь земель опредѣлена была почти въ 4.700,000 дес. Изъ нихъ удобныхъ земель оказалось 4.460,000 дес. Такимъ образомъ къ платежу земскихъ сборовъ была привлечена новая площадь приблизительно въ 500,000 дес. Точно также и доходность земель опредѣлена была на цѣлыхъ 90 проц. выше прежней. показывавшейся произвольно самими владѣльцами.

Къ сожалѣнію Черниговская, губ. является, кажется, единственной, въ которой имѣются болѣе или менѣе точныя данныя о наличности земельныхъ имуществъ и ихъ доходности. Земства большинства другихъ губерній продолжаютъ довольствоваться показаніями владѣльцевъ. На одномъ изъ земскихъ собраній Полтавской губ. губернская управа предложила даже ходатайствовать о примѣненіи въ данномъ случаѣ существующаго для не земскихъ собраній закона, по которому устанавливаются нѣкоторыя карательныя мѣры по отношенію къ собственникамъ, дающимъ невѣрныя свѣдѣнія о своихъ имуществахъ. Но такъ какъ въ составѣ гласныхъ обыкновенно преобладаютъ крупные землевладѣльцы, то въ общемъ земства не особенно энергично заботятся о приведеніи въ извѣстность размѣра и доходности частновладѣльческихъ земель. Послѣ изданія закона объ учрежденіи оцѣночныхъ комиссій бывали случаи, когда земскія собранія тѣми или иными способами старались затруднить выполненіе сихъ работъ, необходимыхъ для болѣе правильной разцѣнки имуществъ. Въ Бессарабской губ. нѣкоторыя собранія отказывались ассигновать какія-либо средства на производство подобныхъ работъ. Въ Тамбовской губ. многіе землевладѣльцы вовсе не пожелали дать свѣдѣнія о своихъ имѣніяхъ или подтверждать ихъ достовѣрность подписями.

Тоже отчасти можно сказать и про характеръ оцѣнки другихъ недвижимыхъ имуществъ, привлекаемыхъ къ земскому обложенію. Въ отношеніи городскихъ имуществъ земства обыкновенно довольствуются оцѣнками, произведенными городскими думами. Но общеизвѣстенъ фактъ, что подобныя оцѣнки отличаются крайнею снисходительностью. Въ крупныхъ городахъ, напримѣръ, сравнительно незначительная часть имуществъ, заложенныхъ въ кредитныхъ обществахъ, оцѣнена ими далеко выше, чѣмъ всѣ имущества вмѣстѣ взятыя оцѣнены думами для обложенія. Въ этомъ отношеніи также весьма поучительны результаты оцѣночныхъ работъ, произведеннымъ черниговскимъ губернскимъ земствомъ. По этимъ даннымъ общая доходность городскихъ имуществъ

опредѣлена въ $2^1/_2$ раза выше противъ показывавшейся ранѣе. Такимъ образомъ прежде на 100 руб. налога, падавшаго на земли, города платили 6 р. 70 к., послѣ новой-же разцѣнки платежи ихъ возросли до 7 р. 90 к., т. е. увеличились приблизительно на 19 проц. Наконецъ и имущества, принадлежащія фабрично-заводскимъ и торговымъ предпріятіямъ платятъ менѣе того, что съ нихъ можно было-бы взять при болѣе тщательной оцѣнкѣ. Совершенно невѣроятно, чтобы цѣнность подобнаго рода имуществъ за послѣднее десятилѣтіе понизилась. Между тѣмъ, какъ мы видѣли, земскій сборъ отъ нихъ подвергся въ этотъ періодъ нѣкоторому даже сокращенію.

Вслѣдствіе всѣхъ указанныхъ условій обложенія главнымъ источникомъ дохода земствъ являются сборы съ крестьянскихъ земель. Въ 1893 г. смѣтный бюджетъ всѣхъ земствъ исчисленъ былъ въ 46 милл. руб. Изъ нихъ на земли, принадлежащія крестьянамъ, падало 17 милл. р. или около 37 проц., на другія земли (казенныя, удѣльныя и частныхъ владѣльцевъ)—13,732 т. р. или около 30 проц., на другія недвижимыя имущества—8,651 т. р. или около 18 проц., на торговлю—3,300 т. р. или около 6 проц. Остальную сумму дали разныя поступленія.

Что касается ближайшихъ причинъ накопленія недоимокъ, то главнѣйшей изъ нихъ, помимо, конечно, общаго пониженія экономическаго благосостоянія земледѣльческаго населенія, является произведенное въ послѣдніе годы значительное повышеніе косвенныхъ налоговъ и установленіе цѣлаго ряда новыхъ. Это обстоятельство оказало неблагопріятное вліяніе на успѣшное поступленіе всѣхъ вообще прямыхъ налоговъ. Такъ, по даннымъ министерства финансовъ, къ 1 января 1895 г. недоимки по прямымъ государственнымъ налогамъ составляли въ общемъ 102 проц. оклада. Для отдѣльныхъ-же губерній отношеніе это гораздо болѣе неблагопріятно. Въ Оренбургской, напримѣръ, губерніи, недоимки составляли 472 проц. оклада, въ Самарской—396 проц., въ Казанской—370 проц., въ Уфимской—327 проц., въ Нижегородской — 288 проц., въ Симбирской—222 проц., въ Пензенской—209 проц. и т. д. [1]). Между тѣмъ, источникомъ земскихъ доходовъ являются исключительно прямые налоги. Естественно, что все менѣе и менѣе успѣшное ихъ поступленіе не могло не отразиться самымъ печальнымъ образомъ и на состояніи земскихъ финансовъ.

Самое взысканіе денежныхъ повинностей съ населенія находится теперь, какъ извѣстно, въ рукахъ полиціи, которая, конечно, обращаетъ главное свое вниманіе на успѣшное поступленіе государственныхъ сборовъ. Въ земскихъ ходатайствахъ сплошь и рядомъ указывается даже на прямое нарушеніе чинами полиціи существующихъ правилъ въ отно-

[1]) Главные результаты государственныхъ финансовъ.

шеніи распредѣленія взыскиваемыхъ суммъ между государственною и земскою кассами. По самымъ-же правиламъ въ пользу земствъ отчисляется лишь 12 проц. этихъ суммъ. Съ другой стороны съ разныхъ категорій плательщиковъ земскіе сборы взыскиваются далеко не съ одинаковою энергіей. Достаточно сказать, что въ 1893 г. недоимки съ крестьянскихъ земель составляли 35 проц. оклада, съ казенныхъ, удѣльныхъ и частныхъ—46 проц., съ городскихъ недвижимыхъ имуществъ—48 проц. Такимъ образомъ крестьяне оказываются наиболѣе исправными плательщиками земскихъ сборовъ. Въ общемъ-же степень этой исправности чуть не обратно пропорціональна состоятельности каждой изъ отдѣльныхъ категорій плательщиковъ.

## III.

Сорокъ семь милліоновъ рублей, и страченныхъ въ 1893 г. на удовлетвореніе истинныхъ нуждъ,—сумма, конечно, весьма плачевная для территоріи, которую составляютъ 32 земскія губерніи. Изъ этой суммы наибольшая часть—12 милл. р. или почти 30 проц., израсходована на охраненіе народнаго здравія, затѣмъ на народное образованіе затрачено 6,860 т. р. или 14,6 проц., въ пособіе казнѣ на содержаніе крестьянскихъ и другихъ учрежденій—4,347 т. р. или 9,2 проц., на содержаніе собственныхъ органовъ управленія—3,900 т. р. или 8,3 проц., на подводную повинность 8 проц., дорожную—5,6 проц., общественное призрѣніе—5 проц. Таковы главнѣйшіе расходы земствъ. Съ прошлаго года земства освобождены отъ обязанности оказывать пособіе казнѣ съ тѣмъ, чтобы эти средства затрачивались исключительно на улучшеніе подъѣздныхъ путей.

Но отдѣльныя земства представляютъ много отличій, какъ въ отношеніи размѣровъ ихъ бюджетовъ, такъ и характера самыхъ расходовъ. Если мы раздѣлимъ 47 милл. на 32 губерніи, представившія свѣдѣнія о своихъ расходахъ, то средній бюджетъ каждой изъ нихъ опредѣлится приблизительно въ 1,440 т. р. Въ дѣйствительности бюджеты земствъ шестнадцати губерній выше этой средней суммы. Въ составъ ихъ входятъ губерніи: Пермская съ бюджетомъ въ 3,039 т. р., Таврическая—2,776 т. р., Вятская—2,577 т. р., Полтавская — 2,465 т. р., Московская — 2,293 т. р., Херсонская—2,259 т. р., Харьковская—2,073 т. р. Это губерніи съ наиболѣе крупными бюджетами. Противоположное мѣсто занимаютъ губерніи: Олонецкая—577,000 т. р., Пензенская—815,000 т. р., Смоленская—960,000 т. р., Калужская—998,000 т. р.

Уже изъ этого сопоставленія видно, что размѣры земскихъ бюджетовъ въ отдѣльныхъ губерніяхъ не находятся въ точномъ соотвѣтствіи съ занимаемымъ ими пространствомъ, численностью населенія или плодородія земли. Въ данномъ случаѣ немаловажную роль играетъ и раз-

личный размѣръ обложенія имуществъ. Мы видимъ, напримѣръ, что въ Полтавской губ. десятина земли обложена почти 40 к., между тѣмъ какъ въ однородной по качеству почвы Орловской губ. на десятину приходится земскаго налога только 24 к., въ Бессарабской—16 к. Такимъ образомъ въ однѣхъ губерніяхъ представители населенія какъ-бы стремятся по возможности увеличить средства земствъ на удовлетвореніе различныхъ мѣстныхъ нуждъ, въ другихъ-же они предпочитаютъ платить возможно низшіе налоги. Это отличіе въ свою очередь до нѣкоторой степени обусловливается составомъ населенія и, въ частности, составомъ земскихъ представителей. Въ общемъ наиболѣе крупные бюджеты приходятся на долю земствъ съ преобладающимъ крестьянскимъ землевладѣніемъ, тогда какъ губерніи съ преобладающимъ крупнымъ землевладѣніемъ проявляютъ въ этомъ отношеніи склонность къ экономіи. Такъ, изъ губерній, приведенныхъ нами для сравненія, въ Полтавской крестьянскія земли составляютъ около 40 проц. общей площади, въ Бессарабской—около 30 проц. Точно также до введенія новаго положенія о земствахъ въ составѣ гласныхъ уѣздныхъ земствъ Полтавской губ. преобладали гласные отъ сельскихъ обществъ, а въ Бессарабской и Орловской—гласные отъ частнаго землевладѣнія. Такое отношеніе къ обложенію имуществъ на мѣстныя нужды сдѣлается совершенно понятнымъ, если принять во вниманіе, что крестьяне гораздо болѣе заинтересованы въ хорошей организаціи медицинской помощи или народнаго образованія, чѣмъ крупные землевладѣльцы, которые непосредственно ни услугами земскихъ врачей, ни услугами первоначальныхъ школъ почти не пользуются.

Одинаково разнообразенъ и характеръ расходованія земствами своихъ средствъ. На нужды народнаго образованія, какъ мы уже видѣли, расходуется 14,6 проц. земскаго бюджета. Но по отдѣльнымъ губерніямъ размѣръ такихъ затратъ подвергается значительнымъ колебаніямъ. Такъ, въ губерніяхъ Пермской, Вятской, Полтавской, Московской онѣ составляютъ до 20 проц. бюджета, тогда какъ въ губерніяхъ Бессарабской и Симбирской расходъ этотъ понижается до 8 проц. Въ данномъ случаѣ также слѣдуетъ отмѣтить фактъ болѣе крупныхъ затратъ на первоначальное образованіе, дѣлаемыхъ въ губерніяхъ съ преобладающимъ крестьянскимъ землевладѣніемъ и преобладающимъ представительствомъ крестьянъ въ земствахъ.

Въ оффиціальномъ «Сводѣ» мы, къ сожалѣнію, не находимъ никакихъ данныхъ о расходахъ земствъ, имѣющихъ цѣлью непосредственное улучшеніе экономическаго благосостоянія населенія. Между тѣмъ въ послѣдніе годы эта отрасль земской дѣятельности начинаетъ занимать довольно видное мѣсто. Довольно подробныя свѣдѣнія о затратахъ губернскихъ земствъ на экономическія мѣропріятія заключаются въ изданномъ экономическимъ бюро при московской губ. управѣ изслѣдованіи: «Историче-

скій очеркъ экономическихъ мѣропріятій Московскаго губ. земства». Въ особомъ приложенія къ этому труду собраны данныя о такихъ расходахъ земствъ 33 губерній. Изъ нихъ видно, что 33 губернскія земства за 29 лѣтъ истратили на экономическія мѣропріятія до 18.500,000 р. Такимъ образомъ въ годъ на каждую губернію приходится до 20,000 р. Расходъ, конечно, весьма ничтожный. Но, какъ мы уже сказали, онъ выростаетъ съ каждымъ годомъ. Дѣйствительно, въ первое четырехлѣтіе (1865—1868 г.) онъ составлялъ менѣе 3 проц. всѣхъ необязательныхъ расходовъ земствъ, а въ послѣднее пятилѣтіе онъ возросъ уже до 22 проц. Въ абсолютныхъ цифрахъ расходъ этотъ возросъ съ 70,000 р. до 7—8.000,000 р. Другими словами, въ послѣднее пятилѣтіе на каждую губернію онъ составилъ уже около 45,000 р. Но здѣсь, какъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ, расходы отдѣльныхъ земствъ весьма значительно удаляются отъ этой средней цифры. Встрѣчаются земства, которыя почти не участвовали въ подабного рода расходахъ. Вологодское, напримѣръ, земство истратило за 29 лѣтъ 8,000 р., Пензенское 10,000 р., Владимірское—11,000 р. Противоположное мѣсто въ этомъ отношеніи занимаютъ губерніи Херсонская, въ которой затрачено 1.800,000 р., затѣмъ слѣдуетъ Полтавская—844,000 р., Вятская—507,000 р.

Изъ общей суммы расходовъ на «экономическія мѣропріятія» наиболѣе значительную часть поглотило улучшеніе условій скотоводства — почти 60 проц. Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло главнымъ образомъ съ организаціей ветеринарной помощи, со включеніемъ сюда борьбы съ эпизоотіями. Далѣе слѣдуютъ: распространеніе профессіональныхъ знаній — около 16 проц. всѣхъ расходовъ, изслѣдованія (статистика) — 12 проц., агрономическія мѣропріятія—9 проц. Но въ послѣднемъ расходѣ также наиболѣе значительная часть его предназначалась на борьбу съ вредными животными и насѣкомыми. Такимъ образомъ около двухъ третей всѣхъ расходовъ земствъ на экономическія мѣропріятія произведены ради борьбы съ разными врагами сельскаго хозяйства, тогда какъ на усиленіе собственно производительныхъ средствъ населенія затрачено лишь около 6.000,000 р. [1]).

Въ заключеніе слѣдуетъ отмѣтить, что значительная часть бюджетовъ земствъ предназначена на покрытіе расходовъ, которые составляли ранѣе сословную повинность одного крестьянскаго населенія. Сюда относятъ повинности—постойныя, дорожныя и подводныя. Этого рода расходъ достигаетъ 11.000,000 р., или около 25 проц. общаго бюджета земствъ. До введенія-же земскихъ учрежденій онъ лежалъ исключительно на крестьянахъ въ видѣ денежной или натуральной повинности. Съ этимъ фактомъ необходимо считаться при указаніяхъ на высшее обложеніе крестьянскихъ

[1]) Напомнимъ, что здѣсь приведены расходы только губернскихъ земствъ, тогда какъ объ однородныхъ расходахъ уѣздныхъ земствъ свѣдѣній не имѣется.

земствъ въ губернiяхъ земскихъ, сравнительно съ не-земскими. Дѣйствительно, мы видимъ, что въ земскихъ губернiяхъ крестьяне уплачиваютъ земскаго сбора 20 к. съ десятины, а въ не-земскихъ только 7 к. Но въ первыхъ изъ этихъ губернiй крестьяне избавлены отъ расхода въ 11.000,000 р., который принятъ на счетъ общаго земскаго бюджета, что составитъ около 13 к, на десятину. Въ результатѣ окажется, что размѣръ общихъ повинностей, лежащихъ на крестьянскихъ земляхъ въ губернiяхъ земскихъ, нисколько не выше, чѣмъ въ не-земскихъ. Точно также въ не-земскихъ губернiяхъ исключительно на средства крестьянъ организована медицинская помощь и содержатся народныя школы, тогда какъ въ земскихъ губернiяхъ большая часть этого расхода отнесена на земскiй бюджетъ. Въ этомъ отношенiи весьма поучительны данныя, собранныя министерствомъ народнаго просвѣщенiя, хотя они и представляются нѣсколько устарѣвшими. Изъ нихъ видно, что въ земской Полтавской губернiи на первоначальное образованiе въ селахъ израсходовано въ 1880 году 148,000 рублей, а въ сосѣдней не-земской Кiевской—61,000 рублей; т.-е. въ первой изъ нихъ расходъ этотъ въ $2^1/_2$ раза выше. О качественной сторонѣ обученiя въ Кiевской губ. можно судить по тому, что здѣсь содержанiе школы обходилось въ 55 р., тогда какъ въ Полтавской губернiи расходъ этотъ составлялъ 272 р. Затѣмъ въ Полтавской губ. содержанiе школъ падало на слѣдующiе источники: государственное казначейство въ размѣрѣ 11,000 р., земства—88,000 р., сельскiя общества—35,000 р. Въ Кiевской губ. государственное казначейство давало 8,000 р., земство—0, сельскiя общества—48,000 р. Такимъ образомъ въ не-земскихъ губернiяхъ содержанiе народныхъ школъ также отнесено не на земскiй бюджетъ, а на собственныя средства крестьянскаго населенiя. Въ общемъ, слѣдовательно, въ земскихъ губернiяхъ расходы крестьянъ на удовлетворенiе мѣстныхъ нуждъ гораздо ниже. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, здѣсь они пользуются и лучше организованною медицинскою помощью, и лучше поставленною школою. Не удивительно, что правительствомъ все болѣе и болѣе сознается настоятельная необходимость приступить къ преобразованiю земскаго хозяйства въ не-земскихъ губернiяхъ.

## IV.

Увеличенiе средствъ, которыми располагаютъ земства на удовлетворенiе разнородныхъ мѣстныхъ нуждъ, является необходимымъ условiемъ улучшенiя ихъ общей дѣятельности. Съ другой стороны, только на почвѣ болѣе широкой постановки удовлетворенiя этихъ нуждъ можно вести съ успѣхомъ борьбу съ переживаемымъ нашимъ сельскимъ хозяйствомъ кризисомъ и находящимся отчасти въ зависимости отъ него пониженiемъ



уровня экономическаго благосостоянія населенія. Дѣйствительно, ранѣе удовлетворенія потребности въ общемъ элементарномъ образованіи, нельзя говорить объ успѣшномъ распространеніи профессіональныхъ знаній, безъ которыхъ, въ свою очередь, немыслимъ переходъ къ высшей земледѣльческой культурѣ, обезпечивающій и высшій доходъ. Точно также необходимы значительныя средства для организаціи агрономическаго руководства, улучшенія мѣстныхъ путей сообщенія и осуществленія разныхъ другихъ мѣръ, направленныхъ къ удешевленію, какъ производства, такъ и сбыта земледѣльческихъ продуктовъ. Между тѣмъ, несомнѣнно, что задача эта можетъ быть выполнена лишь мѣстными учрежденіями, дѣятели которыхъ сами непосредственно въ томъ заинтересованы. Въ дѣятельности земствъ послѣднихъ годовъ какъ-бы намѣчена программа подобныхъ мѣръ и сдѣланъ рядъ болѣе или менѣе удачныхъ опытовъ въ данной области. Но чтобы подобная дѣятельность получила объемъ, способный оказать должное воздѣйствіе на условія народно-хозяйственной жизни, необходимы болѣе широкія матеріальныя средства.

Наилучшимъ средствомъ къ увеличенію земскихъ бюджетовъ является болѣе полное примѣненіе принципа подоходнаго обложенія населенія и дальнѣйшее развитіе этого принципа. Въ настоящее время, какъ мы видѣли, единственнымъ объектомъ подоходнаго обложенія служатъ для земствъ недвижимыя имущества, тогда какъ обложеніе промышленныхъ и торговыхъ предпріятій находится въ самой отдаленной связи съ ихъ доходностью. Вредное значеніе такой неравномѣрности въ обложеніи на мѣстныя нужды различныхъ источниковъ дохода населенія сознается уже и центральною властью. Но разрѣшеніе этого насущнаго для земствъ вопроса откладывалось въ виду предстоявшаго пересмотра основаній для обложенія торговыхъ и промышленныхъ предпріятій въ пользу казны. Такой пересмотръ не законченъ еще и теперь. Согласно послѣднему проекту министерства финансовъ, предполагается повидимому сохранить прежнія основанія обложенія земствами этихъ предпріятій. Но съ нихъ въ пользу мѣстныхъ учрежденій, будетъ взиматься добавочный сборъ, соотвѣтствующій размѣрамъ пятипроцентнаго и раскладочнаго государственнаго налога. Это нѣчто вродѣ добавочныхъ сантимовъ, изъ которыхъ образуются бюджеты мѣстныхъ учрежденій во Франціи.

Этимъ путемъ, однако, далеко не устранится неравномѣрность въ обложеніи на мѣстныя нужды разнаго рода имуществъ, такъ-какъ размѣръ дополнительнаго сбора будетъ устанавливаться не каждымъ земствомъ въ отдѣльности, а центральною властью. Между тѣмъ въ разныхъ уѣздахъ, представляющихъ теперь собою земскія единицы, налоги въ пользу земствъ, взимаемые съ различныхъ предметовъ обложенія, составляютъ весьма не одинаковую долю ихъ чистаго дохода. Право устанавливать подобное соотношеніе предоставлено земскимъ собраніямъ.

Но на торговыя и промышленныя предпріятія право это попрежнему не будетъ распространено.

Далѣе въ возможно широкомъ удовлетвореніи мѣстныхъ нуждъ заинтересованы, конечно, нетолько владѣльцы недвижимыхъ имуществъ, но и все населеніе. Поэтому предметомъ земскаго обложенія должны были-бы явиться доходы всѣхъ лицъ, проживающихъ на данной территоріи. Въ настоящее-же время мы видимъ, что къ обложенію привлекаются самые скромные доходы мелкихъ массъ поземельныхъ собственниковъ и вмѣстѣ съ тѣмъ отъ него освобождаются весьма крупные доходы представителей разныхъ другихъ профессій. Естественно, что участіе ихъ въ расходахъ на мѣстныя нужды сопровождалось бы и участіемъ въ представительствѣ. Въ результатѣ же оно послужило бы къ значительному улучшенію состава представителей нашихъ мѣстныхъ учрежденій. въ которые теперь не входятъ наиболѣе интеллигентные классы населенія. Это одинаково относится, какъ къ земскимъ, такъ и городскимъ учрежденіямъ.

Но подоходное обложеніе явится фиктивнымъ, при отсутствіи сколько-нибудь точныхъ данныхъ о дѣйствительныхъ размѣрахъ облагаемыхъ доходовъ. Въ отношеніи недвижимыхъ имуществъ собираніе такихъ данныхъ сдѣлано теперь для земствъ обязательнымъ. Не слѣдуетъ забывать, однако, что приведеніе въ извѣстность цѣнности и доходности земельныхъ имуществъ сопряжено съ весьма крупными расходами, непосильными земствамъ. Дѣйствительно, мы видимъ, что почти во всѣхъ государствахъ западной Европы земельный кадастръ былъ произведенъ вполнѣ или отчасти на государственныя средства.

Изъ второстепенныхъ мѣръ, способныхъ улучшить финансовое положеніе земствъ, наиболѣе важное значеніе можетъ получить болѣе благопріятное для нихъ распредѣленіе общей суммы взыскиваемыхъ съ населенія повинностей. Съ этой точки зрѣнія весьма желательнымъ и вполнѣ справедливымъ было бы возстановленіе первоначальной редакціи 90 ст. о земскихъ повинностяхъ, согласно которой съ вносимой плательщикомъ суммы должны были сперва покрываться всѣ слѣдующіе съ него земскіе сборы, а потомъ уже остальныя и особыя взысканія. Теперь-же чины полиціи поступаютъ какъ разъ наоборотъ. Между тѣмъ въ бюджетѣ государства прямые налоги играютъ весьма скромную роль, тогда какъ для земствъ они являются единственнымъ источникомъ доходовъ.

**Вл. Бирюковичъ.**

---



# Плоскогорье.

Романъ.

---

## Часть первая.

### ГЛАВА ПЕРВАЯ.

#### I.

Обѣдня кончилась. Пестрая толпа, съ утра кишащая передъ церковью, подъ яркимъ солнцемъ жаркаго августовскаго утра, зашевелилась. У воротъ церковной ограды безпокойно забрякали бубенцы экипажей. Нищіе, хромые и увѣчные, ожидавшіе подаянія, выстроились въ два ряда у паперти. Толпа народа, тѣснившагося въ церковномъ преддверьѣ, хлынула къ выходу, потомъ замѣшкалась и, наконецъ, раздвинулась, чтобы пропустить бывшихъ у обѣдни и причащавшихся господъ.

Елена Николаевна Панова-Загряжская, въ блондахъ и кружевахъ, въ парижской шляпкѣ съ сиренями, придерживая рукой шуршащій шлейфъ свѣтлаго шелковаго платья, томно кивала головой, вглядываясь сквозь рѣсницы прищуренныхъ глазъ въ мелькавшія лица низко кланяющихся бабъ и мужиковъ. Нина, ясная, свѣтлая, въ бѣломъ, еще не длинномъ платьѣ, съ большой соломенной шляпой на короткихъ локонахъ, почти не отвѣчая на поклоны, глядѣла прямо передъ собою твердымъ, вызывающимъ взглядомъ. Нѣсколько отставшій Коля, высокій, немножко сгорбленный, несмотря на туго стянутый гимназическій мундиръ, съ добродушной улыбкой оглядывался по сторонамъ, привѣтливо здороваясь съ нѣкоторыми мужиками, какъ съ хорошими знакомыми.

— Не налегай, не налегай!—раздавалось по сторонамъ.

Мужики старались оттѣснить другъ друга, чтобы прочистить дорогу господамъ.

— Съ праздникомъ!.. съ праздникомъ... Съ принятіемъ св. Таинъ!.. Господа идутъ... Господъ-то пропустите!—гудѣло вокругъ.

Пестрыя, повязанныя яркими шелковыми платками головы бабъ и непокрытыя головы мужиковъ, со встряхивающимися космами волосъ, намазанныхъ для праздника масломъ, мелькали, склоняясь и поднимаясь. Ребятишки просовывались между взрослыми, толкались и глазѣли. Толпа, вытѣсненная на паперть, шевелилась, разступалась и, по проходѣ господъ, опять смыкалась сплошною массою. Изъ подъ темныхъ сводовъ церкви, вмѣстѣ съ слабо синѣющими волнами кадильнаго дыма, медленно выплывали новыя и новыя толпы народа.

— Пода-айте...—раздавались пѣвучіе голоса нищихъ.

— Пропустите, пропустите!—усердствовалъ передъ господами чей-то торопливый голосъ, и сильные локти расталкивали замѣшкавшихся мужиковъ вправо и влѣво.

Лихой говоръ бубенчиковъ заглушилъ жужжаніе толпы и причитанія нищихъ. Вороная тройка съ перекосившимися пристяжными подкатила къ воротамъ ограды открытый тарантасъ. Какія-то лица въ синихъ чуйкахъ бросились отстегивать фартукъ.

— Nini, montez!—сказала Елена Николаевна, съ любезной улыбкой принимая зонтикъ и вынутую просфору изъ рукъ какой-то суетившейся, съ трудомъ протолкавшейся вслѣдъ за господами старушонки.

Господа сѣли въ экипажъ, не переставая кивать окружавшимъ ихъ, высыпавшимъ за ограду лицамъ.

— Ахъ, Агафья Семеновна тутъ! Агафья Семеновна,—пожалуйста сегодня къ намъ! Мы ждемъ! Непремѣнно! И съ Оленькой!—закричала Елена Николаевна, увидѣвъ въ числѣ выходящихъ изъ церкви старушку въ темномъ платьѣ, съ какой-то приплюснутой черной кружевной наколкой на головѣ, съ умильными глазами и съ красными полосками на мѣстѣ бровей—какъ-будто брови ея были выщипаны.

— Покорнѣйше благодарю, матушка Елена Николаевна! Помнимъ, помнимъ, какже не помнить вашего приглашеньица.

— И съ Оленькой... Коля, садись-же! Plus vite!

Коля вскочилъ на козлы, кучеръ подобралъ возжи, и тройка, круто завернувъ, покатилась по мягкой пыльной дорогѣ, пестрѣвшей праздничными яркими платками, сарафанами и корсетками,—мимо заливающихся звонкимъ и хриплымъ лаемъ назойливыхъ деревенскихъ шавокъ.

— Жаль, что не взяли дѣтей. Погода совсѣмъ разгулялась, — сказала Елена Николаевна.

— Даже жарко! Дядѣ будетъ жарко ѣхать изъ города,—отвѣчала Нина, откидываясь вглубь тарантаса.

Въ самомъ дѣлѣ, становилось жарко. Свѣтящіеся бѣлые барашки, скоплявшіеся на небѣ утромъ, растаяли. Далеко на горизонтѣ пе-

ристыя облака растягивались, расплывались и сливались съ синѣющими лѣсами. Холмистая ширь, подернутая золотящимся туманомъ солнечнаго августовскаго дня, разстилалась по обѣ стороны дороги, спускавшейся отъ села подъ гору. Влѣво, за извилистой рѣкой, окаймленной поемными лугами, уходили вдаль пологіе бугры съ желтоватыми и зеленоватыми полосами убранныхъ хлѣбовъ. Далѣе, въ ложбинкахъ, начинались пролѣски и лѣса, перемежавшіеся опять съ полями и бурыми пашнями. Маленькими муравейниками казались среди этой шири двѣ деревушки, — одна, пріютившаяся около синѣющаго лѣса, другая брошенная среди полей. Вправо, изъ-за высокаго глинистаго бугра, по склону котораго сползала проѣзжая дорога, начинали показываться Знаменскія засѣки. Поворотъ дороги сразу открылъ видъ на великолѣпную, спускавшуюся къ рѣкѣ усадьбу Знаменки и на эти густые, лиственные лѣса, разстилавшіеся на десятки верстъ, играющіе переливами синихъ и зеленыхъ красокъ, сливающіеся на горизонтѣ съ туманами облаковъ.

Каждый разъ при этомъ поворотѣ дороги и экипажа, при этой вдругъ открывающейся картинѣ родныхъ мѣстъ, Нину опьяняло ощущеніе переходящей изъ рода въ родъ и неотъемлемой, какъ ей казалось, власти надъ этими землями, надъ этими вѣковыми дубовыми засѣками до самаго края неба. Военныя заслуги дѣда, почетъ, оказываемый отцу, губернскому предводителю дворянства, похвалы, расточаемыя съ дѣтства ей и брату за красоту и необычайныя, «геніальныя», какъ говорили нѣкоторыя знакомыя дамы, способности ко всему, чѣмъ они занимались,—все это сливалось въ ея душѣ въ какое-то побѣдоносное чувство.

Экипажъ, съѣхавъ съ горы, быстро катится по большой, хорошо проѣзженной въ этомъ мѣстѣ дорогѣ. Лихо заливаются мелкіе бубенцы, облака пыли поднимаются по сторонамъ и клубятся въ лучахъ солнца... Нинѣ кажется, что экипажъ несется гдѣ-то высоко, среди настоящихъ облаковъ, волнующихся подъ колесами. Солнце свѣтитъ ей прямо въ лицо, грѣетъ ей грудь сквозь платье, и она чувствуетъ, какъ ровно и легко бьется ея сердце. Она поднимаетъ руку, заслоняя глаза отъ солнца, и рука, тонкая, прозрачная, свѣтится насквозь—такъ что видна нѣжно-алая кровь подъ золотистой кожей.

— Maman,—говоритъ она мачихѣ, чувствуя, что радость заливаетъ ея сердце,—посмотрите, видна кровь!

— Vos mains vont se hâler, — говоритъ Елена Николаевна, съ чуть-чуть насмѣшливой улыбкой щуря глаза.—И потомъ такая пыль, что ты хорошо-бы сдѣлала, еслибы накинула что-нибудь сверхъ платья. Vous savez,—les dentelles se perdent. Такая пылища! Не знаешь, какъ быть съ шляпой и блондами. Я уже просила Павла Ивановича при-

везти мнѣ жидкость для чистки. Боюсь, забудетъ,—il est si distrait! Развѣ только этотъ мальчикъ привезетъ. Коля, ты написалъ, вѣдь, этому... всегда забываю... чтобы онъ привезъ?

— Ахъ да, maman, — заговорилъ вдругъ Коля гулкимъ, неровнымъ басомъ, оборачиваясь на козлахъ, — извините, пожалуйста, только я не написалъ ему, потому что,—знаете, maman,—у него какъ-то никогда... я не знаю... на какія-же деньги?.. Ему не даютъ дома.

Елена Николаевна слегка закусила губу. Нина вспыхнула отъ досады, что мачиха опять испортитъ ей все удовольствіе.

— Вы не можете безъ отговорокъ!—сказала Елена Николаевна.— Нѣтъ денегъ! Я-бы хотѣла видѣть мальчишку вашего возраста, который не имѣетъ въ карманѣ семидесяти-пяти копѣекъ на пустое порученіе! И вы еще разсказываете, что онъ первый ученикъ.

— Конечно, говорилъ, что первый ученикъ, — сказалъ Коля, сдерживая раздраженіе. — Вы, кажется, сами можете знать, что я никогда не лгу! Я думаю, вся гимназія знаетъ, что Андрей первый ученикъ.

— Laisse, Коля!—сказала Нина, съ пренебрежительной гримаской откидываясь въ глубину экипажа.

— Не скачи, ради Бога!—крикнула Елена Николаевна кучеру. Тарантасъ грохоталъ по бревенчатому мосту.—Сумасшедшіе какіе-то! Всѣ рессоры переломаютъ.

Кучеръ подтянулъ на минуту возжи, потомъ ударилъ ими по лошадямъ, и тройка дружно рванулась на крутую горку. Тарантасъ покатился по высокому берегу рѣки, подъ тѣнью старыхъ плакучихъ березъ. Вотъ гумно съ золотыми скирдами, каменныя риги съ свѣжими соломенными крышами; вотъ скотный дворъ, людскія. Дружно и весело залились собаки, встрѣчая господскій экипажъ.

«Какъ хорошо подъѣзжать къ своему дому!» — подумала Нина, вдругъ примиренная, успокоенная, гордая, при видѣ высокаго бѣлаго дома, выглядывавшаго изъ-за кудрявыхъ липъ.

Вотъ и ворота. Садовникъ придерживаетъ одну створку ихъ и низко кланяется. Въ широкой аллеѣ толстые стволы деревьевъ быстро побѣжали мимо экипажа. Вотъ полянка. Вотъ крокетъ. Вотъ палисадникъ передъ домомъ, весь застланный разросшимися кустами огненной настурціи. Тарантасъ подкатилъ къ крыльцу. У открытыхъ дверей уже толпились, поджидая господъ, горничныя и лакеи.

## II.

На большой террасѣ, обращенной въ садъ, былъ поданъ чай. Сервировка стола, отъ серебрянаго самовара до золоченныхъ чайныхъ

ложечекъ, была праздничная. Духъ праздничнаго успокоенія царилъ въ воздухѣ. Елена Николаевна, въ бѣлой батистовой блузѣ, шитой гладью, полулежала въ качалкѣ, щуря глаза отъ солнца, пробивавшагося сквозь парусинныя занавѣсы террасы. Сергѣй Ермолаевичъ, въ широкой чечунчовой парѣ, прохаживался по террасѣ съ гостемъ, полковникомъ Лузиновымъ, вяло продолжая начатую въ кабинетѣ бесѣду. За столомъ сидѣли приглашенныя послѣ церковнаго разъѣзда старушка и ея внучка Оленька, молоденькая, гладко причесанная дѣвушка въ яркомъ голубомъ платьѣ. Гувернантка, m-elle Linon, въ коричневомъ шелковомъ платьѣ, съ кокетливо расчесанными сѣдыми волосами, сдерживая обычную болтливость, разливала чай, изрѣдка поглядывая на дѣтей. Хорошенькая девятилѣтняя Саша, уродливо остриженная подъ гребенку, и припомаженный Ваня, въ малиновой русской рубашкѣ, сидѣли рядомъ, противъ m-lle Linon, и обмѣнивались своими дѣтскими, никому неинтересными наблюденіями.

Горячій свѣтящійся воздухъ августовскаго полудня, напоенный пряными ароматами пышно разросшихся настурцій, левкоевъ и гвоздики, упруго колыхался отъ каждаго звука. Изъ открытыхъ оконъ дома медленно и плавно лился томный напѣвъ стариннаго вальса, который Коля наигрывалъ въ гостиной, не снимая ноги съ педали, то задерживая, то ускоряя темпъ. Казалось, весь садъ проникался этимъ напѣвомъ, отвѣчая на него мѣрнымъ, безмятежнымъ дыханьемъ; торжественно и важно жужжалъ, пролетая, шмель; рои мухъ, то опускаясь, то взлетая, гудѣли порывисто, но неторопливо; что-то тикало въ травѣ или въ клумбахъ цвѣтовъ,—точно слабый, чуть слышный пульсъ бился тамъ ровно и неумолчно.

— Ah! Comme il joue, cet enfant,—сказала m-lle Linon, вскидывая черными глазами и ища, къ кому удобнѣе прицѣпиться съ разговоромъ.—Et Nina, où est elle?

— Elle change de robe, mademoiselle, — отвѣчала Елена Николаевна, медленно раскачиваясь въ тактъ вальса.

— Нинушка-то! — промолвила старушка-сосѣдка умиленно. — Какъ къ святымъ дарамъ подходила,—я смотрю, ангелъ небесный! Такъ вся и свѣтится красою господней!... Глаза-то папашины,—прибавила она, помолчавъ и робко взглянувъ на Сергѣя Ермолаевича, который заботливо устанавливалъ чашку Елены Николаевны подлѣ качалки, на маленькомъ столикѣ, деликатно отстранивъ полковника.

— A-t-il de la chance, ce gros satyre! — лукаво качнулъ головой полковникъ на Сергѣя Ермолаевича, обращаясь къ m-lle Linon, и, звонко помѣшавъ ложечкой душистый чай, прибавилъ въ сторону Елены Николаевны, нѣсколько присюсюкивая:—Знаете... этотъ... толстый... въ миѳологіи... кажется, Вулканъ, въ котораго влюбилась Венера...



Полковникъ почувствовалъ, что нѣсколько спутался въ своемъ ученомъ комплиментѣ и сдѣлалъ руками жестъ, выражающій безсиліе передать весь его восторгъ передъ этой живой Венерой.

— Онъ неисправимъ,—протянула Елена Николаевна тономъ собо-[illegible] упрека и, закинувъ за голову бѣлыя руки въ широкихъ рукавахъ, послала полковнику ласкающій взглядъ.

Полковникъ осклабился и игриво шаркнулъ ножкой, не вставая съ мѣста.

— Vous savez, il est né coiffé. Je l'ai connu enfant, ce gros personnage, обратился онъ къ m-lle Linon.

— Ah! Je me suis tout de suite dit que c'était la famille d'un vrai seigneur russe,—радостно затараторила m-lle Linon на привычную тему, хотя ея слова были не совсѣмъ подходящей репликой на замѣчаніе полковника.—Il y a six ans que j'y suis...—начала она повѣствовать въ сотый разъ.

Въ гостинной послышался вдругъ шумъ борьбы и звонкій хохотъ. Потомъ двѣ пары дѣтскихъ рукъ бойко забарабанили какой-то шаловливый маршъ, гдѣ въ басахъ гудѣли одни и тѣ-же аккорды, а дискантъ заливался причудливой руладой. Всѣ невольно засмѣялись.

— Этакія канальи! Вѣдь это они сами состряпали! Чортъ ихъ знаетъ, откуда только у нихъ берется!—сказалъ Сергѣй Ермолаевичъ своимъ сочнымъ голосомъ, съ видомъ полнаго удовольствія, и ловко вскочивъ съ мѣста, несмотря на свою грузную фигуру, повернулся къ дверямъ.

— Mais monsieur!—вскрикнула m-lle Linon, проворно срываясь со стула.

— Сережа, mademoiselle! Mais laissez de grâce! — остановила ихъ Елена Николаевна.—Оленька, милая, скажите имъ, ради Бога, чтобы они шли сюда. Вѣчный безпорядокъ!

Оленька шумно отодвинула стулъ и, сдѣлавъ въ знакъ своей готовности къ услугамъ маленькій нелѣпый книксенъ, исчезла въ дверяхъ.

— Mais je vous ai dit, je vous ai dit,—смѣялся полковникъ, потирая руки и подмигивая на m-elle Linon и Сергѣя Ермолаевича.—Mademoiselle ne laisse pas passer l'occasion pour seduire un seigneur russe.

— Monsieur le colonel! — завопила m-lle Linon, игриво отмахиваясь руками.—Vous êtes impossible!

— N'estcepas?—хохоталъ Сергѣй Ермолаевичъ.—Скотина этакая!—прибавилъ онъ тономъ товарищескаго одобренія.

Въ домѣ слышалась отчаянная возня. Кто-то падалъ, кто-то барахтался среди визговъ и криковъ. Потомъ послышались мѣрные тяжелые шаги и въ дверяхъ показалась странная группа,—что-то высокое,

пирамидообразное; наверху торчала голова Оленьки, съ напряженнымъ краснымъ лицомъ и остановившимися отъ страха глазами. Раздался общій взрывъ смѣха. Только старушка-сосѣдка молча замерла на мѣстѣ отъ изумленія.

— Спустите ее, шельмецы!—хохоталъ Сергѣй Ермолаевичъ во все горло, развертывая большую турецкую шаль, изъ-подъ которой выглянули растрепанныя головы Коли и Нины, державшихъ Оленьку на скрещенныхъ рукахъ и задыхавшихся отъ хохота.

— Откуда эта шаль? Неужели съ дивана?—воскликнула Елена Николаевна.

Но ее не слышали. Оленька, державшаяся обѣими руками за шеи своихъ носильщиковъ, начала вдругъ всѣмъ тѣломъ дрожать, а когда Сергѣй Ермолаевичъ, подхвативъ ее сильными руками, поставилъ на полъ, разразилась слезами.

— Mon Dieu! mais elle pleure!—воскликнула вдругъ m-lle Linon съ искреннимъ состраданіемъ и подбѣжала къ Оленькѣ.

На минуту всѣ смутились. Старушка, бабушка Оленьки, растерянно и неловко вылѣзла изъ-за стола. Дѣти оторопѣли.

— Toujours des bêtises!—раздраженно крикнула Елена Николаевна.—Mademoiselle Linon, donnez lui un peu d'eau de Cologne à mettre sur les tempes.

— Ne pleurez pas, ma chérie,—говорила m-lle Linon, уводя плачущую Оленьку, вмѣстѣ съ ея бабушкой, въ комнаты.

— Вотъ дурачье! — добродушно выругался Сергѣй Ермолаевичъ, чтобы не дать обществу почувствовать замѣшательство.—Какого чорта вы ее взгромоздили на головы?

— Это была говорящая пирамида, папа,—сказала Нина, оправдывающимся тономъ, глядя по сторонамъ смущенными блестящими глазами и нервно приглаживая рукой волосы.

— Mais vous la connaissez assez, cette petite bête... d'abord,—сердито сказала Елена Николаевна.

— Нѣтъ, а я думаю что?—со смѣхомъ сказалъ полковникъ, не замѣчая раздраженія Елены Николаевны.—Вѣдь, это та самая дѣвица, Коля, которую мы когда-то твоей невѣстой называли?.. Такъ это онъ ее-то, невѣсту свою, чуть не на голову себѣ посадилъ. Молодчикъ!—Онъ захохоталъ.

— Ахъ, это ужасъ, что они съ ней продѣлываютъ! Вы спросите ихъ... Это ужъ второй разъ за лѣто, что они ее до слезъ довели!—воскликнула Елена Николаевна.—Что это было такое?.. Я даже забыла...

— Чортъ знаетъ что такое!—закричалъ со смѣхомъ Сергѣй Ермолаевичъ.—Она это презабавно разсказываетъ! Разскажи полковнику, Нинка!



— Да ничего особеннаго, — сказала Нина, виновато улыбаясь.— Мы ее поймали въ сумерки въ комнатѣ и стали ее пугать... То есть не пугать... а такъ: дѣлали такіе страшные глаза и когти—вотъ такъ, руками. (Она разставила пальцы на рукахъ и стала кивать ими)... И говорили басомъ: «Чудище огромно, озорно и лаяй!.. Чудище огромно, озорно и лаяй!..» А она не понимала и вдругъ заплакала...

Нина засмѣялась и глядя, какое впечатлѣніе произвелъ ея разсказъ на полковника, кокетливо взяла въ руку свой локонъ и стала растягивать его живыя, темно-золотистыя кольца.

— А? а? Ну, какъ это тебѣ понравится? — заливался смѣхомъ Сергѣй Ермолаевичъ.—Дѣвицѣ скоро шестнадцать лѣтъ, невѣста, можно сказать,—а она вотъ этакія штуканціи вмѣстѣ со своимъ братомъ откалываетъ! Ну, что ты на это скажешь?

— Живость!—хихикалъ полковникъ, заглядываясь на Нину.

— То-то! Живость!.. А самъ — смотрите, какіе ей глазки состроилъ... Ты у меня смотри, дружище... Я тебѣ позволилъ ухаживать за женой, да и то больше, чтобы она тебя придерживала въ ежовыхъ рукавицахъ, а ты ужъ начинаешь заглядываться и на дочку! Туда-же! Живость!

— Папá!—сказала Нина тихо, не то со смѣхомъ, не то съ упрекомъ въ голосѣ и вдругъ, густо покраснѣвъ, вскочила и звонко крикнула, обращаясь въ садъ:—Кузьма! а лошадей запрягаютъ?

Она подбѣжала къ лѣстницѣ, ведущей въ садъ, и ея замѣтные изъ-подъ платья каблучки затопотали по ступенькамъ. Локоны запрыгали по плечамъ, бѣлое платье мелькнуло и исчезло, скрытое боковыми парусинными занавѣсями террасы.

— Vous la gâtez, полковникъ,—недовольно сказала Елена Николаевна.—И потомъ, сколько разъ я говорила тебѣ, Сережа, чтобы ты оставилъ эти шутки. Она, Богъ знаетъ, что о себѣ вообразитъ! Si vous saviez les caprices, qu'elle a faits ce matin à propos de la robe.

— Vous êtes jalouse, ma belle, и не понимаете шутокъ, — сказалъ Сергѣй Ермолаевичъ, взявъ ея руку и нѣжно цѣлуя въ ладонь.

— Нѣтъ, это не шутки. Les enfants sont vraiment gâtés par les louanges qu'on leur fait, — возразила Елена Николаевна, и, обращаясь къ входящей m—lle Linon, прибавила:—Et bien? A t'elle fini de pleurer, cette petite drôle?

— Je lui ai parlé de la promenade que nous allons faire au bois pour la distraire. Oh, qu'elle était triste, la pauvre chérie!—прибавила она сантиментально.

— Да, кстати, а тамъ запрягаютъ? — спросилъ Сергѣй Ермолаевичъ, обращаясь къ Колѣ.

— Я поду верхомъ,—отвѣтилъ Коля.





— Вѣчно что-нибудь особенное! Мало вамъ экипажа! Toujours des bêtises!—замѣтила Елена Николаевна. Moi, je reste.

— Вы хотите наказать насъ? — сказалъ полковникъ, игриво изображая человѣка, смиренно подчиняющагося суровой карѣ, — свѣшивая голову и разводя руками.

— Нѣтъ, vous êtes assez nombreux. Поѣзжайте.

— Барыня гнѣвается, — пробовалъ шутить Сергѣй Ермолаевичъ, чтобы развеселить жену.

— Mais non, je vous ai dit, я устала, отдохну! Велите подавать лошадей и, пожалуйста, не особенно долго. Вѣдь къ четыремъ пріѣдетъ Поль... и потомъ еще этотъ... мальчикъ.

Всѣ встали и пошли собираться на прогулку въ лѣсъ.

## III.

Засѣка тянулась на необъятное пространство во всѣ стороны. Нѣкоторые участки ея были очень стары. Исполинскіе дубы, липы и вязы стояли тамъ могучіе, мрачные, довольно далеко другъ отъ друга. Высокими сводами разстилалась вверху зеленая листва, поддерживаемая толстыми чернѣющими суками. Мягкіе пожелтѣвшіе листья липы неслышно отрывались иногда отъ вѣтвей, и медленно качаясь въ безвѣтреномъ воздухѣ, падали на землю, смѣшиваясь съ бурыми, хрустящими, ранѣе опавшими листьями дубовъ. Мѣстами въ засѣкѣ попадались участки молодые, не вполнѣ прочищенные. Здѣсь непролазныя чащи мелкаго осинника и березняка смѣнялись открытыми полянками, заросшими по краямъ кустами молодой липы, ивы, ракиты, орѣшника. На полянкахъ было радостно, свѣтло и привольно.

Нина шла рядомъ съ Колей, обхвативъ рукой его опущенную руку и шаловливо прижимаясь головой къ его плечу.

— Знаешь, Колечка, это я нарочно тебя увела, — сказала она.— Мнѣ надоѣло съ нашими... И потомъ, мнѣ такъ хочется съ тобой поговорить.

— Ну-ка!—отвѣтилъ Коля, приглашая ее этимъ высказаться.

— Знаешь... я не понимаю, право, что это полковникъ... Онъ все говоритъ мнѣ сегодня такіе комплименты... Знаешь, что онъ сказалъ, когда мы ѣхали? Что, когда я буду выѣзжать, весь городъ будетъ у моихъ ногъ... И такіе все комплименты!..

— Вральманъ!—замѣтилъ Коля, не любившій полковника, который часто его дразнилъ.

— Почему ты говоришь вральманъ?—отвѣтила Нина, немного покраснѣвъ и обидѣвшись.

— Да вретъ. Потому и вральманъ.



— Нѣтъ, онъ вправду говорилъ и серьезно... Онъ не мнѣ, а папà.

— Ну, а папà что-жъ?

— Да ничего. Только я не люблю, когда папà такъ... Онъ все намекаетъ... Я не люблю этого. Просто, не знаешь, какъ себя держать.

— Ахъ, это насчетъ разныхъ тамъ этихъ ухаживаній! Да, есть у папà эта привычка. Вотъ и насчетъ Оленьки тоже,—что тамъ «невѣста», и все такое. Я самъ этого не люблю, да ужъ у него это такъ заведено. А что онъ сегодня говорилъ?

— Да вотъ насчетъ полковника. Правда, этотъ полковникъ такъ иногда начнетъ смотрѣть...

— Да это онъ на всѣхъ женщинъ!

— Ну вотъ! Вовсе не на всѣхъ.

— А что-жъ, ты и серьезно воображаешь, что онъ за тобой ухаживаетъ?

— Я не знаю, — сказала Нина недовольнымъ тономъ, отвернувшись, и выпустила руку брата.

— Что-то ты о себѣ, Нинка, завоображала!—замѣтилъ Коля добродушно.

— Почему это ты думаешь?—отвѣтила Нина, пожимая плечами.

— Да такъ. Я ужъ вижу.

— Въ какомъ это отношеніи?

— А такъ... Передъ зеркаломъ вертишься. Ты думаешь, — я не замѣчаю? Ты вотъ вчера примѣряла свое новое гимназическое платье,— я три раза мимо прошелъ, а ты даже и не замѣтила. Ноль вниманія! Полчаса себѣ на груди что-то разглаживала!

— Фу! Пустяки какіе!—воскликнула Нина, вспыхнувъ.—Совсѣмъ не на груди. Просто, бѣлый воротникъ нехорошо сидѣлъ.

— Ну да! Бѣлый воротникъ... все равно. Тоже и этотъ бѣлый воротникъ у тебя! Одна во всей гимназіи носишь. Былъ бы я классной дамой, вкатилъ бы тебѣ тройку за поведенье, чтобы съ учителями не кокетничала!

— Съ учителями! Никогда я не кокетничаю!—закричала Нина съ гнѣвомъ.—Самъ очень хорошо знаешь. Ты это, кажется, отъ полковника научился пошлости говорить?..

Теперь ей было уже непріятно думать о полковникѣ, а на Колю она была совсѣмъ сердита. Онъ не понимаетъ ее. Уже нѣсколько разъ за послѣднее лѣто она замѣчала, что онъ совсѣмъ не понимаетъ ее и говоритъ грубыми словами о такихъ вещахъ, о которыхъ лучше было совсѣмъ не говорить. Онъ не понимаетъ, что она, дѣйствительно, нравится многимъ, но совсѣмъ не потому, что кокетничаетъ... Ихъ обоихъ

съ дѣтства всѣ хвалили и баловали, всѣ восхищались ими, называя ихъ милыми, прелестными, умненькими. Самого Колю и теперь очень хвалили, когда онъ рисовалъ свои забавныя каррикатуры и «кошачьи трагедіи»,—игривые портреты знакомыхъ въ видѣ кошекъ съ очень разнообразными позами и минами. Нина не рисовала каррикатуръ, но зато она сознавала за собой многое такое, чего не было у Коли. И учителя гимназіи не могли не выдѣлять ее, не оказывать ей предпочтенія—вовсе не потому, что она кокетничала съ ними. Очень нужно—съ учителями! Правда, она любила одѣваться въ гимназіи немножко не такъ, какъ другія, носила всегда большой батистовый, нѣсколько открытый воротникъ,—но ужъ никакъ не для учителей, а просто потому, что онъ шелъ къ ней, и другія ученицы завидовали ей или говорили ей въ глаза, что она «милочка» и хорошенькая. Это было такъ весело!.. Она видѣла себя въ собственномъ воображеніи именно такою: хорошенькой, немножко гордой, окруженною обожающими ее или завидующими ей подругами, къ которымъ она относилась съ привѣтливой снисходительностью или легкимъ пренебреженьемъ. Она заранѣе представляла себѣ, какъ, по возвращеніи въ городъ, она поѣдетъ въ гимназію на своихъ лошадяхъ, надѣвъ коричневую бархатную кофточку и большую фетровую шляпу съ перомъ. Она чувствовала себя хорошенькой. Но то, что говорилъ про нее Коля, было просто глупо съ его стороны. Богъ знаетъ, что находило на него за послѣднее время. Думая о томъ, какъ сильно измѣнился Коля, Нина чувствовала себя совсѣмъ одинокой, и ей становилось грустно до слезъ.

— Я не знаю, Коля, что это съ тобою дѣлается за послѣднее время,—проговорила она послѣ долгаго молчанья, идя подлѣ брата по скошенной полянкѣ, залитой солнцемъ.

— А что такое?—спросилъ Коля съ удивленіемъ. Видно было, что онъ думалъ уже о чемъ-то другомъ и совсѣмъ забылъ о размолвкѣ.

— Вотъ... Ты уже не помнишь! Ты постоянно такъ. Только и умѣешь шутить и дурачиться, а какъ заговоришь съ тобой серьезно, по душѣ, ты говоришь такое все...

Она не могла подъискать слова для выраженія своего неудовольствія, и ей показалось, что въ этомъ тоже виноватъ Коля, разучившійся понимать ее.

— Ты... Я не знаю, о чемъ ты теперь думаешь? Ты больше никогда не говоришь со мной откровенно. Я не знаю даже, есть-ли у тебя какія-нибудь мысли.

— Мысли-то? Да какія мысли! Мнѣ вотъ теперь черезъ два дня въ гимназію ѣхать,—а вѣдь каковы мои дѣла? Сама знаешь. Вотъ тебѣ и мысли. Переэкзаменовку-то теперь уже по боку... Лѣто вотъ прошло, съ репетиторомъ такъ и не сладились: поговорили да и ду-

мать забыли... А теперь что же я буду дѣлать? Видно, придется... того... зазимовать въ шестомъ! Чортъ ихъ дери совсѣмъ!

— Кого это?

— Да нѣтъ, такъ. Мнѣ, собственно, наплевать. Въ шестомъ, такъ въ шестомъ. Еще лучше—дѣла меньше будетъ. А только вотъ шелъ сейчасъ и подумалъ: всегда это у насъ такъ,—поговорятъ да и забудутъ. А потомъ меня же будутъ пилить—зачѣмъ остался! Вѣдь говорилъ же директоръ папà, чтобы взяли репетитора. Не на свои же мнѣ деньги репетиторовъ нанимать...

— Ну, Коля, причемъ тутъ деньги?—замѣтила Нина, поморщившись при мысли о томъ, что брату придется остаться въ шестомъ классѣ и что его упреки относительно безпечности отца были справедливы. Ей было всегда очень непріятно и даже больно признавать какой-нибудь замѣтный недостатокъ въ отцѣ, которымъ она всегда гордилась.— А развѣ твой товарищъ этотъ, Тропининъ,—ужъ не можетъ тебѣ теперь помочь?—прибавила она.

— Ну вотъ? Въ два дня-то: что онъ—Духъ Святой, что-ли? Да еще праздники.—Коля махнулъ рукой и, встряхнувшись, засмѣялся.— Смѣхота одна, да и только!

— Что смѣхота?

— Да все! Вотъ теперь дядя Поль Андрея привезетъ, и всѣ думаютъ, что онъ меня въ два дня начинитъ... Право вѣдь—думаютъ.

— Никто этого не думаетъ.

— Ну да! не думаетъ! Тебя вотъ не было тогда, когда они хватились—на прошлой недѣлѣ. А папа такъ прямо и говорилъ: «позови говоритъ, этого,—который на экзаменѣ тебя за уши тянулъ, онъ, видно, дѣльный малый, авось, и теперь вывезетъ». Ну я и написалъ. Написать-то невелика штука! Да еще забылъ тогда, что ему одному и не добраться. У него вѣдь въ карманѣ-то, что говорится, ни шиша,— это вѣдь только maman воображаетъ, что если хорошій ученикъ, такъ и деньги водятся... Такъ еще одно письмо пришлось въ догонку написать,—чтобъ съ дядей Полемъ пріѣхалъ. Да еще дядѣ Полю записку написалъ. Строчилъ—строчилъ... фу ты, Господи!

— Экій ты! Двѣ записки трудно написать!—сказала Нина со смѣхомъ, хватая его опять за руку.

— Не двѣ, а три! Да и не то, что трудно, а ни къ чему. Я вѣдь не барышня, чтобы попусту записочки писать.

— Ну вотъ! Ты опять начинаешь!.. перебила его Нина запальчиво.—Опять «барышни»!

— А ты опять пѣтушишься!

— Совсѣмъ я не пѣтушусь, а просто я не люблю, когда ты говоришь, какъ всѣ мальчишки!



— Вотъ-тѣ на! Это ужъ ты, кажется, отъ maman выучилась! Что ни скажи,—только одно и знаешь: «Мальчишки!... Мальчикъ» Коля передразнилъ пѣвучій голосъ мачихи и ея пренебрежительную гримасу.

Нина разсмѣялась.

— Да право! эти дни, какъ заведетъ разговоръ про Андрея, сейчасъ эту свою мину состроитъ (Коля опять передразнилъ мачиху, нѣсколько откинувъ голову, и сдѣлалъ какой-то плавный жестъ руками въ воздухѣ): «Этотъ мальчикъ!..» А какой онъ ей мальчикъ? Это я какъ-то разъ при ней сказалъ, что его отецъ *простой*,—вотъ она и кривляется теперь. Еще чего добраго, сегодня ему рожу какую-нибудь состроитъ, когда онъ пріѣдетъ! Надо скорѣе домой ѣхать,—чтобы безъ меня не пріѣхали...

— Ну вотъ! Неужели ты думаешь, что она...—Нина почему-то вдругъ смутилась.—Это была-бъ такая гадость!... И потомъ—вѣдь онъ же теперь образованный...

—Еще бы! Не то, что образованный, а просто первѣйшая голова, можно сказать. Онъ у насъ больше самого Коломѣйцева знаетъ. Посмотрѣла бы ты, какъ онъ его разъ этой зимой спуталъ... Я тебѣ разсказывалъ, кажется...

— Онъ высокій?—спросила Нина задумчиво.

— Такъ—малость пониже меня будетъ.

— Такъ ты у насъ верзило!—засмѣялась Нина.—Вотъ какъ эта осина.—Она указала на высокую худосочную осину недавно прочищеннаго лѣсного участка, по которому они шли, то сходясь, то расходясь,—огибая деревья.—Только знаешь: мнѣ теперь какъ-то не кажется, что ты старше меня. Прежде, когда мы были маленькіе и ты ходилъ со мной за ручку, ты казался мнѣ большимъ. А теперь мнѣ кажется иногда даже, что ты младше меня.

— Ну вотъ! Съ чего это?

— Такъ. Не знаю. А вотъ товарищъ твой Тропининъ кажется мнѣ большимъ.

— Да ужъ не маленькій, конечно. Самъ хлѣбъ зарабатываетъ. Только онъ немногимъ старше меня.

— А всетаки...—Нина задумалась и, смолкнувъ, стала напѣвать пѣсенку. — А знаешь, живо сказала она, остановившись и оборачиваясь къ Колѣ съ просвѣтлѣвшимъ лицомъ:—мнѣ интересно посмотрѣть, какой онъ изъ себя. Это такое особенное чувство, когда о комъ-нибудь слышишь и представляешь себѣ, а потомъ увидишь,—и вдругъ онъ совсѣмъ не такой! Я не могу себѣ представить, какой онъ?

— Ну вотъ увидишь. Только ты не воображай, пожалуйста, что онъ тебѣ любезности разныя будетъ говорить, какъ наши городскіе франты. Еще и разговаривать-то станетъ-ли!



— Это почему?—спросила Нина, смутившись.

— Да такъ, ужъ я тебѣ говорю. У насъ другіе гимназисты за гимназистками на улицахъ бѣгаютъ, а онъ себѣ и въ усъ не дуетъ...

— Фу, Коля! Какъ ты всегда! Развѣ я про то? Я спрашиваю,—почему ты говоришь!—разговаривать не станетъ?

— А вотъ увидишь!

— Ну и увижу!—проговорила Нина, нахмуривъ брови,—нѣсколько обидѣвшись и разстроившись.—Если важничаетъ, такъ и не надо!

— Ничего не важничаетъ.

— Нѣтъ, ужъ я вижу, какой онъ...

— Ну какой-же?

— Надутый.

— Надутый! Тоже хватила. Сама ты надутая. Вотъ тебѣ!—Коля присѣлъ, надулъ щеки, потомъ показалъ сестрѣ языкъ, вскочилъ и разсмѣялся.

— Дуракъ!

— А ты—дурында!—Онъ быстро обхватилъ ее, чмокнулъ въ щеку и школьнически пощекоталъ ямку открытой шеи.

— Ну тебя! Я боюсь! Убирайся, абирайся!—Нина звонко смѣялась и отмахивалась руками.—Убирайся, въ самомъ дѣлѣ—тебѣ домой пора, а то опоздаешь...

— А, чортъ! Вѣдь правда. Ну-ка пойдемъ. Надо нашихъ отыскать.

— Нѣтъ, я еще погуляю...

— Ну, какъ знаешь. Гуляй себѣ на здоровье. О ревуаръ!

Коля послалъ ей воздушный поцѣлуй и пошелъ, посвистывая, назадъ.

Нина осталась одна: ей хотѣлось побыть одной, разобраться въ себѣ. Что-то смутно волновало и тревожило ее. Противъ обыкновенія, она не знала, какъ будетъ вести себя сегодня, не представляла себѣ, какъ все это случится. За послѣднюю зиму она старалась держать себя въ обществѣ чужихъ людей, какъ взрослая, и мало того,—какъ «дочь предводителя дворянства». Каждый разъ, когда въ домъ ждали гостей—особенно новыхъ, пріѣзжавшихъ съ первымъ визитомъ, она заранѣе представляла себѣ свое поведеніе, свои манеры въ этой отвѣтственной роли, которую ей такъ нравилось играть. Когда ждали дамъ, она готовилась быть любезной, привѣтливой. Когда ждали мужчинъ, она настраивала себя на нѣсколько высокомѣрный, мило-небрежный, чуть-чуть вызывающій тонъ. И пріемы эти имѣли успѣхъ. Дамы вслухъ восхищались ею, обращаясь къ мачихѣ или отцу. Кавалеры льстили ей въ глаза. Она вѣрила лести и радовалась своимъ побѣдамъ... Но сегодня все должно было начаться совсѣмъ иначе. Этотъ товарищъ Андрея, про котораго онъ съ послѣдней весны такъ много говорилъ, былъ вовсе

не похожъ на другихъ знакомыхъ,—и она чувствовала въ себѣ какую-то неувѣренность, даже робость—особенно теперь, послѣ разговора съ Колей. Его слова огорчили ее: ей вдругъ показалось, что ничего, рѣшительно ничего не выйдетъ изъ этого новаго знакомства. А между тѣмъ ей такъ хотѣлось чего-нибудь новаго. Всѣ ея сношенія съ знакомыми были исключительно показныя, сдержанныя, однообразныя и, въ концѣ концовъ, немножко скучныя. Настоящая жизнь была только въ деревнѣ, когда не было чужихъ. Но за послѣднее время и здѣсь ей было не всегда весело и хорошо. Она начинала замѣчать то, чего раньше не замѣчала. Манерныя придирки мачихи, навязчивая болтливость m-elle Linon, грубоватыя шутки отца—особенно его шутки съ француженкой,—все это теперь задѣвало, смущало и мучило ее. Еще чувствительнѣе былъ разладъ ея съ Колей. Въ веселыя минуты они попрежнему дружно шалили. Но теперь слишкомъ многое въ ея душѣ оставалось не раздѣленнымъ, не высказаннымъ. Бывало иногда, что на нее находили какія-то совсѣмъ новыя, тихо-радостныя, волнующія настроенія, отъ которыхъ сладостно щемило въ груди. Объ этомъ ей некому было сказать.

Теперь, гуляя въ знакомомъ лѣсу, съ его чуть слышною, но разнообразною жизнью, Нина чувствовала, какъ подступала къ ней эта волнующая радость, эта неизъяснимая нѣжная тревога. Все было такъ свѣтло вокругъ. Нина шла по скошенной и снова отросшей, густой, жестковатой травѣ, между кустами орѣшника, которые щекотали ее своими круглыми бархатистыми листьями, ярко сквозившими на солнцѣ. Откуда-то издали доносился тонкій, какъ свирель, дѣвичій голосъ, пѣвшій протяжную деревенскую пѣсню, и эта пѣсня звенѣла въ дремотномъ послѣполуденномъ воздухѣ и откликалась въ лѣсной чащѣ. Пчелы жужжали и вдругъ затихали, жадно припавъ къ полузасохшимъ лиловатымъ цвѣтамъ клевера, случайно не срѣзаннаго косой. Изъ осиновой рощи, прилегавшей къ полянѣ, пахло сыростью, прѣлымъ листомъ и грибами. Нѣсколько старыхъ мухоморовъ, сбитые чьей-то нетерпѣливой ногой, лежали распростертые на землѣ. Старая корявая черемуха, пріютившаяся у осинника, уже пестрѣла переливомъ осеннихъ красокъ, розово-желтыхъ, малиновыхъ, лиловыхъ. Стройный кленъ, одиноко стоявшій среди полянки, отливалъ на солнцѣ своими большими, багряными, пунцовыми и золотыми листьями, и на осинахъ между синевато-зелеными вѣтками дрожали отдѣльные пурпурные листки. Въ молодомъ березнякѣ, между тонкими, бѣлыми стволами, нескошенная трава, сухая, тонкая, цѣпкая, спуталась съ пожелтѣвшими сломанными метелками и поздними лѣсными цвѣтами. Тамъ, гдѣ деревья рѣдѣли, ближе къ полянамъ, на буграхъ и кочкахъ, побурѣвшій земляничникъ пестрѣлъ красными листиками, которые издали можно было

принять за крупныя ягоды. Тѣ мѣста, гдѣ весною цвѣли ландыши, были покрыты ихъ потемнѣвшею, жесткою, растрескавшеюся листвой.

Приближеніе осени чувствовалось во всемъ и что-то тихонько щемило или щекотало въ груди. Но ясное и теплое солнце, заливавшее поляну, пробиралось мѣстами даже въ густыя, влажныя чащи и будило въ нихъ какую-то душистую, почти весеннюю теплоту. Нина шла, вдыхая лѣсные запахи, и сердце ея замирало отъ сладкихъ, волнующихъ предчувствій...

Откуда-то издалека, съ той стороны, съ которой она никакъ не ожидала, послышались голоса. Нина прислушалась, и узнала громкій горловой говоръ m-lle Linon.

— Ау! крикнула она, и гулкое эхо покатилось по лѣсу. Потомъ она повернулась и быстро пошла навстрѣчу приближающимся голосамъ, перепрыгивая черезъ кочки, радостно чувствуя себя легкой и свободной.

— Nini, où êtes vous, ma chérie? Il est temps de rentrer,— закричала m-elle Linon, и ея толстая фигура показалась на тропинкѣ, вмѣстѣ съ маленькой фигуркой Оленьки.

Нина подбѣжала къ m-lle Linon, порывисто обняла ее за шею, потомъ быстро обхватила одной рукой голову Оленьки и прижалась щекой къ ея лицу.

— Ты не сердишься?—шепнула она и, не дожидаясь отвѣта, спросила звонкимъ, срывающимся послѣ долгаго молчанья голосомъ:— А гдѣ наши?

— Ils vous attendent là, tous les trois, étendus sous le grand chêne. Quel arbre majestueux!..

Нина, не слушая ее, въ припрыжку побѣжала по тропинкѣ. Лѣсъ разступился. На большой бугристой полянѣ, подлѣ завалившейся избушки лѣсника, ждала тройка.

## IV.

Андрей всталъ рано. Ему не спалось. Онъ все еще колебался, ѣхать-ли къ Загряжскимъ. Приглашеніе Коли было безтолковое, добродушное, сердечное и нѣсколько небрежное въ выраженіяхъ. Андрей не могъ понять, былъ-ли онъ для чего-нибудь нуженъ Загряжскому, по случаю его переэкзаменовки, или это была просто товарищеская любезность. Андрей вообще не бывалъ у товарищей, отчасти изъ самолюбія, чтобы не приглашать ихъ къ себѣ и не показывать имъ своего убогаго жилья при лабазѣ дяди, отчасти изъ пренебреженія: всѣ они казались ему пустыми и вздорными мальчишками; изъ всего класса онъ не зналъ никого, съ кѣмъ могъ бы говорить о томъ, что его занимало. Товарищи чувствовали это и не любили его, хотя уважали

за злой языкъ и самостоятельное обращеніе съ учителями. Что касается Загряжскаго, то онъ былъ съ нимъ очень милъ, не скрывалъ своей благодарности за услуги, оказанныя во время экзаменовъ, но ни разу еще не приглашалъ его къ себѣ. Даже объясненіями его «по предметамъ» онъ пользовался въ гимназіи, прося Андрея приходить для этого пораньше передъ экзаменомъ.

Получивъ приглашеніе отъ товарища, Андрей, во время обѣда сказалъ объ этомъ своимъ домашнимъ, чтобы предупредить ихъ, что, можетъ быть, уѣдетъ. Впечатлѣніе получилось потрясающее. Тетка отложила ложку, которой хлебала щи изъ общей чашки, и долго молча глядѣла на него, прожевывая говядину. Двоюродный братъ, ровесникъ Андрея, занимавшійся въ лабазѣ, фыркнулъ и посвистѣлъ. Дядя, темнобородый мѣщанинъ ярославскаго типа, весело помигалъ глазами и поощрительно проговорилъ: «Вона, какое пошло!.. Къ предводителю!.. Что-жъ! поѣзжай, поѣзжай! Ты ему, Марья, мундиръ-то поотчисти—слежался, я чай, за лѣто».

Все это взволновало и раздосадовало Андрея, превративъ товарищеское приглашеніе во что-то отчасти унизительное, въ какую-то награду бѣдному мальчику за усердіе въ наукахъ и за помощь предводительскому сынку.

— Не знаю. Можетъ быть, я еще не поѣду,—сказалъ онъ, нахмурившись.

— Ну вотъ еще! сказалъ дядя.—Ломаться будешь! Прозѣвай разъ, такъ въ другой разъ и звать не станутъ. Чувствовать должонъ, что такой чести дождался! Больно ужъ ты уменъ сталъ!..

Тогда Андрей рѣшительно заявилъ, что не поѣдетъ. Весь день, наканунѣ праздника, когда его ждали въ Знаменкѣ, онъ ходилъ хмурый, раздражительный, два раза промолчалъ въ отвѣтъ на какіе-то вопросы тетки, огрызнулся на двоюроднаго брата за его зубоскальство, избѣгалъ дяди. Его все-таки тянуло ѣхать. «Не все-же въ этой норѣ сидѣть», говорилъ онъ себѣ, съ отвращеніемъ оглядывая свою коморку, въ углахъ которой обвисла за лѣто какая-то жирная, пыльная паутина. Андрей нѣсколько разъ перечиталъ записки Коли. Онѣ казались ему радушными и достаточно уважительными—безъ тѣни какой-либо снисходительности. Онъ уже почти рѣшался ѣхать, но въ душѣ его все еще было неспокойно. Цѣлый день онъ слонялся безъ дѣла. Хотѣлъ-было зайти къ своему бывшему учителю Иванчину, который помогъ ему выбраться изъ городского училища въ гимназію и черезъ котораго онъ получалъ для чтенія книги и журналы,—но вдругъ ему представилось, какъ тотъ, узнавъ о приглашенія, будетъ подсмѣиваться надъ нимъ за знакомство съ «предводителями», и онъ предпочелъ отложить посѣщеніе Иванчина до другого раза. Настроеніе было смутное. То ему казалось, что лучше было бы выдержать характеръ и не ѣхать къ Загряжскому, то онъ

говорилъ себѣ, что настоящій характеръ въ томъ именно и будетъ состоять, чтобы поѣхать, но держать себя твердо, «согласно со своими убѣжденіями» и достойно своихъ плановъ относительно будущаго... «Все равно, можно и съ предводителемъ такъ себя повести, что онъ будетъ знать... Приходилось же *другимъ»*...—думалъ онъ перебирая въ умѣ нѣкоторыя извѣстныя біографіи. «Не въ томъ суть, съ кѣмъ быть знакомымъ, а—какъ держаться!» Онъ рѣшилъ, что будетъ разговаривать только съ Колей, а, если предводитель заговоритъ съ нимъ въ неподходящемъ тонѣ или позволитъ себѣ какую-нибудь выходку, онъ холодно взглянетъ на него и скажетъ: «Извините, я пріѣхалъ къ вашему сыну, и собственно къ вамъ не имѣю никакого касательства». Въ случаѣ чего-нибудь, можно даже сказать Колѣ,—изъ деликатности,—что у него есть въ городѣ дѣло и въ тотъ же день уйти, просто пѣшкомъ уйти домой: пятнадцать верстъ не такая важная штука. Пусть знаютъ, что свѣтъ не сошелся клиномъ на ихъ предводительствѣ и разныхъ дворянскихъ фокусахъ... «Теперь ужъ этому всему конецъ. Времена другія», думалъ Андрей, ссылаясь мысленно на нѣкоторыя журнальныя статьи и съ гордостью чувствуя, что самъ онъ примыкаетъ къ какому-то новому, широкому теченью, разливающемуся все шире и шире, по всей Россіи, и уносящему его къ таинственно улыбающемуся, свѣтлому будущему.

Андрей рѣшилъ ѣхать и заснулъ, думая объ этомъ не безъ затаеннаго удовольствія... Подъ утро ему приснилось, однако, будто онъ долженъ куда-то насильно, противъ воли, ѣхать вмѣстѣ съ предводителемъ, и будто предводитель, котораго онъ зналъ въ лицо, потому что ему показывали его въ церкви, но который былъ во снѣ похожъ на директора гимназіи, очень непріятнаго человѣка,—строго велитъ ему лѣзть на козлы, къ кучеру. Андрей громко и сердито закричалъ: «не стану! не хочу съ кучеромъ...» и проснулся отъ собственнаго голоса. Было уже совсѣмъ свѣтло. «Фу ты, Господи! Къ дяденькѣ ихъ еще тащиться!» думалъ Андрей, проворно одѣваясь и безпокоясь, что проспалъ. Онъ еще не совсѣмъ очнулся отъ сна, и его тревожило, что вдругъ этотъ дяденька, господинъ Украинцевъ, сѣвъ въ коляску, въ самомъ дѣлѣ предложитъ ему лѣзть на козлы...

Было, однако, всего девять часовъ: дядя и тетка только что ушли къ обѣднѣ. Идти къ Украинцеву было еще рано. Но Андрею не сидѣлось дома. Онъ одѣлся и пошелъ бродить по городу.

Городскіе часы показывали половину одиннадцатаго, когда Андрей позвонилъ у крыльца Украинцева. Ему отворила толстая, рябая и веселая дѣвушка, въ крахмальномъ розовомъ платьѣ.

— Вамъ кого?—спросила она.—Павелъ Ивановичъ почиваютъ еще.

Андрей, полагавшій, что его ждали, былъ въ душѣ нѣсколько ущемленъ. Ему показалось это какой-то небрежностью.

— Ну, такъ я погуляю,—сказалъ онъ, отступая отъ двери.

— А то посидите въ гостинной, я разбужу ихъ, — добродушно замѣтила дѣвушка и быстро побѣжала вверхъ по деревянной лѣстницѣ.

Андрей нерѣшительно прошелъ за ней и остановился на порогѣ гостинной, прислушиваясь къ голосу дѣвушки за стѣной. Большая свѣтлая комната была не убрана со вчерашняго дня. Преддиванный столъ былъ сдвинутъ съ своего мѣста. На большомъ диванѣ лежала смятая подушка, валялся мундштукъ, у дивана были разбросаны окурки папиросъ. Съ какимъ-то особеннымъ чувствомъ, щекочущимъ и немножко жуткимъ, какъ если бы онъ дѣлалъ какую-нибудь нескромность, Андрей сталъ оглядывать неубранную комнату. Это была, очевидно, квартира одинокаго человѣка. Но надъ диваномъ висѣлъ большой портретъ молодой женщины, и ея же портреты, потускнѣвшіе отъ времени, висѣли въ разныхъ мѣстахъ на стѣнѣ и стояли на письменномъ столѣ рядомъ съ большой чернильницей, полной загустѣвшихъ и заплѣснѣвшихъ чернилъ. Нѣсколько номеровъ «Московскихъ Вѣдомостей», смятыхъ и небрежно сложенныхъ, лежали на этажеркѣ, вмѣсто книгъ, которыхъ нигдѣ не было видно.

— Читаетъ Каткова! — подумалъ Андрей съ предубѣжденіемъ противъ Украинцева. Онъ продолжалъ стоять на мѣстѣ, стараясь не двигаться, съ непріятнымъ ощущеніемъ ожидающаго просителя.

— Павелъ Ивановичъ сейчасъ выйдутъ. Приказали вамъ кофею предложить или чаю, чего прикажете,—сказала, выходя, дѣвушка.

— Благодарствуйте, я не хочу,—отвѣтилъ Андрей и покраснѣлъ.

— Отчего же? кушайте! Баринъ приказали васъ угощать, пока они выйдутъ,—весело настаивала дѣвушка.

— Молодой человѣкъ, выкушайте стаканчикъ кофейку, Бога ради!— раздался изъ-за стѣны пріятный, хрипловатый голосъ.—Премного обяжете. А то я затороплюсь.

— Ну, благодарю васъ, — сказалъ Андрей вполголоса, не зная, кому отвѣчать.

Дѣвушка ушла. Андрей остался одинъ, у окна, глядя на на улицу, по которой медленно, по праздничному, шли разные люди. За стѣной кто-то плескался въ водѣ; потомъ послышались торопливые шаги, дверь распахнулась, и Украинцевъ быстро направился къ смутившемуся Андрею.

— Здравствуйте, голубчикъ,—сказалъ онъ, протягивая руку, моргая и жмурясь послѣ холодной воды.—Представляться нечего. Черезъ стѣнку познакомились.—Онъ былъ почти старый, съ сильно сѣдѣющими волосами и бородой, но очень быстрый въ движеніяхъ. Рукопожатіе его было сильное и радушное.—Палаша, а Палаша!—крикнулъ онъ громко, пристукнувъ по столу кулакомъ.—Что-жъ ты кофе? Живо, живо, живо! — говорилъ онъ, пока Палаша проходила въ дверь съ звенящимъ

подносомъ въ рукахъ.—Ахъ ты такая, сякая, этакая! Вотъ я тебя на скотный дворъ, въ посконное платье!

Онъ добродушно засмѣялся, глядя, какъ толстыя щеки Палаши ра-[illegible]гались отъ его шутокъ, потеръ руки, сѣлъ на диванъ, придвинувъ къ себѣ столъ, не обращая вниманія на безпорядокъ комнаты, и, положивъ на столъ локти, уставился на Андрея своими большими выпуклыми глазами съ покраснѣвшими бѣлками и странною мутью въ зрачкахъ.

— Что-жъ, молодой человѣкъ, въ Знаменку? — спросилъ онъ и, не выслушавъ отвѣта, какъ будто задумался о чемъ-то своемъ.

Андрею стало опять неловко: все это было какъ-то неожиданно. Они помолчали. Андрей съ трудомъ глоталъ свой кофе.

— Странный господинъ!—думалъ онъ. Ему казалось, что въ этомъ человѣкѣ какъ-то не все ладно. Но его добродушіе и разсѣянное отношеніе къ неряшливости прислуги подкупали Андрея. Павелъ Ивановичъ казался ему заброшеннымъ и одинокимъ, и онъ невольно взглянулъ на него пристальнѣе своими блестящими глазами. Украинцевъ встрепенулся и засмѣялся хриплымъ смѣхомъ.

— Что, молодой человѣкъ, смотрите на меня? — сказалъ онъ.— Счастливые вы люди, молодежь!

Андрей не чувствовалъ себя счастливымъ, и это замѣчаніе показалось ему искусственнымъ.

— А что, вы Ниночку мою знаете? пожалуй, влюбились?

Андрей понялъ, что онъ говоритъ о сестрѣ Загряжскаго. Вопросъ Павла Ивановича укололъ его, показался ему неумнымъ и грубымъ. Онъ не зналъ Нину Загряжскую, хотя слышалъ разговоры о ней товарищей по классу. Онъ никогда не участвовалъ въ этихъ разговорахъ о барышняхъ, потому что они казались ему мальчишески глупыми и пошлыми, интересными только для пустоголовыхъ дворянчиковъ. «Да, еще эта тамъ есть», подумалъ онъ непріязненно, и тутъ же рѣшилъ, что вовсе не будетъ говорить съ Ниной, чтобы не давать ей повода что-нибудь вообразить.

— Я никогда не бывалъ у господъ Загряжскихъ, — отвѣтилъ онъ рѣшительнымъ голосомъ, съ такимъ выраженіемъ лица, что Павелъ Ивановичъ взглянулъ на него внимательнѣе. Въ карихъ глазахъ Андрея что-то вспыхивало бѣглымъ холоднымъ свѣтомъ. На верхней губѣ, съ чуть пробивающимися блестящими волосиками усовъ, выступили мелкія капли пота. Онъ замѣтилъ, что Украинцевъ смотритъ на него и, передернувъ головой, чтобы отбросить со лба непослушныя пряди жесткихъ свѣтло-русыхъ волосъ, сталъ глядѣть въ сторону.

— Самолюбіе играетъ. Юноша!—подумалъ Павелъ Ивановичъ съ какой-то старческой нѣжностью. Андрей заинтересовалъ его.



— А что, вѣдь пора ѣхать,—сказалъ онъ уже другимъ тономъ, всталъ изъ-за стола и пошелъ распорядиться, чтобы дѣвушка отправилась за ямщикомъ.

Черезъ два часа Андрей вмѣстѣ съ Павломъ Ивановичемъ ѣхали за городомъ, по большой проѣзжей дорогѣ.

## V.

Когда Андрей, ложась вечеромъ спать на широкомъ кожаномъ диванѣ въ библіотекѣ Знаменскаго дома, старался привести въ порядокъ впечатлѣнія прожитаго дня, онъ не узнавалъ самого себя. Это было что-то новое, неожиданное, не имѣющее ничего общаго со всѣмъ ходомъ его жизни. Свѣтъ солнца, яркій, лучистый, какого онъ, казалось, еще никогда не видѣлъ, заливалъ весь этотъ день въ его воображеніи, а вечеръ былъ совсѣмъ необыкновенный... Онъ почти боялся разбираться въ своихъ впечатлѣніяхъ и чувствахъ: такъ мало они были похожи на все то, къ чему онъ привыкъ, что считалъ своимъ. Быть можетъ, въ его поведеніи было что-нибудь неладное, за что онъ долженъ былъ-бы осудить себя... Но ему не хотѣлось теперь ничего и никого осуждать. Ему было хорошо. Онъ прижался щекой къ свѣжей подушкѣ и, закрывъ глаза, прислушивался къ послѣднимъ шорохамъ засыпающаго дома. Легкая холодная дрожь пробѣгала по его спинѣ. Онъ не помнилъ теперь ни тѣхъ маленькихъ уколовъ самолюбія, которые испыталъ втеченіе дня, ни первыхъ непріятныхъ минутъ по пріѣздѣ къ Загряжскимъ...

Коля еще не возвращался изъ лѣсу, когда Павелъ Ивановичъ вмѣстѣ съ Андреемъ вошли въ гостинную, гдѣ Елена Николаевна, томная, скучающая, полулежала на кушеткѣ. Рядомъ съ ней старушка сосѣдка чистила тоненькой деревянной щепочкой желтыя сливы для варенья. Пріѣздъ гостей переполошилъ хозяйку. Она приподнялась съ такимъ лицомъ, какъ будто ее потревожили и какъ будто ей хотѣлось быть одной. Андрею бросилось въ глаза, что отношенія между Павломъ Ивановичемъ и хозяйкой дома были натянутыя и даже непріязненныя. Она спрашивала его, привезъ-ли онъ ей что-то. Онъ шутилъ въ отвѣтъ и балагурилъ, замѣтно раздражая ее.

— А вы? обратилась она къ Андрею.

Андрей, сидѣвшій на стулѣ съ ощущеніемъ напряженности во всемъ тѣлѣ, смутился.

— Что вы изволили сказать?—переспросилъ онъ и тутъ же разсердился на себя за это слово «изволили».

— Коля ничего не писалъ вамъ про жидкость?

— Про что вы говорите?



— Про жидкость. Ну, да я вижу, вы не понимаете. Все равно. У насъ вѣчно такъ.

Она сдѣлала брезгливую гримасу.

— Не волнуйтесь, ma belle,—старался успокоить ее Павелъ Ивановичъ.

— Я и не волнуюсь,—досадливо замѣтила она, раскидываясь на кушеткѣ.

Наступило молчаніе. Павелъ Ивановичъ всталъ и прошелся по комнатѣ, напѣвая вполголоса какой-то романсъ.

«Пріятный голосъ у него», подумалъ Андрей, вслушиваясь въ его мягкій надтреснутый фальцетъ.

Общая натянутость продолжалась. Андрей сидѣлъ въ неловкой позѣ, не рѣшаясь пошевелиться, чувствуя, какъ затекаютъ руки и ноги, и медленно переводилъ глаза съ предмета на предметъ. Прямо передъ нимъ костлявые дрожащіе пальцы старушки быстро перебирали крупныя оранжерейныя сливы.

«Труда-то сколько напраснаго... Крѣпостныхъ дѣвокъ должно быть заставляли!» думалъ Андрей, приглядываясь къ скатерти изъ черного сукна, расшитой мельчайшими пестрыми фигурками изъ узенькихъ цвѣтныхъ шнурочковъ, и не догадываясь, что это было машинное производство. Безчисленныя диванныя подушки, грудой лежавшія на кушеткѣ, мягкій коверъ подъ ногами, расписанныя фарфоровыя тарелочки и статуэтки на подставкахъ, прибитыхъ къ стѣнѣ,—все это было въ глазахъ Андрея признаками той роскоши, которую онъ за глаза привыкъ ненавидѣть, какъ постыдныя причуды богатыхъ классовъ, и которую онъ теперь разсматривалъ вблизи съ жуткимъ любопытствомъ.

Очень скоро пріѣхалъ Коля,—красный, запыхавшійся, привѣтливый и веселый. Онъ очень сердечно обнялъ Андрея, смутивъ его этимъ, потому что Андрей никогда ни съ кѣмъ не обнимался.

— А, дядя Поль!—воскликнулъ Коля, подбѣгая къ Павлу Ивановичу, мальчишески-шаловливо бросаясь къ нему на шею и тиская его въ объятіяхъ.

— Полно, полно, молодецъ! Этакій верзило!—шутилъ Павелъ Ивановичъ, дружески хлопая его по плечу.—Ниночка-то моя скоро-ли пріѣдетъ? Куда ты ее дѣвалъ?

— Наши сейчасъ, дядя. Они ужъ собирались, я только поторопился, чтобы вотъ Андрея застать поскорѣе.

— Да, братъ, Андрей твой молодецъ, не тебѣ чета, сказалъ Павелъ Ивановичъ такъ громко, что Андрей слышалъ его и вспыхнулъ до корней волосъ.

Коля, вообще неспособный завидовать, тоже почему-то смутился.

— Ну а вотъ что, другъ. До обѣда-то еще далеко,—похлопочи-ка ты дяденькѣ перекусить чего-нибудь и рюмку водочки.

— Мы сейчасъ чай будемъ пить,—сказала Елена Николаевна.— Скажи, пожалуйста, Коля, чтобы подавали чай на террасѣ...

— А Ниночка, Ниночка моя гдѣ?—твердилъ Павелъ Ивановичъ, бросаясь изъ угла въ уголъ.—Хотѣлъ ей конфетъ привезти, да проспалъ сегодня. Молодой человѣкъ засталъ меня въ самомъ, можно сказать, скандалезномъ видѣ.

— Vous gâtez Nina,—съ неудовольствіемъ отвѣчала Елена Николаевна.—Je ne sais pas ce que cette jeune personne va penser d'elle même. Съ ней и теперь сладу нѣтъ. Она всѣмъ домомъ вертитъ.

— Ну, моя милѣйшая,—отвѣчалъ Павелъ Ивановичъ,—ужъ кто бы ни говорилъ, только-бы не вы! Сергѣй Ермолаевичъ всѣ глаза на васъ проглядѣлъ. Днемъ и ночью на цыпочкахъ ходитъ... Ха, ха, ха! еле-еле несетъ свою корпуленцію могутную, на цыпочкахъ идя. А вы сердитесь, зачѣмъ сапоги скрипятъ...

— Я не люблю этихъ шутокъ, Павелъ Ивановичъ. Je vous parle tout serieusement demademoiselle votre nièce. Балованная, капризная... Изъ рукъ вонъ...

«Всѣ онѣ, должны быть такія»,—думалъ Андрей, глядя на бѣлое съ широкими скулами лицо и зеленоватые кошачьи глаза Елены Николаевны.

— Андрей!—крикнулъ Коля изъ сосѣдней комнаты.—Иди сюда, пойдемъ смотрѣть моего Кабардинца.

«Кажется, просто въ гости звалъ. Объ экзаменахъ ничего не говоритъ», — думалъ Андрей, вставая и растерянно обдергивая свою коломянковую форменную блузу.

Но въ ту же минуту раздался шумъ подъѣзжающаго экипажа, въ передней захлопали двери, нѣсколько голосовъ заговорили сразу, и всѣ гулявшіе въ лѣсу вошли въ комнату. Андрей почти потерялъ сознаніе отъ смущенія. Всѣ говорили вдругъ, здоровались, Павелъ Ивановичъ крѣпко обнималъ и цѣловалъ молодую дѣвушку, въ бѣломъ платьѣ съ прошивками, француженка громко говорила, ни къ кому въ частности не обращаясь, полковникъ и Сергѣй Ермолаевичъ что-то шумно разсказывали Еленѣ Николаевнѣ, молоденькая дѣвушка въ яркомъ голубомъ платьѣ испуганно смотрѣла на Андрея. Онъ молчалъ, не зная, посторониться ему или стоять на мѣстѣ, чувствуя себя чужимъ, одинокимъ и неумѣстнымъ въ этой шумной веселой компаніи, которой не было до него никакого дѣла. Кто-то мелькомъ представилъ его всѣмъ присутствующимъ. Онъ опять сѣлъ на мѣсто, думая о томъ, какъ-бы уйти къ Колѣ. Комната была полна говора и щебетанья. Толстая, сѣдая нарядная француженка казалась Андрею кривляющейся и надоѣд-



ливой, полковникъ—непріятно сюсюкающимъ, грузный Сергѣй Ермолаевичъ съ его красивыми глазами и непріятными сочными красными губами,—совершенно отталкивающимъ бариномъ. Нина говорила съ Павломъ Ивановичемъ. Такъ вотъ она, пресловутая сестра Загряжскаго, которую бѣгали смотрѣть гимназисты, когда она возвращалась изъ гимназіи! «Вертится ужь очень, —думалъ Андрей, искоса посматривая на нее.—И, кажется, нарочно представляется, для пущей важности, какъ будто и не замѣчаетъ никого». Но по мягкому неровному румянцу, вспыхивающему на лицѣ Нины, по влажному блеску загоравшихся синихъ глазъ и по нѣсколько натянутымъ манерамъ можно было видѣть, что она замѣчала посторонняго человѣка и только не хотѣла открыто обратить на него вниманіе.

— Ты сегодня пресвѣженькая,—говорилъ Павелъ Ивановичъ, проводя рукою по ея щекѣ. Въ городѣ опять поблѣднѣешь. Скоро ужъ ѣхать тебѣ...

— Ну раньше перваго сентября не поѣду. Пускай ихъ тамъ ждутъ, учителишки.

— Ахъ ты, стрекоза! учителишки!

— Да, вѣдь, ей Богу же дядечка, придурковатенькіе всѣ какіе-то.

Она засмѣялась, слегка закинувъ голову, пріоткрывъ бѣлые круглые зубки, потомъ бросилась на Павла Ивановича, схватила его за воротъ сюртука, стащила съ низкаго мягкаго стула, на которомъ онъ сидѣлъ, и завертѣлась вмѣстѣ съ нимъ по комнатѣ.

— Ну пусти, пусти, безстыдница этакая! Невѣста! Да что съ тобой сегодня сдѣлалось? Хоть бы молодого человѣка постыдилась?

— Какого молодого человѣка? спросила Нина, дѣлая видъ, что не понимаетъ, о комъ идетъ рѣчь, и смотря на дядю смущенными глазами, въ которыхъ остановились расширенные зрачки.

— Вотъ тебѣ молодой человѣкъ. Позволь, какъ слѣдуетъ, познакомить: товарищъ твоего брата, Андрей Ти... Ти...—извините, забылъ вашу фамилію.

— Тропининъ,—сказалъ Андрей, вставая, и торопливо, слишкомъ низко и вкось, поклонился.

Нина протянула ему руку и впервые пристально взглянула на него. Ея зоркіе глаза быстро скользнули по блѣдному лицу, съ бѣлымъ лбомъ, на который спадали дурно подстриженные волосы, съ потупившимися глазами, съ нѣсколько крупными губами, надъ которыми лоснились пробивающіеся усы. Нина вспыхнула и нервно отдернула руку: Андрей неловко, слишкомъ больно пожалъ ее.

— А гдѣ Коля? крикнула она, и ея звонкій голосъ сорвался. Она вдругъ совсѣмъ смутилась, выбѣжала на террасу.

Скоро всѣ пошли пить чай. Нина пришла, очевидно, пригладивъ свои волосы, связанные чернымъ бантомъ на темени, падавшіе локонами по плечамъ и вившіеся чуть замѣтными болѣе свѣтлыми, нѣжными прядочками на открытомъ лбу и вискахъ.

Она сидѣла тихая, стараясь не смотрѣть на Андрея во время чая, болтая съ m-lle Linon на французскомъ языкѣ въ то время, какъ Андрей, не понимавшій по-французски, съ надоѣдливымъ чувствомъ отчужденія и униженности мѣшалъ золоченной ложечкой крѣпкій душистый чай, надъ которымъ вились прозрачно-голубоватыя облачка пара.

Послѣ чая кто-то предложилъ играть въ крокетъ. Вся компанія двинулась въ садъ. Солнце жгло непокрытыя головы, нѣсколько человѣкъ вернулось за шляпами. Потомъ всѣ прошли къ мѣсту, расчищенному для крокета, начали разбирать большіе шары изъ корельской березы и тяжелые длинные молотки, вколачивать въ землю проволочныя ворота. Всѣ шумѣли, спорили. Андрей ничего не понималъ въ крокетѣ. Онъ слышалъ, какъ француженка, раздѣлявшая играющихъ на партіи, нѣсколько разъ произносила его имя, фамильярно называя его Monsieur André, и не зналъ, какъ сказать, что онъ не умѣетъ играть. Наконецъ, дѣло выяснилось: онъ пробормоталъ что-то, на минуту смутивъ всѣхъ и разстроивъ ихъ планъ. Потомъ онъ отошелъ въ тѣнь и сталъ смотрѣть на играющихъ, одиноко сидя на садовой скамейкѣ. Солнце освѣщало песчаную площадку. Бѣлое платье Нины казалось серебристымъ въ тепломъ желтоватомъ воздухѣ. Темные локоны ея дрожали, выбиваясь изъ-подъ красной шелковой повязки, которую устроилъ ей изъ своего платка дядя Поль, потому что она упрямо не хотѣла надѣть шляпы. Шары громко чокались другъ о друга. Раздавались крики и взрывы хохота. Кто-то выбилъ ударомъ молотка проволочныя ворота изъ земли, всѣ бросились ставить ихъ на мѣсто и сшибли съ ногъ робкую Оленьку. Потомъ Павелъ Ивановичъ громко и долго ссорился съ m-lle Linon, такъ что она совсѣмъ раскраснѣлась. Наконецъ, партія Нины побѣдила. Она сбросила съ головы красный платокъ, надѣла его на ручку молотка, какъ флагъ, и махала имъ подъ самыми лицами членовъ побѣжденной партіи, пока тѣ не вышли изъ себя. Андрея она какъ-будто совсѣмъ не замѣчала во все время игры. Ему было досадно и тоскливо...

## VI.

Во время обѣда Андрей сталъ нѣсколько привыкать къ шумному обществу. Обстановка знаменской столовой, съ массивными дубовыми стульями и буфетами, уставленными серебряной посудой, съ охотничьими картинками по стѣнамъ, яркій желтый свѣтъ лампы, смѣшивающійся съ голубоватымъ свѣтомъ дня, проникающимъ черезъ опущенныя шторы,

блескъ накрахмаленной скатерти и фарфоровой посуды съ золотыми вензелями, общій шумный говоръ подъ лязгъ ножей и звонъ смѣняемой посуды, суетящіеся лакеи, въ бѣлыхъ перчаткахъ—все это сливалось для него въ какую-то яркую и въ то же время нѣсколько смутную картину. Павелъ Ивановичъ, около котораго сидѣлъ Андрей, безпрестанно наливалъ вина въ свой стаканъ и усердно угощалъ Андрея, который, не безъ колебанія, выпилъ одну рюмку хереса. Лицо Павла Ивановича покраснѣло, глаза затуманились, онъ громко болталъ съ m-elle Linon по-французски и отпускалъ на ея счетъ разныя шуточки, вполголоса обращаясь къ Андрею, которому это было каждый разъ очень непріятно. Француженка тараторила за троихъ черезчуръ громкимъ горловымъ голосомъ, пикировалась съ Сергѣемъ Ермолаевичемъ и полковникомъ и, выслушивая ихъ колкости, натянуто смѣялась. Андрей почти не понималъ ихъ французской бесѣды. Она казалась ему со стороны, судя, по выраженію лицъ, участвующихъ въ ней, и по раскатистому, распущенному хохоту мужчинъ, не совсѣмъ пристойной. Коля, заливался мелкимъ дробнымъ смѣхомъ, дразнилъ бабушку Оленьки, говоря, что онъ нашелъ въ городѣ такихъ большихъ бѣлыхъ мышей, которыя непремѣнно съѣдятъ ея любимыхъ котятъ, и что онъ нарочно велѣлъ снести къ ней этихъ мышей сегодня, когда ея нѣтъ дома... Андрей глядѣлъ, слушалъ. Но теперь онъ не критиковалъ присутствующихъ. Онъ смотрѣлъ на все, какъ на сонъ, ни о чемъ не думая. Эти люди были такъ веселы, безпечны, даже добродушны. Имъ всѣмъ было такъ легко, привычно въ ихъ красивой обстановкѣ. Глядя на нихъ, Андрей забывалъ свои мысли, съ которыми ѣхалъ сюда, и ему хотѣлось хоть временно сдѣлаться похожимъ на нихъ, пожить такъ, какъ жили они. Но кое-какія неловкости разстраивали это настроеніе, показывая, ему, что онъ невоспитанъ и чуждъ этому обществу. Онъ сталъ ѣсть рыбу ножомъ, и Павелъ Ивановичъ засмѣялся надъ нимъ.

— Молодой человѣкъ, что это вы? рыбу!

Андрей взглянулъ на него съ удивленіемъ. На минуту ему показалось даже, что Павелъ Ивановичъ, выпившій столько вина, со своимъ нѣсколько охрипшимъ голосомъ и помутившимися глазами, самъ не знаетъ, что говоритъ.

— Ножомъ! ножомъ! сказалъ уже вполголоса Павелъ Ивановичъ.

Андрей положилъ ножъ и съ еще большимъ удивленіемъ посмотрѣлъ на Украинцева, смутившись не за себя, а за него. Коля, сидѣвшій подлѣ Андрея съ другой стороны, выручилъ его, добродушно замѣтивъ:

— Не привязывайтесь, дядя Поль. Вы лучше посмотрите на m-lle Linon. Она сейчасъ подерется съ полковникомъ.

И Павелъ Ивановичъ сталъ шутить съ полковникомъ и m-lle Linon, вызывая оглушительный смѣхъ Сергѣя Ермолаевича. А Андрей про-

должалъ ѣсть рыбу, съ сожалѣніемъ думая о томъ, что симпатичный Павелъ Ивановичъ пьетъ больше, чѣмъ слѣдуетъ.

Потомъ m-lle Linon, заговоривъ съ Колей объ экзаменахъ, вдругъ обратилась къ Андрею по французски. Онъ покраснѣлъ и смутился, не понявъ ее. Елена Николаевна сказала что-то m-lle Linon по-французски съ пренебрежительной гримаской на лицѣ. Андрей понялъ, что говорятъ о его невоспитанности. Все остановилось и съ легкимъ звономъ завертѣлось вокругъ него. Голоса разговаривавшихъ звучали гдѣ-то далеко, а отъ лампъ поплыли круги,—красные сталкиваясь съ зелеными. Руки и ноги Андрея стали тверды и холодны. Но тутъ онъ услышалъ звонкій голосъ Нины, которая кричала черезъ столъ брату:

— Коля, ты невѣжа! ты не угощаешь своего... твоего Андрея...— она замялась, вспомнивъ, что не знаетъ его отчества, и, покраснѣвъ, безпомощно взглянула на Андрея, какъ бы прося его поскорѣе подсказать ей.

Она показалась Андрею самой милой и доброй изъ всѣхъ присутствующихъ. Онъ самъ улыбнулся нѣсколько смущенно. Но головокруженіе его прошло.

— Мою фамилію?—сказалъ онъ—Тропининъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, ваше отчество. Коля всегда зоветъ васъ по фамиліи и иногда по имени, но я не знаю...

— Андрей Васильевичъ,—сказалъ онъ не совсѣмъ твердымъ голосомъ, чувствуя приливъ благодарности.

— Извините, я не знала,—отвѣтила Нина, стараясь придумать что-нибудь любезное. Онъ вовсе не педантъ и не надутый, какъ она думала по разсказамъ Коли. Напротивъ, онъ былъ застѣнчивый и какой-то особенный, не похожій ни на одного изъ товарищей Коли.

Андрей ничего не съумѣлъ отвѣтить ей, но взглянулъ въ ея сторону, и глаза ихъ въ первый разъ встрѣтились. На одну секунду блестящіе зрачки ея, прямо устремленные на Андрея, остановились, вспыхнувъ большими искрами. Что-то живое, теплое дрогнуло въ ея глазахъ и передалось ему, смущая ихъ обоихъ. Она отвернулась и заговорила о чемъ-то съ Оленькой вполголоса, такъ что Андрей ничего не слышалъ. Онъ чувствовалъ легкое щекочущее волненіе въ груди, и смягченный, ободренный, продолжалъ молча прислушиваться къ тому, что дѣлалось за столомъ.

Полковникъ говорилъ любезности Еленѣ Николаевнѣ. Елена Николаевна тихонько качала головой, съ кокетливой улыбкой. Сергѣй Ермолаевичъ шутливо ругалъ полковника. Коля пикировался съ m-lle Linon. Павелъ Ивановичъ наливалъ въ свою рюмку остатки хереса. Потомъ опять кто-то пошутилъ надъ m-lle Linon, сказавъ, повидимому, пошлость, потому что француженка, отмахиваясь руками, хохотала громкимъ





насильственнымъ смѣхомъ, съ обиженнымъ выраженіемъ на покраснѣвшемъ лицѣ. Андрей уловилъ быстро скользнувшую по лицу Нины брезгливую мину. И опять ему показалось, что Нина не похожа на другихъ. Обѣдъ кончался. Лакей обносилъ вокругъ стола сыръ, отъ котораго Андрей съ удивленіемъ отказался. Возбудили вопросъ о томъ, что дѣлать послѣ обѣда. Голоса раздѣлились. Кто-то предлагалъ идти гулять, Коля звалъ кататься на лодкѣ. Наконецъ, всѣ задвигали стульями, побросали смятыя накрахмаленныя салфетки, и мужчины стали подходить къ Еленѣ Николаевнѣ, почтительно цѣлуя у нея руку. Андрей не могъ рѣшиться на это и проскользнулъ черезъ сосѣднюю темную комнату на террасу.

Послѣ жаркой, освѣщенной столовой здѣсь казалось темно и прохладно. Отъ цвѣтныхъ клумбъ разливался пряный запахъ. Кузнечикъ громко трещалъ въ травѣ. На сѣроватомъ небѣ между темнѣющими силуэтами деревьевъ поднимался блѣдный, круглый, еще не яркій, еще безсильный мѣсяцъ. И этотъ потемнѣвшій садъ съ пряными ароматами и вечерняя зыбкая тишина, и небо, сумеречно-прозрачное, сквозь мглу котораго робко, какъ свѣтящіяся точки, проступали первыя звѣзды,— все это опять было похоже на сонъ. Андрей задумчиво сошелъ по ступенькамъ, стараясь не стучать ногами, на песокъ дорожки и остановился, опершись на колонки перилъ.

Вдругъ за спиной его раздался шорохъ легкихъ шаговъ. Онъ оглянулся. Бѣлое платье Нины свѣтлѣло въ глубинѣ потемнѣвшей террасы. Она шла, не замѣчая Андрея, въ садъ, вполголоса напѣвая и, сходя по лѣстницѣ, вдругъ замѣтила его.

— Кто это? Господи! это вы, Андрей Васильевичъ! Васъ тамъ Коля ищетъ. Мы сейчасъ будемъ играть въ фанты.

— Сейчасъ,—сказалъ Андрей.— У меня голова немножко болитъ.

— Голова?—Ея голосъ въ полумракѣ казался особенно ласковымъ. А у меня никогда не болитъ голова. Вы, вѣрно, очень много занимаетесь?

Она остановилась на ступенькѣ лѣстницы, опершись локтями о перила и, склонившись, припавъ головой къ своимъ рукамъ, тихонько покачивалась станомъ. Никогда еще не чувствовала она такой неувѣренности въ себѣ. Ей было немного совѣстно Андрея именно потому, что онъ былъ не изъ ихъ среды. Она не знала, можетъ-ли ему нравиться то, чѣмъ она производила впечатлѣніе на другихъ. Онъ казался ей серьезнымъ и озабоченнымъ, и ей было жаль его: онъ былъ невоспитанъ, не понималъ по-французски и могъ сдѣлать какія-нибудь неловкости. Ей хотѣлось-бы предупредить эти неловкости или, по крайней мѣрѣ, отвлечь отъ нихъ вниманіе другихъ.

— Коля говорилъ мнѣ, что вы очень много занимаетесь.

— Нѣтъ, я больше читаю,—сказалъ Андрей, не зная, насколько серьезно онъ можетъ говорить съ этой барышней.

— А что вы читаете?

— Журналы.

— Я никогда не читаю журналовъ.—Я не могу. Мнѣ кажется,— скучно. И потомъ... я не знаю, — у насъ въ домѣ никогда не читаютъ журналовъ.

Въ сосѣдней комнатѣ, позади террасы, послышались голоса. Кто-то сѣлъ за рояль и взялъ нѣсколько громкихъ безсвязныхъ аккордовъ. Потомъ голоса стали перекликаться по разнымъ комнатамъ. Нину звали.

— Пойдемте,—сказала она.—Тамъ будутъ играть въ фанты.

И она побѣжала въ комнаты, Андрей медленно пошелъ за ней.

Игра въ фанты показалась Андрею довольно нелѣпой. Когда пришла его очередь сказать свое мнѣніе о Нинѣ, онъ сконфузился, сказалъ «веселая» и, сердясь на самого себя за то, что не могъ придумать ничего болѣе остроумнаго и значительнаго, очень боялся, что она сейчасъ же догадается, кто сказалъ это, и что тогда мнѣнія будутъ собирать о немъ. Но она не догадалась. За то, когда онъ сказалъ о Павлѣ Ивановичѣ, что это человѣкъ «усталый», Павелъ Ивановичъ, случайно встрѣтившись съ Андреемъ глазами въ ту минуту, когда передавали собранныя мнѣнія, угадалъ его. Ему пришлось выйти, и онъ провелъ нѣсколько очень скверныхъ минутъ на террасѣ, мучительно боясь, что о немъ скажутъ что-нибудь смѣшное или обидное. Онъ слышалъ, какъ въ гостинной раздавались какіе-то споры и заглушенный, сдержанный хохотъ и, когда его позвали, онъ вошелъ блѣдный и встревоженный, стараясь казаться очень равнодушнымъ. Все, что о немъ сказали лестнаго, нелестнаго и безразличнаго, такъ волновало его, что онъ не угадалъ ничьего мнѣнія, и съ него взяли фантъ. Игра продолжалась при общемъ участіи, потомъ разыгрывали фанты, и онъ принужденъ былъ проползти вокругъ комнаты на колѣняхъ, вызывая взрывы смѣха и чувствуя себя униженнымъ. Потомъ Нина должна была играть на гитарѣ. И она играла, легко перебирая струны своей полудѣтской, загорѣлой рукой, какую-то цыганскую пѣсню, а Павелъ Ивановичъ подпѣвалъ надтреснутымъ пріятнымъ голосомъ, совсѣмъ по-цыгански задерживая и растягивая слова и страстно вскрикивая. Андрею было и немножко грустно, и весело, какъ никогда. И люди эти не раздражали и не волновали его больше. Онъ пересталъ ихъ видѣть. Онъ видѣлъ передъ собою только Нину, которая чуть замѣтно покачивалась въ тактъ пѣснѣ, съ свѣтящимися, полузакрытыми глазами. Всѣ аплодировали ей, полковникъ сталъ цѣловать ей руку, бабушка Оленьки громко вздыхала и расхваливала Нину въ приторныхъ выраженіяхъ, m-lle Linon осыпала Нину комплиментами по-французски, и Нина, торжествующая, какъ будто она побѣдила большую публику, смѣялась и шалила, задѣвая Колю и любимаго дядю Поля. Потомъ всѣ пошли къ чаю, и Андрей,

утомленный суетой этого дня, почувствовалъ, что ему хотѣлось бы остаться одному, уйти куда-нибудь въ темную комнату и немного разобраться въ себѣ. Онъ удивлялся, что въ этомъ домѣ люди не уставали играть, шутить и хохотать. «Неужели они это каждый день такъ?» думалось ему.

## VII.

Было около десяти часовъ вечера, когда, напившись чаю, все общество, послѣ недолгихъ пререканій, рѣшило отправиться на прогулку. Вечеръ, въ самомъ дѣлѣ, былъ чудесный. Яркій свѣтъ августовской луны заливалъ весь садъ. Напоенный этитъ свѣтомъ воздухъ замиралъ въ какомъ-то особенномъ тревожномъ холодкѣ. Рѣзкія тѣни падали на песчаныя дорожки отъ кустовъ и деревьевъ. Жесткая трава, отросшая по краямъ клумбъ, вытягивалась кверху, вся темная, блестящая, чуть-чуть росистая. Глянцовитые листья сиреней, жасминовъ и яблонь казались темно-сѣрыми, почти черными, а мягкіе побѣги молодыхъ розъ просвѣчивали насквозь слабымъ, зеленоватымъ цвѣтомъ... Облики людей, движущихся въ застывшемъ прозрачномъ сіяніи, принимали мертвенно-фантастическій оттѣнокъ. Но голоса раздавались ясно и звонко.

Андрей взглянулъ на Нину, спускавшуюся съ террасы въ какомъ-то большомъ, кокетливо наброшенномъ плащѣ. «Кажется, она любитъ изображать изъ себя что-то», подумалъ онъ съ сожалѣніемъ, но невольно еще и еще оглядывался на нее. Ея лицо, охлажденное вечерней свѣжестью, какъ будто успокоилось. Но глаза Нины свѣтились, когда она взглядывала на него.

— Какая ночь!—воскликнула она, ни къ кому не обращаясь, и въ голосѣ ея звенѣла молодая радость.

— Чудесная ночь!—отвѣтилъ Павелъ Ивановичъ нѣсколько меланхолически.

— А пойдемъ куда?—спросилъ Коля.

— Ну, по берегу, къ мельницѣ, а потомъ на хуторъ,—отвѣтила Нина.

— На хуторъ!—отозвалась Елена Николаевна.—Кто же ночью ходитъ за три версты?

— Успокойся, ma chère,—сказалъ Сергѣй Ермолаевичъ.—Пусть молодежь идетъ, куда ноги несутъ. Мы можемъ вернуться, когда ты устанешь. Препоручимъ ихъ полковнику.

— О, я буду очень польщенъ этой миссіей,—отвѣтилъ полковникъ.—Присматривать за Ниной Сергѣевной! Сегодня это необходимо. Она что-то слишкомъ оживлена. Вы замѣтили, какіе взгляды она бросала на молодого человѣка?

Нина съ непріятнымъ изумленіемъ посмотрѣла на него, но ничего не сказала и, пожавъ плечами, быстро пошла впередъ по дорожкѣ. Коля взялъ подъ руку Андрея и пошолъ вдогонку за ней. Оленька шла со своей бабушкой, скромно закутанная въ бѣлый платокъ, стараясь ускорить шаги, чтобы не отставать отъ Коли. Взрослые, значительно медленнѣе, шли вмѣстѣ, перебрасываясь замѣчаніями и шутками. Изрѣдка раздавался смѣхъ m-lle Linon, но тише обыкновеннаго. Коля, держа за руку Андрея, догналъ Нину.

— Пошлякъ этотъ полковникъ,—сказалъ онъ Нинѣ вполголоса.

— Терпѣть не могу его шуточекъ,—отвѣтила Нина, не оборачиваясь.—Шутилъ бы съ m-lle Linon, благо она любитъ.

— А какъ свѣжо,—замѣтилъ Коля, не захотѣвшій надѣть пальто поверхъ своей суконной гимназической куртки.

— Да, но какъ хорошо,—посмотри, какъ хорошо! Точно въ сказкѣ.

Они шли втроемъ, Нина, Коля и Андрей, по широкой липовой аллеѣ. Свѣтъ луны, проникая чрезъ листву, игралъ зыбкими голубыми пятнами на дорожкѣ, пересѣкаемой толстыми узловатыми корнями липъ. Иногда въ просвѣтѣ между деревьями открывалась полянка сада съ старыми корявыми яблонями. Вѣтерокъ приносилъ запахъ спѣлыхъ плодовъ. Потомъ опять смыкался сводъ вѣтвей, пригнутыхъ къ землѣ по сторонамъ дорожки, и густой мракъ дышалъ еще не испарившеюся дневною теплотой.

— А хорошо, еслибы maman захотѣла скоро вернуться,—сказала Нина.

— Подвести развѣ мину?—отозвался Коля.—Сказать ей, что я видѣлъ въ гостинной ея ключи отъ шифоньерки. Она живо вернется.

— Ну нѣтъ, Богъ съ ней. Она сама скоро устанетъ,—отвѣтила Нина, и безмолвный смѣхъ всколыхнулся въ ея груди.

— Ой, какъ весело!—воскликнула она вдругъ, захлопавъ въ ладоши и, припрыгивая, побѣжала по аллеѣ.

— Побѣжимъ за нею,—предложилъ Коля Андрею.

— Нѣтъ, бѣги одинъ.

— Да что ты серьезничаешь?

— Ну вотъ! Я просто усталъ сегодня.

— Экій ты!—и Коля помчался за Ниной, спотыкаясь о корни липъ.

Андрей приложилъ холодныя руки къ разгоряченной головѣ. И у него что-то дрожало въ душѣ, и прекрасной, какъ никогда, казалась ему эта ночь и этотъ холодный лунный свѣтъ, играющій съ теплымъ мракомъ старой липовой аллеи. Никогда онъ не видѣлъ или не замѣчалъ ничего этого. Съ самаго дѣтства слишкомъ привлекалъ

его городъ своею болѣе напряженной жизнью. Возвращаясь на лѣто послѣ экзаменовъ къ себѣ, въ сторожку отца, къ шлагбауму большой дороги, сидя на заваленкѣ въ звѣздную или лунную ночь, онъ не переставалъ думать только о томъ, что у него впереди,—о той дорогѣ, которая поведетъ его куда-то въ свѣтлую даль, къ полезной и славной дѣятельности.

Пройдя аллею, онъ очутился за изгородью сада, въ открытомъ полѣ. Дорога, идущая вдоль садоваго частокола, спускалась внизъ, къ рѣкѣ. Коля и Нина, ушедшіе впередъ и теперь возвращавшіеся, шли навстрѣчу Андрею, дружно держась за руки.

— Простите, Андрей Васильевичъ, что мы убѣжали съ Колей,— сказала Нина, подходя.—Вы насъ не догнали. И потомъ, мнѣ надо было сказать ему одну вещь. Колечка, поди, поди къ ней, право-же.

— А Андрей?—сказалъ Коля.

— Ну вотъ, онъ-же не маленькій,—отвѣтила Нина, взглянувъ на Андрея, и кокетливо сбросила съ головы черный кружевной шарфъ.

— Онъ-то, положимъ, не маленькій,—сказалъ Коля.—А вы тутъ не заблудитесь?

— Ну, что ты глупости говоришь!—воскликнула Нина, заливаясь смѣхомъ.—Вотъ мелетъ чепуху!

Андрей тоже невольно разсмѣялся.

— Ну, иди къ ней, Колечка, ну, право-же! Приведи ее, а то— такъ невѣжливо!

Коля скрылся въ аллеѣ, и въ тишинѣ вечера былъ слышенъ топотъ его рѣзвыхъ ногъ.

— Это онъ наслушался отъ взрослыхъ, что мнѣ одной никуда нельзя,—сказала Нина, не глядя на Андрея и стараясь сбить ногой застывшій подлѣ колеи бугорокъ твердой сухой земли. Они помолчали нѣсколько секундъ. Передъ ними разстилалась широкая поляна, свѣтлая и тихая, а за нею со всѣхъ сторонъ темнѣлъ лѣсъ, спускавшійся по крутому высокому берегу, къ рѣкѣ. Внизу, гдѣ-то довольно далеко, шумѣла вода на мельничномъ колесѣ.

— Какъ копаются!—замѣтила наконецъ Нина. — Когда вмѣстѣ идешь гулять, никуда не попадешь. Maman всегда сядетъ на скамейку и отдыхаетъ.

— Ваша мамаша нездорова? — спросилъ Андрей, чтобы сказать что-нибудь.

— Maman? нѣтъ... Она не мать моя,—прибавила Нина неожиданно. Ей было непріятно, что Андрей принялъ мачиху за ея родную мать.

— Какъ?—спросилъ Андрей, почему-то не догадываясь, въ чемъ дѣло.

— Она моя... она вторая жена моего отца,—сказала Нина тихо.

— Я не зналъ,—отвѣтилъ Андрей задумчиво и серьезно.

— Развѣ Коля не говорилъ вамъ?

Она стала вдругъ какъ-то разсѣянна и замолкла. Они постояли, ничего не говоря.

— Какъ холодно!—сказала вдругъ Нина, передернувъ плечами. — Такъ ясно и немножко холодно. А только хорошо... Правда, какъ пріятно гулять вечеромъ?

— Я занимаюсь обыкновенно по вечерамъ.

— И лѣтомъ?..

— Да, я читаю лѣтомъ.

— И никогда не гуляете?

Андрей подумалъ, что, дѣйствительно, онъ никогда не гулялъ. Гулянье казалось ему до сихъ поръ какимъ-то пустымъ дѣломъ, подходящимъ болѣе для отдыхающихъ въ праздникъ мастеровыхъ, чѣмъ для людей, думающихъ, какъ проложить себѣ дорогу.

— Нѣтъ,—право, какъ-то не приходилось,—отвѣтилъ онъ, помолчавъ.

— Вотъ странно!—сказала Нина.—Вѣдь, это же такъ хорошо. И мысли такія идутъ, когда гуляешь. Особенно вечеромъ, когда звѣзды или луна! Мнѣ иногда такъ хочется вечеромъ убѣжать куда-нибудь одной, далеко—далеко! Я не люблю гулять со всѣми. Они такъ тихо... Вотъ опять пропали! И Коля тоже! Подождите немножко, я пойду за нимъ, — прибавила она нетерпѣливо. Она вся была полна какой-то тревоги.

Андрей постоялъ на мѣстѣ, глядя на короткую тѣнь, дрожавшую у его ногъ. Ему было немножко холодно и досадно на Нину за то, что она оставила его одного. Онъ въ нѣсколько минутъ какъ - то привыкъ къ ней,—ему хотѣлось, чтобы она скорѣе вернулась. — «Вотъ!»—подумалъ или вѣрнѣе почувствовалъ онъ, слегка вздрогнувъ, когда въ аллеѣ раздался ея голосъ.

Коля и Нина шли рядомъ, весело болтая, Оленька плелась за ними, съежившись и грѣя пальцы въ широкихъ рукавахъ пальто.

— Они тамъ засѣли на скамейкѣ отдыхать, — сказала Нина. — Болтаютъ пустяки и сидятъ, а Оленька съ Колей идутъ себѣ тихенькимъ шажкомъ, какъ старички.—Она засмѣялась и передразнила, какъ они идутъ тихенькимъ шажкомъ.

— Перестань, Нинка,—сказалъ Коля.—Хочешь, прибью?

— Ну нѣтъ, я, вѣдь, тебѣ не мѣшаю. Идите себѣ... Ти-и-хенькимъ шажкомъ... и разговаривайте,—я, вѣдь, вамъ не мѣшаю!

Оленька сконфузилась.

— Ну, Ниночка, что ты это? — сказала она, — пойдемте всѣ вмѣстѣ.

— Ахъ ты!—сказала Нина, обнявъ одной рукой ея обвязанную платкомъ голову и поцѣловавъ ее въ щеку.—Ну, подождемъ еще немного, когда придутъ наши... Идутъ, идутъ! Я ужь слышу, какъ тамъ m-lle Linon стрекочетъ. Давайте спрячемся и испугаемъ ихъ!—Говоря съ Колей, она мелькомъ поглядывала на Андрея.

— Ну!— сказалъ Коля.—Еще maman перепугаемъ. Истерика, чего добраго! Вдругъ—падаетъ! Полковникъ подбѣгаетъ. Папа̀ внѣ себя, m-lle Linon суетится, дядя Поль готовъ зажать уши отъ всего этого крика!—Нѣтъ, ужь Богъ съ ними!—и, говоря это, Коля быстро представилъ въ лицахъ, какъ дѣлается дурно мачихѣ и какъ всѣ суетятся.

Оленька засмѣялась тихимъ восторженнымъ смѣшкомъ и даже всхлипнула.

— Ну тебя! Тише!—смѣялась Нина.—Идутъ! Господи, Боже мой, кажется, цѣлый часъ изъ сада не могли выбраться! Можно было-бы ужъ до хутора дойти. Хорошо-бы ихъ всѣхъ скорѣй спровадить, а дядю Поля взять съ собой и махнуть на хуторъ.

— Уфъ! Вотъ такъ ночь! — сказалъ Коля, вздрагивая и потирая руки, потомъ вздохнулъ полной грудью и вдругъ стремглавъ понесся по дорогѣ вдоль сада, взбивая тяжелую, отсырѣвшую отъ росы дорожную пыль.

— Вотъ бѣгаетъ молодцомъ,—сказалъ Андрей.

— А вы не умѣете бѣгать?—спросила Нина.—Хотите играть въ горѣлки? Дядю Поля можно взять пятымъ.

Андрей замялся.

— Вы не любите бѣгать? А я люблю. И верхомъ не ѣздите?

Андрей вспомнилъ, какъ въ дѣтствѣ отецъ посылалъ его въ сосѣднюю деревню, когда нужно было привести оттуда лошадь для поѣздки въ городъ, и онъ, вскарабкавшись на лошадь безъ сѣдла и съ трудомъ держась за поводъ, мчался домой и, подъѣзжая къ сторожкѣ, дразнилъ Феню, что посадитъ ее на лошадь и угонитъ далеко по большой дорогѣ.

— Въ дѣтствѣ я ѣздилъ,—сказалъ онъ неопредѣленнымъ тономъ, зная, что Нина спрашиваетъ его о совсѣмъ другой — настоящей верховой ѣздѣ, на прогулкѣ, въ кавалькадѣ.

Въ аллеѣ показалась вся компанія старшихъ. Елена Николаевна шла, тяжело опираясь на руку мужа. Она казалось утомленной.

— А Коля убѣжалъ!—сказала Нина.—Вонъ онъ!

— Куда убѣжалъ?

— Вонъ онъ!—повторила Нина, указывая пальцемъ вдоль по дорогѣ, зеленовато-серебристой отъ луннаго свѣта и терявшейся въ туманѣ.

— Боже мой!—сказала Елена Николаевна.—У насъ просто нѣтъ

возможности гулять. Все въ разбродъ! То торопятъ, то убѣгаютъ куда-то.

— Полноте, ma belle, сказалъ Павелъ Ивановичъ.—Велика бѣда, что убѣжалъ? «Въ немъ кровь кипитъ, въ немъ силъ избытокъ»,—продекламировалъ онъ.

— Откуда это?—невольно спросилъ Андрей.

— Откуда? Не могу вамъ въ точности сказать, голубчикъ. Какой-то хорошій поэтъ сказалъ.

— Ну вотъ, онъ, вѣдь, ужъ возвращается,—воскликнула Нина, успокаивая мачиху.

Она побѣжала, припрыгивая, ему навстрѣчу.

— Слушай, — сказала она, схвативъ его за руки, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ аллеи.—Maman опять сердится. Какъ бы намъ отъ нихъ удрать! Такая канитель, право! Сдѣлаемъ тройку, Оленьку кучеромъ,—и побѣжимъ! А они пусть опять догоняютъ понемножку!

Они схватились за руки, полные играющей радости и подбѣжали къ остальнымъ, топтавшимся у выхода изъ аллеи.

— Ну, побѣжимъ! Ну, побѣжимъ! — твердила Нина, не обращая вниманія на то, что говорили вокругъ. — Андрей Васильевичъ, побѣжимте тройкой! Оленька, ты ямщикъ,—держи меня за концы шарфа.—Она обвязала шарфъ вокругъ пояса.

— Что это еще такое, Боже мой?—въ ужасѣ говорила Елена Николаевна.

— Да оставь ты ихъ въ покоѣ, ma chère,—сказалъ Сергѣй Ермолаевичъ съ добродушнымъ смѣхомъ.—Жарьте, ребята!

— Андрей Васильевичъ, тройкой!—сказала Нина, хватая за руки его и брата.

Андрей, нѣсколько растерянный, крѣпко схватилъ ея похолодѣвшую руку. Они побѣжали внизъ по дорогѣ, съ трудомъ удерживая ноги на крутыхъ мѣстахъ спуска. Андрею было какъ-то совѣстно и жутко бѣжать. Оленька едва поспѣвала за ними. Внизу, у моста, они съ разбѣгу едва остановились.

— Ну, теперь наши опять отстали,—сказала Нина,—пойдемте по дорожкѣ.

Андрей, выпустивъ ея руку, тяжело дышалъ отъ непривычки бѣгать. Сердце его билось.

— Пойдемте же, — говорила Нина, сворачивая на узенькую тропинку, которая шла по берегу рѣки между деревьями, ростущими по склону.—Вы видите что-нибудь?—окликнула она Андрея.

— Нѣтъ, я ничего не вижу!—отвѣтилъ Андрей, входя во мракъ дорожки. Луны за высокимъ берегомъ совсѣмъ не было видно. Берегъ



поднимался довольно круто. Подъ обрывомъ, тоже заросшимъ деревьями, тихо плескалась вода.—Я не вижу, куда идти,—сказалъ Андрей.

— Ай! ну, давайте, я васъ поведу, — предложила Нина, расшалившаяся и разболтавшаяся послѣ бѣготни. Она вернулась къ нему.— Вотъ такъ!—сказала она, просовывая руку подъ его руку, — какъ съ дядей Полемъ, — прибавила она въ оправданіе.—Мы съ дядей Полемъ гуляемъ иногда подъ ручку въ городѣ, по бульвару. Правда, какой онъ милый, дядя Поль?

— Да, онъ очень симпатичный. Мы говорили съ нимъ сегодня, когда ѣхали...

Андрей осторожно шелъ впотьмахъ, чувствуя на своей рукѣ тонкую руку Нины. Онъ робко ступалъ по мягкой землистой дорожкѣ, которой не видѣлъ, стараясь держаться мужественно и твердо—онъ никогда никого не велъ еще подъ руку—и прислушиваясь къ голосу Нины, звучавшему близко и мягко.

— Знаете, я очень люблю дядю Поля,—говорила она. — И мнѣ его такъ жалко. У него очень несчастная жизнь. Коля вамъ не разсказывалъ про это?

— Нѣтъ, онъ мнѣ ничего не разсказывалъ.

— Ну такъ вотъ. Вы знаете,—у него умерла жена, которую онъ очень любилъ... Вы были у него въ квартирѣ сегодня?

— Да, я заходилъ къ нему.

— Вы видѣли,—тамъ у него висятъ портреты его жены. Такая красивенькая. Я ее немножко помню, — только мало. Это было ужъ такъ давно... Хотите я вамъ разскажу? Это такая ужасная исторія... Такъ вотъ она умерла. У нея была какая-то очень тяжелая болѣзнь, а онъ ее очень любилъ. Она боялась холода, всегда грѣлась у печки и закрывала ноги мѣхомъ. А когда она умерла, онъ думалъ, что ей будетъ холодно въ землѣ, и обилъ ея гробъ внутри такимъ бѣлымъ мѣхомъ, а ее завернулъ вмѣсто савана въ такой же бѣлый мѣхъ... съ черными хвостиками, знаете? Это очень дорого стоило. Мнѣ говорилъ папà. Онъ самъ никогда не разсказываетъ объ этомъ... Онъ о ней никогда не говоритъ. И потомъ, онъ не зналъ, что дѣлать, и уѣхалъ заграницу. И игралъ тамъ на рулеткѣ, и проигралъ все состояніе,— такъ что теперь онъ совсѣмъ обѣднѣлъ и долженъ жить въ долгъ... Я даже помню немножко, какъ онъ пріѣхалъ тогда изъ заграницы, разорившись. А вы никогда не были заграницей?

— Нѣтъ,—сказалъ Андрей съ усмѣшкой.

— Ахъ да,—сказала Нина, вспомнивъ, что этотъ вопросъ неумѣстенъ.—А въ Петербургѣ вы не были?—уже робко прибавила она.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ онъ.

Ему было непріятно, что онъ долженъ признаться ей въ своей

жизненной неопытности. Нина помолчала и, словно желая загладить невольную неделикатность, почувствовала къ Андрею приливъ какого-то нѣжнаго довѣрія. Онъ казался ей сильнымъ и несчастнымъ и, кромѣ того, очень умнымъ, способнымъ понимать всѣ тѣ чувства, которыми она не могла дѣлиться даже съ Колей.

— А я была заграницей,—задумчиво сказала она.—Давно, когда я была гораздо моложе. Мы были въ Ниццѣ и, знаете, когда я вспоминаю... тамъ такъ хорошо, что у меня какъ-будто что-то такое сосетъ въ сердцѣ.—Она отняла свою руку и прижала ее къ сердцу.—Ой, вы опять ничего не видите!

— Нѣтъ, я теперь вижу,—сказалъ Андрей, жалѣя, что это мѣшаетъ ему опять взять ее за руку. Они пошли рядомъ по дорожкѣ.

— Такъ вотъ, когда мы подъѣзжали,—продолжала Нина,—когда мы подъѣзжали къ Ниццѣ или къ Каннъ, я не помню, — это было рано-рано утромъ, и меня разбудили,—я посмотрѣла изъ вагона,—въ одно окно и въ другое, и было такъ хорошо! Горы были въ такомъ туманѣ, какъ будто розовыя,—она сдѣлала въ темнотѣ пояснительный размашистый жестъ, которымъ задѣла Андрея, — извините, я васъ толкнула, кажется... А около станціи пальмы и апельсины... Настоящіе апельсины на деревьяхъ,—подтвердила она, какъ-бы убѣждая Андрея и предполагая въ немъ сомнѣніе. — А съ другой стороны, море, совсѣмъ свѣтлое, такое сѣроватое, розовое, не такое, какъ всегда. Вы видѣли море?

— Нѣтъ, я нигдѣ не былъ,—сказалъ Андрей рѣшительно и съ горечью.

— Ахъ да, мнѣ все кажется... вѣдь, вы такъ много знаете.

— А теперь вы не ѣздите заграницу?—спросилъ Андрей.

— Теперь нѣтъ. Папа̀ служитъ, ему неудобно ѣхать, maman все хвораетъ и не хочетъ ѣхать одна. Она не любитъ никуда ѣздить. А я такъ люблю! Вы любите ѣздить?

Андрей задумался.

— Когда я кончу гимназію,—сказалъ онъ,—я поѣду въ Петербургъ, въ университетъ.

Нинѣ стало вдругъ жалко, что онъ уѣдетъ изъ ихъ мѣстъ, какъ-будто это должно случиться сейчасъ.

— Еще два года вамъ въ гимназіи!—сказала она.

— Да,—отвѣтилъ онъ,—теперь уже недолго.

— А что вы будете дѣлать послѣ университета?

— Послѣ университета? — переспросилъ онъ и помолчалъ минуту, чувствуя, какъ всѣ мечты всколыхнулись въ немъ. Ему захотѣлось все высказать Нинѣ: того, что было въ его мечтахъ, нечего было [illegible]

диться.—Я думаю, что я буду писателемъ,—сказалъ онъ тихо и съ гордостью.

— Да-а?— сказала Нина протяжно, остановившись на минуту.— Какъ я рада! Я тоже хочу чѣмъ-нибудь быть... Быть извѣстной! Мнѣ кажется, тогда вся жизнь другая. Тогда не можетъ быть скучно. И потомъ, знаете, когда живешь такъ въ семьѣ, всѣ эти гувернантки, гости,—они иногда говорятъ такія пошлости. Мнѣ кажется, когда я буду большая, я не смогу вынести такой жизни. Мнѣ кажется, я могу быть извѣстной...—Она не рѣшилась сказать «знаменитой».

— А чѣмъ вы хотите быть?—спросилъ Андрей серьезно.

— Я не знаю. Можетъ быть, я буду музыкантшей или пѣвицей. Папà хочетъ, чтобы я училась пѣть. Или, можетъ быть,—художницей. Я и теперь беру уроки. Даже красками. Вы видѣли,—тамъ, въ гостинной, такія маленькія картинки... Это мои!.. А вы будете писателемъ?

— Да, я хочу быть писателемъ,—повторилъ Андрей убѣжденно.

— Вѣдь вы и теперь уже хорошо пишете сочиненія,—Коля мнѣ говорилъ. Онъ мнѣ что-то разсказывалъ, какъ вашъ учитель читалъ ваше сочиненіе въ классѣ. О чемъ это было?

— Ахъ да, въ прошломъ году? Это было описаніе моря, океана.

— Вотъ видите,—вы никогда не видѣли моря,—и написали! Коля говорилъ мнѣ, что у васъ очень хорошій слогъ. А Коля тоже способный, правда? Какъ онъ хорошо рисуетъ! И забавно. Вы видѣли?

— Да,—сказалъ Андрей,—онъ способный,— но въ его тонѣ не было полнаго восхищенія.

Нина замѣтила это.

— Онъ только лѣнивый. А, знаете, когда я буду учиться пѣть, я буду серьезно учиться,—какъ вы.—Она взглянула на него въ темнотѣ съ довѣріемъ и уваженіемъ.

Андрей, высказавъ ей свою мечту, почувствовалъ, что онъ сравнялся съ ней, что между ними не было уже той бездны, которую онъ все время ощущалъ между собою и всею ихъ семьей. Душа его была полна такой радости, какой онъ никогда еще не испытывалъ.

— А Коля съ Оленькой опять отстали,—воскликнула Нина послѣ нѣкотораго молчанія.— Знаете, я нарочно просила Колю, чтобы онъ пошелъ съ Оленькой,—объявила она конфиденціально, но, вспомнивъ, что Андрей не былъ посвященъ въ это дѣло, смутилась и прибавила:— она очень хорошая, Оленька, добрая такая... И Коля... ей очень нравится... Только вы не говорите ему, что я вамъ сказала. Какъ мы скоро познакомились,—я вамъ все говорю...

— Да,—сказалъ Андрей, полный благодарности.

— Ну, теперь не упадите, тутъ спускъ, направо. Видите, ступеньки.—Шумъ мельницы раздавался ближе.—Вотъ тутъ площадка и

скамейка у рѣки. Здѣсь такъ хорошо! Наши сейчасъ догонятъ...

Нина и Андрей сошли на маленькую площадку у самой воды. Они сѣли на покосившуюся деревянную скамью, отсырѣвшую отъ рѣчного воздуха. Широкая рѣка, запруженная ниже мельничною плотиною, текла медленно и ровно, освѣщенная луннымъ свѣтомъ, игравшимъ въ водяной зыби. Воздухъ надъ рѣкой былъ чуть-чуть влажный, запахъ сырой земли и рѣчныхъ травъ доносился легкимъ, прохладнымъ дуновеніемъ. Прозрачная мгла висѣла надъ рѣкою, сгущаясь вдали въ голубоватый туманъ. Рѣчная вода казалась тяжелою, темною; но яркія, серебряныя блестки играли въ ней, — сливались, разбѣгались и вновь выплывали, дробясь и сверкая, — такъ что глазамъ становилось больно. Нина и Андрей затихли. Въ ихъ душахъ было свѣтло и тревожно. Минуты текли медленно, какъ слабо колеблющаяся рѣчная вода... А серебряныя блестки все колыхались, сбѣгались и разсыпались,—то тонули въ черной глубинѣ, то опять загорались и трепетали, и скользили. Тамъ, гдѣ сидѣли Андрей и Нина, было совсѣмъ темно и тихо. Черными тѣнями стояли вокругъ нихъ деревья. Старая ольха, кривая и мшистая, склонялась надъ водой, и отъ легкаго вѣтерка, который изрѣдка тянулъ откуда-то, беззвучно спадали въ воду ея пожелтѣвшіе, скоробившіеся листья и тихо уплывали по теченію. Прохладный воздухъ щекоталъ лицо и вливался въ грудь. Андрей чувствовалъ подлѣ себя въ полумракѣ темную тонкую фигуру Нины, и ему хотѣлось ближе взглянуть на нее, взять ея руку. Но она молчала, съ какимъ-то напряженіемъ ища словъ и не находя ихъ. Ей хотѣлось опять заговорить съ Андреемъ и слышать его голосъ. Его голосъ нравился ей и волновалъ ее. Онъ былъ несовсѣмъ установившійся, неровный, но тихій и сдержанный. Въ немъ звучали то нервныя, то твердыя мужскія ноты. Когда она слушала его въ темнотѣ, она чувствовала то-же, что въ ту минуту, когда встрѣтилась съ нимъ глазами: чужой, непривычный, онъ вдругъ, сразу, становился близкимъ.

— Андрей Васильевичъ!—сказала она наконецъ, оборачиваясь къ нему.—Вы знаете... — Въ полумракѣ она взглянула ему въ лицо и, замѣтивъ, что онъ смотритъ на нее,—сбилась.—Нѣтъ я забыла... нѣтъ, вотъ что. Я очень рада. Мнѣ такъ весело сегодня. Мы причащались сегодня... И вотъ... Знаете, у меня никогда не было друзей. То-есть, мы очень дружны съ Колей, но только онъ мальчикъ,—и вспомнивъ, что Андрей товарищъ и сверстникъ Коли, она совсѣмъ растерялась, засмѣялась и сказала, слегка захлебываясь:—я не знаю, отчего я вамъ могу все говорить, вы... мнѣ кажется, что вы большой. И вообще вы — другой. Коля тоже старше меня, но съ нимъ я не могу такъ...

Андрей тихо и радостно улыбнулся ея сбивчивому признанію. Оно польстило ему. Ея замѣчаніе о томъ, что она причащалась сегодня,

показалось ему наивнымъ и трогательнымъ. Онъ почувствовалъ себя старше и развитѣе ея,—и это давало ему и смѣлость, и желаніе отвѣтить откровенностью на ея откровенность.

Андрей сжалъ руками лобъ и сгорбившись, облокотился на свои колѣни.

— Знаете, Нина Сергѣевна,—заговорилъ онъ, впервые называя ее по имени.—Когда я сюда ѣхалъ сегодня, у меня были совсѣмъ другія мысли. Я даже сердился на себя, зачѣмъ поѣхалъ. Я, вѣдь, не привыкъ бывать въ такихъ домахъ,—прибавилъ онъ смущенно, стыдясь своихъ словъ и своего чувства униженности.

— Въ какихъ домахъ?—перебила Нина робко.

— Въ домахъ богатыхъ людей. Вы знаете, я бѣдный человѣкъ, и отецъ мой мѣщанинъ...

Онъ сдѣлалъ нѣкоторое усиліе надъ собой, чтобы выговорить это слово. Ему казалось необходимымъ сказать ей это прямо, самому.— Мой отецъ служитъ сторожемъ у шлагбаума.

Онъ замолчалъ, не зная, что дальше сказать, и вдругъ перенесся въ обстановку своего дѣтства, въ тишину одинокой сторожки, въ спокойную равнину, по которой далеко слышенъ былъ плачъ и смѣхъ дорожнаго колокольчика.

— А мама ваша... мать ваша... она жива?—спросила Нина слегка дрожащимъ, мягкимъ голосомъ, желая дать ему понять, что ее не смущаетъ его откровенность, но не умѣя побороть въ себѣ какого-то смутнаго волненія.

— Нѣтъ... у меня нѣтъ матери...

— Она умерла?

— Да... нѣтъ... Она не живетъ у отца.

Говорить о матери ему было еще труднѣе. Онъ не зналъ, что сказать о ней. Онъ зналъ, что она бросила отца, но дальнѣйшая судьба ея была ему неизвѣстна,—неизвѣстно было даже, жива-ли она, и теперь, заговоривъ о ней, онъ вдругъ ощутилъ непривычную тревогу. Нина сейчасъ-же замѣтила его смущеніе. Оно выдавало какую-то семейную тайну, что-то неясное, жуткое, къ чему она не рѣшилась бы прикоснуться. Онъ весь сталъ нѣсколько загадочнымъ, непонятнымъ для нея. Ей показалось, что въ его жизни было что-то особенное, о чемъ она не могла спросить, какъ не могла спросить у старшихъ о нѣкоторыхъ темныхъ и жуткихъ вещахъ...

— А братья и сестры... есть у васъ?—выговорила она, наконецъ, упавшимъ голосомъ, чтобы только прервать наступившее молчаніе, — и еще болѣе растерялась при мысли, что и этотъ вопросъ былъ неделикатнымъ.

— Да, сестра одна—Феничка,—просто отвѣтилъ Андрей.

— Разскажите мнѣ что-нибудь про вашу сестру, — сказала Нина скороговоркой, неувѣренно, — и вдругъ, слегка отстранившись, стала прислушиваться. — Знаете что? Пойдемте отсюда. Насъ будутъ искать... добавила она совсѣмъ другимъ тономъ.

Онъ поднялся, смущенный, чуть-чуть уязвленный въ своемъ порывѣ откровенности. Они поднялись по земляной лѣстницѣ наверхъ. На лѣсной тропинкѣ было совсѣмъ тихо.

— Я не понимаю, прошли они, что-ли? — растерянно произнесла Нина. — Какъ вы думаете?

Они остановились. Въ вершинахъ деревьевъ чуть слышно шелестѣлъ вѣтеръ.

— Я не понимаю. Неужели они прошли? — говорила Нина, охваченная замѣтнымъ, непонятнымъ для Андрея безпокойствомъ.

— Такъ пойдемте домой, — сказалъ Андрей.

— Нѣтъ, какъ-же, домой? домой нельзя. Они будутъ искать. И потомъ, вы не знаете, — у насъ вѣчныя исторіи и сцены. Пойдемте лучше на мельницу, или позовемъ ихъ, или... Пойдемте скорѣе на мельницу, это самое лучшее!

Они пошли на мельницу и скоро вышли на открытое мѣсто, къ плотинѣ.

— Коля! — закричала Нина голосомъ, въ которомъ звучалъ испугъ, и остановилась, прислушиваясь. Отъ мельницы донеслись человѣческіе голоса. — Ну пойдемте скорѣе туда, — сказала Нина. — Они тамъ.

Андрею было досадно, что Нина такъ испугалась; онъ не думалъ, что она такъ боится своихъ родныхъ. Нина побѣжала впередъ по плотинѣ, потомъ остановилась посереди дороги, подождала Андрея и, поднявъ на него глаза, робко сказала:

— Андрей Васильевичъ, вы не думайте, что я такъ боюсь. Я просто... я не люблю исторій.

Онъ былъ радъ, что она угадала его мысль и ему стало жаль ее: и у нея, въ ея жизни, были свои невзгоды...

Обогнувъ мельницу, они вышли на маленькую площадку, заставленную возами. На крыльцѣ мельницы сидѣли только Коля и Павелъ Ивановичъ.

— А наши? — крикнула Нина.

— Ушли, ушли, егоза, — сказалъ Павелъ Ивановичъ, поднимаясь къ ней навстрѣчу. — Разсердились и ушли.

— Сердились?

— Не очень, глупая моя дѣвочка. Куда это вы запропастились? — добродушно спросилъ Павелъ Ивановичъ. у Андрея.

— А мы тамъ сидѣли у рѣки, — сказала Нина, и видя, что нѣтъ никого, кто-бы сердился на нее, подпрыгнула отъ радости и бросилась

на шею дядѣ.—Дядя Поль, милый, вотъ хорошо, что ушли! Какъ весело сегодня!

— Весело!—повторилъ Павелъ Ивановичъ, и, взявъ ея руку, сжалъ въ своихъ рукахъ.—Лапка какая холодная!

— Нѣтъ, не холодно,—сказала Нина.—Такъ хорошо! Мы теперь пойдемъ на хуторъ?

— Куда теперь на хуторъ! Ты знаешь-ли, который часъ? Двѣнадцать. Теперь остается только пройти по широкой дорогѣ прямо домой.

— Коля, а ты безпокоился?—спросила Нина.

— Мнѣ-то что?—отвѣтилъ онъ, встряхивая своими кудрями и усмѣхаясь.—Благо maman вздумала уйти. Теперь по крайней мѣрѣ можно пройтись съ полнымъ удовольствіемъ.

— На мельницѣ ужъ спятъ!—сказала Нина тихо, точно боясь разбудить кого-то.

— Теперь, я думаю, и наши спятъ,—отвѣтилъ Павелъ Ивановичъ, и они пошли домой по низкому берегу рѣки, разстилавшемуся широкой поляной и подернутому голубоватымъ туманомъ.

## VIII.

Когда Нина, вернувшись домой, вошла въ свою комнату, Оленька сидѣла у окна и, опершись на подоконникъ, смотрѣла въ садъ. Луна свѣтила ей прямо въ лицо. Черезъ всю комнату падали наискось отъ оконъ большіе голубые четырехугольники. Нина, которой хотѣлось остаться одной, была непріятно поражена, увидѣвъ, что Оленька еще не легла. Ей хотѣлось не разговаривать, а вытянуться въ своей постели и думать. Она сказала Оленькѣ нѣсколько разстроеннымъ голосомъ, взявшись руками за похолодѣвшія щеки, потому что ей казалось, что онѣ горѣли:

— Ты еще не спишь?

— Нѣтъ, я тебя ждала. Куда это ты запропастилась?

— Я шла по дорожкѣ.

Въ ея голосѣ Оленька почувствовала какое-то отчужденіе, и съ робостью замолчала. Она боялась, когда Нина была такою. Нина чувствовала, что было невѣжливо молчать, но не могла пересилить себя.

— Что-же ты?—раздѣвайся!—сказала она, и, подойдя къ окну, стала смотрѣть въ садъ. Окна оставались отворенными, свѣжій воздухъ приносилъ острый ароматъ настурцій. Оленька стала раздѣваться. Въ верхнемъ этажѣ слышны были шаги и еще какое-то движеніе.

«Въ библіотекѣ»,—подумала Нина, и мысль, что надъ ея комнатой проведетъ ночь Андрей, нѣсколько смутила ее.

Нина долго стояла у открытаго окна, не шевелясь. Потомъ ей стало холодно. Она закрыла окно и спустила штору. Въ комнатѣ было совсѣмъ свѣжо.

— Тебѣ было холодно раздѣваться, Оленька, что-же ты не сказала?—замѣтила она.

— Нѣтъ, мнѣ тепло,—отвѣтила Оленька, кутаясь въ одѣяло и едва удерживая стучащія отъ озноба челюсти.

— Гдѣ-же тепло! какая ты глупенькая,—сказала Нина и взяла свой пледъ, чтобы покрыть ее.

— Не безпокойся, Ниночка. Не надо, закройся сама.

Нина хотѣла изъ вѣжливости спросить Оленьку, о чемъ они разговаривали съ Колей, но промолчала и, покровительственно поцѣловавъ ее въ лобъ, пошла раздѣваться. Въ постели было свѣжо и мягко. Нина подложила руки подъ голову и закрыла глаза. Но лунный свѣтъ, едва смягченный бѣлой шторой, проникалъ и сквозь вѣки.

Нина долго лежала такъ. Въ ушахъ ея звенѣло пѣніе. Сейчасъ они шли по широкой луговой дорогѣ и молчали. А Павелъ Ивановичъ напѣвалъ что-то своимъ пріятнымъ, надтреснутымъ голосомъ, и въ этомъ голосѣ звенѣла грусть, но такая нѣжная, что отъ его пѣнія душа Нины наполнялась счастьемъ. Свѣтлая, прохладная ночь обвѣвала ее. Ихъ тѣни, колеблясь и склоняясь то вправо, то влѣво на извилинахъ дороги, бѣжали передъ ними. Открытая ширь поемныхъ луговъ разстилалась, утопая въ туманномъ горизонтѣ, гдѣ серебристо-сѣрая земля сливалась съ еще болѣе свѣтлымъ, искрящимся небомъ. Напѣвъ, дрожавшій въ воздухѣ всю дорогу, и теперь тихо звенѣлъ въ ушахъ Нины, какъ будто въ этой комнатѣ воздухъ, проникнутый голубоватой пылью, откликался эхомъ на пѣсню, которую никто уже больше не пѣлъ.

Нина не могла заснуть. Ее начинала охватывать легкая лихорадка. Она открывала глаза, всматривалась куда-то въ даль, оглядывала комнату. Оленька спала незамѣтно и неслышно, какъ будто ея вовсе здѣсь не было. Но наверху,—Нина ясно чувствовала это, было одно живое существо, присутствіе котораго волновало ее. Она опять ложилась и закрывала глаза рукой, чтобы не чувствовать луннаго свѣта. Иногда отчетливая мысль мелькала въ ея сознаніи. Она вспоминала, что задала какой-то вопросъ Андрею на скамейкѣ, у рѣки, не успѣвъ выслушать его отвѣта, пошла зачѣмъ-то вмѣстѣ съ нимъ и перепугалась, увидѣвъ, что они остались одни. Ей дѣлалось стыдно передъ Андреемъ за то, что она такъ испугалась,—точно дѣвочка, боящаяся гувернантки. Ей хотѣлось загладить дурное впечатлѣніе. Ей хотѣлось, чтобы все въ ней нравилось Андрею, и она ждала завтрашняго дня, чтобы поговорить о томъ, чего они не договорили. И опять чуть звенящее эхо отвѣчало



на тотъ напѣвъ, который разливался въ прохладномъ воздухѣ, напоенномъ голубою мглою, когда они возвращались домой по луговой дорогѣ. Иногда она почти теряла сознаніе; но слабый, дрожащій свѣтъ волновалъ ее сквозь закрытыя вѣки. Она чувствовала его, уже засыпая, на всемъ своемъ тѣлѣ... Она вдругъ просыпалась съ чувствомъ счастья, которое захватывало ей дыханіе, потомъ опять засыпала безъ сновъ, но съ ощущеніемъ тревоги.

Утромъ Нина проснулась поздно. Оленьки уже не было въ комнатѣ. Она вскочила, надѣла блузу, широкую и прозрачную, которую она очень любила, и, боясь встрѣтить въ корридорѣ Андрея, быстро пробѣжала въ дѣвичью, чтобы позвать горничную. Она долго думала, во что ей одѣться. Ей хотѣлось показаться Андрею въ новомъ платьѣ.

Когда Нина вышла на террасу къ чаю, всѣ были въ сборѣ. Какъто не рѣшаясь глядѣть по сторонамъ, она почтительнѣе обыкновеннаго поздоровалась съ мачихой, поцѣловала отца и дядю и степенно, опустивъ глаза, подала руку всѣмъ присутствующимъ, неясно сознавая, съ кѣмъ здоровается. Подавая руку Андрею, она почувствовала, что краснѣетъ, и, уже сѣвъ на мѣсто, дѣйствительно раскраснѣлась до слезъ. По счастью, приходъ ея прервалъ очень оживленный разговоръ, повидимому, объ отъѣздѣ гостей — не безъ пикировки между Павломъ Ивановичемъ и Еленой Николаевной. Елена Николаевна настаивала, чтобы ѣхали на другой день утромъ. Нѣсколько человѣкъ доказывали, перебивая другъ-друга, что мальчики не должны опоздать въ гимназію къ молебну, и потому придется ѣхать сегодня-же вечеромъ, хотя это и должно было разстроить предложенную Еленой Николаевной поѣздку въ засѣку съ чаепитіемъ. Рѣшено было ѣхать всетаки вечеромъ, и это рѣшеніе отдалось болью въ сердцѣ Нины. Ей захотѣлось какъ можно скорѣе и какъ можно больше поговорить съ Андреемъ. Но послѣ чая устроилась общая игра въ крокетъ. Потомъ, только-что собрались кататься, какъ пришолъ священникъ изъ сосѣдняго села, съ глупой толстой попадьей въ яркомъ платьѣ, и сообщилъ, что скоро пріѣдетъ засвидѣтельствовать свое почтеніе г. предводителю исправникъ. Прогулка разстроилась, всѣ просидѣли около чайнаго стола въ скучныхъ и натянутыхъ разговорахъ до самаго обѣда. За обѣдомъ Нина, присмирѣвшая и грустная, сидѣла далеко отъ Андрея и разговаривала только съ Оленькой. Послѣ обѣда, когда Оленька съ бабушкой уѣхали, Нина только-что хотѣла позвать всѣхъ погулять въ садъ, какъ Коля сказалъ, что ему надо собирать книги и увелъ съ собой Андрея. Нина не рѣшилась удержать ихъ и долго ходила одна по саду, чувствуя грусть, досаду и волненіе.

Только послѣ вечерняго чая, который подали раньше обыкновеннаго, всѣ собрались въ гостинной и какъ-то успокоились отъ пустой суеты

дня. Елена Николаевна была въ духѣ и попросила Павла Ивановича пѣть. И онъ долго пѣлъ подъ аккомпаниментъ Коли, прислонившись спиной къ стѣнѣ и полузакрывъ глаза, отуманенный виномъ и нѣсколько возбужденный. Нина нѣсколько разъ взглядывала на Андрея, какъ-бы желая подозвать его, несмотря на то, что ей не хотѣлось говорить съ нимъ при людяхъ. Андрей сидѣлъ, какъ-будто не замѣчая Нины. «Какъ странно,—думала она,—точно ничего и не было!» Неужели Андрей забылъ обо всемъ, что было вчера? неужели ему все равно,—ему не нужно ея дружбы?.. Иногда она начинала думать, что она чѣмъ-нибудь обидѣла его. Ей хотѣлось выяснить это, даже извиниться, если она, въ самомъ дѣлѣ, виновата. Но говорить теперь было невозможно и, полузакрывъ глаза, она слушала пѣніе дяди Поля: ей казалось, что онъ пѣлъ о своей разбитой любви, о своемъ потерянномъ счастьѣ, промелькнувшемъ, какъ сонъ.

У крыльца уже зазвенѣлъ колокольчикъ тарантаса. Полковникъ, тоже уѣзжавшій въ городъ, Коля и Андрей пошли собираться. Всѣ засуетились. Одинъ только Павелъ Ивановичъ, весь погруженный въ свою музыку, былъ спокоенъ и разсѣянъ. Онъ подошелъ къ Нинѣ очень близко, посмотрѣлъ ей въ глаза и прижалъ ея голову къ своей щекѣ. На нее пахнуло запахомъ вина и табаку, и ей стало тяжело и жутко. Потомъ онъ провелъ рукою по ея волосамъ и, глядя на нее помутившимися глазами, сказалъ вполголоса:

— Дѣвочка моя... хорошая!

Нина крѣпко обняла его, съ грустной нѣжностью и смущеніемъ погладила его сѣдѣющую бороду.

— Ну вотъ и уѣзжаю,—сказалъ онъ.—Вотъ и уѣзжаю. Отдохнулъ съ тобой, прогулялся немножко... «Но то былъ сонъ»,—прибавилъ онъ почти шопотомъ, словами только что пропѣтаго имъ романса.—Да, да... сонъ... такъ-то...

Нинѣ показалось, что онъ не сознаетъ, что говоритъ. Онъ поникъ головой, отвернулся и пошелъ одѣваться.

Черезъ десять минутъ всѣ были на крыльцѣ. Ямщикъ осаживалъ горячую тройку. Колокольчикъ слабо вздрагивалъ подъ дугой. Коля вскочилъ на козлы, Павелъ Ивановичъ, полковникъ и Андрей усѣлись въ экипажѣ. Нина подбѣжала къ брату.

— Коля, ты пригласишь Андрея Васильевича бывать у насъ?—спросила она вдругъ съ какой-то отчаянной рѣшимостью, какъ будто потомъ уже нельзя было-бы устроить этого, и не дожидаясь отвѣта, отбѣжала на крыльцо. Она не помнила, простилась-ли съ Андреемъ.

— Ну, съ Богомъ, съ Богомъ,—говорилъ Павелъ Ивановичъ,—трогай!

Экипажъ осторожно завернулъ на площадкѣ. Колокольчикъ тонко за[illegible]ъ дугой, и тройка покатилась по мягкому песку широкой аллеи, освѣщенной такимъ-же яркимъ, какъ вчера, голубовато-зеленымъ свѣтомъ.

Павелъ Ивановичъ еще разъ приподнялся въ тарантасѣ и, повернувшись, какъ будто хотѣлъ сказать что-то. Нинѣ показалось, что онъ еще разъ пропѣлъ издали послѣднюю, замирающую фразу романса: «Но то былъ сонъ!»

А можетъ быть, это пѣлъ дорожный колокольчикъ.

**Л. Гуревичъ.**

*(Продолженіе слѣдуетъ).*

# ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ.

**Два послѣднихъ романа Золя.—«Лурдъ». Внутреннее построеніе романа. Отдѣльныя фигуры. Безплодная попытка подвергнуть физіологическому анализу явленія духа. Коренныя ошибки Золя. Философія «Лурда». Безжизненность художественной картины.—«Римъ». Разочарованія Пьера Фромана. Его книга. Ватиканъ. Папа Левъ XIII. Коренные философскіе и художественные недостатки романа. Французскій критикъ Гастонъ Дешанъ. Обвиненіе въ плагіатѣ. Манифестъ Золя. «Вертящаяся этажерка». Методъ реалистическаго творчества.—Критическія замѣчанія.**

---

## I.

Два послѣднихъ романа Золя, «Лурдъ» и «Римъ», представляютъ огромный интересъ для литературной критики. Одинъ изъ самыхъ даровитыхъ французскихъ писателей, закончивъ серію строгообдуманныхъ произведеній, приступилъ къ новой работѣ, въ которой должна отразиться современная европейская жизнь въ ея самыхъ типическихъ чертахъ. Можно сказать, что никогда еще слава Золя не подвергалась такой очевидной опасности, какъ именно теперь. Въ самомъ дѣлѣ, Золя хотѣлъ бы передать въ живыхъ поэтическихъ образахъ тѣ религіозныя чувства и настроенія, которыя овладѣли не только отдѣльными выдающимися людьми европейскаго общества, но и цѣлыми народными массами. Твердою рукою убѣжденнаго поборника эмпирическаго знанія Золя по своему разлагаетъ все то, что есть въ современномъ человѣкѣ мистическаго, неразгаданнаго, таинственнаго въ идейномъ отношеніи. Духовныя силы художника здѣсь всѣ налицо. Его холодный, ясный, настойчиво послѣдовательный умъ, съ оттѣнкомъ демократической суровости, ни на минуту не измѣняетъ ему посреди самыхъ разнообразныхъ, яркихъ и фантастическихъ впечатлѣній, которыя льются на него со всѣхъ сторонъ. Общее философское міросозерцаніе чувствуется повсюду. Всѣ фигуры, историческія и романическія событія проходятъ медленно и твердо, постоянно обнаруживая передъ

читателемъ тѣ черты и особенности, на которыя можно бросить свѣтъ науки въ совершенно опредѣленномъ направленіи. То непосредственное творчество, которое, внѣ всякой литературной программы, вдругъ показываетъ свою силу въ истинно-художественныхъ произведеніяхъ, раздвигая умственные горизонты автора, отступило здѣсь на задній планъ, почти не замѣтно въ двухъ послѣднихъ романахъ Золя. Рядомъ съ многочисленными описаніями картинъ природы, живыхъ и интересныхъ событій, образующихъ сюжетъ повѣствованія, постоянно натыкаешься на безконечно длинныя разсужденія, имѣющія учено-компиляторскій характеръ, на цѣлые историческіе трактаты—между отдѣльными романическими эпизодами, въ которыхъ лишь изрѣдка отражается крупное поэтическое дарованіе Золя. Эти произведенія читаются не легко. Ненужныя подробности, огромная масса фактовъ, перенесенныхъ въ романы изъ разныхъ печатныхъ источниковъ, безъ настоящей творческой переработки, многочисленныя разсужденія на политическія и церковныя темы, идущія отъ лица самого автора, но не составляющія органической части опредѣленнаго художественнаго цѣлаго, необозримая сѣть анекдотовъ и легендъ, снабженныхъ научнымъ комментаріемъ и какъ-бы сознательно лишенныхъ поэтическаго очарованія—все это, какъ тяжелый балластъ, мѣшаетъ быстрому, легкому, оживленному теченію поэтическаго разсказа. Никогда еще природный талантъ Золя не раскрывался передъ нами съ такою скупостью, вопреки очевидному напряженію всѣхъ его силъ, несмотря на то, что писатель съ неутомимымъ упорствомъ стремится передѣлать факты жизни въ угодномъ ему направленіи, перечеканить ихъ, переоцѣнить, размѣстить въ извѣстномъ стройномъ порядкѣ, по твердымъ правиламъ науки, освѣтить до основанія огнемъ своего позитивнаго убѣжденія, на которое вдругъ дохнуло новое, сильное умственное вѣяніе. Не брезгая дидактикой, не опасаясь суда художественной критики, Золя открыто защищаетъ свои старые литературные манифесты, и рядомъ не то ученыхъ, не то чисто публицистическихъ разсужденій по всѣмъ вопросамъ современной общественной жизни старается показать, что въ мірѣ не случилось ничего новаго, что старыя задачи сохраняютъ свою полную силу, что однажды имъ провозглашенное философское міровоззрѣніе ни въ чемъ не поколебалось, никѣмъ не расшатано. Таково заключительное слово Золя въ послѣднихъ его произведеніяхъ, уже поднявшихъ въ европейской журналистикѣ огромный шумъ. Мы разсмотримъ внимательно и философію Золя, и художественное достоинство этихъ двухъ романовъ, наглядно показавшихъ истинный объемъ его таланта, неразрушимый предѣлъ его творческой силы, всѣ слабыя стороны его натуралистическаго созерцанія жизни. Кромѣ того, мы приведемъ новый манифестъ, обнародованный Золя въ защиту своихъ старыхъ романическихъ пріемовъ—по поводу газетнаго обвиненія въ плагіатѣ, брошен-

наго въ лицо однимъ смѣлымъ французскимъ критикомъ знаменитому романисту и вызвавшаго запальчивый, страстный, полемическій отвѣтъ его, приводимый нами ниже въ буквальномъ переводѣ. Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что именно теперь репутація Золя войдетъ въ свои законные берега. Именно теперь должна опредѣлиться истинная художественная цѣнность его эстетическихъ и философскихъ понятій, создавшихъ въ его душѣ одно неизмѣнное настроеніе, придавшихъ какую-то особенную, мужицкую крѣпость всей его литературной пропагандѣ.

Начнемъ съ «Лурда». Въ этомъ романѣ Золя выводитъ на сцену цѣлую толпу народа, охваченную религіознымъ чувствомъ. Люди различныхъ соціальныхъ положеній и умственныхъ профессій, страдая отъ душевныхъ и физическихъ недуговъ, ищутъ исцѣленія и спасенія у чудотворной Лурдской Богоматери, давшей жизнь одной чудесной религіозной легендѣ. Съ разныхъ концовъ міра многотысячныя толпы народа, изнемогая въ борьбѣ съ безжалостными житейскими обстоятельствами, стекаются къ Лурдкой пещерѣ въ надеждѣ найти здѣсь сострадательную помощь, исходящую изъ высшаго источника. Романическое повѣствованіе открывается изображеніемъ желѣзнодорожнаго поѣзда, несущагося на всѣхъ парахъ изъ Парижа къ завѣтной цѣли недужныхъ людей, жаждущихъ небесной иллюзіи. Цѣлый грузъ человѣческихъ страданій, увлекаемый обезумѣвшимъ паровозомъ въ страну неземныхъ грезъ и мистическихъ очарованій, цѣлый передвижной лазаретъ, поддавшись вліянію болѣзненной галюцинаціи, долженъ черезъ нѣсколько часовъ очутиться въ очарованномъ мірѣ божественной милости. Мы присутствуемъ при настоящемъ медицинскомъ осмотрѣ огромной больницы, въ которой помѣстились паціенты различныхъ сортовъ и типовъ. Художникъ называетъ каждую болѣзнь съ педантическою точностью врача, потерявшаго чувствительность отъ постоянной медицинской практики, почти равнодушнаго къ виду самыхъ невыносимыхъ человѣческихъ страданій. Съ реалистическою силою описывая различныя патологическія явленія, Золя тутъ же передаетъ намъ въ пространномъ разсказѣ ихъ физіологическую исторію, тѣ обстоятельства и причины, которыя породили ихъ, діагнозъ врачей и сотню другихъ ненужныхъ подробностей. Поѣздъ несется въ душный, жаркій день, черезъ выжженныя солнцемъ поля, наполняя спертый воздухъ пронзительными свистками локомотива и нескончаемымъ тяжелымъ громомъ колесъ. Путевыя приключенія изображаются съ сознательною медленностью, производящею мучительное впечатлѣніе на нервы. Тряска вагоновъ совершаетъ перемѣны въ настроеніи пассажировъ, и художникъ съ холоднымъ, разсудочнымъ упоеніемъ показываетъ каждую физіологическую деталь, замѣченную въ состояніи больныхъ пассажировъ. Ничто не пропадаетъ для медицинскаго анализа, подготовленнаго книжнымъ изученіемъ разныхъ патологическихъ фактовъ...

Въ центрѣ всей картины два дѣйствующихъ лица повѣствованія,— аббатъ Пьеръ Фроманъ и Марія де Герсенъ, молодая красавица въ ореолѣ пышныхъ золотистыхъ волосъ, прикованная параличемъ къ одру болѣзни въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ. Молодой аббатъ, съ блѣднымъ, худощавымъ лицомъ, сосредоточиваетъ въ себѣ главную мысль романа, потому что, изображая его душевную жизнь, его религіозныя сомнѣнія, его страстные порывы къ вѣрѣ, неумѣніе примириться съ невѣжественнымъ самообманомъ толпы, Золя этимъ раскрываетъ весь кругозоръ своихъ собственныхъ философскихъ идей и понятій. Этотъ молодой аббатъ дѣйствуетъ въ обоихъ романахъ, но въ «Лурдѣ» показываются первыя счастливыя, съ точки зрѣнія самого художника, откровенія его пламеннаго ума, посреди порывистыхъ, сильныхъ, но смутныхъ стремленій всей его натуры къ духовному свѣту. Но Золя не съумѣлъ придать этой фигурѣ настоящую типичность. Несмотря на то, что она стоитъ въ центрѣ двухъ романовъ и, какъ маякъ, бросаетъ свѣтъ на шумящее кругомъ движеніе лицъ и событій, мы не видимъ ее съ необходимою ясностью. Всѣ многочисленные монологи этого протестанта подъ рясою священника, при живой разсудочной діалектикѣ, никогда не открываютъ передъ нами съ пластическою твердостью его внутренняго душевнаго склада. Самое описаніе его внѣшняго вида не создаетъ законченнаго, цѣльнаго образа, съ опредѣленными типическими признаками. Мы не видимъ этого человѣка, не слышимъ его голоса, не чувствуемъ его сердцемъ, хотя умомъ понимаемъ его слова, его дебаты съ людьми, самыя утонченныя развѣтвленія его разсудочныхъ, стремительно-нетерпѣливыхъ исканій. Онъ родился отъ вѣрующаго отца и страстно религіозной матери. Въ долгіе часы переѣзда изъ Парижа въ Лурдъ, подъ шумъ и стукъ желѣзнодорожнаго поѣзда, ему припоминается его жизнь, отъ ранняго дѣтства до настоящаго мгновенія, въ ея главнѣйшихъ эпизодахъ и событіяхъ, имѣвшихъ вліяніе на его умственную карьеру. Отца онъ видитъ неясно, сквозь туманъ. Знаменитый химикъ, онъ уединился въ лабораторію, построенную на окраинѣ малолюднаго квартала. Но образъ брата Гильома рисуется Пьеру отчетливо, въ отрывочныхъ, но рѣзкихъ чертахъ. Среди тяжелаго душевнаго кризиса этотъ образъ проносится предъ его глазами, въ загадочно-странномъ свѣтѣ, который вспыхнетъ съ особенною силою, вѣроятно, только въ слѣдующемъ романѣ Золя. Гильомъ пошелъ въ наукѣ по стопамъ отца, отстранился отъ общества и вдался въ революціонныя мечтанія. Онъ поселился въ небольшомъ домѣ за-городомъ, чтобы производить опасные опыты надъ взрывчатыми веществами, въ свободномъ сожительствѣ съ женщиной неизвѣстнаго происхожденія. Тогда они разошлись окончательно: ихъ разъединили убѣжденія, самыя глубокія умственныя страсти, направленныя въ различныя стороны,

жизненныя надежды—все то, что ставитъ непобѣдимую преграду между людьми. Тѣмъ не менѣе мысль о Гильомѣ никогда не покидаетъ Пьера, служа для него пророческимъ указаніемъ тѣхъ путей, на которые онъ самъ можетъ выйти въ будущемъ. Но съ особенной ясностью выносится предъ нимъ кроткое, ласковое лицо матери, съ глазами, выражающими нѣжную заботливость—женщины насквозь религіозной и чуждой широкимъ научнымъ интересамъ его отца. Съ первыхъ дней сознательной жизни Пьеръ постоянно чувствовалъ въ себѣ это разнообразіе вліяній, шедшихъ отъ отца и матери. Сердце его, полное нѣжной жалости къ людямъ, никогда окончательно не покорялось въ немъ разуму,—съ его научною пытливостью, съ его жаждою истины полной, свѣтлой, безъ малѣйшаго пятна невѣжественнаго суевѣрія, безъ таинственныхъ загадокъ, предъ которыми холодная, здравая мысль должна остановиться разъ навсегда. Эти противорѣчивые элементы, изъ которыхъ вышла вся его духовная организація, наложили печать и на его внѣшній обликъ. Худой и тонкій, онъ выдѣляется въ толпѣ своимъ длиннымъ лицомъ, съ сильно развитымъ, прямымъ и высокимъ лбомъ. Съуженныя челюсти завершаются острымъ подбородкомъ и только пухлыя губы сохраняютъ нѣжное выраженіе любви и ласки. Когда Пьеръ нашелъ въ себѣ мужество умертвить запросы тѣлесной натуры, отречься отъ юношеской любви и окончательно дать перевѣсъ чисто духовнымъ порывамъ, его физіономія стала пріобрѣтать болѣе опредѣленный и твердый характеръ: верхняя часть его лица стала еще выше, тогда какъ нижняя часть, острый подбородокъ и нѣжно обрисованный ротъ стушевались почти окончательно. На двадцать шестомъ году Пьеръ сдѣлался священникомъ. Но уже за нѣсколько дней до вступленія въ духовный санъ онъ вдругъ почувствовалъ, что теряетъ умственное равновѣсіе. Его душой овладѣли глубокія, трепетныя сомнѣнія, которыхъ нельзя было подавить никакою суровою внѣшнею дисциплиною католической догмы. Послѣ смерти отца и матери онъ перерылъ семейную библіотеку и на него съ властною силою дохнуло вѣяніе науки. Онъ возродился къ новой жизни. Его мышленіе пріобрѣло проницательность, предъ которою не могли устоять прежнія, наивныя вѣрованія. Но открывъ душу для новыхъ умственныхъ интересовъ, Пьеръ остался при твердомъ убѣжденіи, что не слѣдуетъ отречься отъ священства, что слѣдуетъ непоколебимо стоять на высокомъ посту, осѣняя небесною иллюзіею коленопреклоненныя толпы молящихся. Изучая исторію народовъ, вникая съ молодымъ азартомъ въ теоретическія задачи соціальнаго и религіознаго характера, онъ при этомъ никому не давалъ чувствовать той драмы, которая совершалась внутри его. Въ это самое время онъ по бумагамъ отца ознакомился съ разными важными документами, относящимися къ чудесамъ Лурдской Богоматери—и духъ научной любознатель-



ности заволновался въ немъ съ особенною силою. Онъ сразу понялъ всю сложную систему сознательныхъ фальсификацій, которою заинтересованные люди окружили это дѣло ради грубыхъ, денежныхъ или узкопрофессіональныхъ интересовъ католической церковности. Эти чудесныя исцѣленія, молва о которыхъ съ неудержимою стремительностью распространяется по всему міру, возбуждая въ массахъ глубокіе инстинкты фанатизма, должны имѣть свое научное объясненіе. Новая религіозная легенда, зародившаяся въ концѣ столѣтія, полнаго смѣлыхъ научныхъ завоеваній, среди простого невѣжественнаго крестьянскаго населенія, окруженнаго цѣлымъ океаномъ соціальныхъ и политическихъ замѣшательствъ высоко интеллигентнаго французскаго общества, можетъ и должна быть понята безъ посредства сложныхъ метафизическихъ соображеній. Все то, что шло отъ ученаго отца, прорвавшись окончательно, сразу опредѣлило ближайшую задачу для Пьера: онъ поѣдетъ въ Лурдъ вмѣстѣ съ толпою жаждущихъ исцѣленія паломниковъ и у самаго источника легенды разберетъ, изучитъ и освѣтитъ для себя чудотворныя дѣянія Лурдской Богоматери.

Обстоятельства сложились такъ, что поѣздка въ Лурдъ стала почти необходимостью для Пьера Фромана. Онъ съ дѣтства любитъ молодую, красивую дѣвушку, Марію де Герсенъ, которая на тринадцатомъ году жизни однажды упала съ лошади, причинивъ себѣ опасную, неизлѣчимую болѣзнь. Два врача признали параличъ спинного мозга съ осложненіями въ области связокъ—полное разстройство всего организма, не побѣдимое никакими медицинскими средствами. Только третій врачъ, Боклэръ, молодой человѣкъ съ острыми умственными способностями, разошелся съ товарищами по профессіи въ опредѣленіи болѣзненнаго состоянія Маріи де Герсенъ. Онъ долго и внимательно всматривался въ Марію, съ особенною настойчивостью распрашивалъ объ ея предкахъ и пожелалъ измѣрить у больной зрительное поле. Произведя такое подробное изслѣдованіе, Боклэръ убѣдился, что все поврежденіе сосредоточилось у Маріи въ лѣвомъ яичникѣ. Параличу ногъ Боклэръ не приписалъ никакого значенія. Когда его спросили, что онъ думаетъ о поѣздкѣ въ Лурдъ, Боклэръ воскликнулъ, что она несомнѣнно исцѣлится, если сама увѣрена въ этомъ. Выздоровленіе наступитъ мгновенно, говорилъ онъ, съ молніеносной быстротою, при сильнѣйшемъ возбужденіи всего организма. Въ минуту напряженнаго экстаза религіознаго чувства, боль подступитъ къ горлу, и затѣмъ улетучится съ послѣднимъ дыханіемъ... Паденіе съ лошади произвело, по словамъ Боклэра, смѣщеніе органа, вывихъ съ легкими разрывами связокъ. Затѣмъ, съ теченіемъ времени, поврежденія стали медленно заживать, анатомическое строеніе возстановилось въ прежнемъ видѣ, но возникли осложненія чисто нервнаго характера. Въ настоящее время больная еще переживаетъ по-

трясеніе первоначальнаго испуга. Вниманіе ея приковано къ мѣсту повреждения и, такъ сказать, застыло въ ощущеніи причиненнаго однажды страданія. Она не способна освоиться съ новыми представленіями о себѣ, и нуженъ сильный, рѣзкій, спасительный толчокъ, чтобы вывести изъ оцѣпенѣнія ея волю. Эта дѣвушка съ омертвѣвшими ногами, почти умирающая на ея скорбномъ ложѣ, страдаетъ отъ воображаемой болѣзни. Таково было медицинское заключеніе Боклэра. Золя передаетъ его съ точностью, которая могла быть пріобрѣтена только самымъ педантическимъ опросомъ компетентныхъ людей въ области новѣйшей медицинской науки. Повсюду онъ намекаетъ, что мы вращаемся въ царствѣ нервныхъ заболѣваній, которыя могутъ быть излѣчены чудомъ, потому что рѣчь идетъ только о томъ, чтобы перевести вниманіе на другіе пути, освободить его изъ плѣна, отрезвить и освѣтить сознаніе новыми, вѣрными представленіями, изгнавъ старыя, ложныя. Ухватившись за эту мысль, какъ за самое блестящее откровеніе современнаго медицинскаго знанія, съ нѣкоторою наивностью человѣка, стоящаго далеко отъ дѣйствительнаго центра ученыхъ работъ, въ которыхъ постоянно обнаруживаются все новыя и новыя трудности, Золя не перестаетъ набрасывать на свои художественные описанія холодный колоритъ научнаго протестантства и позитивной догматики. Никакого другого—не медицинскаго, психологическаго—анализа религіозныхъ волненій общества вы не встрѣтите въ этомъ пространномъ романѣ, съ отдѣльными живыми въ художественномъ отношеніи сценами и ограниченною философіею стараго, отживающаго типа. Двѣ-три мысли, выхваченныя изъ ученія новѣйшей нервной физіологіи, но выраженныя съ нѣкоторою импонирующею торжественностью, густо и ярко подчеркнутыя для мало просвѣщенныхъ массъ, чтобы придать имъ размахъ и полетъ настоящаго прогрессивнаго открытія—вотъ чѣмъ орудуетъ Золя при объясненіи религіозныхъ движеній въ современномъ обществѣ. Діагнозъ Боклэра носитъ на себѣ всѣ черты разсудочнаго упоенія новымъ словомъ науки. Не забыта никакая деталь. Описаніе болѣзни Маріи сдѣлано съ тѣмъ совершенствомъ, какое только доступно эмпирическому знанію. Мимо этого мѣста нельзя пройти, не обративъ на него полнаго вниманія, потому что здѣсь, какъ и въ отрывочныхъ чертахъ, создающихъ образъ Гильома, кроется философія Золя, важные зародыши его будущихъ творческихъ работъ. Это та умственная стихія, которая оживляетъ всю картину романа, придаетъ ей извѣстный идейный характеръ. Воплощенная въ молодомъ аббатѣ, она проносится чрезъ всѣ событія художественнаго повѣствованія, вѣетъ надъ нимъ, возбуждаетъ острый интересъ къ отдѣльнымъ эффектнымъ эпизодамъ, въ которыхъ научное протестантство Золя выступаетъ увѣренно, смѣло, съ нѣкоторымъ шикомъ, съ горделивымъ самообожаніемъ.

Пьеръ въ Лурдѣ. Легенду о Бернадеттѣ онъ изучаетъ въ мельчайшихъ подробностяхъ, собирая съ жаднымъ интересомъ всѣ присущія ей черты человѣчности и человѣческой скорби. Затерявшись въ огромной толпѣ, объятой религіознымъ экстазомъ, онъ ловитъ все, что можетъ поднять его душу, дать ей вѣру, возвратить ей божественную фантазію о грядущемъ возмездіи и справедливости. Онъ то волнуется предчувствіемъ небесныхъ иллюзій, то съ ужасомъ видитъ, что духовный горизонтъ его блѣднѣетъ и замыкается земными представленіями и заботами. Съ каждымъ новымъ часомъ мистическія видѣнія, навѣянныя гипнозомъ толпы во время торжественныхъ молитвъ предъ лицомъ Лурдской Богоматери, теряютъ надъ нимъ свою магическую власть, уступая мѣсто холоднымъ соображеніямъ разсудка, который не поддается у него никакому заклинанію. Онъ молится о вѣрѣ, но вѣра не приходитъ къ нему. Ему чудится, что если Марія получитъ внезапное исцѣленіе, онъ преклонится передъ неразгаданною религіозною тайною. Но вотъ Марія, возрожденная чудодѣйственнымъ экстазомъ, встала съ одра, а вѣра всетаки не освѣжила души его небесною росой. Онъ остался при своемъ, потому что настоящаго чуда не совершилось. Излѣченіе Маріи произошло именно такъ, какъ предсказывалъ Боклэръ — точь въ точь, безъ малѣйшаго измѣненія. Вы помните діагнозъ Боклэра. Теперь посмотрите, какъ сама Марія описываетъ предъ лурдскими врачами свое чудесное исцѣленіе. Она со вчерашняго дня была увѣрена, что спасеніе придетъ. Отдавшись горячей молитвѣ, она вдругъ почувствовала, что въ ногахъ ея забѣгали мурашки. Испугавшись, не начинается-ли обычный болѣзненный припадокъ, она на мгновеніе усомнилась въ возможности излѣченія—и тогда мурашечное ощущеніе прекратилось. Затѣмъ оно опять возобновилось, когда Марія съ новою силою углубилась въ молитву. Мурашечное ощущеніе больше не прекращалось и вотъ она почувствовала, что удостоилась чуда—по хрустѣнію всѣхъ костей и содраганію тѣла, какъ-бы отъ внезапнаго удара молніи. Затѣмъ тяжесть, которая всегда душила ее въ лѣвомъ боку, поднялась выше, миновала горло и вдругъ исчезла съ послѣднимъ порывистымъ дыханіемъ. Пьеръ поблѣднѣлъ, слушая этотъ разсказъ Маріи, пишетъ Золя. «Боклэръ такъ и предсказалъ, что выздоровленіе произойдетъ съ молніеносною быстротою, когда, подъ вліяніемъ сильнаго подъема воображенія, въ молодой дѣвушкѣ внезапно проснется долго дремавшая воля». Болѣе чѣмъ когда-либо Пьеръ постигъ до глубины всю лживость католической догматики. Лурдъ не возродилъ въ немъ стараго человѣка, но далъ крылья его новымъ, сильнымъ, научно-провѣреннымъ убѣжденіямъ. Онъ понялъ, что руководитъ массами, когда онѣ, въ безумномъ экстазѣ, собираются со всѣхъ концовъ свѣта къ чудодѣйственной Лурдской пещерѣ. Онъ увидѣлъ настоящій источникъ религіозныхъ движеній, столк-

нувшись прямо, лицомъ къ лицу, съ тою силою, которая совершаетъ внезапные перевороты, исцѣляетъ недужныхъ, даетъ крѣпость немощнымъ. Жажда жизни—вотъ что управляетъ людьми. Всѣ религіи, при какихъ-бы условіяхъ онѣ ни возникали, стремятся утолить ее, потому что внѣ этой задачи въ нихъ нѣтъ ничего достойнаго охраненія и защиты передъ судомъ строгой науки. Вотъ та *новая* религія, которая отнынѣ овладѣла душою Пьера и двинетъ его на борьбу съ темными силами общества. Новая религія! Новая религія! Нужна религія, которая окончательно приблизится къ жизни, благосклонно отнесется ко всему земному, примѣнится къ истинамъ, добытымъ наукою. Такова философія «Лурда»...

Золя крайне сузилъ свою художественную задачу. Слѣдуя позитивному методу мышленія, онъ видитъ источникъ религіознаго настроенія, овладѣвшаго массами, въ неудовлетворительности современнаго политическаго и соціальнаго строя. При замѣшательствахъ гражданскаго и экономическаго характера, говоритъ онъ, разжигается мистическое пламя вѣры, воскресаютъ небесныя иллюзіи—какъ духовный контрастъ тому, что живетъ въ дѣйствительности, но оскорбляетъ своею несправедливостью. Религія держится на страданіи людей. Взывая о здоровьѣ, радости, братскомъ благополучіи, она возбуждаетъ утѣшительную надежду на возмездіе и справедливость въ иномъ, лучшемъ мірѣ. Таковъ смыслъ всѣхъ религіозныхъ волненій, таково происхожденіе легенды, связанной съ именемъ Бернадетты. Молодая, кроткая, одержимая болѣзненными галлюцинаціями пастушка распахнула предъ людьми врата невѣдомаго, въ благопріятный соціальный моментъ—и толпы бросились за ней. Въ концѣ ужаснаго вѣка политическихъ и культурныхъ крушеній, послѣ цѣлаго ряда блестящихъ тріумфовъ въ области точнаго, опытнаго научнаго знанія, народились обстоятельства, съумѣвшія распалить мистическій порывъ въ душахъ людей—и создалась легенда, которая не угаснетъ до тѣхъ поръ, пока волна исторіи не вынесетъ общество на новую соціальную высоту. При иныхъ условіяхъ религіозное чувство не возродилось-бы. Иллюзія—вотъ что питаетъ религіозную мысль человѣка. Люди спасаются отъ правды въ лазурной странѣ мистическихъ видѣній, когда у нихъ не хватаетъ силъ преодолѣть дѣйствительность порывами живой протестующей воли. Жалкое человѣчество! восклицаетъ Золя. Какъ сладостно видѣть его нѣсколько утѣшеннымъ и счастливымъ. Слѣдуетъ-ли возмущаться тѣмъ, что оно обязано рѣдкими мгновеніями блаженства вѣковѣчному обману? Къ чему ведетъ это прославленіе мукъ, которое мы находимъ въ старыхъ вѣрованіяхъ, когда все человѣчество проникнуто только однимъ жгучимъ желаніемъ счастья и здоровья, безумною жаждою жить, жить еще, жить всегда, каковы-бы ни были страданія. Мы просимъ не неба, а земли, когда возносимъ къ Богу самыя горячія молитвы. Даже тогда, когда мы просимъ не тѣлес-

наго, а духовнаго исцѣленія, мы также молимъ лишь о земномъ счастьѣ—объ единственномъ счастьѣ, которое намъ нужно...

Вотъ, въ самомъ сжатомъ видѣ, та философія, на фонѣ которой написаны главныя фигуры романа, вся эта народная масса, волнуемая мистической надеждой чудеснаго спасенія. Золя не нашелъ въ религіозномъ сознаніи человѣка ничего, кромѣ утѣшительнаго самообмана, необходимаго иногда для борьбы со смертью, которая разрушаетъ то, что имѣетъ непреходящую цѣнность въ глазахъ людей. Съ упорствомъ вѣрнаго партизана отживающаго позитивизма, Золя не могъ, конечно, взглянуть на религію подъ инымъ угломъ зрѣнія, увидѣть въ ней то, что дѣлаетъ ее непобѣдимою во всѣ времена. Изгоняя изъ религіи все метафизическое, *мысль* о смерти, образующую центральную ось вращенія всякой религіозной системы, окончательно отрѣшая ее отъ неба ради земныхъ задачъ, въ самомъ грубомъ, реалистическомъ смыслѣ этого слова, Золя даетъ намъ крайне узкое представленіе о внутренней жизни человѣка, о его глубокихъ умственныхъ потребностяхъ, не имѣющихъ практическаго характера. На всѣхъ ступеняхъ своего историческаго развитія религія есть нѣкоторая система мышленія о причинахъ и основахъ жизни, скрытыхъ за чертою видимаго горизонта—и это мышленіе о Богѣ не только не искореняется съ теченіемъ времени, съ успѣхами научнаго знанія, но постоянно расширяется по мѣрѣ улучшенія пріемовъ и методовъ критическаго анализа, по мѣрѣ того, какъ рсзсѣиваются разные оптимистическіе туманы, навѣваемые поверхностнымъ образованіемъ людей. Это метафизическое мышленіе основано не на иллюзіяхъ и произвольныхъ мечтаніяхъ, а на живыхъ фактахъ духа, которые тонкій психологъ долженъ умѣть открыть, понять и освѣтить. Отыскивая матеріалъ и причины религіозныхъ настроеній въ политическихъ и экономическихъ неурядицахъ общественнаго устройства, Золя впадаетъ при этомъ въ гибельную для художника банальность понятій. Въ реалистическомъ изображеніи религіознаго процесса нѣтъ той психологической остроты, которая нужна для поэтическаго творчества—особенно тогда, когда оно возсоздаетъ темныя, загадочныя, но всемогущія движенія человѣческой души. Надо въ самомъ человѣкѣ, подъ грудою разсудочныхъ наслоеній, уловить, услышать, увидѣть то волненье чувствъ, которое одно только представляетъ матеріалъ для психологической науки, для религіи, равноправной съ чисто научнымъ мышленіемъ людей. Надо увидѣть и услышать то ощущеніе божества, которое таится въ душѣ каждаго человѣка, потому-что какъ-бы ни было оно заглушено тѣми или другими умственными вліяніями и ошибками, ощущеніе это никогда не пропадаетъ, постоянно руководитъ нашими теоретическими работами, невидимо толкаетъ насъ то въ одну, то въ другую сторону. И это ощущеніе божества—не выдумка, а подлинная психологическая правда, требующая широкаго фи-

лософскаго истолкованія. Вотъ почему метафизическое начало неизбѣжно во всякой религіозной системѣ. Если каждое научное знаніе, какъ это извѣстно съ давнихъ поръ, отправляется отъ нашихъ чувствъ, если міръ открывается намъ въ ощущеніяхъ, если критерій научной достовѣрности извлекается изъ того-же внутренняго источника, то само собою понятно, что мышленіе о Богѣ, о мистическомъ началѣ жизни законно, въ строгомъ смыслѣ слова, не противорѣчитъ наукѣ, а идетъ съ ней рядомъ, развивается вмѣстѣ съ ней, растетъ и достигаетъ вершины вмѣстѣ съ ея критическими побѣдами надъ суевѣріемъ и невѣжествомъ просвѣщенныхъ и не просвѣщенныхъ массъ. Этого ощущенія, господствующаго надъ всѣми другими фактами и явленіями нашей внутренней жизни, Золя не съумѣлъ открыть въ герояхъ своего романа, потому что оно недоступно физіологическому анализу, къ которому онъ прибѣгаетъ—въ наивномъ убѣжденіи, что физіологія достовѣрнѣе психологіи. Весь этотъ подвижной лазаретъ, несущійся къ Лурду, производитъ чисто внѣшнее впечатлѣніе, вызываетъ какое-то физическое содраганіе предъ разлагающимися трупами и гнойными язвами, описанными съ медицинско-полицейскою точностью, безъ участія живой, скорбящей мысли, безъ идеалистическаго проникновенія въ ту духовную тайну, которая одна только могла поднять и взволновать больныхъ людей, уже находящихся на краю своего земного поприща. Предъ нами не страдающая человѣческая толпа, а мертвое мясо для чудесъ, какъ характерно выразился въ одномъ мѣстѣ самъ Золя. Мясо для чудесъ—этимъ словомъ объясняются и достоинства, и недостатки романа, коренной недугъ въ творчествѣ Золя, просвѣщенная банальность его поверхностнаго научнаго мышленія, эта литературно-дѣлецкая страсть въ погонѣ за внѣшними документами именно тогда, когда надо разбираться въ явленіяхъ чисто психологическихъ, иногда возбуждаемыхъ разными соціальными обстоятельствами, раздуваемыхъ жизнью, но никогда не относящихся къ ней такъ, какъ дѣйствіе относится къ причинѣ. Всѣ фигуры романа, за ничтожными исключеніями, скорѣе похожи на превосходные анатомическіе препараты, чѣмъ на чувствующихъ и мыслящихъ людей. Въ нихъ нѣтъ души, потому что физіологическія описанія окончательно вытѣсняютъ въ романѣ игру ума, волненія духовныя, нравственныя, чисто человѣческія, которыя художнику предстояло изобразить прежде всего, впереди всего, на первомъ планѣ романической картины. Предъ нами всевозможныя разновидности вывиховъ, скорченныя поясницы, руки, вывернутыя конвульсіями, сведенныя вбокъ шеи, рядъ изломанныхъ, искалѣченныхъ, жалкихъ существъ, застывшихъ въ искусственно трагичныхъ позахъ, но нѣтъ ни одного истинно живого лица—повторяемъ, за самыми ничтожными исключеніями. Когда Элиза Рукэ, во время одной остановки поѣзда, выбѣгаетъ на платформу,

чтобы утолить жажду, лицо ея, наклоненное къ крану, напоминаетъ Золя изъязвленное рыло собаки съ высунутымъ языкомъ. Лбы, покрытые отвратительной сыпью, носы и рты, превращенные проказою въ безформенныя свиныя рыла, ноги, напоминающія мѣшки, набитые тряпками,—ни одного выраженія съ нѣжнымъ психологическимъ оттѣнкомъ. Людей почти совсѣмъ не видно. Предъ глазами—телѣжки, носилки, тюфяки, а на нихъ какія-то безформенныя груды человѣческаго мяса, безобразныя рыла всѣхъ сортовъ, описанныя съ мелочною подробностью, холодными, тяжелыми, безжизненно-книжными словами. Неодушевленныя вещи встаютъ передъ нами въ яркомъ поэтическомъ освѣщеніи, но то, что живетъ, страдаетъ и мыслитъ, превращается подъ мертвящею рукою художника въ инертную физическую массу, испускаетъ духъ подъ его острымъ, холоднымъ ножомъ, какъ при настоящей насильственной вивисекціи, полезной для анатоміи и физіологіи, но часто совершенно безплодной для психологіи. Во всемъ романѣ мы не нашли ни единой фразы, въ которой религіозное чувство рисовалось бы извнутри, а не извнѣ, хотя Золя постоянно возвращается къ этой темѣ, неутомимо разсказывая отдѣльные моменты изъ жизни Бернадетты, набрасывая широкія картины массовыхъ движеній, съ цѣлью захватить и увлечь воображеніе читателя. О религіозномъ экстазѣ въ Лурдѣ говорится на множество ладовъ. Но, при всемъ своемъ огромномъ талатнтѣ, Золя нигдѣ, даже случайно, не уронилъ ни единаго слова, ни единаго мѣткаго и остраго эпитета, который сразу давалъ-бы ясное представленіе объ этомъ чувствѣ. Паломники поютъ псаломъ Бернадетты, — безконечно жалобную пѣснь изъ 72 стиховъ, и псаломъ этотъ сначала овладѣваетъ ихъ существомъ и затѣмъ «переходитъ въ грезы экстаза», въ сладостное предчувствіе чуда. Ни единаго пластическаго выраженія, которое отразило-бы психологическій и художественный смыслъ этихъ словъ. Псаломъ переходитъ въ «грезы экстаза»—ничего больше. Свиныя и собачьи рыла, объятыя предчувствіемъ чуда — вотъ образъ, мало говорящій воображенію, но играющій въ романѣ Золя очень видную роль. Лицо Бернадетты, разсказываетъ Золя, во время религіознаго экстаза принимало выраженіе «неземной красоты»: чело сіяло, лицо устремлялось всѣми чертами къ небу, глаза свѣтились блескомъ, на полуоткрытыхъ устахъ играла кроткая, блаженная улыбка. *Неземная* красота—какъ понять эти слова въ произведеніи, которое держится на почвѣ грубаго позитивизма, отрицая все небесное, мистическое, а, слѣдовательно, и неземное? Какими чертами художникъ хотѣлъ-бы вызвать очарованіе неземной красоты? Блаженная улыбка, полуоткрытыя уста, пламенный блескъ глазъ—этими поэтическими опредѣленіями, достойными зауряднаго таланта, нельзя возбудить въ читателѣ живое ощущеніе не только небесной, но и просто земной красоты. Таковы обычныя описанія ре-

лигіознаго экстаза въ романѣ Золя. О «грезахъ» религіозно настроенныхъ массъ говорится почти на каждой страницѣ, а «неземная красота» постоянно мѣняетъ свои наименованія, нигдѣ не рисуясь, однако, съ настоящею художественною отчетливостью. Такъ, мы не находимъ, чтобы выраженіе «необычайная красота» имѣло какія-нибудь преимущества передъ другими, только что приведенными, выраженіями. Лицо, преображенное вѣрою, пишетъ Золя, очаровывало своею «трогательною красотою»,—и такъ, къ «неземной» и «необычайной» красотѣ прибавилась еще одна красота: «трогательная», но художественное описаніе не сдѣлалось отъ этого болѣе яркимъ и точнымъ. Несмотря на самыя упорныя старанія захватить нѣкоторыя высшія проявленія человѣческой души, Золя нигдѣ не поднимаетъ своего разсказа выше уровня обычныхъ физіологическихъ наблюденій надъ жизнью европейскаго общества. Есть въ мірѣ какая-то особенная красота, но въ «Лурдѣ» этой красоты не видать,—несмотря на десятки самыхъ пышныхъ риторическихъ фразъ, несмотря на то, что въ немъ постоянно повѣствуется о красотѣ неземной, необычайной, трогательной, даже блаженной, о невыразимомъ экстазѣ, о глазахъ, пристально устремленныхъ къ небеснымъ видѣніямъ, о лицахъ, озаренныхъ предчувствіемъ великихъ чудесъ. Мы очарованы отдѣльными краснорѣчивыми монологами и нѣкоторыми превосходными театральными эффектами въ описаніи ночныхъ процессій со свѣчами, фантастическо-дикой природы Лурда, нѣкоторыми трогательными подробностями въ широко-разработанной біографіи Бернадетты и аббата Пейрамаля, но нигдѣ мы не слышимъ вѣянія высшихъ творческихъ силъ, нигдѣ душою нашей не овладѣваетъ глубокій эстетическій восторгъ предъ талантомъ. Отдѣльные люди не выступаютъ въ романѣ свободными индивидуальностями, потому что, лишенные внутренней инціативы, они постоянно сливаются другъ съ другомъ въ одну огромную стихійную массу, которая движется по строго начертанному плану. Какъ зыбь на поверхности воды, возбужденная мимолетною бурею, они быстро расплываются, теряютъ постоянно свои типическія очертанія, оставляя въ душѣ одно темное, смѣшанное, общее воспоминаніе, нераздѣлимое на части, лишенное живой, волнующей конкретности. Наиболѣе характерныя фигуры, кромѣ Пьера и Маріи де Герсенъ, докторъ Шассэнь, Командоръ, г-жа Вольмаръ, не обладая свободой, являются какими-то невольными частями широко задуманнаго, но тенденціозно изображеннаго механизма. Каждая изъ нихъ имѣетъ опредѣленное дидактическое назначеніе. Среди мистическаго возбужденія непогрѣшимаго Лурда художникъ захотѣлъ показать свѣтлую жизнь простыхъ страстей, и вотъ онъ изображаетъ женщину, пріѣзжающую сюда, подъ видомъ религіознаго паломничества, но съ тѣмъ, чтобы провести три дня и три ночи съ любовникомъ, спрятавшись отъ постороннихъ глазъ въ номерѣ гостинницы. Каж-

дый годъ она является сюда, одержимая жгучими порывами, и художникъ на двухъ страницахъ романа вкладываетъ въ уста ея разсужденія, которыми объясняется ея поведеніе! Тутъ-же, рядомъ съ толпою, увлеченною неземными грезами, совершается настоящее торжество физическаго чувства, безъ малѣйшаго мистическаго оттѣнка — во славу той стихійной силы, которая все оправдываетъ и все очищаетъ. За Вольмаръ слѣдуютъ и другія фигуры, играющія такую-же аллегорическую роль. Нѣкоторыя мысли дѣлаются особенно понятными только въ сопоставленіи съ мыслями, которыя имъ противоположны, и вотъ Золя рисуетъ фигуру Командора, прославляющаго смерть, посреди цѣлаго океана людей, жаждущихъ исцѣленія отъ физическихъ недуговъ. На идею жизни, освѣщенную двойнымъ свѣтомъ науки и религіи, бросается нѣсколько слабыхъ лучей, производящихъ желанное впечатлѣніе. Въ современномъ обществѣ попадаются люди съ высокимъ научнымъ образованіемъ, которое не разорвано у нихъ съ интересами религіи,—и вотъ Золя показываетъ намъ ученаго человѣка, разочаровавшагося въ наукѣ, потому что его постигли тяжелыя жизненныя бѣдствія. Докторъ Шассэнь возвратился къ утраченной религіозной вѣрѣ не путемъ науки, а вопреки ей...

Лучшею фигурою въ романѣ, нарисованною съ нѣкоторою поэтическою свободой, тонкими, легкими, правдивыми чертами, мы считаемъ Гіацинту. Отъ нея вѣетъ свѣжимъ воздухомъ. Въ этомъ огромномъ сборищѣ собачьихъ и свиныхъ рылъ она одна производитъ живое поэтическое впечатлѣніе своими человѣческими чувствами, трогательнымъ обликомъ безкорыстной труженицы на пользу страдающихъ людей. Стройная, высокая, съ неразвитою грудью, закрытою передникомъ, съ веселымъ и невиннымъ лицомъ, она, какъ нѣжное видѣніе, витаетъ надъ паломниками, ободряетъ ихъ, поднимаетъ въ нихъ нервную энергію. Она какъ-то не сливается ни въ чемъ съ этой толпою, описанною однообразными, утомительными чертами и красками. Когда она появляется передъ глазами, на одну минуту пропадаетъ болѣзненное ощущеніе грубо нарисованной, мертвенно-физіологической картины, выдаваемой за настоящую, единственно возможную и единственно существующую человѣческую правду. Вы ее видите, эту дѣвушку, чувствуете ея походку, смотрите ей глубоко въ большіе, голубые глаза. Въ ея романическомъ приключеніи съ докторомъ Ферраномъ, которое пріятно пересѣкаетъ общее, монотонно напряженное повѣствованіе автора, дрожитъ и звенитъ нѣжная струна настоящей сердечности. Но Гіацинта, какъ мы уже говорили, единственное духовное явленіе въ этомъ обширномъ романѣ, съ огромнымъ множествомъ дѣйствующихъ лицъ, которыя встрѣчаются, расходятся, расточаютъ свое краснорѣчіе въ длинныхъ монологахъ, нигдѣ рѣшительно не показывая своихъ настоящихъ чувствъ, своихъ человѣческихъ страстей, своей души.

Она одна, какъ бѣлое пятно на темномъ фонѣ, возбуждаетъ къ себѣ интересъ, волнуетъ эстетическіе нервы, если не говорить о пышныхъ, смѣлыхъ, иногда художественно великолѣпныхъ описаніяхъ разныхъ мертвыхъ предметовъ и шумныхъ процессій многотысячной толпы богомольцевъ...

Изображеніе религіознаго порыва людей рѣшительно не дается Золя. Иногда онъ прибѣгаетъ къ самымъ роскошнымъ фантастическимъ декораціямъ, но религіозное ощущеніе, какъ упоительная, легкая, воздушная мечта. раздражаетъ и волнуетъ художника, напрягаетъ его чувствительность и въ концѣ-концовъ все-таки не дается ему. Оно гдѣ-то близко. Съ обычною силою соединяя между собой различные предметы внѣшняго наблюденія, сортируя жизнь по отдѣламъ и классамъ, собирая важные научные документы, Золя не могъ усомниться, что и новая задача, вставшая предъ нимъ въ годы полной зрѣлости его литературнаго таланта, окажется легко разрѣшимою при помощи испытаннаго натуралистическаго анализа. Онъ изучилъ разные печатные источники, съѣздилъ въ Лурдъ, изслѣдовалъ на мѣстѣ одну изъ самыхъ очаровательныхъ легендъ послѣдняго времени, присмотрѣлся къ многочисленнымъ патологическимъ явленіямъ,—можно-ли еще требовать чего-нибудь отъ художника, жадно поглощающаго все то, что производитъ умственная и общественная жизнь эпохи? Онъ справился съ послѣдними выводами нервной физіологіи, выслушалъ компетентныя сужденія ученыхъ людей о психозѣ и вырожденіи современнаго общества—и можно-ли сомнѣваться послѣ этого, что найденъ тотъ свѣтъ науки, который до глубины озаряетъ нравственныя и религіозныя движенія человѣчества? Но сдѣлавъ такія обширныя изысканія въ разныхъ областяхъ современнаго знанія, затративъ огромный трудъ на собираніе устныхъ и письменныхъ документовъ, Золя, тѣмъ не менѣе, все-таки не достигъ своей цѣли. Въ «Лурдѣ» нѣтъ настоящихъ описаній религіознаго чувства, ни тѣни того мистическаго экстаза, который надлежало передать въ художественныхъ образахъ,—ничего, кромѣ грубой физіологіи, съ безплодно многочисленными подробностями, не создающими никакой истинно поэтической иллюзіи. Мы присутствуемъ при необычайномъ напряженіи творческихъ силъ писателя, но не можемъ не видѣть, что на этотъ разъ задача оказалась не по силамъ его таланту. Повторяя на тысячу ладовъ одну и ту-же заѣзженную мысль, безконечно варьируя одни и тѣ-же красочныя опредѣленія, дублируя образы и даже прибѣгая—то здѣсь, то тамъ—къ неожиданнымъ для реалистическаго писателя эффектамъ, Золя нигдѣ не даетъ намъ чувствовать того, что волнуетъ его героевъ. Насъ не трогаютъ ихъ вопли, мы почти равнодушны къ ихъ страданіямъ, на всѣ увѣренія автора, что передъ нами бушуетъ толпа, охваченная религіознымъ экстазомъ, мы въ отвѣтъ недовѣрчиво качаемъ головой: нѣтъ, это

не религіозное движеніе, потому что здѣсь не слышится душа, вопіющая въ небу. Пусть Золя съ отчаяніемъ прибѣгаетъ къ экстравагантнымъ средствамъ: художественная картина, въ которой мертво все живое и живо все мертвое, не выиграетъ отъ самой пышной декламаціи, съ изступленными выкриками переигравшаго, талантливаго, опытнаго, но не вдохновеннаго актера. Какой тамъ религіозный экстазъ, — его нѣтъ въ романѣ. Какой тамъ научный анализъ мистическаго чувства! Не поможетъ никакая дидактика, никакія риторическія красоты, никакое кропотливое или чрезмѣрно хлопотливое собираніе печатныхъ и непечатныхъ документовъ, если отсутствуетъ внутреннее уразумѣніе религіознаго чувства, потому-что нельзя сдѣлать нагляднымъ, яснымъ, яркимъ, доступнымъ зрѣнію и слуху то, что не пережито самимъ авторомъ, не оживляетъ и не волнуетъ его духа. Есть страницы въ «Лурдѣ», которыя, несмотря на свѣжій налетъ идеализма, производятъ почти жалкое впечатлѣніе своимъ художественнымъ безсиліемъ. Не добившись надлежащаго эффекта реалистическими описаніями и картинами, Золя въ отчаяніи вдругъ хватается за самое нѣжное поэтическое орудіе. Художнику почему-то понадобилась мечтательная греза, тонкая, нервная чувствительность—въ ту самую минуту, когда огромная толпа, неся зажженныя свѣчи, въ волшебно театральной картинѣ, торжественно и медленно проходитъ предъ восхищеннымъ читателемъ. Воздухъ наполняется благоуханіемъ розъ. Восхитительный ароматъ почти опьяняетъ Марію де Герсенъ, но розъ ни здѣсь, ни по близости не оказывается. Пьеръ уходитъ искать ихъ, но напрасно: благоухаютъ *незримыя* розы, несуществующія розы, розы, цвѣтущія на «мистической клумбѣ» въ невидимомъ мірѣ чудесъ, которыхъ нѣтъ, но которыми всетаки можно пользоваться для того, чтобы произвести впечатлѣніе на сантиментальнаго читателя. Вдругъ посыпались розы со всѣхъ сторонъ—въ реалистическомъ романѣ, гдѣ, отъ начала до конца, упорно, медленно, какъ-бы бравируя своимъ уродствомъ, проходятъ предъ глазами самыя чудовищныя рыла: собачьи, свиныя и всякія другія. Автору понадобились розы—и онѣ явились: разнообразныя, дикія, мистическія, чувственныя, золотыя, видимыя и невидимыя. «Мистическія розы» непорочнаго тѣла Божественной Матери, прелестныя ноги, бѣлѣе дѣвственнаго снѣга, цвѣтущія «золотыми розами», въ «Лурдѣ» современной эпохи благоухаетъ «чувственная роза», распустившаяся на новой почвѣ, Бернадетта—«дикая роза», которая выросла на придорожномъ кустѣ шиповника, и т. д. и т. д. Цѣлый букетъ видимыхъ и невидимыхъ розъ, и между ними даже одна стыдливая бѣлая лилія, какъ символъ непорочности, но мистическаго эффекта никакого. Есть еще другое мѣсто въ романѣ, написанное по старому для Золя масштабу, но всетаки производящее сильное художественное впечатлѣніе—исключительно на первыхъ порахъ. Пьеръ приходитъ на развалины церкви, недостроенной аббатомъ Пейрама-

лемъ вслѣдствіе разныхъ интригъ. Немногими фразами Золя создаетъ обаятельный образъ этого человѣка. Онъ стоитъ передъ нами, какъ живой,—и нѣсколько обличительныхъ словъ, проникнутыхъ правдою, возбуждаетъ въ душѣ непримиримое чувство протеста, смѣшанное съ глубокой жалостью къ безсильному и безплодному героизму людей. Среди заброшенныхъ матеріаловъ, зеленыхъ кучъ кирпича, поросшаго мхомъ, Пьеръ замѣчаетъ подъ навѣсомъ застывшій въ неподвижности паровикъ. Онъ стоитъ здѣсь уже пятнадцать лѣтъ, умершій, похолодѣвшій. На него обвалился сарай, сквозь широкія щели при каждомъ дождѣ на машину струятся потоки воды. Обрывокъ приводнаго ремня виситъ надъ нимъ, какъ нить гигантской паутины. Стальныя и мѣдныя части механизма покрылись желтоватыми пятнами. Одряхлѣвшій паровикъ, извѣдавшій бремя многихъ зимъ и непогодъ, съ безмолвнымъ и пустымъ котломъ,—этотъ образъ производитъ гнетущее впечатлѣніе. Несмотря на черты явной смерти, кажется, что паровикъ сейчасъ оживетъ, облечется силою и, вздрогнувъ на рельсахъ, пойдетъ работать по старому, чтобы кончить начатое дѣло. Но это только фантастическое видѣніе, вспыхнувшее на одну минуту въ возбужденной душѣ Пьера. Пейрамаль спитъ. Онъ ожидаетъ, что сгнившіе наверху, въ церковномъ кораблѣ, лѣса когда-нибудь удостоятся чуда, но теперь здѣсь витаетъ смерть. Онъ ожидаетъ, что паровикъ когда-нибудь внезапно согрѣется, оживетъ подъ ржавчиной, приведетъ въ движеніе ремни своимъ тяжелымъ, могучимъ дыханіемъ, но теперь онъ стоитъ бездыханный, холодный, безсильный, никому ненужный, ни для чего не пригодный. Такъ иногда грезится художнику. Самъ опьяненный ароматомъ невидимыхъ розъ, онъ вдругъ поддался впередъ и на одну минуту вышелъ изъ тѣсной рамки натуралистическихъ описаній и научно-позитивныхъ разсужденій. Всего двѣ-три страницы, но, разъ увлекшись романтическимъ искусствомъ, Золя уже не жалѣетъ своего яркаго краснорѣчія, чтобы дать исходъ накопившейся потребности взволновать и очаровать во что бы то ни стало непокорнаго читателя. Не увлекло бѣлоснѣжное тѣло, цвѣтущее золотыми розами, околдуетъ краснорѣчивая дидактика, съ волнующимъ оттѣнкомъ не то искренняго, не то поддѣльнаго пророческаго энтузіазма. Не побѣдила широкая, смѣлая, ни передъ чѣмъ не останавливающаяся физіологія толпы, приведетъ въ движеніе всѣ нервы, самые нѣжные инстинкты человѣчности нѣсколько пламенныхъ тирадъ, имѣющихъ не то религіозный, не то соціально-политическій смыслъ.

Мы изучили важнѣйшія подробности романа, его философію, главныхъ героевъ, его научную подкладку. Но выводы получились мало утѣшительные для французскаго писателя. Вотъ романъ, который не оставляетъ въ душѣ глубокаго впечатлѣнія. Очарованіе разныхъ краси-

выхъ, яркихъ, театральныхъ эффектовъ улетучивается, какъ миражъ въ пустынѣ, если подойти къ нему поближе. Описанія, грубо и густо залитыя кричащими, риторически пышными красками, кажутся безжизненными, если разсматривать ихъ вмѣстѣ съ психологическимъ содержаніемъ романа, съ его теоретическою задачею. Фигуры, очерченныя твердыми линіями, не показываютъ своего внутренняго характера, несмотря на то, что они постоянно выплываютъ посреди огромнаго словеснаго моря, вспѣненнаго бурнымъ вѣяніемъ летящей надъ нимъ стихіи. И хотя дѣйствующія лица романа постоянно передвигаются съ мѣста на мѣсто, цѣлыми рядами шествуютъ предъ глазами читателя, облитыя яркимъ электрическимъ свѣтомъ, намъ не перестаетъ казаться, что они стоятъ на мѣстѣ, — въ трагически застывшихъ позахъ, надуманныхъ, смѣло придуманныхъ, но не возбуждающихъ ни въ комъ никакого внутренняго волненія. Въ романѣ нѣтъ движенія, потому что отсутствуетъ та психическая сила, безъ которой никакое *человѣческое* движеніе не можетъ существовать. Поставивъ впереди всего физіологическую картину индивидуальной и массовой жизни, Золя этимъ самымъ уничтожилъ одушевляющій импульсъ всякой личной и общественной исторіи — то, что волнуется постоянно, мѣняетъ свое содержаніе, рвется къ различнымъ цѣлямъ, заливаетъ горячею страстью наши поступки, наши теоретическія и практическія дѣянія. Вотъ почему весь этотъ обширный романъ, горделиво выставляющій напоказъ научную документальность своихъ художественныхъ описаній, въ общемъ, производитъ монотонное, однообразное, скучное впечатлѣніе, несмотря на способность автора рисовать соціальныя событія и факты съ захватывающею силою. При всей натуральности отдѣльныхъ положеній, описанныхъ съ обычною рельефностью, ничто не кажется намъ естественно-правдивымъ въ этомъ претенціозномъ романѣ, потому что никакая физіологическая правда никогда не будетъ полной правдой человѣческой жизни. Даже самыя понятныя разсужденія Золя, относящіяся къ нервнымъ заболѣваніямъ, ставшія очень популярными въ современномъ интеллигентномъ обществѣ, не внушаютъ къ себѣ настоящаго довѣрія, потому что нарушена естественная граница ихъ дѣйствительной важности. Не подлежитъ сомнѣнію, что многія страданія нашего организма происходятъ отъ ошибокъ сознанія, имѣютъ нервный характеръ и могутъ быть уничтожены рѣшительнымъ воздѣйствіемъ на мысль. Веселое сердце благотворно, какъ врачество, а унылый духъ сушитъ кости. Выведя волю, фокусъ сознанія, изъ оцѣпененія, освободивъ ее отъ кошмара, разбудивъ къ новой жизни съ новыми интересами, мы сразу останавливаемъ тотъ болѣзненный токъ, который изъ центральной сферы разноситъ нервный ядъ разложенія къ органамъ чувственной периферіи. Эта простая мысль, получившая широкое развитіе въ новѣйшей психо-физіологіи, открыла для

медицинской практики обширное поле. Стало доступнымъ влiять на теченiе нѣкоторыхъ болѣзней чисто психическими средствами, вылѣчивать людей отъ собственнаго гипноза, отъ душевныхъ страданiй, создающихъ тѣлесные недуги. Нѣкоторыя явленiя, имѣвшiя въ глазахъ людей чудесный характеръ, вдругъ раскрыли свою дѣйствительную природу и стали понятными съ точки зрѣнiя новѣйшей нервной физiологiи. Нѣтъ, слѣдовательно, ничего страннаго въ томъ, что талантливый художникъ захотѣлъ воспользоваться открытiемъ современной науки. Противъ дiагноза доктора Боклэра мы не возражаемъ ни единымъ словомъ. Если Марiя де Герсенъ *повѣритъ* въ возможность излѣченiя, она излѣчится непремѣнно, съ *молнiеносною* быстротою, внезапно, случайно, чудесно. Она страдаетъ отъ воображаемой болѣзни, потому что ея вниманiе *застыло* въ опредѣленномъ ощущенiи тѣлеснаго недуга. Не одна только Марiя де Герсенъ, но и Элизе Рукэ, съ ея уродливымъ, отвратительнымъ собачьимъ рыломъ, повѣривъ въ чудесное спасенiе, облечется новою кожею на лицѣ и станетъ здоровою дѣвушкою, какъ это и случилось въ романѣ. Докторъ Боклэръ угадалъ правду и, слѣдуя за нимъ, Золя можетъ съ полнымъ успѣхомъ, не возбуждая ничьего протеста, творить чудеса въ толпѣ, колѣнопреклоненной предъ лурдской Богоматерью, потому что рѣчь идетъ о гипнозѣ, индивидуальномъ и массовомъ, ни о чемъ другомъ, кромѣ гипноза и самогипноза. Тутъ не можетъ быть никакихъ сомнѣнiй, потому что наука никогда не вредила художественному творчеству, и талантливый писатель, стоящiй на умственной высотѣ своей эпохи, можетъ и долженъ остаться истиннымъ поэтомъ въ своемъ дѣлѣ. Даже больше того: настоящее искусство любитъ науку, роднится съ нею, постоянно слѣдитъ за ея успѣхами, ревниво оберегаетъ ее отъ заблужденiй невѣжественной или профанной мысли. Наука очищаетъ отъ праха то стекло, сквозь которое свѣтъ души пробивается въ природу, заостряетъ наши чувственныя воспрiятiя внѣшняго и внутренняго мiра. Съ каждымъ научнымъ открытiемъ горизонты поэтическаго творчества становятся все болѣе и болѣе широкими. Какая масса предметовъ, прежде непонятныхъ, дѣлается вдругъ близкими нашимъ вольнымъ и невольнымъ симпатiямъ, нашимъ кореннымъ понятiямъ о жизни. Множество явленiй, затруднявшихъ умственную работу, раскрываютъ вдругъ предъ нами свою внутреннюю сущность, чтобы умножить тѣ средства, которыми разрѣшаются коренные для человѣка вопросы — великая тайна между тайнами, божественная загадка личной и мiровой жизни. Извнѣ помогая художественному творчеству, наука не отвоевываетъ отъ искусства ни единаго атома, и царство поэзiи съ теченiемъ времени прiобрѣтаетъ для себя все новыя и новыя владѣнiя. Вотъ почему, когда художникъ, собирая разные важные документы современной жизни, обращается къ точному научному знанiю, онъ не только не вы-



ступаетъ изъ предѣловъ своей задачи, а какъ-бы подходитъ къ ней вплотную, вооруженный рабочимъ ножемъ, который окажетъ ему тысячи важныхъ услугъ. Онъ на вѣрномъ пути. Но чѣмъ сильнѣе пристрастіе художника къ наукѣ, тѣмъ онъ долженъ быть осторожнѣе въ своихъ выводахъ и обобщеніяхъ, потому что наука кончается тамъ, гдѣ начинается произволъ, слѣпое суевѣріе, диллетантское жонглерство громкими словами, гдѣ нарушаются ея коренные принципы, потому что каждая наука имѣетъ свою точно очерченную территорію, внѣ которой она безсильна, внѣ которой она превращается въ сухую, мертвенную догматику, которая останавливаетъ живой процессъ критической мысли. Вотъ почему мы не видимъ никакой настоящей научной силы въ романѣ Золя. Задавшись цѣлью обрисовать религіозное движеніе, показать его типическіе признаки, его вѣчныя, неизмѣнныя черты, онъ не нашелъ при этомъ никакихъ иныхъ научныхъ орудій изслѣдованія, кромѣ физіологіи,—какъ будто одна только физіологія все объясняетъ въ человѣческой жизни. Подъ его перомъ цѣлая психическая сфера превратилась въ мертвую среду чисто физическихъ явленій, безъ единаго проблеска высшей, самостоятельной, духовной силы,—какъ будто избавленіе отъ невроза по методѣ доктора Боклэра даетъ хоть малѣйшій аргументъ въ борьбѣ съ религіознымъ *сознаніемъ* человѣка. Выводя на сцену людей, пришедшихъ къ религіи путемъ разочарованія въ наукѣ, художникъ искусственно суживаетъ кругъ своихъ интересныхъ наблюденій — какъ будто люди, стоящіе на пути науки, никогда не приходили и не приходятъ къ настоящей—не суевѣрной, не фанатически темной, невѣжественной, а свѣтлой, логически обоснованной религіи. Вотъ почему въ этомъ романѣ всѣ главныя фигуры не живутъ настоящею жизнью. Являясь выраженіемъ ложнаго взгляда на человѣческую природу въ ея самыхъ важныхъ, существенныхъ, идейныхъ сторонахъ, онѣ не могли пріобрѣсти подъ перомъ писателя полную художественную силу, ту легкость, вольность и гибкость, которая никогда не пропадаетъ при настоящемъ психологическомъ изображеніи физической и умственной дѣятельности людей. Воюя подъ знаменемъ науки, но постоянно измѣняя ей своими произвольными обобщеніями, Золя не могъ не внести въ свой романъ цѣлаго ряда серьезныхъ ошибокъ, отразившихся гибельнымъ образомъ на его художественной конструкціи. Всѣ главные герои его разсказа кажутся порою неестественно деревянными фигурами—это значитъ, что писатель, при огромномъ непосредственномъ талантѣ, не съумѣлъ преодолѣть въ себѣ узкой разсудочности, съ ея невѣрнымъ пониманіемъ человѣческой природы. Васъ не увлекаютъ идейныя тревоги молодого аббата Пьера Фромана — это значитъ, что художникъ не съумѣлъ показать глубокія причины современныхъ идеалистическихъ исканій. Проносятся десятки страницъ, исписанныхъ вели-

колѣпными рѣчами о новой религіи, окончательно порвавшей съ теоретическою метафизикою—это значитъ, что художникъ находится во власти самой банальной философіи, что онъ не видитъ тѣхъ внутренихъ путей, которые связуютъ религіозное и научное сознаніе въ одно неразрывное цѣлое...

## II.

Переходимъ ко второму роману Золя.

Изъ Лурда Пьеръ возвратился съ больною душой, измученный, не чувствуя на себѣ ни единаго живого мѣста. Проходили дни за днями. Онъ влачилъ существованіе машинально, что-то жалобно плакало въ немъ, мученія одиночества мало-по-малу переходили въ какое-то привычное состояніе духа. Но вотъ онъ познакомился однажды, въ темный, дождливый, осенній вечеръ, съ однимъ старымъ священникомъ въ Сентъ-Антуанскомъ предмѣстьѣ, и съ этого дня жизнь Пьера перемѣнилась. Старый аббатъ устроилъ въ трехъ маленькихъ комнатахъ пріютъ для покинутыхъ дѣтей, которыхъ онъ подбиралъ на сосѣднихъ улицахъ. Увлеченный этимъ дѣломъ, Пьеръ сталъ ходить туда каждое утро. Онъ узналъ нищету, преступную и ужасную—съ ея развратомъ, пьянствомъ и безработицей, то огромное соціальное зло, мутными волнами котораго залитъ весь Парижъ. Въ эту минуту, какъ и въ другіе рѣшительные моменты жизни, передъ нимъ опять всталъ симпатичный образъ его брата. Онъ понялъ психологію политическаго насилія, готовый согласиться съ Гильомомъ, что разрушительная гроза необходима для современнаго общества, что міръ обновится желѣзомъ и огнемъ. Такъ онъ думалъ иногда, когда въ немъ закипала яростная вражда, подъ живымъ впечатлѣніемъ разныхъ тяжелыхъ жизненныхъ картинъ. Но старый аббатъ, человѣкъ святой, съ безконечной вѣрой въ лучшее будущее, утѣшалъ его нѣжными словами. Боже, приходить въ отчаяніе, когда существуетъ Евангеліе! Неужели этой божественной книжки недостаточно для спасенія міра? Какъ-бы ни было зло велико, съ нимъ можно покончить, если только оглянуться назадъ, къ эпохѣ смиренія, простоты и чистоты, когда христіане жили другъ съ другомъ, какъ братья. Старый аббатъ говорилъ съ трогательною убѣжденностью, съ вѣрою, что спасеніе близко. Въ такихъ бесѣдахъ они проводили цѣлыя ночи напролетъ, пока въ Пьерѣ не совершился новый умственный переворотъ. Онъ началъ изучать, читать, разспрашивать людей, все болѣе и болѣе проникаясь сложнымъ вопросомъ католическаго соціализма. Вторичное пришествіе Христа показалось ему неизбѣжнымъ для разрѣшенія всѣхъ соціальныхъ бѣдствій. Покидая Лурдъ, онъ слышалъ въ себѣ крикъ души: новая религія, новая религія! Теперь онъ открылъ окончательно, въ чемъ именно заключается задача этой новой религіи! Войдя въ жизнь на одну минуту активною силою, онъ уразумѣлъ, наконецъ, по

какой программѣ она можетъ и должна быть передѣлана. Въ это время Пьеръ свелъ знакомство съ епископомъ Бержеро и виконтомъ Де-ла-Шу, и убѣжденія его, преодолѣвъ разныя противорѣчія, сформировались и сложились, наконецъ, въ опредѣленную систему. Церковь можетъ еще сдѣлать добро, взявъ въ руки бразды демократическаго управленія современнымъ обществомъ. Всѣ таинства и догмы, противъ которыхъ постоянно роптал ъ его разсудокъ, теперь показались ему безвреднымъ для человѣчества ритуаломъ. Подъ вліяніемъ этихъ мыслей Пьеръ сѣлъ однажды утромъ за свой рабочій столъ, чтобы написать книгу. Заглавіе —«Новый Римъ»—засіяло какъ-то вдругъ. Изъ *новаго* Рима должно придти искупленіе народовъ, потому что истинное обновленіе могло зародиться только на той почвѣ, на которой выросло старое католическое дерево. Книга написалась въ два мѣсяца. Епископъ Бержеро, читая ее до появленія въ печати, былъ глубоко тронутъ ея страстнымъ тономъ, и потому послалъ одобрительное письмо автору, разрѣшивъ помѣстить его въ видѣ предисловія къ произведенію. Виконтъ Де-ла-Шу нашелъ, что она стоитъ цѣлой арміи солдатъ для католической церкви. Но въ Римѣ рѣшили запретить книгу и вызвать молодого аббата для личныхъ объясненій передъ конгрегаціею Индекса.

Книга раздѣлена на три части: прошедшее, настоящее и будущее вѣчнаго города. Въ первой передъ читателемъ проходятъ слѣдующія разсужденія. Подъ каждымъ религіознымъ переворотомъ кроется какой-нибудь экономическій вопросъ. Всякое зло проистекаетъ изъ вѣчной борьбы между бѣдными и богатыми. Всѣ пророки, вплоть до Христа, не болѣе, какъ мятежники на соціальной почвѣ. Апологеты и многіе отцы церкви свидѣтельствуютъ, что первоначальное христіанство было религіею униженныхъ и бѣдныхъ, которые имѣли смѣлость бороться противъ общественнаго строя Рима. Денежные вопросы управляютъ міромъ. Тутъ-же Пьеръ нарисовалъ яркую картину историческаго развитія католицизма до нашихъ дней. Католическій Римъ возсоздалъ общественное устройство стараго Рима, который Христосъ пришелъ уничтожить. Несмотря на то, что Евангеліе существуетъ почти уже двѣ тысячи лѣтъ, міръ снова рушится подъ тяжестью темныхъ банковыхъ операцій, финансовыхъ краховъ и разныхъ общественныхъ неурядицъ. Всю работу на пользу несчастныхъ приходится начать съизнова. Вторую часть книги Пьеръ посвятилъ описанію католическаго строя. Пришествіе демократіи писалъ онъ, образуетъ новый фазисъ человѣческой исторіи. Капиталъ и трудъ борятся между собою, и церковь должна занять опредѣленное положеніе въ раздорахъ современнаго человѣчества. Наконецъ, въ третьей части книги Пьеръ страстнымъ языкомъ апостола говоритъ о томъ, каковъ именно долженъ быть обновленный католицизмъ, который принесетъ умирающимъ народамъ миръ и спокойствіе, золотой вѣкъ первыхъ

дней христіанства. Тутъ-же онъ далъ восторженную, краснорѣчивую характеристику церковной политики папы Льва XIII. Этотъ намѣстникъ Христа внушилъ ему свѣтлыя ожиданія. Еще будучи епископомъ, онъ протянулъ руку людямъ демократическихъ убѣжденій. Затѣмъ, сдѣлавшись папою, онъ открыто сталъ на сторону демократіи въ своихъ наиболѣе извѣстныхъ энцикликахъ. Вотъ что окружило лучезарною славою имя Льва XIII. Пьеръ коснулся и вопроса о свѣтской власти папъ. Не безумно-ли мечтать, писалъ онъ, о завладѣніи Римомъ теперь, среди вооруженной Европы? Что сталось-бы съ папою во время всеобщей кровавой войны, которая можетъ вспыхнуть каждый день? Потерявъ свѣтскую власть, свободный отъ земныхъ заботъ, какую огромную духовную власть представляетъ изъ себя папа! Пьеръ закончилъ книгу страстнымъ воззваніемъ къ новому Риму—Риму духовному, который воцарится когда-нибудь надъ примирившимися народами, Риму, который дастъ людямъ новую религію.

Съ этимъ мыслями Пьеръ явился предъ конгрегаціею Индекса. Онъ не уступитъ ни единой іоты. Не объявивъ себя противникомъ существующей церкви, не снявъ священнической рясы, развѣ онъ не въ правѣ сказать папскому правительству въ лицо, что католицизмъ долженъ обновиться, возвратиться къ духу первыхъ христіанскихъ вѣковъ, стать религіей рабочей, нищей демократіи? Проповѣдуя состраданіе къ людямъ, развѣ онъ измѣняетъ Евангелію, которое одушевило его написать эту книгу безъ малѣйшаго революціоннаго задора, мягкими, нѣжными, добрыми словами? Вотъ какимъ человѣкомъ явился онъ въ Римъ—послѣ Лурда. Романъ почти на первыхъ страницахъ начинается новымъ описаніемъ наружности Пьера. Онъ сталъ еще болѣе тонкимъ въ своей черной рясѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ поддался этическому вѣянію, идущему отъ матери, его высокій, прямой лобъ, унаслѣдованный отъ отца, казалось, уменьшился, тогда какъ добрый, нѣсколько большой ротъ и тонкій подбородокъ озарились безграничною нѣжностью. Въ глазахъ засвѣтилась его душа. До конца романа Пьеръ останется съ этими характерными чертами въ настоящемъ фазисѣ его духовнаго развитія, пока онъ не выйдетъ передъ нами новымъ человѣкомъ, быть можетъ, съ видоизмѣненными анатомическими признаками, въ третьемъ романѣ Золя, въ «Парижѣ». Вопросъ о наслѣдственнвсти, поставленный съ такою примитивною узкостью, играетъ въ произведеніяхъ Золя очень выдающуюся роль, такъ что, слѣдя за его художественными пріемами, какъ-то невольно останавливаешься на этой странной манерѣ Золя постоянно мѣнять и переписывать по отдѣльнымъ графамъ внѣшнія примѣты своихъ героевъ.

Съ первыхъ-же шаговъ молодой аббатъ терпитъ въ Римѣ крушеніе за крушеніемъ. Его не допускаютъ къ папѣ для личныхъ объясненій. Хитрый прелатъ, монсиньоръ Нани, играетъ имъ, какъ мячомъ, посы-





лаетъ его то къ одному, то къ другому кардиналу за совѣтами и только въ неопредѣленномъ будущемъ обѣщаетъ ему аудіенцію у папы. Пусть потолкается онъ здѣсь въ Римѣ, присмотрится къ людямъ и нравамъ, измѣритъ настоящую силу католической оппозиціи, прежде чѣмъ предстать предъ всесильнымъ управителемъ Ватикана. Новая религія! Пусть сразится онъ съ тѣми, въ чьихъ рукахъ находятся бразды религіи старой, римской, апостолической, съ ея сложными житейскими связями и неразрушимыми тайными вліяніями на всѣ европейскія сферы. Прежде всего Пьеръ явился къ старому кардиналу, на котораго онъ возлагалъ нѣкоторыя надежды. Бокканера принялъ его торжественно, сухо и важно. Онъ съ первыхъ-же словъ далъ ему понять, что дѣло его не можетъ пользоваться сочувствіемъ убѣжденнаго католика. Напрасно Пьеръ упомянулъ о своихъ парижскихъ друзьяхъ. Де-ла-Шу не больше, какъ фантазеръ. Его увлеченія корпораціями, рабочими кружками, умытой демократіей и туманнымъ соціализмомъ— не больше, какъ литература. Въ словахъ Бокканера Пьеру послышалась презрительная иронія. Кардиналъ Бержеро—этотъ безконечно добрый пасторъ, мечтающій о второмъ пришествіи Христа—опасный революціонеръ въ мирномъ стадѣ католицизма. Книга о вѣрѣ! Можно принять за абсолютное правило, что каждая книга, касающаяся религіозныхъ вопросовъ, вредна и достойна осужденія. Никакихъ преобразованій, ни малѣйшей уступки. Бокканера будетъ твердо стоять за всѣ католическія догмы, пока свѣтъ не погаснетъ въ его глазахъ,—какъ вѣрный солдатъ на посту. При этихъ словахъ Бокканера *широкимъ жестомъ* руки указалъ на старинный дворецъ, пустой и безмолвный, въ которомъ проходила его уединенная жизнь. Итакъ, въ Римѣ имѣются люди сильные, смѣлые, твердые въ своемъ католическомъ упорствѣ, какъ Бокканера.

Не найдя опоры въ могущественномъ кардиналѣ, Пьеръ рѣшилъ посѣтить знаменитаго стараго графа Орландо Прада, который завязалъ съ нимъ интересную переписку по поводу его книги. Храбрый борецъ за политическое возрожденіе Италіи, Орландо не нашелъ въ «Новомъ Римѣ» ничего, кромѣ мистическихъ мечтаній. Знаменитый старецъ принялъ его съ дружеской ласкою, но не скрылъ отъ него своихъ истинныхъ мнѣній о книгѣ. Эта книга вызвала въ немъ негодованіе, смѣшанное съ глубокимъ сожалѣніемъ о безплодно потраченномъ, превосходномъ талантѣ. Папа и опять папа—въ ней рѣчь идетъ только о папѣ. Новый Римъ для папы и черезъ папу! Римъ восторжествуетъ при помощи папы и потому онъ долженъ потопить свое величіе въ величіи папы. Только французъ могъ написать подобную книгу. Факты современемъ переубѣдятъ молодого аббата, потому что нельзя не видѣть, что въ Италіи есть еще, кромѣ папы, цѣлый народъ, король Гумбертъ и сотни другихъ живыхъ и дѣятельныхъ силъ, изъ которыхъ должна сложиться новая гражданская куль-

тура. *Жестомъ* руки графъ Орландо указалъ Пьеру на окно, изъ котораго виднѣлся далеко раскинувшійся Римъ, залитый солнцемъ.

А дни летѣли. Хитрый, коварный, какъ кошка, прелатъ Нани все кружитъ около Пьера, успокаиваетъ его тихою вкрадчивою ласкою, снисходительно выслушиваетъ его рѣчи, полныя пламеннаго энтузіазма, посылаетъ его опять то къ одному, то къ другому человѣку, сильному въ дѣлахъ конгрегаціи Индекса, но къ самому папѣ его, всетаки, не допускаетъ. Придетъ пора и тогда свиданіе состоится само собой. Онъ можетъ увидѣть папу издали, какъ-нибудь случайно, во время торжественнаго богослуженія въ церкви Святаго Петра или при другихъ исключительныхъ обстоятельствахъ, но предстать предъ нимъ въ рѣшительной аудіенціи, съ глазу на глазъ, онъ удостоится только съ теченіемъ времени. Папа прячется отъ простыхъ смертныхъ, какъ нѣкоторое божество. Среди мраморныхъ боговъ и богинь Олимпа, славящихъ прелести природы и свѣта, живетъ этотъ бѣлый старецъ, міродержавный властитель католическаго христіанства. Вотъ гдѣ Пьеръ задумалъ вернуть людей къ чистому евангельскому ученію! Его душу охватываетъ сомнѣніе. Изъ этой страны свѣта и радости, вдругъ подумалось ему, могла выйти только свѣтская религія покоренія и политическаго господства, а не мистическая, страждущая религія души. Въ папскихъ садахъ все дышитъ сладострастіемъ. Богатыя приношенія со всѣхъ концовъ свѣта, упоеніе всемогуществомъ власти на почвѣ, гдѣ каждый камень говоритъ о быломъ величіи Рима, гдѣ воздухъ пропитанъ безумно смѣлыми мечтами и горделивыми надеждами—нѣтъ, папа не отречется отъ своихъ свѣтскихъ притязаній. Никогда католическая церковь не отступится отъ своихъ политическихъ стремленій, потому что она считаетъ себя несокрушимою и вѣчною. Пьеромъ овладѣло почти полное отчаяніе. Онъ понялъ всю наивность своихъ мечтаній о *духовномъ* папѣ. Ему ясно представился ужасъ, который должна была внушить правовѣрнымъ католикамъ его книга. Эта мысль о папѣ безъ территоріи и безъ подданныхъ, безъ военной свиты и королевскихъ почестей — однимъ словомъ, объ евангельскомъ папѣ, вдругъ открылась ему во всемъ своемъ практическомъ ничтожествѣ. Наконецъ, дойдя до предѣла своихъ разочарованій, утомленный и разбитый цѣлымъ рядомъ неудачъ, Пьеръ удостоился личной аудіенціи у папы. Всѣ подробности этого свиданія описаны Золя съ большимъ искусствомъ. Настроеніе Пьера, мельчайшія оттѣнки чувства, смѣны различныхъ порывовъ—все это, въ яркомъ художественномъ анализѣ, захватываетъ читателя. Папа Левъ XIII передъ нами, какъ живой, или, вѣрнѣе сказать, какъ превосходное скульптурное произведеніе, сдѣланное изъ бѣлаго мрамора первокласснымъ художникомъ. Несмотря на всю фантастичность разсказа, діалогъ между Пьеромъ и папою дышитъ правдою. Тутъ каждая фраза—настоящее золото чистѣйшаго ли-

тературнаго краснорѣчія. Выраженія мѣткія, смѣлыя, звенящія драматически торжественно, смѣняютъ другъ друга, ни на минуту не возбуждая въ душѣ никакого диссонанса впечатлѣній. Въ первый разъ Пьеръ является предъ нами живымъ человѣкомъ, не резонеромъ. Мы будемъ потомъ говорить подробно о достоинствахъ и недостаткахъ романа, но мы не могли пройти мимо этой сцены въ нашемъ краткомъ изложеніи, не указавъ на ея выдающіяся художественныя достоинства. Утомленный безконечно длинными описаніями, очень часто не идущими къ дѣлу, ненужными, сухими, почти мертвыми компиляціями по разнымъ современменнымъ вопросамъ, которые занимаютъ въ книгѣ нѣсколько сотъ страницъ, набранныхъ мелкимъ шрифтомъ, читатель вдругъ съ облегченною душою отдается во власть талантливому романисту. Несмотря на нѣкоторую растянутость, сцена эта ни на минуту не охлаждаетъ вашего интереса, кажется полною жизни, не шокируетъ никакими мелочными подробностями, хотя при чтеніи васъ ни на минуту не покидаетъ всемірно разглашенная сплетня, что Золя не удостоился личнаго собесѣдованія съ папой Львомъ XIII. Пусть романистъ писалъ эту сцену по книжнымъ документамъ или со словъ «очевидца»,—она не теряетъ отъ этого своихъ литературныхъ достоинствъ...

Итакъ, Пьеръ предсталъ, наконецъ, передъ папою. Левъ XIII сидѣлъ на креслѣ, около маленькаго подвижного столика, на которомъ валялись три газеты, одна наполовину развернутая. Пьеръ запомнилъ его костюмъ, лицо, всю обстановку. Сутана изъ бѣлаго сукна, съ бѣлыми пуговицами, бѣлая шапочка, бѣлая пелеринка, бѣлый поясъ, шитый золотомъ,—вотъ что бросилось ему въ глаза. Но больше всего его поразило лицо и фигура папы. Однажды онъ видѣлъ его среди прелестнаго сада: папа улыбался тогда, слушая болтовню любимаго прелата, подвигаясь впередъ маленькими старческими шажками, похожими на прыжки раненой птицы. Затѣмъ онъ видѣлъ его въ залѣ Беатификацій, съ порозовѣвшими отъ удовольствія щеками, среди цѣлой толпы мужчинъ и женщинъ, которые подносили ему кошельки, бѣлыя шапочки, полныя золота, срывали съ себя драгоцѣнности, чтобы бросить къ его ногамъ. Онъ видѣлъ его въ соборѣ Святого Петра, несомаго на тронѣ. Теперь онъ снова видитъ его на креслѣ, безъ всякой оффиціальной помпы, съ похудѣвшимъ лицомъ. Больше всего Пьера поразила его шея—шея очень старой и очень бѣлой птицы. Его длинный носъ такъ тонокъ, что сквозь него просвѣчиваетъ лампа. Огромный ротъ со снѣжными губами прорѣзываетъ весь низъ лица и только одни глаза остаются прекрасными и молодыми—чудные, черные, сверкающіе силою глаза. Тонкою рукой, похожею на слоновую кость, папа взялъ стаканъ съ сиропомъ, помѣшалъ въ немъ длинной ложечкой и выпилъ глотокъ. Когда онъ заговорилъ, Пьера въ первый разъ поразилъ его голосъ, грубый.

рѣзкій, такъ мало гармонировавшій съ его худымъ тщедушнымъ тѣломъ. Спокойно, безъ всякаго гнѣва, онъ сейчасъ-же назвалъ его книгу, сопровождая слова короткимъ *жестомъ*, въ которомъ Пьеръ усмотрѣлъ протестъ противъ чиновниковъ Ватикана. О виконтѣ Де ла-Шу онъ отозвался съ добродушнымъ снисхожденіемъ. Но епископъ Бержеро, какъ только было произнесено его имя, возбудилъ въ немъ страстное негодованіе. Какъ могъ онъ одобрить революціонную теорію Пьера, всѣ эти галиканскія идеи, либерализмъ, бунтующій противъ церковнаго авторитета! Пьеръ увидѣлъ предъ собой настоящаго повелителя, разгнѣваннаго, грознаго. Тонкая шея старой птицы стала незамѣтна. Пьеръ заволновался. Въ немъ вдругъ проснулся апостолъ. Съ энтузіазмомъ онъ сталъ говорить о страдающемъ, нищемъ народѣ, которому церковь должна принести спасеніе. Несправедливость овладѣла всѣмъ міромъ, и онъ, Пьеръ, только бѣдный человѣкъ, смиренный представитель смиренныхъ массъ, взывающій къ могучему авторитету. Повсюду агонія, смерть, глухой трескъ разваливающихся политическихъ зданій,—необъятный океанъ глухихъ народныхъ страданій, который грозитъ катастрофою цѣлому человѣчеству. Не будучи въ силахъ выразить словами то, что постоянно кипѣло и теперь перекипѣло въ его душѣ, Пьеръ съ рыданіемъ упалъ къ ногамъ папы. Но папа остался твердымъ и неумолимымъ. Властнымъ *жестомъ* онъ пригласилъ его сѣсть. Пьеръ написалъ дурную книгу, опасную, вредную книгу, въ особенности потому, что она обладаетъ всѣми соблазнами стиля, всею распущенностью великодушныхъ химеръ, потому что глубокая ложь смѣшалась въ ней съ дыханіемъ вѣры и религіознаго энтузіазма. Какъ могъ онъ рѣшиться публично оспаривать свѣтскую власть папы! Это—химера невѣжды. Въ книгѣ ничего не говорится о католической догматикѣ, о Богѣ. Все въ ней проникнуто анти-церковнымъ духомъ. Новая религія! Есть одна только религія—католическая, апостолическая и римская...

Вотъ когда Пьеръ понялъ въ послѣдній разъ, что книга его—жалкое порожденіе мечтательно настроенной души. Онъ расчитывалъ на силы, которыя никогда не измѣнятъ своего направленія. Папа не можетъ умиротворить людей наканунѣ наступающей ужасной братской рѣзни. Прикованный къ Ватикану историческими воспоминаніями и традиціями, онъ не оставитъ свой престолъ, чтобы пойти одною дорогою съ униженною демократіею нашихъ дней. Пьеръ сдѣлалъ коренную ошибку, бросившись искать спасенія для людей въ очагѣ, зараженномъ мертвенною гордынею.

— Святой отецъ, я подчиняюсь и отказываюсь отъ моей книги.

Его голосъ дрожалъ, открытыя руки невольно сдѣлали такое движеніе, какъ будто онъ отдавалъ душу. Папа наслаждался блестящею побѣдою надъ опаснымъ бунтовщикомъ, не понимая, что этотъ молодой аббатъ потерянъ для церкви навсегда. Свободнымъ *жестомъ*

руки онъ взялъ со столика стаканъ съ сиропомъ и, помѣшавъ длинной ложечкой, выпилъ его до конца. Пьеръ опять увидѣлъ его тщедушнымъ, хрупкимъ, съ тонкой шеей больной птички и бѣлой сутаною, запачканной табакомъ. Аудіенція кончилась.

Пьеру больше нечего дѣлать въ Римѣ. Отрекшись отъ книги, онъ этимъ самымъ окончательно вышелъ на новую дорогу. Мистическіе туманы, которые до сихъ поръ угнетали его душу, покорную закону наслѣдственности, разсѣялись окончательно и надъ нимъ взошло новое солнце. Отнынѣ художникъ быстрою рукою развязываетъ всѣ романическіе узлы. Еще двѣ-три страницы, и произведеніе, безконечно растянутое множествомъ вводныхъ эпизодовъ, обширными трактатами историческаго и политическаго содержанія, дочитывается, наконецъ, до конца. Умственная жизнь Пьера обрисована во всѣхъ подробностяхъ. Римъ разбудилъ въ немъ здравый смыслъ, а нѣсколько впечатлѣній, полученныхъ въ прощальномъ разговорѣ съ графомъ Орландо, довершили дѣло. Старый воинъ обрадовался «новому» Пьеру. Теперь и для него должно быть ясно, что Италія возродится когда-нибудь настоящею культурною силою. Она молода, и потому не слѣдуетъ терять бодрости духа въ борьбѣ съ обстоятельствами. *Жестомъ* твердымъ и широкимъ графъ Орландо упорно защищалъ свои патріотическія надежды. Папство погибнетъ само собою. На смѣну мистическимъ фантазіямъ идетъ наука—могучая, твердая, непобѣдимая. Появятся новые люди, которые спасутъ Италію. Широкимъ и величественнымъ *жестомъ* старикъ указалъ Пьеру черезъ свѣтлое окно на необъятную панораму «итальянскаго» Рима.

Мысли Пьера достигли вершины развитія, и философія Золя торжественно произноситъ свое послѣднее слово. Начавъ слѣпою вѣрою, Пьеръ путемъ обширнаго и разнообразнаго житейскаго опыта пришелъ къ заключенію, что и *новая* религія, подобно старой, не даетъ никакихъ сильныхъ орудій для борьбы за человѣческія права. Освободившись отъ метафизики, она всетаки ставитъ человѣка на мечтательный путь, рисуя передъ нимъ сентиментально-заманчивыя, призрачныя перспективы. Религія, какъ система мысли, отживаетъ свой вѣкъ, и на смѣну ей идетъ широкая гуманная политика, требующая не милосердія, а справедливости. Можно не сбрасывать съ себя случайной рясы священника, но на дѣло надо смотрѣть трезвыми глазами: религія—туманъ, который рѣдѣетъ отъ свѣтлыхъ солнечныхъ лучей положительной науки. Эта философія проникаетъ весь романъ. Въ Пьерѣ Золя хотѣлъ безпощадной рукой казнить современнаго человѣка, съ его праздными метафизическими исканіями и сомнѣніями. Но бичуя новѣйшаго человѣка, авторъ при этомъ простираетъ свою руку гораздо дальше, давая понять, что ошибка здѣсь коренная, глу-

бокая, которая должна обезсилить всякій духъ и характеръ, при всѣхъ условіяхъ его развитія. Какъ личность, Пьеръ заслуживаетъ полнаго сочувствія, и авторъ награждаетъ его высокими умственными и нравственными достоинствами. Но какъ идейный борецъ, онъ почти жалокъ своею экзальтированностью, потому что правда жизни, которую надо открывать и, открывъ, ковать на благо людей, не тамъ, гдѣ онъ ее ищетъ, въ своемъ пылкомъ увлеченіи религіозными вопросами. Новая религія—есть одна только религія: наука, отвергающая всякую метафизику, уравновѣшенная въ себѣ самой, требующая справедливости именемъ простой, очевидной для всѣхъ выгоды. Боклэръ и Гильомъ—просвѣтляющее знаніе и гражданское мужество, прокладывающее себѣ дорогу огнемъ и мечемъ—больше ничего не нужно. Нѣтъ сомнѣнія, что въ третьемъ романѣ мы будемъ имѣть настоящую соціальную стихію въ яркомъ изображеніи, какое только доступно сильному художественному таланту Золя. Но уже по «Лурду» и «Риму» видно, что писатель исчерпалъ свои силы, что ждать отъ него счастливыхъ поэтическихъ или философскихъ откровеній не слѣдуетъ. Съ религіознымъ вопросомъ, какъ онъ выступилъ въ современной жизни, Золя не справился, и даже самый снисходительный критикъ не скажетъ, что въ «Лурдѣ» и «Римѣ» можно найти одну черту, одинъ образъ, одинъ діалогъ, отражающій духъ человѣческій въ его сокровенномъ движеніи. Въ нихъ нѣтъ религіи даже въ намекѣ. Психологическія настроенія, создаваемыя живымъ, непосредственнымъ ощущеніемъ міровой тайны, замѣняются здѣсь описаніемъ разныхъ физіологическихъ процессовъ или резонерскими дебатами на церковныя темы, лишенными вдохновенія, силы, экстаза, того огня, который клокочетъ въ произведеніяхъ Достоевскаго, разжигаетъ его діалектику, волнуетъ и поднимаетъ читателя. Это — бездушная проза, раздражающая своею показною ученостью, ворохами безпорядочнаго знанія, взятаго на прокатъ изъ чужихъ сочиненій. Золя ничего не объяснилъ. Ни единаго луча художественнаго свѣта не бросилъ онъ въ душу своихъ героевъ. Мы не понимаемъ, какія именно научныя истины оторвали Пьера отъ его первоначальной простодушной вѣры. Для насъ неясно дальше, какими логическими доводами Пьеръ пришелъ къ заключенію, что въ религіи теоретическое начало не имѣетъ никакого смысла, что въ ней сильна и дѣятельна только мораль. Правда, въ любомъ человѣкѣ, взятомъ изъ интеллигентной толпы, вы можете открыть этотъ сумбуръ понятій, это невѣжественное убѣжденіе, что мысль о Богѣ ничтожна, что любовь къ людямъ обязательна сама по себѣ, безъ всякой высшей санкціи. Не подлежитъ сомнѣнію, что раздѣленіе религіознаго и научнаго сознанія въ посредственныхъ головахъ, составляющихъ большинство всякаго общества, есть фактъ достовѣрный, твердый, почти незыблемый въ своей исторической неподвиж-

ности. Но что-же изъ этого слѣдуетъ? Развѣ художникъ показалъ тѣ внутреннія препятствія, которыя мѣшаютъ ординарному человѣку увидѣть и понять неразрывное единство научныхъ и религіозныхъ интересовъ? Рисуя душевную жизнь Пьера, онъ ни единымъ словомъ не очертилъ тѣхъ умственныхъ тумановъ, которые застилаютъ передъ нимъ доступъ къ правдѣ. Онъ слѣдуетъ за Пьеромъ по длинному пути его духовныхъ скитаній, шагъ за шагомъ, но нигдѣ Золя не поднимается выше его, нигдѣ вы не чувствуете, что художникъ слѣдитъ за своимъ героемъ острымъ, критическимъ глазомъ, не какъ партизанъ извѣстнаго политическаго ученія, не какъ борецъ подъ знаменемъ той или другой литературной школы, а какъ мудрецъ. Въ самомъ дѣлѣ, какой идейный смыслъ имѣютъ всѣ тѣ разочарованія, которыя постигли Пьера въ Римѣ? Онъ написалъ книгу, призывающую католическое общество съ его высшимъ церковнымъ правительствомъ къ новой религіи. Новизна этой религіи заключается въ томъ, что она сама открыто показываетъ свои не мистическія, а реальныя основанія. Порожденная экономическимъ кризисомъ, соціальными несчастіями людей—ни чѣмъ другимъ—она взываетъ не къ небу, а къ землѣ. Она воспѣваетъ жизнь, а не смерть. Ея цѣль, любовь и простота нравовъ, можетъ быть понята при помощи здраваго смысла, внѣ какой-бы то ни было экзальтаціи, внѣ произвольныхъ допущеній и предположеній, которыя противорѣчатъ научно-достовѣрному знанію. Вотъ какова новая религія Пьера, и въ этой новой религіи авторъ находитъ только одну ошибку—не теоретическую, а практическую. Если-бы Пьеръ говорилъ только о бѣдствіяхъ міра, не обращаясь къ церковнымъ властямъ и не взывая, какъ онъ это и дѣлаетъ, ни къ какимъ метафизическимъ идеямъ, онъ былъ-бы непобѣдимъ. За него стояла-бы исторія всѣхъ современныхъ народовъ съ ея широкимъ рабочимъ движеніемъ, которое завоевало сочувствіе самыхъ трезвыхъ умовъ. Не покончивъ съ религіознымъ вопросомъ во всѣхъ его проявленіяхъ, нельзя стать настоящею дѣятельною силою въ современномъ демократическомъ обществѣ,—и Пьеру пришлось испытать цѣлый рядъ тяжелыхъ неудачъ прежде, чѣмъ онъ овладѣлъ, наконецъ, этою великою истиною новѣйшей эпохи. Никакой другой критики вы не найдете въ романѣ Золя, потому что авторъ, какъ мы сказали, ни на одну минуту не поднимается надъ своимъ героемъ, развивается вмѣстѣ съ нимъ и вмѣстѣ съ нимъ застываетъ въ сухомъ идолопоклонствѣ передъ плохо понятою наукою и буржуазно гражданственными стремленіями современной Европы. Новая религія! Авторъ не показываетъ, что въ этихъ кричащихъ словахъ кроется наивное заблужденіе, котораго нельзя найти ни у одного настоящаго мыслителя ни старыхъ, ни новыхъ временъ. Слѣдя за современными умственными теченіями, Золя не замѣтилъ самого главнаго — теоретическихъ исканій, которымъ духъ человѣческій предается съ особенною

тревогою наканунѣ каждой новой эпохи. Повѣяло свѣжими умственными интересами послѣ цѣлаго ряда лѣтъ извращенной логической работы—и освѣжились тѣ чувства, выступили изъ тумана тѣ глубокія духовныя ощущенія, которыя пробиваются теперь въ искусствѣ, въ наукѣ, повсюду, гдѣ совершается настоящая прогрессивная работа, въ дѣлахъ жизни, въ той свободной вольницѣ, которой еще не придумано вѣрное названіе. Новыхъ религій не бываетъ, потому что тема всякой религіи отъ вѣка одна и та-же: Богъ. Но съ развитіемъ людей, съ разсѣяніемъ разныхъ *теоретическихъ* заблужденій, съ каждымъ новымъ шагомъ на пути культуры, съ каждымъ новымъ нравственнымъ завоеваніемъ освѣжается, обновляется чувственная сфера человѣка—то, въ чемъ прежде всего виденъ человѣкъ, тѣ краски, которыя онъ кладетъ на свои отношенія къ людямъ, къ природѣ, къ міру. Золя не обнаружилъ никакого знакомства именно съ душой современнаго человѣка, и это чувствуется на каждой страницѣ его послѣднихъ романовъ. Слѣдя за литературою вѣка, онъ можетъ съ точностью разсказать, какія новыя мысли носятся въ воздухѣ, какими разсудочными соображеніями борятся между собою различныя журнальныя партіи въ цѣлой Европѣ. Онъ злобно смѣется надъ профанами Парижа, утверждающими, что наука пришла къ полному банкротству, а въ Римѣ онъ иронически оглядывалъ тѣхъ, которые съ восхищеніемъ шептали ему: Боттичелли, Боттичелли! Пожирая, какъ акула, документы новѣйшей эпохи, онъ знаетъ наперечетъ тѣ идеи, которыя пущены въ ходъ въ Парижѣ, въ Лондонѣ, въ Римѣ, даже въ Петербургѣ. Но зная такъ много, Золя, все-таки, совершенно безоруженъ въ борьбѣ съ новѣйшими умственными теченіями, именно какъ художникъ, какъ поэтъ, потому что онъ чувствомъ, живымъ ощущеніемъ даже не коснулся трепетныхъ порывовъ современнаго общества. Съ каждымъ годомъ они уходятъ отъ него все дальше и дальше, заволакиваются туманомъ, дразня въ немъ энергически предпріимчивый духъ, привыкшій къ побѣдѣ. Новыя темы разжигаютъ въ немъ фантазію, которая до сихъ поръ умѣла какъ-то дружиться съ его трезвой разсудочностью, но вдругъ стала изнемогать, блѣднѣть и таять подъ ея упорнымъ разрушительнымъ дѣйствіемъ—передъ новою задачею. Образъ современнаго человѣка носится предъ нимъ, какъ упоительная мечта, вѣетъ на него свѣжимъ воздухомъ, какимъ-то чуждымъ, страннымъ холодомъ, то приближаясь къ нему, то ускользая отъ него далеко, далеко. Всѣ бульвары Парижа оглашаются разговорами о мистицизмѣ. Какіе-то новые романисты, даже не обладающіе крупнымъ талантомъ, отвоевываютъ у него соблазнительные лавры литературнаго успѣха у молодыхъ поколѣній. Но не будучи въ силахъ нервами схватить то, что есть интереснаго и плодотворнаго въ современномъ движеніи умовъ, Золя съ изступленнымъ отчаяніемъ наполняетъ десятки, сотни страницъ

докторальными разсужденіями о католичествѣ (вмѣсто религіи), о законахъ историческаго развитія народовъ, о возможномъ братскомъ союзѣ между отдѣльными государствами, о демократическомъ движеніи вѣка— по чужимъ сочиненіямъ, которыя онъ постоянно держитъ на вертящейся этажеркѣ, подъ рукою. А новаго человѣка онъ всетаки не показываетъ...

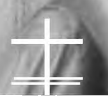
Не только Пьеръ, но и другія дѣйствующія лица очерчены недостаточно ясно въ художественномъ отношеніи именно потому, что вмѣсто психологическихъ движеній мы находимъ въ романѣ безконечно длинные разговоры и трактаты, надоѣдливо повторяющіе одну и ту-же мысль на тысячу ладовъ. Авторъ пространно разсказываетъ генеалогію своихъ героевъ и, тѣмъ не менѣе, они какъ-то не живутъ передъ нами, заслоненные ненужными разсужденіями о наслѣдственности, о политикѣ папскаго и свѣтскаго правительства, о преданіяхъ языческаго Рима. Художественный талантъ, далеко обгоняемый духомъ компиляторскихъ изысканій, лишь отдѣльными моментами вспыхиваетъ въ картинныхъ описаніяхъ природы, какихъ нибудь второстепенныхъ романическихъ подробностей. Всѣ дѣйствующія лица этой растянутой эпопеи, написанной по книжнымъ документамъ, произносятъ торжественно-длинныя рѣчи, сопровождая ихъ театральными жестами. Кардиналъ Бокканера излагаетъ передъ Пьеромъ свои церковныя убѣжденія, доказывая слова величественно-грозными жестами. Графъ Орландо, больной старикъ, прикованный параличемъ ногъ къ креслу, для поясненія своихъ патріотическихъ надеждъ дѣлаетъ разные жесты, производящіе мелодраматическое впечатлѣніе. Ни одинъ діалогъ не обходится безъ эффектныхъ жестовъ. Молодой князь Даріо Бокканера, проѣзжая съ Пьеромъ въ коляскѣ по улицамъ Рима, простымъ жестомъ руки показываетъ ему на Корсо. Жандармы безъ словъ, жестомъ руки направляютъ Пьера въ комнату свиданія съ Львомъ XIII. Мы уже видѣли, какіе разнообразные жесты дѣлаетъ папа въ разговорѣ съ Пьеромъ: небольшіе, властные, свободные. Безъ картинныхъ жестовъ не обходится ни одна сцена въ романѣ, ни одинъ разговоръ, ни одинъ монологъ Пьера, ни одно событіе. Но при всей условной красивости этой театральной жестикуляціи, вы нигдѣ не чувствуете себя во власти настоящей романической поэзіи, потому что, повторяемъ, люди, ихъ поступки, страсти, волненія очерчены грубой рукою, безъ психологическихъ оттѣнковъ, съ кричащимъ натурализмомъ, который временами производитъ отталкивающее впечатлѣніе. Женскія фигуры этого романа—по крайней мѣрѣ, главныя—обрисованы безъ малѣйшей художественной нѣжности, односторонне, съ прямолинейной тупостью, которая лишаетъ ихъ живого характера, не даетъ понятія объ ихъ настоящемъ темпераментѣ, хотя Золя съ безтактною откровенностью постоянно распространяется объ ихъ чувственныхъ потребностяхъ и стремленіяхъ.

Бенедетта вышла замужъ безъ любви за графа Прада, человѣка грубаго, хищнаго, съ волчьими зубами, и она въ первую-же ночь воспылала къ нему непримиримою ненавистью. Не ставъ по чувству отвращенія его женою, она отбивалась отъ него всѣми силами, и это описывается въ романѣ подробно, съ холоднымъ натурализмомъ, который раздражаетъ нервы, но ничего не даетъ для психологическаго пониманія Бенедетты. Затѣмъ мы читаемъ безконечное множество страницъ о затѣянномъ Бенедеттою бракоразводномъ процессѣ, постоянно натыкаясь на пустую, жалкую, пошлую писательскую браваду въ самодовольно ученомъ перечисленіи причинъ и условій, дѣлающихъ возможнымъ расторженіе брачнаго союза по законамъ католической церкви. Духъ серьезности, который оживляетъ въ поэтическомъ произведеніи даже самыя грубыя описанія, часто необходимыя для пониманія героевъ, здѣсь отсутствуетъ совершенно, замѣнившись отвратительными протоколами, которые составляются иногда талантливыми судейскими и полицейскими чинами съ большимъ совершенствомъ и съ большей научною точностью, чѣмъ въ романѣ Золя. Безжизненно, сухо, ни проблеска поэтической фантазіи, даже не сладострастно, потому что, при мужицки уравновѣшенной душѣ и грубо здоровыхъ нервахъ, Золя не разжигается никакими проявленіями самой изступленной чувственности. Есть въ романѣ небольшая сцена, представляющая типическій образецъ художественной пустоты и плоскости, при всѣхъ натуралистическихъ притязаніяхъ автора. Направляясь къ своей комнатѣ, Пьеръ вдругъ остановился, не рѣшаясь идти дальше: онъ услышалъ глухой шумъ въ смежномъ салонѣ отъ сдавленныхъ голосовъ, шелеста платьевъ, толчковъ. Страстная мольба смѣнялась «бѣшеннымъ рычаніемъ». Когда онъ бросился туда, онъ остолбенѣлъ отъ удивленія. Даріо, обезумѣвшій отъ дикаго порыва страсти, держалъ Бенедетту за плечи, опрокинувъ ее на диванѣ и пытаясь насильно овладѣть ея тѣломъ. Посреди тоскливаго резонерства, растянутаго безъ малѣйшей жалости къ читательскому терпѣнію, эта «горячая» сцена, не подготовленная предыдущимъ разсказомъ, даетъ понятіе только о писательской распущенности самаго дурного тона. Можно, конечно, описывать все на свѣтѣ, но въ художественномъ произведеніи не должно быть никакой бездушной игры на чувствительныхъ нервахъ, дающихъ болѣзненную реакцію отъ всякаго грубаго прикосновенія. Вотъ почему эта сцена, въ которой нѣтъ ни единой психологической черты, несмотря на длинный разговоръ Бенедетты съ Пьеромъ, производитъ отталкивающее впечатлѣніе своимъ антипоэтическимъ характеромъ, грубою обнаженностью физіологическаго, животнаго элемента. Вообще, вся фигура Бенедетты не носитъ на себѣ никакихъ слѣдовъ настоящаго художественнаго творчества. Искусственно надуманная, аллегорическая, она до конца остается непонятною, неясною, тусклою, даже въ тотъ мо-

ментъ, когда она, въ чувственномъ экстазѣ, оголившись на глазахъ людей, съ нетерпѣливою поспѣшностью ложится на постель къ умирающему Даріо Бокканера и сама испускаетъ духъ отъ чрезмѣрныхъ физическихъ волненій. Она дала обѣтъ непорочной дѣвственности, пока не совершится окончательно ея разводъ съ графомъ Прада, пока не пробьетъ «священный часъ дозволеннаго блаженства»—и она передъ Богомъ въ правѣ будетъ принадлежать тому, кого любитъ. Но Даріо умеръ, поѣвъ отравленныхъ фигъ, предназначенныхъ для кардинала Бакканера, и вотъ Бенедетта, изнемогая отъ постигшаго ее несчастія, хочетъ въ послѣдній разъ насладиться любовью. Сцена эта описана подробно. Золя возвращается къ ней множество разъ, проводитъ предъ глазами читателя главныхъ героевъ разсказа, которые въ томъ или другомъ видѣ прославляютъ безграничный любовный энтузіазмъ Бенедетты. Сквозь длинныя описанія всѣхъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ ея смерть и послѣдовавшихъ за этой смертью, слышится самоувѣренное убѣжденіе автора, что здѣсь онъ показалъ себя первокласснымъ художникомъ, который можетъ дать плоть и кровь самой странной фантазіи. Золя, повидимому, кажется, что онъ очаровалъ читателя, нарисовавъ изступленіе любви въ образѣ красивой дѣвушки, которая напрасно берегла свою невинность, но въ послѣднюю рѣшительную минуту поняла преступную ошибку передъ всемогущей природой. Это чувствуется во всемъ: въ деталяхъ, въ нѣкоторыхъ отрывочныхъ словахъ, въ разговорѣ служанки Викторины съ Пьеромъ. Однако, это только пустая авторская иллюзія. Ничѣмъ психологически не подготовленная, сцена смерти Бенедетты, опять-таки, не овладѣваетъ нашей душой, возбуждая въ ней ощущеніе чего-то недосказаннаго, необъясненнаго, преувеличеннаго, ощущеніе безплодной утрировки въ романтическомъ стилѣ. Отдѣльными подробностями она даже шокируетъ наше эстетическое чувство, которое именно въ сферѣ любви требуетъ особенной правдивости и поэтической красоты. При всѣхъ его притязаніяхъ, художникъ остается вѣренъ своей натурѣ, предпочитая грубое изображеніе въ натуралистическомъ духѣ тонкой, почти неуловимой правдѣ чисто психологическихъ описаній. Изступленные выкрики Бенедетты въ тѣ нѣсколько мгновеній, когда она торопливой рукой срываетъ съ себя всѣ одежды, усиливая нервное возбужденіе, не даютъ читателю сосредоточиться на внутреннемъ художественномъ смыслѣ того, что происходитъ передъ его глазами...

Не создавъ типа въ лицѣ Бенедетты, Золя не съумѣлъ возбудить въ насъ симпатію и къ другой женской фигурѣ—Челіи Буонджіовани. Эта дѣвушка вдругъ влюбилась въ какого-то поручика, съ которымъ даже не была знакома. Говорили, что влюбленные, встрѣчаясь ежедневно на Корсо, могли только обмѣниваться взглядами. По своему высокому соціальному положенію, она могла бы расчитывать на бракъ съ самымъ

выдающимся человѣкомъ Италіи. Но здоровая природа, которая не справляется съ вопросами политики и княжескаго честолюбія, заволновалась въ ней предъ красивымъ поручикомъ Аттиліо, и Челія рѣшила настоять на своемъ. «Милая моя, говоритъ она Бенедеттѣ, я его *хочу*, я его буду *имѣть*». Она воспылала желаніемъ *обладать* Аттиліо, какъ только глаза ихъ встрѣтились. До поры до времени они еще не могутъ сойтись достаточно близко, и они отдаются другъ другу безмолвно, страстными взглядами, когда красивый поручикъ приходитъ смотрѣть на Челію къ пышному дворцу Буонджіовани. «Пьеръ увидѣлъ, какъ приподнялся слегка край гардины и показалось милое личико Челіи. Она не улыбалась и не дѣлала никакихъ движеній. Ничего нельзя было прочесть на ея закрытыхъ устахъ, въ ясномъ взглядѣ безконечно глубокихъ глазъ. Тѣмъ не менѣе, она какъ бы *брала* Аттиліо и сама *отдавалась* ему всецѣло... Гардина опустилась и Пьеръ взглянулъ на Аттиліо. Онъ стоялъ съ поднятой головой, съ неподвижнымъ, блѣднымъ лицомъ»... «Имѣть», «обладать», «она его брала» — никакихъ другихъ выраженій, болѣе тонкихъ, нѣжныхъ, болѣе содержательныхъ, способныхъ обнять не одну только физическую сферу. При этомъ Челія, какъ и Бенедетта, не живое, художественно нарисованное лицо, а только публицистическая аллегорія въ образѣ грубо здоровой, грубо страстной дѣвушки. Другія женскія фигуры романа почти не заслуживаютъ никакого вниманія. Служанка Викторина Боскэ, при нѣкоторой художественной живости, постоянно охлаждаетъ читателя безконечно длинными разсужденіями обо всемъ, даже о вопросахъ вѣры, и притомъ съ оттѣнкомъ легкаго французскаго позитивизма. Но и она понадобилась автору не сама по себѣ, какъ образъ простой и здоровой натуры, а именно какъ аллегорія. Несмотря на свое второстепенное положеніе въ романѣ, Викторина излагаетъ въ краткомъ діалогѣ наиболѣе глубокія убѣжденія Золя. Красавица Пьерина, высокая, крѣпкая, съ божественной грудью и большими наивными глазами, простая дѣвушка изъ бѣднѣйшихъ кварталовъ Рима, до сумасшествія влюбленная въ Даріо Бокканера, нарисована съ талантомъ. Не будучи аллегоріею, она понятнѣе другихъ женскихъ фигуръ, хотя, какъ уже сказано, значеніе ея для романа самое ничтожное. Таковы женскія лица «Рима». Но нельзя сказать, чтобы романъ Золя вообще блисталъ какими-нибудь настоящими художественными характеристиками, типическими фигурами людей, написанныхъ просто, безъ кричащихъ эффектовъ, изящно, незыблемо. Кардиналъ Бокканера, несмотря на всѣ свои трагическіе жесты, только пышная аллегорія, не подкупающая рѣшительно ничѣмъ. Что-то неестественно твердое, деревянное, неподвижное въ этомъ человѣкѣ вызываетъ критическія сомнѣнія читателя. Этотъ длинный разсказъ о его предкахъ, переполненный разными анекдотами въ бурно-романтическомъ стилѣ, невольно возбуждаетъ мысль, что



аллегорія писалась по книгамъ, по документамъ, безъ малѣйшаго творческаго вдохновенія, при обширномъ содѣйствіи вертящейся этажерки, но безъ участія поэтическаго воображенія. Почти такую же аллегорію представляетъ собою кардиналъ Сангвинетти, соперникъ Бокканеры въ притязаніяхъ на папскій престолъ. Эта фигура коварнаго интригана, съ политическими мечтаніями въ опортунистскомъ направленіи, только временами кажется живою, и надо допустить, что, создавая ее, Золя не такъ часто обращался къ услугамъ вертящейся этажерки. Будучи аллегоріей въ цѣломъ, Сангвинетти лишь отдѣльными своими чертами какъ-бы выступаетъ изъ узкой рамки тенденціознаго романа. Проще, лучше, глубже обрисованъ хитрый, но всемогущій прелатъ Нани, держащій въ своихъ рукахъ всѣ нити правительственной политики папы. Улыбка, фигура, походка, его вкрадчивый голосъ—все въ немъ дышитъ жизнью, при созиданіи которой—можно сказать съ увѣренностью—Золя совсѣмъ не прибѣгалъ къ полезнымъ услугамъ вертящейся этажерки. Только какія-нибудь живыя впечатлѣнія могли дать художнику тотъ матеріалъ, изъ котораго превосходно вылѣпилась эта фигура съ гибкими линіями и тонкою нервною организаціею. А за прелатомъ Нани слѣдуетъ аббатъ Папарели, секретарь кардинала Бокканера, донъ Виджиліо, Нарциссъ и другія дѣйствующія лица романа, иногда производящія впечатлѣніе живыхъ людей, хотя они и занимаютъ второстепенное мѣсто въ цѣломъ разсказѣ.

На этихъ фигурахъ держится все произведеніе. Но иногда Золя какъ бы оживляется и опытною рукою набрасываетъ на бумагу отдѣльныя картины и сцены, отличающіяся высокими поэтическими достоинствами. Книжный матеріалъ, только что открытый на вертящейся этажеркѣ, вдругъ получаетъ у него настоящую художественную обработку, достойную его огромнаго литературнаго таланта. Такъ, мы считаемъ истинно превосходнымъ весь эпизодъ съ отравленными фигами, которыя Сантобоно принесъ во дворецъ съ цѣлью окончательно устранить соперника Сангвинетти. Высокій и узловатый, какъ будто вырубленный топоромъ, въ черной сутанѣ, этотъ священникъ изъ Фраскатти производитъ трагическое впечатлѣніе, когда онъ появляется съ небольшою корзиною посреди безбрежной бурой Кампаньи. Подвигаясь впередъ мѣрнымъ и суровымъ шагомъ, онъ кажется олицетворенною судьбой, которую не остановятъ никакія силы. За этимъ эпизодомъ съ отравленными фигами слѣдуетъ описаніе роскошнаго бала во дворцѣ Буонджіовани, и надо сказать правду, что здѣсь декораторскій талантъ Золя является предъ нами въ полномъ сіяніи. Атмосфера парumаднаго вечера, насыщенная интригантствомъ, сплетнями, скрытыми и открытыми страстями, ревностью молодаго графа Прада и коварными замыслами прелата Нани, колышется предъ нами, какъ живая стихія. Ни одна подробность не лишена

интереса, діалоги кратки, мѣтки и выразительны. На этомъ праздничномъ вечерѣ прелатъ Нани передаетъ Пьеру оффиціальное приглашеніе въ папскій дворецъ — и мы уже видѣли, съ какимъ художественнымъ мастерствомъ Золя описываетъ и папу Льва XIII, и молодаго аббата, изливающаго передъ папою въ горячей рѣчи свои апостольскія мечтанія.

Такова художественная сторона романа, съ его достоинствами и недостатками. Но это только одна треть всего произведенія, залитая цѣлымъ моремъ литературныхъ документовъ, взятыхъ, какъ мы увидимъ ниже, изъ чужихъ книгъ и другихъ письменныхъ или устныхъ источниковъ. Съ первой до послѣдней страницы вы постоянно переходите отъ одного публицистическаго трактата къ другому, отъ разсужденія о церкви къ глубокомысленнымъ политическимъ соображеніямъ, которыя носятся надъ нами нестройными, безформенными массами, какъ разорванныя вѣтромъ тучи. Политическое резонерство смѣняется многочисленными выписками изъ историческихъ сочиненій, трактующихъ о современной Италіи въ экономическомъ и финансовомъ отношеніи. Съ тѣмъ же талантомъ, съ какимъ эти вопросы разрабатываются на столбцахъ европейскихъ газетъ, романистъ и выдающійся художникъ, всемірно популярный писатель обсуживаетъ ихъ на страницахъ своего романа. Цѣлые возы фактовъ проходятъ предъ глазами читателя, возбуждая его недоумѣніе. Чтобы написать романъ изъ римской жизни, Золя съѣздилъ въ столицу Италіи на пять недѣль и, сдѣлавъ тысячу справокъ въ разныхъ направленіяхъ, но ни на одну минуту не слившись съ римскомъ обществомъ, онъ вернулся къ своему рабочему столу и вертящейся этажеркѣ, увѣренный въ томъ, что всѣ приготовительныя стадіи пройдены съ настоящимъ успѣхомъ. А между тѣмъ въ романѣ, за вычетомъ указанныхъ сценъ и подробностей, слаба, поверхностна и банальна не только его философія, но и самая литературная манера Золя. Художественная концепція не выдерживаетъ строгой критики, архитектура романа, угловатая, грубая, поражаетъ пестротою внѣшняго стиля. Мертвенные пласты чужихъ знаній давятъ въ этомъ произведеніи все живое, не позволяя развернуться творческимъ силамъ писателя, заграждая дорогу его поэтическому воображенію. Вываленныя на страницы въ ихъ сыромъ, необработанномъ видѣ, знанія эти нисколько не освѣщаютъ разсказа, а какъ бы засыпаютъ его сухою пылью. Ничто не живетъ здѣсь настоящею художественною жизнью, потому что главныя событія романа развиваются не извнутри, потому что всѣ силы писателя уходятъ на то, чтобы собрать какъ можно больше документовъ и справокъ, а не на то, чтобы творить изъ себя, съ настоящею умственною свободою, не подгоняя своихъ впечатлѣній, знаній и наблюденій ни подъ какую условную тенденцію. Какъ и въ «Лурдѣ», настоящими поэтическими достоинствами отличаются въ «Римѣ» только немногія описанія

природы, отдѣльныя сцены, разныя романическія подробности второстепеннаго характера. Главная-же, философская идея романа выступаетъ въ крикливомъ резонерствѣ, безъ малѣйшихъ теоретическихъ глубинъ, безъ психологическихъ объясненій живыми примѣрами человѣческой жизни, посреди разбросанныхъ грудъ сыраго знанія, которое на его страницахъ даже не имѣетъ никакой оригинальной цѣнности, которое можно оспаривать у автора на достаточныхъ основаніяхъ, потому что оно не обработано его собственной рукой, потому что оно добыто самымъ легкимъ способомъ: механическими выписками изъ тѣхъ или другихъ книгъ, лежащихъ на вертящейся этажеркѣ...

## III.

Почти сейчасъ послѣ появленія, «Римъ» послужилъ предметомъ огромнаго литературнаго скандала. Одинъ французскій критикъ, Гастонъ Дешанъ, написалъ о немъ двѣ статьи [1]), стараясь доказать, что эрудиція Золя на этотъ разъ не отличается особенной полнотой. Даже больше того: Золя изображалъ Римъ, его нравы и папскій дворецъ, опираясь на чужія слова, не подвергая самостоятельной критикѣ и научному изученію настоящіе литературные источники предмета. Съ рабскою зависимостью онъ слѣдуетъ по стопамъ разныхъ авторовъ, не обращаясь къ классическимъ писателямъ, которые собирали на мѣстахъ документы, изучали многіе годы исторію Рима во всѣхъ возможныхъ отношеніяхъ. Дешанъ подкрѣпляетъ свое обвиненіе цитатами изъ «Рима» и параллельными выписками изъ тѣхъ сочиненій, которыя, по его словамъ, лежали на рабочемъ столѣ Золя. При внимательномъ сличеніи, очень многія характерныя подробности въ «Римѣ» оказываются не больше, какъ механически сдѣланными копіями съ чужихъ оригиналовъ не всегда первокласснаго достоинства. Иногда чужая мысль выплываетъ въ романѣ Золя въ тѣхъ-же фразахъ, въ какихъ она впервые стала извѣстна читающему міру, безъ единаго новаго оттѣнка, безъ малѣйшей стилистической передѣлки. Иногда Золя съ ученымъ видомъ знатока предмета дѣлаетъ очень важныя критическія замѣчанія объ отдѣльныхъ фактахъ папской политики, но при нѣкоторомъ знакомствѣ съ извѣстными историческими сочиненіями оказывается, что онъ не обнаруживаетъ при этомъ ни малѣйшей умственной самостоятельности, что онъ слѣпо довѣряется чужому знанію, не критикуя его, не добавляя къ нему ни единой оригинальной черты. Такъ, напр., рисуя демократическую политику Льва XIII, Золя (устами аббата Пьера) подкрѣпляетъ свои слова ссылками на слѣдующія четыре энциклики: Immortale Dei, Libertas, Sapientiae, Rerum novarum. Именно объ этихъ-же энцикликахъ, въ томъ-же порядкѣ рас-

[1]) «Le Temps», 1896, 17 Mai, «Les trois villes», и 24 Mai «Les fiches de m. Emile Zola».



положенія, говорится въ недавно напечатанномъ произведеніи «Le Vatican, les papes et la civilisation, le gouvernement central de l'Eglise, 1895». Ни единаго новаго слова, ни малѣйшаго налета настоящаго критическаго духа, предпочитающаго литературные источники всякаго рода компиляціямъ. «Какое разочарованіе!—ехидно восклицаетъ Дешанъ,—для тѣхъ, которые до сихъ поръ думали, что творецъ Ругоновъ постоянно обставляетъ себя лучшими документами». Задавшись мыслью написать романъ изъ римской жизни, онъ обратился даже не къ сочиненіямъ такихъ авторитетовъ, какъ Ранке и Грегоровіусъ, а къ писателямъ новѣйшаго времени, къ сочиненію, только что напечатанному, но за то снабженному необходимыми иллюстраціями. Работать надъ текстомъ, взвѣшивать каждое слово, останавливать полетъ фантазіи, когда надо вытаскивать изъ-подъ архивной пыли ни кѣмъ не читаемые фоліанты, медленно подвигаться впередъ, контролируя каждое свое наблюденіе—pas si bête! Развѣ не достаточно обратиться къ Ларуссу, къ Бэдекеру, къ превосходной компилятивной работѣ Гойо, гдѣ уже собраны всѣ необходимые историческіе «документы»?..

Вотъ какія неожиданныя обвиненія посыпались на знаменитаго романиста со стороны критика, котораго онъ однажды самъ обласкалъ въ чрезмѣрно комплиментарномъ письмѣ по поводу одной его сочувственной рецензіи. Но обвиненія Дешана попали въ цѣль—и, взбѣшенный дикой смѣлостью невѣдомаго газетнаго критика, Золя разразился отвѣтною полемическою статьею, написанною съ яростью оскорбленнаго въ своихъ законныхъ правахъ президента литературной республики. Приведемъ эту статью цѣликомъ, въ буквальномъ переводѣ, сохраняя его колоритъ, не выпуская ни единой буквы:

## Права романиста [1]).

Итакъ, нашелся таки господинъ, которому нужно было обвинить меня по поводу «Рима» въ плагіатѣ. Я ждалъ такого господина. Онъ былъ неизбѣженъ. Стоитъ-ли называть его! Это сама зависть и ничтожество, посредственный кропатель изъ тѣхъ, которые загораживаютъ дорогу сильнымъ, библіотечная крыса, старающаяся подкопаться подъ людей, обнаруживающихъ умственную производительность. Не одинъ—такъ другой. Имя ему—зложелательство или глупость. Предоставимъ его собственному ничтожеству. О, вредить—ради одного только удовольствія вредить, оплевать произведеніе ради удовольствія загрязнить его! Сказать себѣ: «ты знаменитъ, тебя покупаютъ, ты для меня невыносимъ, я замараю тебя, и какая была-бы дикая радость, если-бъ ты лопнулъ отъ этого!» Не имѣть даже въ сердцѣ какого-нибудь прекраснаго пристрастія, свойственнаго философу или артисту, но наброситься на книгу низкимъ, грязнымъ образомъ, какъ тать изъ-за угла, какъ гадюка бросается на льва! Сдѣлаться убійцею, выбравъ случай, подстороживъ часъ, притаившись въ

[1]) Le Figaro, № 158, 6 Iuin 1896.



углу литературнаго лѣса, выждавъ врага и всадивъ ему ножъ въ спину именно тогда, когда думаешь, что рана будетъ особенно ядовита и смертельна. Такова прекрасная роль этого господина. Къ счастью, если его желаніе было смертоносно, раны, имъ нанесенныя, могутъ дать только славу и здоровье сильнымъ. Убивайте, убивайте, немощные и завистливые люди! Это даетъ крѣпость нашимъ легкимъ и радость.

Господинъ, весьма ученый, вышедшій, вѣроятно, изъ Школы, въ которой все знаютъ, совершилъ прекрасное открытіе, что я прочелъ компиляцію о Ватиканѣ, сдѣлалъ оттуда выписки и воспользовался ими, когда писалъ «Римъ». Рѣчь идетъ объ очень объемистомъ и превосходномъ сочиненіи, выпущенномъ издателями Ферменъ-Дидо. Полное заглавіе его: «Ватиканъ, папы и цивилизація». Это коллективный трудъ, къ которому кардиналъ Бурре написалъ предисловіе, а г. Мельхіоръ де-Вогюе—эпилогъ. Онъ заключаетъ въ себѣ, во-первыхъ, двѣ превосходныхъ работы Жоржа Гойо объ исторіи папства и о центральномъ управленіи церкви, во-вторыхъ, интересный трудъ г. Андрэ Ператэ о папахъ и искусствѣ и, наконецъ, нѣсколько весьма содержательныхъ страницъ г. Поля Фабра о библіотекѣ Ватикана. Эти господа—бывшіе ученики нашей римской Школы, и издатель, поставившій себѣ цѣлью выпустить прекрасную популярную книгу для публики, не могъ выбрать лучшихъ авторовъ. Прибавлю, что это произведеніе полно отличныхъ гравюръ, причемъ многія даже въ краскахъ, и что въ общемъ оно составляетъ прекрасную книгу для подарка—лучшую награду, какую наши лицеисты могутъ надѣяться получить за успѣхи въ наукахъ. И надо признаться,—я прочелъ съ большимъ вниманіемъ совершенное въ своемъ родѣ обозрѣніе общей исторіи папства, сдѣланное Гойо. Предполагая, что я воспользовался также страницами объ управленіи церкви того-же автора и изслѣдованіемъ г. Ператэ о папахъ и искусствѣ, этотъ господинъ ошибается: у меня былъ гораздо лучшій матеріалъ, и я сейчасъ назову его. Но несомнѣнно, что было-бы трудно найти лучшее обозрѣніе исторіи, чѣмъ то, которое сдѣлалъ Гойо, и я былъ очень счастливъ, что могъ воспользоваться его трудомъ, послѣ того, какъ перебралъ нѣсколько другихъ, не отличающихся ни такой сжатостью, ни такою полнотой. Теперь я вынужденъ лишній разъ повторить, какова метода моей работы. Впрочемъ, я расширю вопросъ. Рѣчь идетъ не обо мнѣ одномъ, а о романистѣ вообще, который претендуетъ все видѣть и обо всемъ говорить. Огромный міръ лежитъ передъ глазами. Нѣтъ такого сюжета, котораго нельзя было-бы коснуться, и романистъ долженъ заниматься исторіей, философіей, наукой, обращаться ко всѣмъ профессіямъ и вникать въ самыя разнообразныя дѣятельности. Я хочу этимъ сказать, что, согласно моей общей идеѣ о современномъ романѣ, художникъ долженъ обладать универсальными знаніями. Конечно, желая захватить цѣлое человѣчество въ серію своихъ произведеній, онъ ставитъ себѣ задачу громадную, беретъ на себя подавляющія обязанности. Но, съ другой стороны, нужно признать, что это даетъ ему нѣкоторыя права—права, признаваемыя простымъ здравымъ смысломъ и нѣсколько облегчающія его чудовищный трудъ. Это—права романиста. Я снова провозглашаю ихъ сегодня съ властною силою. Что касается меня, то я долженъ сказать, что моя метода никогда не измѣнялась, со времени перваго написаннаго мною романа. Я признаю вполнѣ законными три источника художественнаго освѣдомленія: книги, открывающія предо мною прошедшее, свидѣтели, доставляющіе мнѣ—либо въ писанныхъ документахъ, либо въ живомъ разговорѣ—матеріалъ о томъ, что они видѣли и что они знаютъ и, наконецъ, личныя непосредственныя наблюденія надъ тѣмъ, что можно видѣть, слышать и чувствовать на мѣстѣ. Приступая къ каждому новому роману, я окружаю себя цѣлою библіотекою книгъ, относящихся къ трактуемому сюжету. Я опрашиваю всѣхъ компетентныхъ людей, съ которыми могу вступить въ

сношенія. Я предпринимаю путешествія, чтобы видѣть страны, людей и нравы. Если есть еще четвертый источникъ, пусть мнѣ укажутъ его,—я немедленно обращусь къ нему. Можно-ли сказать что-нибудь болѣе ясное, болѣе естественное? Можно-ли требовать, чтобы я зналъ все? Это не есть мое дѣло—дѣло романиста, и, какъ я покажу ниже, не есть моя настоящая задача. Итакъ, когда я приступаю къ какому-нибудь новому сюжету, мнѣ остается только одно—изучить его, пріобрѣсти спеціальныя знанія, необходимыя для его разработки. И еще разъ повторяю: рѣчь идетъ не о томъ, чтобы стать ученымъ, дѣлать открытія, пользуясь уже извѣстными истинами, а просто о томъ, чтобы знать ту почву, на которой возводишь новую гипотезу.

Подумалъ-ли кто-нибудь, сколько я долженъ былъ перерыть съ тѣхъ поръ, какъ написалъ первый эпизодъ изъ моихъ «Ругонъ-Маккаровъ»? И какъ можно желать, чтобы я жилъ только самимъ собой, чтобы я не черпалъ матеріаловъ для такого построенія—во всемъ, что меня окружаетъ? Для исторической части «Карьеры Ругоновъ» я обращался къ книгѣ Тено о трагическихъ событіяхъ, происходившихъ въ Варѣ, въ декабрѣ 1851 года. Затѣмъ помню, что Жюль Ферри снабдилъ меня замѣтками, которыя были мнѣ нужны, чтобы возстановить въ «La Curée» всѣ трансформаціи Парижа барона Госмана. Максимъ дю-Канъ былъ мнѣ полезенъ для «Чрева Парижа». Но его книга была очень не полна. Я долженъ былъ самъ рыться въ бумагахъ разныхъ административныхъ учрежденій. А для «La faute de l'abbé Mouret»—какія изысканія въ сочиненіяхъ испанскихъ мистиковъ, какая непрерывная работа надъ «Церемоніаломъ деревенскихъ приходовъ», какое изученіе мессы по латинскимъ сочиненіямъ, которыя мнѣ стоило, Богъ знаетъ, чего добывать! Я не говорю о романѣ «Son Excellence Eugène Rougon», политическая часть котораго заставила меня, однако, проводить долгіе часы въ библіотекѣ Palais-Bourbon. Перехожу къ «L'Assommoir», для котораго книга г. Дени Пуло «Le Sublime» дала мнѣ нѣкоторыя спеціальныя знанія. Авторъ, жившій одно время съ рабочими механиками, разсказывалъ въ своей книгѣ нѣкоторые правдивые анекдоты, воспроизводилъ типы, устанавливалъ статистику, и такъ какъ здѣсь не было никакого участія воображенія, никакого творчества, я счелъ возможнымъ взять оттуда нѣсколько фактовъ, какъ взялъ-бы ихъ изъ простой исторической реляціи. Книга содержала въ себѣ даже списокъ нѣкоторыхъ ходячихъ прозвищъ, откуда я заимствовалъ прозвище Bibi-la-Grillade и Mes-Bottes,—такъ-же, какъ я заимствовалъ изъ календаря собственныя имена моихъ героевъ. Смерть Купо въ припадкѣ бѣлой горячки есть текстуальное воспроизведеніе одного клиническаго наблюденія, сдѣланнаго въ Sainte-Anne. Пропустимъ также «Нана» и «Pot-Bouille»—и, однако, какая масса справокъ всѣхъ видовъ! Пропустимъ «Au bonheur des dames», для котораго меня снабдилъ документами г. Шошаръ и администраторы Bon Marché, и перейдемъ къ «La joie de vivre», въ которомъ вся спеціальная часть о водоросляхъ и фабрикаціи брома была сообщена мнѣ ученымъ, г. Эдмономъ Перрье. Не говорю уже о подагрѣ стараго Шанто и о драматическихъ родахъ Луизы, которые мнѣ также пришлось изучать по книгамъ. Затѣмъ «Жерминаль»—цѣлый новый міръ, цѣлая техническая наука, для изученія которой я долженъ былъ собрать огромную груду спеціальныхъ трактатовъ, опрашивать массу инженеровъ. И затѣмъ, послѣ «La Terre», послѣ «Le Rêve», послѣ «La bête humaine», требовавшихъ каждый разъ спеціальныхъ изысканій, эти «Деньги»—книга, надъ которой я всего больше ломалъ голову, посреди цѣлаго хаоса документовъ, доставленныхъ биржевиками—документовъ, до того одуряющихъ, что я до сихъ поръ не понимаю, какъ я могъ разобраться въ нихъ. Наконецъ, вотъ «La Debâcle», для котораго я долженъ былъ обслѣдовать болѣе сотни различныхъ сочиненій о войнѣ, всѣ рапорты начальниковъ частей, цѣлую библіо-

теку, которую я ни на минуту не оставлялъ и отдѣльные томы которой я держалъ на вертящейся этажеркѣ подлѣ моего письменнаго стола, всегда подъ рукою. И какое облегченіе, когда я могъ закончить серію романомъ «Le Docteur Pascal», для котораго мой добрый другъ, докторъ Maurice Le Fleury, составилъ по частямъ замѣчательную медицинскую концепцію сна, включенную мною въ эту книгу. Помощники—о, да! Я ихъ хотѣлъ, я ихъ искалъ, я ихъ находилъ. Одинъ изъ моихъ вѣрнѣйшихъ и стариннѣйшихъ друзей, Францъ Журденъ, архитекторъ, даетъ мнѣ совѣты, когда мнѣ предстоитъ написать страницу, касающуюся архитектуры. Анри Сеаръ снабжалъ меня свѣдѣніями о музыкѣ. Одинъ изъ моихъ старыхъ и добрыхъ друзей. Тьебо, очень начитанный въ вопросахъ права и правонарушеній, даетъ мнѣ маленькую консультацію, когда мнѣ представляется случай говорить о какой-нибудь процедурѣ—контрактѣ, продажѣ, завѣщаніи. Но болѣе всего я злоупотреблялъ любезностью ученыхъ и медиковъ. Я никогда не касался ни одного вопроса науки, не говорилъ ни объ одной болѣзни, не взбудораживъ весь факультетъ. При этомъ, я строго держался принципа литературнаго права. Повторяю: я не ученый, я не историкъ, я—романистъ. Все, чего отъ меня могутъ желать—это, чтобы я отправлялся отъ извѣстнаго, солидно устанавливалъ почву, на которой я держусь. И вотъ именно поэтому-то я обставляю себя документами, пользуюсь неизбѣжными источниками. Моя функція начинается только за этимъ, и она состоитъ въ томъ, чтобы создавать жизнь изъ всѣхъ элементовъ, которые я беру на мѣстахъ. Вопросъ заключается только въ томъ, съумѣлъ ли я собрать о сюжетѣ все, что витаетъ въ воздухѣ современности, съумѣлъ ли я твердой рукой выбрать и связать въ одинъ снопъ, воспроизвести, резюмировать и возсоздать вещи и существа настолько, чтобы выразить гипотезу будущаго. Не я ли вдохнулъ душу въ моихъ героевъ, не я ли создалъ весь этотъ міръ, не я ли поставилъ подъ солнечный свѣтъ существа изъ мяса и крови, которыя будутъ жить до тѣхъ поръ, пока живъ человѣкъ? Если да,—моя обязанность исполнена, и никому нѣтъ дѣла до того, гдѣ я взялъ мою глину.

Когда Флоберъ, послѣ цѣлыхъ мѣсяцевъ бѣшенныхъ поисковъ, находилъ, наконецъ, всѣ документы для своего произведенія, онъ чувствовалъ къ нимъ только величайшее презрѣніе. Я питаю къ нимъ тоже полное презрѣніе. Мои замѣтки являются для меня только камнями, которыми артистъ долженъ располагать по своему усмотрѣнію, въ тотъ часъ, когда приступитъ къ своей постройкѣ. Я безъ всякаго смущенія допускаю сознательную неточность, когда въ ней представляется необходимость, когда этого требуетъ конструкція. У меня только одна цѣль: жизнь, и я ищу истины, только потому что она рождаетъ жизнь. Несомнѣнно, что это весьма расширенное представленіе о романѣ, и я признаю, что романы въ тѣсномъ смыслѣ слова—адюльтеръ, любовное приключеніе, простая живопись съ изображеніемъ заблужденій или пороковъ—не требуютъ такой жадности въ обоснованіи документами. Свои притязанія приходится оплачивать,—но это въ порядкѣ вещей. Впрочемъ, еслибы было принято указывать на источники въ романѣ, я охотно испещрилъ-бы ссылками низы моихъ страницъ. И если случается, что въ моемъ произведеніи гдѣ нибудь сохраняется строка моего собрата, это доказываетъ только отсутствіе лицемѣрія, которое должно было-бы побуждать меня скрывать заимствованіе, чтó было-бы такъ легко сдѣлать. Когда мастера ренессанса, великіе творцы, покрывали своимъ гигантскимъ творчествомъ цѣлыя зданія, они пользовались помощью другихъ. Они имѣли при себѣ цѣлыя полчища учениковъ, которые смѣшивали краски, исполняли приготовительную работу. И поэтому-то они и были истинными мастерами.

Однако, этотъ господинъ, жертва моихъ прегрѣшеній, съумѣлъ указать одного только Гойо. Право, это немного. Я ожидалъ большаго отъ ученика Школы, въ которой все знаютъ и гдѣ нарочно притворяются иногда незнающими, стыдясь своего

всезнайства. Онъ меня огорчаетъ, этотъ господинъ, потому что онъ скомпрометировалъ свои познанія. Но если ужъ на то пошло, я самъ выведу его на истинную дорогу. Вотъ нѣкоторыя изъ книгъ, которыя помогли мнѣ создать «Римъ». Прежде всего: объемистая книга «Католическій соціализмъ» г. Нитти, итальянское сочиненіе, французскій переводъ котораго появился какъ разъ въ то время, когда я принимался за работу. Это произведеніе весьма замѣчательное, весьма полное, изъ котораго я заимствовалъ почти цѣликомъ книгу моего аббата Пьера, и весьма возможно, что въ этой книгѣ найдутся обрывки французскаго перевода, потому что я не потрудился даже очистить отъ нихъ мои страницы. Я только резюмировалъ, сопоставлялъ, воссоздавалъ. Затѣмъ, по вопросу о католическомъ соціализмѣ вотъ цѣлая серія сочиненій, къ которымъ я обращался, не безъ пользы для себя: «Le Siècle et l'Eglise, conférences et discours de Mgr Ireland», «Le cardinal Manning», аббата Лемира, «L'Eglise catholique et la liberté aux Etats-Unis», виконта де-Мо, «Le Pape, les catholiques et la question sociale», Леона Грегуара, «Le socialisme contemporain», аббата Винтерера. Я принужденъ ограничиться приведеннымъ. На эту тему существуетъ безчисленное множество сочиненій. Но другой источникъ, къ которому я ежедневно обращался и гдѣ нашелъ истинныя сокровища свѣдѣній, это книга, написанная Феликсомъ Гримальди, заглавіе которой слѣдующее: «Les congrégations romaines, guide historique et pratique». Безъ этой книги я бы, конечно, заблудился въ лабиринтѣ римской куріи. Я думаю, что эту книгу было бы безполезно отыскивать въ Парижѣ, хотя она написана по-французски. Она была напечатана въ Сіеннѣ, въ 1890 году, въ типографіи Сен-Бернардина, и хотя авторъ самъ достопочтенный прелатъ, но конгрегація Индекса немедленно возбудила противъ него преслѣдованіе и осудила его книгу, потому что онъ разоблачилъ въ ней тайныя интриги папской администраціи, которыя должны быть ограждены отъ міра молчаніемъ и тьмой. Прибавлю, что я сильно заподазриваю г. Гойо въ томъ, что онъ внимательно прочелъ эту книгу прежде меня, когда писалъ свой этюдъ о центральномъ управленіи церкви, составляющій только болѣе отчетливое и болѣе изящное резюме этой книги. Мнѣ понадобился бы цѣлый столбецъ этой газеты, чтобы только назвать произведенія о папскомъ Римѣ: «Le Conclave Le Leon XIII», Рафаэля де Сезара, полное интересныхъ подробностей, «Vita del sommo pontefice Léone XIII», Карла Марини—превосходная работа, «Album illustrato della Vera Roma», гдѣ имѣются портреты и біографіи кардиналовъ, которые весьма пригодились мнѣ, «Diario romano per l'anno del Signore 1894», простой календарь, дающій день за днемъ описанія религіозныхъ церемоній въ четырехъ стахъ церквахъ Рима. Не забудемъ также «Index librorum prohibitorum», изданіе 1891 года, отпечатанное въ типографіи Пропаганды, по которому я могъ изучить правила, декреты и замѣчанія, опубликованныя различными папами, запрещающія по категоріямъ разныя зловредныя книги. Упомяну еще цѣлую коллекцію латинскихъ мемуаровъ, представленныхъ въ конгрегацію совѣта по процессамъ о расторженіи брака—мемуаровъ, которые мнѣ было очень трудно достать и которые позволили мнѣ обрисовать расторженіе церковнаго брака моей Бенедетты, не прибѣгая ни къ какимъ измышленіямъ. Теперь нужно было бы перечислять столько же произведеній, касающихся античнаго Рима. Но допустимъ, что я читалъ по преимуществу весьма изысканные этюды Гастона Буассье,—и я чувствую, насколько это признаніе убійственно для меня, потому что оно лишній разъ показываетъ низменное искательство въ моемъ стремленіи проникнуть въ Академію. Затѣмъ слѣдуетъ серія томовъ объ Итальянскомъ Римѣ, объ Италіи временъ Кавура, Гарибальди и Виктора-Эммануила: «L'Italie telle qu'elle est», Ксавье Мерлино, «Gli avvenimenti di Sicilia», Наполеона Колайянни, «Rome aprés 1870», Феликса Гримальди, «La Société de Rome», графа Поля Вазили и еще столько другихъ.

Затѣмъ—книги, столь содержательныя и столь остроумныя, нашего собрата Анри де Гу, разсказы всѣхъ видовъ, простыя журнальныя статьи, чтобы не забыть при этомъ маленькую брошюру г. Робинэ де Клери: «Les Crimes d'empoisonnement», которая послужила мнѣ для моего эпизода съ отравленными фигами. Вотъ я думаю—цѣлая задача для этого господина, если онъ хочетъ заняться сличеніями. И сколько еще другихъ сочиненій. А это все только документы, извлеченные изъ книгъ, потому что, еслибы мы коснулись документовъ, доставленныхъ очевидцами, которые я назвалъ бы устными документами, мы никогда не кончили бы. Такъ въ третье посѣщеніе Ватикана я былъ удостоенъ сопровожденія нашего извѣстнаго художника Гебера и г. Бернабея, директора раскопокъ, которому угодно было дать мнѣ весьма полезныя объясненія. Точно также Сикстинскую капеллу, ложи Рафаэля и античный музей я посѣтилъ въ сопровожденіи г. Гебера. Но я останавливаюсь. Было-бы, конечно, нескромно называть министровъ, которые такъ любезно предоставили себя къ моимъ услугамъ, начальниковъ всѣхъ видовъ, которые захотѣли давать мнѣ личныя объясненія при посѣщеніи салоновъ Рима, куда я былъ допущенъ,—говорить обо всемъ этомъ доброжелательствѣ, которое дало мнѣ возможность въ пять недѣль изступленнаго труда совершить самыя широкія изысканія.

Случилось, однажды, что одинъ изъ моихъ друзей назвалъ меня акулой. Я долго недоумѣвалъ, принять ли это за оскорбленіе или за комплиментъ. Итакъ,—акула, которая слѣдуетъ за кораблемъ и все пожираетъ. Что-жъ? Акула—въ сущности, это лестно. Да, да, я горжусь этимъ, я хочу быть акулой—акулой, которая пожираетъ свою эпоху. Это мое право, и если я, дѣйствительно, таковъ, это будетъ моей славой. Великій творецъ не имѣетъ другого назначенія, какъ проглотить свой вѣкъ, чтобы затѣмъ воспроизвести его и дать ему новую жизнь. Въ самомъ дѣлѣ, когда этотъ господинъ направляетъ противъ меня обвиненіе въ плагіатѣ, могу ли я не пожимать плечами? Я отдалъ уже болѣе 30 лѣтъ моей жизни творчеству и дѣти, изошедшія изъ меня, всѣ налицо,—ихъ болѣе тысячи. И страницы, и страницы, цѣлый міръ людей и фактовъ... Развѣ я не доказалъ въ достаточной степени моей производительности въ созиданіи людей? Недостаточно-ли обширна моя семья, чтобы меня не разбиралъ смѣхъ, когда я слышу обвиненіе въ томъ, что я ворую дѣтей у другихъ? Полноте, полноте, маленькій господинъ! Вы можете говорить, что я до всего жаденъ и что я все пожираю, но вы никогда никого не заставите вѣрить, что эта туча дѣтей принадлежитъ не мнѣ!

**Эмиль Золя.**

## IV.

На этотъ грозный полемическій отвѣтъ Гастонъ Дешанъ возразилъ небольшою газетною замѣткою, написанною съ литературнымъ достоинствомъ: «Если-бы я оскорбилъ Золя,—говоритъ Дешанъ,—онъ, навѣрно, отнесся-бы ко мнѣ съ нѣкоторымъ философскимъ спокойствіемъ. Я считалъ моимъ долгомъ ссылаться только на неопровержимые факты, и не моя вина, что Золя огорчился». Въ самомъ дѣлѣ, гнѣвъ романиста достигаетъ здѣсь, какъ мы видѣли, крайняго предѣла. Выкладывая доказательства своей многосторонней начитанности, онъ при этомъ, быть можетъ, незамѣтно для самого себя, впадаетъ въ идолопоклонство передъ собственнымъ талантомъ и литературною образованностью. Съ «властною силою» онъ даетъ понять, что начертанная имъ программа творче-

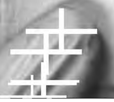
ства не терпитъ никакихъ измѣненій и возраженій. Какъ нѣкій полубогъ, онъ съ презрѣніемъ выслушалъ придирчивыя замѣчанія малосильнаго критика и затѣмъ далъ ему отпоръ властною рукою, которая умѣетъ наносить оглушительные удары. Скептически настроенные люди усомнились въ обширности его ученой эрудиціи, и Золя съ полемическимъ блескомъ, взбудораживъ вниманіе цѣлаго міра читателей, убѣдительно доказалъ, что на его вертящейся этажеркѣ лежали десятки книгъ, когда онъ писалъ свой романъ—послѣ пяти недѣль изступленнаго труда и самыхъ широкихъ изысканій въ столицѣ Италіи. Съ такою горячностью защищается знаменитый французскій писатель противъ невинныхъ замѣчаній газетнаго критика. Гастонъ Дешанъ не возбудилъ никакихъ теоретическихъ вопросовъ, но Золя, какъ опытный боецъ, хорошо понимаетъ, что всякаго противника легче всего привести въ замѣшательство внезапнымъ, смѣлымъ заявленіемъ какихъ-нибудь важныхъ литературныхъ принциповъ, которые непремѣнно должны быть приняты во вниманіе при оцѣнкѣ настоящаго случая. Но мы сами оставимъ безъ разсмотрѣнія книжную начитанность Золя и сосредоточимся на идейной сторонѣ этого страннаго манифеста. Не подлежитъ сомнѣнію, что Золя не совершилъ никакого плагіата, что произведеніе его, слабое въ художественномъ отношеніи, растянутое при помощи сырыхъ матеріаловъ, серьезно не возбуждаетъ ни въ комъ вопроса о литературной собственности. Какова-бы ни была примитивность научныхъ пріемовъ Золя въ пользованіи обнародованными документами, доходящая до механическихъ перепечатокъ чужихъ фразъ и даже цѣлыхъ историческихъ разсужденій, безъ признака собственнаго критическаго анализа, нельзя не видѣть, что все существенное въ его новомъ романѣ—фигуры, любовная концепція, художественныя описанія, тенденція—носитъ на себѣ яркую печать его литературной индивидуальности. Его философія тутъ вся налицо. При нѣкоторомъ знакомствѣ съ его огромною литературною дѣятельностью, трудно смѣшать Золя съ кѣмъ-нибудь изъ новѣйшихъ французскихъ писателей. Умъ его имѣетъ свои типическіе признаки, которые выступаютъ даже въ самыхъ слабыхъ его произведеніяхъ съ необычайною рельефностью. Этотъ ровный, твердый стиль, часто грубо неряшливый, но мѣстами захватывающій своимъ стихійнымъ краснорѣчіемъ, вспышками яркой поэзіи, составляетъ неотъемлемую принадлежность всѣхъ его романовъ. А холодная мысль, неизмѣнно влекущаяся ко всему житейскому, развертывающая свои настоящія силы только въ союзѣ съ пестрыми впечатлѣніями соціальнаго характера, сквозитъ изъ каждой написанной имъ строки, часто заставляя забывать объ интересахъ высшаго идеалистическаго порядка. Нельзя смѣшать Золя ни съ кѣмъ, въ особенности теперь, потому что онъ одинъ, при огромномъ талантѣ, съ необычайнымъ упорствомъ продолжаетъ идти впередъ въ старомъ реалистическомъ те-



ченія, которое уже не охватываетъ всей современной жизни съ ея психологическими запросами. Не уступая вѣку, онъ продолжаетъ свою литературную пропаганду съ прежнею отвагой. Никакого компромисса, ни малѣйшей измѣны натуралистическимъ преданіямъ, потому что нѣтъ иной философіи, пригодной для жизни, кромѣ позитивизма! Этимъ идейнымъ упорствомъ проникнуты его два послѣднихъ романа, и только сдѣлавшись полубогомъ въ собственныхъ глазахъ, Золя могъ съ удовлетвореніемъ отойти отъ рабочаго стола, когда уже были дописаны послѣднія страницы «Рима». Не понять, что романъ этотъ плохъ въ художественномъ отношеніи, не имѣть въ себѣ настолько самокритики, чтобы не видѣть его огромныхъ недостатковъ, дойти до такого комическаго самообожанія, чтобы похваляться предъ публикою вертящеюся этажеркою, прочитанными книгами, отъ которыхъ уродливо разбухло все его произведеніе—вотъ что значитъ быть не господиномъ, а рабомъ своихъ словъ, своихъ манифестовъ, своей умственной инертности. Только сдѣлавшись полубогомъ въ своихъ собственныхъ глазахъ, можно думать, что фразы, мертвыя въ чужихъ произведеніяхъ, оживутъ новою, свѣтлою, яркою жизнью, если будутъ механически перепечатаны въ собственномъ романѣ. Забыться въ полемическомъ экстазѣ до того, чтобы начать раскладывать *всѣ* элементы, изъ которыхъ составился его новый романъ,—какъ будто рѣчь идетъ не объ органическомъ, художественномъ явленіи, а о какомъ-нибудь фабричномъ издѣліи. Показывать лѣса, глину, сырые матеріалы и затѣмъ съ паѳосомъ говорить: вотъ изъ чего я создаю,—какъ будто литературное творчество то-же самое, что механическая работа мертвой машины.

Но обратимся къ разсужденіямъ манифеста, выраженнымъ съ такою властною силою. Золя указываетъ на три источника художественнаго освѣдомленія: книги, свидѣтели и личныя непосредственныя наблюденія. Никакого другого источника онъ не знаетъ—и по ехидству, съ которымъ онъ взываетъ о помощи, можно думать, что на этотъ разъ незнаніе его полное, искреннее, слѣпое и въ слѣпотѣ своей самоувѣренное. Если уложить на вертящуюся этажерку главныя компилятивныя сочиненія по извѣстному вопросу, если взбудоражить при этомъ цѣлый факультетъ и затѣмъ получить необходимыя личныя впечатлѣнія на мѣстѣ, опытный романистъ можетъ безбоязненно приступить къ своей писательской работѣ. Три источника художественнаго освѣдомленія исчерпаны, а четвертаго нѣтъ. Для изображенія религіознаго экстаза, какъ въ «Лурдѣ», достаточно собрать всѣ существующія печатныя свѣдѣнія о Лурдской пастушкѣ Бернадеттѣ, опросить нѣкоторыхъ очевидцевъ лурдскихъ чудесъ, затѣмъ съѣздить въ Лурдъ,—и все необходимое сдѣлано, чтобы написать романъ въ старомъ духѣ, но съ новыми жизненными документами. Три источника художественнаго освѣдомленія исчерпаны, а четвер-

таго нѣтъ. Если для продолженія идейной картины «Лурда» понадобилось представить тайныя пружины католической церковности, которая органически слилась съ Римомъ въ сложномъ развитіи его культурныхъ и нравственныхъ силъ, достаточно положить на вертящуюся этажерку пять-шесть сочиненій общеисторическаго характера, изъ тѣхъ, которыми одаряютъ лицеистовъ за успѣхи въ наукахъ, нѣсколькъ разъ побывать въ Сикстинской капеллѣ, взойти на Пинчіо, пошататься съ гидомъ внутри и около Колизея, прослушать одну торжественную мессу въ базиликѣ святого Петра—и дѣло готово. Три источника художественнаго освѣдомленія исчерпаны, а четвертаго нѣтъ. Вотъ какъ пишутся романы въ реалистическомъ направленіи. Но мы осмѣливаемся думать, что Золя находится во власти грубаго заблужденія, что, перечисляя источники своей собственной литературной производительности, онъ при этомъ не указалъ на самый главный. Издавая манифестъ о правахъ романиста, онъ не обмолвился ни единымъ словомъ о томъ, что составляетъ настоящее преимущество художника передъ компиляторомъ, который ничего не создаетъ и потому ограничиваетъ свою работу собираніемъ и накопленіемъ книгъ для необходимыхъ перепечатокъ чужихъ мыслей въ добровѣстныхъ кавычкахъ или въ переложеніи собственными словами. О *творческомъ* актѣ въ этомъ манифестѣ Золя не проронилъ ни одной фразы, хотя не подлежитъ сомнѣнію, что именно творчество ставитъ передъ художникомъ совершенно особыя задачи. Объявляя неприкосновенными права романиста, Золя ограничивается самыми общими, ничего не говорящими разсужденіями, потому что нельзя считать типическимъ дѣломъ одного только художника вникать во всѣ профессіи, собирать отовсюду знанія, все изучать, все видѣть и понимать. Истинный художникъ изображаетъ не внѣшнюю, а внутреннюю жизнь людей,—то, что не можетъ быть разсказано ни въ одной исторической компиляціи, не можетъ быть засвидѣтельствовано никакимъ очевидцемъ, ни собственными наблюденіями на мѣстѣ. Свидѣтели, книги, внѣшнія впечатлѣнія необходимы только, какъ толчки, возбуждающіе самостоятельную работу творческаго духа. Садясь за столъ, художникъ не имѣетъ предъ собою никакого иного матеріала, кромѣ собственной души, съ пережитыми ощущеніями, съ волненіемъ фантазіи, съ ея глубокой потребностью увидѣть міръ въ свѣтѣ вѣчной, внутренно сознаваемой правды. Сколько-бы ни было источниковъ художественнаго освѣдомленія, искусство создается только органически, безъ помощи цитатъ и компиляцій, талантомъ, а не механическимъ собираніемъ безжизненныхъ внѣшнихъ документовъ. Книги нужны художнику не сами по себѣ, и принимаясь за работу, онъ долженъ совершенно выкинуть изъ головы всякую мысль о «документахъ», потому что теперь его задача заключается только въ томъ, чтобы отчетливо увидѣть зрѣніемъ души предметы окружающаго міра.



Именно такимъ образомъ увидѣть явленія жизни—въ этомъ весь талантъ художника, и Золя, въ минуты творческаго экстаза, не разъ показывалъ рѣдкую силу поэтическаго созерцанія въ самой высокой степени ея развитія. Но въ «Римѣ» и «Лурдѣ» этотъ талантъ измѣнилъ ему передъ задачею, которая оказалась несродною его натурѣ, и вотъ почему чужія книги, опросъ очевидцевъ, ни даже изступленный трудъ писателя на мѣстахъ происшествій оказались безсильными создать нѣчто живое, глубокое, создать истинно художественное произведеніе, которое воспринимается непосредственно, какъ неразрывное органическое цѣлое. Что узнаемъ мы въ «Римѣ» о дѣйствіяхъ папскаго правительства, о политической и общественной жизни Италіи? Развернулъ-ли художникъ передъ нами какую-нибудь новую сторону соціальнаго быта? Ничего подобнаго: старыя, какъ міръ, истины, извлеченныя изъ общедоступныхъ сочиненій, передаются въ этомъ романѣ безъ малѣйшихъ передѣлокъ, не расширяя кругозора читателей. Все—на прежнихъ мѣстахъ, и сама жизнь, описанная художникомъ, кажется намъ застывшимъ прудомъ, безъ движенія, безъ стихійной свѣжести,—плохо надуманною картиною, которая создана безъ участія свободнаго поэтическаго воображенія. По книгамъ нельзя писать романовъ, потому что настоящія книги сами создаются при помощи живыхъ впечатлѣній и наблюденій, переработанныхъ личнымъ пониманіемъ философскаго характера. Талантливый художникъ ищетъ универсальныхъ знаній, опрашиваетъ свидѣтелей, вникаетъ въ науку только для того, чтобы сдѣлать острымъ и чистымъ свое собственное воспріятіе міра, въ чемъ именно и заключается его главная задача. Уловивъ явленія жизни въ ихъ дѣйствительномъ состояніи, онъ этимъ добываетъ тѣ документы, которые необходимы для его творческой работы и которыхъ онъ не найдетъ ни въ какомъ чужомъ произведеніи. Истинный художникъ долженъ быть духовидцемъ—человѣкомъ, который *духомъ* видитъ предметы, постигаетъ ихъ сущность, созерцаетъ ихъ разнообразныя отношенія между собой, чувствуетъ ихъ высшій смыслъ, ихъ красоту. Такими настоящими художниками были тѣ великіе мастера ренессанса, на которыхъ ссылается Золя,—въ данномъ случаѣ безъ малѣйшаго личнаго права. Они раздвигали свои знанія въ самыхъ разнообразныхъ направленіяхъ, изучали литературу древнихъ и новыхъ эпохъ, сами дѣлали открытія въ области положительной науки. Микель-Анджело былъ однимъ изъ образованнѣйшихъ людей своей эпохи, Рафаэль жадно ловилъ все то, что могло оплодотворить его творческій геній, и до сихъ поръ еще нѣтъ человѣка, который могъ-бы измѣрить научный горизонтъ Леонардо да Винчи. Но пріобрѣтая обширныя знанія, никто изъ нихъ не слѣдовалъ въ своей художественной работѣ *за* книгою, съ рабскою зависимостью отъ каждаго ея слова, никто изъ нихъ не вдохновлялся книгою, какъ это дѣлаетъ Золя. При огромной образованности, эти люди переносили на свои

полотна цѣлый міръ личныхъ наблюденій и впечатлѣній, проникнутыхъ живымъ духомъ философской оригинальности, новымъ, самобытнымъ пониманіемъ жизни въ ея таинственныхъ родникахъ, въ ея самыхъ важныхъ движеніяхъ и броженіяхъ, создающихъ историческій процессъ человѣчества. Но мертвящей книжной учености въ ихъ произведеніяхъ нѣтъ и слѣда, и не въ ней, конечно, отличительная черта эпохи, которая въ своемъ искусствѣ вернулась къ неумирающему источнику всякаго поэтическаго творчества. Ихъ величіе заключается не въ томъ, что они имѣли цѣлыя полчища учениковъ, которые исполняли приготовительную работу, а только въ томъ, что они открывали новыя краски, новыя черты въ томъ самомъ мірѣ, который лежитъ передъ глазами всѣхъ, однообразный и однотонный при грубомъ воспріятіи, разнообразный, загадочный и тревожный при воспріятіи остромъ, нѣжномъ, артистическомъ. Въ этомъ именно заключается геній не только Леонардо да Винчи, но и такого творца, какъ Боттичелли, о которомъ Золя отзывается съ презрительной гримасою ординарно мыслящаго человѣка, потерявшаго чуткость къ новымъ вѣяніямъ исторической эволюціи. «Помощники—о, да! Я ихъ хотѣлъ, я ихъ искалъ, я ихъ находилъ!»—съ неумѣренной горделивостью восклицаетъ Золя и тутъ-же дѣлаетъ неосторожную ссылку на великихъ творцовъ ренессанса, увѣренный въ томъ, что между нимъ и ими возможна въ данномъ случаѣ настоящая параллель. Но бѣда именно въ томъ, что, въ противоположность художникамъ эпохи Возрожденія, Золя слѣдуетъ въ своей работѣ *за* учениками, не давая имъ ничего отъ себя. Леонардо да Винчи направлялъ науку своего времени, дѣлалъ въ нее цѣнные вклады, опережалъ профессіональныхъ работниковъ точнаго знанія, а Золя при каждомъ научномъ вопросѣ оказывается безсильнымъ сказать свое слово, прибавить хотя самую тонкую черту къ тому, что сдѣлано до него образованными людьми прошедшихъ эпохъ. Архитекторъ Журденъ даетъ ему совѣты, когда ему предстоитъ написать *одну* страницу, касающуюся строительнаго искусства,—самъ онъ не написалъ-бы этой страницы. Анри Сеаръ снабжаетъ его свѣдѣніями о музыкѣ, — о музыкѣ, которую онъ, какъ художникъ, долженъ былъ-бы понимать и знать лучше и глубже всякаго «спеціалиста!» Когда ему представляется случай говорить о юридическихъ отношеніяхъ, существующихъ въ обществѣ, его добрый другъ Тьебо даетъ ему маленькую консультацію—въ юридическихъ вопросахъ, которые Золя до тонкости долженъ былъ-бы изучить, при его ярко выраженныхъ гражданственныхъ симпатіяхъ и буржуазномъ либерализмѣ съ новомоднымъ демократическимъ оттѣнкомъ. Онъ никогда не касался *ни одного* вопроса науки, не говорилъ ни объ *одной* болѣзни, не взбудоражив цѣлый факультетъ—не касался ни *одного* вопроса науки, хотя для человѣка, который желалъ-бы прослыть творцомъ экспериментальнаго ро-

мана, самое широкое научное образованіе является крайнею необходимостью. Вотъ каково отношеніе между Золя и его учениками. Не одаренный никакимъ научнымъ талантомъ и даже не обладая широкими знаніями, онъ жадной рукой сгребаетъ свѣдѣнія и матеріалы изъ чужихъ книгъ, въ полномъ убѣжденіи, что такъ-же поступали великіе мастера ренессанса. На его вертящейся этажеркѣ можно найти разные новѣйшіе трактаты по соціальнымъ, политическимъ и культурнымъ вопросамъ, и этого совершенно достаточно для романиста, который хочетъ держать передъ собой открытымъ весь научный горизонтъ эпохи. Вотъ его право, которое онъ провозглашаетъ съ «властною силой»,—право на просвѣщенное невѣжество, на рабскую зависимость отъ послѣдней напечатанной книги, отъ перваго попавшагося ученаго компилятора, который дастъ ему консультацію при той или другой научной окказіи. Вотъ единственный смыслъ его новаго манифеста, который останется въ литературной дѣятельности Золя, какъ яркое выраженіе разныхъ горделивыхъ философскихъ притязаній, не выдержавшихъ критическаго испытанія предъ безпристрастнымъ судомъ новой умственной эпохи.

**А. Волынскій.**

---

# Атомизмъ и энергитизмъ.

(По поводу рѣчи **В. Оствальда** «Несостоятельность научнаго матеріализма»).

---

Рѣчь Вильгельма Оствальда, извѣстнаго лейпцигскаго химика, произнесенная имъ въ сентябрѣ 1895 г., на 67-мъ съѣздѣ (въ Любекѣ) германскихъ естествоиспытателей и врачей, вызвала уже и на съѣздѣ оживленныя пренія; послѣ уже появленія своего въ печати (подъ заглавіемъ Die Ueberwindung des wissenschaffentlichen Materialismus) она обратила на себя сначала, повидимому, не меньшее вниманіе, чѣмъ двѣ извѣстныя рѣчи Дюбуа Реймона: «Границы естествознанія» и «Семь міровыхъ загадокъ». Я говорю «сначала», потому-что въ настоящую минуту рѣчью Оствальда, кажется, интересуются нѣсколько меньше, чѣмъ прежде; но это зависитъ отъ того, что открытіе Рентгена и вызванныя имъ дальнѣйшія работы поглотили почти все вниманіе ученаго міра. И въ Россіи рѣчь Оствальда тоже не осталась не замѣченной. У насъ она появилась уже въ нѣсколькихъ переводахъ, напримѣръ: въ «Научномъ Обозрѣніи», въ «Образованіи», отдѣльной брошюрой, изданной студентами Рижскаго политехническаго училища подъ редакціей проф. Вальдена (вмѣстѣ съ его довольно любопытнымъ предисловіемъ) и др.

Философъ (подразумѣвая подъ этимъ словомъ не того, кто прежде всего строитъ общее міровоззрѣніе и ищетъ рѣшенія міровыхъ вопросовъ, а того, кто для этого-ли или-же для чего другого прежде всего

---

[1]) **Даемъ мѣсто краткому разсужденію проф. А. Введенскаго по поводу любопытной рѣчи В. Оствальда.** Разсужденіе это, по нашему мнѣнію, далеко не исчерпываетъ предмета, вопросъ о взаимномъ отношеніи между наукою и метафизикою разобранъ г. Введенскимъ черезчуръ отрывочно, безъ надлежащей критической ясности. Но печатая эту замѣтку, мы пока желаемъ одного—возбудить въ мыслящихъ кругахъ общества интересъ къ брошурѣ В. Оствальда, представляющей, во всякомъ случаѣ, очень любопытное явленіе въ научной литературѣ нашихъ дней. *Ред.*

изучаетъ теорію познанія) не найдетъ въ ней ничего неожиданнаго, если только онъ слѣдилъ за складомъ мышленія современныхъ физиковъ и химиковъ и за существующими среди нихъ философскими теченіями. Но тѣмъ не менѣе рѣчь Оствальда интересна и для всякаго философа, съ одной стороны, какъ симптомъ этихъ теченій, а съ другой, какъ наглядный примѣръ, выхваченный изъ живой дѣйствительности и свидѣтельствующій о томъ, какъ мало способенъ натуралистъ отдѣлаться отъ метафизики, несмотря на все свое самое искреннее желаніе, если только онъ не вооружится знаніемъ разнообразныхъ метафизическихъ системъ, освѣщенныхъ теоріей познанія, что выработало-бы въ немъ чуткость къ метафизикѣ и дало-бы возможность угадывать ее подъ всякой маской. Это—замѣчательная вещь, какъ обыкновенно натуралисты относятся къ метафизикѣ. Ее боятся и стараются избѣгать ея примѣсей къ наукѣ. Но въ то время, какъ всякій понимаетъ, что научиться угадывать присутствіе электричества можно не иначе, какъ изучивъ всѣ его проявленія, научиться отличать вредоносныхъ бактерій отъ безвредныхъ, можно не иначе, какъ разсмотрѣвъ и тѣхъ и другихъ, а не однѣхъ только послѣднихъ, про метафизику думаютъ, будто-бы можно легко узнавать ее и отличать ее отъ неметафизики, не разсматривая первой и не изучая ея проявленій въ видѣ различныхъ системъ. А между тѣмъ, еще не было ни одной метафизической системы (кромѣ критической, откровенно сознающейся въ своей недоказуемости), которая не претендовала-бы на то, что сами факты и логика заставляютъ признавать ея выводы, т. е. которая не претендовала-бы на степень точной науки. Какъ-же, въ такомъ случаѣ, не изучивъ метафизики, угадывать ея примѣсь къ точному знанію? При такихъ условіяхъ, почти навѣрное, желая отречься отъ метафизики вообще, мы взамѣнъ того только и сдѣлаемъ, что промѣняемъ одно метафизическое направленіе на другое. Это и случилось съ Оствальдомъ.

Сущность его рѣчи, говоря въ немногихъ словахъ, сводится къ слѣдующимъ положеніямъ. *Атомизмъ,* который онъ называетъ то механизмомъ, то научнымъ матеріализмомъ, онъ считаетъ гипотезой крайне неудовлетворительной [1]). «Обыкновенно не замѣчаютъ, говоритъ онъ, какъ

---

[1]) Терминологія Оствальда не можетъ быть названа вполнѣ точной. Свою теорію онъ противопоставляетъ атомизму, называя послѣдній механизмомъ (механистическимъ воззрѣніемъ) и научнымъ матеріализмомъ. Но механизмомъ или механистическимъ воззрѣніемъ принято называть, въ отличіе отъ телеологическаго воззрѣнія, объясненіе явленій безъ помощи ссылокъ на тѣ цѣли, для осуществленія которыхъ были бы назначены эти явленія. Поэтому и собственное воззрѣніе Оствальда оказывается ничѣмъ инымъ, какъ видомъ механизма, такъ-какъ Оствальдъ отнюдь не собирается объяснять явленія теологически. Что-же касается до отожествленія атомизма съ матеріализмомъ, отожествленія, котораго Оствальдъ ничѣмъ не мотивируетъ, то противъ него можно возразить, что атомизмъ еще не всегда бываетъ матеріализмомъ (равно какъ и наоборотъ): напримѣръ, основатель психо-физики—Фехнеръ—



много въ этомъ взглядѣ (т. е. въ современномъ атомизмѣ) гипотетическаго и даже метафизическаго». Поэтому Оствальдъ предлагаетъ отказаться не только отъ атомовъ, но даже и отъ понятія матеріи. «Мы должны, по его словамъ, совершенно отречься отъ надежды наглядно представить себѣ физическій міръ посредствомъ сведенія всевозможныхъ явленій къ механикѣ атомовъ». «*Предикатъ реальности можетъ быть приписанъ лишь энергіи*»,—«Матерія-же есть наше измышленіе (Gedankending)». Въ опытѣ, по словамъ Оствальда, мы никогда не имѣемъ дѣла съ матеріей, а всегда только съ энергіей. «Наши органы чувствъ реагируютъ лишь на разницу энергій въ нихъ и въ окружающей средѣ». Если насъ ударятъ палкой, то мы чувствуемъ не палку, а ея энергію (вѣрнѣе разницу между энергіей нашего воспринимающаго чувства и энергіей палки): «палка самая безобидная вещь, пока ею не размахнутся» (т. е. пока въ палкѣ при помощи размаха не возбудятъ новой энергіи. А коль скоро въ опытѣ мы имѣемъ дѣло только съ энергіей, то, думаетъ Оствальдъ, всѣ явленія надо объяснять, опираясь только на понятіе энергіи и не пользуясь при этомъ понятіями матеріи и силы, а тѣмъ болѣе атомистической гипотезой. На измѣненія объема надо смотрѣть, какъ на измѣненія энергіи объема (Volumenergica), на вѣсъ, какъ на энергію положенія (Lagenenergie) и такъ далѣе. Никакого затрудненія вслѣдствіе изгнанія понятій матеріи и силы, по мнѣнію Оствальда, не можетъ быть; ибо «дѣло идетъ только о *перенесеніи* свойствъ и законовъ, приписываемыхъ двумъ первымъ, на одну лишь энергію». А вѣдь ясно, что коль скоро мы энергіи, взятой безъ матеріи и силы, припишемъ (перенесемъ на нее) все то, что приписывали двумъ послѣднимъ, то при помощи энергіи мы уже съумѣемъ объяснить все то, что прежде объясняли посредствомъ матеріи и силы, хотя мы изгонимъ и ту и другую. Выгоды-же новаго взгляда, который Оствальдъ называетъ *энергетизмомъ*, сводится, по его мнѣнію къ тому, что мы получимъ естествознаніе, свободное отъ гипотезы, а тѣмъ болѣе отъ метафизики. Мы будемъ стоять лицомъ къ лицу только съ фактами опыта.

Такова сущность рѣчи Оствальда. Въ ней ясно видны желаніе отречься отъ метафизики, изгнать ее изъ естествознанія, и полное пониманіе того, что атомизмъ (а съ нимъ и понятіе матеріи), какъ-бы ни защищали его другіе натуралисты, составляетъ метафизическое воззрѣніе. Взамѣнъ-же изгоняемыхъ понятій предлагается приписывать реаль-

---

допускалъ атомизмъ, но былъ чуждъ матеріализма. Напротивъ, онъ самые атомы считалъ духовными сущностями. Болѣе того: по его мнѣнію, каждое растеніе, каждая планета, равно какъ и весь міръ, имѣютъ свою особую душевную жизнь. Поэтому я вмѣсто механизма и матеріализма употребляю всюду атомизмъ, такъ-какъ Оствальдъ, говоря о механизмѣ и матеріализмѣ, всегда имѣетъ въ виду атомизмъ.



ность одной лишь энергіи; и тогда, говорятъ намъ, естествознаніе освободится отъ метафизики.

Я упомянулъ, что во взглядахъ Оствальда нѣтъ ничего неожиданнаго. Вотъ доказательства: Тэтъ уже двадцать лѣтъ назадъ провозгласилъ, что понятіе энергіи обладаетъ *такой-же* реальностью, какъ и понятіе матеріи. «Въ природѣ, говоритъ онъ, существуетъ нѣчто такое, что предъявляетъ столь-же сильное притязаніе на объективную реальность, какъ и матерія» [1]). Махъ-же, (тоже лейпцигскій профессоръ, какъ Оствальдъ) почти двадцать-пять лѣтъ назадъ, сильно *усомнился* въ реальности матеріи. «Для насъ натуралистовъ, говоритъ онъ, понятіе души кажется затруднительнымъ, и мы подсмѣиваемся надъ нимъ. Но матерія составляетъ абстракцію того-же рода, ни чѣмъ ни хуже и не лучше. Когда мы взрываемъ водородъ и кислородъ, то исчезаютъ явленія водорода и кислорода, а взамѣнъ того наступаетъ явленіе воды. Говорятъ-же про это такъ: вода *состоитъ* изъ водорода и кислорода. Но этотъ водородъ и кислородъ суть ничто иное какъ двѣ, возникающія при взглядѣ на воду мысли, или два имени для явленій, которыхъ еще нѣтъ, но которыя могутъ наступить, если, какъ говорится, мы разложимъ воду. Съ кислородомъ дѣло стоитъ такъ-же, какъ и съ скрытой теплотой. Оба могутъ появляться тамъ, гдѣ въ данный моментъ они еще незамѣтны. Если-же скрытая теплота не есть матерія, то и кислороду нѣтъ нужды быть ею. Пусть въ отвѣтъ мнѣ не ссылаются на неразрушимость и сохраненіе матеріи. Будемъ лучше говорить о сохраненіи *вѣса*; тогда передъ нами будетъ чистый фактъ, и мы тотчасъ-же увидимъ, что у него нѣтъ ничего общаго ни съ какой теоріей» [2]). Такимъ образомъ воззрѣніе Оствальда уже давно подготовлено самыми выдающимися физиками. Его взглядъ составляетъ синтезъ воззрѣній Тэта и Маха.

Но каковъ-же этотъ взглядъ? Не станемъ спорить о метафизическомъ характерѣ понятій матеріи и атома. Можно только радоваться, что пониманіе ихъ метафизичности все болѣе и болѣе распространяется такъ-же и среди натуралистовъ; равно какъ нельзя не радоваться ихъ стремленію выяснить себѣ, какой видъ приняло-бы естествознаніе, освобожденное отъ всякой метафизики. Взамѣнъ того поставимъ такой вопросъ: *вполнѣ-ли свободенъ предлагаемый новый взглядъ отъ метафизики или-же, принявъ его, мы только промѣняемъ одну метафизику на другую?* [3]).

---

[1]) Ueber einige neuere Fortschritte der Physik. 1877 г., стр. 15.

[2]) Maech. Die Gschichte und die Wurzel des Satzes von der Erhaltung der Arbeit. 1872 г., стр. 25.

[3]) Взглядъ Оствальда имѣетъ много сходства съ Аристотелевскимъ ученіемъ о матеріи, хотя Оствальдъ и отрекается отъ понятія матеріи, Аристотель-же, напротивъ,



Одинъ изъ простѣйшихъ путей, которымъ возникаетъ метафизика и который отличаетъ метафизическое воззрѣніе отъ чисто эмпирическаго, слѣдующій: мы приписываетъ самостоятельную реальность содержанію различныхъ общихъ понятій, *подставляемъ* ее подъ наблюдаемую нами дѣйствительность (оттого этотъ путь и названъ *гипостазированіемъ*, т. е. подстановкой понятій), подставляемъ, какъ что-то существующее сзади эмпирическаго, дѣйствительности и имѣющее самостоятельную реальность, которая сохранилась-бы даже и въ томъ случаѣ, еслибы исчезла наблюдаемая дѣйствительность: послѣдняя-же считается при этомъ зависящей отъ гипостазированнаго понятія. Такъ, напримѣръ, Платонъ создалъ свою теорію идей именно этимъ путемъ; онъ гипостазировалъ почти всѣ общія понятія. Другими словами: онъ допускалъ, что содержаніе всѣхъ нашихъ общихъ понятій—добра, красоты, человѣка, березы и т. д.—образуетъ каждое особую самостоятельную реальность. Такія реальности онъ назвалъ идеями (идеей добра, красоты, человѣка, березы и т. д.); и онъ училъ, что эти идеи сохранились-бы и нисколько *не измѣнились-бы* даже и въ томъ случаѣ, еслибы исчезли всѣ березы, всѣ люди, всѣ красивыя вещи и т. д., или еслибы всѣ тѣла замѣнились другими. Напротивъ, по его мнѣнію, всѣ эти вещи существуютъ лишь благодаря существованію идей; послѣднія составляютъ истинную сущность и причину наблюдаемыхъ нами вещей; идеямъ принадлежитъ первичное, самостоятельное существованіе, а наблюдаемымъ вещамъ—лишь вторичное, производное существованіе. Такимъ-же путемъ, т. е. посредствомъ гипостазированія, возникаетъ и тотъ взглядъ, противъ котораго вооружается Оствальдъ. Наблюдая единственныя данныя въ опытѣ реальности, т. е. тѣла, мы образуемъ общее по-

---

упорно держится за него. Но все дѣло въ томъ, что Аристотелевское понятіе матеріи совсѣмъ не похоже на то, противъ котораго борется Оствальдъ. Подъ именемъ матеріи въ настоящее время мыслятъ тѣло вообще. Наша матерія есть нѣчто опредѣленное, именно плотное, имѣющее опредѣленную величину, форму, вѣсъ и движеніе, и это безразлично—разбиваемъ-ли мы ее на атомы или нѣтъ. Аристотелевская-же матерія гораздо ближе стоитъ къ тому «ничто», изъ котораго, по словамъ Мефистофеля, былъ созданъ міръ, чѣмъ къ тѣлу; ибо она не имѣетъ ровно никакихъ свойствъ—ни формы, ни вѣса, ни движенія и т. д. Она, взятая сама по себѣ, пока на нее не подѣйствовало иное начало, которое оживило-бы ее, остается всего только потенціей (способностью) всевозможныхъ формъ, свойствъ, движеній и т. д. Поэтому Аристотель считаетъ ее всего только потенціей бытія, а не реальностью. Эта потенція, когда она будетъ осуществлена, образуетъ тѣла, которыя уже составляютъ дѣйствительное бытіе. Подобнымъ-же образомъ, если мы примемъ взглядъ Оствальда, энергія окажется только потенціей всевозможныхъ протяженностей и обнаруживающихся въ нихъ явленій: вѣдь и протяженность, и вѣсъ, и всѣ явленія Оствальдъ считаетъ только формами энергіи, какъ Аристотель всѣ вещи считаетъ *формами* осуществленія дремлющихъ въ матеріи потенцій. А такъ какъ Аристотелевская теорія принадлежитъ къ числу метафизическихъ, то это сходство заставляетъ подозрѣвать, не принадлежитъ-ли къ ихъ числу и теорія Оствальда.

нятіе тѣла, тѣлесности или вещественности, и гипостазируемъ содержаніе этого понятія, т. е. приписываемъ этому содержанію самостоятельную реальность, которая сохранилась-бы и нисколько не измѣнилась-бы даже и въ томъ случаѣ, еслибы исчезли всѣ существующія теперь тѣла. Назвавъ-же эту реальность (т. е. гипостазированное понятіе вещественности) веществомъ или матеріей, мы приписываемъ ей первичное существованіе, а тѣламъ—вторичное, производное: тѣла, говоримъ мы, *образуются*, возникаютъ изъ вещества (или матеріи). А чтобы было удобнѣе мыслить зависимость тѣлъ отъ вещества и легче объяснять наблюдаемыя въ тѣлахъ явленія свойствами и состояніями вещества (а *такое* объясненіе становится обязательнымъ для коль скоро тѣла и все наблюдаемое въ тѣлахъ считается нами зависящимъ отъ образующаго ихъ вещества), для этого чаще всего разбиваютъ матерію на атомы. Разумѣется, при такихъ условіяхъ понятія матеріи и атома оказываются столь-же метафизическими понятіями, какъ и Платоновскія идеи. Главнѣйшая разница между матеріей и любой Платоновской идеей состоитъ въ томъ, что въ первой гипостазировано понятіе неизмѣримо большей общности, чѣмъ въ любой идеѣ Платона: вѣдь понятія тѣла гораздо общѣй, чѣмъ понятія человѣка, кошки, березы, красоты и т. д. Такимъ образомъ Оствальдъ несомнѣнно правъ, когда объявляетъ матерію и атомы метафизическими понятіями, хотя онъ почти ничѣмъ не мотивируетъ этого взгляда.

А въ какомъ положеніи окажется дѣло, если мы единственной реальностью будемъ считать энергію, будемъ, какъ и Оствальдъ, приписывать ей первичное существованіе, перенесемъ на нее всѣ предикаты матеріи и силы, а всѣ явленія и даже самыя тѣла, со всей ихъ протяженностью, вѣсомъ и т. д. станемъ разсматривать, какъ бытіе вторичное или производное, какъ всего лишь видоизмѣненія единой основной реальности—энергіи?

Для отвѣта на этотъ вопросъ вспомнимъ: что такое энергія? Способность къ работѣ. А что такое работа? Движеніе вопреки препятствіямъ. Если камень летитъ въ абсолютной пустотѣ, не испытывая никакихъ препятствій своему движенію (ни со стороны притяженія другихъ тѣлъ, ни со стороны отсутствующей среды), то онъ только движется, но еще не работаетъ. Если-же онъ летитъ кверху вопреки тяжести, которая влечетъ его книзу, или-же движется по doскѣ, преодолѣвая возникающее вслѣдствіе тренія доски сопротивленіе, то онъ работаетъ. Но разумѣется, камень, который движется, не встрѣчая равно никакихъ препятствій (даже со стороны тяжести) имѣетъ въ себѣ все-таки *способность* къ работѣ; ибо его движеніе *могло-бы* быть употреблено на работу, величина которой, какъ это объяснено въ любомъ курсѣ механики, пропорціональна живой силѣ этого камня, т. е. произведенію его массы

на квадратъ скорости. Такъ, напримѣръ, этимъ движеніемъ онъ могъ-бы поднять себя на нѣкоторую высоту вопреки дѣйствію тяжести; а это значило-бы, что онъ произвелъ нѣкоторую работу. Такимъ образомъ каждое тѣло, находящееся въ движеніи, имѣетъ нѣкоторое количество энергіи (т. е. способности къ работѣ), именно количество, пропорціональное произведенію массы этого тѣла на квадратъ скорости его движенія. Но такъ какъ подъ энергіей подразумѣвается всего лишь *способность* къ работѣ, а не сама работа, то мы въ правѣ, если зихотимъ, приписать энергію и такому тѣлу, которое еще не двигается, но должно, или могло-бы двигаться подъ вліяніемъ всѣхъ или части тѣхъ условій, при которыхъ оно находится. Такъ всѣ и дѣлаютъ. Поэтому говорятъ, что камень, который привязанъ на потолкѣ, тоже имѣетъ энергію; ибо еслибы онъ былъ отвязанъ, онъ долженъ былъ-бы двигаться (падать), а этимъ движеніемъ онъ могъ-бы произвесть работу. Болѣе того, коль скоро мы знаемъ, что израсходовавъ теплоту, мы можемъ взамѣнъ нея получить движеніе и производимую имъ работу, то и теплоту мы тоже въ правѣ назвать энергіей; ибо она несомнѣнно представляетъ собой нѣкоторый запасъ способности къ работѣ точно такъ-же, какъ подвѣшенный къ потолку камень обладаетъ нѣкоторымъ запасомъ способности къ работѣ.

Теперь-же спросимъ себя: что-же такое энергія съ *логической* точки зрѣнія? Очевидно, что она составляетъ *общее понятіе*, подъ которое могутъ быть подведены (подчинены ему) всѣ явленія, если ихъ разсматривать со стороны ихъ отношеній къ возможной работѣ. Такимъ образомъ, если мы вмѣстѣ съ Оствальдомъ станемъ разсматривать энергію, какъ первичную реальность, а явленіямъ будемъ приписывать производное существованіе, сочтемъ ихъ всего лишь за видоизмѣненія этой реальности, то поступимъ точно такъ-же, какъ поступалъ и Платонъ, строя свою теорію идей, т. е. совершимъ гипостазированіе общаго понятія. А это значитъ, что воззрѣніе Оствальда отличается метафизическимъ характеромъ не менѣе, чѣмъ Платоновская теорія идей или чѣмъ обычное пониманіе тѣлъ, какъ видоизмѣненій матеріи.

Болѣе того, энергія составляетъ понятіе завѣдомо не реальное. Однажды мнѣ уже пришлось подробно говорить о попыткахъ приписывать реальность понятію энергіи, именно въ моемъ «Опытѣ» построить теорію матеріи на принципахъ критической философіи [1]). Поэтому я здѣсь только вкратцѣ воспроизведу сущность изложенныхъ тамъ соображеній. Почему нашъ умъ готовъ приписывать энергіи реальность и даже, какъ показываетъ рѣчь Оствальда, готовъ разсматривать ее, какъ первичное бытіе, какъ всеобщую сущность явленій? Отвѣтъ ясенъ: это возможно только потому, что всѣ явленія, ихъ измѣненія и превращенія

[1]) Опытъ построенія теоріи матеріи на принципахъ критической философіи. Спб. 1888, глава VII.





другъ въ друга подчинены закону сохраненія энергіи [1]). Не будь этого закона, намъ никакъ не пришло-бы въ голову думать, будто-бы энергія реальна и будто-бы всѣ явленія природы составляютъ ничто иное, какъ видоизмѣненія энергіи. Если-бы теплота, исчезая, замѣнялась такимъ движеніемъ, энергія котораго не была-бы равна энергіи исчезнувшей теплоты, то нельзя было-бы думать, что и тамъ и здѣсь мы имѣемъ дѣло съ *одной и той-же*, реально сохраняющейся энергіей, обнаруживающейся передъ нами то въ одномъ, то въ другомъ видѣ. А при какомъ условіи имѣетъ мѣсто законъ сохраненія энергіи? Не иначе какъ подъ тѣмъ условіемъ, чтобы мы разсматривали явленія съ нѣкоторой, искусственно, даже произвольно, созданной точки зрѣнія. Въ самомъ дѣлѣ, пока мы подъ энергіей подразумѣваемъ *только* такую способность къ работѣ, которая есть у движущагося тѣла, благодаря его движенію (такую энергію принято называть энергіей движенія или *кинетической* энергіей), то еще нельзя будетъ говорить, будто-бы существующее въ природѣ количество энергіи всегда остается неизмѣняемымъ. Вѣдь когда подброшенный камень летитъ кверху, то его движеніе (а съ нимъ и его кинетическая энергія) безпрестанно уменьшается и доходитъ, наконецъ, до нуля, *не замѣняясь ровно никакимъ другимъ явленіемъ*, которому можно было-бы приписать такую-же (т. е. кинетическую) энергію, постепенно исчезающую въ нашемъ камнѣ. Если-же мы хотимъ, чтобы, не смотря на это обстоятельство, энергія безпрерывно сохранялась въ одномъ и томъ-же количествѣ, мы должны расширить понятіе энергіи. До сей поры мы приписывали нашему камню только такую энергію, которая состоитъ въ его *дѣйствительно существующемъ* движеніи (измѣренномъ чрезъ ту работу, которая могла-бы быть произведена этомъ самымъ движеніемъ); теперь-же (для возможности соблюденія закона сохраненія энергіи) подъ энергіей надо подразумѣвать не только дѣйствительное движеніе (измѣренное работой), но и такое движеніе (тоже измѣренное работой), котораго *нѣтъ*, и даже *никогда не будетъ*, но которое *могло-бы* быть, если-бы не было тѣхъ явленій, какія существуютъ въ дѣйствительности, въ томъ числѣ—если-бы не было того движенія, которое сейчасъ еще есть у камня, пока онъ летитъ кверху. Въ самомъ дѣлѣ, допустимъ, что нашъ камень еще не достигъ до той высшей точки, до которой онъ долженъ дойти вслѣдствіе сообщеннаго ему толчка кверху, а находится въ данный моментъ

[1]) «Мы разсматриваемъ, говоритъ Тэтъ, энергію со стороны ея сохраненія, *чѣмъ однимъ* уже выражается ея *объективная реальность*». Tait. Vorles. üb. einige neuere Fortschritte der Physik. Autoris. Ausg. 1877, стр. 17. Далѣе, вотъ еще его слова: «опытомъ доказано, что энергія, подобно матеріи, неразрушаема и несозидаема для рукъ человѣка. Значитъ, она существуетъ *помимо нашихъ чувствъ и разума*, хотя и познается человѣкомъ лишь при ихъ посредствѣ». Свойства матеріи. Перев. подъ редакц. И. М. Сѣченова. Спб. 1887, стр. 4.

на трехъ четвертяхъ своего пути. Тогда разумѣется, *если-бы* у него не было дальнѣйшаго движенія, онъ сталъ-бы падать и подъ конецъ своего паденія пріобрѣлъ-бы такую скорость, что ея (какъ это доказываетъ очень простое вычисленіе, приводимое въ любомъ курсѣ физики) было-бы достаточно, чтобы поднять камень какъ разъ до той-же точки, съ какой онъ началъ падать, т.-е. до $^3/_4$ пути, который ему предстояло-бы пройти вслѣдствіе первоначальнаго толчка. Такъ вотъ это-то движеніе, котораго *нѣтъ* и котораго *никогда не будетъ* (ибо на самомъ-то дѣлѣ нашъ камень послѣ $^3/_4$ своего пути все еще продолжаетъ идти кверху), но которое *могло-бы* быть (если-бы въ камнѣ не было дальнѣйшаго движенія), произвольно условились тоже называть энергіей, такъ какъ, если-бы это движеніе осуществилось, то оно могло-бы произвесть работу. А для отличія отъ кинетической энергіи, которая состоитъ въ *дѣйствительномъ* движеніи камня, эту энергію называютъ *потенціальной*. Если-же мы такъ поступаемъ, тогда неоспоримо, что чѣмъ меньше въ камнѣ кинетической энергіи, тѣмъ больше въ немъ потенціальной энергіи; ибо чѣмъ меньше остается въ немъ дѣйствительнаго движенія (т.-е чѣмъ медленнѣй подъ конецъ своего пути летитъ онъ кверху), тѣмъ больше скорость того движенія, которое онъ пріобрѣлъ-бы, если-бы въ данный моментъ пересталъ летѣть кверху и упалъ на землю. И вотъ, благодаря такому (произвольному) расширенію понятія энергіи, выходитъ, что если въ любой моментъ движенія камня сложить ту энергію (т.-е. движеніе измѣренное чрезъ производимую имъ работу), которая у камня существуетъ въ видѣ кинетической, т.-е. въ видѣ дѣйствительнаго движенія, съ его потенціальной энергіей (т.-е. съ движеніемъ, измѣреннымъ работой, которое у него могло-бы быть, если-бы онъ упалъ съ данной точки своего пути назадъ), то ихъ общая сумма во все время движенія камня, какъ кверху, такъ и книзу, остается одинаковой.

Такимъ образомъ соблюденіе закона сохраненія энергіи оказывается возможнымъ *только* благодаря тому, что мы подъ энергіей *условливаемся* подразумѣвать даже и то, чего *нѣтъ и никогда не будетъ*, но что-всего только *могло-бы* быть (паденіе камня), при отсутствіи *дѣйствительныхъ* явленій (при отсутствіи продолженія полета кверху), т.-е. нѣ, что *завѣдомо нереальное*. А отсюда ясно, что мы не въ правѣ заключать отъ факта существованія закона сохраненія энергіи къ реальности энергіи. Вѣдь, что сохраняется то въ силу этого закона? Не что-нибудь завѣдомо реальное, а только число, т.-е. *сумма* энергій (какъ кинетическихъ, такъ и потенціальныхъ). А почему оно сохраняется: независимо отъ насъ и нашего *произвола*, естественнымъ путемъ, или-же вслѣдствіе искусственно, даже произвольно, принятыхъ нами мѣръ? Во-первыхъ—потому, что всякое движеніе мы условились искусственно измѣрять той работой, которая *могла-бы* быть произведена этимъ дви-

женіемъ: измѣряй мы его иными путями (напримѣръ, произведеніемъ массы не на квадратъ скорости, а прямо на скорость), то не будетъ сохраняющагося числа. Во-вторыхъ—потому, что при этомъ измѣреніи мы произвольно беремъ во вниманіе даже фиктивныя движенія, которыхъ нѣтъ, не было и никогда не будетъ. Слѣдовательно, сохраненіе энергіи цѣликомъ зависитъ отъ нашихъ искусственныхъ и даже произвольныхъ точекъ зрѣнія; а потому энергія реальна столь же мало, какъ и то несуществующее движеніе, которое могло-бы быть, если-бы не было дѣйствительнаго движенія. Изъ всего этого ясно, что воззрѣніе Оствальда слагается не только путемъ гипостазированія общихъ понятій, но еще болѣе сложнымъ путемъ. Онъ объабсалютилъ то, что имѣетъ мѣсто только въ зависимости отъ нашей искусственно созданной точки зрѣнія. Другими словами: онъ счелъ *самостоятельно* существующимъ то, что въ дѣйствительности не существуетъ, а появляется въ зависимости отъ нашего произвола лишь въ ходѣ нашихъ вычисленій.

Итакъ, энергитизмъ столь-же мало можетъ претендовать на то, чтобы служить свободной отъ всякой метафизики картиной *дѣйствительности*, какъ и атомизмъ. На что это указываетъ—на то-ли, что метафизика, хотя ни одно изъ ея ученій не можетъ быть доказано, все таки неизбѣжна для нашего ума, или-же на что-нибудь другое, это безразлично. Но для оправданія энергитизма нельзя ссылаться ни на реальность энергіи, ни на метафизическій характеръ атомизма.

Въ заключеніе-же можно, конечно, поставить такой вопросъ: не будетъ-ли энергетизмъ лучше атомизма, если относиться и къ тому и къ другому, не какъ къ картинѣ дѣйствительности, а какъ къ рабочей (т.-е всего только вспомогательной при нашихъ изслѣдованіяхъ природы) гипотезѣ? Врядъ-ли и это. Рабочая гипотеза прежде всего должна быть легка и проста. А энергетизмъ крайне труденъ. Онъ разсматриваетъ энергію, какъ всеобщую сущность тѣлъ и всѣхъ ихъ явленій, какъ основную реальность. Но *понятіе* энергіи зависитъ, наоборотъ, отъ понятій тѣла и движенія. Вѣдь энергія есть способность къ работѣ; а работа есть *движеніе*, преодолѣвающее какія-нибудь препятствія; движеніе-же не можетъ быть ничьимъ, а должно быть движеніемъ какого-нибудь *тѣла*. Такимъ образомъ въ составъ понятія энергіи уже входитъ то самое (понятія тѣла и движенія), что по теоріи энергетизма должно-бы быть всего лишь *видоизмѣненіемъ* энергіи обусловливаться ею. Это противорѣчіе, разумѣется, дѣлаетъ энергетизмъ неизмѣримо болѣе трудной гипотезой, чѣмъ атомизмъ. Впрочемъ, можетъ быть этотъ недостатокъ энергетизма на дѣлѣ уравновѣсится какимъ-нибудь преимуществомъ сравнительно съ атомизмомъ [1]). Заранѣе нельзя судить объ этомъ. Да этотъ вопросъ

[1]) Вѣдь, какъ извѣстно, атомизмъ тоже не чуждъ нѣкоторыхъ противорѣчій, хотя другого характера, чѣмъ это.

уже долженъ быть рѣшаемъ не философами, а натуралистами. Тому, кто самъ употребляетъ рабочую гипотезу, гораздо виднѣй ея достоинства и недостатки, какъ вспомогательнаго орудія, присущія ей сравнительно съ другой рабочей гипотезой. Это не вопросъ объ эмпирической реальности или метафизическомъ характерѣ того или другаго понятія, а вопросъ объ *удобствахъ* научной практики и долженъ быть разрѣшенъ самой-же научной практикой. Рабочая гипотеза должна быть легка, гибка (приспособляема ко всякимъ фактамъ) и обладать способностью внушать новые вопросы и новыя точки зрѣнія. И вотъ, если кому энергетизмъ приходится по вкусу, тотъ долженъ показать на дѣлѣ, что эта гипотеза въ общемъ итогѣ удовлетворяетъ всей совокупности этихъ требованій лучше, чѣмъ атомизмъ; пусть онъ, напримѣръ, при ея помощи сдѣлаетъ какія-нибудь открытія, которыя были-бы невозможны, если руководствоваться атомизмомъ, или-же изложитъ физику и химію такъ, чтобы всѣ ихъ неоспоримые выводы и факты усваивались легче, чѣмъ при атомизмѣ и т. п. Самъ-же Оствальдъ пока еще не сдѣлалъ ничего подобнаго.

Мнѣ было-бы очень досадно, если-бы мои читатели приписали мнѣ желаніе защищать атомизмъ. Моя мысль совсѣмъ не такова. Она, напротивъ, сводится лишь къ слѣдующимъ положеніямъ: оставимъ въ сторонѣ всякія соображенія о сравнительныхъ достоинствахъ и недостаткахъ атомизма и энергетизма, какъ рабочихъ гипотезъ естествознанія, и предоставимъ объ этомъ разсуждать тѣмъ, кто на дѣлѣ пользуется этими гипотезами, какъ вспомогательнымъ орудіемъ для своей работы; разсматривая-же ихъ со стороны эмпирической реальности, надо согласиться, что замѣна атомизма энергитизмомъ не освобождаетъ естествознанія отъ метафизики. Вотъ иное дѣло, если-бы Оствальдъ сталъ утверждать, что предикатъ эмпирической реальности можетъ быть приписываемъ не матеріи и не энергіи, а только самимъ тѣламъ и ихъ измѣненіямъ.

**Александръ Введенскій.**



# ОБЛАСТНОЙ ОТДѢЛЪ.

## Очерки народно-хозяйственной жизни.

**Наши сберегательныя кассы.—Земства о нуждахъ земледѣльческой промышленности.**

Къ числу новѣйшихъ явленій нашей народно-хозяйственной жизни принадлежитъ, между прочимъ, быстрое распространеніе мелкихъ кредитныхъ учрежденій въ видѣ сберегательныхъ кассъ и столь-же быстрый ростъ скопляющихся въ нихъ «народныхъ сбереженій». Достаточно сказать, что съ 1885 г. по 1895 г. сумма этихъ «народныхъ сбереженій» возросла съ 26,600 тыс. руб. до 342 мил. р. Для людей, признающихъ оптимизмъ обязательною принадлежностію патріотизма, подобнаго рода фактъ служитъ вѣскимъ аргументомъ, опровергающимъ «ходячее мнѣніе» объ упадкѣ экономическаго благосостоянія нашего населенія. Къ этому можно, пожалуй, прибавить, что учрежденія, призванныя служить дѣлу оказанія мелкаго кредита населенію, у насъ почти совершенно отсутствуютъ, общая-же сумма выдаваемыхъ ими ссудъ не проявляетъ, въ свою очередь, никакого стремленія къ росту. Отсюда какъ-бы явствуетъ, что условія нашей народно-хозяйственной жизни благопріятствуютъ лишь накопленію населеніемъ сбереженій и дѣлаютъ для него совершенно излишней организацію кредита.

Опубликованный недавно отчетъ о дѣятельности государственныхъ сберегательныхъ кассъ за 1894 г., къ сожалѣнію, свидѣтельствуетъ, что приведенные оптимистическіе выводы не вполнѣ отвѣчаютъ дѣйствительности. Составленный весьма обстоятельно отчетъ этотъ даетъ полную возможность судить о значеніи и роли сберегательныхъ кассъ въ нашей народно-хозяйственной жизни. Русскія сберегательныя кассы ведутъ свое начало собственно съ половины 80-хъ годовъ. Хотя первыя кассы

были учреждены еще въ 1824 г., но сначала онѣ выполняли свою задачу весьма плохо. Къ 1863 г. общая сумма сбереженій, находившихся въ ихъ распоряженіи, составляла только $8^1/_2$ м. р. Съ 1863 г. по 1881 г. она увеличилась лишь на 6 т. р. Главная причина такого медленнаго накопленія въ нихъ сбереженій лежала въ незначительности числа подобнаго рода учрежденій. Они имѣлись только въ столицахъ и при отдѣленіяхъ государственнаго банка. Такимъ образомъ, услугами ихъ пользовалось исключительно населеніе крупнѣйшихъ городскихъ центровъ. Съ 1884 г. кассы учреждаются при всѣхъ уѣздныхъ казначействахъ. Затѣмъ въ 1889 г. правительство приступило къ учрежденію ихъ при почтово-телеграфныхъ конторахъ и отдѣленіяхъ. Наконецъ, по уставу 1895 г. учрежденіе сберегательныхъ кассъ предоставлено, на извѣстныхъ условіяхъ, даже частнымъ лицамъ. Рядомъ съ этимъ размѣръ роста по вкладамъ, поступающимъ въ сберегательныя кассы, былъ увеличенъ съ 3-хъ до 4-хъ проц. Пониженіе его до 3,6 проц. послѣдовало въ 1894 г., въ виду конверсіи государственныхъ займовъ, причемъ государственная рента давала уже только 4 проц.

Параллельно съ увеличеніемъ числа сберегательныхъ кассъ ростетъ и сумма скопляющихся въ нихъ вкладовъ. Вмѣсто дѣйствовавшихъ въ 1884 г. 326 кассъ, въ 1894 г. ихъ было уже 3.593. Число лицъ, пользовавшихся услугами кассъ за тотъ-же періодъ увеличилось съ 218 т. до 1.600 т., а сумма вкладовъ возросла съ $26^1/_3$ мил. до 347 м. р. Въ среднемъ, такимъ образомъ, въ кассы поступало ежегодно около 32 м. р. Но до 1890 г. размѣръ поступленія былъ значительно ниже этой средней цифры: въ 1885 г.—17 м. р. и въ 1889 г.—28 м. р. Въ 1890 г. онъ повышается до 50 мил. р., что объясняется учрежденіемъ кассъ при почтово-телеграфныхъ конторахъ.

По профессіямъ въ числѣ вкладчиковъ сберегательныхъ кассъ въ 1894 году первое мѣсто принадлежало представителямъ земледѣлія и сельскихъ промысловъ—почти 304 т. книжекъ и 59 м. р. вкладовъ, за ними слѣдуютъ находящіеся въ услуженіи—151 т. книжекъ и 22 мил. р., торговцы—137 т. книжекъ и 29 мил. р., состоящіе на частной службѣ—136 т. книжекъ и 26 мил. р., представители городскихъ промысловъ—117 т. книжекъ и 18 мил. р., фабричные и заводскіе рабочіе—117 т. книжекъ и 15 м. р., чиновники—109 т. книжекъ и 23 м. р., военные—73 т. книжекъ и 10 м. р. Изъ этихъ-же данныхъ видно, что размѣры сбереженій, которыя приходятся, на каждую изъ этихъ категорій вкладчиковъ, далеко не одинаковы. Для «земледѣльцевъ» средній размѣръ вклада составляетъ 195 р., для торговцевъ—214 р. и чиновниковъ—209 р. Самыми мелкими вкладчиками являются фабричные рабочіе—133 руб.

Но съ наиболѣе характерной стороны рисуетъ роль сберегательныхъ

кассъ въ народно-хозяйственнной жизни группировка кліентовъ ихъ по размѣрамъ вкладовъ. Оказывается, какъ замѣчаютъ составители отчета, что при относительной бѣдности русскаго населенія, средній размѣръ вклада въ нашихъ сберегательныхъ кассахъ выше даже, чѣмъ во-Франціи и Бельгіи. Въ первой онъ составляетъ 112 р., во-второй—150 р. и у насъ—198 р. Затѣмъ мы видимъ, что изъ общей суммы сбереженій, хранящихся въ кассахъ, болѣе половины ея (52 проц.) принадлежитъ скорѣе мелкимъ капиталистамъ, вкладъ каждаго изъ которыхъ превышаетъ 500 р. Вкладчикамъ, внесшимъ отъ 100 до 500 р., принадлежитъ 37 проц. этой суммы. На долю кліентовъ съ вкладами отъ 25 до 100 р. приходится около 9 проц. Остальное, т. е. только 2 проц. принадлежитъ самымъ мелкимъ вкладчикамъ.

Несомнѣнно, такимъ образомъ, что сберегательныя кассы существуютъ не для того только трудящагося люда, которому необходимо сберечь копѣйку про черный день. Въ данномъ случаѣ, наблюдается даже нѣчто обратное. Черные дни въ народно-хозяйственной жизни, повидимому, способствуютъ усиленному накопленію населеніемъ сбереженій. Такъ, печальной памяти неурожайный 1891 г. оказался самымъ счастливымъ для кліентовъ сберегательныхъ кассъ. Въ этомъ году сумма вкладовъ, хранящихся въ сберегательныхъ кассахъ увеличилась почти на 53 мил.—цифра, которой не достигалъ приливъ вкладовъ ни въ ближайшіе предшедствовавшіе, ни въ ближайшіе послѣдующіе годы. Очевидно, кліенты кассъ нисколько не пострадали отъ недостатка въ продовольственныхъ средствахъ и высокихъ цѣнъ на хлѣбъ. То и другое послужило имъ на пользу, что и выразилось въ ростѣ «сбереженій».

Всѣ эти данныя заставили составителей отчета придти къ заключенію, что кліентами сберегательныхъ кассъ являются пока преимущественно лица, обладающія нѣкоторымъ достаткомъ. Это-же мнѣніе раздѣляется и оффиціальнымъ «Вѣстникомъ Финансовъ», отмѣчающимъ тотъ фактъ, что операціи кассъ начались сверху, съ болѣе богатыхъ слоевъ населенія. Съ другой стороны, вклады, сохраняющіеся въ сберегательныхъ кассахъ, являются скорѣе не сбереженіями, а своего рода текущими счетами, на которые мелкіе торговцы помѣщаютъ свободныя отъ оборотовъ средства. Въ этомъ отношеніи кассы представляютъ много преимуществъ передъ банками, которые по краткосрочнымъ вкладамъ и вкладамъ до востребованія уплачиваютъ гораздо низшій процентъ. Наконецъ, у сельскаго торговца сберегательныя кассы, особенно съ устройствомъ ихъ при почтово-телеграфныхъ учрежденіяхъ, всегда подъ рукою.

Въ общемъ, слѣдовательно, росту такъ называемыхъ «мелкихъ сбереженій» прежде всего и главнымъ образомъ, способствовало увеличеніе числа сберегательныхъ кассъ. Въ эти учрежденія и начали стекаться

свободныя оборотныя средства мелкаго торговаго люда, которыя ранѣе хранились дома и не приносили ихъ владѣльцамъ никакого дохода. Но точно также, вѣроятно, что ростъ вкладовъ, напирающихъ въ сберегательныя кассы, свидѣтельствуетъ о ростѣ у насъ той группы населенія, которая извѣстна подъ именемъ мелкой буржуазіи. Это совершенно понятно и по другимъ соображеніямъ. Дѣло въ томъ, что достатокъ нашего крестьянина выражается преимущественно въ количествѣ скота и общемъ хозяйственномъ благополучіи. Въ расширеніе-же хозяйства онъ затрачиваетъ и свои сбереженія. Держать эти сбереженія въ наличныхъ деньгахъ для крестьянина средняго достатка нѣтъ ни выгоды, ни даже возможности. Очевидно, что къ числу кліентовъ сберегательныхъ кассъ принадлежатъ лишь верхніе слои крестьянства, представляющіе собою переходную ступень къ сельской буржуазіи. Для этой группы веденіе хозяйства требуетъ уже довольно значительныхъ оборотныхъ средствъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, она не остается чуждой и разнымъ торгово-кредитнымъ операціямъ, объектомъ которыхъ являются менѣе самостоятельные домохозяева. Отсюда становится понятнымъ фактъ значительнаго приращенія сбереженій въ тяжелые для остальной массы земледѣльческаго населенія 1891 и 1892 годы.

При такихъ условіяхъ наши сберегательныя кассы не могутъ имѣть того значенія, которое онѣ имѣютъ въ Западной Европѣ, облегчая представителямъ личнаго труда накопленіе сбереженій. Надо сказать, однако, что, помимо подобнаго значенія ихъ, наше финансовое вѣдомство непосредственно заинтересовано въ развитіи дѣятельности сберегательныхъ кассъ, предоставляющихъ въ его распоряженіе весьма солидныя средства для поддержанія государственнаго кредита. Такой результатъ достигается уставомъ кассъ, согласно которому всѣ хранящіеся въ нихъ вклады помѣщаются въ государственныя процентныя бумаги. Благодаря этому, вклады кассъ иногда служили главнымъ источникомъ для покрытія государственныхъ займовъ. Такъ, при выпускѣ $4^1/_2\%$ консолидированнаго займа 1892 г. на счетъ этого источника было покрыто почти 66 милл. р. Затѣмъ при реализаціи займа 1893 г. изъ общей суммы въ 100 мил. р. кассамъ было передано 57 мил. р. Изъ этихъ данныхъ видно, въ какой значительной мѣрѣ расширеніе дѣятельности сберегательныхъ кассъ по привлеченію вкладовъ облегчаетъ реализацію государственныхъ займовъ.

Но такой способъ помѣщенія народныхъ сбереженій имѣетъ свою слабую сторону. Этимъ путемъ изъ оборота народно-хозяйственной жизни извлекаются весьма крупныя средства для передачи ихъ въ распоряженіе государственнаго банка на поддержаніе государственнаго кредита. Никакихъ активныхъ операцій, имѣющихъ цѣлью удовлетворить потребность населенія въ мелкомъ кредитѣ, за счетъ нашихъ кассъ не произ-

водится. Этимъ онѣ существенно отличаются отъ однородныхъ учрежденій въ большинствѣ другихъ государствъ западной Европы. Тамъ сберегательныя кассы являются главнымъ источникомъ, изъ котораго черпаютъ для себя оборотныя средства учрежденія мелкаго народнаго кредита. Въ Пруссіи, напримѣръ, сберегательныя кассы выдаютъ ссуды подъ разныя недвижимости, оказываютъ кредитъ городамъ, разнымъ корпораціямъ и товариществамъ. Въ Австріи самое учрежденіе сберегательныхъ кассъ предоставлено городскимъ и сельскимъ общинамъ, а также благотворительнымъ учрежденіямъ. Правительство здѣсь принимаетъ на себя лишь контроль за правильностью операцій кассъ и благонадежностью размѣщенія ими своихъ средствъ. Аналогичную организацію получила дѣятельность сберегательныхъ кассъ и во всѣхъ другихъ странахъ—Италіи, Норвегіи, Соединенныхъ Штатахъ, кромѣ Франціи, у которой заимствована наша система. При иной постановкѣ операцій нашихъ сберегательныхъ кассъ, стекающіяся въ нихъ свободныя средства могли-бы въ значительной мѣрѣ способствовать успѣшному разрѣшенію вопроса объ организаціи мелкаго народнаго кредита. Въ настоящее-же время онѣ являются опасными конкуррентами мѣстныхъ учрежденій мелкаго кредита. Дѣйствительно, въ послѣднихъ отчетахъ комитета о ссудосберегательныхъ товариществахъ на увеличеніе числа государственныхъ сберегательныхъ кассъ указывается, какъ на одну изъ причинъ отлива вкладовъ изъ этихъ кредитныхъ учрежденій.

---

Министерство земледѣлія поинтересовалось мнѣніемъ земствъ о нуждахъ земледѣльческой промышленности. Вотъ программа тѣхъ вопросовъ, на которые должны были отвѣтить земства по предложенію министерства: 1) какія нужды земледѣлія представляются настолько назрѣвшими и неотложными, что требуютъ возможно скорѣйшаго ихъ удовлетворенія; 2) какія именно мѣры признаются въ настоящее время наиболѣе, по мѣстнымъ условіямъ, цѣлесообразными для удовлетворенія указанныхъ нуждъ; 3) удовлетвореніе какихъ именно сельскохозяйственныхъ нуждъ представляется, по мѣстнымъ условіямъ, нынѣ наиболѣе удобоосуществимымъ; 4) какія, затѣмъ, требованія сельскаго хозяйства, не имѣющія характера неотложности, или-же встрѣчающіяся съ болѣе или менѣе важными трудностями въ ихъ разрѣшеніи, должны составить задачу будущаго, и 5) какія мѣры на пользу мѣстнаго земледѣлія могутъ быть приведены въ исполненіе самимъ земствомъ и какія изъ нихъ потребуютъ участія или содѣйствія министерства земледѣлія.

Дать отвѣты для земствъ не представляло особыхъ затрудненій, такъ-какъ въ послѣднее время эти вопросы служили постоянными предметами обсужденій земскихъ собраній. По той-же причинѣ уже заранѣе можно было предвидѣть, что подобнаго рода отвѣты не будутъ

заключать въ себѣ ничего особенно новаго, а равнымъ образомъ не дадутъ и сколько-нибудь цѣннаго матеріала, которымъ могло-бы министерство земледѣлія непосредственно воспользоваться при опредѣленіи характера своей дѣятельности.

Въ своихъ отвѣтахъ земства прежде всего останавливаются на серьезности того момента, который переживается теперь сельскимъ хозяйствомъ и населеніемъ, живущимъ доходомъ отъ него. Такъ, воронежское земство приводитъ цѣлый рядъ признаковъ, въ которыхъ выражается пониженіе дохода земледѣльческаго населенія и упадокъ его благосостоянія. На крестьянахъ, напримѣръ, накопились теперь огромные долги, общая сумма которыхъ достигаетъ 23 мил. р. Это составитъ около 70 руб. долга на каждую семью или свыше 10 р. на наличную душу. Въ настоящее время уже почти 25 проц. домохозяевъ вовсе не имѣютъ рогатаго скота и, слѣдовательно, изъ самостоятельныхъ хозяевъ превратились въ работниковъ. Что касается крупныхъ хозяевъ, то они покрываютъ свои дефициты главнымъ образомъ при содѣйствіи поземельныхъ банковъ, вслѣдствіе чего незаложенныхъ имѣній въ Воронежской губерніи теперь уже почти вовсе нѣтъ. Самые-же платежи по ссудамъ поглощаютъ теперь свыше 80 проц. чистаго дохода отъ заложенной земли. Другимъ не менѣе печальнымъ результатомъ пониженія дохода земледѣльческаго населенія является хищническая эксплоатація земли и прогрессирующее истощеніе почвы. По исчисленію земства, въ послѣднія 30 лѣтъ только у однихъ крестьянъ площадь неудобныхъ земель возросла на 108,000 десятинъ или на 58 проц. Казанское земство въ своемъ отвѣтѣ также начинаетъ съ заявленія, что «всѣ отрасли сельскаго хозяйства и торговли сельскохозяйственными продуктами находятся въ Казанской губерніи въ такомъ бѣдственномъ положеніи, при которомъ онѣ требуютъ безотлагательныхъ улучшеній».

Какъ на главную причину упадка экономическаго благосостоянія земледѣльческаго населенія земства указываютъ на пониженіе хлѣбныхъ цѣнъ и общія неблагопріятныя условія, въ которыя поставлены отдѣльныя его группы. Въ этомъ отношеніи наиболѣе видную роль играетъ крестьянское малоземелье. Вмѣстѣ съ тѣмъ нѣкоторыя земства выясняютъ, что этотъ факторъ, неблагопріятно отзывающійся на крестьянскомъ хозяйствѣ, въ то-же время затрудняетъ и веденіе крупнаго хозяйства. Вслѣдствіе сокращенія контигента состоятельныхъ домохозяевъ, крупные землевладѣльцы ощущаютъ недостатокъ въ исправныхъ рабочихъ и благонадежныхъ арендаторахъ. Вообще-же по мѣрѣ обѣднѣнія крестьянъ падаетъ спросъ на частновладѣльческія земли и понижаются арендныя на нихъ цѣны. Въ числѣ средствъ, способныхъ ослабить неблагопріятное значеніе малоземелья, земства признаютъ: 1) выселенія; 2) расселенія при помощи свободныхъ казенныхъ и частныхъ земель; 3) улучшеніе условій дѣятельности кре-



стьянскаго банка. Далѣе земства выражаютъ свои пожеланія о скорѣйшей и болѣе широкой организаціи краткосрочнаго или меліоративнаго кредита для сельскихъ хозяевъ, о болѣе равномѣрномъ обложеніи сельскохозяйственныхъ и торговопромышленныхъ предпріятій, объ измѣненіи способовъ взысканія съ крестьянъ повинностей, при чемъ такія мѣры, какъ продажа хозяйственнаго инвентаря, отобраніе надѣловъ и т. д. не должны вовсе примѣняться. Многія земства видѣли въ нынѣшнемъ порядкѣ взысканія съ крестьянъ повинностей, пріуроченнаго къ одному времени (осени), главную причину массоваго предложенія хлѣба въ этомъ сезонѣ и вызываемаго имъ паденія цѣнъ.

Мѣрамъ, направленнымъ къ улучшенію техники земледѣльческаго промысла, земства повидимому отводятъ второстепенное мѣсто. Это станетъ вполнѣ понятнымъ, если принять во вниманіе, что всякаго рода усовершенствованія, помимо сознанія ихъ полезности, доступны только хозяевамъ, благосостояніе которыхъ находится на сравнительно высокомъ уровнѣ. Въ общемъ-же для улучшенія техники земства признаютъ необходимымъ увеличить число агрономическихъ школъ всѣхъ разрядовъ, ввести преподаваніе агрономическихъ наукъ въ нѣкоторыхъ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеніяхъ, усилить преподаваніе въ нихъ естественныхъ наукъ, увеличить число опытныхъ и показательныхъ станцій, учредить должности агрономическихъ смотрителей и вообще расширить организацію агрономическаго руководства для земледѣльческаго населенія. Но, по справедливому замѣчанію большинства земствъ, всѣ подобныя начинанія не могутъ имѣть успѣха при условіи слабаго распространенія общаго первоначальнаго образованія. Такъ, черниговское земство заключаетъ свой отвѣтъ указаніемъ, что «всѣ мѣропріятія тогда только могутъ разсчитывать на достаточный успѣхъ, когда будутъ приняты рѣшительныя мѣры къ поднятію образованія массы сельскаго населенія». По мнѣнію ярославскаго земства, всѣ мѣры должны сопровождаться «развитіемъ народнаго образованія съ введеніемъ обязательнаго обученія народа, съ устройствомъ въ начальныхъ городскихъ школахъ преподаванія садоводства, огородничества и вообще земледѣлія, а равно устройствомъ воскресныхъ чтеній и курсовъ». Воронежское земство также изо-всѣхъ нуждъ сельскаго хозяйства на первую очередь ставитъ «обязательное обученіе для дѣтей школьнаго возраста при матеріальномъ участіи правительства, а также распространеніе библіотекъ и читаленъ».

Въ частности однимъ изъ важныхъ тормазовъ въ дѣлѣ улучшеній техники въ сельскомъ хозяйствѣ огромное большинство земствъ признаетъ искусственное повышеніе цѣнъ на сельско-хозяйственныя машины, желѣзо, чугунъ, сталь и другіе матеріалы, повышеніе, вызываемое таможеннымъ покровительствомъ отечественной обрабатывающей промышленности. Если бы, говоритъ въ своемъ отвѣтѣ харьковское земство, нѣкоторые изъ оте-

чественныхъ заводовъ, не выдержавъ иностранной конкурренціи, и закрылись-бы, то это «принесло-бы пользу, возвративъ населенію рабочихъ, которые теперь отняты у земли для производства дорогихъ и негодныхъ земледѣльческихъ машинъ и орудій». По мнѣнію рязанскаго земства, «громадное вліяніе на всю постановку сельскаго хозяйства оказала-бы совершенная отмѣна пошлинъ на сельскохозяйственныя орудія». При невозможности-же такой отмѣны земство высказывается за необходимость хотя-бы постепеннаго пониженія этихъ пошлинъ, при нынѣшнемъ размѣрѣ которыхъ уплата ихъ является тяжелымъ налогомъ, взимаемымъ съ сельскихъ хозяевъ въ пользу заводчиковъ. Самарское земство къ этому добавляетъ, что положеніе сельскихъ хозяйствъ въ данномъ отношеніи ухудшается еще проявляющимся въ послѣднее время стремленіемъ заводчиковъ къ образованію «синдикатовъ», какъ теперь принято называть стачки. Не остались чуждыми такому движенію и хозяева машиностроительныхъ заводовъ. Въ Самарской, напримѣръ, губерніи они вовсе не пожелали продавать своихъ орудій и машинъ для земскихъ складовъ, являющихся конкуррентами частныхъ складовъ. Такіе-же отвѣты отъ нихъ получили и земства другихъ губерній. Вмѣстѣ съ тѣмъ хозяева складовъ угрожали заграничнымъ заводчикамъ полнымъ прекращеніемъ покупки у нихъ издѣлій, если они вступятъ въ сношенія съ земствами.

Къ третьей группѣ могутъ быть отнесены мѣры, направленныя къ улучшенію условій сбыта сельскохозяйственныхъ продуктовъ. Въ числѣ ихъ земства высказываются за необходимость улучшенія мѣстныхъ подъѣздныхъ путей, за пониженіе желѣзноооророжныхъ тарифовъ и разныхъ сборовъ, сооруженіе элеваторовъ съ выдачею ссудъ подъ хлѣбъ, учрежденіе надзора надъ хлѣбною торговлею и т. д. Нѣкоторыя-же земства полагаютъ, что правительство можетъ непосредственно повлiять на повышеніе хлѣбныхъ цѣнъ—при помощи закупокъ хлѣба у хозяевъ для надобностей войскъ и образованія продовольственныхъ запасовъ. Устраненіе посредниковъ въ данномъ случаѣ является, конечно, очень желательнымъ. Но размѣры подобнаго спроса, сравнительно съ общимъ оборотомъ мірового рынка, насколько незначительны, что подобная мѣра не можетъ оказать своего воздѣйствія на общій уровень цѣнъ. Тѣмъ не менѣе она весьма благодѣтельна для отдѣльныхъ крупныхъ сельскихъ хозяевъ, у которыхъ земскіе агенты покупаютъ хлѣбъ для казны по цѣнамъ высшимъ противъ существующихъ рыночныхъ.

Въ той-же области организаціи хлѣбнаго сбыта нельзя не отмѣтить усиливающагося антагонизма между хозяйствами центральныхъ земледѣльческихъ районовъ и окраинъ. Представители первыхъ какъ-бы полагаютъ, что желѣзныя дороги вовсе не должны способствовать развитію земледѣлія на окраинахъ и тѣмъ создавать для нихъ конкурренцію. Поэтому многія земства центральнаго района высказываются за отмѣну





дѣйствующихъ теперь дифференціальныхъ тарифовъ, при которыхъ поверстная плата за провозъ понижается по мѣрѣ увеличенія разстоянія. «Въ то время, говоритъ по этому поводу рязанское семство, какъ цѣнность земли и, слѣдовательно, капиталъ, затраченный на ея пріобрѣтеніе, а также цѣнность производства въ центральныхъ губерніяхъ, вслѣдствіе густоты населенія и близости къ культурнымъ и административнымъ центрамъ, очень высоки, на окраинахъ въ отдаленныхъ губерніяхъ и то, и другое стоитъ на низкомъ уровнѣ, а потому необходимый для покрытія всѣхъ издержекъ производства доходъ отъ земли, выраженный въ цѣнности продуктовъ, въ центральныхъ губерніяхъ долженъ быть гораздо выше, чѣмъ на окраинахъ. Но дохода такого землевладѣлецъ центральной губерніи не можетъ получить, такъ какъ хлѣбъ, привезенный на общій центральный рынокъ изъ отдаленныхъ губерній, благодаря сравнительно небольшой разницѣ въ издержкахъ за провозъ, можетъ быть съ достаточной прибылью проданъ за такую цѣну, которая прямо убыточна для землевладѣльца центральной губерніи». Что касается цѣнъ на рабочія руки, то въ этомъ отношеніи утвержденіе рязанскаго земства противорѣчитъ дѣйствительному положенію дѣла, такъ какъ онѣ несравненно выше на окраинахъ. Этимъ и объясняется самое существованіе сельскохозяйственныхъ отхожихъ промысловъ въ густо-населенныхъ центральныхъ губерніяхъ. Остается, слѣдовательно, тотъ фактъ, что желѣзныя дороги дѣлаютъ для населенія болѣе доступными дешевыя земли на окраинахъ, вслѣдствіе чего цѣнность поземельной собственности въ центральной Россіи понижается. Но въ данномъ случаѣ для общихъ интересовъ земледѣльческихъ, а не землевладѣльческихъ классовъ, важно всякое пониженіе издержекъ производства продукта, въ числѣ которыхъ плата за пользованіе землею занимаетъ весьма видное мѣсто.

Наконецъ, нѣкоторыя земства, попреимуществу черноземнаго района, указываютъ на необходимость принять мѣры противъ усиливающейся распущенности рабочихъ и, въ частности, нарушенія ими заключаемыхъ съ помѣщиками договоровъ. Многія земства при этомъ проявляютъ чрезвычайную рѣшительность. Они требуютъ снабженія всѣхъ рабочихъ разсчетными книжками, понужденія ихъ къ выполненію договоровъ безъ судебнаго разбирательства, установленія взысканій съ хозяевъ, принимающихъ къ себѣ «бѣглыхъ» рабочихъ и т. д. Къ сожалѣнію, altera pars остается здѣсь не выслушанною и хозяева вовсе умалчиваютъ о причинахъ, которыя дѣлаютъ выполненіе договоровъ для рабочихъ невыгоднымъ и порождаютъ ихъ нарушеніе. Напомнимъ, что на запросъ по этому поводу такъ называемой Валуевской комиссіи, въ числѣ другихъ отвѣтовъ имѣется, между прочимъ, показаніе воронежскаго землевладѣльца А. С. Ермолова, по словамъ котораго случаи самовольнаго ухода рабочихъ почти вовсе не наблюдаются въ экономіяхъ, относящихся къ нимъ добросовѣстно и не прибѣгающихъ къ ростовщическимъ пріемамъ найма.

Въ заключеніе земства указываютъ, что при нынѣшнихъ размѣрахъ земскихъ средствъ и полномочій, выполненіе какихъ-бы то ни было мѣръ, способныхъ серьезно повліять на улучшеніе условій земледѣльческой промышленности, является для нихъ дѣломъ непосильнымъ. Нѣкоторыя земства идутъ въ этомъ отношеніи еще далѣе, признавая такое улучшеніе непосильнымъ даже для отдѣльныхъ министерствъ. Такъ, по мнѣнію рязанскаго земства, «отдѣльныя мѣры, принимаемыя отдѣльными министерствами, помочь общему безотрадному положенію сельскохозяйственной промышленности не въ состояніи. Улучшеніе этого положенія есть дѣло не одного министерства земледѣлія, а общегосударственное и можетъ быть выполнено только средствами правительства, при содѣйствіи земскихъ учрежденій. Земство можетъ предложить, для приведенія въ исполненіе соотвѣтствующихъ мѣропріятій, свой трудъ, знаніе и опытъ, въ денежныхъ-же средствахъ оно настолько стѣснено и ограничено, что едва-ли можетъ оказать какое-либо замѣтное содѣйствіе въ этомъ отношеніи. Установленіе при этомъ тѣсной и непосредственной связи земства съ министерствомъ земледѣлія могло-бы сильно помочь практической и правильной постановкѣ мѣропріятій, направленныхъ къ улучшенію земледѣльческой промышленности. Такая связь помогла-бы оживить энергію сельскаго хозяина и вызвать самостоятельный мѣстный починъ въ дѣлѣ земельныхъ улучшеній, являющихся сами по себѣ уже залогомъ надеждъ на выходъ изъ настоящаго критическаго положенія».

Дѣйствительно, осуществленіе огромнаго большинства мѣръ, рекомендуемыхъ земствами въ интересахъ сельскаго хозяйства, лежитъ прежде всего за предѣлами компетенціи министерства земледѣлія. Сюда относятся, напримѣръ, всѣ мѣры общеэкономическаго характера. Затѣмъ, трудно указать на какую-бы то ни было отрасль государственнаго управленія, которая не соприкасаласьбы самымъ тѣснымъ образомъ съ интересами сельскаго хозяйства. Наконецъ въ частности, земледѣльческая культура только отражаетъ на себѣ общее состояніе культуры въ странѣ и движеніе впередъ для нихъ возможно только параллельное.

---

# ПРОВИНЦІАЛЬНАЯ ПЕЧАТЬ.

**Новая Сандрильона.—Розовыя упованія «Самарской Газеты».—Умилительное единодушіе трехъ казанскихъ издателей.—Опросъ подписчиковъ посредствомъ газетнаго голосованія.—Томасъ Гудъ, перефразированный въ защиту воскреснаго отдыха наборщиковъ.—Безуспѣшный починъ «Нижегородскаго Листка».—Неожиданное разоблаченіе казанскаго тріумфирата.—Сомнительныя оправданія и несомнѣнные выводы.**

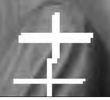
---

«Новая Сандрильона», — такъ не безъ самодовольства называетъ провинціальную печать «Самарская Газета», какъ бы подводя итоги ея двадцатипятилѣтней работы. «Уже прошла та пора, — съ торжествомъ восклицаетъ газета, — когда петербургскіе большіе литераторы дѣлали окрики на провинціальную прессу въ родѣ знаменитаго «quos ego» Мордовцева... Теперь о провинціальной печати говорятъ, съ ея мнѣніемъ считаются, ее цитируютъ, къ ней идутъ за подтвержденіями». Наряду съ удовольствіемъ по этому поводу, почтенный самарскій органъ не скрываетъ и «печальныхъ явленій» въ провинціальной печати: читатели, по его словамъ, часто относятся къ ней съ нѣкоторымъ недовѣріемъ, иногда ругаютъ ее, «ей нужно немного почиститься, немного «подтянуться», такъ сказать». Главнымъ недостаткомъ цитируемая газета признаетъ «ограниченный контингентъ образованныхъ, честныхъ, идейныхъ газетныхъ работниковъ... Человѣку знакомому съ редакціонными порядками хорошо извѣстно, что въ большинствѣ случаевъ провинціальная газета имѣетъ одного, двухъ сотрудниковъ, къ которымъ примѣнимо въ полномъ смыслѣ слова названіе «литераторъ»... Что-же касается остальныхъ,—въ лучшемъ случаѣ (?) это неудачники, вызывающіе сожалѣніе за свою загубленную жизнь, а въ худшемъ... жалкіе кропатели строчекъ». Покаянныя рѣчи свои «Самарская Газета» заканчиваетъ мажорнымъ воззваніемъ: «долго бывшая въ загонѣ Сандрильона прессы теперь обратила на себя вниманіе. И должна умыться, причесаться и надѣть свѣтлыя, незапятнанныя одежды. На нее смотрятъ, на нее обращаютъ вниманіе, можетъ быть, ее скоро полюбятъ»... Сѣтованія «Самарской Газеты» кажутся намъ въ такой-же степени основательными, какъ преждевременны ея надежды на предстоящій расцвѣтъ провинціальной публицистики. «Безлюдьемъ» страдаютъ у насъ не однѣ только провинціальныя газеты, — а при отсутствіи «образованныхъ, честныхъ, идейныхъ работниковъ», самыя благія пожеланія, самыя искреннія и бодрыя приглашенія «немного почиститься, умыться, причесаться» и т. д. останутся «гласомъ вопіющаго въ пустынѣ». Жалкіе кропатели строчекъ и

неудачники, завершающіе свою «загубленную жизнь» въ редакціяхъ провинціальныхъ органовъ, никогда не превратятся въ рыцарей Сандрильоны, «щиты которыхъ блещутъ благородными девизами». Замарашки выходятъ замужъ за прекрасныхъ принцевъ только въ сказкахъ, фантастическій элементъ въ дѣйствительности проявляется сплошь и рядомъ болѣе драматически. И мы сильно опасаемся, какъ бы провинціальная печать въ погонѣ за соблазнительною популярностью не усвоила себѣ именно тѣхъ замашекъ и пріемовъ столичной и иностранной прессы, которые въ корнѣ подрываютъ ея культурное значеніе. Упованія «Самарской Газеты» зиждутся на нѣкоторомъ оживленіи провинціальной печати, четверть вѣка тому назадъ коснѣвшей въ мертвенномъ застоѣ; но явленіе это возникло не въ силу чьихъ-либо заслугъ и радѣнія, а неизбѣжно, подъ давленіемъ конкурренціи и запросовъ все болѣе осложняющейся внутренней жизни въ государствѣ. Между тѣмъ, опасенія наши, къ сожалѣнію, подтверждаются чуть не ежедневно, множествомъ фактовъ, свидѣтельствующихъ, что газетному дѣлу въ провинціи со всѣхъ сторонъ стараются придать направленіе, не имѣющее ничего общаго съ безкорыстнымъ служеніемъ поступательной идеи. Мутная волна захлестываетъ утлыя ладьи аргонавтовъ провинціальной публицистики, оставляя незапятнанными лишь немногія, испытанныя репутаціи...

Наряду съ цѣнными, непритязательными сообщеніями о характерныхъ явленіяхъ мѣстной жизни, провинціальныя газеты помѣщаютъ цѣлые столбцы жидкой размазни, въ которой чуть-ли не больше строчекъ, чѣмъ словъ (кропатели строкъ нерѣдко ухитряются «замѣщать» всю строку однимъ знакомъп репинанія!). Читателямъ преподносится невыносимая болтовня, производящая впечатлѣніе коровьей жвачки: провинціальный хроникеръ завладѣваетъ ничтожнымъ фактомъ и начинаетъ жевать, отрыгивать и снова пережевывать его, пока не заполнитъ-таки своихъ урочныхъ 300 — 400 строкъ. Принимая въ соображеніе особенныя условія, въ которыя поставлена провинціальная публицистика, даже съ такими явно меркатильными замашками можно было-бы примириться, если-бы провинціальныя газеты въ погонѣ за «оживленіемъ» столбцовъ и огражденіемъ своихъ матеріальныхъ интересовъ не прибѣгали къ уловкамъ, возмущающимъ нравственное чувство.

Странное, чрезвычайно странное впечатлѣніе производитъ походъ, предпринятый тремя казанскими газетами въ защиту воскреснаго отдыха для наборщиковъ. Кампанія, повидимому, была затѣяна не только съ наилучшими намѣреніями, но и съ умѣлостью, которой могли-бы позавидовать даже столичные газетныхъ дѣлъ мастера. На первый взглядъ могло показаться, что въ Казани пресловутая Сандрильона твердо рѣшилась воспользоваться для радикальнаго омовенія прославленными качествами мѣстнаго продукта. Три соперничающія въ одномъ городѣ пе-



ріодическія изданія проявили умилительное единодушіе. Выступивъ въ защиту своихъ-же собственныхъ рабочихъ, казанскія газеты составили, такъ сказать, гуманистическій «синдикатъ», предназначенный для соблюденія готовности жертвовать своими интересами. Еще болѣе лестная роль была уготована для потребителей. Работодатели, которыми въ данномъ случаѣ были собственники газетъ, обратились къ подписчикамъ съ заманчивымъ предложеніемъ: не хотите-ли, молъ, добровольно отказаться отъ (неинтересныхъ для васъ) послѣпраздничныхъ нумеровъ газетъ и дать тѣмъ воскресный отдыхъ «меньшей братіи», стяжавъ цѣною столь незначительной жертвы Монтіоновскую премію за добродѣтель, признательность облагодѣтельствованныхъ и преклоненіе потомства?.. При нашей отзывчивости на всякое приглашеніе явить величіе души, достойное быть воспѣтымъ,—въ особенности, если для этого достаточно пожертвовать семикопѣечною маркой и 52-мя листками скверной газетной бумаги, казанскія редакціи, какъ и слѣдовало ожидать, были завалены просто трогательными и трогательными во всѣхъ отношеніяхъ изліяніями высоко-благородныхъ чувствъ своихъ читателей и подписчиковъ. И съ той, и съ другой, и со всѣхъ сторонъ получилось умилительное зрѣлище: три конкурента братски-единодушно погрузились въ заботы о своихъ наемникахъ, домогаясь усладить имъ трудовую долю, тысячи великодушныхъ россіянъ на перебой спѣшатъ огласить въ органахъ казанскаго тріумвирата свою готовность принести лепту на алтарь добродѣтели, наборщики проливаютъ счастливыя слезы отъ восторга и благодарности, остальная Россія «отъ финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды» рукоплещетъ отрадному почину,—и вдругъ... и вдругъ, вмѣсто апофеоза благополучія, получился сомнительный конфузъ. Но раньше, чѣмъ перейти къ этой послѣдней стадіи «отраднаго почина», столь умилившаго сантиментальныя сердца нашихъ Маниловыхъ, мы позволимъ себѣ, для полноты картины, привести нѣкоторыя документальныя данныя, съ первыхъже моментовъ указывавшія на наличность скрытой трещины въ фіалѣ казанской добродѣтели и побудившія насъ выждать окончательнаго результата этого характернаго похода раньше, чѣмъ высказать о немъ свое мнѣніе.

Вслѣдъ за открывшимъ кампанію письмомъ наборщиковъ въ «Камско-Волжскомъ Краѣ», какая-то «*постоянная читательница газетъ*», обладающая стилемъ, столь-же похожимъ на слогъ провинціальныхъ хроникеровъ, какъ два новенькихъ двугривенныхъ другъ на друга,—помѣстила въ «Казанскомъ Телеграфѣ» слѣдующее воззваніе къ подписчикамъ (въ видѣ «*письма въ редакцію*»):

«По истинѣ трогательное впечатлѣніе производитъ письмо наборщиковъ въ 58 № «Камско-Волжскаго Края». Эти труженики печати (въ самомъ точномъ значеніи этого слова) обращаются къ казанскимъ ре-

дакторамъ и ихъ подписчикамъ съ горячей просьбой о воскресномъ отдыхѣ, т. е. объ упраздненіи нумеровъ газеты по понедѣльникамъ. Они указываютъ на то, что каждый ремесленникъ, каждый рабочій пользуется отдыхомъ въ воскресные дни, и лишены его только типографскіе труженики. Невольно вспоминаются слова нашего поэта: «Просилъ, горемычный, не счастья у неба»... а только отдыха одинъ разъ въ недѣлю! Не странно-ли, что газеты, такъ много трактующія о «восьмичасовомъ трудѣ» и его преимуществахъ, какъ для рабочаго, такъ и для самаго хозяина, что читатели, сочувствующіе этимъ взглядамъ, не постараются прежде всего сократить работу тѣхъ, кто стоитъ къ нимъ гораздо ближе заводскихъ и фабричныхъ рабочихъ. Кто, напримѣръ, не ратуетъ за воскресный отдыхъ прикащиковъ и не чувствуетъ уваженія къ тѣмъ хозаевамъ магазиновъ (къ сожалѣнію весьма немногочисленнымъ), которые предоставляютъ его своимъ служащимъ. *Мы понимаемъ, что редакторы газетъ сами заинтересованы въ уничтоженіи послѣпраздничныхъ №№, но не дѣлаютъ этого изъ желанія угодить своимъ подписчикамъ,* такъ не слѣдовало-ли-бы этимъ послѣднимъ самимъ высказаться и цѣною очень маленькой жертвы (лишенія себя тощихъ и всегда не интересныхъ послѣпраздничныхъ листковъ) доставить по праздникамъ отдыхъ массѣ тружениковъ, такъ въ немъ нуждающихся? Теперь въ такой модѣ голосованіе при посредствѣ газетъ самыхъ нелѣпыхъ вопросовъ, вродѣ того: «Слѣдуетъ-ли носить корсетъ или нѣтъ?» «Какія женщины больше нравятся мужчинамъ?» и т. п., почему-бы казанскимъ газетамъ не прибѣгнуть къ голосованію по столь серьезному вопросу и такимъ образомъ не узнать мнѣнія своихъ подписчиковъ? Весьма возможно, что такимъ простымъ способомъ дѣло рѣшилось-бы къ общему удовольствію».

Какъ видите, мотивировка приведена самая подкупающая: кому-же, въ самомъ дѣлѣ, заботиться о нуждахъ наборщиковъ, какъ не самимъ газетамъ, распинающимся на своихъ столбцахъ за восьми-часовой трудъ? Однако, подчеркнутыя нами курсивомъ строки способны внушить и нѣкоторыя сомнѣнія. Хорошо освѣдомленная, повидимому, «постоянная читательница» казанскихъ газетъ не скрываетъ, что редакторы (т. е. издатели) сами заинтересованы въ отмѣнѣ послѣпраздничныхъ нумеровъ. Какой-же выводъ слѣдуетъ сдѣлать изъ этого? Не тотъ-ли, что, въ такомъ случаѣ, издателямъ и надлежитъ принести соотвѣтствующія матеріальныя жертвы? «Постоянная читательница» разсуждаетъ иначе: если издателямъ эта мѣра выгодна, то они, по свойственному имъ благородству души, конечно, не станутъ добиваться осуществленія ея,—поэтому кликнемъ-те, господа, кличъ, авось, уломаемъ этихъ неподатливыхъ альтруистовъ, заставимъ ихъ, наивныхъ простаковъ, и своихъ рабочихъ соблюсти, и капиталъ пріобрѣсти. И посыпались, и посыпались бюллетени казанскаго плебисцита: всѣ напере-

рывъ убѣждали строптивыхъ издателей: голубчики! *хоть вамъ и выгодно* не давать послѣпраздничныхъ нумеровъ, а вы все-таки не упирайтесь. Облагодѣтельствуйте наборщиковъ,—хотя вамъ это выгодно!.. Убѣжденія эти доходили до такого паѳоса, сопровождались такимъ подъемомъ чувствъ, что даже каменныя сердца должны были дрогнуть,—хотя-бы, повторяемъ еще разъ, это было выгодно для ихъ обладателей. Не чувствуя въ себѣ достаточно лиризма для передачи этихъ увѣщаній простою прозаическою рѣчью, выписываемъ нѣсколько образцовъ дословно,—позволивъ себѣ лишь кое-гдѣ снабдить ихъ безобиднымъ курсивомъ:

Милостивый Государь, Господинъ Редакторъ! Вызываясь, въ качествѣ подписчика Вашей уважаемой газеты, дать свое мнѣніе по вопросу о понедѣльничныхъ номерахъ газеты, съ удовольствіемъ присоединяюсь къ голосу человѣколюбиваго состраданія и сочувствія типографскимъ труженикамъ, высказываясь *за безусловное упраздненіе нумеровъ газеты по понедѣльникамъ. Томасъ Гудъ* въ своей извѣстной потрясающей, общественно-обвинительной «*Пѣснѣ о Рубашкѣ*», изображая «безконечно-жестокій трудъ горемычной швеи», заставляетъ ее стонать:

«Затекшіе пальцы болятъ,
И вѣки болятъ на опухшихъ глазахъ...
Работай! работай! работай!
Пока не сожметъ головы, какъ въ тискахъ!
Работай! работай! работай!
Пока не померкнетъ въ глазахъ!»

«Если-бы типографскіе труженики нашли своего *Гуда*, то предъ его горькой пѣснью «о типографскомъ наборѣ», о страданіяхъ и лишеніяхъ несчастныхъ газетныхъ наборщиковъ, безъ сомнѣнія поблѣднѣла-бы знаменитая «пѣснь о рубашкѣ». Швея Гуда, съ шитьемъ и иголкой въ рукахъ, мечтаетъ еще о томъ

«Хоть-бы разъ подышать
Дыханьемъ луговъ, полевыми цвѣтами...
Вверху только небо одно,
Трава и цвѣты подъ ногами.»

«Типографскіе страдальцы, терпѣливо, молча, перенося боль «затекшихъ пальцевъ», «опухшихъ глазъ» и отекшихъ ногъ, мечтаютъ не о лугахъ и полевыхъ цвѣтахъ, а о простомъ отдыхѣ одинъ разъ въ недѣлю, вздыхаютъ не о прогулкѣ по душистой травѣ подъ яснымъ, чистымъ небомъ, а о свободѣ лишь по воскреснымъ днямъ отъ египетскаго труда въ мрачныхъ типографскихъ камерахъ, въ которыхъ

Вверху—закоптѣлый потолокъ,
Обломки свинца подъ ногами...



«И кругомъ—убійственный воздухъ, насыщенный ядовитой пылью. Безчеловѣчно было-бы въ отвѣтъ на мольбы этихъ культурныхъ мучениковъ—хоть разъ въ недѣлю дать имъ возможность свободно вздохнуть наболѣвшей грудью и на одинъ только день забыть о своей безотрадной жизни—сказать имъ:

«Набирай! набирай! набирай
Отъ боя до боя часовъ
Набирай! набирай! набирай,
Какъ каторжникъ въ тьмѣ рудниковъ!»

Проф. *А. Говоровъ*.

«Съ радостью отказываюсь отъ газеты по понедѣльникамъ. По правдѣ сказать, *мнѣ всегда совѣстно брать въ руки по понедѣльникамъ этотъ несчастный листокъ,* зная хорошо, кто и какъ его набиралъ. Вполнѣ сочувствую гуманной идеѣ дать отдыхъ бѣдному труженику—человѣку и отъ души желаю, чтобы предложеніе Г. Донъ-Базиліо получило возможно широкое распространеніе.

Подписчица *Толубаева*».

«Господинъ Редакторъ! Прочитавъ въ № 955 статью Донъ-Базиліо о необходимости воскреснаго отдыха для типографскихъ тружениковъ, имѣю честь заявить, Милостивый Государь, что *такую жертву* — какъ *потеря послѣпраздничныхъ нумеровъ*—*я съ удовольствіемъ* приношу и увѣренъ, что многіе другіе подписчики, хотя-бы и не отвѣтили на воззваніе почтеннаго Донъ-Базиліо, будутъ согласны съ Вашимъ покорнѣйшимъ слугою,

подписчикомъ за № 6386».

«Я, какъ подписчикъ «Каз. Телеграфа», заявляю, что не только ничего не имѣю противъ упраздненія понедѣльничныхъ номеровъ, *почти всегда безъинтересныхъ и наполненныхъ одними только объявленіями,* но считаю даже необходимымъ освободить типографскихъ труженниковъ отъ работъ по воскреснымъ днямъ, удовлетворивъ такимъ образомъ ихъ вполнѣ естественное и справедливое желаніе.

*И. А. Черныхъ*».

«М. Г., г. Редакторъ! Вполнѣ сочувствуя воскресному отдыху наборщиковъ я *съ удовольствіемъ отказываюсь* отъ полученія по понедѣльникамъ газеты.

Подписчикъ жандармскій полковникъ (*подпись неразборчива*)».

«Казанская губернская земская управа высказывается *съ величайшимъ удовольствіемъ* за отмѣну понедѣльничныхъ нумеровъ.

Зам. мѣсто предсѣдателя *В. Ляпуновъ*.
Секретарь *Благодаровъ*».

«Казанская городская управа очень сочувственно относится къ предложенію почтенной редакціи объ уничтоженіи понедѣльничныхъ номеровъ. *Надо-же дать отдыхъ несчастнымъ труженикамъ!..*

Членъ управы *А. Казаковъ.*
Секретарь *Н. Постниковъ*».

«Стою за освобожденіе наборщиковъ отъ работы въ праздничные дни.

Полицеймейстеръ *Панфиловъ*».

Взрывъ высокихъ чувствъ, какъ видите охватилъ даже цѣлыя учрежденія, коснулся представителей профессій, имѣющихъ самое отдаленное отношеніе къ принципіальнымъ вопросамъ... И каменныя сердца дрогнули: Наборщики получили возможность «хоть разъ въ недѣлю свободно вздохнуть наболѣвшей грудью». Подписчики,—какъ это ни трудно было!—уговорили, наконецъ, издателей выпускать за ту-же цѣну значительно меньшее число нумеровъ, чѣмъ прежде. Благопріятный и даже почетный исходъ этой газетной «конверсіи» въ Казани сталъ соблазнять и другіе города. Фельетонистъ «Нижегородскаго Листка», г. Волжинъ, обратился къ своимъ согражданамъ съ запросомъ: отчего-бы и имъ, нижегородцамъ, не послѣдовать примѣру казанцевъ, отчего-бы и имъ не дать отдыхъ газетнымъ работникамъ? Выпустившая «пробный шаръ» редакція охотно ввела-бы у себя праздничный отдыхъ,—если-бы на то согласились издатели другихъ, соперничающихъ газетъ. Однако, согласія другихъ газетъ не послѣдовало. Почему-же? Неужели этихъ неумолимыхъ Катоновъ такъ и не удалось уговорить, чтобы они дали отдыхъ наборщикамъ, — *хотя имъ самимъ это выгодно?..* Неужели нижегородскіе издатели такъ закоренѣли въ своемъ «безкорыстіи», что ихъ не тронули даже стихи Томаса Гуда? Нѣтъ, разгадка гораздо, гораздо проще. Въ Казани издателямъ газетъ сократить число нумеровъ *выгодно*,—а въ Нижнемъ *невыгодно*. Во время ярмарки мѣстныя изданія бойко торгуютъ объявленіями и сильно расходятся въ розничной продажѣ (газета г. Пастухова продается въ количествѣ до 10,000 экземпляровъ). Итакъ въ городѣ, гдѣ послѣпраздничные нумера приносятъ доходъ издателямъ, послѣдніе остались безнадежно глухи ко всякимъ, самымъ основательнымъ по существу филантропическимъ доводамъ. Такая жестоковыйность набросила тѣнь и на прославленное безкорыстіе ихъ казанскихъ коллегъ. Тѣнь эта еще болѣе сгустилась, когда въ «Новомъ Времени» появилось слѣдующее «письмо въ редакцію», утверждающее, что Монтіоновская премія за добродѣтель была пристегнута къ этому дѣлу, такъ сказать, лишь ради красоты слога: «Издатели трехъ казанскихъ газетъ, объявивъ при подпискѣ, что газеты ихъ ежедневныя, въ самомъ началѣ года начали кампанію въ пользу яко-бы наборщиковъ, при ежедневномъ изданіи не

имѣющихъ вовсе праздничнаго покоя, и пригласили подписчиковъ высказать свои желанія по вопросу объ упраздненіи послѣпраздничныхъ нумеровъ. Много жалкихъ словъ было напечатано казанскими газетами по этому вопросу, и великодушная публика изъявила полное свое сочувствіе инициаторамъ облегченія участи меньшей братіи, а газеты вслѣдствіе такого соглашенія свели свои нумера, напр., въ маѣ къ 18 вмѣсто 31-го. Но, странное дѣло, прежде всѣхъ вознегодовали сами наборщики, а затѣмъ разсердилась и публика. Оказалось, что наборщики получаютъ плату не мѣсячную, а съ нумера, и потому съ сокращеніемъ числа нумеровъ сократился и заработокъ ихъ, чего публика никакъ уже не ожидала. Въ чью-же пользу старались редакціи? Кто-же кладетъ въ карманъ экономію? Вотъ и въ данную минуту Казань съ 21-го по 24-е іюля безъ газетъ, такъ-какъ 21-го воскресенье, 22-го—праздникъ, а 23-го—послѣпраздничный день

Казань. 21-го іюля. *Кн. Д. О.»*

«Гвоздь» инцидента обнаружился: публика, ратуя за предоставленіе воскреснаго отдыха типографскимъ рабочимъ, не знала, что наборщики получаютъ задѣльную плату и что этотъ отдыхъ будетъ сопряженъ для нихъ съ матеріальнымъ ущербомъ весьма чувствительнаго свойства, достигшимъ, напримѣръ, въ маѣ двухъ пятыхъ всего заработка. Издатели казанскихъ газетъ очутились въ весьма неловкомъ и двусмысленномъ положеніи: ореолъ добродѣтели, которымъ они себя увѣнчали, сразу полинялъ, и затѣянный съ высоко поднятою головой походъ завершился всероссійскимъ посрамленіемъ. Несмотря на полное выясненіе дѣла, казанскій тріумвиратъ сдѣлалъ еще нѣсколько попытокъ оправдать себя. «Волжскій Вѣстникъ» напечаталъ слѣдующее «отвѣтное» письмо своихъ наборщиковъ: «Милостивый государь, господинъ редакторъ! Прочитавъ письмо въ «Новомъ Времени» кн. Д. О., а также и въ другихъ газетахъ о воскресномъ отдыхѣ наборщиковъ, въ которыхъ, между прочимъ, говорится, что отъ невыпуска понедѣльничныхъ номеровъ, прежде всего, пострадали и вознегодовали сами-же наборщики, такъ-какъ сократился ихъ заработокъ и т. д., мы, наборщики «Волжскаго Вѣстника», считаемъ нравственнымъ долгомъ на это заявить, что никто изъ насъ, работающихъ, какъ задѣльно, такъ и на жалованьѣ—*не пострадалъ*, а также никто никому никакихъ претензій не заявлялъ, а наоборотъ, честь и слава тѣмъ, кто далъ намъ возможность, хотя одинъ день въ недѣлю, провести *внѣ той убійственной атмосферы, въ которой намъ приходится работать ежедневно*, и желаемъ, чтобы и впредь не лишили насъ воскреснаго отдыха. Метранпажи: В. Вислобоковъ и Ив. Соколовъ. Наборщики: П. Тяпкинъ, П. Луговкинъ, П. Прокофьевъ, К. Раевъ, К. Калининъ, Т. Луговой, В. Усовъ, В. Русиновъ, Н. Пусковъ, А. Михайловъ и А. Капитоновъ».

Возраженіе наборщиковъ «Волжскаго Вѣстника» представляется намъ крайне неубѣдительнымъ; на главный вопросъ о томъ, понизился-ли ихъ заработокъ, оно не даетъ никакого отвѣта. Изъ огульныхъ заявленій, будто никто изъ нихъ «не пострадалъ» и никому не заявлялъ никакихъ претензій, можно скорѣе вывести заключеніе, что наборщики, какъ люди, живущіе исключительно заработкомъ и всецѣло зависящіе отъ хозяевъ, открещиваются отъ посторонняго заступничества именно изъ боязни «пострадать». Не заявляютъ-же они «никакихъ претензій» и на то, что имъ приходится ежедневно работать *при убійственной атмосферѣ*, а это, пожалуй, не менѣе важно, чѣмъ лишеніе воскреснаго отдыха или части заработка. Объ истинныхъ чувствахъ и настроеніяхъ наборщиковъ, какъ всякій легко пойметъ, менѣе всего возможно узнать изъ, такъ сказать, оффиціальнаго» и коллективнаго письма, имѣющаго, конечно, свою исторію. «Камско-Волжскій Край», также почувствовавшій необходимость обѣлить себя, посвятилъ этому неприглядному дѣлу «объясненіе», въ самомъ дѣлѣ не оставляющее болѣе никакихъ сомнѣній относительно истиннаго характера шумной газетной кампаніи, прикрывшейся прекрасными и нравственными побужденіями. «Во время проведенія реформы въ Казани,—говоритъ «Камско-Волжскій Край»,—съ возникновеніемъ нашей газеты, явившейся по числу третьей, не хватало рабочихъ рукъ въ типографіяхъ. Несмотря на повышенную плату, наборщики, набиравшіе, при нормальномъ ходѣ работъ, 150—200 строкъ въ день, принуждены были, въ виду ихъ недостаточнаго числа, работать чуть не *вдвое болѣе*. Изданіе третьей газеты, повысившее заработокъ мѣстныхъ наборщиковъ, дало имъ *возможность* заговорить о *необходимости* праздничнаго отдыха, и инціатива въ дѣлѣ упраздненія понедѣльничныхъ нумеровъ принадлежитъ, прежде всего, самимъ наборщикамъ. *Теперь условія нѣсколько измѣнились*, контингентъ наборщиковъ въ Казани нѣсколько увеличился,—и выпускъ понедѣльничныхъ нумеровъ, при извѣстныхъ условіяхъ, *могъ-бы быть возобновленъ*». Факты, сообщаемые этою газетой, проливаютъ окончательный свѣтъ на закулисные мотивы, вѣроятно, немало повліявшіе на рѣшимость казанскихъ издателей воспользоваться совѣтомъ «постоянной читательницы газетъ» и привлечь, подъ благовиднымъ предлогомъ, своихъ подписчиковъ къ своеобразному голосованію. Въ Казани основалась лишняя газета,—и цѣна на рабочія руки поднялась. Вмѣсто того, чтобы выписать недостающее число наборщиковъ, трое издателей предпочли урегулировать спросъ съ предложеніемъ за счетъ своихъ потребителей. Выпустивъ въ теченіе мѣсяца вмѣсто 30 нумеровъ всего 18, *три* газеты въ общей сложности дали 54 нумера, т. е. на шесть нумеровъ меньше, чѣмъ до «реформы» дали-бы *двѣ* газеты. Разсчетъ простой и какъ нельзя болѣе ясный. «Камско-Волжскій Край», высказывая эти соображенія, не стѣсняется даже заявить, что теперь

число наборщиковъ въ Казани уже увеличилось и выпускъ понедѣльничныхъ нумеровъ, пожалуй, можетъ быть *возобновленъ*. Вопросъ о воскресномъ отдыхѣ, выручившій въ свое время казанскихъ издателей, нетрудно сдать, за ненадобностью, въ архивъ,—до востребованія, на случай новаго оскуденія рабочихъ рукъ въ типографіяхъ. Такимъ образомъ все войдетъ въ свою колею;—и наборщикамъ будетъ предоставлено, по прежнему, пребывать въ «убійственной» атмосферѣ безъ перерыва сплошь всю недѣлю.

Мы остановились такъ подробно на этомъ прискорбномъ инцидентѣ потому, что онъ затрогиваетъ рядъ важныхъ вопросовъ, неразрывно связанныхъ съ общимъ строемъ нашей общественной и экономической жизни. Вопросы о нормальномъ рабочемъ днѣ, о воскресномъ отдыхѣ, о гигіенической обстановкѣ производствъ принадлежатъ къ числу самыхъ жгучихъ и требующихъ серьезнѣйшаго вниманія. Попытка воспользоваться ими для прикрытія низменныхъ разсчетовъ и цѣлей не можетъ вызвать ничего, кромѣ искренняго негодованія. Глумленіе надъ участью скромныхъ тружениковъ, посвящающихъ свои силы и здоровье неблагодарной работѣ у наборной кассы и типографскаго станка, заслуживаетъ рѣшительнаго и безпощаднаго осужденія. Отъ людей, стоящихъ столь близко, какъ издатели, къ газетному дѣлу, можно и должно требовать болѣе серьезнаго и гуманнаго отношенія къ своимъ рабочимъ. Наборщики въ правѣ требовать не только такого-же отдыха, какимъ пользуются представители другихъ, дѣйствующихъ менѣе разрушительно на здоровье профессій, но и коренного измѣненія системы вознагражденія за ихъ тяжелый, низко оплачиваемый трудъ. Условія, при которыхъ они обречены работать почти во всѣхъ типографіяхъ, не удовлетворяютъ самымъ первичнымъ гигіеническимъ требованіямъ. Дѣятелямъ печати надлежитъ озаботиться не только о воскресномъ отдыхѣ для «меньшей братіи», но и вообще, о болѣе человѣчномъ устройствѣ ихъ многострадальной участи.

Сандрильона нашей прессы,—какъ образно называетъ провинціальную печать «Самарская Газета», — повидимому, въ значительной степени утратила первобытную наивность. Она научилась кое-чему хорошему, но, наряду съ полезными нововведеніями, переняла у старшихъ сестеръ нѣкоторые пріемы, внушающіе серьезныя опасенія за ея будущность. Легендарная исторія о томъ, какъ казанскіе издатели заставили наборщиковъ «отдыхать» по 13 дней въ мѣсяцъ, во всякомъ случаѣ, представляетъ неблагодарный фонъ для розовыхъ надеждъ и упованій.

**Л. Горевъ.**

---



# ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

**Россія подъ Нижнимъ. — Вопросъ о протекціонизмѣ на торгово-промышленномъ съѣздѣ.—Рѣчи г. Морозова и министра финансовъ.—Рѣчь проф. Яроцкаго о страхованіи рабочихъ.—Убыль университетскихъ силъ.—Вопросъ о способахъ замѣщенія вакантныхъ кафедръ.—Ростъ переселенческаго движенія.—Слухи о пріостановленіи переселеній.—Взгляды на значеніе переселеній гг. Исаева, Николая-Она и Скворцова.**

---

Читателямъ, навѣрно, уже наскучили статьи подъ заглавіями: «всероссійская выставка», «Россія подъ Нижнимъ», «у Макарья и на выставкѣ» и т. п. Во всѣхъ этихъ статьяхъ царитъ утомительное однообразіе содержанія, слога и выраженій. Авторы газетныхъ статей «о Россіи подъ Нижнимъ», повидимому, забыли всѣ другія слова, кромѣ «восхитительно», «великолѣпно» и т. п. Отвѣтственныя обязанности журналиста побудили и автора этихъ строкъ отправиться въ Россію, которая подъ Нижнимъ и въ которой все великолѣпно и восхитительно. Посмотрѣлъ я на эту Россію подъ Нижнимъ и уразумѣлъ, что выраженіе «Россія подъ Нижнимъ» имѣетъ полное право на существованіе. Это, дѣйствительно, особая Россія, а не та Россія, которую мы всѣ знаемъ. Мнѣ пришлось встрѣтить одного почтеннаго россіянина, который уже пишетъ трактатъ на тему объ отсутствіи родственныхъ связей между Россіей вообще и Россіей подъ Нижнимъ. Я попробовалъ ему возразить и, конечно, потерпѣлъ неудачу, такъ какъ и самъ чувствовалъ, что почтенный россіянинъ стоитъ на такой вѣрной дорогѣ, съ которой сбить его невозможно. Правда, и Россія подъ Нижнимъ будитъ одинъ и тотъ-же вопросъ, что и Россія вообще. Просвѣщенія мало, такъ мало, что о культурномъ творчествѣ и мощи свободнаго духа приходится помечтать и въ Россіи подъ Нижнимъ.

Въ послѣднемъ обозрѣніи намъ уже приходилось полемизировать съ «Новымъ Временемъ» на счетъ того образованія, слабость котораго обнаружилась и въ Россіи подъ Нижнимъ. «Новое Время» доказывало, что «недостатокъ промышленнаго образованія въ населеніи

обезсиливаетъ его богатыя природныя способности и задерживаетъ промышленный прогрессъ страны при наличности самыхъ благодарныхъ естественныхъ условій». Мы-же доказывали, что культуру и мощь свободнаго духа создастъ не промышленное, а общее образованіе: низшее, среднее и высшее. «Россія подъ Нижнимъ» еще болѣе убѣдила насъ въ справедливости нашихъ возраженій «Новому Времени». Самъ министръ финансовъ категорически заявилъ въ Нижнемъ, что намъ нужно торопиться и сильно торопиться съ распространеніемъ знаній въ населеніи

Недостатокъ культуры и скудость нашего образованія сказались въ самомъ серьезномъ дѣлѣ, задуманномъ въ «Россіи подъ Нижнимъ». Мы имѣемъ въ виду торгово-промышленный съѣздъ. Серьезно вдумавшись въ рѣчи разныхъ ораторовъ, выступавшихъ на съѣздѣ, вы придете къ тому заключенію, что они готовы высказывать прямо противоположные взгляды даже по вопросу о томъ, существуетъ-ли у насъ окрѣпшая фабрично-заводская промышленность или ея не имѣется. На вопросъ, поставленный только въ такой формѣ, вамъ, несомнѣнно, скажутъ, что наша фабрично-заводская промышленность вполнѣ окрѣпла и могучими шагами двигается впередъ. Послѣ такого отвѣта попробуйте спросить съ недоумѣніемъ, къ чему-же страна и государство продолжаютъ нести крупныя жертвы въ интересахъ поощренія промышленности, вполнѣ окрѣпшей и могучими шагами двигающейся впередъ? На такой вопросъ вамъ, несомнѣнно, отвѣтятъ, что наша юная промышленность пошатнется и падетъ подъ натискомъ иностранныхъ конкуррентовъ, если страна и государство перестанутъ нести тѣ крупныя жертвы въ пользу промышленности, которыя выпадаютъ на ихъ долю при дѣйствіи высокаго тарифа. Изъ этого отвѣта, очевидно, получается такой выводъ, что наша промышленность есть искусственный, болѣзненный плодъ, готовый во всякое время зачахнуть, если его перестанутъ питать искусственной пищей въ видѣ высокихъ таможенныхъ ставокъ. На съѣздѣ неожиданно образовалось большинство сторонниковъ той мысли, что многіе виды нашей промышленности по своей жизненности могутъ уже обходиться и безъ зловредной соски въ видѣ запретительныхъ таможенныхъ ставокъ. Какъ извѣстно, съѣздъ большинствомъ голосовъ постановилъ ходатайствовать объ отмѣнѣ пошлинъ на сталь, желѣзо, чугунъ и сельскохозяйственныя машины. Это постановленіе вызвало переполохъ среди всероссійскаго купечества. Въ послѣдній день засѣданій съѣзда предсѣдатель ярмарочнаго комитета С. Т. Морозовъ заявилъ, что постановленіе съѣзда объ отмѣнѣ пошлинъ на желѣзо, чугунъ, сталь и сельскохозяйственныя машины вызвало со стороны купечества заявленіе о нежелательности такой мѣры. Въ концѣ августа состоится собраніе уполномоченныхъ ярмарочнаго купечества для обсужденія этого вопроса. Такимъ образомъ, всероссійское купечество считаетъ свой голосъ выше голоса

членовъ торгово-промышленнаго съѣзда и чрезъ своего предсѣдателя заявляетъ, что ему (купечеству) принадлежитъ послѣднее рѣшительное слово. Г. Морозовъ отъ имени купечества говорилъ и по закрытіи съѣзда на обѣдѣ, данномъ министру финансовъ. Текстъ рѣчи г. Морозова и отвѣтной рѣчи министра финансовъ напечатанъ въ оффиціальномъ изданіи «Извѣстія всероссійской художественной и промышленной выставки». Мы будемъ пользоваться этимъ оффиціальнымъ текстомъ, удерживая и поставленныя въ немъ многоточія.

Г. Морозовъ началъ свою рѣчь воспоминаніями о томъ славномъ времени, когда въ Нижнемъ всероссійское купечество величало покойнаго И. А. Вышнеградскаго «отцомъ отечества». «Болѣе шести лѣтъ тому назадъ, говорилъ г. Морозовъ, одинъ изъ выдающихся министровъ не только Россіи, но и всего міра, въ этомъ самомъ залѣ оповѣстилъ всероссійское купечество о монаршей милости, выразившейся въ общемъ увеличеніи пошлинъ на привозные товары въ размѣрѣ двадцати процентовъ». Какъ видите, г. Морозовъ имѣетъ свои оригинальные взгляды на значеніе политики Вышнеградскаго, но не станемъ перерывать эту «историческую» рѣчь. «И вотъ теперь, когда предъ лицомъ всей Европы, продолжаетъ г. Морозовъ, мы имѣемъ свидѣтельство нашего роста, мы встрѣчаемся съ постановленіемъ сначала одного отдѣла, а затѣмъ и общаго собранія съѣзда, какъ-бы протестующаго противъ этихъ мѣръ. Не стану говорить о томъ, что съѣздъ не долженъ имѣть особаго кредита, такъ-какъ въ данномъ случаѣ особенно важенъ вопросъ о составѣ его членовъ. Мы, представители торговли и промышленности, привыкли долго думать, прежде чѣмъ окажемъ кому-нибудь кредитъ... Будемъ-же твердо вѣрить, что въ лицѣ Сергѣя Юльевича Витте, независимо отъ какихъ-бы то ни было обстоятельствъ, мы будемъ видѣть того-же поборника и покровителя русской производительности, какимъ мы видѣли его все время до сихъ поръ». Какъ видите, три точки, поставленныя г. Морозовымъ послѣ слова «кредитъ», означаютъ, что министръ финансовъ Витте пользуется полнымъ кредитомъ всероссійскаго купечества.

Свою отвѣтную рѣчь министръ финансовъ началъ слѣдующимъ весьма прямымъ заявленіемъ: «Считаю долгомъ, прежде всего заявить, что мнѣ пока неизвѣстно, что говорилось на съѣздѣ. Придетъ время, я познакомлюсь съ трудами съѣзда подробно. Я убѣжденъ, что засѣданія велись такъ, что сдѣлать это будетъ возможно. Впрочемъ, и теперь уже могу сказать, что для меня особенно интересны частные, спеціальные вопросы, то есть, отвѣтъ на то, какимъ способомъ достигнуть намѣченныхъ правительствомъ цѣлей; менѣе интересны вопросы о томъ, какими путями должно идти къ этимъ цѣлямъ. Какое-же бы это было правительство, если-бы за указаніемъ этихъ путей оно-бы шло къ съѣзду? Всѣ отвѣты практическіе особенно цѣнны; если-бы со-

вѣтоваться по вопросамъ общимъ, мы-бы обратились, разумѣется, не къ съѣзду, а къ другимъ учрежденіямъ и вѣдомствамъ. Въ этомъ отношеніи выводы съѣзда имѣли для меня, не скажу никакой, но крайне ничтожную цѣну. Для меня лично и для правительства будетъ интересно, однако, узнать, что по этимъ вопросамъ сказано на съѣздѣ и кто сказалъ?.. Это очень существенно, такъ-какъ на съѣздѣ было немало образованныхъ и интеллигентныхъ лицъ, а тысяча-ли сказала или десять для меня безразлично, такъ-какъ десять человѣкъ могутъ сказать умное, а тысяча—неразумное. Первое будетъ принято, а второе нѣтъ. Вотъ какое мое отношеніе къ съѣзду». Изъ этихъ словъ вы можете себѣ составить опредѣленное представленіе объ отношеніи г. министра финансовъ къ торгово-промышленному съѣзду и его работамъ. Теперь предлагаемъ вамъ ознакомиться съ взглядами министра финансовъ на вопросъ объ искусственномъ питаніи нашей промышленности таможенными ставками. «По этому общему вопросу,—говорилъ г. Витте,—мнѣніе съѣзда имѣетъ мало значенія, но все-таки нѣкоторое значеніе имѣетъ. Само собой понятно, что стоимость продукта, а особенно для такого потребителя, какимъ является нашъ земледѣлецъ, дешево продающій свой товаръ,—вопросъ существенный. Нужно ему сочувствовать, если онъ заботится о своихъ нуждахъ и указываетъ на средства имъ помочь. Иное дѣло, когда вопросъ касается путей, которыми можно ихъ достигнуть. Первый путь къ этому есть ослабленіе пошлинъ, второй,—я говорю не о теоріи, *ибо теоріей я никогда не занимался* и не имѣю на это претензій,—есть система покровительства. Когда говорятъ, что при свободномъ доступѣ иностраннаго товара продуктъ дешевѣетъ, упускаютъ изъ вида, что за этотъ дешевый продуктъ платитъ Россія, а получаетъ заграница. И что такимъ образомъ, устанавливается постоянно дѣйствующій насосъ, откачивающій капиталы изъ Россіи заграницу. Затѣмъ упускаютъ изъ вида, что не мы одни держимся протекціонизма, но и всѣ иностранныя державы, за исключеніемъ Англіи, покровительствуютъ своему производству. Такъ напримѣръ, наши сосѣди взыскиваютъ за нашу рожь пошлину въ размѣрѣ стоимости продукта, и вотъ въ работахъ съѣзда, я не знаю, упоминалось-ли, должны-ли быть пошлины сложены даромъ или этимъ путемъ хотятъ убѣдить и Германію уничтожить пошлину на нашъ хлѣбъ?.. Если это такъ, то и я-бы пошелъ на встрѣчу этому желанію, но пока они, извините за выраженіе, дерутъ съ насъ шкуру за нашъ продуктъ, о сложеніи пошлинъ нельзя думать. Если-бы я не зналъ, что на съѣздѣ разсуждали люди, съ своей исключительной точки зрѣнія, то можно было-бы заподозрить, что это говорятъ не русскіе люди, а присланные изъ-за границы... Я отъ души сочувствовалъ-бы, еслибы всѣ народы сказали: «зачѣмъ мы душимъ другъ-друга»,—о, тогда я первый, а за мною и вся Россія пошли-бы на сложеніе пошлинъ, но только въ томъ случаѣ, если-

бы онѣ были сложены повсюду и за-границей. Съ этой точки зрѣнія я привѣтствовалъ-бы работы съѣзда и пожелалъ-бы ему успѣха».

Мы не можемъ входить въ подробное обсужденіе рѣчи г. министра финансовъ. Читатели знакомы съ нашими взглядами по вопросамъ, затронутымъ въ этой рѣчи, и въ сотый разъ повторять одно и то-же нѣтъ особой надобности. «Теорія» сама за себя постоитъ, но наша наука... Поистинѣ было жалко за нашу науку на торговопромышленномъ съѣздѣ. Однимъ изъ послѣднихъ вопросовъ въ программѣ съѣзда стоялъ вопросъ о страхованіи рабочихъ. Съ докладомъ по этому вопросу выступалъ *профессоръ* Яроцкій. Какъ извѣстно, въ правительственныхъ сферахъ уже года три тому назадъ былъ разработанъ проектъ о государственномъ страхованіи. Естественно было ожидать, что *профессоръ* выскажется именно въ пользу *обязательнаго государственнаго* страхованія рабочихъ. На самомъ-же дѣлѣ г. Яроцкій возражалъ противъ обязательнаго государственнаго страхованія. Его рѣчь просто съ трудомъ вкладывалась въ нашу голову, а потому мы охарактеризуемъ ее словами сотрудника «Новостей», г. Рока. «Мы были увѣрены, говоритъ г. Рокъ, что здѣсь профессоръ развернетъ всю мощь своей аргументаціи и своими новыми доводами укрѣпитъ добрую славу проектируемаго государственнаго учрежденія. Но каково было наше удивленіе, когда профессоръ Яроцкій вдругъ свернулъ съ пути... Докладчикъ говорилъ о практичности, о чемъ слишкомъ много уже говорили на съѣздѣ, сталъ доказывать, что необходимо подчиниться условіямъ законодательства, по которымъ весьма трудно проводятся и создаются новыя учрежденія. «Не будемъ оптимистами, будемъ жить не на небѣ, а на землѣ», — восклицаетъ проф. Яроцкій. Въ Царствѣ Польскомъ, — говоритъ авторъ доклада,—около 20 проц. рабочихъ застрахованы въ различныхъ страховыхъ обществахъ. Это явленіе проистекаетъ не изъ добрыхъ качествъ и гуманныхъ свойствъ польскихъ фабрикантовъ. Предприниматели и тамъ не особенно близко принимаютъ къ сердцу интересы рабочихъ. Но тамъ дѣйствуетъ, такъ-называемый, «кодексъ Наполеона», въ силу котораго отвѣтственность за увѣчье падаетъ всецѣло на работодателей. Такимъ образомъ, проф. Яроцкій выводитъ отсюда, что достаточно будетъ создать законы объ отвѣтственности предпринимателей, и рабочіе будутъ обезпечены. Проф. Яроцкій находитъ безполезнымъ вносить законопроекты, которые требуютъ десятковъ лѣтъ для проведенія ихъ въ жизнь. По его мнѣнію, разработка устава о государственномъ страхованіи потребуетъ слишкомъ много времени. Г. Яроцкій въ качествѣ примѣра приводитъ Францію, гдѣ выработка устава государственнаго страхованія продолжалась около шестнадцати лѣтъ. Но почтенный профессоръ забываетъ, что въ Германіи тотъ-же уставъ выработался и былъ утвержденъ въ засѣданіяхъ рейхстага впродолженіи двухъ лѣтъ. Теперь,

когда у насъ уже имѣются уставы страхованія, принятые въ различныхъ странахъ, намъ не стоитъ никакого труда остановиться на одной какой-либо системѣ государственнаго страхованія, наиболѣе подходящей къ условіямъ нашего быта. На это потребуется очень мало времени, и законъ, созданный такимъ образомъ, удовлетворитъ, безъ сомнѣнія, рабочихъ, которые ждутъ нашей помощи. Наконецъ, предположимъ даже, что должно пройти двадцать, тридцать лѣтъ прежде, чѣмъ проектъ государственнаго страхованія будетъ утвержденъ и сдѣлается закономъ. Дастъ-ли это право профессору Яроцкому отвлечься отъ наиболѣе вѣрнаго средства обезпеченія рабочихъ? Машина законодательства, какъ вѣрно замѣтилъ одинъ изъ многочисленныхъ оппонентовъ проф. Яроцкаго, чрезвычайно тяжела и, разъ пущенная въ работу, она должна затѣмъ отдохнуть, набраться новыхъ силъ для плодотворной дѣятельности. Если рѣшить прибѣгнуть къ компромиссу, предложенному проф. Яроцкимъ, нужно надолго бросить мысль о государственномъ страхованіи, такъ какъ машина законодательства не будетъ уже такъ скоро приведена въ движеніе для того, чтобы утвердить новый законопроектъ. Неужели-же только изъ-за трудности задачи отказаться отъ лучшаго во имя худшаго? Неужели проф. Яроцкій боится призрака многолѣтней работы на пользу многочисленныхъ тружениковъ?..»

Рѣчь проф. Яроцкаго пришлась по душѣ многочисленнымъ противникамъ обязательнаго государственнаго страхованія рабочихъ. Вопросъ прошелъ лишь въ формѣ *пожеланія* о скорѣйшемъ введеніи у насъ обязательнаго государственнаго страхованія. Какъ видите, благія намѣренія и добрые порывы не чужды и представителямъ торговопромышленныхъ интересовъ, несомнѣнно давившимъ на ходъ занятій съѣзда и на его рѣшенія. На представителей торговопромышленныхъ интересовъ никто и не возлагалъ никакихъ надеждъ при обсужденіи вопросовъ первостепенной важности. Уже давно всѣмъ извѣстно отношеніе всероссійскаго купечества къ интересамъ всей страны и массы населенія. Профессору Яроцкому путаться въ компромиссѣ торговопромышленнаго характера не подобаетъ. Его рѣчь вызвала не только смущеніе, но и досаду и негодованіе. Большинство слушателей сей отселѣ славной рѣчи ушли домой и, навѣрно, размышляли надъ вопросомъ о кафедрѣ и людяхъ, достойныхъ кафедры.

Въ этомъ отношеніи открывающійся учебный сезонъ, повидимому, не обѣщаетъ быть особенно счастливымъ для нашей университетской жизни. Ходятъ разные слухи и все изъ категорій не особенно утѣшительныхъ. По примѣру прежнихъ лѣтъ, предвидится удаленіе на покой нѣкоторыхъ изъ нашихъ университетскихъ преподавателей. Прошлый годъ, въ это самое время ходили настоятельные слухи о томъ, что А. И. Чупровъ покидаетъ свою кафедру въ московскомъ университетѣ. Эти

слухи, къ счастію, не оправдались и А. И. Чупрову удалось читать свой курсъ до конца истекшаго учебнаго года. Теперь ходятъ настоятельные слухи о томъ, будто нашъ почтенный сотрудникъ А. А. Исаевъ уже не будетъ читать лекцій въ петербургскомъ университетѣ. Можно имѣть разныя мнѣнія о литературной и общественной дѣятельности г. Исаева, но объ удаленіи его изъ университета нельзя не сожалѣть. Среди скромныхъ силъ петербургскаго юридическаго факультета А. А. Исаевъ занимаетъ весьма видное мѣсто. Намъ просто не хотѣлось-бы вѣрить, что слухи о прекращеніи имъ чтеній въ университетѣ оправдаются на самомъ дѣлѣ. Судя по этимъ слухамъ, мотивы, вызывающіе такое прекращеніе, не принадлежатъ къ категоріи академическихъ. Правда, прекращеніе чтеній по мотивамъ не академическаго характера въ послѣднее время стало повторяться весьма часто и, къ сожалѣнію, оно почему-то выпадаетъ на долю самыхъ полезныхъ для университета силъ. Гг. Яроцкій, Коркуновъ, Карѣевъ и т. п. потеряютъ на кафедрѣ зубы и притупятъ зрѣніе въ подысканіи дороги для трезваго отношенія къ наукѣ, а гг. Чупровъ, Исаевъ, и др. отходятъ въ тотъ разрядъ, въ которомъ раньше ихъ заняли мѣсто гг. Муромцевъ и Ковалевскій. Конечно, гг. Исаевъ и Чупровъ, какъ и гг. Ковалевскій и Муромцевъ, найдутъ себѣ немало дѣла и внѣ стѣнъ университета, но, вѣдь, и въ стѣнахъ университета нужно удерживать тѣхъ людей, которымъ подобаетъ носить званіе профессора.

Для удержанія въ стѣнахъ университета такихъ людей у насъ были испробованы разныя системы. По старому уставу примѣнялась система выборовъ, новый уставъ ввелъ систему назначеній. Та и другая система имѣютъ свои недостатки, и теперь, повидимому, признано, что система выборовъ имѣетъ массу достоинствъ по сравненію съ системою назначеній. Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ особаго вниманія недавно изданное положеніе о рижскомъ политехническомъ институтѣ. Слѣдовало ожидать, что, согласно тенденціямъ новаго университетскаго устава, въ рижскомъ политехническомъ институтѣ будетъ введена система назначеній. На самомъ-же дѣлѣ, учебному комитету института предоставлено «*избраніе кандидатовъ*» на должности помощника директора, декановъ, профессоровъ и адъюнктъ-профессоровъ». Само собою понятно, что это «избраніе кандидатовъ» едва-ли было-бы предоставлено профессорской корпораціи института, если-бы результаты широкого примѣненія прямыхъ назначеній въ университетахъ признавались весьма благопріятными. Наоборотъ, въ правахъ, предоставленныхъ учебному комитету рижскаго политехническаго института, слѣдуетъ видѣть признаніе того, что и нашимъ университетамъ слѣдовало-бы возвратить права, предоставленныя имъ старымъ уставомъ. Во всякомъ случаѣ, въ положеніи о рижскомъ политехническомъ институтѣ желательно было-бы видѣть возвращеніе

къ той системѣ выборовъ, которую въ 60-хъ годахъ такъ горячо отстаивалъ И. Д. Деляновъ...

---

Въ текущемъ году переселенія приняли форму массоваго покиданія родныхъ мѣстъ. «Новому Времени» изъ Акмолинской области пишутъ: «Желѣзнодорожныя станціи на западно-сибирской желѣзной дорогѣ представляютъ оригинальный видъ: онѣ буквально заполнены переселенцами, двигающимися съ запада на востокъ. Какъ будто совершается новое великое переселеніе народовъ, но переселеніе не воинственное, а мирное, и въ то-же время жалкое, худое, оборванное и голодное. Вездѣ въ окрестностяхъ станцій виднѣются шалаши, построенные изъ хвороста, изъ дерна, полотна, и просто телѣги, обтянутыя рогожами. Подъ этими рогожами ютятся истощенныя, оборванныя дѣти, женщины, въ то время, какъ мужики съ мрачными, сосредоточенными лицами обсуждаютъ все одинъ и тотъ-же вопросъ: что дѣлать, что предпринять для выхода изъ настоящаго положенія? Дѣло въ томъ, что въ нынѣшнемъ году переселенческое движеніе приняло чисто стихійный характеръ, изъ многихъ мѣстъ внутреннихъ губерній переселенцы двинулись безъ всякаго разрѣшенія, и двинулись въ такомъ огромномъ числѣ, которое совершенно спутало всѣ разсчеты мѣстной администраціи. Для этого массового движенія оказалось недостаточно ни отмежеванныхъ даже земель, ни подвижного состава для дальнѣйшаго движенія по сибирской желѣзной дорогѣ. Пока стоитъ теплая погода, дѣло еще вполъ-горя, но страшно подумать, что ожидаетъ эту истощенную уже бездну народа, когда наступитъ суровая сибирская зима». Суровая сибирская зима, конечно, ярко оттѣнитъ отсталость нашей переселенческой политики отъ роста переселенческаго движенія. Когда наша переселенческая политика будетъ стоять наравнѣ съ ростомъ переселенческаго движенія, — предсказать трудно. Пока, повидимому, дѣло можетъ принять обратную постановку. Предполагается задержать переселенческое движеніе и ослабить его до того уровня, на которомъ теперь стоитъ наша переселенческая политика.

На дняхъ во всѣхъ столичныхъ газетахъ были перепечатаны интересныя сообщенія сибирской печати о предстоящемъ воспрещеніи переселеній. Сибирскія газеты ничего не говорятъ о томъ, въ теченіи какого времени переселенія въ Сибирь будутъ безусловно воспрещены, но категорически заявляютъ, что въ будущемъ году *переселенія будутъ пріостановлены.* Такое пріостановленіе переселеній мотивируется необходимостью заняться устройствомъ быта переселенцевъ, уже попавшихъ въ Сибирь, въ интересахъ предупрежденія ихъ обратнаго переселенія въ Россію. Нѣтъ спора, обратныя переселенія весьма печальное явленіе, но и мѣра противъ нихъ предпринимаемая не отличается особенно утѣ-





шительнымъ радикализмомъ. Наши читатели глубоко ошибутся, если подумаютъ, что въ данномъ случаѣ мы сѣтуемъ о громадной пользѣ переселеній. Мы далеки отъ такихъ сѣтованій. Прошло то время, когда переселеніями восторгались и въ организаціи переселеній видѣли «залогъ нашего прогресса, силы и могущества».

Приблизительно въ такихъ выраженіяхъ описывалъ пользу переселеній профессоръ А. А. Исаевъ [1]). «Весь запасъ и личныхъ силъ, и матеріальныхъ средствъ, которыя европейскія страны отдали своимъ колоніямъ, говоритъ г. Исаевъ, онѣ расточаютъ, быть можетъ, для того, чтобы создать себѣ могущественныхъ соперниковъ. Но все что Россія сдѣлаетъ для своихъ внутреннихъ переселеній, уже по тѣсной географической связи Европейской Россіи съ русскими владѣніями въ Азіи, послужитъ къ увеличенію нашего благосостоянія и укрѣпленію нашего могущества. *Великой равнинѣ, перерѣзанной невысокимъ уральскимъ хребтомъ, сама судьба предназначила быть единымъ государствомъ*». Курсивъ принадлежитъ А. А. Исаеву и невольно напоминаетъ слѣдующія его собственныя слова: «политическая связь между странами, какъ показываетъ исторія Соединенныхъ Штатовъ, не отличается большой прочностью...» Въ другомъ мѣстѣ г. Исаевъ говоритъ: «Тамъ, гдѣ финансы находятся въ состояніи равновѣсія, гдѣ финансовые года заключаются иногда даже съ небольшими избытками, и когда рѣчь идетъ о потребности первостатейнаго значенія, тамъ неумѣстны всѣ разсужденія о скудости финансовыхъ средствъ: если нельзя покрывать данную потребность изъ текущихъ доходовъ, то слѣдуетъ обращаться къ кредиту и черпать изъ этого источника въ размѣрахъ, которые опредѣляются самымъ характеромъ данной потребности. Къ такому-то выводу приглашаютъ насъ и состояніе русскихъ финансовъ, *нынѣ вполнѣ удовлетворительные*, и чрезвычайная важность переселеній въ хозяйственной жизни нашего народа». Мы не принадлежимъ къ противникамъ государственной помощи переселенцамъ, но считаемъ нужнымъ напомнить читателямъ, что въ статьяхъ г. Исаева, печатавшихся въ первыхъ трехъ книгахъ нашего журнала за текущій годъ, онъ высказывалъ иные взгляды на состояніе русскихъ финансовъ.

Оставляя въ сторонѣ вопросъ о русскихъ финансахъ и великой равнинѣ, мы ознакомимъ читателей съ взглядами А. А. Исаева на великое значеніе переселеній. «Для удержанія во внѣшней политикѣ положенія, которое приличествуетъ Россіи, говоритъ г. Исаевъ, намъ нужно долго и упорно работать во всѣхъ сферахъ нашей жизни. Намъ нужно много разнообразныхъ улучшеній; среди нихъ необходимы и различныя экономическія мѣропріятія. Во главѣ послѣднихъ мы ставимъ *хорошо*

---

[1]) А. А. Исаевъ. Переселенія въ русскомъ народномъ хозяйствѣ. Спб. 1891 г.



*организованную переселенческую политику*.. Переселенческая политика, ведомая Россiей въ широкихъ размѣрахъ и *всѣми понимаемая, какъ одна изъ великихъ экономическихъ реформъ*, не только послужитъ для нашей родины обильнымъ источникомъ богатства, но и подниметъ престижъ Россiи за ея предѣлами: всѣмъ будетъ очевидно, что Россiя вступила на путь такого преобразованiя, которое влечетъ за собою огромныя выгоды для народнаго хозяйства—этой основы и внѣшняго могущества». Если мы опустимъ въ этихъ словахъ, по меньшей мѣрѣ, неподходящiя къ дѣлу разсужденiя о внѣшнемъ могуществѣ, то все-таки о значенiи переселенiй будетъ сказано много и даже больше, чѣмъ нужно. Проф. Исаевъ *во главѣ всѣхъ* экономическихъ мѣропрiятiй ставитъ переселенческую политику и отъ всѣхъ требуетъ отнесенiя этой политики къ категорiи великихъ экономическихъ реформъ. Требованiе нѣсколько скромное. Разъ переселенческая политика должна стоять во главѣ всѣхъ экономическихъ реформъ, то профессору Исаеву и слѣдовало-бы потребовать, чтобы всѣ ее признавали самой величайшей реформой, а не одной изъ великихъ экономическихъ реформъ. Уступчивость въ требованiи можно истолковать лишь въ томъ смыслѣ, что и самъ проф. Исаевъ готовъ признать переселенческую политику только одной изъ великихъ реформъ.

Къ счастью, теперь и такой взглядъ на значенiе переселенiй не пользуется особеной популярностью. Мы говоримъ «къ счастью», потому что излишнiй оптимизмъ при обсужденiи вопроса о значенiи переселенiй породилъ не мало наивныхъ надеждъ и упованiй. Къ чести нашихъ «народниковъ» и нашихъ «марксистовъ» слѣдуетъ замѣтить лишь, что они не оставляютъ безъ вниманiя наивныя надежды, возлагаемыя на переселенiя. Представитель «народничества» г. Николай-Онъ говоритъ: «Никакого хозяйственнаго улучшенiя нельзя ждать отъ всѣми излюбленнаго переселенiя. При другихъ наличныхъ неизмѣняющихся хозяйственныхъ условiяхъ, переселенiя, можетъ быть, нѣсколько облегчатъ только на первое время и переселенцевъ, и оставшихся на мѣстѣ, но это облегченiе, если и произойдетъ, то оно будетъ кратковременнымъ; затѣмъ все приметъ прежнiй видъ, и мы опять будемъ кричать о переселенiи, какъ будто бы намъ и въ самомъ дѣлѣ тѣсновато, какъ это происходитъ въ Ирландiи, которая за послѣднiя 40 лѣтъ потеряла около половины своего населенiя. Хозяйственное положенiе оставшагося населенiя отъ этого, однако, не улучшилось ни на волосъ: развитiе пастбищъ на счетъ пашни, напротивъ, ухудшило его» [1]. «Представитель «марксизма» проф. Скворцовъ въ своихъ «Экономическихъ этюдахъ» вопросу о значенiи переселенiй посвящаетъ всю 3-ю главу, въ которой доказывается, что

[1]) Очерки нашего пореформеннаго хозяйства, 77 стр.

усиленныя переселенія массъ въ Сибирь принесутъ много вреда. Доказательства, приводимыя г. Скворцовымъ въ пользу такого интереснаго тезиса, настолько слабы, что они оказались неубѣдительными и для него самого. Въ концѣ своей книгѣ (на 174 стр.) г. Скворцовъ хватается за переселенія, какъ за послѣдній якорь спасенія. «Спросятъ, быть можетъ, говоритъ онъ, что-же будетъ съ приростомъ земледѣльческаго населенія?.. На это мы отвѣтимъ, что разъ переселенія будутъ урегулированы и вмѣстѣ благосостояніе поднимется, вслѣдствіе перехода къ улучшенной земледѣльческой культурѣ, то избытокъ населенія легко можетъ быть выселенъ».

Къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ мѣста для подробнаго обсужденія приведенныхъ взглядовъ на значеніе переселеній и мы остановимся на этомъ вопросѣ въ особой статьѣ. Теперь-же считаемъ нужнымъ замѣтить, что если переселенія не принесутъ особой пользы, то отсюда не слѣдуетъ, что они должны быть запрещены. Свобода передвиженій въ поискахъ за работой должна сохранять свою силу. Если теперь не успѣваютъ устраивать переселенцевъ, прибывающихъ въ Сибирь, и они послѣ разныхъ скитаній возвращаются въ Россію, то отсюда слѣдуетъ, что вся наша переселенческая политика нуждается въ коренныхъ измѣненіяхъ и преобразованіяхъ.

---

# ПИСЬМО ИЗЪ ПАРИЖА.

## I.

Недавно окончившiйся театральный и музыкальный сезонъ въ Парижѣ интересенъ именно своей безцвѣтностью. Францiя, несомнѣнно, давно утратила свое прежнее влiянiе, свое когда-то неоспоримое первенство въ области театральной дѣятельности и драматическаго творчества. Передовую роль въ этой сферѣ играетъ теперь несомнѣнно Германiя—крупный переворотъ, совершенный ею въ искусствѣ сценической постановки, техническiя нововведенiя въ репертуарѣ, въ которомъ, на ряду съ легкими, доступными массѣ пьесами, блещутъ безсмертной красотой великiе шедевры всемiрной литературы—все это придаетъ дѣятельности германскихъ сценъ такое художественное значенiе, съ которымъ французскiе театры, несмотря на ихъ внѣшнiй блескъ и изящество нѣкоторыхъ свѣтскихъ, салонныхъ пьесъ, просто не могутъ соперничать.

Съ тѣхъ поръ, какъ мейнингенцы дали театральному мiру первообразъ новаго, художественнаго и живого пониманiя до сихъ поръ небрежно третируемаго въ Парижѣ дѣла постановки драматическихъ и лирическихъ сценическихъ произведенiй—дѣло это постоянно развивается въ Германiи. Такой роскоши, какъ въ двухъ-трехъ лондонскихъ театрахъ: въ Lyceum'ѣ Ирвинга, въ Drury-Lane или въ Haymarket'ѣ—конечно, нѣтъ, но вѣдь англичане ставятъ одну или двѣ пьесы въ годъ, играютъ ее постоянно и отличаются въ выборѣ репертуара замѣчательнымъ литературнымъ безвкусiемъ. Я видѣлъ въ Lyceum'ѣ превосходно поставленную, но до того изуродованную передѣлку гетевскаго «Фауста», что просто совѣстно было слушать эту пародiю, зато въ самомъ мелкомъ нѣмецкомъ городѣ чувствуется стремленiе къ чему-то новому, болѣе живому и художественному; не говоря уже о рѣдкомъ пониманiи и замѣчательной добросовѣстности нѣмцевъ, такiе новые элементы сценической иллюзiи и красоты, какъ движенiя толпы, принимающей дѣятельное уча-

стіе въ самомъ дѣйствіи драмы, а не безучастно созерцающей происходящія событія, какъ до сихъ поръ практикуется во Франціи, тщательность обстановки, недавно открытые способы освѣщенія сцены, свѣтовые эффекты, историческая правда и въ то-же время художественное изящество—всѣ эти, для французовъ совершенно новые элементы сценической техники въ Германіи пріобрѣли уже полное право гражданства. Игру актеровъ въ Германіи и во Франціи сравнивать не стану, такъ какъ до сихъ поръ среди французовъ попадается много талантливыхъ людей, но что сказать о репертуарѣ французскихъ сценъ, когда сравниваешь его съ репертуаромъ германскихъ театровъ?

Тогда какъ парижская публика — провинціальной публики во Франціи совсѣмъ нѣтъ—въ сущности любитъ и понимаетъ только произведенія національной литературы и съ сильнымъ недоброжелательствомъ относится ко всякой серьезной попыткѣ постановки даже шедевровъ иностраннаго происхожденія (исключеніе составляетъ только Вагнеръ, великій геній котораго побѣдилъ даже французскую рутину, но сколько лѣтъ боролся онъ, пока достигъ побѣды!)—нѣмецкіе театры ставятъ классическія произведенія всѣхъ временъ и литературъ, и публика любитъ и понимаетъ этотъ простой и прекрасный репертуаръ. Не говоря о германскихъ національныхъ поэтахъ, о пьесахъ Шиллера, Гете, Лессинга, Грильпарцера, Клейста, Фридриха Гальма, Гуцкова, Геббеля, Анценгрубера, въ Германіи ставятся произведенія античной литературы, безсмертныя трагедіи Эсхила, Софокла или Эврипида, и болѣе близкіе и доступные намъ шедевры новѣйшаго времени—Шекспиръ и его талантливые современники и послѣдователи, Лопе-де-Вега, Кальдеронъ и вся удивительная испанская драматическая литература.

Разумѣется, и французскіе драматическіе шедевры ставятся на нѣмецкихъ сценахъ съ большой добросовѣстностью и даже любовью, такъ что любитель театра, живущій въ Германіи, можетъ слѣдить за развитіемъ театральнаго искусства въ его разнообразныхъ и разноплеменныхъ проявленіяхъ, въ его исторической и современной совокупности. Даже славянскій театръ начинаетъ проникать мало-по-малу на подмостки нѣмецкихъ сценъ. «Ревизоръ» Гоголя и «Мѣсяцъ въ деревнѣ» Тургенева считаются уже вездѣ классическими репертуарными пьесами въ Германіи. Даже нѣкоторые современные русскіе драматурги попадаютъ иногда на сцену въ Германіи, напримѣръ И. В. Шпажинскій.

Что-либо подобное просто немыслимо во Франціи, какъ немыслима постановка въ Парижѣ какой-нибудь новинки итальянской литературы, въ которой однако блещутъ выдающіеся таланты, какъ Марко Прага, Верга и другіе молодые итальянскіе драматурги, давно оцѣненные по достоинству въ Германіи. Послѣ утомительнаго однообразія парижскаго репертуара, человѣкъ, любящій театръ, усматривающій

въ немъ первыя проявленія великаго синтетическаго искусства, о которомъ мечталъ Рихардъ Вагнеръ и первообразы котораго даны намъ уже въ его безсмертныхъ шедеврахъ, отдыхаетъ душою, когда пріѣзжаетъ въ Германію. Лучшимъ нѣмецкимъ театромъ остается до сихъ поръ вѣнскій Бургъ-театръ, репертуаръ котораго отличается удивительымъ богатствомъ и разнообразіемъ, и безподобныя постановки котораго могутъ смѣло соперничать съ легендарными «mise en scène» прежнихъ мейнингенцевъ. Въ Бургѣ я видѣлъ «Фауста» Гете, поставленнаго безъ пропусковъ—представленіе, обнимавшее три спектакля, три вечера подрядъ, и это одно изъ самыхъ свѣтлыхъ воспоминаній моей жизни. И какъ превосходно шелъ «Фаустъ» съ Зоненталемъ и преждевременно умершей Весселя въ главныхъ роляхъ! Въ Парижѣ ни одна дирекція не съумѣла-бы поставить такую пьесу, дѣйствительно трудную и не сценичную, несмотря на высокія литературныя достоинства гетевскаго шедевра—лучшій французскій режиссеръ развелъ-бы руками.

Историческія хроники Шекспира, вся серія «Генриховъ», которую и прочесть для многихъ является тяжкимъ трудомъ, не то что поставить, идутъ у нѣмцевъ, а парижане давнымъ давно рѣшили, что эта удивительная серія вытекающихъ одна изъ другой трагедій невозможна на сценѣ, между тѣмъ историческіе хроники идутъ всѣ на сценѣ Бургъ—театра и идутъ съ большимъ успѣхомъ.

Мнѣ могутъ возразить, что знаменитый вѣнскій театръ—казенное учрежденіе, художественное процвѣтаніе котораго дѣлаетъ честь только его дирекціи, но не можетъ считаться мѣриломъ вкуса нѣмецкой публики—въ отвѣтъ на это возраженіе укажу на открытый тому два года назадъ въ Берлинѣ Schiller-Theater, который посѣщаетъ исключительно бѣдная публика, народъ и самая мелкая буржуазія. При скромности постановки, граничащей съ нищетою, репертуаръ этого общедоступнаго театра такъ-же богатъ шедеврами всемірной литературы, какъ и репертуаръ роскошнаго Бурга. А между тѣмъ Шиллеровскій театръ посѣщается очень усердно.

## II.

Во Франціи упрочилась система централизаціи à outrance, благодаря которой Парижъ сдѣлался не имѣющимъ себѣ подобнаго въ Европѣ центромъ умственной, культурной, свѣтской и промышленной жизни. Парижъ все беретъ и поглощаетъ—французскому художнику, литератору, даже ученому очень трудно, почти невозможно жить далеко отъ столицы—его скоро забудутъ. Можно-ли себѣ представить что-либо ненормальнѣе? Ничѣмъ иначе, какъ именно этой полной побѣдой Парижа

надъ провинціей, нельзя объяснить тотъ грустный фактъ, что провинціальные театры во Франціи дошли до крайняго упадка.

Даже въ самыхъ крупныхъ центрахъ, въ такихъ большихъ городахъ, какъ Ліонъ, Марсель, Бордо, Тулуза, Нантъ—ужаснѣйшій репертуаръ, избитый и слѣпо подражающій парижскому, скверныя труппы, возмутительная небрежность постановки, придирчивая, грубая публика, любящая скандалы, свистки, демонстраціи, но ровно ничего не понимающая въ драматическомъ искусствѣ,—все это производитъ удручающее впечатлѣніе. Еще лирическіе театры сколько-нибудь сносны, хотя въ нихъ тоже господствуетъ страшная рутина, а репертуаръ просто ужасенъ, но драматическаго театра теперь почти не существуетъ во Франціи, за исключеніемъ, разумѣется, Парижа, гдѣ, какъ-бы то ни было, каждый годъ ставится нѣсколько замѣчательныхъ пьесъ, гдѣ сосредоточилась дѣятельность всѣхъ талантливыхъ людей страны: писателей, артистовъ, режиссеровъ, всего театральнаго люда.

Ничего подобнаго нѣтъ въ Германіи. Какъ въ общественной и политической жизни германскихъ народовъ обѣ столицы, Берлинъ и Вѣна, не играютъ деспотической роли, такъ и въ театральномъ дѣлѣ подобная преувеличенная централизація немыслима. Не только Берлинъ и Вѣна, но и всѣ столицы менѣе значительныхъ государствъ, входящихъ въ составъ имперіи,—и Дрезденъ, и Мюнхенъ, и Штутгартъ, и Гамбургъ, и Мейнингенъ, и богатый славными воспоминаніями Веймаръ считаются крупными центрами театральнаго искусства. Первокласному писателю совсѣмъ нестыдно поставить впервые пьесу въ Дрезденѣ, Ганноверѣ, Франкфуртѣ, Кельнѣ или Висбаденѣ, тогда какъ для французскаго драматурга попасть прямо на провинціальныя сцены считается какимъ-то позоромъ—хорошему актеру, если онъ не имѣетъ ангажемента въ столицѣ, и въ голову не придетъ, что его репутація страдаетъ, потому что онъ принужденъ провести сезонъ въ Бременѣ или Лейпцигѣ—тогда какъ я самъ видѣлъ парижскихъ актеровъ въ отчаяніи, со слезами отправляющихся, точно въ ссылку, въ Руанъ или Марсель. Многіе нѣмецкіе писатели, драматурги и вообще театральные дѣятели предпочитаютъ даже жить въ провинціи, проводятъ въ ней всю свою карьеру и все-таки пріобрѣтаютъ громкую извѣстность во всей Германіи, тогда какъ о провинціальныхъ знаменитостяхъ не только парижане, но и сами провинціалы во Франціи отзываются съ ироніей и чуть-ли не съ презрѣніемъ, точно внѣ столицы не можетъ проявиться настоящій талантъ. Висбаденскій новый, два года назадъ открытый Большой театръ—красивѣйшій въ цѣлой имперіи, какого нѣтъ и въ Берлинѣ, и вся постановка дѣла отличается въ немъ художественностью, вкусомъ и высшимъ пониманіемъ искусствъ. Когда пріѣзжій зритель припоминаетъ, что онъ находится въ маленькомъ городкѣ, съ 60-тысячнымъ населеніемъ, а не въ большой

столицѣ, онъ просто недоумѣваетъ даже, если зритель этотъ—профессіональный сценическій дѣятель. Вотъ этого-то и недостаетъ во-Франціи: дѣятельности ея талантливыхъ людей негдѣ проявиться, имъ просто нѣтъ мѣста, потому что всѣ они тѣснятся въ Парижѣ, безпощадно враждуя и все-таки не добиваясь никакого результата.

III.

Театральный сезонъ, окончившійся очень поздно, отличался въ этомъ году замѣчательной безплодностью. Театровъ, ставящихъ вообще драматическія произведенія, имѣющія что-нибудь общее съ литературой, въ Парижѣ всего пять или шесть, считая «Ренессансъ» г-жи Сары Бернаръ (театрикъ, существованіе котораго весьма проблематично)—это на всю Францію, съ ея громаднѣйшей производительностью! Что-же поставили эти шесть сценъ? Первый французскій театръ, Comédie Française, который прекрасно управляется талантливымъ беллетристомъ Кляреги, въ нынѣшнемъ сезонѣ поставилъ три новыя пьесы. Одна изъ нихъ, драма «Manon Roland», хотя и написанная хорошимъ, литературнымъ языкомъ, довольно неудачное произведеніе, скоро исчезнувшее со сцены; о немъ не стоитъ говорить серьезно. Другая, тоже историческая драма болѣе опытнаго драматурга Henri de Bormei, написавшаго нѣсколько серьезныхъ, глубокихъ по замыслу и иногда довольно сильныхъ пьесъ, какъ «L'Apôtre» и «La fille de Roland»,—чисто дидактическая, въ нравоучительномъ тонѣ написанная хроника «Le fils de l'Aretin», хотя и въ ней можно отмѣтить двѣ-три сцены, задуманныя настоящимъ драматургомъ, опытнымъ сценическимъ писателемъ, въ общемъ скучна и стара по фактурѣ, идеѣ, литературному колориту. Единственной мало-мальски интересной новой пьесой явилась, такимъ образомъ, игранная и у насъ комедія молодого романиста Поля Эрвье «Les tenailles», вещь довольно жизненная, хотя съ крупными сценическими недостатками.

На сценѣ театра «Водевиль», который вполнѣ справедливо считается наиболѣе литературной частной сценой въ Парижѣ, единственная сколько-нибудь интересная новинка, четырехъ-актная комедія Лаведана «Viveurs» хотя и имѣла успѣхъ и хотя въ ней много остроумія и наблюдательности, тѣмъ не менѣе, въ общемъ, особеннаго прогресса въ манерѣ и творчествѣ молодого сатирика не обнаружила. Второй литературный казенный театръ, который въ сущности долженъ-бы соперничать съ Французской Комедіей, древній Одеонъ, къ счастью теперь перешедшій въ руки такого даровитаго, умнаго артиста и знатока драматическаго искусства во Франціи, какъ Антуанъ, бывшій директоръ Свободнаго театра. Одеонъ не поставилъ въ прошломъ сезонѣ ни одной, буквально ни одной пьесы, обладающей хоть какими-нибудь литературными



достоиствами. Тоже самое приходится сказать о театрѣ Porte-Saint-Martin, въ которомъ шли впервые драмы Виктора Гюго и который нынѣшней зимой игралъ все время одну и ту-же пьесу «Термидоръ» Сарду. Но какой интересъ можетъ представлять для любителей сцены «Термидоръ»—хотя и въ этой драмѣ двѣ-три захватывающія сцены доказываютъ, что писала ее опытная рука даровитаго драматурга. «Термидоръ»—пьеса обошедшая всѣ европейскія сцены и въ Парижѣ уже игранная, хотя нелѣпыя демонстраціи остановили ея представленія послѣ второго спектакля.

Такимъ образомъ, третьей и послѣдней сколько-нибудь выдающейся новинкою сезона является комедія молодого поэта и драматурга Мориса Донэ, пятиактная пьеса «Amants», шедшая въ театрѣ Ренессансъ, во время отсутствія Сары Бернаръ. Это, дѣйствительно, удачная вещь; Донэ нисколько не льститъ толпѣ, не угождаетъ ея грубымъ вкусамъ и пошлымъ требованіямъ. Молодой поэтъ отлично видитъ всю низость, слабость, порочность человѣческой души — суету нашихъ стремленій, мелочность нашихъ страстей, ужасающій эгоизмъ нашей природы, возмутительную несправедливость всего строя современнаго общества, но свое негодованіе, свою грусть, итоги своихъ безпощадныхъ и правдивыхъ наблюденій Морисъ Донэ умѣетъ облечь въ привлекательную форму. Ему удается примирить зрителя даже съ такою невзрачною героиней, какъ содержанка, бросающая любовника изъ-за денежныхъ разсчетовъ. Это бѣдное, не сознающее своего паденія существо страдаетъ—этого достаточно, чтобы художникъ, нисколько не скрывая ея нравственной мелкости, заставилъ насъ пожалѣть ее.

Комедія Мориса Донэ имѣла большой успѣхъ, хотя никто не ожидалъ, что она понравится публикѣ и сдѣлается репертуарной.

Литературными достоинствами отличалась также комедія Франсуа де-Кюреля «La Figurante», шедшая въ томъ-же театрѣ Ренессансъ, тотчасъ-же послѣ пьесы Донэ. Curel, какъ и Donnay, чрезвычайно способный, подающій надежды писатель. Но послѣдняя комедія де-Кюреля кончается очень ужъ водевильно, мало сценична и значительно уступаетъ «Les fossiles». Послѣдняя пьеса Кюреля по сюжету совершенная копія старинной русской пьесы «Свѣтскія ширмы». Бѣдный Дьяченко и у насъ совершенно забытъ и, конечно, де Кюрель не знаетъ даже объ его существованіи, но все-таки какое курьезное совпаденіе!.. Въ общемъ, какъ видите, за цѣлый сезонъ парижскіе театры поставили всего пять или шесть сколько-нибудь выдающихся произведеній.

## IV.

И пусть читатели не думаютъ, что эта поразительная бѣдность репертуара—симптомъ оскуденія творческихъ силъ. Талантливыхъ драма-

тическихъ писателей немало, но имъ невозможно попасть на сцену; страшная рутина въ этой области искусства, какъ и во всѣхъ другихъ сферахъ общественной жизни, является всему помѣхой и причиной. Поставить пьесу въ Парижѣ—гораздо труднѣе, напримѣръ, нежели выиграть сложный процессъ. Извѣстный поэтъ Теодоръ де-Банвиль ждалъ десять лѣтъ постановки своей послѣдней одноактной пьески «Socrate et sa femme»! Во Французской Комедіи ждутъ очереди *семьдесятъ* принятыхъ дирекціей пьесъ. Мои двѣ новыя драмы нашли пріютъ въ театрахъ менѣе почетныхъ, чѣмъ Comédie Française, имъ придется ждать гораздо меньше—тѣмъ не менѣе я по опыту знаю, черезъ какія мытарства долженъ проходить несчастный французскій драматургъ. И у насъ поставить пьесу—дѣло не легкое; но всетаки какое-же сравненіе съ парижскими трудностями!

Но если молодому драматургу пробиться въ Парижѣ чрезвычайно трудно, то для композиторовъ это является почти абсолютной невозможностью. Какъ до сихъ поръ находятся люди, пишущіе большія пятиактныя партитуры, когда они знаютъ, что наиболѣе извѣстные французскіе композиторы, за исключеніемъ двухъ-трехъ, въ родѣ Массене или Сенъ-Санса, не могутъ добиться постановки своихъ лирическихъ драмъ—я этого просто не могу понять. Возьмите, напримѣръ, автора оперы, поставленной въ Большой Оперѣ въ самомъ разгарѣ сезона, и довольно плачевно провалившейся «Fredégonde». Эрнестъ Гиро, не лишенный таланта музыкантъ, хотя большіе, трагическіе сюжеты ему не подъ силу, всю жизнь ждалъ чести быть игграннымъ въ Парижской Оперѣ—и чести этой добился только послѣ смерти, да и то только благодаря протекціи Сенъ-Санса, согласившагося окончить партитуру злополучной «Фредегонды», весь четвертой актъ которой написанъ талантливымъ симфонистомъ. Всѣ старанія Сенъ-Санса, однако, не привели ни къ какимъ положительнымъ результатамъ,—двойственность творческой работы сказалась непріятнымъ образомъ въ этой скучнѣйшей партитурѣ; она не выдержала болѣе пяти представленій. Такой крупный музыкантъ, какъ Сенъ-Сансъ, потерялъ цѣлый годъ упорнаго труда, и въ итогѣ главная новинка опернаго сезона потерпѣла жестокое и заслуженное фіаско.

Нѣкоторый успѣхъ имѣла поставленная весною опера малоизвѣстнаго композитора, съумѣвшаго пристроить свою партитуру благодаря счастливой случайности или могучимъ протекціямъ—четырехъ-актная лирическая драма Альфонса Дювернуа «Элле». Прекрасно исполненная лучшей пѣвицей Парижской Оперы Rose Caron, красиво поставленная дирекціей,—гг. Gallard и Bertrand прекрасные знатаки дѣла, этого отрицать нельзя—опера г. Duvernoy понравилась публикѣ и имѣла нѣкоторый успѣхъ, но въ художественномъ отношеніи успѣхъ ровно ничего не доказываетъ. Партитура г. Duvernoy—весьма посредственное произведеніе, въ кото-

ромъ нѣтъ ни оригинальности, ни сколько-нибудь выдающейся художественной цѣнности. Она еще хуже Фредегонды, которая при всѣхъ недостаткахъ лишена, по крайней мѣрѣ, приторной банальности, именно понравившейся парижской публикѣ въ псевдо-лирической драмѣ г. Duvernoy. Нѣсколько красивыхъ страницъ въ первомъ дѣйствіи (финалъ этого дѣйствія даже весьма замѣчателенъ и какъ-то рѣзко выдѣляется на общемъ тускломъ фонѣ всей оперы), нѣсколько удачныхъ деталей въ инструментовкѣ, не могутъ искупить общей посредственности цѣлаго. Въ инструментовкѣ «Элле» между прочимъ всѣхъ поразило—и музыкальная критики замѣтили это весьма основательно—странное злоупотребленіе некрасивымъ инструментомъ, гобоемъ, которому г. Дювернуа почему-то отводитъ первую роль въ оркестрѣ, въ симфонической иллюстраціи тоже весьма банальнаго сюжета.

Въ Комической Оперѣ, гдѣ чисто національный жанръ комическихъ, легкихъ произведеній все болѣе и болѣе исчезаетъ и которая является, въ сущности, второй оперной сценой — дѣла шли еще хуже, чѣмъ въ Большой Оперѣ. Всѣ поставленныя новыя пьесы потерпѣли полный неуспѣхъ. Одна изъ нихъ, сельская идиллія, сюжетъ которой заимствованъ изъ романа Фердинанда Фабра «Xavière», а музыка написана только-что назначеннымъ директоромъ парижской консерваторіи, Теодоромъ Дюбуа—заслуживала лучшей участи. Это маленькая вещица, но въ ней много изящества, свѣжихъ и красивыхъ мотивовъ, колоритъ идилліи выдержанъ авторомъ съ рѣдкимъ вкусомъ и чувствомъ мѣры; къ сожалѣнію, драматическаго интереса коротенькая партитура г. Дюбуа не представляла и за ея неуспѣхъ нельзя осуждать особенно строго парижскую публику. Г. Дюбуа очень даровитый музыкантъ, но драматическаго темперамента у него никогда не было и не будетъ.

Темпераментомъ этимъ обладаетъ несомнѣнно г. Мессаже, новая большая опера котораго «Le chevalier d'Harmental» оказалась, увы! слабѣйшимъ изъ всѣхъ его произведеній. Это изъ рукъ вонъ плохая вещь, аравійская пустыня скуки, банальности и бездарности. Что она жестоко провалилась, выражаясь вульгарнымъ театральнымъ языкомъ, въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, но какимъ образомъ могъ человѣкъ талантливый написать что-либо подобное, а требовательная администрація поставить такую вещь—вотъ что совсѣмъ непонятно. И что за странная идея—писать лирическую драму на сюжетъ стариннаго романа Александра Дюма! Дюма-отецъ—въ своей области—по плодовитости и силѣ воображенія былъ удивительный писатель, хотя мнѣ лично его романы кажутся менѣе характерными и даже менѣе интересными, нежели романы какого-нибудь Понсонъ дю-Терайля или Монтепена. Ничего болѣе антимузыкальнаго, понимая требованія лирической драмы въ истинномъ значеніи этого слова, менѣе поддающагося лирической обработкѣ нельзя

себѣ и представить. Всѣ эти интриги, запутанныя исторіи и тому подобный вздоръ въ лирической драмѣ до того неумѣстны, что просто наводятъ тоску. Только французу могла придти мысль написать оперу на подобный сюжетъ, искать мотивовъ для лирическаго вдохновенія у старика Дюма.

V.

Единственнымъ произведеніемъ, имѣвшимъ настоящій успѣхъ, явилась опера г. Альберта Когена (Albert Cohen)—«La femme de Claude», которую дирекція поставила въ самомъ концѣ сезона. Оперу репетировали два года, дѣлая все возможное, чтобы обезкуражить композитора, представленіе постоянно откладывали подъ различными предлогами — и первое представленіе состоялось за пять дней до закрытія театра! Никогда, быть можетъ, произведеніе не появлялось на театральныхъ подмосткахъ при болѣе неблагопріятныхъ условіяхъ, въ которыхъ явно высказывалось пренебреженіе самой дирекціи и артистовъ. И что-же, эта опера, о которой сложились заранѣе весьма нелестная легенда, несмотря на ненависть, которую возбуждаетъ въ каждомъ парижанинѣ одно названіе «диллетантъ» (а диллетантомъ здѣсь считается каждый человѣкъ съ состояніемъ) — эта злосчастная опера г. Когена одержала настоящую побѣду, понравилась публикѣ, въ общемъ была принята критикою сочувственно и окончательно упрочила репутацію автора, не только какъ даровитаго любителя, но какъ настоящаго и весьма талантливаго музыканта. Дѣйствительно, вся партитура г. Когена отличается замѣчательной даровитостью, въ ней сказался темпераментъ настоящаго сценическаго художника, все въ ней симпатично: свѣжесть музыкальныхъ идей, искренность и тщательность ихъ обработки, сила и красота мелодическаго вдохновенія, не мѣшающія, однако, автору обладать замѣчательными техническими знаніями. «La femme de Claude»—по изяществу, разнообразію и богатству оркестровки, по технической законченности внѣшней фактуры не уступаетъ самымъ ученымъ произведеніямъ новѣйшей музыкальной школы. Но г. Когенъ въ то-же время не забываетъ, что музыка прежде всего должна стремиться къ передачѣ таинственной красоты духовнаго міра, невидимой души вселенной, ея имманентныхъ и глубокихъ стремленій, высказать которыя всецѣло поэзія не въ силахъ—выражаясь проще, г. Когенъ обладаетъ самымъ драгоцѣннымъ для музыканта даромъ—даромъ творческаго вдохновенія. Безъ мелодіи, внѣ мелодіи—нѣтъ настоящей музыки, и великіе шедевры геніальныхъ классическихъ композиторовъ—Бетховена и Вагнера, Баха и Генделя, Шумана и Моцарта, шедевры эти чаруютъ уже нѣсколько поколѣній именно неувядающей силой, неисчерпаемымъ богатствомъ мелодіи. Я не сравниваю г. Когена съ этими гигантами музыкальнаго твор-

чества и вдохновенія, но, повторяю, его опера—выдающееся произведеніе, которое произвело на слушателей самое отрадное впечатлѣніе, въ особенности послѣ неудачныхъ новинокъ сезона. Музыкантъ, сумѣвшій обнаружить такое оригинальное и крупное дарованіе, несмотря на неблагодарный сюжетъ (неблагодарный въ лирическомъ отношеніи, такъ какъ драма Дюма весьма глубокое произведеніе), столь удачно справившійся съ неблагодарной задачей, къ тому-же при такихъ условіяхъ, справедливо внушаетъ большія надежды. Когенъ уже весьма опытный музыкантъ, талантъ, достигшій полнаго развитія творческихъ способностей, которому слѣдуетъ только дать возможность проявиться. «La femme de Claude»—самое выдающееся явленіе всего сезона, по крайней мѣрѣ въ области музыкальнаго творчества; почему-бы не поставить и у насъ эту красивую, мелодичную и интересную оперу, которая должна несомнѣнно понравиться нашей публикѣ, какъ понравилась она и въ Парижѣ, несмотря на всѣ интриги враговъ, недруговъ... и друзей. Подобное произведеніе, мелодичное, полное поэзіи, страстности и увлеченія, должно вездѣ нравиться. Къ тому-же, постановка ея очень нетрудная. Всего одна декорація и четыре роли. Приличное сопрано, хорошій баритонъ, сколько-нибудь сносный теноръ—и опера будетъ имѣть успѣхъ, а сильный, съ настоящимъ вдохновеніемъ написанный финалъ у насъ вызоветъ навѣрное бурныя рукоплесканія.

А все-таки, четыре или пять новыхъ литературныхъ пьесъ, въ числѣ которыхъ только одна дѣйствительно замѣчательна, а въ оперныхъ театрахъ партитура г. Когена, какъ единственная весьма удачная новинка всего сезона,—согласитесь, что это для Парижа весьма скромные итоги. Гдѣ прежнія, славныя времена, когда все новое въ области театра и музыки шло изъ Парижа?

**С. Ржевускій.**

---

# На Западѣ.

---

Броженія и вспышкисреди критскаго населенія начались еще прошлой осенью. Турецкимъ пашамъ эти признаки предстоящаго взрыва пришлись по душѣ. Они любятъ превращать, путемъ разныхъ насилій, всякое броженіе въ откры тое возстаніе. Конечно, для нихъ интересно не возстаніе само по себѣ, а неизбѣжно за нимъ слѣдующій процессъ «подавленія». Критяне, подготовляясь къ возстанію, терпѣливо относились ко всѣмъ вызывающимъ безобразіямъ турецкаго правительства. Комитетъ возстанія усердно и спокойно работалъ въ теченіи послѣдней зимы и весны. При самомъ началѣ возстанія комитетъ сталъ полнымъ хозяиномъ во всемъ Апокоронскомъ округѣ. Преобразовавшись во временное правительство (эпитропія реформъ), комитетъ формулировалъ свои требованія къ турецкому правительству въ слѣдующихъ четырехъ пунктахъ: 1) назначеніе христіанскаго губернатора; 2) созывъ общаго собранія; 3) возстановленіе въ силѣ халейской хартіи; 4) всеобщая амнистія. Губернаторъ Крита и командующій войсками острова Абдулахъ-паша отнесся съ пренебреженіемъ къ требованіямъ временнаго критскаго правительства и съ наслажденіемъ предался «подавленію возстанія». Рѣзня между критскими инсургенгами и турецкими войсками осложнилась рѣзней между темными массами деревенскаго люда: мусульмане пошли громить христіанъ, а христіане, въ свою очередь, пошли грабить, жечь и разорять мусульманскіе поселки. Кровь полилась рѣкою въ критскихъ городахъ и долинахъ. Дипломатическіе агенты, проживающіе на Критѣ, поняли, что путемъ переписки дѣлу нельзя помочь и стали умолять посланниковъ, проживающихъ въ Константинополѣ, чтобы они поддержали требованія временного критскаго правительства.

Въ числѣ требованій, предъявленныхъ временнымъ критскимъ правительствомъ слѣдуетъ, отвести первое мѣсто вопросу о халейскомъ соглашеніи. Халейское соглашеніе относится къ памятному 1878 г. Какъ



извѣстно, въ первомъ параграфѣ статьи 23-й берлинскаго трактата было сказано: «Блистательная порта обязуется строго соблюдать на островѣ Критѣ органическій уставъ 1868 г., внеся въ него тѣ измѣненія, которыя будутъ признаны справедливыми». Какъ видите, редакція этого параграфа отличается такой чисто «дипломатической» точностью, которая открывала широкій просторъ для «турецкой» справедливости. Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что турецкое правительство охотно подчинилось требованіямъ параграфа перваго ст. 27-й берлинскаго трактата. Дѣло было поручено Мухтару-пашѣ, который заключилъ соглашеніе съ критянами, названное халейскимъ по имени предмѣстья г. Канеи. Въ халейскомъ соглашеніи, облеченномъ въ форму султанскаго фирмана, подтверждался неисполнявшійся Портою ограническій уставъ 1868 года, причемъ была сдѣлана слѣдующая добавка: «Если впослѣдствіи окажется необходимо сдѣлать тѣ или другія дополненія, съ цѣлью пополнить обнаружившіеся пробѣлы въ дѣйствующихъ регламентахъ и вызываемыя притомъ исключительно мѣстными интересами, то общему собранію предоставляется право подвергнуть на одобреніе блистательной Порты проекты такихъ дополненій, принятые большинствомъ $^{2}/_{3}$ всѣхъ членовъ» Кромѣ того, общему собранію предоставлялось право обращаться къ Портѣ съ тѣми или иными ходайствами на счетъ разныхъ реформъ.

Само собою понятно, что халейское соглашеніе во всѣхъ своихъ существенныхъ пунктахъ дѣйствовало только на бумагѣ. Если-бы общее собраніе функціонировало нормально и могло обращаться съ ходатайствами, вызываемыми мѣстными нуждами, если-бы Порта притомъ относилась отзывчиво къ такимъ ходатайствамъ, то и возстаніе на Критѣ, по всей вѣроятности, не имѣло-бы мѣста. Суть дѣла въ томъ и состоитъ, что общее собраніе не созывалось и уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ прекратило свои функціи. Когда Портѣ были предъявлены четыре требованія временнаго критскаго правительства, то ей оставалось ихъ всѣ отвергнуть, разъ она не согласилась-бы на возстановленіе халейскаго соглашенія. Султанъ обязался возстановить халейское соглашеніе. Вступленіе въ силу халейскаго соглашенія, само собою понятно, должно было сопровождаться немедленнымъ созывомъ общаго собранія. Общее собраніе дѣйствительно было созвано. Казалось-бы, что дѣло пошло на ладъ, тѣмъ болѣе, что Порта сдѣлала уступки и на счетъ общей амнистіи для всѣхъ, принимавшихъ участіе въ возстаніи. Султанъ не соглашался на эту амнистію и потомъ согласился подъ условіемъ, что всѣ инсургенты добровольно сложатъ съ себя оружіе. Конечно, критяне не могли согласиться съ этимъ и не пожелали быть обезоруженными. Султанъ и тутъ уступилъ: была предоставлена амнистія съ сохраненіемъ всего оружія въ рукахъ инсургентовъ. Мало того, губернаторомъ Крита былъ назначенъ христіанинъ Беровичъ. Но суть турецкой политики состояла въ сохра-

неніи кровожаднаго фанатика Адулаха-паши на посту главнокомандующаго всѣми войсками острова Крита, причемъ Беровичъ оказался ему подчиненнымъ, какъ простой гражданскій губернаторъ.

Абдулахъ-паша, конечно, былъ и остался отчаяннымъ противникомъ уступокъ, сдѣланныхъ Портою критянамъ. Одна мысль о томъ, что «подавленіе» возстанія ускользнуло изъ его рукъ приводила его въ крайнюю ярость. Онъ употреблялъ всѣ усилія къ тому, чтобы возстаніе не утихало, а разросталось. Созывъ общаго собранія, въ сущности, не могъ ослабить его коварные замыслы. Общее собраніе скорѣе всего могло содѣйствовать зарожденію новыхъ осложненій. Христіанскіе депутаты собранія не могли питать особаго довѣрія къ турецкимъ обѣщаніямъ и представителямъ турецкой власти. Эти два слова «турецкая власть» достаточно говоритъ сами за себя и, кажется, не вызываютъ представленія о гуманномъ соглашеніи. Кромѣ того, христіанскіе депутаты были слабо увѣрены въ своихъ собственныхъ правахъ, а курьезное раздѣленіе ихъ на два лагеря съ самаго начала повредило ихъ авторитету. Они были избраны когда-то давно и правомочія, полученныя ими отъ избирателей, устарѣли и въ сущности были погашены продолжительнымъ прекращеніемъ функцій общаго собранія, не созывавшагося въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Обновить эти правомочія можно было бы только при помощи новыхъ выборовъ, о производствѣ которыхъ не можетъ быть и рѣчи при общемъ волненіи всего населенія и междуусобной войнѣ между критскими турками и критскими христіанами. При общемъ смятеніи депутаты раздѣлились. Одни отправились въ Канею, другіе въ Апокорону— центръ всего инсурекціоннаго движенія. Послѣ нѣкоторыхъ колебаній, депутаты, прибывшіе въ Канею, отправились въ Апокорону съ тою цѣлью, чтобы побудить сгруппировавшихся тамъ товарищей идти въ Канею. Въ теченіе нѣсколькихъ дней переговоры по этому поводу не приводили ни къ какимъ благопріятнымъ результатамъ. Наконецъ, предводители инсурекціоннаго движенія, собравшись на совѣщаніе, постановили дать пропускъ и добрый совѣтъ депутатамъ, чтобы они отправились въ Канею.

Депутаты подчинились этому совѣту и сессія общаго собранія была открыта въ Канеѣ. О регулярномъ и нормальномъ ходѣ засѣданій и занятій общаго собранія могли мечтать только одни крайніе оптимисты. Съ перваго же засѣданія началась страстная борьба между депутатами и турецкимъ правительствомъ. Дѣло въ томъ, что губернаторъ Беровичъ, безъ особаго злого умысла, при открытіи засѣданій собранія, прочелъ рѣчь на турецкомъ языкѣ. Депутаты пришли въ состояніе крайняго негодованія и стали доказывать, что рѣчь Беровича, произнесенная на турецкомъ языкѣ, является крайнимъ нарушеніемъ халейскаго соглашенія и совершенно недопустимымъ издѣвательствомъ надъ потерявшимъ терпѣ-

ніе греческимъ населеніемъ Крита. Въ ст. 9-й халейскаго соглашенія сказано: «оффиціальная корреспоноенція вилайета, судебные процессы и судебныя рѣшенія ведутся и излагаются на двухъ языкахъ. Такъ какъ мусульманское и греческое населеніе острова говоритъ на греческомъ языкѣ, то дебаты въ общемъ собраніи ведутся тоже на греческомъ языкѣ». Можно говорить о томъ, что рѣчь представителя правительства, при открытіи любого парламентскаго собранія, никогда не дѣлается предметомъ преній и дебатовъ собранія. Слѣдовательно, со строго юридической точки зрѣнія Беровичъ, произнося рѣчь на турецкомъ языкѣ, вовсе не нарушалъ ст. 9-й халейскаго соглашенія. Послѣ турецкой рѣчи Беровича никто не мѣшалъ депутатамъ вести пренія и дебаты на греческомъ языкѣ. Всѣ эти соображенія не лишены нѣкоторой основательности, но трудно было бы доказать, что Беровичъ обнаружилъ крайнюю тактичность, произнеся свою рѣчь на турецкомъ языкѣ. Онъ зналъ, что придется говорить въ собраніи, гдѣ политическія страсти напряжены до крайности и гдѣ въ самомъ ничтожномъ событіи готовы видѣть насиліе и вѣроломство со стороны турецкаго правительства. Беровичъ все это упустилъ изъ виду и его рѣчь нельзя не признать крайне вызывающей безтактностью, обострившей страсти и волненія среди депутатовъ общаго собранія.

Къ сожалѣнію, рѣчь Беровича была дополнена другимъ печальнымъ инцидентомъ. Чуть-ли не въ самый моментъ, когда оконченная Беровичемъ турецкая рѣчь вызвала общее негодованіе, пришло извѣстіе о возобновленіи военныхъ дѣйствій со стороны турецкой арміи. Никто не старался разобрать въ чемъ суть дѣла и всѣ въ одинъ голосъ кричали о безстыдномъ вѣроломствѣ Абдулаха-паши и всего турецкаго правительства. Турецкое правительство дѣйствительно не переставало инспектировать критскіе берега. Турецкіе военные корабли продолжали крейсировать около береговъ острова Крита, наблюдая за тѣмъ, чтобы на Критъ не подвозились ни добровольцы, ни запасы оружія и провіанта. Турецкій крейсеръ подмѣтилъ пароходъ, направляющійся къ берегу съ такою осторожностью, которая давно внушала подозрѣніе на счетъ подвозимой имъ «военной контрабанды». Съ турецкаго крейсера была спущена шлюпка съ 9 человѣками команды, которой и было поручено произвести инспекцію на подозрительномъ кораблѣ. Критскіе инсургенты, подъ прикрытіемъ гористаго берега, давно ожидали тотъ подозрительный корабль, къ которому приближалась турецкая шлюпка. Они стали стрѣлять по шлюпкѣ и продолжали стрѣльбу до тѣхъ поръ, пока не были убиты офицеръ и всѣ 9 человѣкъ команды. Турецкій крейсеръ вмѣшался въ перестрѣлку и сдѣлалъ нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ, не причинивъ никакого вреда ни критскимъ инсургентамъ, ни подозрительному кораблю. Вотъ этотъ инцидентъ и подлилъ масла въ огонь.

Общее собраніе взволновалось до крайности и отказалось, было, продолжать засѣданія. Въ концѣ концовъ, депутаты все-таки пришли къ соглашенію и въ 12 пунктахъ изложили пожеланія критскаго христіанскаго населенія. Всѣ эти пункты направлены къ предоставленію острову Криту полной автономіи. Постъ губернатора сохранялся, но ему отводилась роль почетнаго наблюдателя, а не активнаго администратора. По первому пункту требованій, губернаторъ острова назначается султаномъ на 5 лѣтъ, при чемъ требуется, чтобы выборъ султана былъ одобренъ европейскими державами. Такимъ образомъ, критяне желаютъ, чтобы губернаторъ острова назначался собственно европейскими державами, а султанъ, съ своей стороны, могъ-бы избирать только кандидата на постъ губернатора. Къ сожалѣнію, въ этомъ первомъ пунктѣ критскихъ требованій ничего не сказано о томъ, какъ слѣдуетъ поступать при разногласіи между европейскими державами. Представимъ себѣ, что выборъ султана остановился на г. X., котораго онъ и предложилъ на утвержденіе европейскихъ державъ. Выборъ султана можетъ понравиться однимъ державамъ и можетъ быть ненавистнымъ для другихъ державъ. Не можетъ подлежать спору, что при своемъ одобреніи или неодобреніи державы будутъ руководствоваться не интересами Крита, а своими собственными интересами. Каждая держава будетъ обсуждать вопросъ о томъ, является-ли кандидатъ, предлагаемый султаномъ, англофобомъ, руссофиломъ и т. п. Англія не будетъ одобрять англофоба, Франція—франкофоба и т. д. По всей вѣроятности, и всѣ европейскія державы признаютъ, что пунктъ 1-й критскихъ требованій не водворитъ спокойствія на островѣ и не упрочитъ дружбу между европейскими державами. Пожалуй, такъ-же неудачно редактированъ и второй пунктъ критскихъ требованій. Въ этомъ второмъ пунктѣ сказано, что въ земскихъ собраніяхъ и въ рядахъ чиновниковъ оба вѣроисповѣданія (магометанское и христіанское) должны быть представлены пропорціонально числу жителей острова, исповѣдующихъ ту или другую религію. Этотъ пунктъ понадобился собственно для того, чтобы изъ него логически вытекалъ пунктъ 3-й, въ которомъ сказано, что въ земскихъ собраніяхъ и въ общемъ собраніи дѣла должны быть рѣшаемы *простымъ* большинствомъ голосовъ. По халейскому соглашенію, требуется большинство 2—3 голосовъ, что было неудобно для христіанъ, которые на Критѣ представляютъ простое большинство (60%) и не могли безъ мусульманъ образовать большинство въ 2—3 голоса. Если эти пункты христіанскіе депутаты общаго собранія проводили съ тою цѣлью, чтобы впослѣдствіи они могли давить на мусульманское населеніе острова, то такому стремленію нельзя сочувствовать. Христіанское населеніе испытало на себѣ плоды и прелести «давленія» и не должно выступать въ роли угнетателей мусульманскаго населенія.



Правда, критское христіанское населеніе одновременно стремится къ установленію такихъ порядковъ на островѣ, которые вообще мѣшали-бы водворенію неправды какъ въ администраціи, такъ и въ судѣ. Шестой пунктъ, требованій говоритъ о томъ, что на островѣ должны быть учреждены суды по европейскимъ образцамъ, а въ восьмомъ пунктѣ сказано, что на островѣ отмѣняется цензура и вводится свобода печати. Такія просвѣщенныя требованія критскихъ христіанскихъ депутатовъ говорятъ много въ пользу ихъ умственной зрѣлости. Говорить о значеніи указанныхъ мѣръ для водворенія правды мы не станемъ, а считаемъ необходимымъ замѣтить, что критскіе депутаты не желаютъ полагаться на слова султана. Формулировавъ свои требованія, они желаютъ, чтобы ихъ ненарушимость была скрѣплена не только обѣщаніемъ султана, но и поручительствомъ всѣхъ державъ, подписавшихъ берлинскій трактатъ. Депутаты общаго собранія, конечно, знаютъ, что отвѣтъ Порты и европейскихъ державъ можетъ послѣдовать только послѣ довольно значительнаго промежутка времени. Они рѣшили прекратить засѣданія общаго собранія и отправиться по домамъ. Въ концѣ концовъ, ихъ убѣдили оставаться въ Канеѣ и ждать отвѣта по интересующему ихъ вопросу. Депутаты ждутъ и на основаніи прошлаго опыта относятся къ Портѣ весьма недовѣрчиво и отъ нихъ нельзя было добиться умиротворяющаго воздѣйствія на инсургентовъ. Инсурекціонное движеніе не прекращалось и получало поддержку отъ Греціи. Европа могла побудить греческое правительство къ усвоенію «корректнаго» образа дѣйствій, но она не могла и не можетъ запретить греческому населенію признавать критское инсурекціонное движеніе своимъ роднымъ дѣломъ. Греческое правительство сначала, повинуясь требованіямъ европейской дипломатіи, ловило греческихъ волонтеровъ, ѣдущихъ на Критъ, но потомъ объявило европейской дипломатіи, что оно не въ силахъ идти противъ общественнаго мнѣнія. Идея панэллинизма охватила всю греческую націю и великое прошлое Греціи давитъ на воображеніе всѣхъ грековъ, разсѣянныхъ по всему земному шару. Деньги и волонтеры идутъ массами на Критъ. Въ сущности теперь война идетъ не между Критомъ и Турціей, а между турецкой арміей и греческой націей.

Вопросъ о прекращеніи этой войны занимаетъ всѣхъ европейскихъ дипломатовъ, желающихъ отличиться на поприщѣ своего ремесла. Изъ всѣхъ европейскихъ дипломатовъ этой страстью особенно страдаетъ австрійскій министръ Голуховскій. Онъ думалъ, думалъ да и додумался до самаго важнаго средства, при помощи котораго можно прекратить войну между турецкой арміей и греческой націей. Греческое правительство не въ состояніи удерживать грековъ отъ вмѣшательства въ критскія дѣла. Турецкое правительство не въ состояніи окружить Критъ такимъ числомъ бдительныхъ крейсеровъ, которое дѣлало-бы невозможнымъ

подвозъ «военной контрабанды» къ берегамъ Крита. Въ виду этого, всѣ европейскія державы должны послать къ берегамъ Крита своихъ крейсеровъ и окружить его неразрывнымъ кольцомъ пушекъ. Мысль объ общеевропейской блокадѣ критскихъ береговъ такъ вскружила голову Голуховскому, что онъ сталъ энергично приглашать правительства всѣхъ «первоклассныхъ» державъ къ поддержанію его плана. Англичане отнеслись весьма недружелюбно къ планамъ Голуховскаго объ общеевропейской блокадѣ критскихъ береговъ. Голуховской забылъ свои собственныя слова. Не такъ давно онъ въ австрійскомъ парламентѣ держалъ рѣчь о положеніи дѣлъ на Балканскомъ полуостровѣ. Онъ говорилъ, что причиной всѣхъ волненій на Балканскомъ полуостровѣ являются турецкая администрація и турецкіе порядки. Спрашивается, неужели общеевропейская блокада турецкихъ береговъ преобразуетъ и турецкую администрвцію и турецкіе порядки? Конечно, нѣтъ. Мало того, общеевропейская блокада вызоветъ у турецкой администраціи увѣренность въ томъ, что вся Европа поддерживаетъ и санкціонируетъ практикуемые ею порядки. Наконецъ, Голуховскій забылъ уяснить себѣ истинный характеръ войны между турецкой арміей и греческой націей. Греческое правительство само могло-бы совмѣстно съ турками блокировать берега Крита съ большимъ успѣхомъ. Оно не объявляло греческій флотъ недостаточнымъ для такой блокады. Въ заявленіи греческаго правительства ясно сказано, что оно не въ силахъ бороться съ общественнымъ мнѣніемъ. Голуховскому слѣдовало-бы разыскать средство, пригодное для блокированія общественнаго мнѣнія. Въ такомъ случаѣ онъ прослылъ-бы не только великимъ дипломатомъ, но и такимъ великимъ изобрѣтателемъ, о которомъ слава гремѣла-бы далеко за предѣлами его собственнаго отечества. По плану Голуховскаго, европейскимъ крейсерамъ пришлось-бы стоять у береговъ Крита до второго пришествія. Всякая ихъ попытка возвращенія къ берегамъ собственнаго отечества. несомнѣнно сопровождалась-бы оживленіемъ того общественнаго мнѣнія, которое не могло быть поймано европейскими крейсерами. Кромѣ того, Голуховскій предложилъ Европѣ весьма неподходящую роль жандарма при султанѣ.

Быть можетъ, и самъ Голуховскій сознавалъ, что предложенный имъ планъ страдаетъ недостатками, но поведеніе Европы побудило его выступить съ планомъ, устанавливающимъ «солидарный» образъ дѣйствій. Вѣдь вся европейская дипломатія ходитъ вокругъ и около критскаго вопроса только потому, что не рѣшается вынуть ни единаго камня изъ стѣнъ того стараго зданія, которое именуется турецкой имперіей. Всѣмъ ясно, что разныя государства Европы могутъ подраться изъ-за этого камня. Удовлетворить завѣтпыя требованія критянъ, т. е. признать Критъ самостоятельной страной, не рѣшаются дипломаты, опа-



саясь поводовъ къ общеевропейской рѣзнѣ изъ-за политически обветшалой Турціи.

Разрѣшеніе ближайшаго вопроса о назначеніи критскаго губернатора, какъ мы говорили, повлечетъ за собою крупныя осложненія между европейскими государствами. Всѣ державы будутъ стремиться къ проведенію своего губернатора, а не губернатора, нужнаго для критянъ. Во избѣжаніе такихъ споровъ, кажется слѣдовало-бы критянамъ предоставить право избрать губернатора по своому усмотрѣнію, если онъ имъ вообще нуженъ, но, быть можетъ, критяне предпочли-бы и другіе порядки, возвращаясь къ доброй старинѣ. Въ такомъ случаѣ, европейской дипломатіи не слѣдовало-бы давить на критянъ и рекомендовать имъ извѣстный Европѣ принудительный механизмъ для урегулированія общественныхъ отношеній.

---

# ИЗЪ ЖИЗНИ И ЛИТЕРАТУРЫ.

Соборъ св. Владиміра.—Оскаръ Уайльдъ.

---

## Соборъ св. Владиміра и Васнецовъ.

По поводу освященія собора св. Владиміра въ Кіевѣ въ петербургскихъ и провинціальныхъ газетахъ появился рядъ замѣтокъ, изъ которыхъ можно извлечь нѣкоторыя интересныя свѣдѣнія объ исторіи этого собора и о художникахъ, украсившихъ его своими работами. На страницахъ «Сѣвернаго Вѣстника» будутъ въ свое время напечатаны особыя статьи о религіозной живописи собора, пока-же передадимъ словами нѣкоторыхъ авторовъ живой разсказъ о томъ, какъ строился соборъ и что сдѣлано въ немъ такими талантливыми художниками, какъ Васнецовъ, Свѣдомскій, Нестеровъ и др. Вотъ что сообщаетъ г. Ильяшенко на страницахъ одной кіевской газеты:

Постройка собора начата въ 1862 году по идеѣ митрополита Филарета, который еще въ 1852 году находилъ, что лучшимъ памятникомъ Равноапостольному князю долженъ быть храмъ. Проектъ собора было поручено составить архитектору Штрому. Въ первоначальномъ этомъ проектѣ собору предполагалось придать форму креста и увѣнчать его 13 куполами и тогда-же смѣта на его постройку исчислена была въ 700,000 руб. Сумма-же, собранная по подпискѣ, далеко не достигала этой цифры. Вслѣдствіе недостаточности наличности средствъ, митрополитъ Исидоръ, преемникъ Филарета, въ началѣ шестидесятыхъ годовъ поручилъ архитектору Спарро значительно уменьшить первоначальный проектъ. По этому новому проекту размѣры собора являются значительно меньшими и куполовъ предполагается 7 вмѣсто 13. Въ 1862 г. архитектору Беретти было поручено приступить къ постройкѣ, и 15 іюля того-же года состоялась закладка храма. Постройка производилась благополучно до 1866 г., пока не приступили къ возведенію главнаго купола, подъ давленіемъ громадной тяжести котораго наружныя стѣны собора начали

расходиться, такъ-какъ арки и своды дали трещины. Работы производить стало немыслимо. Проекты по укрѣпленію собора требовали не малыхъ затратъ, а сборъ пожертвованій прекратился. И вотъ вплоть до 1875 г. вопросъ о достройкѣ собора остается безъ всякаго движенія. Въ январѣ 1876 г. профессоръ архитектуры Императорской академіи художествъ Бернгартъ былъ командированъ въ Кіевъ и онъ на мѣстѣ сдѣлалъ подробный разсчетъ устойчивости всѣхъ частей постройки, равно какъ и проектъ укрѣпленія собора. Помощникомъ его трудовъ является архитекторъ В. Н. Николаевъ, который впослѣдствіи по рекомендаціи пр. Бернгардта былъ назначенъ и состоялъ все время до окончанія собора производителемъ работъ, будучи уже академикомъ архитектуры. Окончательно закончены работы по укрѣпленію собора въ 1882 г., тогда-же надстроенъ главный куполъ, своды и крыши на малыхъ куполахъ, установлены золоченые кресты и навѣшены колокола. Внутреннюю-же отдѣлку собора, по мысли, поданной профессоромъ И. И. Малышевскимъ, было рѣшено исполнить въ древнемъ византійскомъ стилѣ, что напоминало-бы о крещеніи св. князя Владиміра именно въ византійскомъ храмѣ. Въ 1885 г. были утверждены проекты и чертежи мраморныхъ иконостасовъ, исполненные профессоромъ А. В. Праховымъ, которому и поручено также руководство внутренней отдѣлкой.

Трудно представить себѣ, пишетъ г. Ильяшенко, все то великолѣпіе, которымъ поражаетъ соборъ въ нынѣшнемъ совершенно законченномъ видѣ. Особенно хорошъ главный иконостасъ изъ бѣлаго мрамора на легкихъ изящныхъ колоннахъ изъ сѣраго мрамора, украшенный поверху чуднымъ мозаичнымъ бордюромъ. Вообще соборъ поражаетъ богатствомъ, художественностью и изяществомъ произведеній изъ мрамора. Внутри всѣ стѣны облицованы тоже мраморомъ разныхъ цвѣтовъ въ поразительно гармоническихъ сочетаніяхъ. Всѣ клиросы, иконостасы, перила на хорахъ, горнее мѣсто и по бокамъ его два мѣста для сидѣнья духовенства и весь полъ въ соборѣ — все это сплошной мраморъ. И какая масса истинно художественнаго вкуса во всякой отдѣльной вещи, во всякой детали! Но истинное сокровище собора несомнѣнно составляетъ его живопись, и главная заслуга въ этомъ отношеніи принадлежитъ В. М. Васнецову, которымъ расписана средняя часть храма съ алтаремъ и куполомъ. Какъ на лучшее произведеніе кисти В. М. Васнецова, мы указали-бы на его Богоматерь съ Младенцемъ на рукахъ. Написана фигура Богоматери на восточной абсидѣ главнаго алтаря и какъ по размѣрамъ, такъ и по положенію господствуетъ надъ всей живописью собора. Кроткая, любящая, съ очами полными скорби за человѣчество, она всюду слѣдитъ за вами. Изумительна та простота и благородство, которыми дышетъ все написанное Васнецовымъ. Трогательно, просто и наивно создаетъ онъ фигуру, которая сама по себѣ

въ большинствѣ случаевъ цѣлая драма, цѣлый разсказъ. Сдѣлать болѣе въ этомъ направленіи невозможно. Сильное впечатлѣніе производитъ также картина страшнаго суда, вещь геніально задуманная и прочувствованная въ малѣйшихъ деталяхъ. И здѣсь, какъ и вездѣ, та-же простота и ничего лишняго, ненужнаго.

Послѣ грандіозныхъ и сильныхъ картинъ Васнецова вниманіе зрителя, пишето дальше г-нъ Ильяшенко, невольно приковываютъ къ себѣ произведенія художника Нестерова. Это тоже крупныя вещи и тоже могутъ быть смѣло отнесены къ лучшимъ образчикамъ русской религіозной живописи. Въ нихъ нѣтъ того титанизма, какой есть въ картинахъ Васнецова, за то вездѣ сквозитъ теплая поэтическая душа автора. Уступая Васнецову въ строгости рисунка и въ смѣлости композиціи, этотъ художникъ умѣетъ сильно дѣйствовать на душу зрителей несомнѣннымъ лиризмомъ своихъ произведеній, умѣетъ вызвать чувство умиленія къ тѣмъ трогательнымъ событіямъ, которыя передаетъ его кисть. Лучшія его прозведенія вь соборѣ: «Рождество Христово» и «Воскресеніе», помѣщающіяся на хорахъ. Сюжеты. взятые имъ для исполненія, какъ нельзя болѣе отвѣчаютъ самой натурѣ художника. Это какъ-то сразу чувствуется при взглядѣ на его картины. Того-же настроенія исполнены и отдѣльныя фигуры, написанныя имъ — каковы иконы св. Кирилла и Меѳодія, св. Константина и Елены, св. Ольги, Бориса и Глѣба. Колоритъ всѣхъ этихъ произведеній не яркій, а спокойный, съ преобладаніемъ сѣроватыхъ тоновъ. Южный и сѣверный придѣлы собора росписаны художниками П. А. Свѣдомскимъ и В. А. Котарбинскимъ. Нѣкоторыя изъ картинъ представляютъ совмѣстную работу обоихъ художниковъ. Какъ тотъ, такъ и другой въ своихъ произведеніяхъ блещутъ богатствомъ красокъ и высотой художественной фантазіи. Лучшая изъ картинъ П. А. Свѣдомскаго, находящихся въ соборѣ, по нашему мнѣнію «Воскрешеніе Лазаря». Прекрасно передана на картинѣ борьба проникающаго въ пещеру дневного свѣта съ искусственнымъ. Дневной свѣтъ, болѣе холодный, даетъ красивые эффекты, рефлектируя на лицахъ и одеждахъ фигуръ. На первомъ планѣ картины фигура Лазаря въ саванѣ, выходящая изъ склепа. Передъ нимъ стоитъ Христосъ, освѣщенный факеломъ, жестомъ руки повелѣвающій умершему возстать изъ гроба. Тутъ-же Марфа и Марія, обрадованныя и смятенныя происшедшимъ чудомъ. Въ лѣвомъ придѣлѣ останавливаетъ вниманіе зрителя «Распятіе», писанное В. А. Котарбинскимъ по эскизу Свѣдомскаго. Общее впечатлѣніе картины очень сильно, и удачно скомпанованный пейзажъ, какъ-бы выражающій скорбь природы, и искаженная физическими страданіями физіономія одного изъ разбойниковъ еще сильнѣе подчеркиваютъ ужасъ совершившейся драмы. Не перечисляя остальныхъ произведеній гг. Свѣдомскаго и Котарбинскаго, скажемъ, что ими

написаны, кромѣ картинъ, многія отдѣльныя фигуры, какъ въ боковыхъ частяхъ храма, такъ и на хорахъ.

Послѣ религіозной живописи собора достойна изумленія богатѣйшая его орнаментура. Всѣ орнаменты писаны по золотому фону и выдержаны въ строго византійскомъ стилѣ. Многіе изъ нихъ удивительно хороши, какъ по изяществу композиціи, такъ и по богатству красокъ. Въ общемъ-же все это собраніе художественныхъ произведеній представляетъ собой чрезвычайно строгое цѣлое и вполнѣ отвѣчаетъ той цѣли, ради которой было задумано.

О самихъ работахъ Васнецова тотъ-же авторъ разсказываетъ слѣдующее: профессоръ живописи Викторъ Михайловичъ Васнецовъ родился въ 1848 году, въ семьѣ сельскаго священника въ Уржумскомъ уѣздѣ, Вятской губ. Несомнѣнно, что близость съ малыхъ лѣтъ къ народу была причиной того, что въ этомъ художникѣ во всю жизнь его ясно и опредѣленно сказывается глубокая любовь къ его вѣрованіямъ, его героямъ и его эпосу. Онъ научился понимать его потребности, сжился съ нимъ и навсегда остался близокъ ему. Въ бытность свою въ вятской духовной семинаріи, В. М. Васнецовъ, отличавшійся между товарищами своими способностями къ рисованію, былъ приглашенъ помогать художнику, работавшему въ мѣстномъ соборѣ. Нечего и говорить, что пришлось начать съ мало интересныхъ работъ, заключавшихся въ подмалевываніи какой-либо драпировки или орнамента. Но дальше онъ переходитъ къ болѣе сложнымъ и самостоятельнымъ работамъ и, наконецъ, побуждаемый своимъ руководителемъ, рѣшается окончательно избрать своимъ поприщемъ живопись и уѣзжаетъ въ Петербургъ, чтобы поступить въ Императорскую академію художествъ. Въ душѣ художника росла и ширилась потребность излить на полотнѣ милые его сердцу образы народнаго эпоса. Герои былинъ, сказокъ, причудливые образы, созданные живою фантазіей—все это просилось къ передачѣ. Между тѣмъ работы въ академіи шли успѣшно и въ 1869 г. Васнецовъ получилъ двѣ малыя серебряныя медали за рисунокъ и за этюдъ съ натуры, а затѣмъ и большую серебряную за рисунокъ. Къ этому времени относится начало его знакомства съ В. А. Праховымъ, которому, благодаря его обширнымъ связямъ и знакомству, удалось, наконецъ, достать для молодого, неизвѣстнаго тогда еще художника работу для историческаго музея въ Москвѣ. Надо самому видѣть эти произведенія В. М. Васнецова, чтобы вполнѣ понять, насколько уже и въ то время глубока была мощь его необыкновеннаго таланта. Его «Каменный вѣкъ» — это нѣчто удивительное. По окончаніи этихъ работъ В. М. Васнецовъ получаетъ возможность осуществить свою мечту—увидѣть Парижъ и усовершенствоваться тамъ. Но и въ Парижѣ ему приходится долго бороться съ тою-же нуждой, какъ и въ Петербургѣ. Вскорѣ

художникъ уѣзжаетъ на родину, гдѣ его произведенія начинаютъ появляться періодически то на передвижныхъ, то на академическихъ выставкахъ и привлекаютъ къ себѣ все бо̀льшее и бо̀льшее вниманіе. Его сюжеты остаются прежними и онъ неизмѣнно идетъ по пути разработки народной сказки, народной былины. Особенное вниманіе обратила на себя появившаяся на одной изъ передвижныхъ выставокъ картина «Сѣрый волкъ и Иванъ Царевичъ», пріобрѣтенная Третьяковымъ для своей галлереи въ Москвѣ. Вся картина эта—настоящая сказка, чудесная, фантастическая, и даже лѣсъ, въ которомъ происходитъ дѣйствіе, не настоящій, а тоже сказочный, полный таинственности лѣсъ. Но, безспорно, самыми крупными произведеніями должны считаться его работы въ соборѣ Св. Владиміра. Въ нихъ онъ изъ талантливаго художника выростаетъ въ генія и даетъ намъ вещи, достойныя изумленія. Религіозная живопись, по своимъ особенностямъ, какъ нельзя болѣе соотвѣтствуетъ вдохновенной творческой силѣ художника. Взявшись за религіозную живопись, Васнецовъ не довольствуется тѣми путями, которыми шли до него другіе: онъ ищетъ новыхъ, болѣе цѣлесообразныхъ путей, находитъ ихъ и работами своими производитъ полный переворотъ въ церковной живописи. Распространенные не только по всей Россіи, но и заграницей фотографическіе снимки съ его картинъ и отдѣльныхъ фигуръ уже достаточно подготовили всѣхъ къ принятію этихъ новыхъ формъ религіозной живописи. Во многихъ уже церквахъ мы встрѣчаемъ иконы, писанныя съ васнецовскихъ образцовъ. Эти иконы уже предпочитаютъ, къ нимъ начинаютъ привыкать, хотя многимъ еще кажутся странными, непонятными простыя формы васнецовскихъ образовъ послѣ условно красивыхъ, вылощенныхъ и неестественныхъ произведеній, которыми до сихъ поръ украшались русскіе храмы.

Въ столичныхъ изданіяхъ мы нашли только двѣ интересныхъ статьи о Васнецовѣ: небольшую, изящно и нервно написанную замѣтку г. Ясинскаго въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» и статью г. Дѣдлова въ «Книжкахъ Недѣли», немного претенціозную по манерѣ, но любопытную по содержанію. Оба автора лично хорошо знакомы съ Васнецовымъ. Они имѣли случай наблюдать его художественную работу вблизи, и потому сообщенія ихъ представляютъ живой интересъ для всякаго, тѣмъ болѣе, что петербургскіе журналисты не вдаются ни въ какія преувеличенно патріотическія разсужденія, которыя производятъ особенно отталкивающее дѣйствіе, когда рѣчь идетъ о произведеніяхъ искусства настоящаго, огромнаго достоинства. По крайней мѣрѣ, этого сквернаго шовинистическаго духа нѣтъ въ замѣткѣ г. Ясинскаго. Отмѣчая въ картинахъ Васнецова печать чисто національнаго таланта, г. Ясинскій тонко и просто подходитъ къ внутреннимъ, болѣе глубокимъ качествамъ его художественной натуры и религіозно поэтическихъ настроеній. Авторъ разсказываетъ въ своей



замѣткѣ о Праховѣ, на вечерахъ у котораго въ Кіевѣ онъ однажды познакомился съ Васнецовымъ. «Частымъ посѣтителемъ этихъ вечеровъ, пишетъ г. Ясинскій, былъ Васнецовъ, и меня на первыхъ-же порахъ поразило его своеобразное міросозерцаніе. Я любилъ обмѣниваться съ нимъ взглядами. Основной тонъ его души былъ тогда мистическій; конечно, такимъ онъ остался и теперь. Онъ допускалъ возможность видѣній. Онъ говорилъ такъ объ этомъ убѣжденно, и такъ страстно горѣли его глаза, а въ то-же время онъ проявлялъ столько умственной силы и такое пониманіе искусства, что тогда уже я не сомнѣвался, что онъ произведетъ нѣчто грандіозное по части религіозной живописи—не придуманное, не вымученное, а непосредственно созданное и рожденное великой душою и пламеннымъ сердцемъ. На этихъ праховскихъ вечерахъ, не имѣвшихъ програмнаго характера, иногда мнѣ приходилось читать свои беллетристическіе опыты и выслушивать лестные для меня, а иногда и очень непріятные для моего авторскаго самолюбія отзывы. Но эта откровенность и непринужденность только сближали меня съ этими людьми, которые, въ свою очередь, не боялись никакой правды въ глаза. Однако не столько литература, сколько искусство во всѣхъ его видахъ было предметомъ бесѣдъ и толковъ въ праховской гостиной. Первый картонъ знаменитой теперь Богоматери Васнецова я увидѣлъ здѣсь. Фигура Богоматери была какъ будто немного коротка и была предана съ этой стороны критическому разбору, результатомъ чего явился новый картонъ. Надо было всѣ картоны, относящіеся къ живописи во Владимірскомъ соборѣ, представлять въ какую-то коммисію, безъ разрѣшенія которой Праховъ не могъ распоряжаться. Я знаю, это очень стѣсняло его и стѣсняло художниковъ. Кромѣ того, это отнимало время у Прахова, которому приходилось постоянно ухаживать за коммисіею. Мнѣ кажется, если-бы не эта коммисія, соборъ былъ-бы давно уже оконченъ. Образъ Богоматери написанъ на запрестольной стѣнѣ собора, и когда въ первый разъ мнѣ пришлось войти въ соборъ и увидѣть Богоматерь во всей красотѣ ея величавыхъ размѣровъ, какой-то холодокъ экстаза пробѣжалъ у меня по спинѣ. Трудно разсказать, что это за впечатлѣніе, но знаю только, что это счастье: не плачешь, но слезы вотъ-вотъ прольются. Ничего нѣтъ мудренаго, что, благодаря мистическому настроенію, витавшему подъ сводами храма, возникла легенда о томъ, что на стѣнѣ, на которой должна была быть написана Васнецовымъ Богоматерь, въ то самое утро, когда онъ явился для перевода своего картона, уже проступило на известкѣ пятно, точно отвѣчавшее его рисунку. Я видѣлъ фотографію съ этого пятна, тогда-же снятую А. В. Праховымъ: именно точности не было, но подобіе было безспорно. Во всякомъ случаѣ, легенда эта была очень умѣстна, и въ моихъ глазахъ она какъ будто переносила художниковъ, подвизавшихся въ храмѣ св. Владиміра,

въ тотъ вѣкъ чудесныхъ видѣній, когда работали такіе святые и блаженно вѣровавшіе живописцы, какъ фра-Анджелико. Еще большее впечатлѣніе, чѣмъ Богоматерь, произвели на меня святители Васнецова. Онъ самъ привелъ меня взглянуть на нихъ, и я шелъ, карабкаясь по лѣсамъ,- откуда не трудно было упасть (что, къ сожалѣнію, однажды и случилось съ Васнецовымъ, который, подобно Мурильо, рисковалъ жизнью для святого дѣла). Кажется, ужъ чего аскетичнѣе живопись и чего условнѣе; но столько «высшей жизни» вложено было Васнецовымъ въ эти фигуры, что лихорадочная дрожь охватила меня, и это такъ удовлетворило художника, что онъ ужъ не сталъ разспрашивать меня, какого я мнѣнія объ его произведеніи. Я потомъ нѣсколько разъ бывалъ въ соборѣ, и у меня до сихъ поръ гдѣ-то хранится фотографическій снимокъ съ его внутренности, причемъ фотографъ захватилъ въ свой объективъ и меня грѣшнаго. Какъ-то я доставилъ Васнецову въ соборъ «Очарованнаго странника» Лѣскова. На два или на три дня работы въ соборѣ прекратились: «Очарованный странникъ» плѣнилъ Васнецова, который до того времени имѣлъ совсѣмъ другое представленіе объ этомъ неровномъ, но замѣчательномъ писателѣ. Я упоминаю объ этомъ маленькомъ случаѣ въ доказательство того, что Васнецовъ человѣкъ увлекающійся въ высокой степени, а вовсе не холодный иконописецъ, какъ его кто-то невѣжественный назвалъ. Впрочемъ, дѣла его лучше всего говорятъ въ пользу его. Я часто высказывалъ мнѣнія, которыя признавались еретическими, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ. Выскажу и еще одно: единственный геніальный нашъ художникъ, въ которомъ чувствуется кипучее вдохновеніе и который, несмотря на условныя требованія, предъявляемыя религіозной живописью, достигъ созданія оригинальнѣйшихъ для нашего вѣка произведеній, исполненныхъ какого-то ужаса красоты, внушаемой смертному небеснымъ,—это Васнецовъ. Пишутъ, что онъ византіецъ. Нѣтъ. Онъ просто русскій человѣкъ, крылатая душа, постигающая величавое и вѣчное съ несказанной силой такого мастерства, предъ которымъ должна преклониться вся наша прославленная школа живописцевъ со всѣмъ ея преходящимъ и часто "очень грубымъ матеріализмомъ».

Г. Дѣдловъ слѣдующими чертами рисуетъ внѣшній обликъ Васнецова. «Васнецовъ, пишетъ онъ, вятичъ и типъ вятича. Вятичъ не въ примѣръ прочимъ великоруссамъ, высокъ и строенъ. Свѣтлорусые волосы и свѣтлая борода, не окладистая, а «долотомъ». Небольшая голова. Нѣжный, бѣлый и розовый цвѣтъ лица. Небольшіе сѣро-голубые глаза. Общее впечатлѣніе — смѣсь силы и нѣжности, доброты и ума, энергіи и гибкости, стойкости, покладливости, способности примѣняться, но не съ тѣмъ, чтобы поступиться собою, а чтобы ловче было взяться за дѣло. Нашъ вятичъ худощавъ и изъ несильныхъ

вятичей. Мускулы у него не велики, но могучія (?) губы и отличный складъ головы говорятъ о большой духовной силѣ. Глаза смотрятъ добродушно, но спокойно и вдумчиво, повременамъ съ искрой юмора. Движенія—немного нервныя, хлопотливыя, но бодрыя, немного угловатыя но въ то-же время ловкія, цѣпкія и не лишенныя своеобразной грацiи. Бесѣда—быстрая, оживленная, сопровождаемая такими-же угловато-граціозными жестами. Темы разговора всегда значительныя, изрѣдка юмористическія. Словомъ, по натурѣ это всѣмъ извѣстный типъ великоруссa, а по внѣшности представитель одной изъ лучшихъ разновидностей этой расы».

Самыя разсужденія г. Дѣдлова о религіозной живописи Васнецова мы отмѣтимъ въ другой разъ, при разсмотрѣніи тѣхъ теоретическихъ вопросовъ, которыхъ онъ коснулся въ своей статьѣ и которыхъ нельзя миновать, когда рѣчь идетъ о такомъ выдающемся и типично-русскомъ художникѣ, какъ Васнецовъ.

---

## Оскаръ Уайльдъ.

«Оскаръ Вильде, извѣстный писатель, заключенный въ тюрьму за безнравственность, совершенно разстроилъ свое здоровье въ заточеніи, гдѣ онъ наравнѣ со всѣми арестантами подчиняется строгому и разрушающему здоровье режиму. Англійскому министру внутреннихъ дѣлъ подано множество петицій о смягченіи участи заключеннаго, но до сихъ поръ для него не послѣдовало никакого облегченія».

Рѣчь идетъ въ этихъ строкахъ, которыя мы перепечатываемъ изъ «Новаго Времени», объ Оскарѣ Уайльдѣ, а не Вильде. Русская публика уже немного знакома съ его литературною физіономіей по двумъ-тремъ журнальнымъ и газетнымъ статьямъ, которыя появились въ сравнительно недавнее время. Объ Уайльдѣ докладывалъ въ одномъ частномъ кружкѣ извѣстный романистъ Боборыкинъ, и потомъ рефератъ его съ нѣкоторыми видоизмѣненіями былъ напечатанъ на страницахъ «Новостей». Въ рефератѣ этомъ сдѣлано очень много выписокъ изъ критическихъ статей самого Уайльда, хорошо рисующихъ его оригинальную личность, его пристрастіе къ блестящимъ парадоксамъ и болѣзненно эстетическое созерцаніе жизни. Затѣмъ въ газетахъ появились замѣтки, въ которыхъ передавалась скандальная исторія изъ личной жизни Уайльда, приведшая его на скамью подсудимыхъ. Талантливаго писателя заключили въ тюрьму за безнравственность. Мы не входимъ въ разсмотрѣніе этого дѣла по существу, но для насъ интересно вотъ что. Безнравственный Уайльдъ засаженъ въ тюрьму—это значитъ, что въ немъ нравственными людьми наказывается порокъ, марающій репутацію цѣ-

лаго англійскаго общества. Конечно, все оно состоитъ изъ высоконравственныхъ людей, и Уайльдъ, который оказался неопрятнымъ въ своей личной жизни, долженъ быть изгнанъ изъ его среды. Затоптать и оплевать его въ общественномъ мнѣніи цѣлаго міра—это значитъ обнаружить свою собственную нравственную непогрѣшимость. Замучить его строгимъ режимомъ—это значитъ вызвать страхъ въ сердцахъ людей, склонныхъ, можетъ быть, своротить съ нравственнаго пути. Не должно быть никакихъ сомнѣній, что законъ, сурово относящійся ко всякому нравственному грѣху, не могъ поступить съ Уайльдомъ иначе. Чтобы подчинить себѣ людей, онъ долженъ быть безпощаденъ. Это извѣстно съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ міръ. Но вотъ что странно. Газета передаетъ съ нѣкоторымъ скрытымъ соболѣзнованіемъ, что Уайльдъ разстроилъ свое здоровье въ заточеніи, что онъ, наравнѣ со всѣми арестантами, подчиняется строгому и разрушающему здоровье режиму. Какіе-то наивные люди подали англійскому министру внутреннихъ дѣлъ множество петицій о смягченіи участи заключеннаго. Непростительное равнодушіе къ закону! Какое отсутствіе тонкаго юридическаго правосознанія! Какое постыдное непониманіе собственныхъ обязанностей предъ могучимъ государствомъ. Уайльдъ разстроилъ свое здоровье. Но какъ-же быть иначе: развѣ англійская тюрьма должна служить прохладительнымъ эльдорадо для людей, повинныхъ въ нарушеніи нравственнаго закона, какъ его понимаетъ англійскій парламентъ? Его здоровье разрушается—это и было цѣлью тѣхъ, которые изрекли надъ нимъ суровый приговоръ уголовнаго правосудія. Заточая въ тюрьмы своихъ преступниковъ, англійское правительство не станетъ думать объ ихъ нервахъ, объ ихъ здоровьи, объ ихъ литературномъ талантѣ. Оно дѣлаетъ свое юридическое дѣло съ закрытыми глазами, желѣзною рукою, не внимая разнымъ сантиментальнымъ голосамъ. Простодушные люди пишутъ петиціи, хлопочутъ о смягченіи участи талантливаго Уайльда, но посмотрите, съ какимъ достоинствомъ ведутъ себя лица, обязанныя стоять на стражѣ закона. Тишина, молчаніе, ни малѣйшаго движенія въ сторону общества. Они только пожимаютъ плечами. Fiat justitia! Для болѣзненнаго, нервнаго, жалкаго въ своей безпомощности Уайльда не послѣдовало до сихъ поръ никакого облегченія. На высотѣ юридическаго величія англійскій законъ глухъ и мертвъ къ безумному приставанію не тонко мыслящихъ людей.

**А. Волынскій.**

---



# КРИТИКА.

---

**П. Милюковъ. Очерки по исторіи русской культуры.** Часть первая. Населеніе, экономическій, государственный и сословный строй. Спб. 1896.

Имя г. Милюкова пользуется нѣкоторою извѣстностью среди современныхъ дѣятелей русской исторической науки. Его магистерская диссертація: «Государственное хозяйство Россіи въ первой четверти XVIII столѣтія и реформа Петра Великаго» представляетъ полезный трудъ, вводящій въ научный оборотъ большое количество интереснаго архивнаго матеріала. Тѣмъ-же достоинствомъ отличается и слѣдующій трудъ г. Милюкова: «Спорные вопросы финансовой исторіи Московскаго государства», написанный въ формѣ рецензіи на книгу г. Лаппо-Данилевскаго «Организація прямого обложенія въ Московскомъ государствѣ». Въ «Очеркахъ по исторіи русской культуры» авторъ беретъ отдѣльныя стороны историческаго процесса и разсматриваетъ ихъ въ систематическомъ порядкѣ. Въ вышедшемъ до сихъ поръ томѣ обслѣдованы эволюціи слѣдующихъ сторонъ русской жизни: населенія, экономическаго быта, государственнаго строя (войско, финансы, учрежденія) и сословнаго строя. Обозрѣніе каждаго вопроса авторъ начинаетъ съ древнѣйшихъ временъ, насколько позволяютъ дошедшіе до насъ источники, и доводитъ до самой современности. Такимъ образомъ выясняется до нѣкоторой степени ходъ историческаго развитія той или другой стороны общественной жизни, выясняется, какъ назрѣвали у насъ различныя потребности, какія изъ нихъ уже удовлетворены и какія еще ждутъ разрѣшенія. Слово «культурная» исторія авторъ старается понять въ широкомъ смыслѣ, «въ которомъ оно обнимаетъ всѣ стороны внутренней исторіи, и экономическую, и соціальную, и государственную, и умственную, и нравственную, и религіозную, и эстетическую». «Очерки» имѣютъ въ виду дать всестороннюю характеристику русской исторической эволюціи. Между тѣмъ, разработка русской исторіи далеко еще не подготовила достаточное количество ма-

теріала для такой попытки, и по многимъ вопросамъ г. Милюкову приходилось самому кропотливо собирать факты. Справился онъ со своей задачей довольно удовлетворительно, насколько это въ силахъ одного человѣка. За каждой строкой его популярнаго изложенія чувствуется трудолюбивая работа спеціалиста, который ничего не беретъ изъ вторыхъ рукъ. Но вся эта подготовительная, черная работа осталась въ портфелѣ автора, а не приведена въ книгѣ, какъ это постоянно бываетъ и даже, въ значительной степени, необходимо въ ученыхъ трудахъ, которые, вслѣдствіе того, пріобрѣтаютъ тяжеловѣсность и становятся недоступными для чтенія большой публикѣ. «Очерки» Милюкова, наоборотъ, представляютъ, такъ сказать, квинтэссенцію его научныхъ занятій, изъ нихъ выброшено все, что могло-бы безплодно обременить вниманіе и память простого читателя, и въ этомъ отношеніи они представляютъ болѣе или менѣе удачное сочетаніе популярности изложенія съ пространными историческими свѣдѣніями. Объемъ своего труда авторъ опредѣляетъ такъ: «ничего, кромѣ *элементарныхъ* данныхъ, наиболѣе существенныхъ для общаго пониманія историческаго процесса, не могло быть введено въ содержаніе *Очерковъ*». Но относительно того, что именно считать элементарнымъ, составитель долженъ былъ руководиться собственнымъ сужденіемъ. Задача «Очерковъ» будетъ выполнена, если всѣ сообщаемыя въ нихъ данныя, вмѣстѣ съ вытекающими изъ нихъ выводами, дѣйствительно сдѣлаются «элементарными», т. е. общедоступными и общеизвѣстными.

Г. Милюковъ самъ знаетъ, какое отвѣтственное и трудное дѣло принялъ онъ на себя, взявшись за «роль посредника между спеціальной наукой и обширнымъ кругомъ образованной публики». Онъ самъ допускаетъ «значительныя неровности и прямые пробѣлы въ разныхъ частяхъ «Очерковъ», но это не его вина, а естественный результатъ того, что многое необходимое пока еще не разработано въ спеціальной литературѣ. Въ такомъ случаѣ возникаетъ вопросъ, — не черезчуръ-ли рискованна и преждевременна, при современномъ состояніи науки, попытка, предпринимаемая въ «Очеркахъ?» И на этотъ вопросъ г. Милюковъ даетъ такой отвѣтъ. «Въ свое оправданіе, говоритъ онъ, составитель можетъ сослаться только на несомнѣнную потребность въ подобной книгѣ—не только среди читающей публики, но и среди самихъ спеціалистовъ, работающихъ обыкновенно въ одной маленькой области науки и рѣдко представляющихъ отчетливо связь этой области съ цѣлымъ. «Очерки по исторіи русской культуры», конечно, не могутъ дать того, чего нѣтъ въ самой наукѣ. Но самими своими недоставками они лишній разъ подчеркнутъ пробѣлы науки и, можетъ быть, помогутъ установить тѣ точки зрѣнія, которыя даютъ смыслъ и интересъ самому сухому и самому узкому, повидимому, спеціальному изслѣдованію. Привлеченіе къ такой работѣ спеціалистовъ и разумная организація ученой



работы, которая теперь съ такой расточительностью тратится часто не на то, на что слѣдовало-бы,—эти задачи также дороги и близки автору, въ качествѣ специалиста и преподавателя, какъ важна и превлекательна для него роль популяризатора научныхъ свѣдѣній въ русскомъ образованномъ обществѣ. Предлагаемые «Очерки» стремятся удовлетворить той и другой потребности. Авторъ почтетъ себя счастливымъ, если они найдутъ себѣ путь къ тѣмъ читателямъ, для которыхъ предназначаются».

С. А—въ.

---

**Я. К. Гротъ. Нѣсколько данныхъ къ его біографіи и характеристикѣ.** Спб. 1895 г.

**Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ.** Томъ второй. Спб. 1896 г.

Эти книги дополняютъ другъ друга. Въ первой изъ нихъ собрано нѣсколько цѣнныхъ данныхъ, живо рисующихъ образъ симпатичнаго, гуманнаго и широко-образованнаго ученаго. На первомъ мѣстѣ между ними надо поставить автобіографію Грота, по которой можно прослѣдить, какъ съ ранняго дѣтства опредѣлялись и вырабатывались наклонности будущаго филолога и академика. Обладая особенною способностью къ языкамъ, Гротъ, при своемъ необыкновенномъ, чисто нѣмецкомъ трудолюбіи, усваиваетъ, почти шутя, одинъ за другимъ главнѣйшіе индо-европейскіе языки, и этимъ, еще не предчувствуя своей послѣдующей дѣятельности, кладетъ твердое основаніе своимъ будущимъ филологическимъ занятіямъ и сравнительному изслѣдованію русскаго языка. Окончивъ курсъ въ царскосельскомъ лицеѣ, въ которомъ учился и Пушкинъ, Гротъ по обычаю того времени поступилъ на службу чиновникомъ. Прекрасный почеркъ, которымъ онъ владѣлъ въ совершенствѣ, повелъ къ тому, что въ первое время службы его заваливали всевозможными бумагами. Такая дѣятельность, противорѣчившая его наклонностямъ, не могла, конечно, прельщать его. И вотъ Гротъ, которому предстояла заманчивая государственная карьера, къ ужасу своихъ знакомыхъ, которые сочли его сумасбродомъ и помѣшавшимся, выходитъ въ отставку и затѣмъ вступаетъ на тернистый путь ученаго. Помѣщенныя въ той-же книжкѣ «Случайныя замѣтки и мысли», относящіяся къ 1840—46 г. и усѣянныя великолѣпными афоризмами въ идеалистическомъ духѣ, указываютъ внутренніе мотивы его рѣшительнаго шага: «не внѣшнихъ сокровищъ домогаюсь,—хочу сокровищъ знанія, внутренняго мира, ищу истины и добра», пишетъ Гротъ.

«Переписка» даетъ обстоятельнѣйшій комментарій этого стремленія Грота. Среди многочисленныхъ своихъ занятій, обязательныхъ и самостоятельныхъ, Гротъ находилъ еще время для веденія огромной переписки почти изо дня въ день. Въ перепискѣ съ Плетневымъ, онъ, со-

общая множество мелкихъ фактовъ, касающихся собственной жиз[illegible] очень часто затрагиваетъ и вопросы литературнаго или научнаго хара[illegible]тера. Такъ, напр., по поводу нѣкоторыхъ критическихъ статей Бѣлин[illegible]скаго онъ оспариваетъ мнѣнія Плетнева о критикѣ. Впрочемъ, Гротъ скоро перешелъ на сторону своего корреспондента. Плетневъ напалъ на Бѣлинскаго за неблагопріятный отзывъ послѣдняго объ одномъ стихотвореніи Баратынскаго, въ которомъ съ горечью осуждается наука. Плетневъ беретъ это стихотвореніе подъ свою защиту, но не потому, что въ стихотвореніи выразился живой протестъ поэта противъ механическаго міропониманія, которое Баратынскій такъ-же, какъ и Бѣлинскій, отожествлялъ съ наукой вообще, а потому, что поэтъ «можетъ быть полонъ противорѣчія, потому что онъ управляется впечатлѣніями, которыя, подобно природѣ, ихъ созидающей, измѣняются ежеминутно!» Гротъ согласился съ *такимъ* мнѣніемъ Плетнева и съ тѣхъ поръ сталъ относиться осторожнѣе къ Бѣлинскому. Такихъ интересныхъ эпизодовъ разбросано въ «Перепискѣ» множество.

---

# БИБЛІОГРАФІЯ.

## I. ОБЩЕСТВЕННЫЯ НАУКИ, ФИЛОСОФІЯ, КНИГИ ДЛЯ САМООБРАЗОВАНІЯ.

**Краткій обзоръ дѣятельности министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ за второй годъ его существованія.** Спб. 1896 г.

Отчетъ за первый годъ дѣятельности нашего юнаго министерства земледѣлія на страницахъ нашего журнала былъ подробно разобранъ въ особой статьѣ. Вышедшій на-дняхъ отчетъ за второй годъ дѣятельности министерства не даетъ повода какимъ-либо новымъ заключеніямъ. Отрадно, что во второй годъ своей дѣятельности министерство ближе подошло къ истинѣ въ своихъ взглядахъ на причины сельскохозяйственнаго кризиса и на результатъ своей собственной дѣятельности. Отчетъ категорически указываетъ на главное значеніе тѣхъ мѣропріятій, которыя будутъ направлены къ созданію благопріятныхъ условій для сельско - хозяйственной промышленности. Мѣрамъ-же, направленнымъ къ поднятію техники въ сельскомъ хозяйствѣ, министерство отводитъ второстепенное значеніе. «Создавая планъ своей дѣятельности собственно по сельскохозяйственной части, министерство земледѣлія, сказано въ отчетѣ, не могло не сознавать, что тяжелыя условія, въ которыхъ находится наше сельское хозяйство, должны вызвать усиленную работу для ихъ устраненія не только со стороны этого министерства, но и со стороны другихъ вѣдомствъ. Только при такой общей работѣ и при содѣйствіи мѣстной иниціативы вообще и земской въ особенности, и возможно обезпечить вполнѣ правильное пользованіе тѣмъ главнымъ источникомъ народнаго благосостоянія, какимъ въ нашей земледѣльческой странѣ является сельское хозяйство. Въ частности безъ соотвѣтствующихъ мѣръ экономическихъ, мѣры по улучшенію собственно техники сельскаго хозяйства не принесутъ всей пользы, какой возможно ожидать отъ нихъ». Какъ видите и вопросъ о сельскохозяйственномъ кризисѣ сводится къ вопросу о расширеніи общественной самодѣятельности.

**Реформа денежнаго обращенія въ Россіи.** Докладъ и пренія въ 3-мъ отдѣленіи Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества. Стенографическій Отчетъ. Спб. 1896 г. Ц. р. 50 к.

Читатели «Сѣвернаго Вѣстника» своевременно были ознакомлены съ характеромъ дебатовъ, происходившихъ въ 3-мъ отдѣленіи Вольнаго Экономическаго Общества по вопросу о намѣченной у насъ денежной реформѣ. На этотъ разъ Вольное Экономическое Общество оказалось на высотѣ своего призванія. Оно привлекло вниманіе общества къ довольно спеціальному вопросу о денежной реформѣ и показало ему, какіе существенные интересы страны и народа затрогиваетъ намѣченная реформа. Теперь вся русская читающая публика можетъ ознакомиться съ этимъ вопросомъ по изданному обществомъ стенографическому отчету. Было-бы до крайности прискорбно, еслибы «отчетъ» не получилъ широкаго распространенія среди мыслящей части общества. По «отчету» можно составить себѣ представленіе о нашей финансовой и экономической политикѣ. Чуть-ли не всѣ ораторы говорили и на такую интересную тему, какой является въ данное время тема о нашей бѣдности и нашихъ богатствахъ.

*Е. И. Рагозинъ.* **Желѣзо и уголь на югѣ Россіи.** Спб. Ц. 3 руб.

Книгу г. Рагозина должны прочесть съ особымъ вниманіемъ всѣ тѣ, кто съ гор

достью говоритъ о несмѣтныхъ богатствахъ, втунѣ лежащихъ въ нѣдрахъ Россіи. Г. Рагозинъ поддерживаетъ ихъ иллюзіи съ такимъ успѣхомъ, что у всякаго безпристрастнаго читателя возникаетъ мысль о томъ, что пора-бы охладить пылъ фантазіи многихъ писателей, рисующихъ картину сказочныхъ богатствъ нашего горнаго царства. Въ техническомъ обществѣ г. Филиппенко читалъ особый докладъ о книгѣ г-на Рагозина и упрекаетъ автора въ излишнихъ преувеличеніяхъ и тщетныхъ надеждахъ на великое будущее южно-русскаго желѣза и угля. Г. Филиппенко категорически заявилъ, что «легенда о чрезвычайномъ богатствѣ и высокомъ качествѣ южнаго угля и желѣза, пущенная гг. Менделѣевымъ, Кази и Рагозинымъ, не выдерживаетъ критики». По мнѣнію г. Филиппенко, оживленіе въ горнозаводской промышленности на югѣ Россіи вызвано и поддерживается казенными заказами. Эти казенные заказы приспособляются къ нашей техникѣ производства. Для рельсовъ, изготовляемыхъ на нашихъ заводахъ, по условіямъ ихъ поставки, срокъ службы требуется вдвое меньшій, чѣмъ для рельсовъ, заказываемыхъ заграницей. Такія условія едва ли говорятъ о ростѣ техники на нашихъ южныхъ горныхъ заводахъ.

*К. В. Тулуповъ.* **Народныя читальни и библіотеки.** Москва. 1896.

Безплатныя народныя читальни являются однимъ изъ могущественныхъ орудій въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія. Къ сожалѣнію, такихъ читаленъ у насъ еще очень мало, и только въ послѣдніе 2—3 года онѣ стали открываться въ болѣе значительномъ числѣ. Главными дѣятелями въ устройствѣ библіотекъ для народа, сначала при школахъ, а потомъ самостоятельно, были земства и столичные комитеты грамотности. Какъ всякое доброе и полезное дѣло у насъ, и это дѣло тормозится для чего-то какими-то никому не нужными формальностями; но, какъ доказываетъ книжка г. Тулупова, оно отвѣчаетъ ясно сознанной народомъ и обществомъ и достаточно-назрѣвшей потребности, и потому, не смотря на препятствія, не можетъ не развиваться.

**Справочный указатель земскихъ сельскохозяйственныхъ учрежденій.** Спб. 1896 г. Изданіе департамента земледѣлія.

Департаментъ земледѣлія рѣшилъ издавать періодическіе указатели, въ которыхъ помѣщались-бы всѣ справочныя свѣдѣнія о дѣйствующихъ въ Россіи земскихъ сельско-хозяйственныхъ учрежденіяхъ. Въ выпущенномъ теперь указателѣ помѣщены данныя, относящіяся къ 1895 г., а потому ихъ нельзя признать имѣющими чисто историческое значеніе. Изъ этихъ данныхъ мы узнаемъ, что изъ 34 уб. и 359 уѣз. земствъ принимаютъ болѣе или менѣе дѣятельное участіе въ практическомъ разрѣшеніи вопросовъ сельскохозяйственной политики 31 губ. и 265 уѣз. земствъ. Общіе размѣры земскихъ расходовъ на сельско-хозяйственныя мѣропріятія «превышаютъ сумму въ 1,458 тыс. руб.». Конечно, это капля въ морѣ для обширной территоріи, занимаемой 34 земскими губерніями. Этимъ замѣчаніемъ мы не думаемъ упрекать земство въ равнодушномъ отношеніи къ вопросамъ сельскохозяйственной политики. Скудный земскій бюджетъ, какъ извѣстно, не позволяетъ идти навстрѣчу назрѣвшимъ потребностямъ даже въ области народнаго образованія.

Полковникъ *фонъ-Вендрихъ.* **Отчетъ по управленію перевозками по желѣзнымъ дорогамъ въ мѣстности пострадавшія отъ неурожая.** (Декабрь 1891 г. Мартъ 1892 г.). Спб. 1896 г.

Мы не станемъ напоминать читателямъ исторіи появленія г. Вендриха въ роли чрезвычайнаго уполномоченнаго по перевозкѣ грузовъ въ тяжелые дни голоднаго года. Читатели помнятъ, что г. Вендрихъ какъ-то странно распрощался со своими сложными обязанностями и безграничными правами. Ходили разные слухи о томъ, что г. Вендрихъ занятъ составленіемъ блестящаго оправдательнаго отчета, который почему-то появился только теперь, т. е. спустя 4 года. Мы рекомендуемъ этотъ отчетъ особому вниманію мыслящей части русскаго общества, желающей составить себѣ ясное представленіе о производительномъ значенія тѣхъ милліардовъ, которые затрачиваются для того, чтобы сдѣлать Россію проѣзжею. Намъ лично давно не приходилось читать такой интересной книги. Отчетъ г. Вендриха — это настоящій романъ, характеризующій положеніе нашего желѣзно-дорожнаго хозяйства, которое не могло за 4 года стать инымъ по существу дѣла. Самъ г. Вендрихъ думаетъ, что энергія, отождествляемая имъ съ безграничностью власти, и твердость руки одного человѣка въ состояніи все измѣнить въ короткій срокъ. Онъ думаетъ, что и его дѣятельность увѣнчалась успѣхомъ. Такой тезисъ г. Вендрихъ подкрѣпляетъ двумя доказательствами: 1) благодарностью, выраженною ему военнымъ министромъ, 2) телеграммою предсѣдателя симбирской губ. земск. управы, въ которой ему выражается признательность земскаго собранія за энергію и распорядительность.

*Е. Ковалевскій.* **Народное образованіе въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки.**

Совмѣстный трудъ нѣсколькихъ русскихъ делегатовъ на Чикагской выставкѣ

(Е. Ковалевскаго, О. К. Адеркаса, И. Я. Герда, проф. Зегеля, П. Г. Мижуева и М. А. Поспѣловой) представляетъ очень содержательный и интересный очеркъ педагогическаго дѣла въ Америкѣ. Высшее университетское образованіе въ Америкѣ, какъ извѣстно, уступаетъ общеевропейскому и состоитъ большей частью въ технической подготовкѣ къ разнымъ профессіямъ — кончившіе въ Америкѣ доктора и разные спеціалисты пріѣзжаютъ «совершенствоваться» въ европейскіе университеты и оказываются на одинаковомъ уровнѣ знаній со студентами. Зато низшее и среднее образованіе, т. е. то, которое готовитъ не ученыхъ, а людей жизни и культурныхъ избирателей, поставлено образцово въ странѣ практическихъ янки, и въ этомъ можно убѣдиться, читая книгу Ковалевскаго.

Общіе принципы, положенные въ основу народнаго образованія въ Америкѣ, тѣ-же что и въ Европѣ: школа должна быть безплатной и обязательной и это достигается путемъ сложныхъ финансовыхъ комбинацій, а также нравственнымъ воздѣйствіемъ на массу, которая не уклоняется отъ отбывки школьной повинности, понимая ея важное значеніе. Въ американскомъ законодательствѣ есть много принудительныхъ мѣръ для нежелающихъ посылать дѣтей въ школу, но на практикѣ къ этимъ мѣрамъ никогда не приходится прибѣгать. Разсказывая исторію американской школы въ прошломъ, Е. Ковалевскій напоминаетъ о первыхъ пуританскихъ обитателяхъ Америки, прибывшихъ на знаменитомъ кораблѣ «May flower» и основавшихъ Нью-Плэймутъ, первую колонію; они-же и привили культуру въ новомъ отечествѣ и придали первымъ школамъ религіозно-нравственный характеръ. Этотъ отпечатокъ религіозности сохранился до сихъ поръ въ воспитаніи дѣтей, хотя, вслѣдствіе безконечнаго развитія сектантства, обученіе религіи не входитъ въ школьный курсъ, а происходитъ въ отдѣльныхъ, воскресныхъ и иныхъ школахъ.

Въ книгѣ г. Ковалевскаго много говорится о совмѣстномъ обученіи мальчиковъ и дѣвочекъ, столь принятомъ въ Америкѣ и дающемъ блестящіе результаты. Авторъ приводитъ доводы компетентныхъ докторовъ, доказывающихъ, что никакого переутомленія для женскаго организма не происходитъ отъ одинаковаго курса для дѣтей и подростковъ обоихъ половъ, а въ нравственномъ отношеніи взаимное вліяніе мальчиковъ и дѣвочекъ служитъ только къ общей пользѣ. Богатство статистическихъ данныхъ и подробное изложеніе административной стороны учебнаго дѣла дополняютъ значеніе книги Ковалевскаго для профессіональныхъ педагоговъ.

*А. Быковъ.* **Сѣверо - Американскіе Соединенные Штаты.** Съ семью рисунками въ текстѣ и съ географической картой. Изданіе книжнаго склада А. М. Мурановой. Москва. 1896 г. (201 стр ).

Въ этомъ очеркѣ авторъ сумѣлъ дать яркую и полную, насколько это является возможнымъ въ небольшой книжкѣ, картину оригинальной и интересной жизни Сѣверо-Американскихъ Штатовъ. Коснувшись самыхъ различныхъ сторонъ жизни этого, юнаго возрастомъ, но зрѣлаго дѣлами государства, составитель знакомитъ читателя не только съ современнымъ положеніемъ С.-А. Штатовъ, но и съ ихъ прошлымъ, останавливаясь при этомъ на тѣхъ важнѣйшихъ измѣненіяхъ, которыя штаты пережили за 120-ти лѣтній періодъ своего существованія. Очеркъ написанъ просто и увлекательно, благодаря умѣнью комбинировать описанія; такъ рядомъ съ картинкой современной культурной жизни Штатовъ, встрѣчаются описанія жизни дикарей, недавнихъ обитателей теперешней страны долларовъ и электричества. Отъ такихъ и другихъ сравненій американская жизнь еще рѣзче выступаетъ своими культурными особенностями. Авторъ не упускаетъ случая оттѣнить, что современныя формы американской жизни сложились только благодаря неутомимой энергіи американцевъ, которымъ каждый шагъ приходилось отвоевывать то у дикой природы и ея обитателей, то въ борьбѣ съ собственными традиціями и старымъ режимомъ, отъ котораго приходилось отречься. Благодаря всему этому, очеркъ г. Быкова прочтется съ интересомъ и пользою тѣми, кто не можетъ ознакомиться съ Сѣверо-Американскими Штатами по болѣе серьезнымъ, научнымъ источникамъ.

*К. В.* **Женщина какъ залогъ прочной жизни націи.** СПБ. 1896.

Оглавленіе книги поражаетъ своимъ всеобъемлющимъ характеромъ: все, начиная отъ древнѣйшихъ формъ человѣческаго общежитія и, включая Грецію, Римъ, Средніе вѣка, европейскія страны въ нашемъ вѣкѣ—вплоть до профессіональныхъ и общихъ школъ въ Америкѣ входитъ въ программу этой книги, не говоря уже о теоретическихъ разсужденіяхъ, переплетающихся съ историческимъ изложеніемъ и составляющихъ, кромѣ того, отдѣльныя прибавленія въ концѣ ея. Къ сожалѣнію, однако, намѣреніямъ автора, выраженнымъ въ введеніи и въ оглавленіи, не соотвѣтствуетъ содержаніе книги; обширный историческій матерьялъ сводится къ отрывочнымъ справкамъ, почерпнутымъ изъ учебника исторіи гимназическаго объема—да и эти элементарныя свѣдѣнія не всегда отличаются достовѣрностью. Каждая страница

книги подраздѣляется на главки съ отдѣльными заглавіями, и въ этихъ главкахъ сообщаются свѣденія, напр., о томъ, что «Перикловъ вѣкъ—эпоха высшаго развитія эллинской жизни и образованія». Въ спеціальной книгѣ о женскомъ вопросѣ такого рода характеристики историческихъ эпохъ съ успѣхомъ могли бы быть обойдены, а между тѣмъ ими переполнена книга К. В. Тутъ же рядомъ съ главой (въ 15 строкъ) о вѣкѣ Перикла глава (въ 6 строкъ) о Саффо.

Въ дальнѣйшей исторіи женщины К. В. главнымъ образомъ интересуется тѣмъ, была-ли женщина въ ту или другую эпоху скромна и добродѣтельна и согласно съ этимъ выдаетъ ей аттестацію. Такъ напр., говоря о значительной роли женщинъ въ періодъ Возрожденія, онъ возмущается французскими женщинами того времени, главнымъ ооразомъ осуждая Екатерину Медичи и ея современницу (!) Ninon de Lanclos за пагубное вліяніе на нравы. Свѣдѣнія, которыя К. В. сообщаетъ о положеніи женщины во Франціи, поражаютъ своимъ случайнымъ характеромъ. Англія почему-то совершенно отсутствуетъ въ книгѣ К. В.—очевидно, онъ не успѣлъ собрать газетныхъ справокъ объ этой все-таки любопытной по отношенію къ женскому вопросу странѣ. Зато о Германіи собрано въ книгѣ К. В. много свѣдѣній. Средневѣковая исторія германской женщины изложена довольно обстоятельно, но говоря о современной нѣмецкой женщинѣ, К. В. почему-то совершенно выходитъ изъ роли историка. Больше всего его возмущаютъ симпатіи нѣмецкихъ женщинъ къ социалъ-демократическимъ идеямъ. Онъ съ жаромъ обрушивается на «бездарную и ненаучную» книгу Бебеля «Die Frau etc.», которая непонятнымъ для него образомъ выдержала 9 изданій съ 1891 г.

**Сборникъ разсказовъ. Путеводитель. Поволжье. Пріуралье и лѣчебныя степи.** Составилъ *Н. Массальскій.* Изд. *Ѳ. Сурина.* Сборникъ первый. Спб. (310 стр.).

Прекрасно изданный сборникъ съ приложеніемъ карты путей Россіи, съ хорошими рисунками и правильными, соотвѣтствующими дѣйствительности изображеніями народныхъ типовъ, монетъ, украшеній, зданій и т. п. Книга составлена съ большимъ стараніемъ и съ спеціальнымъ знаніемъ вопроса. У составителя было двѣ цѣли: 1) дать возможность познакомиться съ мѣстностью, по которой приходится путешествовать и 2) поразвлечь путника, давъ возможность забыть дѣйствительность и погрузиться въ старину. Достиженіе этихъ цѣлей, конечно, будетъ зависѣть отъ субъективныхъ свойствъ читателя, хотя относительно 2-й цѣли можно смѣло сказать, что достигнута она не будетъ, если читатель не археологъ по натурѣ: дѣйствительность всегда передъ глазами путника, о ней можно сказать: «гони ее въ окно, она влетитъ въ другое». Жаль, что неизвѣстна цѣна путеводителя, такъ какъ интересно знать, во что обойдется путешественнику этотъ любезный, готовый и научить, и поразвлечь спутникъ. Тѣмъ болѣе надо было выставить цѣну, что, какъ намъ кажется, отъ нея и будетъ зависѣть успѣхъ или неуспѣхъ сборника. Вообще же появленіе путеводителей съ хорошими географическими и историческими свѣдѣніями явленіе желательное, такъ какъ даетъ возможность изучить Россію и знать ее не по учебнику только. Но при этомъ именно, какъ намъ кажется, и необходимы по возможности новѣйшія данныя, любопытныя для каждаго, а не древнія—интересующія развѣ археолога.

**Книга бытія моего.** Дневники и автобіографическія записки епископа *Порфирія Успенскаго.* Часть III. Спб. 1896 г.

Епископъ Порфирій Успенскій, по духовному своему завѣщанію, оставилъ свои рукописные труды академіи наукъ, съ условіемъ, чтобы она издала ихъ въ свѣтъ. Исполняя волю покойнаго, академія печатаетъ теперь подробныя и весьма содержательные дневники о. Порфирія, которые онъ самъ озаглавилъ «Книга бытія моего». Вышедшая теперь третья часть обнимаетъ періодъ времени отъ 1 января 1846 г. по 20 марта 1850 г. Невеселыя впечатлѣнія вывезъ онъ съ Востока. На всемъ протяженіи турецкой имперіи духовенство оказалось далеко не на высотѣ своего призванія. «Есть у насъ монастыри, церкви, но нѣтъ священниковъ», жаловался отцу Порфирію одинъ образованный валахъ. Любостяжаніе овладѣло и чернымъ, и бѣлымъ духовенствомъ. «Въ вашихъ богатыхъ имѣніяхъ,—упрекалъ Порфирій одного греческаго игумна въ Валахіи,—нѣтъ ни церквей хорошихъ, ни священниковъ порядочныхъ, ни школъ приходскихъ, а въ монастыряхъ нѣтъ монаховъ, которые совершали-бы поминовеніе усопшихъ благодѣтелей вашихъ... Ваши управляющіе имѣніями архимандриты и игумены большую часть доходовъ сами поѣдаютъ... Сипометриты на Святой горѣ живутъ по строгимъ правиламъ киновіи, а экзархъ ихъ въ Бухарестѣ едва-ли не пляшетъ подъ фортепіано, которое я видѣлъ въ его кельяхъ...

— Бѣда намъ отъ лжебратій, — сокрушался грекъ.

— Не тѣ-ли лжебратія, которые, нося куколь и мантію, наживаютъ въ княжествахъ богатство, и потомъ бѣгутъ въ



Аѳины, женятся тамъ и строятъ себѣ дома?

— Бѣда отъ лжебратій, — вопіялъ игуменъ...

Положеніе Палестинской церкви Порфирій характеризовалъ такъ въ своемъ разговорѣ съ Филаретомъ, митрополитомъ московскимъ: «Она подобна разслабленному, который лежитъ у купели и ждетъ исцѣленія. Все тамошнее греческое духовенство—темно, арабское-же вдвое темнѣе».

Вообще, въ дневникахъ о. Порфирія находится богатѣйшій матеріалъ для новѣйшей исторіи православія на Востокѣ.

*Проф. А. Гусевъ.* **Разборъ возраженій Спенсера и его единомышленниковъ противъ ученія о Богѣ, какъ личномъ существѣ.** Казань, 1896 г. 58 стр. Ц. 40 к.

Проф. Гусевъ поставилъ себѣ задачей защитить отъ нападокъ идею о Божествѣ, какъ о личномъ существѣ. На эту идею нападаютъ разные мыслители, преимущественно западно-европейскіе. Такъ, въ «Основныхъ началахъ» Спенсера выставленъ рядъ возраженій противъ ученія о Богѣ, какъ существѣ личномъ. Такого же рода возраженія находятся и въ изданномъ московскимъ психологическомъ обществомъ сочиненіи Паульсена «Введеніе въ философію». Сюда-же надо присоединить Шопенгауэра, Гартмана, Штрауса, Фихте-старшаго и «еврея-философа» Спинозу. Съ *ожесточеніемъ* нападаетъ на это ученіе и нашъ Толстой. Въ нѣкоторыхъ статьяхъ московскаго журнала «Вопросы философіи и психологіи» прямо и рѣшительно отвергается ученіе о Богѣ, какъ личномъ существѣ.

Исходнымъ пунктомъ своей аргуметаціи пр. Гусевъ беретъ такую аксіому, которую, какъ онъ полагаетъ, можно приравнять къ аксіомѣ: цѣлое больше своей части. Вотъ эта аксіома: личное существованіе есть наивысшая форма бытія; другой высшей формы нѣтъ и не можетъ быть. «Никто изъ серьезно мыслящихъ людей, говоритъ проф. Гусевъ, не потребуетъ отъ насъ даже и ссылокъ на какіе-либо факты въ доказательство справедливости нашихъ словъ. Что цѣлое больше своей части, это—такая самоочевидная и безспорная истина, которая совсѣмъ не нуждается въ провѣркѣ посредствомъ чисто-опытныхъ изысканій». «Къ разряду такихъ-то истинъ, которыя не должны-бы подлежать ни малѣйшему спору, можно отнести и ту истину, что не существуетъ никакой формы бытія, которая превосходила-бы форму личнаго бытія». Есть, конечно, люди, которые многое возразили-бы противъ этой истины, но ихъ, конечно не причислятъ къ серьезно мыслящимъ!.

**Программы домашняго чтенія на 2-й годъ систематическаго курса.** Изд. комиссіи по организаціи домашняго чтенія, состоящей при учебномъ отдѣлѣ Общества распространенія техническихъ знаній. М. 1896 г. XVI+336 стр Ц. 40 к., съ перес. 58 к.

«Программы домашняго чтенія на первый годъ систематическаго курса» разошлись въ количествѣ около двадцати тысячъ экземпляровъ. Это служитъ яркимъ доказательствомъ того, какъ сильна въ нашемъ обществѣ потребность самообразованія. Этой потребности пытается удовлетворить московская комиссія по организаціи домашняго чтенія. По примѣру нѣкоторыхъ англійскихъ и американскихъ обществъ, комиссія руководитъ домашнимъ чтеніемъ «при посредствѣ ежегодно издаваемыхъ ею сборниковъ, программъ и письменныхъ сношеній съ читателями по изучаемымъ послѣдними вопросамъ».

Содержаніе программъ большею частью соотвѣтствуетъ программамъ высшей школы. Комиссія не считаетъ предлагаемый ею типъ программъ единственно возможнымъ. Она сознаетъ, что среди читателей есть потребность въ программахъ «болѣе общаго и элементарнаго характера». Современемъ комиссія выработаетъ и программу такого типа, а пока она употребила всѣ усилія для того, чтобы предлагаемыя ею программы были по возможности болѣе общедоступными. Для достиженія этой цѣли въ каждой программѣ указанъ лишь «тотъ необходимый минимумъ познаній, безъ усвоенія котораго нельзя познакомиться съ соотвѣтствующимъ отдѣломъ сколько-нибудь основательно». Всѣ книги, нужныя для этого, указаны на русскомъ языкѣ и почти всѣ онѣ будутъ доставляться читателямъ комиссіей на льготныхъ условіяхъ. Размѣръ чтенія разсчитанъ такъ, «чтобы каждый отдѣлъ могъ быть усвоенъ читателемъ въ четыре годичныхъ курса при среднемъ досугѣ и при *серьезной готовности работать*».

Издаваемыя ежегодно комиссіей «программы» состоятъ изъ нѣсколькихъ частей. *Первая* часть содержатъ программмы систематическаго чтенія по слѣдующимъ семи отдѣламъ наукъ: 1) науки математическія, 2) физико-химическія, 3) біологическія, 4) философскія, 5) общественно-юридическія, 6) исторія и 7) исторія литературы. Во *второй* части содержатся программы занятій по отдѣльнымъ наукамъ, «каждая изъ которыхъ не можетъ составить цѣлаго отдѣла. Въ *третьей* части помѣщаются программы для занятій по вопросамъ, «отчасти совершенно отдѣльнымъ отъ программъ систематическаго чтенія, отчасти же болѣе спеціальнымъ, чѣмъ эти программы, и составляющимъ къ нимъ «естественное дополненіе». По отдѣлу *философіи* комиссіей даны двѣ

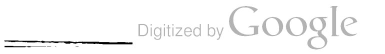
паралельныя программы на выборъ, одна, составленная проф. Н. Я. Гротомъ, и другая, составленная прив.-доц. А. С. Бѣлкинымъ. По программѣ Н. Грота второй годъ отводится изученію исторіи философіи, по программѣ г. Бѣлкина—психологіи съ эстетикой и, для желающихъ, съ педагогикой. По наукамъ *общественно-юридическимъ* программы второго года содержатъ общую теорію права, общія понятія о государственномъ устройствѣ и управленіи, современный политическій строй Россіи, исторію народнаго хозяйства Англіи. По исторіи—средніе вѣка, включая Возрожденіе и русскую исторію до смутнаго времени; по литературѣ всеобщей — средніе вѣка и Возрожденіе, русское народное творчество и искусство до Петра.—Изъ отдѣльныхъ наукъ для второй части «программы» выбрана этнографія: второй годъ отводится классификаціи и географическому распредѣленію инородческаго населенія Россіи.

## II. ИСТОРІЯ.

**Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества.** Томы 95—98. Спб. 1896.

Первый изъ вновь изданныхъ томовъ «Сборника» содержитъ дипломатическія сношенія Россіи съ Ногайскою и Крымскою ордою и съ Турціею при великомъ князѣ Василіѣ III. Представляя извѣстный интересъ для лицъ, спеціально занимающихся дипломатической исторіей Московской Руси, томъ этотъ не заключаетъ въ себѣ ничего общеинтереснаго. Гораздо болѣе привлекаетъ вниманіе томъ 96-й, который служитъ продолженіемъ обширной серіи донесеній, посылавшихся во Францію французскими посланниками при Петербургскомъ дворѣ XVIII-го вѣка. Въ этомъ томѣ мы находимъ переписку между маркизомъ Шетарди и французскимъ правительствомъ съ 1 мая до 28 ноября 1741 г. За это время на политическомъ горизонтѣ Западной Европы разразилась гроза войны за австрійское наслѣдство, вызванная хитросплетенной и обширной дипломатической интригой, въ которую впутана была и Россія; въ то-же время возгорѣлась русско-шведская война и дошли до крайнихъ предѣловъ нѣмецкій режимъ и забвеніе государственныхъ интересовъ при русскомъ дворѣ, вызвавшіе переворотъ 24 ноября, послѣ котораго престолъ перешелъ къ Елизаветѣ Петровнѣ. Донесенія Шетарди ярко и подробно, день за днемъ описываютъ всѣ эти событія и помогаютъ создать правильное представленіе о тогдашнихъ членахъ русскаго правительства. 97-й томъ представляетъ шестую часть «Дипломатической переписки Императрицы Екатерины II» и обнимаетъ 1769—1771 гг. Это—сухіе матеріалы для будущаго историка-спеціалиста. Самый выдающійся по своему значенію изъ всѣхъ чотырехъ томовъ — томъ 98-й, озаглавленный: «Матеріалы и черты къ біографіи Императора Николая I и къ исторіи его царствованія». Онъ изданъ подъ редакціей Н. Ѳ. Дубровина и распадается на двѣ части. Въ первой помѣщены матеріалы для біографіи и исторіи царствованія Николая, собранные барономъ М. Корфомъ, извѣстнымъ авторомъ книги «Восшествіе на престолъ императора Николая I». Матеріалы Корфа составили двѣ статьи, изъ коихъ одна сообщаетъ всѣ факты, какіе только можно было собрать о первыхъ двадцати годахъ жизни Николая Павловича и позволяетъ возстановить вполнѣ обстановку и вліяніе, подъ коими росъ будущій императоръ, а также шагъ за шагомъ прослѣдить исторію его духовнаго роста. Цѣнность этой статьи увеличивается тѣмъ обстоятельствомъ, что ее просматривали сестры Николая и его сынъ Александръ II и дѣлали къ ней свои примѣчанія, которыя всѣ также напечатаны теперь. Вторая статья озаглавлена «Императоръ Николай на совѣщательныхъ собраніяхъ». Извѣстно пристрастіе Николая I къ временнымъ, негласнымъ комитетамъ, засѣдавшимъ въ тиши дворца и обсуждавшимъ важнѣйшіе государственные вопросы. Внутренняя политика этого царствованія можетъ вполнѣ быть понята и оцѣнена только тогда, когда выяснится роль и предметы секретныхъ коммисій, а между тѣмъ мы до сихъ поръ знали про нихъ весьма мало. Статья барона Корфа въ значительной мѣрѣ пополняетъ этотъ существенный пробѣлъ. «Отъ времени назначенія меня, говоритъ Корфъ, въ 1831 году управляющимъ дѣлами комитета министровъ, я находился въ постоянныхъ и ближайшихъ сношеніяхъ съ дѣйствователями и двигателями закулиснаго міра, и почти всѣ главные государственные вопросы шли черезъ мои руки. Я, слѣдовательно, видѣлъ и слышалъ столько, сколько рѣдко кому другому удается увидѣть и услышать въ такой длинной послѣдовательности лѣтъ и дѣлъ. Теперь... я собралъ мои замѣтки и привелъ ихъ въ порядокъ». Нечего и говорить, какъ важны эти показанія компетентнаго очевидца. Что касается до второй половины 98-го тома, гдѣ помѣщены «Отчеты министровъ за двадцатипятилѣтіе царствованія Императора Николая I», то она по интересу значительно уступаетъ статьямъ Корфа: всѣ эти отчеты кратки и притомъ составлены въ обычномъ оффиціально-юбилейномъ тонѣ.

*Л. Грегуаръ.* **Исторія Франціи въ XIX вѣкѣ.** Т. III. Переводъ М. В. Лу-



чицкой подъ редакціей И. В. Лучицкаго. М. 1895 г. 698 стр. Ц. 4 р.

Въ третьемъ томѣ продолжается исторія Франціи до конца пятидесятыхъ годовъ. Авторъ этой книги не отличается ни даромъ художественнаго воспроизведенія драматическихъ событій, въ которыхъ выразилась борьба разнородныхъ соціальныхъ и политическихъ стремленій, ни способностью проникать въ ихъ истинный смыслъ. Излагая событія въ лѣтописной манерѣ и съ достаточной фактической полнотой, Грегуаръ разрѣшаетъ себѣ иногда и небольшія замѣчанія, въ которыхъ выражается критерій, при помощи котораго онъ производитъ надъ событіемъ свой судъ. Но это не судъ научно-философскій. Грегуаръ, повидимому, не подозрѣваетъ, что историческія событія подлежатъ суду съ точки зрѣнія верховныхъ идеаловъ человѣчества, вырабатываемыхъ метафизикой и этикой и находящихъ свое примѣненіе въ соціологіи и политикѣ. Онъ думаетъ, что достаточно бросить два-три замѣчанія, подсказанныхъ уличнымъ буржуазнымъ міросозерцаніемъ, и историческій судъ готовъ: читатель при помощи автора пробѣжитъ этотъ калейдоскопъ неожиданныхъ, странныхъ, нерѣдко нелѣпыхъ, повидимому, событій, и придетъ къ тому заключенію, что исторія есть лѣтопись безсмыслицъ и человѣческихъ глупостей. Совсѣмъ къ иному результату пришелъ-бы читатель, еслибы авторъ внесъ въ свой трудъ яркое сознаніе внѣвременныхъ и внѣмѣстныхъ идеаловъ. Тогда, въ свѣтѣ послѣднихъ, калейдоскопъ событій пересталъ-бы быть калейдоскопомъ и превратился-бы въ стройную, картину порываній народа къ тому, въ чемъ онъ видитъ идеальное.

*И. И. Пантюховъ.* **О пещерныхъ и позднѣйшихъ жилищахъ на Кавказѣ.** Тифлисъ 1896 г 142 стр. Ц. 1 р.

Содержаніе труда г. Пантюхова составляетъ обстоятельное описаніе пещеръ и искусственныхъ сооруженій, служившихъ жилищами обитателямъ Кавказа въ разные періоды исторіи и сохранившихся тамъ въ значительномъ числѣ, а также описаніе и характеристика разныхъ типовъ современныхъ жилищъ у кавказскихъ племенъ. Книга переполнена фактами и подробностями и заключаетъ въ себѣ много цѣннаго матеріала для изученія Кавказа въ археологическомъ и этнографическомъ отношеніяхъ. Къ ней приложены шестнадцать таблицъ рисунковъ, исполненныхъ, къ сожалѣнію, довольно грубо.

**Исторія Греціи со времени Пелопонесской войны.** Сборникъ статей. Переводъ подъ редакціей *Н. Н. Шамонина и Д. М. Петрушевскаго.* Выпускъ 1-й. М. 1896 г. Ц. 1 р. 75 к., стр. 451.

Это—вторая книга, вышедшая изъ серіи «Библіотека для самообразованія», издаваемой Коммиссіей по организаціи домашняго чтенія, состоящей при московскомъ обществѣ распространенія техническихъ знаній. Цѣль этой комиссіи, какъ извѣстно, «популяризація знаній, соединеніе общедоступности чтенія съ его серьезностью и основательностью». Отсюда цѣлый рядъ такихъ книгъ, каждая изъ которыхъ должна дать «необходимый минимумъ познаній» для ознакомленія съ даннымъ отдѣломъ. Что касается «Исторіи Греціи», то выборъ статей, взятыхъ изъ новѣйшихъ и лучшихъ историковъ, въ общемъ довольно удаченъ. Достигается и похвальное стремленіе издателей—затрогивать внѣшнюю исторію лишь по-стольку, по-скольку это необходимо для характеристики важнѣйшихъ моментовъ внутренней жизни грековъ. Нѣкоторыя пояснительныя примѣчанія и, главное, сопоставленія, въ извѣстныхъ мѣстахъ, различныхъ мнѣній о томъ или другомъ историческомъ явленіи, придаютъ книгѣ еще больше интереса. Такъ, напр., въ статьѣ «Отношеніе аѳинскаго демоса къ союзникамъ», по Ѳукидиду, есть маленькая характеристика этихъ отношеній и по Онкену. Въ статьѣ «Вражда партій въ Элладѣ», по Ѳукидиду, есть и взглядъ Грота о томъ-же предметѣ. Наконецъ, укажемъ на сопоставленіе мнѣній Ранке и Дройзена объ Александрѣ Великомъ и на мнѣніе Гольма при статьѣ Бабеша о греческихъ наемникахъ. Переводъ хорошъ и книга читается легко, за исключеніемъ нѣкоторыхъ мѣстъ (напр., начало 244 стр.). Внѣшность изданія вполнѣ на заграничный ладъ: бумага хорошая, переплетъ изящный.

Проф. *А. С. Алексѣевъ.* **Легенда объ олигархическихъ тенденціяхъ Верховнаго Тайнаго Совѣта въ царствованіе Екатерины II.** М. 1896 г. Ц 75 к.

Брошюра проф. Алексѣева представляетъ собою, по словамъ самого автора, «отдѣльный оттискъ» статей, напечатанныхъ имъ въ «Русскомъ Обозрѣніи». Эти статьи прошли незамѣченными, и та-же самая судьба ожидаетъ и ихъ «отдѣльный оттискъ».

Г. Алексѣева одолѣла смертная охота стать оригинальнымъ ученымъ. Въ этомъ отношеніи его собственная продуктивность ярко блеснула въ трактатѣ о Руссо... Теперь онъ рѣшилъ попробовать оригинальность своего таланта въ области исторической критики, придерживаясь самого простого способа: называть бѣлымъ то, что всѣми признано чернымъ. Всѣ изслѣдователи русскаго государственнаго права признаютъ Верховный Совѣтъ учрежденіемъ олигархическимъ и неправомѣрнымъ. Г. Алексѣевъ давно таилъ въ себѣ оригинальную

мысль--доказать, что такое общепринятое мнѣніе является заблужденіемъ. Появленіе книги г. Филиппова «Исторія Сената въ правленіе Верховнаго Тайнаго Совѣта и Кабинета» проф. Алексѣевъ призналъ подходящимъ случаемъ для печатнаго оглашенія своей оригинальной мысли, для которой нашлись свободныя страницы только въ одномъ «Русскомъ Обозрѣніи». 127 страницъ занялъ проф. Алексѣевъ для того, чтобы пробрать всѣхъ хулителей Тайнаго Совѣта, начиная съ покойнаго Градовскаго. Всѣхъ ихъ онъ разбиваетъ одной фразой: заблужденіе, неправда, клевета, — Верховный Совѣтъ учрежденіе самое правомѣрное. Жаль, что г. Алексѣевъ въ такомъ порядкѣ размышленій не остановился на заявленіи г. Милюкова о томъ, что «устройство Верховнаго Тайнаго Совѣта было первымъ шагомъ къ конституціонному проекту 1730 года».

## III. ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ.

**Физическая кристаллографія и введеніе къ изученію кристаллографическихъ свойствъ важнѣйшихъ соединеній** *П. Гротъ.* Перевелъ А. П. Нечаевъ, подъ редакціей проф. Ф. Ю. Левинсона-Лессинга. Часть I. Спб. Изданіе К. Л. Риккера. 1896. Цѣна за все сочиненіе (3 тома)—10 рублей.

Превосходная книга проф. П. Грота пользуется большою и вполнѣ заслуженною, по своимъ научнымъ достоинствамъ и строгой точности и ясности изложенія, извѣстностью среди всѣхъ, интересующихся кристаллографіей. Переводъ этого капитальнаго сочиненія на русскій языкъ чрезвычайно полезенъ, такъ какъ сдѣлаетъ его доступнымъ большому числу лицъ, недостаточно владѣющихъ иностранными языками. Теперь выпущена только первая часть, содержащая въ себѣ оптическія, термическія, магнитныя и электрическія свойства кристалловъ, дѣйствіе механическихъ силъ на кристаллы и молекулярное строеніе кристалловъ; части II и III печатаются, и въ непродолжительномъ времени выйдутъ въ свѣтъ. Переводъ вообще сдѣланъ весьма удовлетворительно, только въ иныхъ мѣстахъ приходится отмѣтить нѣкоторыя неловкія выраженія; напр. на стр. 192 напрасно, намъ кажется, употреблены выраженія «острѣе» и «тупѣе» (объ углахъ) вмѣсто «меньше» и «больше». Въ текстѣ первой части помѣщены 161 чертежъ; сдѣланы всѣ эти чертежи вполнѣ отчетливо; вообще, напечатана книга такъ-же хорошо, какъ и всѣ изданія К. Л. Риккера.

**Учебникъ ботаники для среднихъ учебныхъ заведеній.** *Н. Кричагинъ.* Съ 284 рисунками. Спб. Изданіе К. Л. Риккера. 1896. Цѣна 1 р. 60 к.

Матеріалъ этого учебника соотвѣтствуетъ требованіямъ примѣрной программы реальныхъ училищъ, но авторъ внесъ въ свою книгу нѣкоторыя особенности, которыя выгодно выдѣляютъ его изъ ряда учебниковъ, составляемыхъ часто по одному шаблону. Къ этимъ особенностямъ относятся многія подробности, введенныя въ отдѣлъ морфологіи цвѣтковыхъ растеній; напр., въ статьѣ о цвѣткѣ указаны способы защиты цвѣтени, отличительные признаки вѣтроцвѣтныхъ и насѣкомоцвѣтныхъ растеній, значеніе окраски, нектарниковъ, запаховъ и ароматовъ, и мн. другое. Составитель учебника руководствовался желаніемъ дать достаточный матеріалъ не только для изученія формъ растеній и ихъ системы,—чѣмъ обыкновенно и ограничиваются, какъ учебники, такъ и преподаватели,—но и для столь-же основательнаго ознакомленія учениковъ съ тѣми явленіями, которыми сопровождается жизнь растенія; только послѣ такого ознакомленія растеніе представится ученику не чѣмъ-то вродѣ музейнаго препарата, а живымъ организмомъ, живымъ и дѣятельнымъ созданіемъ природы. Конечно, для того, чтобы ботаника, въ системѣ предметовъ средней школы, выполнила свое образовательное назначеніе, преподаваніе ея должно быть основано на такомъ воззрѣніи,—и, по отношенію къ разсматриваемой книгѣ, можно пожалѣть только о томъ, что этотъ взглядъ не съ достаточной рѣшительностью проведенъ во всѣхъ отдѣлахъ учебника. Впрочемъ,—это, кажется, общее свойство всѣхъ хорошихъ русскихъ учебниковъ,—стремленіе непремѣнно удовлетворить требованіямъ существующихъ программъ парализуетъ добрыя намѣренія ихъ составителей. Поэтому и въ разсматриваемомъ учебникѣ отдѣлъ систематики растеній, хотя составленный удовлетворительно, стоитъ значительно ниже остальныхъ отдѣловъ. Изложеніе учебника, въ общемъ ясное и точное, иногда страдаетъ, однако, тѣми погрѣшностями, которыя столь обычны въ современномъ разговорномъ и даже литературномъ языкѣ, но которыхъ въ учебникѣ слѣдуетъ тщательно избѣгать. Замѣтимъ еще, что напрасно авторъ такъ упорно вездѣ называетъ тропическій поясъ тропиками.

*Владиміръ Вагнеръ*, прив. доцентъ Имп. Московскаго университета. **Вопросы зоопсихологіи.** Изд. Л. Ф. Пантелѣева. Спб. 1896 г. 255 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Изслѣдованія надъ проявленіями душевной жизни у высшихъ и нисшихъ животныхъ составляютъ одинъ изъ наиболѣе интересныхъ отдѣловъ зоологіи и имѣютъ весьма важное значеніе для изученія психологіи. Господствующимъ методомъ въ этой области донынѣ остается методъ



субъективный. Большинство наблюдателей объясняють дѣйствія животныхъ посредствомъ сравненія ихъ съ человѣческими поступками. Въ результатѣ даже нисшіе представители животнаго царства—безпозвоночныя—оказываются надѣленными въ избыткѣ высшими способностями человѣческой души. Другой, только-что нарождающійся, объективный методъ разбиваетъ эту иллюзію; онъ изучаетъ животное, какъ болѣе или менѣе сложный механизмъ, рѣжетъ его на части, чтобы изучить дѣйствія того или другого органа, и, въ результатѣ, взамѣнъ сложной психологіи остается на лицо рядъ простыхъ механическихъ дѣйствій, безъ всякаго признака сознательности. Авторъ—горячій сторонникъ метода объективнаго; онъ подвергаетъ субъективныя объясненія жестокой критикѣ. Важнѣйшій изъ его собственныхъ выводовъ—это ученіе о происхожденіи и взаимномъ соотношеніи инстинкта и разума; на его взглядъ, какъ инстинктъ, такъ и разумъ возникаютъ, какъ двѣ параллельныя, взаимно независимыя вѣтви. изъ одного корня—рефлекса. Въ общемъ книга г. Вагнера представляетъ собою довольно интересный и цѣнный научный трудъ.

*Чарльзъ Дарвинъ.* **Автобіографія.** Съ портретомъ Дарвина. Изданіе д-ра философіи М. Филиппова. Спб. 1896 г. 59 стр. Ц. 20 к.

Эта книжечка представляетъ третій выпускъ третьяго тома собранія сочиненій Дарвина, издаваемаго «докторомъ философіи» г. М. Филипповымъ. Мы не беремся судить теперь о томъ, насколько переводъ вѣренъ подлиннику. Но не можемъ не спросить доктора философіи, чѣмъ онъ руководился, предлагая, въ качествѣ поправки, выбросить на стр. 2-ой слово «марки» въ слѣдующемъ предложеніи: «Я пытался узнать названія растеній и собиралъ всякаго рода вещи: раковины, печати, марки, монеты, минералы». Передъ нами сочиненіе Фуллье: «Темпераментъ и характеръ». На стр. 149 русскаго перевода мы читаемъ о Дарвинѣ слѣдующее: «Онъ только имѣетъ природную склонность къ составленію коллекцій; онъ все распредѣляетъ въ порядкѣ: раковины, почтовыя марки, медали (вмѣсто «печатей» доктора философіи), минералы». Ясно, что въ англійскомъ подлинникѣ есть слово марки. Конечно, марки—пустякъ даже и нѐ съ докторской точки зрѣнія. Но что, если такой докторской операціи подвергнуты въ переводѣ вещи поважнѣе марокъ?..

Біографія Дарвина настолько общеизвѣстна, что мы не будемъ здѣсь заниматься ею. Отмѣтимъ только любопытный фактъ, который можно найти въ біографіи любого даровитаго человѣка, именно отношеніе школы къ даровитому ученику, и наоборотъ. Авторъ «Войны и Мира» получилъ на экзаменѣ единицу изъ исторіи. Бѣлинскій былъ исключенъ изъ университета за неспособность. Дарвина считали дюжиннымъ мальчикомъ, самъ Дарвинъ признается, что къ «наукамъ» школьнымъ питалъ отвращеніе. Лекціи по геологіи кажутся ему столь скучными, что онъ даетъ клятву никогда не читать ни одной книги по геологіи! Отецъ однажды замѣтилъ Дарвину: «Ты ни о чемъ не думаешь, какъ только объ охотѣ, о собакахъ и о ловлѣ крысъ. Ты будешь позоромъ и для самого себя, и для всей твоей семьи». Отецъ Дарвина и не подозрѣвалъ, что охота, собаки и ловля крысъ, ставившія его сына лицомъ къ лицу съ природой, имѣли гораздо болѣе воспитательнаго значенія для него, нежели мертвенныя школьныя науки. А путешествіе на кораблѣ *Бигль* не могло бы быть замѣнено съ равной пользой и десятью университетами.

Мнѣніе о дюжинности Дарвина навѣяно было, вѣроятно, своеобразнымъ складомъ его ума. Самъ Дарвинъ такъ характеризуетъ свои умственныя способности. «Я не обладаю такой быстротою схватыванія или такимъ остроуміемъ, которое такъ замѣчательно у многихъ способныхъ людей, напр., у Гексли. Я поэтому очень плохой критикъ. Впервые прочитанная статья или книга, вообще, возбуждаетъ мое восхищеніе, и лишь послѣ значительнаго размышленія я замѣчаю слабые пункты. Моя способность слѣдить за продолжительнымъ и чисто отвлеченнымъ ходомъ мыслей очень ограничена; поэтому я никогда не могъ-бы имѣть успѣха въ метафизикѣ или математикѣ. Память у меня обширная, но непрочная: она достаточна для того, чтобы сдѣлать меня осторожнымъ, смутно подсказывая мнѣ, что я наблюдалъ или прочелъ нѣчто противоположное выводимому мною заключенію, или, съ другой стороны, нѣчто въ его пользу. По истеченіи нѣкотораго времени, я, вообще говоря, могу вспомнить, гдѣ искать необходимое подтвержденіе. Такъ слаба въ извѣстномъ смыслѣ моя память, что я никогда не былъ способенъ помнить долѣе, чѣмъ въ теченіе нѣсколькихъ дней, хотя-бы единственное хронологическое показаніе или строчку стиховъ».

## IV. ПОПУЛЯРНЫЯ ИЗДАНІЯ, ДѢТСКІЯ И НАРОДНЫЯ КНИГИ.

**Столѣтіе оспопрививанія 1796—1896. Эд. Дженнеръ и его жизнь.** Общедоступная лекція д-ра *М. К. Бурды.* Одесса. 1896.

**Луи Пастеръ. Его жизнь и открытія.** Общедост. лекція д-ра *М. К Бурды*. Одесса.

Мысль д-ра Бурды изложить въ *общедоступной* формѣ жизнь и дѣятельность двухъ такихъ выдающихся людей, какъ Дженнеръ и Пастеръ, заслуживаетъ полнаго сочувствія. Но относясь съ глубокимъ сочувствіемъ и интересомъ къ самой мысли автора, мы не можемъ не досадовать на то, что она выполнена такъ неудачно, что на ряду съ неточными свѣдѣніями о самомъ главномъ встрѣчаются совершенно ненужныя и лишнія подробности, что языкъ брошюры вовсе не даетъ права называть ее «общедоступной». Подтвердимъ свою мысль разборомъ обоихъ произведеній.

«Въ средніе вѣка», пишетъ авторъ, «въ нѣкоторыхъ областяхъ почти весь народъ заболѣвалъ (оспой) и умиралъ по 80 процентовъ». (I, стр. 4). Выраженіе неточное: весь народъ «умирать по 80 процентовъ» не можетъ. Въ Африкѣ и Австраліи теперь еще оспа очень страшна: «тутъ уже *куда* оспа заберется, *то* умираетъ поголовно все населеніе». Отдѣлка слога изумительная! «Извѣстно, что наилучшимъ *товаромъ* (sic.) для гаремовъ были черкешенки...» Это къ чему-же сообщать простому народу? Для развитія его, чтобы простонародье города Одессы, безъ того славящагося своимъ вывозомъ дѣвушекъ въ Турцію, могло почерпнуть съ каѳедры «городской аудиторіи для народныхъ чтеній» полезныя свѣдѣнія для болѣе цѣлесообразнаго направленія своей дѣятельности? Во всякомъ случаѣ, мы думаемъ, что и безъ этого поучительнаго, но неумѣстнаго извѣстія можно было-бы сказать, что на востокѣ предохранительныя прививки отъ безобразящей красоту оспы — давно уже получили распространеніе. «Эдуардъ Дженнеръ родился въ 1742 году въ мѣстечкѣ Бесклей въ Англіи. Отецъ его былъ пасторомъ, мать вскорѣ умерла послѣ его появленія на свѣтъ» (стр. 6). Вслѣдствіе своеобравности слога г. Бурды можно подумать, что мать Дженнера умерла вскорѣ послѣ рожденія его отца, и стало быть Дженнеръ фактически не могъ явиться на свѣтъ. «Тихо и мирно текла жизнь Дженнера *въ деревнѣ, не знавшаго* еще тревогъ» (7). Хорошій порядокъ словъ! «На 39 году отъ рожденія Дженнеръ женился и былъ очень счастливъ въ своей семейной жизни. Открытіе свое Дженнеръ сдѣлалъ не сразу». Какое такое открытіе? конечно спроситъ читатель, имѣющій полное право предположить, что вопросъ идетъ о какомъ-либо семейномъ событіи. Оказывается, однако, что это и есть открытіе оспопрививанія, и что разсказъ о немъ начинается на той-же строкѣ, гдѣ только что сообщено свѣдѣніе о бракѣ, только такъ себѣ, случайно...

Въ повѣствованіи о Пастерѣ тѣ-же недостатки. «Пастеръ показалъ, что онъ обладаетъ необычайной пытливостью ума. Онъ первый нашелъ также, что плѣсень можетъ жить на чисто минеральной почвѣ» (II, 5). Логическая ошибка состоитъ въ томъ, что второе предложеніе есть одно изъ доказательствъ того, что выражено въ первомъ. Между тѣмъ они по внѣшней формѣ равносильны и соединены даже словомъ «также»! «Хирургъ Листеръ *изобрѣлъ свой* (?) способъ противогнилостнаго лѣченія ранъ — антисептику, *который* (?) *состоитъ въ слѣдующемъ*: наше тѣло защищено кожей и слизистыми оболочками противъ вторженія болѣзнетворныхъ зародышей... (стр. 12). Слѣдуетъ описаніе не лѣчебнаго способа Листера, а его основанія, а потому слова «*который состоитъ въ слѣдующемъ*» совершенно неумѣстны. Далѣе сказано: «Листеръ придумалъ (?) свой способъ лѣченія и *дѣланіе* (!) операцій такъ, чтобы не пустить этихъ микроорганизмовъ въ наше тѣло...»

Не будемъ дѣлать дальнѣйшихъ выписокъ; и приведенныхъ, думается намъ, достаточно, чтобы составить опредѣленное мнѣніе о лекціяхъ г. Бурды. Для кого онъ писалъ и читалъ ихъ? Мы увѣрены, что простой народъ при слушаніи ихъ могъ еще меньше усвоить, чѣмъ при чтеніи, и потому приходится заключить, что «общедоступныя» лекціи г. Бурды отличаются тѣмъ, что онѣ вовсе не общедоступны. Простому народу онѣ непонятны, а людямъ образованнымъ не даютъ ничего новаго.

**Карлъ Великій** *С. Р.* (45 стр.) и **Заселеніе Новороссійскаго края и Потемкинъ.** *Д. И. Миллера.* (47 стр.). Изданія Харьковскаго общества распространенія въ народѣ грамотности. Харьковъ. 1895 г.

Оба очерка поразительно сходны, какъ по методу изложенія, такъ и по языку. Первый состоитъ изъ слѣдующихъ главъ: 1) какъ жили древніе германцы; 2) переселеніе древнихъ германцевъ; 3) древніе франки; 4) какъ Карлъ Великій правилъ франками; 5) какимъ человѣкомъ былъ Карлъ. Содержаніе второго по главамъ: 1) новороссійскія степи; 2) татары; 3) первые поселенцы; 4) Потемкинъ. Какъ видно изъ этихъ оглавленій, содержаніе этихъ небольшихъ очерковъ очень разнообразно. Написаны они тѣмъ простымъ безыскуственнымъ языкомъ, который съ такой охотой читается и легко понимается народомъ. Благодаря этому, очерки прочтутся съ интересомъ и не безъ пользы. Считаемъ необходимымъ замѣтить, что разносторонность является достоинствомъ постолько, посколько способствуетъ оживленію географическаго или историческаго матеріала,

но въ большинствѣ случаевъ въ народныхъ изданіяхъ, за отсутствіемъ мѣста, разносторонность ведетъ къ поверхностности и разбросанности. Вообще взглядъ, что слѣдуетъ давать «обо всемъ понемножку» нѣсколько устарѣлъ. Теперь краткія и разнообразныя свѣдѣнія получаются въ народной школѣ и желательно было-бы, чтобы въ книгахъ для народа, да еще съ научнымъ содержаніемъ, народъ могъ-бы получать уже болѣе серьезныя и полныя знанія, которыя служатъ пополненіемъ, а не только повтореніемъ школьныхъ свѣдѣній.

**О популяризаціи гигіеническихъ свѣдѣній среди населенія.** Д-ра *Д. П. Никольскаго.* Спб. 1896 г. (41 стр.).

Эта брошюра знакомитъ насъ съ судьбою вопроса о популяризаціи гигіеническихъ свѣдѣній среди населенія. Мы знаемъ отсюда, когда и какъ впервые возникъ вопросъ о необходимости гигіеническихъ свѣдѣній среди народа, узнаемъ, что съ легкой руки новгородскаго земства въ 1873 г. этотъ вопросъ неоднократно возникалъ и обсуждался, какъ съѣздами, такъ и отдѣльными лицами. Къ сожалѣнію, судьба этихъ обсужденій почти во всѣхъ случаяхъ крайне печальна: то неизвѣстны результаты ходатайствъ съѣздовъ врачей и земскихъ управъ, то самый вопросъ о преподаваніи гигіены въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ рѣшается на съѣздахъ отрицательно большинствомъ голосовъ (III и V петербургскіе съѣзды). Брошюра Д. П. Никольскаго представляетъ безусловный интересъ не только, какъ характеристика даннаго вопроса, но и какъ глубоко поучительная страничка изъ исторіи нашей культуры, и можно только послать сердечное спасибо тому, кто пытается рисовать передъ публикой эти странички, такъ какъ сами, безъ этихъ указаній, мы не замѣтимъ и не сознаемъ многаго, а сознаніе первый шагъ къ исправленію.

*Авенаріусъ, В. П.* **Васильки и колосья.** Очерки и разсказы для юношества. Съ 22 портретами и рисункали. Изд. 2-е. Изданіе П. В. Луковникова. 308 стр. Спб. 1896. Ц. 1 р. 25 к.

Книга г. Авенаріуса, выходящая вторымъ изданіемъ, заслуживаетъ вниманія по своей содержательности и простотѣ изложенія, не имѣющаго ничего общаго съ притворнымъ наивничаніемъ, являющимся сплошь и рядомъ специфическою особенностью книгъ для «дѣтскаго» чтенія. Очерки «Дѣтскіе годы Моцарта», біографія Лермонтова, «Чѣмъ былъ для Гоголя Пушкинъ» и пр. могутъ быть прочтены съ пользою и взрослыми, хотя авторъ, ограничиваясь чисто компилятивною ролью, повторяетъ нѣкоторыя критическія оцѣнки, — какъ напр. о дѣятельности Гоголя въ послѣднемъ періодѣ—не принимая въ соображеніе существенныхъ разногласій, возникшихъ въ области этихъ вопросовъ. Въ книгахъ подобнаго рода слѣдовало бы воздерживаться отъ односторонняго изложенія спорныхъ воззрѣній.

*Пріоровъ, М. К.* **Дворняшка.** Разсказъ для дѣтей. Съ рисунками. Изданіе А. Д. Ступина. Москва. 1896. 48 стр. Ц. 50 к.

Ливретку Катишь увезли фургонщики. Дворняшка Мурзикъ помогъ ей спастись бѣгствомъ. Онъ привелъ ее къ пустой бочкѣ, которую называлъ своей дачей, накормилъ хлѣбомъ и «кстати» прочелъ лекцію о томъ, какъ производится хлѣбъ. Затѣмъ герой Мурзикъ попалъ со своей подругой на пожаръ, гдѣ спасъ дворовую собаку, забытую на цѣпи въ будкѣ, перегрызя кожаный ошейникъ. Подвиги свои Мурзикъ завершилъ тѣмъ, что проводилъ Катишь къ ея дому. Исторія эта изложена плохими стихами, весьма чувствительно и съ поползновеніемъ на назидательность; помимо «недочета въ риѳмахъ», размѣръ въ стихахъ во многихъ мѣстахъ несоблюденъ. Жаль красиваго изданія и недурныхъ картинокъ, иллюстрирующихъ эти вирши.

*И. М. Радецкій.* **За дѣтей.** Сборникъ статей и замѣтокъ по вопросамъ призрѣнія, воспитанія и защиты молодого поколѣнія. Ц. 1 р. 30 к. Одесса. 1896 г.

Книга издана съ благотворительною цѣлью: чистый доходъ отъ продажи ея предназначается на устройство сельско-хозяйственной и ремесленной колоніи для уличныхъ и безпризорныхъ дѣтей. Назначеніе книги, конечно, очень симпатично, тѣмъ болѣе, что и авторъ ея въ достаточной степени зарекомендовалъ себя своею энергичною дѣятельностью въ пользу бѣдныхъ дѣтей. Надо сознаться, что общество относится къ положенію дѣтей бѣдняковъ съ небрежностью, по-истинѣ преступною; всѣ знаютъ, какое безобразное зрѣлище представляютъ въ большихъ городахъ, такъ называемыя, уличныя дѣти, несчастныя и развращенныя съ самаго нѣжнаго возраста, подающія всѣ надежды сдѣлаться впослѣдствіи преступниками по-неволѣ или по влеченію. Это—не вопросъ благотворительности и состраданія, это—одинъ изъ важнѣйшихъ общественныхъ вопросовъ, а всякая попытка къ рѣшенію его хотя-бы въ самомъ маломъ объемѣ заслуживаетъ общаго вниманія и поддержки. Самый сборникъ „За дѣтей“ содержитъ въ себѣ немало интереснаго.

# Книги, поступившія для отзыва въ редакцію «Сѣвернаго Вѣстника» втеченіе августа мѣсяца.

**Алексѣевъ П. С.** Чѣмъ помочь великому горю? Какъ остановить пьянство? Москва, 1896. Ц. $1^1/_2$ к.

**Базилевскій М.** Соломонъ бенъ-Исаакъ, называемый Раши. Его жизнь и литературная дѣятельность. Одесса, 1896. Ц. 15 к.

Балансъ кустарно-промышленнаго банка Пермскаго губернскаго земства на 1-е іюля 1896.

**Бернацкій А. А.** Кустарно-промышленныя товарищества и артели въ Пермской губерніи. Пермь. 1895.

Бесѣды дѣдушки Пахома о худой болѣзни. Спб., 1896. Ц. 10 к.

**Буржэ, Поль.** Трагическая идиллія. Романъ. Одесса, 1896. Ц. за 2 томика 50 к.

**Вахтеровъ В. П.** Внѣшкольное образованіе народа. (Сельская библіотека, книжные склады, воскресныя школы и повторительные классы). Москва, 1896. Ц. 1 р.

**Г. Б. К.** Къ вопросу о денежной реформѣ, Одесса, 1896.

**Г. Б. К.** Возникновеніе кризиса. (Соображенія сельскаго хозяина). Одесса, 1896.

— Перепроизводство, Одесса, 1896.

**Голубевъ, П.** Историко - статистическій сборникъ свѣдѣній по вопросамъ экономическаго и культурнаго развитія Вятскаго края. Изд. Вятскаго губернскаго земства. Вятка, 1896 г.

**Горбуновъ-Посадовъ И.** Милосердные звѣри. разсказъ. Москва, 1896. Ц. $1^1/_2$ к.

**Горскій-Платоновъ.** Отрывки изъ «Скорбной Лѣтописи» Городскаго Головы. Вып. первый. Сергіевъ Посадъ, 1894.

**Г. Р.** Разсказы о Литвѣ и Литовцахъ. Москва, 1896. Ц. 15 к.

**Гурвичъ И.** Экономическое положеніе русской деревни. Переводъ съ англійскаго А. А. Санина. Москва, 1896. Ц. 1 р. 25 к.

**Дарвинъ-Чарльзъ.** Путешествіе на кораблѣ «Бигль». Изд. д-ра философіи М. Филиппова. Вып. II (Окончаніе). Спб., 1896.

**Демянскій В. В.** О первоначальномъ преподаваніи игры на фортепьяно въ семьѣ. Спб., 1896. Ц. 20 к.

**Джевонсъ В. Ст.** Металлическія деньги. Переводъ А. С. Зака. Одесса, 1896. Ц. 30 коп.

**Джеромъ К. Джеромъ.** Втроемъ по Темзѣ. Переводъ съ англійскаго Н. Ж. Спб., 1896. Изд. М. М. Ледерле.

**Джерройльдъ Д. У.** Тридцать шесть поученій моей благовѣрной. Переводъ съ англійскаго Вл. Ив. Штейна. Спб. 1896. Ц. 1 р. 50 к.

**Диккенсъ Ч.** Страшныя видѣнія. Перев. съ англійскаго В. С. Толстой. Москва, 1896. Ц. 6 к.

Доклады Тульской губернской земской управы XXXI-ому очередному губернскому земскому собранію. Тула, 1896.

**Е. Б.** Сирота въ неволѣ. М. 1896. Ц. 3 к.

**Елинъ И.** О разведеніи ягодныхъ кустовъ въ крестьянскихъ огородахъ. Москва, 1896. Ц. $1^1/_2$ к.

**Желтовъ Ѳ. и Козыревъ.** На сходкѣ. Школа. Москва, 1896. Ц. 3. к.

Журналы Тульскаго губернскаго земскаго собранія XXXI очередной сессіи (6—19 февраля 1896 года). Тула, 1896.

Журналы Вятскаго губернскаго земскаго собранія XXIX очередной сессіи и приложенія къ нимъ (Съ 17-го по 21-е декабря 1895 г.). Томъ II. Вятка, 1896 г.

Журналы Вятскаго губернскаго земскаго собранія XXIX очередной сессіи и приложенія къ нимъ (Съ 2-го по 16-е декабря 1895 г.). Томъ I. Вятка, 1896.

Земледѣльческія артели Херсонской губерніи. Спб. 1896.

Земскій сборникъ Черниговской губерніи, 1896 г. № 6. Іюнь. Изданіе Черниговской губернской земской управы. Годъ двадцать восьмой. Черниговъ, 1896.

Исторія Греціи со времени пелопонесской войны. Сборникъ статей, переводъ подъ редакціей Н. Н. Шамонина и Д. М. Петрушевскаго. (Библіотека для самообразованія), выпускъ второй. Москва 1896. Ц. 1 р. 75 коп.

**Іорданскій Н.** Краткій историческій очеркъ дѣятельности общества распространенія начальнаго образованія въ Нижегородской губерніи 1872—1895. Казань, 1896.

**Кадельбургъ Г.** Эльза, повѣсть. Перев. Ал. Погодина. Спб., 1896. Ц. 80 к.

**Хаваленко, Григорій.** Какъ лѣчить раны. Москва, 1896. Ц. $1^1/_2$ к.

Краткій обзоръ дѣятельности Министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ за второй годъ ея существованія. Спб. 1896.

**Кремлевъ, Ан. Н.** С.-Петербургскій общественный театръ. Проэктъ, 1896 г.

**Криштафовичъ Н.** Ежегодникъ по геологіи и минерологіи Россіи. Томъ I, вып. I, (вторая половина). Варшава, 1896. Ц. 2 р.

**Лексисъ В.** Штидъ В., Геркнеръ Г., Крюгеръ Г., Зомбартъ В., Кольманъ П., Мейеръ Р. Промышленность (статьи изъ Handwörterbuch der Wissenschaften Переводъ съ нѣм. Изд. **М.** и **Н. Водовозовыхъ** Москва 1896 г. Ц. 1 р. 50 коп.

**Литвинскій, П. А.** Домашній уходъ за учащимся ребенкомъ. Спб., 1896. Ц. 50 к.

**Лукьянская В.** Маленькій оборвышъ. Москва, 1896. Ц. 3 к.

**Львова А. Д.** Водоросли. Новый сборникъ стихотвореній. Спб., 1896. Ц. 1 р. 75 к.

**Мартьяновъ П. К.** Дѣла и люди вѣка. (отрывки, статьи и замѣтки). Томъ Ш. Спб., 1896. Ц. 1 р. 50 к.

**Менгеръ А.** Общественныя задачи правовѣдѣнія. Изданіе I. Юровскаго. Спб., 1896. Ц. 15 к.

Наставленіе о томъ, какъ получить ссуду изъ кустарно-промышленнаго банка Пермскаго губ. земства. Второе изданіе. Пермь. 1896.

Наши азіатскіе сосѣди Китайцы. Изданіе „Народной библіотеки". В. Н. Маракуева. Одесса, 1896. Ц. 25 к.

**Вас. Немировичъ-Данченко.** Просвѣтъ, четыре разсказа. Спб., 1896. Ц. 1 р.

Обновленное Министерство и Сельскохозяйственный кризисъ. Спб., 1896. Ц. 50 коп.

**Образцовъ А.** Просвѣтительные завѣты Я. А. Коменскаго и ихъ современное значеніе. Спб.. 1896. Ц. 40 к.

Общедоступная техническая энциклопедія подъ редакціею Н. Песоцкаго въ 10 томахъ, томъ 1-й.

**Острогорскій, Александръ.** Низшія учебныя заведенія. Комиссія по устройству педагогическаго отдѣла М. Н. П. на всероссійской художественно - промышленной выставкѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ.

Отчетъ Тульской губернской земской управы за 1893 годъ. Тула, 1894.

Отчетъ о дѣйствіяхъ Тульской губернской земской управы за 1895 г. по постройкѣ новыхъ мощенныхъ путей. Тула, 1896 г.

Отчетъ Баргузинской общественной библіотеки за 1895 г. Иркутскъ, 1896 г.

Отчетъ о капиталахъ и оборотахъ кустарно-промышленнаго банка Пермскаго земства за 1894 и 1895. Составлена правленьемъ банка. Пермь 1895. 1896.

Отчетъ Совѣта общества любителей изслѣдованія Алтая за 1895 г. Томскъ, 1896 г.

Отчетъ Тульской губернской земской управы за 1894 г. Тула, 1895 г.

Отчетъ Тульской губернской земской управы о ея дѣйствіяхъ съ 1 октября по 1 ноября 1895 г. Тула, 1896.

Отчетъ Тверской губернской земской управы о взаимномъ земскомъ отъ огня страхованіи за 1895 годъ. Тверь, 1896 г.

Памятная книжка Тульской губерніи на 1895 годъ. Изд. Тульскаго губернскаго Статистическаго комитета. Подъ редакціею В. Ю. Фере. Тула. 1895.

Памятная книжка Тульской губерніи за 1893 г. Изданіе Тульскаго губернскаго статистическаго комитета. Тула, 1893 г.

Протоколы засѣданій V съѣзда земскихъ врачей Тульской губерніи, съ 31 мая по 8-е іюня 1894 г., съ приложеніями. Тула, 1894 г.

Протоколы засѣданій съѣзда земскихъ страховыхъ агентовъ Тверской губерніи (5—12 марта 1895 г.). Тверь, 1896.

Полтавское губернское земское собраніе XXXI-го очереднаго созыва. Полтава, 1896.

**Проф. Оршанскій И. Г.** Законы наслѣдственности. Съ предисловіемъ проф. Цезаря Ломброво. Харьковъ, 1896.

**Пэнъ С.** Моисей Маймонидъ, его жизнь и дѣятельность. Одесса, 1896. Ц. 15 к.

**Роденъ Э.** Взбалмошная головка. Переводъ съ нѣмецкаго А. Д. Михайловой. Изд. Ледерле. Спб. 1896. Ц. 80 коп.

**Рубинскій А.** Руководство къ посѣву, уходу, уборкѣ, обмолоту и сохраненію сѣяпныхъ травъ. Москва, 1896. Ц. 3 к.

Сельскохозяйственный обзоръ Тульской губерніи за 1892 г. Вып. первый съ картограммою. Изд. Тульскаго губернскаго земства. Тула, 1896.

**Сергѣевъ С.** Русскій рубль. (вып. 4-й). Одесса, 1896. Ц. 40 к.

**Тамбовскій А.** Анакреонтъ, Первое полное собраніе его сочиненій въ переводахъ русскихъ писателей. Изд. М. М. Ледерле. Спб., 1896. Ц. 60 к.

**Толстой Л. Н** Богу или Маммонѣ. Москва, 1896. Ц. $1^1/_2$

**Черняевъ М.** Разсказы объ Австраліи и Австралійцахъ. Москва, 1896. Ц. 20 к.

Что читать дѣтямъ до школьнаго возраста, руководящая статья и каталогъ, составленные особою комиссіею. Спб., 1896. Ц. 30 к.

**Шахрай Л. М.** Моисей Мендельсонъ, его жизнь и дѣятельность. Изд. книжн. магазина Я. Х. Шермана, Одесса, 1896. Цѣна 15 к.

**Шенбахъ А.** Государственный строй Сѣверо-амер. соединенныхъ штатовъ. Третье изданіе. Изданіе I. Юровскаго. Цѣна 15 к. Спб., 1896.

**Шиманскій Ф. С.** Статистическій обзоръ Саратовской губерніи и отчетъ губернскаго статистическаго комитета за 1895 г. Изд. Саратов. статистич. комитета. Саратовъ, 1896.

**Штейнгауэръ И. С.** Первые уроки географіи. Спб. 1896. Ц. 40 коп.

**Щегловъ Иванъ.** Дачный мужъ. Второе дополненное изданіе. Спб. 1896. Ц. 1 р.

водство къ набивкѣ чучелъ, собиранію насѣкомыхъ и т. д. Состав. по Карлу Глазелю. Изд. 2-е. Ц. 40 к.

Д. Прянишниковъ, профессоръ.—Кормовыя травы. Съ рис. Ц. 8 к.

П. Пахомовъ.—Выборъ молочнаго скота и наиболѣе важныя породы его. Съ 6 рис. Ц. 10 к.

Токмаковъ И. Ѳ.—Историческое описаніе Коронацій Россійскихъ Царей, Императоровъ и Императрицъ. Ц. 75 к. на велен. бум. 1 р. 50 к.—О священномъ короновании русскихъ Царей. Ц. 3 к.

Смирновъ В. В.—О внутренности земли. Съ 51 рис. Ц. 80 к.

Фугельзангъ Эр.—Комнатная выгонка гіацинтовъ. Ц 5 к.

---

**Книжный магазинъ К. И. Тихомирова (Москва, Кузнецкій мостъ) высылаетъ по требованію всѣ имѣющіяся въ продажѣ книги, кѣмъ-бы то ни было изданныя, по цѣнамъ, объявленнымъ издателями.**

---

СЪ 1 ОКТЯБРЯ 1896 ГОДА БУДЕТЪ ИЗДАВАТЬСЯ

ВЪ Г. ОМСКѢ

ПОЛИТИЧЕСКО-ОБЩЕСТВЕННАЯ

и

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

# „СИБИРЬ"

ПОСВЯЩЕННАЯ ИНТЕРЕСАМЪ СИБИРИ И СОПРЕДѢЛЬНЫХЪ СЪ НЕЮ МѢСТНОСТЕЙ.

## ПРОГРАММА.

1) Телеграммы Россійскаго Агентства. 2) Передовыя статьи. 3) Хроника мѣстной жизни. 4) Корреспонденціи. 5) Статьи по различнымъ вопросамъ, относящимся до тѣхъ мѣстностей, которымъ посвящена газета. 6) Сообщенія по дѣламъ общественныхъ управленій. 7) Переселенческое дѣло. 8) Школьное дѣло. 9) Извѣстія о дѣятельности ученыхъ и благотворительныхъ обществъ. 10) Судебная хроника, безъ обсужденія рѣшеній. 11) Торгово-промышленный отдѣлъ. Извѣстія и справочныя свѣдѣнія по всѣмъ родамъ торговли и промышленности. Рыночныя цѣны. Биржевые бюллютени. 12) Внутреннее обозрѣніе. 13) Заграничное обозрѣніе. 14) Фельетонъ. 15) Разныя извѣстія. Мелочи. 16) Объявленія.

Срокъ выхода 3 раза въ недѣлю.

**ПОДПИСНАЯ ЦѢНА**: на годъ семь рублей, на полгода четыре рубля и на три мѣсяца два рубля.

**ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ** въ г. Омскѣ, въ конторѣ редакціи, и въ собственной библіотекѣ.

Редакторъ-издатель *К. П. Михайловъ*.





